М. М. Смирин

К истории раннего капитализма

в германских землях

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

М. М. СМИРИН

К ИСТОРИИ РАННЕГО КАПИТАЛИЗМА В ГЕРМАНСКИХ ЗЕМЛЯХ

(XV–XVI вв.)

УРАЛЬСКИЙ ГОСУНИВЕРСИТЕТ
ИМ. А. М. ГОРЬКОГО
КНИГА ПОЛУЧЕНА В ДАР
ОТ Щербаковой Н. Ф.
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА · 1969

ВВЕДЕНИЕ

Под ранним капитализмом мы понимаем этап экономической истории страны, когда в недрах феодального строя, в условиях господствующих феодальных производственных отношений, происходит процесс зарождения и развития элементов капиталистического производства, процесс, знаменующий собою начало переворота в общественном способе производства, борьбы двух антагонистических формаций. Темпы борьбы, формы участия в ней разных социальных групп, время, когда она принимает открытый характер, так же как и результаты, к которым она приводит, зависят от ряда конкретных обстоятельств, требующих специального изучения. Необходимо, однако, подчеркнуть, как неоднократно указывали К. Маркс и Ф. Энгельс [1], что речь идет о борьбе элементов новой зарождающейся капиталистической формации со старой феодальной формацией, что характерное для этого этапа развития наличие ряда переходных состояний и форм не означает возникновения какой-то новой стадии, нового промежуточного способа производства, не являющегося ни феодальным, ни капиталистическим. Представление же о характере переходной стадии между феодализмом и капитализмом как о новом промежуточном способе производства заслонило бы от нас главное содержание этого исторического периода — острую социальную борьбу, в которой он протекает, и ее движущие силы. Переходный характер форм раннего капитализма заключался в том, что пробивающим себе дорогу новым капиталистическим элементам приходилось действовать в контакте со старыми феодальными силами, что сама борьба между ними происходила в обстановке постоянного взаимодействия; капиталистическим элементам приходилось утверждаться в условиях господства феодального строя, в то время как феодалы стремились подчинить новые производительные силы, удерживать их в рамках служения феодальному строю.

Сложный характер социальной борьбы этапа раннего капитализма выражается и в том, что в моменты наиболее острых

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 26—36, 49—69, т. 21, стр. 406—416, т. 23, стр. 752—770, т. 25, ч. 2, стр. 377—379, К. Маркс. Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie, M., 1939.

В настоящей книге прослеживается процесс превращения простого товарного производства в капиталистическое, возникновения и распространения различных форм предпринимательства и вытеснения мелких самостоятельных производителей. На материалах горной промышленности автор выясняет особенности раннего капитализма в Германии, развивавшегося в условиях нарастания сеньориальной реакции в деревне, политической раздробленности и усиления территориально-княжеского режима. Значительное внимание уделено движению горнорабочих накануне и во время Великой Крестьянской войны и, в этой связи,— деятельности Томаса Мюнцера и характеру социально-политической программы Михаила Гайсмайера.

80 79

1-6-3
72—1969(1)

Кабинет нотабий
г. Екатеринбург

схваток главных борющихся сил на арену выступали наемные рабочие и разорившиеся мелкие производители. Подвергаясь в переходную эпоху двойному гнету, эта пестрая масса пролетаризирующихся и пролетаризировавшихся прослоек становилась важной грозной силой антифеодального лагеря. Однако значение этой силы и роль, которую ей приходилось играть в классовой борьбе того времени, зависели от обстановки, прежде всего от положения крестьянских масс, от общих экономических социальных и политических позиций феодалов в данной стране. [1]

В конкретных условиях Германии период раннего капитализма отличался рядом особенностей. Свою книгу «Крестьянская война в Германии» Ф. Энгельс начинает с характеристики экономического подъема в Германии на рубеже XV и XVI веков. Возвращаясь в других работах и письмах к этому вопросу, Ф. Энгельс пояснял, что основным фактом этого подъема, определившим характер всего народного движения эпохи Реформации, была первенствующая роль Германии в горной промышленности Европы. Экономический подъем, бурно проявившийся с 70-х годов XV в., сменился уже во второй половине XVI в. начинавшимся длительным периодом стагнации и ослабления темпов развития, когда стали определяться результаты как феодальной реакции после Крестьянской войны, так и нового направления мировых торговых путей [2]. Определившийся на рубеже XV—XVI вв. процесс превращения простого товарного производства в капиталистическое оставался незавершенным, а это серьезно осложняет задачу его изучения: трудным представляется выяснение самого характера незавершенного процесса. В исторической литературе этот яркий период экономического подъема, зарождения и развития элементов капиталистического производства часто оставался незамеченным. При сравнительных характеристиках положения в разных европейских странах Германия до XIX в. обычно представлялась как страна сплошной экономической и политической отсталости и раздробленности [3].

Важной особенностью раннего капитализма в Германии было и то, что элементы капиталистического производства зарождались в этой стране в конце XV и в первые десятилетия XVI в., т. е. не после ликвидации крепостнических отношений, а в обста-

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 346—376, т. 18, стр. 371 и сл., т. 21, стр. 417 и сл., т. 37, стр. 229.

[3] М. П. Лесников обратил уже в 1929 г. внимание на этот пробел в обычных трактовках истории Германии XV—XVI вв. (см. «Хрестоматия по социально-экономической истории Европы в новое и новейшее время». М.—Л., 1929, стр. 49); См. J. M. Grigorjan. Aus der Geschichte der Genesis der kapitalistischen Verhältnisse in Deutschland. «Zeitschrift fur Gesichtwissenschaft», N 1959, H. 8; О деятельности Фуггеров и других торговых компаний в Тироле см.: Ю. К. Некрасов. Горные предприятия аугсбургских торговых компаний в Тироле и Каринтии в первой половине XVI в.— «Уч. зап. Вологодского гос. пед. ин-та», т. 32, вып. 2. Гуманитарные науки, 1967, стр. 74—98.

новке нараставшей феодальной реакции, роста крестьянских повинностей и усиления попыток всеобщего восстановления в разных формах личной зависимости крестьян. Вместе с тем это было время усиления и распространения революционного крестьянского движения, достигшего своего апогея в Великой Крестьянской войне. Оба сталкивавшиеся процесса имели первостепенное значение для судьбы раннекапиталистических элементов, которая зависела в значительной степени от исхода происходившей гигантской борьбы.

Важнейшее значение для судьбы раннекапиталистических элементов в Германии имело отсутствие в стране централизованного государства, которое рассматривало бы эти элементы как свою опору, как это было, например, в ряде других стран. Зарождавшееся капиталистическое производство не могло в условиях раздробленной Германии иметь той поддержки в форме покровительственной политики государства, в которой оно нуждалось на ранней стадии своего развития. Затруднения, вытекавшие из этого обстоятельства в деле завоевания внешнего и укрепления внутреннего рынка, показаны в четвертой главе этой работы на примере меднорудной промышленности Мансфельдского графства. Территориальные же князья и графы, руководствуясь и в своей экономической политике частноправовыми соображениями, рассматривали производственные предприятия, возникавшие на их территории, как объекты феодально-княжеских доходов. Вследствие этого сфера развития раннекапиталистических предприятий, подчиненных чуждым им целям, чрезвычайно суживалась, само их существование постоянно находилось под вопросом. Перспективы развития раннекапиталистических элементов уже при их возникновении оказывались в зависимости от судьбы происходившего в стране антикняжеского движения.

Характер зарождавшегося в Германии в конце XV и в первой половине XVI в. капиталистического производства, особенности условий его возникновения и раннего развития, так же как и значение, которое оно получило в исторических событиях XVI в., ярче всего проявились в горном деле — в горнорудной и плавильной промышленности. Уже во второй половине XV в. и в первые десятилетия XVI в. эти отрасли промышленности, особенно в области производства серебра и меди, по масштабам капиталовложений, строительства штолен и внутришахтных сооружений, строительства зейгерных плавилен и т. п., становились отраслями самого крупного в то время производства с несомненными чертами капиталистических отношений. Острота рабочего вопроса, стоявшего, как видно из данной работы, в центре всех обсуждений положения в горнорудной промышленности, весьма характерна. В горной промышленности существовала в известном смысле та «свобода» в деле найма рабочей силы, которая образует основу перехода к капиталистической форме производства.

собственность феодалов-землевладельцев не распространялась на недра земли и на горные разработки. Феодальное господство довлело над всем горным делом со стороны территориальных князей, обладателей горных регалий, в силу которых они забирали значительную часть продукции горных разработок в виде «десятины», «векселя» и других поборов и, кроме того, обладали монопольным правом на приобретение всей остальной продукции для своих монетных дворов, для всех нужд своих территорий, в том числе и для военных потребностей. Богатейшие разработки благородных металлов и меди образовали основу финансовой и военной мощи крупнейших княжеских домов — саксонских герцогов, Габсбургов, Мансфельдских графов и др. Борьба, которая назревала и нарастала в горной промышленности между проникавшими в горное дело крупными капиталистами и обладателями регальных прав, неизбежно должна была принять острый характер, потому что она касалась самих основ немецкого княжеского феодализма. Борьба эта осложнялась вследствие глубоких различий в характере самих вкладывавшихся в горное дело капиталов, вследствие противоречий между торгово-ростовщическими компаниями, которые сами добивались особых прав и привилегий и монопольного положения, и другими крупными капиталистами-горнопромышленниками, затем между всеми крупными капиталистами и товариществами средних и мелких участников (Gewerken) разных категорий. Дело технических реконструкций и крупных капиталовложений наталкивалось в Германии на трудности, связанные с регально-феодальной основой горного дела. Борьба зарождавшихся элементов капитализма с регально-феодальными препятствиями его развитию выступала в этой важнейшей для княжеской власти отрасли промышленности в особо яркой форме.

При изучении сложного и полного внутренних противоречий положения в горнопромышленных районах Германии в рассматриваемое время необходимо иметь в виду, что обстановка еще больше усложнялась тем, что некоторые наиболее активные и предприимчивые регальные господа стремились взять все горноплавильное дело в собственные руки, сочетать крупное предпринимательство с регальным строем, осуществить техническую реконструкцию и вступить в борьбу за внутренний и за внешний мировой рынок, оставаясь на почве феодального строя.

В конце 40-х и в 50-х годах XV в. в кругах саксонской горной администрации между знатоками горного дела, высшими должностными лицами и участниками горных товариществ шли горячие споры по вопросу о целесообразности и выгодности технических усовершенствований и механизации некоторых видов работ, в первую очередь работ по обезвоживанию и осушению шахт. Суть споров сводилась к дилемме, искать ли выхода из всех затруднений на старом пути ведения разработок товарищества-

ми мелких участников, действующими старыми методами и при помощи герцогских субсидий или же стать на путь технических усовершенствований и привлечения значительных капиталовложений. Эта последняя точка зрения одержала верх уже вскоре: настоятельная необходимость новых капиталовложений была признана герцогской администрацией. Однако в дальнейшем обнаружились два различных пути реализации проблемы капиталовложений; путь привлечения капиталов крупных купцов-дельцов и путь привлечения в ряды участников массы зажиточных мастеров и других горожан. С первым путем была связана в основном консервация существующей системы отношений, в рамках которой представители местного торгового капитала стремились делить с регальными господами их увеличенные доходы. Со вторым же путем связана была тенденция к активизации широкой массы участников, стремившихся к изменению самой структуры управления разработками и системы регальных поборов. Не питая доверия к крупным дельцам, с проникновением которых в горное и плавильное дело они вынуждены были примириться, саксонские герцоги больше склонялись к привлечению зажиточных участников из предприимчивых кругов среднего бюргерства. Претензиям этих кругов герцоги наряду с некоторыми формальными уступками противопоставляли строгое проведение так называемого «*дирекционного принципа*», т. е. подчинения всего порядка и всей организации дела на разработках и в плавильнях герцогскому бергамту. Крупные конфликты, возникавшие на этой почве, уже в тот период, когда центром производства серебра в саксонском Эрцгебирге был Фрейберг, отражали борьбу новых элементов капиталистического производства со сковывающим их развитие регально-феодальным строем. В первой главе данной работы выявляется роль, которую играли эти социальные конфликты в упадке серебрянорудного дела Фрейбергского района к 80-м годам XV в. В значительно большем масштабе и на более высоком уровне развернулась эта борьба в саксонском Эрцгебирге с 70-х годов XV в. и в первые десятилетия XVI в. в районах новых горных городов — Шнеберга, Аннаберга, Мариенберга и других, где добыча серебра достигла подлинного расцвета. Требования капиталистических участников, выражавших свое недовольство состоянием дела под управлением бергамта и указавших на нужды разработок и на условия, необходимые для обеспечения его процветания, становились более определенными. В то же время герцогская власть в издававшихся с 70-х годов XV в. «малых» и «больших» горных уставах (Bergordnungen), из которых наиболее завершенным был Аннабергский горный устав 1509 г., подтверждала свое намерение соблюдать и строго проводить дирекционный принцип.

Свое недовольство участники выражали по поводу поборов и

герцогской монополии покупать продукцию рудников по установленным самим бергамтом ценам. Особой же остроты достигли конфликты по рабочему вопросу, поскольку сохранение регальных доходов в условиях нового предпринимательства представлялось герцогам возможным только за счет усиления эксплуатации труда и его удешевления.

Обострение конфликтов между капиталистическими участниками и герцогским бергамтом находится в известной связи с тем, что в районах новых горных городов бергамт стал связывать свои интересы с предпринимательством крупных дельцов — спекулянтов куксами, которые строили свои расчеты на консервации старых отношений, на сохранении привилегий, данных им герцогами.

Своим бурным ростом и процветанием новые горные города были обязаны в значительной степени энергии, умению и труду рудокопов и плавильщиков из разорившихся городских мастеров, из разорившихся членов трудовых горных товариществ и из окрестных крестьян, частью связанных еще со своим хозяйством, частью уже потерявших эту связь. Первостепенную роль в подъеме и развитии промышленности благородных металлов и меди в этом районе, в основании и быстром росте новых горных городов, в сооружении штолен и введении технических улучшений играла та масса зажиточных и богатых горожан, которая в быстром темпе заселяла их, а также те обладатели мелких, средних и более крупных капиталов, которые жили в других городах, главным образом Средней Германии, и являлись участниками разработок в Рудных горах. Эти широкие круги участников-предпринимателей отстаивали интересы процветавших горнопромышленных предприятий не только против поборов и нажима регальной администрации, но и против тех крупных дельцов, которые, как Краувеллы, Ремер и др., были главным образом саксонского среднегерманского происхождения и связаны общими интересами с регальной властью.

Материалы, характеризующие социальную борьбу в Эрцгебирге, показывают предвзятый характер концепции Я. Штридера, отрицающего роль местных сил в подъеме и развитии горно-плавильного дела на рубеже XV—XVI вв., приписывающего эту роль главным образом капиталам южногерманских торгово-ростовщических компаний; Штридер таким образом извращает самый характер раннего капитализма, игнорируя в нем и устраняя из него самое главное — зарождение элементов, требующих коренного переворота в производственных отношениях[4]. После работы Рихарда Дитриха о раннем капитализме в горном деле Средней Германии, давшего детальный анализ состава инвестиций в горно-плавильное дело Эрцгебирге, эту концепцию Штри-

[4] J. Strieder. Studien zur Geschichte kapitalistischer Organisationsformen, 2-te Auflage. München und Leipzig, 1925, кар. 1—2.

дера, а также примкнувшего к нему в основном Теодора Густава Вернера[5] можно считать опровергнутой[6]. Однако без анализа характера социальных отношений спор о роли чужих и местных капиталов в подъеме и развитии раннекапиталистических горных предприятий касается только формальной стороны дела.

Основное в концепции Штридера заключается не столько в той роли, которую он приписывает торговой деятельности крупных компаний (особенно южногерманских торгово-ростовщических компаний типа Фуггеров) в развитии горно-плавильного дела Германии и Европы, сколько в том, что, по его мнению, крупные горно-плавильные предприятия XV—XVI вв. возникали сразу как капиталистические предприятия. Подъем XV в. в горном деле, пишет Штридер, начался уже в обстановке наличия предпринимательских форм, характерных для «капиталистических» горных товариществ (Gewerkschaften) средних веков. Элементы капиталистической организации, проявившиеся в XV—XVI вв., Штридер наделяет чертами развитого капитализма нового времени. В XVI в., писал он, существовал уже микрокосмос того, что в XIX в. полностью сложилось в макрокосмос (Hochkapitalismus). Штридер, характеризуя горнорабочих того времени, пишет, что они отличались уже теми чертами, которые В. Зомбарт считал признаками промышленного капитализма нового времени. В духе той же модернизации Штридер усматривает в борьбе горнорабочих XV—XVI вв. одну из проблем «современного капитализма»[7]. Соглашаясь с Цихой, Штридер пишет, что взгляд на XV в. как на переходную стадию должен быть отвергнут[8].

Основной смысл концепции Штридера сводится к утверждению, что капитализм существовал уже в средние века, и затем,— что борьба между развивавшимися капиталистическими и старыми феодальными производственными отношениями вовсе не была характерна для раннего капитализма, поскольку тогда, по мнению Штридера, существовали те же проблемы современного капитализма, что и в XIX—начале XX в.

Рихард Дитрих, убедительно опровергший концепцию Штридера — Вернера в отношении роли чужих и местных капиталов, обходит в своей критике главную основу этой концепции, несмотря на то, что он призывает к конкретному изучению социальной стороны раннего капитализма в горной промышленности.

---

[5] Th. Gustav Werner. Das fremde Kapital im Annaberger Bergbau und Metallhandel des 16. Jahrhunderts.— Neues Archiv für Sächsisene Geschichte und Altertumskunde, Bd. 57, 58. Dresden, 1936, 1937.

[6] R. Dietrich. Untersuchungen zum Frühkapitalismus im Mitteldeutschen Erzbergbau und Metallhandel.— «Jahrbuch für die Geschichte Mittel- und Ostdeutschlands», Bd. VII, VIII, IX—X. Tübingen, 1958, 1959, 1961.

[7] J. Strieder. Op. cit., S. 44—45.

[8] Ibid., S. 39.

Работа Дитриха посвящена проблемам раннего капитализма в горно-плавильном деле земель Средней Германии. Однако в своих выводах, сравнивая в этом плане положение в изучаемых им районах с положением в других районах, Дитрих дает свою оценку общему характеру раннекапиталистических отношений и в тех других районах. Касаясь горного дела Тироля, Дитрих пишет, что там, как и в Испании, развитие раннего капитализма шло «по Штридеру», поскольку там южногерманские фирмы и прежде всего Фуггеры подчинили себе горно-плавильное дело Тироля и направляли его по-своему. Однако горное дело Тироля имело свою историю и до проникновения туда Фуггеров, т. е. до конца 80-х годов XV в. В Тироле характер горных товариществ был не такой, как в Саксонско-Чешском Эрцгебирге. Самостоятельная деятельность и частная инициатива отдельных капиталистических участников играли здесь значительно бо́льшую роль. Среди тирольских участников, как видно из материалов третьей главы данной работы, около середины XV в. были уже крупные для того времени горнопромышленники, вносившие в дело значительные денежные суммы. Фуггеры, начавшие свою деятельность в Тироле в 1487—1488 гг. с гарантированных серебром крупных займов тирольскому графу Сигизмунду (1439—1490), затем (с 1490 г.) Максимилиану, нашли уже здесь развитую систему разработок, дававших значительную продукцию. Определилась уже и та усложнявшая социальные отношения на разработках система регальных поборов и привилегий, которая вызывала недовольство и волнения среди разных категорий предпринимателей и среди наемных рабочих. Горные уставы и законодательство графа Тирольского, эрцгерцога Сигизмунда, отражают эти волнения, в частности, борьбу капиталистических элементов против высоких поборов — десятины и «векселя», а также против чинимых регальной администрацией препятствий их развитию и ограничения их инициативы. Фуггеры стремились подчинить сложившуюся до их появления здесь систему торговым интересам своей фирмы. Займы и условия их погашения, сделавшиеся в руках Фуггеров средством нажима на князей и на «римского короля», были направлены не на ослабление регального режима и системы регальных поборов и привилегий, а на приобретение этих привилегий, на то, чтобы сделать их орудием усиленного нажима на капиталистических предпринимателей и вытеснения своих конкурентов — Баумгартнеров, Гервартов и других фирм — с итальянских рынков.

Уже рассмотрение этой стороны деятельности Фуггеров в Тироле, когда они выступали княжескими и королевскими кредиторами, показывает беспочвенность штридеровской концепции, сводящейся к тому, что тирольское горное дело обязано своим расцветом фуггеровским капиталам, и ошибочность тезиса Дитриха о том, что ранний капитализм в тирольском гор-

ном деле складывался и развивался «по Штридеру». В этом же можно убедиться и из рассмотрения промышленного этапа деятельности Фуггеров в области тирольского горного дела.

Промышленную сторону деятельности Фуггеров нельзя рассматривать изолированно от их торгово-монополистической политики, которой она по существу была подчинена. В качестве тирольских горнопромышленников Фуггеры выступают с 20-х годов XVI в. Однако уже в 90-х годах XV в. Фуггеры сделались — формально вместе с Турцо — обладателями медной промышленности Венгерской Словакии. В 90-х годах XV в. Фуггеры построили в Каринтии большую плавильню и ряд металлургических предприятий, образовавших вместе с плавильней своего рода комбинат «Фуггерау», а затем зейгерную плавильню в Хохкирхене в Тюрингии. Связь всей этой промышленной деятельности Фуггеров с поставленной ими целью подчинения горного дела Тироля показана в исследованиях Янзена и Пельница. Некоторые материалы и факты, относящиеся к этому вопросу, рассматриваются в данной работе.

В целом же промышленная деятельность Фуггеров не только до 20-х годов XVI в., но и после того, как они стали «участниками» (Gewerken) тирольских рудников, была подчинена их торгово-ростовщической деятельности и не может рассматриваться как основа развития и подъема промышленно-капиталистического начала. Размеры фуггеровских капиталов, проникавших в тирольскую промышленность, были, как видно и из рассматриваемых в данной работе материалов, хотя и немалыми, но не такими, чтобы охватить всю горную промышленность или ее весьма значительную часть. Людвиг Шейерман, предпринявший попытку определить этот уровень к началу 1547 г., смог выразить его в процентах только в отношении Фалькенштейнского района разработок, самого крупного в Тироле. С оговоркой о неполноте данных и о различии качества отдельных рудников Шейерман определил доли Фуггеров в части фалькенштейнских рудников в 18%, указывая при этом, что на других швацских разработках Рингенвекселе, Кютцбюле и других доли Фуггеров были еще меньше. Шейерман заключает, что к 1548 г., с которого он начинает свое исследование, Фуггеры не занимали в горной промышленности Тироля такого господствующего положения, как в начале XVI в. в Венгрии[9]. Из этого следует, что Фуггеры стремились занять в горной промышленности Тироля известные позиции, но что их главная цель заключалась в подчинении горно-плавильного дела Тироля своей торгово-капиталистической фирме.

---

[9] L. Scheuermann. Die Fugger als Montanindustrielle in Tirol und Kärnten. München und Leipzig, 1929, S. 17—18.

Деятельность фуггеровской компании в горной и плавильной промышленности Тироля, будучи связанной с общим торгово-ростовщическим направлением их фирмы, подавляла те капиталистические элементы, которые являлись проводниками более прогрессивных начал в развитии производительных сил и новых производственных отношений. Об этом говорят широко применявшиеся Фуггерами на тирольских разработках методы хищнической эксплуатации (Raubbau) недр и рудников. Хищническими были также насаждавшиеся ими методы эксплуатации рабочей силы, которые не только вызывали рабочие волнения и вели к массовым уходам из страны наиболее квалифицированных забойщиков, но и были причиной возмущения со стороны знатоков горного дела и тирольских сословных представителей. Конфликты Фуггеров с должностными лицами горного ведомства Тирольской земли вызывались не тем, что Фуггеры требовали более свободных условий промышленно-капиталистической деятельности, а тем, что тирольская казна и ландтаг указывали на вред, который наносится Фуггерами производительным силам и основному богатству этой земли.

Указанная здесь роль Фуггеров в затруднениях, возникавших в деле утверждения более прогрессивного направления раннего капитализма в горном деле, характерна и для некоторых других торгово-ростовщических компаний, строивших свои расчеты на использовании в своих интересах регальных привилегий князей и императора. Однако не все крупные капиталисты и их объединения носили такой характер. Материалы истории горно-медеплавильного дела Мансфельдского графства и связанных с ним крупных капиталистических зейгерных и торговых предприятий и объединений, рассматриваемые в четвертой главе данной работы, показывают происходившую в первую половину XVI в. борьбу двух направлений в ведении этого дела. Одно направление строило свои планы на системе авансирования и подчинения крупными зейгерно-торговыми капиталистическими предприятиями массы мелких и средних собственников и арендаторов плавилен и держателей горных меднорудных участков (хюттенмейстеров). Это направление, к которому принадлежала группировка нюрнбергских капиталистов — глава Нюрнбергской ветви Вельзеров Яков Вельзер старший, Гейнц Шерль и другие, энергично отстаивало линию расчетливого капиталистического предпринимательства, доказывая вместе с тем несовместимость рационального ведения дела с признанием принципа незыблемости регальных прав. Если примыкавшие к этому направлению капиталисты не выступали открыто с требованием отмены регального режима в горном деле, то объективно именно такое требование содержалось в их планах, поскольку они настаивали на приспособлении регального строя к нуждам рационального ведения дела. По мнению капиталистов этой группировки, именно на та-

кой деловой основе и экономическими средствами, а не на основе монополии и привилегий должна вестись борьба за сохранение и расширение господствующего положения мансфельдской меди на внутренних и внешних рынках.

Другое направление, связанное с предпринимательством самих графов, возглавлялось графом Альбрехтом Мансфельдским, к которому впоследствии примкнули другие графы и находившиеся под их влиянием предприниматели. Эта группировка исходила из необходимости сочетания крупного предпринимательства с принципом незыблемости регальных основ горно-плавильного дела. Реализуя свои планы, графы Мансфельдские в течение 40—50-х годов вытеснили и экспроприировали хюттенмейстеров, взяли все дело в собственные руки, исходя из того, что основой расцвета дела и завоевания внутренних и внешних рынков должна быть монополистическая концентрация мансфельдской меди, монополия, установленная силой княжеской власти.

Идея монополистической концентрации мансфельдской меди и установления высоких цен прежде всего на внутреннем, а затем и на внешнем рынках увлекла также и некоторых крупных горнопромышленников, наиболее выдающимся среди которых был потомок старого нюрнбергского патрицианского рода Кристоф Фюрер. В четвертой главе данной работы подробно разбирается полемика Фюрера с Яковом Вельзером старшим по вопросу о пользе и вреде монополизма и высказанные Фюрером в ходе этой полемики соображения о необходимости государственной меркантилистической политики. Кристоф Фюрер и связанные с ним предприниматели примкнули к графу Альбрехту, усматривая в его политике начало государственного покровительства промышленности. Победив в борьбе с Яковом Вельзером и добившись вместе с графом Альбрехтом объединения крупнейших зейгерно-торговых фирм в большой синдикат по сбыту мансфельдской меди, Кристоф Фюрер умер в 1537 г., не увидев вредных результатов его общей с Мансфельдскими графами линии не только для мансфельдской горно-медеплавильной промышленности, но и для охватываемой мансфельдской медью обширной ремесленной металлургии Южной и Северной Германии. Сильное повышение цен на сырье — особенно в изменившихся во второй половине XVI в. условиях — могло иметь только отрицательные последствия и явиться одной из причин, затруднявших процесс превращения простого товарного производства в капиталистическое. Экономическая политика мансфельдских графов не была политикой государственного покровительства элементам капиталистического производства, а княжеско-феодальной политикой обременения горных богатств своей территории непроизводственными расходами и отказа от рационального и расчетливого управления производством. Хюттенмейстеры,

являвшиеся подлинной основой капиталистического начала в развитии горного дела, устранялись. Образовавшиеся в 40—50-х годах XVI в. новые капиталистические объединения не могли развиваться на путях рационального капиталистического ведения дела. Наиболее активные из них стали в 50-х годах XVI в. вообще уходить из мансфельдского горного и медеплавильного дела.

В борьбе двух путей развития горно-плавильного дела, начавшейся на рубеже XV и XVI вв., развернувшейся и продолжавшейся в первой половине XVI в., одержал верх во второй половине XVI в., в обстановке изменившегося международного экономического положения Германии, отстаивавшийся мансфельдскими графами путь сочетания предпринимательства с принципом незыблемости регального режима. Результатом этой эволюции было определившееся уже в 60-х годах банкротство перешедших в руки графов предприятий, над которыми была установлена в 1570 г. опека назначенных императором князей. Эта судьба мансфельдской меде-рудно-плавильной промышленности, завоевавшей в первой половине XVI в. господствующее положение на внутригерманском и мировом рынках, являлась ярким примером *общей* судьбы зарождавшегося в Германии в XV — XVI вв. раннего капитализма.

XV и первые десятилетия XVI в. были временем, когда в Германии, занимавшей центральное место на путях мировой торговли и связанной с мировыми тогда рынками, наступал также период оживленных торговых сношений между хозяйственно обособленными раньше ее районами и частями. Зарождавшиеся в германских землях элементы капиталистического производства не обособлялись от общего процесса развития. Не ограничиваясь в своей торговой и промышленной деятельности рамками земель и территорий собственной страны, немецкие капиталисты обнаруживали с самого начала тенденцию к выходу за эти рамки, к распространению своих операций также в ряде соседних земель и стран. Для понимания характера и условий развития немецкого раннего капитализма в горно-плавильном деле необходимо рассматривать его в разных землях, где он применялся,— в горнорудных районах Саксонии и Тюрингии, в австрийском Тироле, в районах некоторых городов Северо-Западной Чехии, в медно-рудном деле Венгерской Словакии, в некоторых районах Каринтии, вовлеченных немецкими торгово-ростовщическими компаниями в сферу своей деятельности, и т. д.

ПРОБЛЕМА КАПИТАЛОВЛОЖЕНИЙ В СЕРЕБРЯНОРУДНЫЕ РАЗРАБОТКИ ФРЕЙБЕРГСКОГО РАЙОНА В 40—80-х ГОДАХ XV В.

Саксонско-Чешский рудногорный район (Erzgebirge) являлся в XV—XVI вв., по общему мнению исследователей, самым важным районом добычи серебряной руды и производства серебра[1]. Рихард Дитрих в работе, посвященной проблеме раннего капитализма в горной промышленности Германии, указывает на социальные отношения, сложившиеся в указанное время в Рудных горах, как на отношения, наиболее типичные для горного дела, вытекающие из самой природы и условий производства этой отрасли промышленности[2]. Работа Дитриха направлена главным образом против концепции Якова Штридера, согласно которой капиталы, действовавшие в XV—XVI вв., в области горного дела и являвшиеся тогда причиной его бурного расцвета, притекали сюда главным образом извне. По мнению Штридера, это прежде всего капиталы крупных южногерманских фирм — Фуггеров, аугсбургских Вельзеров и др. Накопленные этими фирмами в международной торговле и финансово-ростовщических операциях капиталы искали себе применения, которое они нашли в области горного дела[3]. Теодор-Густав Вернер, придерживавшийся в основном концепции Штридера, стремился доказать ее применимость к пониманию характера развития горного дела в Рудных горах. Разработав обширный

[1] G. Schmoller. Die geschichtliche Entwicklung der Unternehmung.— «Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft im Deutschen Reich», H. 3—4, 1891; O. Hue. Die Bergarbeiter, Erster Band. Stuttgart, 1910; O. Hoppe. Der Silberbergbau zu Schneeberg bis zum Jahre 1500. Freiberg, 1908; W. Bogsch. Der Marienberger Bergbau in der ersten Hälfte des 16. Jahrhundents Schwarzenberg-Sa, 1933; J. Köhler. Die Keime des Kapitalismus im Sächsischen Silberbergbau (1168 bis um 1500).— «Freiberger Forschungshefte. D13. Berlin, 1955; R. Dietrich. Untersuchungen zum Frühkapitalismus im Mitteldeutschen Erzbergbau und Metallhandel.— «Jahrbuch für die Geschichte Mittel- und Ostdeutschlands», Bd. VII, VIII. IX-X.. Tübingen, 1958—1961.

[2] R. Dietrich. Op. cit., Bd. IX—X, S. 165—166.

[3] J. Strieder. Studien zur Geschichte Kapitalistischer Organisationsformen, 2-te Aufl. München und Leipzig, 1925.

материал о чужих капиталовложениях в горные предприятия, главным образом Аннаберга, а также других основанных в Рудногорном районе в конце XV и начале XVI вв. новых горных городов — Шнеберга, Буххольца, Гейера, Мариенберга и ряда других, в том числе и новых горных городов чешской части Рудных гор — Яхимова (Иоахимсталь), Готтесгабе, Граупена[4], Вернер уделяет внимание и в гораздо большей степени, чем Штридер, придает значение мелким, средним и более крупным капиталам местного происхождения. Однако, признавая за местными капиталами важное значение в деле основания горных городов и освоения новых богатых разработок, Вернер вместе с тем ограничивает их роль, считая, что они заложили основы и проложили пути для крупного капиталистического предпринимательства, дальнейшее развитие и расцвет которого было уже делом южногерманских и западногерманских торгово-капиталистических фирм[5]. Дитрих отвергает этот тезис Вернера, вскрывает противоречивый характер его аргументов и в свою очередь на основании детально изученных им биографий и деятельности ряда богатых фамилий Фрейберга — Альшпеков, Мюнцеров, Реллингов, Веллеров и др. — показывает, что источником крупных капиталов этих фамилий, так же как и многих мелких и средних капиталов в этом и других городах, было само горное дело, хотя в ряде случаев в образовании этих капиталов могли играть известную, а иногда и существенную роль также другие компоненты, в том числе и земельная собственность.

Выступая против концепции Штридера и его последователей, Дитрих стремится показать решающее значение внутреннего развития самого горного дела в обеспечении его дальнейшего подъема и процветания. В ряде мест своей работы Дитрих обращает внимание на роль самих производительных сил горного дела в Средней Германии, на значение складывавшихся в то время отношений между капиталистами и рабочими, характерных для эпохи раннего капитализма. Посвятив особый раздел своей работы «социальным проблемам раннего капитализма», Дитрих ссылается в нем на исследования историков ГДР — Зибера, Шварца, Кёлера и Патерны о положении горнорабочих и указывает отдельные проблемы внутреннего развития горного дела, которые еще ждут своего исследователя. В этих своих частях работа Дитриха о «раннем капитализме в среднегерманском горном деле» представляет собою положительное явление в буржуазной литературе. Однако, полемизируя со

[4] Th.-G. Werner. Das fremde Kapital im Annaberger Bergbau und Metallhandel des 16. Jahrhunderts. Mit Berücksichtigung der Kuxspekulation und der Verhältnisse in anderen erzgebirgischen Bergstädten — «Neues Archiv für Sächsische Geschichte und Altertumskunde». Dresden. Bd. 57, 1936; Bd. 58, 1937

[5] Ibid., Bd. 58, S. 1—3.

штридеровской концепцией раннего капитализма, опровергая тверждения этой школы о решающей роли накопленного в оргово-спекулятивных и финансовых операциях капитала крупных южногерманских фирм и подчеркивая значение среднегерманских капиталов, Дитрих не останавливается на самом характере действовавших тогда в горной промышленности капиталов, на различных тенденциях их развития, на возникавших в этой связи конфликтах и выявлявшихся особенностях раннекапиталистических отношений в Германии, которые обусловили значительной степени судьбу их дальнейшего развития. До 0—80-х годов XV в., т. е. до открытия и начала разработки богатых серебряных рудников вокруг Шнеберга и других новых ородов Рудногорного района, центром саксонской серебряноудной промышленности был Фрейберг. Уже на очень ранней тадии функционирования фрейбергских разработок саксонские ерцоги, видевшие в горных богатствах своего княжества основную опору своей финансовой и военной мощи, стремились держать под своим строгим контролем горные разработки, все складывавшиеся на их основе формы предпринимательства, прежде его образовавшиеся товарищества по разработке рудников Gewerkschaften) [6]. В силу принадлежавшей им горной регалии ерцоги получали десятую часть добычи серебряной руды, а в тношении основной части продукции серебра им принадлежало еимущественное и даже исключительное право покупки. Средвом экономического подчинения регальной герцогской администрации добычи и производства серебра мелкими производителями сделалась система субсидий (Steuer). Заинтересованные в росте поступлений десятины и в увеличении доходов, высказавших из их монопольных прав покупки по установленной ими же цене, саксонские герцоги выдавали многим рудокопам и вариществам «субсидию», точнее авансы на последующую родукцию ведомых ими рудников, устанавливая в этих случаях

[6] Разработка рудников уже на очень ранней стадии была невозможна без операции ряда лиц. Работа велась в четыре смены по 6 часов; в каждую смену работало в шахте не менее двух рабочих, которые чередовались между собой в забое и в собирании руды. Таким образом, для каждой шахты нужен был коллектив не меньше восьми человек. При расширении добычи число одновременно занятых рабочих в шахте соответственно удваивалось, и коллектив отдельной шахты состоял уже из 16, 32 или 64 забойщиков, которым помогали на подъеме руды, в дроблении и толчении ее подсобные рабочие. Вся такая группа образовывала товарищество совместно работающих и делящих добычу руду (Gewerkschaft), члены которого, связанные между собою в добыче и выделе руды, назывались «Gewerken», в латинских текстах — concultores, что буквально означает — совоздельватели. Название Gewerken сохранилось и тогда, когда товарищества потеряли свой трудовой характер и члены их, участвуя только своими капиталами, были уже предпринимателями. В данной работе термин Gewerken условно переводится «участники-предприниматели», а (в том же значении) просто «участники» (см. названные в прим. 1 работы Миллера, Вернера, Кёлера и др.).

Кабинет истории Уральского университета г. Екатеринбург

материал о чужих капиталовложениях в горные предприятия, главным образом Аннаберга, а также других основанных в Рудногорном районе в конце XV и начале XVI вв. новых горных городов — Шнеберга, Буххольца, Гейера, Мариенберга и ряда других, в том числе и новых горных городов чешской части Рудных гор — Яхимова (Иоахимсталь), Готтесгабе, Граупена[4], Вернер уделяет внимание и в гораздо большей степени, чем Штридер, придает значение мелким, средним и более крупным капиталам местного происхождения. Однако, признавая за местными капиталами важное значение в деле основания горных городов и освоения новых богатых разработок, Вернер вместе с тем ограничивает их роль, считая, что они заложили основы и проложили пути для крупного капиталистического предпринимательства, дальнейшее развитие и расцвет которого было уже делом южногерманских и западногерманских торгово-капиталистических фирм[5]. Дитрих отвергает этот тезис Вернера, вскрывает противоречивый характер его аргументов и в свою очередь на основании детально изученных им биографий и деятельности ряда богатых фамилий Фрейберга — Альпекеров, Мюнцеров, Реллингов, Веллеров и др. — показывает, что источником крупных капиталов этих фамилий, так же как и многих мелких и средних капиталов в этом и других городах, было само горное дело, хотя в ряде случаев в образовании этих капиталов могли играть известную, а иногда и существенную роль также другие компоненты, в том числе и земельная собственность.

Выступая против концепции Штридера и его последователей, Дитрих стремится показать решающее значение внутреннего развития самого горного дела в обеспечении его дальнейшего подъема и процветания. В ряде мест своей работы Дитрих обращает внимание на роль самих производительных сил горного дела в Средней Германии, на значение складывавшихся в то время отношений между капиталистами и рабочими, характерных для эпохи раннего капитализма. Посвятив особый раздел своей работы «социальным проблемам раннего капитализма», Дитрих ссылается в нем на исследования историков ГДР — Зибера, Шварца, Кёлера и Патерны о положении горнорабочих и указывает отдельные проблемы внутреннего развития горного дела, которые еще ждут своего исследователя. В этих своих частях работа Дитриха о «раннем капитализме в среднегерманском горном деле» представляет собою положительное явление в буржуазной литературе. Однако, полемизируя со

[4] Th.-G. Werner. Das fremde Kapital im Annaberger Bergbau und Metallhandel des 16. Jahrhunderts. Mit Berücksichtigung der Kuxspekulation und der Verhältnisse in anderen erzgebirgischen Bergstädten — «Neues Archiv für Sächsische Geschichte und Altertumskunde». Dresden. Bd. 57, 1936; Bd. 58, 1937

[5] Ibid., Bd. 58, S. 1—3.

штридеровской концепцией раннего капитализма, опровергая утверждения этой школы о решающей роли накопленного в торгово-спекулятивных и финансовых операциях капитала крупных южногерманских фирм и подчеркивая значение среднегерманских капиталов, Дитрих не останавливается на самом характере действовавших тогда в горной промышленности капиталов, на различных тенденциях их развития, на возникавших в этой связи конфликтах и выявлявшихся особенностях раннекапиталистических отношений в Германии, которые обусловили в значительной степени судьбу их дальнейшего развития. До 70—80-х годов XV в., т. е. до открытия и начала разработки богатых серебряных рудников вокруг Шнеберга и других новых городов Рудногорного района, центром саксонской серебряно-рудной промышленности был Фрейберг. Уже на очень ранней стадии функционирования фрейбергских разработок саксонские герцоги, видевшие в горных богатствах своего княжества основную опору своей финансовой и военной мощи, стремились держать под своим строгим контролем горные разработки, все складывавшиеся на их основе формы предпринимательства, прежде всего образовавшиеся товарищества по разработке рудников (Gewerkschaften) [6]. В силу принадлежавшей им горной регалии герцоги получали десятую часть добычи серебряной руды, а в отношении основной части продукции серебра им принадлежало преимущественное и даже исключительное право покупки. Средством экономического подчинения регальной герцогской администрации добычи и производства серебра мелкими производителями сделалась система субсидий (Steuer). Заинтересованные в росте поступлений десятины и в увеличении доходов, вытекавших из их монопольных прав покупки по установленной ими же цене, саксонские герцоги выдавали многим рудокопам и товариществам «субсидию», точнее авансы на последующую продукцию ведомых ими рудников, устанавливая в этих случаях

[6] Разработка рудников уже на очень ранней стадии была невозможна без кооперации ряда лиц. Работа велась в четыре смены по 6 часов; в каждую смену работало в шахте не менее двух рабочих, которые чередовались между собою в забое и в собирании руды. Таким образом, для каждой шахты нужен был коллектив не меньше восьми человек. При расширении добычи число одновременно занятых рабочих в шахте соответственно удваивалось, и коллектив для одной шахты состоял уже из 16, 32 или 64 забойщиков, которым помогали в подъеме руды, в дроблении и толчении ее подсобные рабочие. Вся такая группа образовывала товарищество совместно работающих и делящих добытую руду (Gewerkschaft), члены которого, связанные между собою в добыче и разделе руды, назывались «Gewerken», в латинских текстах — concultores, что буквально означает — совозделыватели. Название Gewerken сохранилось и тогда, когда товарищества потеряли свой трудовой характер и члены их, участвуя только своими капиталами, были уже предпринимателями. В данной работе термин Gewerken условно переводится «участники-предприниматели», или (в том же значении) просто «участники» (см. названные в прим. 1 работы Шмоллера, Вернера, Кёлера и др.).

Кабинет истории Уральского университета г. Екатеринбург

материал о чужих капиталовложениях в горные предприятия, главным образом Аннаберга, а также других основанных в Рудногорном районе в конце XV и начале XVI вв. новых горных городов — Шнеберга, Буххольца, Гейера, Мариенберга и ряда других, в том числе и новых горных городов чешской части Рудных гор — Яхимова (Иоахимсталь), Готтесгабе, Граупена[4], Вернер уделяет внимание и в гораздо большей степени, чем Штридер, придает значение мелким, средним и более крупным капиталам местного происхождения. Однако, признавая за местными капиталами важное значение в деле основания горных городов и освоения новых богатых разработок, Вернер вместе с тем ограничивает их роль, считая, что они заложили основы и проложили пути для крупного капиталистического предпринимательства, дальнейшее развитие и расцвет которого было уже делом южногерманских и западногерманских торгово-капиталистических фирм[5]. Дитрих отвергает этот тезис Вернера, вскрывает противоречивый характер его аргументов и в свою очередь на основании детально изученных им биографий и деятельности ряда богатых фамилий Фрейберга — Альнпеков, Мюнцеров, Реллингов, Веллеров и др. — показывает, что источником крупных капиталов этих фамилий, так же как и многих мелких и средних капиталов в этом и других городах, было само горное дело, хотя в ряде случаев в образовании этих капиталов могли играть известную, а иногда и существенную роль также другие компоненты, в том числе и земельная собственность.

Выступая против концепции Штридера и его последователей, Дитрих стремится показать решающее значение внутреннего развития самого горного дела в обеспечении его дальнейшего подъема и процветания. В ряде мест своей работы Дитрих обращает внимание на роль самих производительных сил горного дела в Средней Германии, на значение складывавшихся в то время отношений между капиталистами и рабочими, характерных для эпохи раннего капитализма. Посвятив особый раздел своей работы «социальным проблемам раннего капитализма», Дитрих ссылается в нем на исследования историков ГДР — Зибера, Шварца, Кёлера и Патерны о положении горнорабочих и указывает отдельные проблемы внутреннего развития горного дела, которые еще ждут своего исследователя. В этих своих частях работа Дитриха о «раннем капитализме в средне-германском горном деле» представляет собою положительное явление в буржуазной литературе. Однако, полемизируя со

[4] Th.-G. Werner. Das fremde Kapital im Annaberger Bergbau und Metallhandel des 16. Jahrhunderts. Mit Berücksichtigung der Kuxspekulation und der Verhältnisse in anderen erzgebirgischen Bergstädten — «Neues Archiv für Sächsische Geschichte und Altertumskunde». Dresden. Bd. 57, 1936; Bd. 58, 1937

[5] Ibid., Bd. 58, S. 1—3.

штридеровской концепцией раннего капитализма, опровергая утверждения этой школы о решающей роли накопленного в торгово-спекулятивных и финансовых операциях капитала крупных южногерманских фирм и подчеркивая значение среднегерманских капиталов, Дитрих не останавливается на самом характере действовавших тогда в горной промышленности капиталов, на различных тенденциях их развития, на возникавших в этой связи конфликтах и выявлявшихся особенностях раннекапиталистических отношений в Германии, которые обусловили в значительной степени судьбу их дальнейшего развития. До 70—80-х годов XV в., т. е. до открытия и начала разработки богатых серебряных рудников вокруг Шнеберга и других новых городов Рудногорного района, центром саксонской серебряно-рудной промышленности был Фрейберг. Уже на очень ранней стадии функционирования фрейбергских разработок саксонские герцоги, видевшие в горных богатствах своего княжества основную опору своей финансовой и военной мощи, стремились держать под своим строгим контролем горные разработки, все складывавшиеся на их основе формы предпринимательства, прежде всего образовавшиеся товарищества по разработке рудников (Gewerkschaften) [6]. В силу принадлежавшей им горной регалии герцоги получали десятую часть добычи серебряной руды, а в отношении основной части продукции серебра им принадлежало преимущественное и даже исключительное право покупки. Средством экономического подчинения регальной герцогской администрации добычи и производства серебра мелкими производителями сделалась система субсидий (Steuer). Заинтересованные в росте поступлений десятины и в увеличении доходов, вытекавших из их монопольных прав покупки по установленной ими же цене, саксонские герцоги выдавали многим рудокопам и товариществам «субсидию», точнее авансы на последующую продукцию ведомых ими рудников, устанавливая в этих случаях

[6] Разработка рудников уже на очень ранней стадии была невозможна без кооперации ряда лиц. Работа велась в четыре смены по 6 часов; в каждую смену работало в шахте не менее двух рабочих, которые чередовались между собою в забое и в собирании руды. Таким образом, для каждой шахты нужен был коллектив не меньше восьми человек. При расширении добычи число одновременно занятых рабочих в шахте соответственно удваивалось, и коллектив для одной шахты состоял уже из 16, 32 или 64 забойщиков, которым помогали в подъеме руды, в дроблении и толчении ее подсобные рабочие. Вся такая группа образовывала товарищество совместно работающих и делящих добытую руду (Gewerkschaft), члены которого, связанные между собою в добыче и разделе руды, назывались «Gewerken», в латинских текстах — concultores, что буквально означает — совоздельватели. Название Gewerken сохранилось и тогда, когда товарищества потеряли свой трудовой характер и члены их, участвуя только своими капиталами, были уже предпринимателями. В данной работе термин Gewerken условно переводится «участники-предприниматели», или (в том же значении) просто «участники» (см. названные в прим. 1 работы Шмоллера, Вернера, Кёлера и др.).

Кабинет истории Уральского университета г. Екатеринбург

на серебро более низкую цену, чем та, которая была установлена тогда для «свободных» рудников, т. е. для тех, которые не получали субсидию.

С 40-х годов XV в. чувствуется озабоченность герцогской горной администрации — самих саксонских герцогов, их советников и должностных лиц — обнаружившимися симптомами застоя и упадка горного дела в районе Фрейберга. Вопрос о причинах такого состояния Фрейбергских серебряных рудников и о мерах, необходимых для восстановления и подъема горного дела в этом районе, был предметом переписки между герцогами и их советниками и обмена мнениями на многочисленных совещаниях герцогских советников со знатоками дела, с должностными лицами, с представителями участников-предпринимателей, самостоятельно работавших рудокопов и др. Изучение материалов этих совещаний помогает уяснить некоторые новые явления в горной промышленности и те сдвиги в социальных отношениях, которые намечались в этой отрасли со второй половины XV в.

Неудовлетворительное состояние горных разработок Фрейбергского района констатируется всеми участниками совещаний. Все указывали на ослабление темпов работ в рудниках, на факты сокращения добычи в ряде мест, на недостаточность новых изысканий, на то, что работы ведутся почти исключительно в старых шахтах, что площади разработок не расширяются и т. д. По вопросу о причинах такого состояния и вместе с тем о мерах, необходимых для устранения недостатков и обеспечения нового подъема, высказывались разные мнения.

Участвовавшие в совещаниях самостоятельно работавшие рудокопы видели основную причину зла в недостатке хорошо квалифицированных, знающих свое дело горняков. Они настаивали на привлечении к разработкам знающих горное дело горожан, в частности из жителей Фрейберга, старейшего города горняков. Вместе с тем они указывали на необходимость повышения герцогских субсидий рудникам.

Со стороны некоторой части менее состоятельных участников-предпринимателей также высказывалось, хотя и с оговорками, мнение о том, что добиваться выхода из создавшегося неблагоприятного положения следует, идя по пути укрепления мелкого производства, усиливая его субсидирование и поддерживая в первую очередь лучших знатоков дела[7]. Представители же герцогской администрации на совещаниях, так же как и сами герцоги, в своей переписке указывали на необходимость больших технических реконструкций, требующих значительных капиталовложений. На совещаниях советники и высшие долж-

[7] «Urkundenbuch der Stadt Freiberg in Sachsen», hrg. von H. Ermisch, Bd. II (далее — FUB II). Leipzig, 1886, № 1101, S. 102; № 1002, S. 104—105; № 1030, S. 158—159; № 1031, S. 163 («...wen dy luthe sind zcu arm unde zcu swach wurdin»); № 1018, S. 130—131.

постные лица герцогской администрации подчеркивали, что реализация очередных технических задач — углубление существующих шахт, сооружение новых шахт на территории всего рудоносного района, завершение начатых работ по проведению штолен и проведение новых, более глубоко залегающих штолен — упирается в вопрос о недостатке средств и капиталовложений, в вопрос о бедности людей, занимающихся разработкой рудников. Так, в декабре 1447 г. собравшиеся во Фрейберге должностные лица горного ведомства в обращении к герцогам среди других причин упадка горного дела указывают на недостаточную глубину шахт. Люди, разрабатывающие рудники, вследствие своей несостоятельности забрасывают шахты, так как не справляются с возрастающими расходами, связанными с напором воды, между тем как иссгари известно, что больше всего добывается руды на такой глубине, которая теперь, при бедности разрабатывающих, не достигается[8].

Еще раньше на совещании герцогского канцлера с Фрейбергским магистратом 13 марта 1444 г. намечались очередные технические мероприятия. Необходимо возобновить работу по проведению двух штолен, что даст возможность продолжать добычу на старых запущенных рудниках и притом на большей глубине. Вместе с тем необходимо рационально наладить добычу руды в местах проведения штолен, но так, чтобы не наносить им вред. По вопросу об источниках для финансирования этих мер указано было, что глубоко залегающая штольня должна строиться на средства герцогской казны. Что же касается герцогских субсидий рудникам, то они должны быть сокращены и сосредоточены на определенном количестве рудников, которые будут отобраны из общей массы с тем, чтобы работа на них была налажена образцово. Остальные рудники должны сдаваться с некоторыми льготами в «свободную» разработку, т. е. без субсидий[9].

Из этой протокольной записи нетрудно понять наметившуюся тактику герцогской горной администрации. Для возросших технических нужд необходимо привлечение средств частных лиц. Однако общее управление и контроль герцогская администрация хотела сохранить за собою. Проведенная на средства герцогской казны глубоко залегающая штольня и некоторое число отобранных и образцово сооруженных при помощи герцогской субсидии рудников должны служить этому гарантией.

Таким образом, сферу герцогских субсидий намечалось значительно сузить и придать им специальное назначение. Прове-

[8] Ibid., N 1007, S. 115 - «...ist vor czieten unde alders ye allermeist das grosste erez in die tewffe inbuwet. Nu sient leider die leuthe sere verarmet... daz sie rechte redeliche tyeffe als vor alders bie langer cziet nye rechte tyeff gesuncken haben».

[9] Ibid., N 994, S. 89—90; № 995, 996, S. 91.

дение технических мероприятий при помощи герцогских субсидий считалось уже невозможным. По мнению авторов приведенных выше предложений от декабря 1447 г., субсидии не только не стимулировали усердную разработку рудников, а, наоборот, вели к ослаблению стимула к работе [10].

В докладной записке одного из советников герцога Вильгельма от начала 1449 г. подводятся итоги за 1448 г. по применявшимся двум системам разработок — субсидиальной и «свободной». За каждую марку [11] субсидиального серебра была установлена цена 84 гроша, за марку же «свободного» серебра герцогский монетный двор платил 120 грошей (2 шокка грошей). Учитывая сумму субсидий и сумму, уплаченную за доставленное серебро, сопоставляя количество продукции и ее стоимость по обеим системам, автор докладной записки показывает большую доходность «свободной» системы и ее преимущество перед системой субсидий и объясняет это тем, что в «свободной» системе работа ведется «усерднее и лучше» [12].

Основным же аргументом герцогских советников, требовавших изменения системы эксплуатации серебряных рудников, была необходимость привлечения более крупных капиталовложений.

Высказываясь за расширение круга лиц, участвующих в горных предприятиях, герцогские советники подчеркивали, что участие бедных бюргеров было бы не очень полезным, так как для проведения глубоко залегающих штолен и устройства водоотливных насосных сооружений требуются значительные денежные средства. Поскольку средства герцогской казны представлялись недостаточными для этой цели, то советники считали необходимым привлечение таких бюргеров, которые могут обеспечить непрерывную добросовестную работу в рудниках (nach redelicher bestendlichkeit). Надо посоветоваться, говорится в донесении герцогских советников от мая 1452 г., какими путями можно привлечь к горным разработкам *состоятельных* бюргеров, чтобы каждый участвовал в них всеми своими средствами [13].

На одном из совещаний должностных лиц с представителями Фрейбергского магистрата и со знатоками горного дела в апреле 1453 г. бергмейстер, штейгер и специальный штейгер по штольне старались дать конкретную и убедительную характеристику положения, создавшегося в подведомственных им рудни-

[10] Ibid., N 1007.— «Ouch guediger herre, wirt vil fleissiger geerbeit yn der fryheit, wenne bisher uff die stewre gescheen ist».

[11] Речь идет о «марке» — единице веса = 233,580 г.

[12] FUB II, N 1008, S. 117.— «und das uss der fridheyt mer silbers ist komen wann uss der stewer, duncket mich, das es eyn ursache sey, das die fleissiger und bass gearbeit wirt, danne die mit stewr tun».

[13] Ibid., N 1021, S. 136.— «...durch wilche wege man das muge vorgenemen, das man die borger, die wolhabinde sin, eyn iglichen nach siner vermuge zcu buw der bergwergke brengen muge».

ках вследствие отсутствия необходимых средств. Богатые рудой шахты в рудниках на Вассерберге стали недоступными из-за воды, затопившей их на достигнутой уже глубине и закрывшей доступ к большим залежам руды. Для осушения этих рудников необходимо продолжить и довести до них старую штольню. Чтобы эта работа стала возможной, необходимо соединить отвесную шахту (Richtschacht), достигающую 35 лахтеров (70 метров) глубины, со старой штольней соединительной шахтой (дурхшлагом) в 40 метров. Это даст возможность подавать воздух в штольню, которая, будучи продолжена до указанных рудников, будет их осушать и сделает возможной добычу скрытых в них богатых залежей руды. Такое соединение отвесной шахты со штольней сделает больше ненужным проведение ряда других отвесных шахт от поверхности [14].

Как видим, на совещаниях 40-х и начала 50-х годов XV в. выявились две различные точки зрения по вопросу о дальнейшей судьбе фрейбергских серебряноруд ных разработок. Предложения мелких участников товариществ и самостоятельно работавших рудокопов направлены были на сохранение существующей системы мелкого производства, на совершенствование этой системы путем увеличения и расширения субсидии и привлечения опытных знатоков горного дела. Среди советников же горной герцогской администрации верх одержали сторонники перевода рудников на рельсы крупного предпринимательства. По их мнению, очередная задача должна заключаться не столько в привлечении знатоков дела и стимулировании их деятельности и вообще не столько в факторах субъективного характера, сколько в переходе к формам крупного предпринимательства и значительного технического переустройства, следовательно, прежде всего в привлечении крупных капиталовложений. Но, усматривая лучший путь в переходе к капиталистическим формам эксплуатации горных предприятий, представители герцогского бергамта имели в виду, что и при новых формах регальная власть должна оставаться хозяином положения. Руководствуясь этим основным принципом, горная администрация стремилась к тому, чтобы привлекаемые к горному делу капиталы были возможно теснее связаны с регальным аппаратом и заинтересованы в сохранении им его основных позиций.

Результатом этого было то, что в конце 40-х и в 50-х годов XV в. в горную промышленность Фрейбергского района проникали со своими капиталами те предприимчивые купцы, особенно крупные металлоторговцы, которые рассчитывали на исполь-

[14] Ibid., N 1027, S. 143—144.— «Wanne man den richtschacht durchgesleht biss uff den stollen, so bedarff man nicht mer vom tage richtschechte machen; danne man dirlanget denne mit dem stollen alde schechte, dadurch man lufft erlanget und sich damit behilfft, biss das man an den vorsuncken schacht kumbt, der do vol wassers ist».

зование герцогских привилегий и с этой целью добивались сближения с бергамтом. Мы наблюдаем, что эта категория инвесторов тесно связывается с аппаратом регального управления, сращиваясь с ним. Высшие должностные лица — бергмейстеры, управляющие плавильнями (Hüttenreiter), закупщики руды становились активными проводниками капиталовложений в горное дело. Они не только были тесно связаны с предпринимательскими кругами, проникавшими в горную промышленность, но и в значительной степени сами принадлежали к этим кругам. Наиболее активные инвесторы оказываются на высших должностях самого бергамта.

На многочисленных совещаниях и в переговорах по вопросу о причинах застоя и упадка горной промышленности Фрейбергского района часто упоминались имена братьев Валентина и Якова Краувеллов. В ноябре 1447 г. братья Краувеллы — в ответ на запрос курфюрста и его советников высказаться о мерах, необходимых для подъема горного дела, — указали пять рудников, которые, по их мнению, должны в первую очередь явиться объектом проведения нужных технических усовершенствований. В поданном ими документе Краувеллы указывают конкретно эти первоочередные меры по каждому из названных ими рудников. Основное внимание они советуют направить на работы по осушению глубин шахт до 80 метров (40 лахтеров) ниже штольни, что откроет доступ к затопленным залежам руды. При этом они заявили, что, обладая нужными суммами денег, они бы сами взялись за разработку указанных 5 рудников в духе данных ими рекомендаций и добавили, что если эти письменные рекомендации не могут быть хорошо поняты, то они готовы устно поучать курфюрста и его советников об особенностях возделывания каждого рудника в отдельности [15].

Этот ответ показывает, что его авторы не только считались компетентными в горном деле, но и вникали в детали состояния отдельных рудников. Они стремились стать активными участниками разработок и технической перестройки рудников и штолен.

Из материалов совещаний по горному делу Фрейбергского района, состоявшихся в последующие годы, мы узнаем, что стремление Краувеллов не осталось пустой мечтой. Они не только сделались участниками разработок, но и проникли в самый бергамт. Яков Краувелл назначен был десятинником (Zehntner), т. е. по существу стал управлять герцогской казной в горном деле. Брату его Валентину переданы были функции закупщика ру-

[15] Ibid., N 1004, S. 109—110. — «...hett wir gut unde gelt und wern also mogende, so welde wir sulche gruben selber buwen etc. Item ab man das schrifftlich nicht wol vornemen mochte und begirt das u. gn. h. und sein wirdiger rat, so welden wir uch mü[n]tlich underrichten wy man yczliche grube besundern buwen solde etc».

ды, а также бергмейстера. Располагая такими ключевыми позициями и будучи в то же время крупными участниками разработок, эти предприимчивые металлоторговцы имели возможность направлять энергию, средства и регальные привилегии герцогской горной администрации на разработку тех рудников, от которых они ждали наибольших выгод для себя. Весьма частыми становились жалобы на засилье Краувеллов. Утверждали, что, используя свое положение, они оттесняют других людей, желающих стать участниками (Gewerken) рудниковых товариществ. Указывалось, что своими корыстными действиями Краувеллы наносят вред самой герцогской казне[16]. На выгоды, извлекаемые Краувеллами из своих рекомендаций и из своих должностей, обращает внимание и магистрат Фрейберга в своей жалобе герцогам в марте 1449 г. Лишь один из рекомендованных Краувеллами рудников, называемый «Редель», забирает герцогских средств 270 грошей в неделю. Из этого рудника Валентин Краувелл, по его собственному признанию, продал недавно более четырехсот центнеров меди. В том же обращении магистрат на конкретных примерах показывает засилье Краувеллов в горном деле Фрейбергского района. Как должностные лица (десятинник и закупщик руды) Яков и Валентин Краувеллы получают хорошую плату и к тому же извлекают большие выгоды из разработки рудников. Многие рвутся стать участниками разработок, но Краувеллы делают это невозможным. Магистрат, бюргеры и рудокопы заявили, что никто из фрейбержцев не станет «соучаствовать», пока эти люди здесь преобладают[17], и дальше о том, что Краувеллы не только держат в своих руках закупку руды, но и получили в свое распоряжение герцогские плавильни[18]. Авторы обращения указывают, как Краувеллы используют свое положение для ущемления и притеснения других в горном деле. Они вынуждают продавать им руду по низким ценам, а если кто-нибудь из участников не согласен на эти условия и отвозит свою руду на плавильню, то там его надолго задерживают, не дают ему ни угля, ни других материалов, необходимых для плавки. Он долгое время не может реализовать свою долю

[16] В феврале 1449 г. на совещании герцогских советников со знатоками горного дела и с должностными лицами указано было на невыгодность разработки рекомендованных Краувеллами рудников. В частности, говорилось, что руда в этих рудниках бедна серебром, что разработка этих рудников полезна только для самих Краувеллов: они владеют здесь медеплавильнями, и им выгодно достается медь. См. FUB II, № 1009, S. 118—119.

[17] FUB II, N 1013, S. 124.— «...wie Jacoff Krauwell zcendener uf dem Grupen vorlegung thut und ernach Valentin sin bruder erczkauffer und auch der bergmeister, die vaste lohnss, gnis und wynnung haben und dach keyns mit buwen an den bergwerken daran sich vil lute stossen zcu buwen. Item auch sagen der raid, burger und knappen gemeinlichen, die wyle dieselben daruber sin, so wullen yr keyner mittbuwen».

[18] 29 апреля 1449 г. Валентин Краувелл вновь назначен закупщиком руды и «представителем плавилен» (vorsteher der Hütten).

продукции, не может выручить свои деньги и, следовательно, не может в нужное время сделать очередные вложения[19]. Затем приводится конкретный пример, как Краувеллы богатеют от закупок руды. Валентин закупил на руднике «Редель» в последнюю неделю за шесть шиллингов грошей (т. е. за 72 гроша) руды на $1^1/_2$ марки серебра, которые его брат Яков, являющийся десятинником, сосчитал ему в 300 грошей (5 Schock). Поскольку же Валентин в одну неделю закупил руды на 6—7 марок серебра, то можно себе представить, сколько он на этом получил прибыли[20].

На одном совещании по горным делам в апреле 1453 г. указано было на необходимость расследования деятельности Валентина Краувелла в герцогской плавильне с целью выяснения причин, почему герцогская казна терпит убытки от управляемой Краувеллом плавильни, в то время как сам Валентин Краувелл за последнее время получил доход 316 шокк, т. е. 18 960 грошей[21].

Жалобы на то, что братья Краувеллы богатеют от переданных им в отдельных местах прав на закупки руды повторяются в документе, составленном герцогскими советниками в июле 1451 г. после обсуждения положения в горной промышленности вместе с магистратом и ремесленными цехами Фрейберга. Указывалось, что большие выгоды Краувеллов от закупки руды наносят ущерб герцогской казне. Там же говорится, что Краувеллы не ограничиваются обильными доходами от закупок руды, а приобретают для эксплуатации рудники, используя при этом все выгоды, которые им дают их должности. Яков и Валентин Краувеллы, говорится в этом документе, разрабатывают только те рудники, в которых имеются богатые залежи руды. Будучи десятинником, Яков был в курсе доходов разных рудников. Узнав таким путем, что шонбергские рудники являются самыми богатыми, Краувеллы добились сдачи им их в качестве «свободного держания» (frihe lihen) и привлекли к себе «для участия в разработках» (mitde zcu buwen) бергмейстера, штейгера, приемщика серебра (wechsler), горного писаря и др. Эти рудники они углубили на 24 лахтера (48 метров) ниже штольни[22].

На примере Краувеллов мы видим предприимчивых металлоторговцев, которые добились влиятельного положения в бергамте саксонских герцогов, имели свои плавильни и управляли герцогскими плавильнями, проникли на высокие и выгодные должности десятинника и закупщика руды, пользовались своим положением для нажима на средних соучастников и особенно на непосредственных производителей, которым они затрудняли до-

[19] FUB II, 1013, S. 124.— «...darvon sie nicht czu gelde komen und die bergwercke verlegen konnen».
[20] Ibid., S. 125.
[21] Ibid., N 1027, S. 147.
[22] FUB II, № 1021, S. 136—137.

ступ в плавильни и заставляли продавать дешево свою руду, разоряя их, сами при этом обогащаясь.

Пример Краувеллов показывает, каков был характер того крупного предпринимательства, к которому стремились здесь обладатели горной регалии, каковы были те обладатели крупных капиталов, которых герцогская администрация привлекала и которые проникали в самый аппарат бергамта, сращиваясь с ним. Это предпринимательство неотделимо от своей регально-феодальной основы, но носители его стремились к технической реконструкции и к использованию ряда форм капиталистической эксплуатации.

В этой связи интересно донесение каммермейстера герцога Вильгельма о совещании по горным делам, состоявшемся во Фрейберге в феврале 1457 г., в котором приводится пространный спор между рудокопами и бергмейстером по вопросу о целесообразности применения в рудниках дорогостоящих технических сооружений.

Рудокопы (Kнаппен), мнение которых каммермейстер герцога Вильгельма приводит, несомненно, самостоятельно работающие мелкие производители. Это видно из всей заявленной ими жалобы из 12 пунктов и особенно из 8, 10 и 11 и некоторых других пунктов. Восьмой пункт содержит жалобу на бергмейстера, который не выполняет в отношении бедных людей обещанной им шестилетней льготы по десятине и по ценам на руду. В пункте 10 жалобы говорится, что бергмейстер вместе с горным писарем предпринимают такие действия против мелких рудокопов, которые направлены фактически на их вытеснение, на то, чтобы создавать им бесконечные трудности и сделать для них невозможным добывание руды и ее реализацию. «Когда бог милует бедного человека и дает ему немного руды, то в результате этому бедному человеку достаются только дрязги и раздоры, которые происходят от них (т. е. от должностных лиц. — *М. С.*). Но следует заметить, что горное дело требует верности и искренности».

В пункте 11 говорится, что бергмейстер навязывает бедным людям свое участие в горных ленах, которые они возделывают. Если же бедный человек ему в этом отказывает, то он уже не станет его другом. Между тем, говорится дальше, горное право устанавливает, что горные участки в лен должны сдаваться одинаково бедным и богатым [23].

Основное же в деятельности бергмейстера Ганса Гертриха, что вызывало гнев мелких производителей рудокопов, — это

---

[23] FUB II, N 1030, S. 154, 155.— «Wenne got dem armen icht gibt, das er eyn wenig ertz erbuwet, so hat er nicht mehir wenne zweitracht und hader, der von yn enstehit. Nu zcu mercken, bergwerck wil trew und warheit naben»... «und das bergrecht doch setzet, das eyn gemeyner leyher ydermanne sal lihen dem armen als dem richen».

вводимые им технические усовершенствования, в которых они видели источник своих бедствий и разорения. При этом первыми в жалобе упоминаются шонбергские рудники, которые, как нам уже известно из заявления герцогских советников[24], Краувеллам удалось получить для разработки и к участию в которых они привлекли бергмейстера, штейгера, горного писаря и других должностных лиц. Герцогские советники заявляли тогда, в 1451 г., что Краувеллы и должностные лица, получив шонбергские рудники, стали разрабатывать их глубины на 48 метров глубже штольни. Теперь рудокопы жалуются, что бергмейстер Ганс Гертрих разрабатывает в шонбергских рудниках те глубокие штольни, которые в свое время были заброшены по совету старых рудокопов, и таким образом тратит напрасно большие деньги герцогов[25].

Затем следует ряд других жалоб такого же рода. На «Ределе» бергмейстер затратил большие деньги на восстановление медных рудников, разработка которых, по мнению авторов жалобы, «неполезна» для герцогского дела. Эти рудники также были раньше оставлены по совету старых рудокопов. Восстановив теперь эти рудники, Ганс Гертрих по собственной воле предпринял здесь устройство насосных сооружений, которые не могут служить пользе герцогов.

Смысл этой жалобы станет яснее в свете известных уже нам заявлений о том, что торговцы медью Краувеллы были сами заинтересованы в разработке медных рудников на «Ределе» и рекомендовали герцогам их восстановление и разработку, имея в виду свои собственные дела, к которым они привлекали других должностных лиц и использовали свое собственное должностное положение.

В ряде пунктов этой жалобы рудокопы стараются обосновать свой тезис о том, *что в горном деле все зависит не от технических сооружений, требующих больших денежных затрат, а от умения, старания и преданности работающих*. При этом они намекают довольно открыто, что должностные лица, присваивающие субсидиальные суммы герцогской казны, действуют в собственных интересах и во вред интересам герцогов, что в интересах герцогов была бы передача участков горных разработок людям, которые добиваются получить их для ведения разработок.

Если бы бергмейстер действовал для милостивых господ, говорится в пункте 4, то он бы руководствовался советами некоторых рудокопов — поставить в руднике Турмхофе один или два ворота. Но бергмейстер по своей собственной воле установил

[24] См. прим. 22.

[25] FUB II, S. 153.— «...das er die festen hat geweldiget under den stollen, die vormals mit wolbedachtem und gutem rate der alden Knappen sind uffgelassen wurden und m. gn. h. eyn grosse summa geldes zcu unrate erbuwet hat».

здесь механическое сооружение (eyn kunst), которое обошлось милостивым государям в большие деньги. Пусть государи назначат людей, хорошо знающих горное дело и поручат им осмотреть разработки и доложить им свое мнение: должны ли герцоги разрабатывать их за свой счет или же сдавать другим людям, которые, как известно, этого добиваются [26].

Все дело, по мнению авторов жалобы, в том, что должностные лица, используя должностное положение, оттесняют мелких людей, добивающихся горных участков, разрабатывают их сами, применяя более новые технические методы и, конечно, наемный труд и затрачивая при этом предназначенные для несостоятельных участников субсидиальные суммы.

В следующем пункте они говорят о другом насосном сооружении, установленном в руднике «Эзель» для осушения глубин ниже штольни, разработка которых, по мнению старейших рудокопов и опирающихся на них авторов жалобы, может привести лишь к большим денежным затратам раньше, чем доберутся до них [27].

В следующих пунктах жалобы указывается на другие работы, направленные на технические мероприятия, против которых мелкие рудокопы энергично протестуют. На рудниках «Трех Королей» и «Ашен» бергмейстер предпринял новые бурильные работы, чтобы соединить их рудоносные жилы с другими рудниками. В этой связи авторы жалобы заявляют о вытеснении бедных рудокопов и лишении их обещанных им льгот. Все это мероприятие они считают результатом «невежества» (unverstendikeit). Лучше бы продолжали добывать руду из уже открытых жил вместо того, чтобы приостановить добычу и проводить эти дорогостоящие работы [28].

В заключении жалобы указывается на другие методы, которые применяются должностными людьми для того, чтобы в их корыстных интересах создавать трудности не только для рудокопов, которые самостоятельно работают, но и для мелких предпринимателей, обладающих небольшими денежными суммами. Некоторые «бедные люди», заявляют авторы жалобы, авансировали бы деньги какому-нибудь «работающему подмастерью», если бы знали, что их полноценные деньги вернутся к ним

---

[26] Ibid., S. 153—154.

[27] Ibid., S. 154.— «Nympt er aber eyn kunst vor zcu dem Esel und meynet da zcu sincken under den stollen und meynet die tiffsten zcu vortruwen. das aber unser rat nicht ist... Nu zcu mercken, das es vil guts und geldes kosten wurde, ehir er dahin queme, und vormals mit gutem rate der alden ist uffgelassen wurden».

[28] Ibidem.— «...das er zcu den Drien Konigen vornam eynen trewslag zcu triben an dem Judenberge zcu brechen, das doch unser rat nicht was, also zcu vernehmen, das unser meynunge was in dem Judenberge anzusitzen uff dem gange, den stollen zcu treiben und genge und ertz mit heruss zcu hauwen... zcu den Asschen. das er acuh eynen trewslag treib mit drien hewern an dem kurssenberg zcu brechen...».

такими же полноценными, и горное дело развивалось бы успешнее. Но это затрудняется тем, что при покупке у бедных людей руды ее оплачивают монетой не лучшего чекана[29].

Настаивая на том, что для успеха горного дела требуется «верность и усердие» рабочих, авторы жалобы считают, что приведенные ими факты и их оценка объясняют причины упадка и застоя в горной промышленности Фрейбергского района и указывают путь к ее восстановлению и подъему.

На жалобу рудокопов бергмейстер Ганс Гертрих и горный писарь дали свой ответ по каждому пункту. Ответ этих должностных лиц также приводится в сообщении каммермейстера. В нем выдвигается совершенно иной взгляд на характер обнаружившихся трудностей и застойных явлений на разработках Фрейбергского района. Авторы этого ответа считают, что решающее значение имеют в данном случае технические усовершенствования. На четвертый пункт жалобы бергмейстер и писарь отвечают очень лаконично, но весьма убедительно. Надо же было задерживать напор воды. При помощи механических сооружений это было осуществлено и обходилось в 10 грошей в неделю. Производить же это удаление воды наемными рабочими без сооружений было бы едва ли возможно за 240 грошей в неделю[30].

Из ответа бергмейстера и писаря явствует, что они и некоторые другие должностные лица усердствовали по части технических нововведений не столько по должности, сколько в силу собственных предпринимательских интересов. Технические новшества вводились ими прежде всего на тех участках, которые, как нам уже известно, они сами приобрели для ведения разработок за свой счет при помощи наемных рабочих. В ответ на обвинения в расходовании герцогских средств, предназначенных на субсидии, на технические сооружения бергмейстер отвечает, что в упомянутые в жалобе рудники он *сам, мюнцмейстер и другие люди вложили собственные деньги*, что он производил затраты на сооружения также на герцогских разработках. А если он кое-где удерживал субсидиальные средства, то это имело место только там, где субсидия не оправдывалась и где рабочие-забойщики в то время не работали[31].

Интересны объяснения бергмейстера по поводу обвинения его в том, что он сдавал бедным рудокопам горные лены только

[29] Ibid., S. 155.— «...Man mochte wol etzlichen frommen armen man finden, der eynen armen buwenden gesellen vorlegete, wenne er wuste das vm sulch gut gelt wider wurde, und auch dessdo williger wurde bergwerg zcu buwen wider sust».

[30] Ibid., S. 155—156.— «...Man musse daz wasser doch halden, dez halde er mit der konst dii wochen mit X gr., das konde man mit luten ane konst mit IIII schocken kume gehalden».

[31] Ibid., S. 156.— «...und habe daz enthalden an den enden, da man der stuer nicht verdinet hat und da dii hauwer er zeit nicht haben geerbeit».

при условии допущения его, бергмейстера, к участию. Вначале Ганс Гертрих отрицал и просил указать ему, кто это утверждает. Тогда выступил один из участников Никель Клюге и заявил, что бергмейстер при сдаче горного лена потребовал уступки ему одной восьмой части и лишь после переговоров и торга они с ним сошлись на одной шестнадцатой. Затем представители рудокопов назвали еще двоих, которым бергмейстер тоже навязал свое участие. Бергмейстер признал заявление Клюге, но настаивал на том, что он только «просил», а не вынуждал.

Бергмейстер оправдывался также по поводу обвинения его в том, что он чинит препятствия бедным рудокопам, в частности, лишает их обещанных шестилетних льгот по десятине. Эти шесть лет, заявляет бергмейстер, даны были для всех рудников с одного срока, который к моменту его вторичного вступления в должность уже истек.

Нам уже известно, что бергмейстер и ряд других должностных лиц вовлечены были в свое время в предпринимательскую деятельность на шонбергских и других рудниках Фрейбергского района братьями Краувеллами[32]. В данном ответе на жалобы рудокопов Ганс Гертрих в ряде пунктов ссылается на Краувеллов и на других должностных лиц, которые действовали вместе с ним. Так, о технических сооружениях, на которые указано в шестом пункте жалобы, он отвечает, что их установку он начал еще в первую свою бытность бергмейстером вместе с десятинником (т. е. с Яковом Краувеллом, который хорошо знал состояние и перспективы рудников), горным писарем и другими, а затем, когда после перерыва в $3^1/_2$ года он вновь стал бергмейстером, он снова предпринял это сооружение в надежде на хорошие барыши (gut zu dirwerben und in dem besten). Ссылки на тесный контакт с Краувеллами содержатся и в ответах на третий и двенадцатый пункты жалобы. Правда, сами Краувеллы, спрошенные по этому поводу, отрицали свою причастность к указанным в жалобе мероприятиям, но вряд ли их заявления в данном случае заслуживают доверия после известных уже нам заявлений герцогских советников от июля 1451 г. К тому же и данное донесение каммермейстера герцога Вильгельма начинается с рассказа о споре между Краувеллами и их соучастниками, с одной стороны, и бергмейстером Гансом Гертрихом, с другой — по поводу разграничения площадей разработок. Очевидно, что противоречивые объяснения, данные Краувеллами и Гертрихом в ответах на жалобы рудокопов, отражают столкновение их предпринимательских интересов в рудниках этого района.

Продолжавшаяся полемика по вопросу о целесообразности вложения денежных средств в технические сооружения приняла в 1457 г. весьма острый характер. Со стороны рудокопов — чле-

[32] См. выше прим. 22.

нов трудовых товариществ и отчасти со стороны мелких держателей куксов это была «борьба за существование» против предпринимательской деятельности должностных лиц и против предпринимательских элементов вообще. Ознакомившись с ответом бергмейстера и горного писаря в феврале 1457 г., самостоятельно работающие рудокопы представили другую жалобу, в которой они категорически настаивали на увольнении Ганса Гертриха с должности бергмейстера за то, что суммы, предназначенные на субсидию рудокопам, он расходует на установку насосных и других сооружений под предлогом, что рудокопы недостаточно усердно работают или без всякого предлога. Они вторично заявляют, что всем вложившим свои деньги в разработку рудника бергмейстер навязывает свое участие, как только он обнаружит в данном руднике хорошую добычу[33]. На совещании во Фрейберге в начале сентября 1457 г. жалобы рудокопов вызвали со стороны должностных лиц и предпринимательских групп пространные контраргументы. Устанавливаемыми техническими сооружениями можно осушить всю горную систему (den ganczin berg mit getrugen), и много есть богатых рудой мест на большой глубине и повыше, разработка которых без этих сооружений была бы совсем невозможной. Если, как указывают рудокопы, и данными сооружениями нельзя осушить глубочайшие пласты, то все же только при их помощи можно легкими средствами добраться до этих самых недоступных пластов, что в ином случае требовало бы больших затрат.

В защиту технических сооружений по осушению горных глубин выступили на этом совещании и представители средних предпринимательских кругов. Трое владельцев плавилен (waltworcher) высказались за установку сооружений на руднике «Редель», так как с их помощью можно добраться до таких пластов медной и серебряной руды, до которых старики никогда не добирались. При этом один из троих заявил, что взялся бы сам установить эти сооружения, если бы ему был сдан этот горный участок. Спрошены были Каспар Альбер, Никель Клюге, Никель Тешнер и др. Все они были бергмейстерами или намечались на эту должность[34]. Спрошены были и «Краувеллы с их компанией около 40 человек»[35]. Хотя они были противниками Гертриха, они все же высказались против требовавшегося рудокопами разрушения сооружений. На эти сооружения затрачено много денег и надо применять их на практике. За применение технических сооружений высказались и некоторые участники-предприниматели из города Фрейберга, а также рудокопы из разработок за Мульдой — больше 50 человек, которые указали, что этими сооружениями можно осушить весь рудниковый учас-

[33] FUB II, S. 159.
[34] Ibid., S. 157.
[35] Ibid., S. 162.— «...mit yrem gesellschafft wol uff XL personen...».

ток и за 8 грошей удалить столько воды, сколько нельзя было бы удалить и 20 рабочими. Имея в виду заявления противников сооружений о том, что из-за установки этих сооружений приостановлена добыча руды, которая могла бы еще быть обильной, замульдские рудокопы заявили, что технические сооружения оправдаются и будут доставлять большие выгоды в будущем [36]. Вместе с тем они обратили внимание на то, что без насосных сооружений вырубаются все уступы, в то время как глубины как в данных рудниках, так и в других остаются нетронутыми [37].

Советники герцогов, выслушав обе спорящие стороны и подведя итоги обсуждению на данном совещании, отнеслись скептически к аргументам противников технических сооружений. Им жалко, говорится в итоговом заключении, что суммы субсидий тратятся на сооружения, но они не могут привести в пользу требования о разрушении этих сооружений иных аргументов, кроме того, что без сооружений «можно было надеяться» на хорошую добычу, которая теперь приостановлена. Но ведь и сооружения устанавливаются с надеждой на хорошие прибыли [38].

В итоге решено было оставить технические приспособления и продолжать их сооружение в дальнейшем. Что же касается субсидий, то, хотя отказаться от них нельзя из-за бедности людей, их следует впредь давать не в виде авансов, которые не стимулируют работы, а только в виде поощрений за проведенную работу и притом на достаточной глубине путем установления более высокой цены на продукцию. В таком же духе высказывается и автор одного недатированного документа, составленного по поручению герцогов. Рудокопы, получающие субсидию, говорится там, работают не очень усердно и не используют всех возможностей, ограничиваясь выработкой своих потребностей на пропитание. Если же им субсидий не давать, то они будут стараться все добывать своим трудом. Поэтому лучше набавлять им за продукцию по полгульдену на марку [39–40].

Таким образом, попытки рудокопов — мелких производителей отстаивать во Фрейбергском районе условия сохранения трудовых товариществ участников оказались несостоятельными уже в 50-х годах XV в. В вопросе о путях подъема горного дела в этом районе одержали верх предпринимательские элементы, которые отстаивали путь технических улучшений и нововведений в рудниках, путь последовательного ограничения субсидий.

---

[36] Ibid., S. 161. — «...unde hoffin, iss worde unserm herrn wol gut thun in czukunfftigen geczyten».

[37] Ibidem. — «...dy habin strassen aussgehawin unde nicht ymtiffsten, das tiffste stet noch in der unde andern grubin».

[38] Ibid., S. 162. — «...als wol also dy kunste uff hoffenunge was guts zcu brengin gemacht sind...».

[39–40] Ibid., S. 164, Anm. «m».

т. е. те пути, которые вели к разорению и вытеснению трудовых товариществ и мелких участников-предпринимателей. Это, несомненно, означало успех капиталистического начала в развитии горного дела. Однако процесс, который вел к этому успеху, и его движущие силы были весьма сложными. В предпринимательской деятельности инвесторов типа Краувеллов и связанных с ними должностных лиц бергамта большое место занимали внеэкономические источники обогащения, которые открывали им их должности в горной администрации, прежде всего то, что они в силу предоставленных им привилегий распоряжались в значительной степени средствами герцогской казны и средствами участников горных товариществ. С характером этого процесса, сущность которого заключалась в слиянии этой категории инвесторов капиталов с должностными лицами герцогского бергамта, связано было вытеснение и ограбление мелких участников-предпринимателей и самостоятельно работавших рудокопов, а также, как мы увидим ниже, значительное ухудшение условий труда наемных рабочих.

В рассматриваемом донесении каммермейстера герцога Вильгельма приводится также жалоба наемных рудокопов. От имени герцогов им была обещана заработная плата в полноценных грошах новой чеканки, содержащих 18 геллеров. Однако горный писарь договорился с советниками о том, чтобы отказаться от этого обещания и рудокопам опять стали платить грошами по 15 геллеров. Они тайно ворчат и выражают свою печаль по поводу того, что горный писарь обогатился от нанесенного им ущерба. Гроши 15-геллерового чекана он давал вместо 18-геллеровых. Его уже и раньше обвиняли в таких злоупотреблениях, но он отрицал. Забойщики недовольны тем, что все должностные лица следуют советам писаря, который в курсе всех дел [41].

Привлекая в качестве инвесторов капиталистических предпринимателей типа Краувеллов и связанных с ними должностных лиц бергамта, с которыми они сращивались, саксонские герцоги не могли не обратить внимание на то, что интересы этих инвесторов, как их об этом предупреждали, в ряде случаев сталкивались с их собственными интересами и прежде всего с интересами самих рудников, самого горного дела. В конце 50-х годов со стороны герцогов предпринимаются попытки связаться с другим типом инвесторов, от привлечения которых они ожидают

[41] FUB II., S. 159.— «...dii knappen verczalten, myn gn. herren hetten yn hoche were zugesagit zu lonen... Als hette der bergschreiber mit den reten gefuget, daz man ym daz widder hette abgesagit und hette yn gelonet mit XV-hellergroschen... Item sy mummeln heymlich den gram, daz der bergschreiber sole rich worden sii von dem, das er darnach habe schildechte groschen zu XV hellern ingenommen und habe dii zu XVIII hellern gegeben: als sii er rich worden von yrem schaden... Item der bergschreiber weiss vil gelegenheyt alter sachen, und dii amptlute halden es vil nach syme rate, daz verdrisst dii hauwer».

завершения технической реконструкции рудников и штолен. 20 октября 1459 г. герцог Вильгельм заявлял о сдаче Гансу Мюнцеру из Фрейберга старой штольни с тем, чтобы он ее заканчивал и проводил в нужном направлении. При этом говорится, что штольня сдается «Гансу Мюнцеру и тем соучастникам, которых он себе привлечет». Когда они в ходе проведения штольни найдут руду и начнут ее добывать, то в течение 14 лет, начиная от даты этого документа, им будут платить за серебро как «чужим купцам» и, кроме того, им предоставляется полная свобода в эксплуатации их «штолен, рудников и масс». Они могут ставить столько забойщиков и рабочих, сколько пожелают, увольнять их или увеличивать их число. «И никто из наших должностных лиц, ни бергмейстер, ни другие не имеет права ни входить в их штольни, рудники и массы, ни чинить им в них какие-либо препятствия. И мы никому не разрешим этого ни письменно, ни устно»[42]. Затем указываются и другие уступки, в том числе и обещание герцога — в районе штолен, рудников и масс Ганса Мюнцера не сдавать участков и не производить работ, которые были бы во вред Мюнцеру и его соучастникам.

Обращение к Гансу Мюнцеру вызвано было тем, что он был богатым купцом и обладал возможностью мобилизовать путем привлечения средств соучастников нужные капиталы для вложения в строительство штольни и разработки рудников по пути ее проведения. Характерен другой документ — докладная записка должностных лиц герцогу Вильгельму от 23 апреля 1475 г., т. е. 16 лет спустя, в котором сообщается о готовности Ганса Мюнцера возвести техническое сооружение, которое должно ободрить (zu trost) милостивого государя и людей всей этой земли. «И, как мы понимаем, пишут авторы записки, если ему будет это разрешено, то он здесь такое предпримет, что несомненно было бы невозможно осуществить без его деятельности»[43]. Через два дня после этого, 25 апреля 1475 г., герцог Вильгельм получил письмо от другого саксонского герцога — от курфюрста Фридриха — по поводу «построек и оборудования» (gebwde und zurichtunge), которые Ганс Мюнцер готов соорудить, но требует больше уступок, чем те, которые даны были ему раньше (ein grosse fryheit, mer danne vormals). Курфюрст согласен дать эти уступки, так как он хорошо знает, что «Ганс Мюнцер является уверенным и состоятельным горным предпринимателем и понимает в горных делах и в горных постройках больше, чем кто бы то ни было в ваших и наших землях, а то,

---

[42] Ibid., N 1035, S. 171.— «Item yn sullen unnser amptlute, bergmeister oder ander, in yren stollin oder gruben und massen an yren willen nicht faren nach doran hinderniss thun.».

[43] Ibid., N 1074, S. 211.— «...unde als wir verstehen, so des an yn gesonnen wurde, das er sich eins sulchen annemen unde verfolgen mochte das sunst one zewivel one sein furnemen swerlich zcu gescheen stunde».

что он предпринимает в этом отношении, он в состоянии осуществить и притом без нарушения сроков, а, наоборот, опережая их. И если вложения для этого будут весьма велики, то он нисколько не пожалеет их сделать»[44].

Условия, на которых настаивал Ганс Мюнцер, прямо противоположны тем, которых добивались братья Краувеллы. Мюнцер не только стремился к сближению с бергамтом с целью получения регальных привилегий, но и требовал полной свободы деятельности, полного невмешательства должностных лиц бергамта в его дела, в том числе в его отношения с рабочими. Должностные лица бергамта не должны даже входить на его разработки. Добываемое на участках проводимой им штольни серебро он готов доставлять в герцогскую казну, но по полной цене, которая выплачивается «чужим купцам». В сделке с Гансом Мюнцером речь шла фактически об отказе регальной власти от важнейших пунктов «дирекционного принципа», о предоставлении инвестору свободы действий в отношении управления и в отношении найма и увольнения рабочих.

Настоятельная необходимость в капиталовложениях богатых предприимчивых людей заставляла герцогов серьезно обсуждать эти условия. Сообщая герцогу Вильгельму условия Мюнцера, курфюрст высказывался за их принятие. По меньшей мере, писал он, нам будет обеспечена десятина. Однако переписка между двумя герцогами, так же как и приведенное заявление герцога Вильгельма и докладная записка должностных лиц, показывают, с какой осторожностью герцогская регальная администрация относилась к таким инвесторам, как Ганс Мюнцер, требовавшим свободы деятельности, подрывавшей по существу основы регального управления. Осторожным и полным колебаний было также отношение герцогов и их советников к предпринимательской деятельности братьев Краувеллов и некоторых представителей должностных лиц. Герцоги и их советники чутко прислушивались к заявлениям и жалобам бюргеров и магистрата Фрейберга о засилье, установленном Краувеллами и должностными лицами, имеющими на разработках собственные интересы. Эта осторожная тактика и колебания отражают противоречивое положение горной регальной администрации в то время. Было очевидно, что для дальнейшего подъема горного дела необходимы капиталовложения, но в то же время сознавали, что приток капиталов несет с собою реальную опасность для руководящей роли герцогской администрации и для ее доходов. Отсюда стремление герцогов и их советников к привлечению к

[44] Ibid., N 1075, S. 212.— «...das Hans Muntzer ein getroster unde vermoglicher bergkman ist und sich der bergkwerck unde gebwdes mer danne ymands in uwer und unsern landen vorstehit und, wes er ym desshalben vornympt, das usszcufuren weiss und dass nichts sumlich sunder furderlich tut unde sich des darlegens, ap das wol gross sin muss, daruff zcu legen nicht bedawern lest».

участию в возделывании рудников Фрейбергского района таких инвесторов, при которых были бы сохранены без ущерба функции регальной власти и ее детальной опеки. Такими инвесторами представлялись бюргеры Фрейберга, зависящие от герцогов, которые предоставляли им налоговые и некоторые другие привилегии. Когда в Лейпциге в июне 1469 г. обсуждался вопрос о средствах на возведение штольни, горный писарь доложил: имеются «добросовестные люди» (redeliche lute), которые взялись бы проводить штольню, но при этом они требуют установления для них ряда лет, в течение которых они будут сдавать серебро на чеканный двор на тех же условиях, что и «посторонние купцы», в течение этого времени их обязанности по отношению к горной администрации будут ограничиваться десятиной. Как видим, эти условия аналогичны тем, которые были выдвинуты Гансом Мюнцером. Но за 1469 г. нет сведений о том, что это предложение, сделанное через горного писаря, обсуждалось герцогскими советниками. Зато сообщается, что в этой связи обсуждали следующий вопрос: можно ли мириться с тем, что город Фрейберг не платит ренты, ссылаясь на данную ему вольность, в то время как эта вольность была дана городу только при условии разработки горожанами рудников Фрейбергского района. Между тем, говорится в протоколе совещания, это условие не выполняется; в разработке рудников участвуют несколько человек и то только беднейшие [45]. Герцогские советники подчеркнули, таким образом, с какими инвесторами они предпочитают иметь дело. И это не единичное их заявление. В течение 40—60-х годов проводилась эта же линия на привлечение к участию в горных разработках Фрейбергского района самих горожан. При этом имелись в виду в первую очередь состоятельные ремесленники — мастера Фрейберга и других саксонских городов, т. е. те, деятельность которых, как рассчитывали герцогские советники, будет находиться под контролем. Вопросам, связанным с привлечением этой категории лиц, посвящен был в течение указанных выше десятилетий ряд совещаний с представителями Фрейбергского магистрата. На одном из таких совещаний в апреле 1449 г. представители магистрата сообщили герцогским советникам результаты своих переговоров с общиной города и с отдельными ремесленными цехами. Портные, сапожники, ножовщики и льноткачи обещали, что при удовлетворении их требований со стороны герцогских властей они будут участвовать в горных разработках своими средствами по силе своих возможностей без принуждения (unbetwungen nach irme vormoge). Пекари обещали то же и при этом обязались признавать решения магистрата в деле установления предела их возможностей (nach irme vermogen nach rathis irkentniss). Кожевники

[45] Ibid., N 1052, S. 196. — «...villichte dii armen allermeist etc.».

же и скорняки согласились считаться также с решениями должностных лиц по этому вопросу (wullen buwen nach irkentnis der amptleute nach irme vermoge) [46].

Однако представители Фрейбергского магистрата выдвигали на совещаниях с герцогскими советниками ряд требований в качестве условий их участия в горных разработках своими средствами. Прежде всего они требовали устранения засилья должностных лиц и владельцев плавилен, которые своими действиями стараются их вытеснить и ставят им всяческие препятствия. Затем они жаловались на распространение в деревнях городской округи промыслов, из-за которых они — городские ремесленники — беднеют и разоряются.

Таким образом, поиски капиталовложений в горное дело Фрейбергского района предпринимались в трех направлениях. Привлекались капиталисты типа Краувеллов, проникавших в самый аппарат бергамта и стремившихся к использованию в своих интересах регальных привилегий. Привлечение другой категории инвесторов — подлинных капиталистов — типа Ганса Мюнцера представлялось более эффективным, но вместе с тем содержащим большую угрозу регальной основе всего дела. С точки зрения регальных интересов более выгодным казалось привлечение мелких капиталов горожан-ремесленников, предпринимательские интересы которых не представляли еще непосредственной угрозы регальной власти. Однако при любом из этих направлений попытки сочетания капиталистических форм предпринимательства с сохранением регально-феодальной основы дела, всякая попытка извлечения капиталистической прибыли сверх регальных доходов связана была с усилением нажима на рабочих, с ухудшением их положения и условий труда.

Уже в 1446 г. Фрейбергский магистрат указал, что для подъема горного дела необходимо усилить дисциплину труда наемных рабочих как в шахтах, так и в плавильнях и, кроме того, снизить чрезмерные расходы по плавке. По вопросу о дисциплине горнорабочих магистрат требует, чтобы соблюдался полный рабочий день во все дни недели одинаково — по 6 или 8 часов в день в зависимости от количества смен. Затем чтобы на каждом рабочем месте в шахте были двое рабочих — в целях рационализации труда. В то время, когда один рабочий работает отбойным молотком, другой пусть собирает нарубленное им, очищает и уносит; каждый час эти рабочие меняются и так все рабочие часы. Тот же забойщик, которому приходится работать молотком последний час, не может уходить из шахты, пока не явится другой из следующей смены. В плавильнях рабочие должны старательно работать для тех, кто приносит туда руду для плавки, чтобы вырабатывалось как можно больше серебра.

[46] FUB II, N 1017, S. 129, Anm. «a».

Дальше говорится о необходимости снижения расходов по плавке [47].

В ближайшие после этого годы члены магистрата не ограничивались больше изложением своих пожеланий по дисциплине труда рабочих, но высказывались весьма определенно, что хотели бы сами участвовать в решении этих дел.

В марте 1449 г. представители магистрата жаловались герцогам, что должностные лица, распоряжающиеся герцогской субсидией рудникам, отказываются передавать эти суммы в руки участников. Они сами платят из этих сумм забойщикам за работу. Забойщики, не получая заработной платы у участников, работают меньше и хуже. В результате у самих участников ослабляется интерес к разработкам. «Затем много жалоб высказано было на то, что забойщики очень непослушны и очень небрежно и лениво работают на тех, кто вложил в разработки свои деньги» [48]. В том же месяце после этого созвана была вся городская община и все ремесленные цехи, которые подтвердили заявления представителей магистрата и указали среди причин слабого участия горожан в разработках на ленивую работу забойщиков и вдротников (trägheit der häuer und haspeler) [49].

На более широком совещании в апреле 1453 г. члены фрейбергского магистрата обвиняли должностных лиц в том, что те заняты больше всего своей коммерческой деятельностью и своими делами вообще и поэтому плохо следят за состоянием работ в рудниках и за состоянием штолен. Нерациональным и вредным для дела они считают то, что добыча ведется только по уступам и пройденным путям, а не по всему полю. Должностные лица заняты пивоварением и шинкарством, производством шахтных лестниц и других предметов оборудования и плохо следят за рудниками. Члены магистрата заявляют, что должностные лица, заинтересованные в успехах своих шинкарских дел, исходят из этих своих интересов и в своих отношениях с горнорабочими. Полагаясь на покровительство должностных лиц, горнорабочие не считаются с мнением тех, кто вкладывает в рудники свои

---

[47] FUB II, N 999, S. 97.— «...und das ye zcwen houwer uf einen slegel durch die woche, wanne sich das gebort, faren und sechs ader acht stunden in der gruben harren... und das sollin sie also halden mit dem wechsel des houwes und suberns die obin geschriben stunden gancz uss. Und das ouch der houwer, dem die letzte stunde und schicht gebort zu houwin, in der grubin harren, nicht uzfaren und sines losers darynne beytin sal... das die erbeiter die in den hutten erbeitin armen luten, die daryn faren, ir erez und gut, das sie daryn brengen, noch ordenlicher und redelicher wiese erbeitin und bereytin, uf das das dester meher silbers gemacht... Ouch den lutin... an der huttekost gutlichin thu und sie damidte nicht gresslichin ubersecze».

[48] Ibid., N 1013, S. 123—124.— «...dadurch deste mynre gearbeit und zugesehen wirt, und auch die gewercken darvon abliessig werden... Item wie vil clage geschyt, daz die hauwer sere ungehorsam sin, den luten yr gelt lesslich und obil abeverdynen».

[49] Ibid., N 1015, S. 127.

деньги. Рабочие забойщики своевольны и с ними невозможно разговаривать о том, что они плохо работают. Тому, кто хотел бы заявить об их нерадивости, они грозят убийством [50].

Осенью 1457 г. члены магистрата, объясняя, почему они не желают заниматься разработкой рудников, ответили, что горнорабсчие работают плохо, и никто не следит за тем, чтобы они работали усерднее, чтобы получаемая ими заработная плата была действительно заработана. В ответе уточняется, что горнорабочие забрасывают рудники, добывая руду только там, где легче; должностные же лица не следят за тем, чтобы работа велась как следует [51].

Требования представителей фрейбергского магистрата об усилении эксплуатации рабочих примыкают к жалобам на рабочих со стороны более богатых предпринимателей, а также должностных лиц. Среди причин, приведших к застою в горных делах, братья Краувеллы указывали в 1447 г. на большой вред от сговоров и солидарных действий горнорабочих между собою, от того, что горнорабочие устраивают много тайных совещаний и стараются действовать сообща, чего раньше никогда не было. «И как только кто-нибудь кого-нибудь одного (из них) затронет словами или действием, то все заступаются и сбегаются на собрания. Из-за этого задерживается работа в рудниках нашего государя и тех бедных людей, которые их разрабатывают. Когда эти сговоры и сборища будут устранены, то это принесет горному делу нашего государя пользу, а не вред» [52].

Еще несколько раньше — в том же 1447 г. — на существование объединения горнорабочих обратили внимание мюнцмейстер и горный писарь. Забойщики сговорились и взаимно обязались, что никто «без других или вопреки другим» не станет работать, а это, пишут они, теперь не только вредно, но и опасно. Авторы донесения предлагают также сместить бергмейстера и штейгера. Оба они — уже люди старые и больные, они очень мягки и податливы по отношению к рабочим, а отношение штейгера к рабочим даже вызывает подозрение. Необходимо, заклю-

---

[50] Ibid., N 1027, S. 144. — «Item sie sprechen, die hauwer sind eigenwillig und wollen mit yn nicht reden lassen, so sie nicht recht arbeiten, und wolt ymand gebrechen melden, die wollin die hauwer totslahen».

[51] Ibid., N 1032, S. 165. — «...daz dii hauwer nicht flissig sind an yrer erbeit und yn werde nicht zugeschen, daz sie getruwelichen erbeiten mussin, darmit daz lon verdinet wurde noch wirden... daz die hauwer dii bergwercke vorseczen und clubin, was sie licht glich gewynnen konnen, daz versumeniss gesche ouch der anpr[illegible] bolben, dij nicht zusche, daz die erbeit vor foll gesche nach notdorfft».

[52] Ibid., N 1004, S. 110. — «...das dy knappschaft vil heymliche rete machen unde offbrüche, das doch vor [illegible] gewest ist; unde lichte mag sich eyner mit eyme begriffen mit worthen adir mit wergken, so nemen sy sichs gar an unde loben czu hoff in eynen rat. Damit vorsumen sy unser hern bergwerg unde armer lute erbit, dy mit en buwen. Wen sulche rete unde offlöffte worden abgetan, das brechte unsers hern bergwerg fromen unde nicht schaden».

чают мюнцмейстер и писарь, поставить на их место людей более строгих, более твердых и более требовательных[53].

Чтобы понять специфику положения рабочих в горной промышленности Саксонии, следует иметь в виду, что в середине XV в. связь горнорабочих с собственным хозяйством — в деревне ли или на каком-либо горном участке, в ряде мест еще существовала, хотя процесс разорения самостоятельных хозяйств этих мелких производителей происходил неизменно. В то время как рабочие цеплялись за эти частицы своей самостоятельности, предприниматели, а также должностные лица бергамта стремились к тому, чтобы уничтожить их самостоятельность, чтобы поставить рабочих в полную зависимость от их труда по найму. Иоганн Кёлер приходит к выводу, что уже к началу XV в. слой свободных в двояком отношении горнорабочих, для которых работа по найму была основным и единственным источником жизни, был уже сравнительно широк[54]. Этого же вывода придерживаются и некоторые другие исследователи. Осторожнее будет все же утверждать, что в XV в. происходил процесс разрыва связи горнорабочих с их самостоятельными источниками жизни и что вокруг этого разгоралась борьба, занимавшая важное место в общем решении рабочего вопроса в горной промышленности. Характерным в этом отношении является обращение мюнцмейстера и горного писаря к герцогам от конца 1453 г., которое посвящено главным образом рабочему вопросу. Иоганн Кёлер, цитирующий это обращение, пишет, что в нем речь идет, очевидно, о наемных рабочих. И действительно, речь идет в этом обращении о рабочих объединениях, которые организованно прекращают работу в целях поддержки своих требований, и о спорных вопросах, связанных с заработной платой. Однако этот документ в целом показывает, что по крайней мере часть рабочих, которые в нем имеются в виду, еще связаны с самостоятельными занятиями.

Авторы обращения пишут герцогам, что забойщики — это «на редкость непослушный народ и легко поддаются мятежу. Они многое задумывают и принимают взаимные обязательства, которые, по нашему пониманию, не очень приятны и не целесообразны для вашей милости и для горного дела»[55]. Несколько ниже они разъясняют суть деятельности этих объединений. Если какая-то их часть не хочет работать, то и остальные должны

---

[53] Ibid., N 1000, S. 99.— «...den hauwern ires willens ezufallende unde gefolgig zere verdocht ist, also das uns duncket, das wol not were andere ernster, hertter und beruriger menner czu sulchen ampten die unde die hauwere czu vorwezen».

[54] J. Köhler. Op. cit., S. 94.

[55] FUß II, N 1029, S. 149.— «...das die hawer gar eyn ungehorsam zelczen folk ist unde leichticlichen sich uffweigen vil vornemen unde sich zcusambne vorbinden, daz euwern gnaden unde bergwereken noch unsserm vornemen nicht wol bequeme nach ratsam ist».

прекратить работу: их не допускают на рудник, не взирая на протесты должностных лиц. «Так именно они поступили после издания приказа Вашей милости, когда они больше восьми дней не работали, все рудники пустовали, и никто не был в состоянии заставить их работать» [56].

Как видим, здесь осуждаются действия горнорабочих, прибегающих к энергичным мерам в целях улучшения условий своей работы по найму. Несколько ниже авторы данного документа останавливаются на конкретном пункте спора о заработной плате. 250 забойщиков Фрейберга потребовали, чтобы заработная плата — 16 грошей в неделю— выплачивалась каждому из них в монете новой чеканки, в которой грош составляет не 15 геллеров, как в старой чеканке, а 18 геллеров. Против этого требования авторы обращения решительно возражают и тут же излагают свои расчеты. Каждому забойщику придется заплатить на 4 шиллинга геллеров, т. е. на 48 геллеров в неделю больше, чем раньше. На 250 забойщиков это составит тысячу шиллингов геллеров в неделю. Таким образом, за один год на заработную плату только забойщиков потребуется дополнительно к их прежней заработной плате еще 783 шокка 20 грошей или 47 000 грошей. Но наряду с забойщиками придется делать такие же надбавки и другим рабочим — кнехтам (очевидно, чернорабочим), воротникам и др. (knechte, hespelere, hundtlawffer, hutleuthe etc), что составит каждый год огромную сумму сверх прежней заработной платы [57]. Общие расходы на добычу руды возрастут таким образом на сотни шокков. Кроме того, «во всех плавильнях имеются рабочие разных профессий (in allen hutten hat man erbeiter, smelczer, slicher, herdehelfer, pocher, hutleute etc), получающие заработную плату в 15-геллеровых грошах. Дрова и уголь, расходуемые в плавильнях в течение года в больших количествах, также оплачиваются 15-геллеровыми грошами». Если с настоящего времени все это оплачивать 18-геллеровыми грошами вместо 15-геллеровых, то держатели плавилен не смогут этого выдержать, не повысив цены на серебро, и в результате *серебро для монетного двора от герцогских рудников «будет ненамного выгоднее, чем серебро, покупаемое у чужих купцов»* [58].

Дальше в этом обращении говорится о том, что и суммы, предназначенные на субсидию, возрастут соответствующим об-

---

[56] Ibidem. — «Wenne sie icht vornemen, daz ir eyn teils nicht wollen erbeten, so mussen die andern auch feyern, ader wollen ir nicht yn der czechen haben unde richten sich wenig noch den amptleuten, also nehst noch ussgange euwer gnaden gebot gescheen ist, do sie alle bergwerck lenger denne acht tage gancz abebw stehn lyessen unde nymandes sie vormochte, daz sie geerbeit hettn».

[57] Ibid., S. 151.— «...daz aber eyn jar uff eyne grosse summe geldes mehr denne vor lauffen worde».

[58] Ibidem., S. 151.— «..Wenne in sulcher wiesze queme, daz fry bergsilber nicht vil leichter yn die muncze denne sust fremder geste kauffsilber».

разом, а все перечисленные статьи, вместе взятые, составят излишек расходов в несколько тысяч шокков в год без всякой компенсации. Наконец, эти должностные лица приводят еще один более общий аргумент против требований горнорабочих о выплате заработной платы в 18-геллеровых грошах. Наша Мейссенская земля, пишут они, бедна предметами первой необходимости. Здесь мало вывозится и много требуется ввозить необходимых продуктов из других земель, а именно — рожь, пшеница, ячмень ввозятся каждый год в большом количестве из Чехии («и без этого нельзя обходиться»). Если этот ввоз оплачивать 18-геллеровыми грошами, то одна только чешская земля выиграет от этого до 2 тысяч шокков, а Мейссенская земля столько же потеряет, особенно город Фрейберг и его прииски. Но, кроме того, ввозится из чужих земель много других товаров—пряностей, одежды, бумазеи, сала, кожи, рыбы, сельди и др. Если все это покупать за 18-геллеровую монету, то от этого иноземцы, ввозящие сюда эти товары, будут иметь ежегодно избыток в несколько тысяч шокков в свою пользу, а население Мейссенской земли столько же потеряет [59].

Как видим, мюнцмейстер и горный писарь настаивают на необходимости держать заработную плату горнорабочих на низком уровне. При этом интересно, что, требуя для этой цели принятия мер против объединений горнорабочих, авторы обращения указывают на то, что́ дает рабочим возможность объединяться и облегчает им борьбу. «Нам представляется несправедливым,— говорится в начале обращения о забойщиках,— что многие из них живут в городе в своих домах и имеют там пропитание. Многие имеют также земельные участки и имущество в окрестных деревнях, где живут их жены и дети. Поэтому они позволяют себе организовать такие объединения» [60]. Другими словами: для того, чтобы держать заработную плату горнорабочих на низком уровне, необходимо, по мнению авторов обращения, лишить их собственного хозяйства и возможности существования без работы по найму.

В обращении говорится также о споре с теми забойщиками, которые получают субсидию и сдают серебро собственной добычи. К сожалению, нет указаний на количество таких забойщиков. Из текста видно, что речь идет и о таких забойщиках, которые регулярно работают как наемные рабочие и в то же время ведут самостоятельную разработку с помощью герцогской

---

[59] Ibid., S. 151—152.— «...sulde man daz aber alles nach XVIII hellern kauffen, es worde den usslendern, die es doryn brechten, des jares aber manch hundert fromen unde ynwonern des landes zcu Miessen schaden».

[60] Ibid., S. 149.— «...duncket uns das unbillich, so ir gar vil mit hewssern in der stat gesessen sient unde ir stathnarunge pflegen, auch vil mit erbe unde gutern yn umbegelegen dorffern und r euwern gnaden sitzen mit wieben unde kindern, daz sie sich yn sulche bunde geben».

субсидии. Суть конфликта с этими забойщиками заключается в следующем. Они требуют, чтобы субсидия и плата за серебро выдавались им крупными монетами — целыми грошами, а не мелкими — геллерами и пфенигами. Авторы обращения утверждают, что забойщики преследуют в данном случае свои корыстные интересы. Дело в том, разъясняют они, что чешское зерно, продающееся в Дрездене, Фрейберге и Пирне, продается большею частью за мелкую монету, которая больше всего имеется в обращении. Однако продавцы обменивают потом мелкую монету на гроши, уплачивая при этом за обмен 8, 9 и 10 грошей с каждого шокка. Если же покупатель платит им прямо грошами, то они уступают ему в цене и продают дешевле на сумму, равную стоимости обмена. Авторы обращения указывают ряд аргументов, почему, по их мнению, следует отклонить это требование. Главный их аргумент заключается в том, что герцогскому монетному двору выгоднее чеканить мелкую монету — геллеры, так как монетная пошлина (Schlegschatz) с геллеров втрое больше, чем с грошей[61]. При чеканке пятисот марок серебра в год в грошах шлегшатц составит едва 134 шокка, в то время как чеканка этого же веса серебра в геллерах даст шлегшатц больше 400 шокков.

Отметим прежде всего, что, как видно из этого документа, «многие» из наемных рабочих, работавшие во фрейбергских рудниках, имели какие-то источники существования самостоятельного характера в городе или в сельской округе Фрейберга, в том числе и в неисчезнувших еще совсем трудовых товариществах, получавших герцогскую субсидию и сдававших на монетный двор серебро. Какова была эта часть горнорабочих, в каком количественном отношении она находилась к другой части, для которой заработная плата составляла единственный источник существования, в данном случае неизвестно. Однако текст документа говорит о том, что обе эти категории рабочих были в рудниках Фрейберга. Должностные лица — авторы «обращения» считают, что наличие у наемных рабочих каких-либо самостоятельных источников существования является нежелательным, так как усиливает возможности сопротивления рабочих. Они считают также нежелательным удовлетворение требований об улучшении условий работы и сбыта для мелких производителей. Они настаивают на сохранении расплаты с мелкими производителями неполноценной монетой и на удержании заработной платы на низком уровне.

В отношении удержания низкой заработной платы предложения мюнцмейстера и горного писаря близки к требованиям участников-предпринимателей, которые были прямо заинтересованы

---

[61] Ibid., S. 150. «...wenne ye slegeschatz uff heller dryestand grosser ist denne slegschatz uff groschen».

в удержании низкой заработной платы. Однако в выступлении этих должностных лиц имеются особые пункты и аргументы, которые в данном случае выражают чисто феодальные интересы герцогской власти. Требования рабочих о расплате с ними грошами более полноценной чеканки (18-геллеровыми) должны быть, по их мнению, отвергнуты, потому что это привело бы в конце концов к тому, что серебро саксонских разработок будет обходиться чеканному двору так же, как серебро, купленное у иноземных купцов. Другими словами, это привело бы к потере преимуществ от феодально-регальной собственности на недра земли, а также к невыгодному балансу в торговом обмене с соседними землями. Наконец, расплата с мелкими производителями мелкой монетой необходима для сохранения высоких доходов от монетной монополии и прежде всего от шлегшатца.

Авторы этого обращения — мюнцмейстер и горный писарь — лучше выражают точку зрения бергамта, чем другие должностные лица. Мы уже знаем, что еще в июле 1447 г. мюнцмейстер и горный писарь требовали увольнения бергмейстера и штейгера за недостаточно строгое отношение к рабочим. Вспомним также, что бергмейстер и штейгер, это те должностные лица, которые в большей степени, чем остальные, включались на рудниках в предпринимательскую деятельность. В данном обращении позиция и аргументы бергамта высказаны с предельной откровенностью. Его представители требуют более строгого отношения к вопросам дисциплины труда рабочих, они объявляют нежелательным и вредным сохранение связи горнорабочих с каким-либо самостоятельным хозяйством и улучшение условий их заработной платы, потому что в усилении зависимости рабочих и их эксплуатации они видели залог укрепления и гарантии феодальных доходов, поступавших от регальной монополии на недра земли и от монетной монополии. Поэтому выступая в рабочем вопросе за общие интересы герцогского горного дела и предпринимателей, герцогские представители всегда имели в виду прежде всего особые интересы регальных господ, поэтому же они стремились не выпускать из своих рук управление и не допускать ослабления «дирекционного принципа».

Обращение от 1453 г. бросает свет и на высказывания представителей бергамта в более раннее время. В конце 1447 г. те же должностные лица повторили сделанные ими в июле того же года предложения о необходимости смещения слабохарактерного и мягкого бергмейстера, который не годится для управления рабочими. Нужен, писали они, знающий и строгий человек, который сможет обеспечить непрерывную и напряженную работу под неустанным наблюдением, чтобы таким образом достигалась все большая и большая глубина шахт и богатая добыча. Вместе с тем обращается внимание герцогов на то, что забойщики иногда являются участниками горнорудных товариществ, что, по

мнению авторов предложений, приводит к «засилью» забойщиков. Там, где им мало платят за работу, они работают плохо, а увольнять их и заменять более усердными рабочими не представляется возможным, так как, будучи сами участниками товариществ, забойщики препятствуют таким перемещениям и навязывают свою волю другим участникам [62].

В свете приведенного выше обращения мюнцмейстера и горного писаря от 1453 г. становится яснее, почему эти должностные лица так ревностно выступали против участия рабочих в горнорудных паевых товариществах, т. е. выступали в данном случае более ревностно, чем сами участники-предприниматели, и требовали установления строгого наблюдения со стороны верного делу бергамта бергмейстера. Имея в виду особые интересы герцогского бергамта, т. е. обеспечение феодальных доходов горного дела, авторы обращения считали первоочередной задачей сохранение в отношении рабочих «дирекционного принципа»: не допускать непосредственных деловых связей предпринимательских Gewerken с рабочими без контроля представителей бергамта.

В этой связи представляют интерес решения герцогских советников по вопросу о заработной плате рабочих. «Рудокопы и забойщики»,— говорится в документе, датированном 6 июля 1470 г.,— потребовали повысить их заработную плату. Когда же об этом было доведено до сведения участников, те сочли себя весьма «отягощенными» этим требованием и настаивали на том, чтобы все осталось, как установлено было недавно, или же они бросят ведение разработок. Герцогские советники долго совещались и обсуждали создавшееся положение и не могли прийти к иному решению, как только к тому, чтобы участники-предприниматели взялись уладить дело «с теми и другими забойщиками и обеспечить работу рудников» [63].

Иоганн Кёлер, приводящий из данного документа это последнее решение, останавливается на фразе «с теми и другими забойщиками» и комментирует ее в том смысле, что участникам предоставляется нанимать других рабочих, которые согласятся работать за существующую заработную плату без ее повышения.

---

[62] FUB II, N 1007, S. 115.— «...Wenne wo yzundt eyn hauwer teyl hat an eyner gruben do wil er von syner teyl weigen, ab der wol nicht vil sient, selber faren, sulche macht haben, daz er nicht sich wil ablegen lassen... also umbe deswillen, daz en lohn czu wirt...».

[63] Ibid., N 1056, S. 200.— «...als die Knappen und hower haben clagende anbracht des lohns halben zcu hohen, hat man yre clage gnuglichen an die gewercken gelangen lassen, und haben sich des gross beswert bedunckt und gebeten, dass man es bie dem lassen wolde, ...oder musten die bergwerck ligen lassen unnd trawten der nicht zcu enthalden. Darinne haben der fursten rete von beyden teylen vil handels unnd ratslages gehabet und haben das nicht wieter brengen mögen, denne das sich die gewercken gewilliget haben mit den und andern hawern die bergwerck zcu versorgen».

Кёлер видит в этом доказательство наличия в то время достаточных резервов наемной рабочей силы, существование которых подтверждается, по его мнению, и другими источниками[64]. С этим следует вполне согласиться. Еще важнее, однако, в данном документе его последующая часть. В ней говорится, что, решая предоставить самим участникам обеспечение рудников рабочими, «герцогские советники на секретном совещании обсуждали вопрос, понимают ли должностные лица, какой вред для герцогов и для горного дела проистекает из этого, понимают ли они, *что в этом деле должностные лица бергамта должны иметь право быть посредниками между участниками-предпринимателями и рабочими, отстаивая пользу герцогов и горного дела*»[65]. Это означает, что в действительности герцогские советники не собирались отказываться от «дирекционного принципа», что, формально предоставив предпринимателям вербовку рабочих за низкую плату, они вместе с тем рассчитывали оставаться решающей инстанцией в отношениях предпринимателей с рабочими, действуя, когда нужно, тайно от них.

Стремление участников-предпринимателей к ведению самостоятельной линии в отношении рабочих не устраивало герцогский бергамт, который, как мы уже видели, преследовал здесь свои феодально-регальные интересы. Рабочий вопрос, точнее вопрос об управлении рабочей силой, сделался тогда во Фрейбергском горном районе и в Рудногорном районе вообще одним из главных пунктов борьбы между бергамтом и Gewerken. При этом характерно, что представители бергамта, требовавшие проведения более строгой линии в отношении рабочих, настаивавшие на отрыве их от самостоятельной хозяйственной деятельности и добивавшиеся удержания их заработной платы на низком уровне, старались путем тайного подкупа иметь близкий контакт с квалифицированными рабочими плавилен, которые считались незаменимыми. В том же документе от июля 1470 г. приводятся конкретные меры герцогских советников в отношении рабочих, требующих повышения заработной платы. Штегеникель и его брат, «без которых нельзя обходиться в плавильне при очистительной перегонке серебра» (des treybens halben), также просят повышения своей еженедельной заработной платы. Но если, говорили советники, удовлетворить это требование, то это вызовет большие трудности (grosse beswerunge) с другими рабочими и служащими. Поэтому Штегеникелю обещали дать тайно (in gehey-

---

[64] J. Köhler. Op. cit., S. 97.

[65] FUB II, N 1056, S. 201. «...doch so haben der fursten rete in geheyme darinne gewegen, ob die amptlute vorstunden, das schaden der fursten und bergwercken davon entstehen mochte, das sie gein den gewercken und hawern als mittel darinne zcu handeln macht haben sollen, was der fursten und bergwerck nutz sein mochte».

me) один шокк (60) грошей в новой чеканке, а его брату списали такую же сумму с его задолженности.

Там же приводится сообщение о том, что рабочие плавилен намеревались поднять бунт из-за заработной платы, но должностным лицам удалось уговорить их соблюдать спокойствие до предстоящего совещания во Фрейберге. Однако, говорится от имени герцогов, следует опасаться, что они снова вернутся к тому же и нужно что-то придумать для предотвращения этого, потому что в данном городе нельзя найти им замены.

Представители герцогской администрации, стараясь укрепить в своих руках все управление горным делом, проводили ряд мер, которых требовали предприниматели. На совещании в июне и июле 1451 г. советники указывали, что в целях привлечения состоятельных горожан к участию в разработках, необходимо улучшить горную администрацию, которая, имея в виду пользу господ, будет вместе с тем стараться, чтобы «деньги членов горных товариществ (berggnossen) лучше применялись», чтобы работа велась в тех местах, где есть хорошие данные на обильную добычу, а не только там, где добыча едва покрывает недельные расходы, «как об этом жаловались участники-предприниматели», чтобы постоянно велись изыскания таких лучших мест. Следует также удовлетворить требования предпринимателей в отношении плавки [66]. Вскоре после этого советники курфюрста Фридриха и герцога Вильгельма договорились между собою, чтобы мюнцмейстер и горный писарь в ближайшую субботу разъяснили должностным лицам, цехмейстерам и рабочим, как следует работать, чтобы люди получали хорошую прибыль на вложенные ими деньги и как подчиняться распоряжениям должностных лиц. Это надо прочесть, повторить и приказать, чтобы горный писарь записал [67].

Дело обеспечения выгод предпринимателей берет на себя целиком горная администрация. Распоряжения горной администрации в отношении рабочей дисциплины и условий труда горнорабочих показывают, что ее представители преследовали здесь особые интересы и шли дальше предпринимателей, особенно в своем стремлении лишить рабочих возможности иметь самостоятельное хозяйство. *Этими стремлениями продиктовано было распоряжение герцогских советников от 29 апреля 1449 г. о всеобщем введении восьмичасовой смены вместо шестичасовой*, причем все смены должны быть одинаково полными, в том числе и субботние. Горнорабочий, который «по уважительной причине» не сможет выйти на работу, должен дать вместо себя

[66] FUB II, N 1021, S. 135.

[67] Ibid., N 1022, S. 139.— «...wii man erbeyten und den luten yre geld wol abeverdynen sal, und den amptluten gehorsam zcu sien eigintlichen lesen, vernüwen und sie das heissen sollen, als das dann der bergschriber allis in registern beschreben had».

другого «молодого работника». Проявляющие нерадение в этих делах подвергаются денежным штрафам[68].

Удлинение рабочей смены с 6 до 8 часов — одна из тех мер, которые затрудняли рабочим возможность самостоятельных изысканий и разработок. Рабочие долгое время выражали свое недовольство этой мерой, нарушающей старые обычаи[69], и вместе с тем на совещании в Лейпциге 1 июня 1469 г. рассматривалась жалоба рудокопов, требовавших, чтобы им разрешено было в свое свободное от работы время, после выхода из шахт заниматься «собственным горным делом» до того времени, «когда им нужно будет снова приступить к работе по найму». При этом они настаивали на том, чтобы их собственным разработкам оказывалась помощь, в частности, чтобы им предоставлялась древесина и лестницы[70]. На это им ответили, что «должностные лица хорошо знают, как следует поступать в данном случае. Пусть работают, если справятся, но на какую-либо поддержку нет распоряжения наших милостивых государей. В поддержке им отказано»[71].

Очевидно, что фрейбергские забойщики, о которых идет речь в этом документе, жили уже в основном своей работой по найму. Вслед за приведенной жалобой и ответом на нее сообщается еще об одной их жалобе. Они требуют повышения заработной платы и указывают, что на существующую недельную заработную плату в 10 грошей они жить не могут, так как предметы питания приходится покупать за полноценную монету новой чеканки. В ответе этот факт не отрицается. Несомненно также, что полный разрыв этих горнорабочих с самостоятельными разработками еще не наступил, что при низкой заработной плате рабочие добивались дополнительных средств к жизни. В данном документе сообщается еще об одной жалобе горнорабочих. Закупщик руды заставляет их продавать ему свою руду на невыгодных условиях и в неблагоприятное для них время. В ответ рудокопам было сказано, что закупщик сам хорошо знает, как

---

[68] Ibid., N 1016, S. 128.— «...mit den hauwern oberkomen, daz sie alle gemeynlichen ir schichte mit der achten atunden faren sullen, die sie vormals mit der sechsten stunden haben gefaren, und sulle faren alle schicht eyne als die andere gancz uss, besundern die sontages obentschicht, ob die eyn hauwer von redelicher orsache weigen nicht gefaren kunde unde wolde, so mochte er eynen jungen hauwer an syne stat gewynnen. Wer doran sewmigk worde, deme sal man syn geld, als gewonlichen ist, dovor uffheben, ane wederrede».

[69] Ibid., N 1050, S. 195.

[70] Ibid., N 1052, S. 197.— «Die knapen... habin gebeten yn zcu gonnen in yrer frien zcit, so sie uss der grubin stigen mogen, eigen bergwercke erbeiten, biss das yn wider geburt inczufaren an yre erbeit, dii man yn verlonet etc. und daz man yn darzcu holcz und leittern zulegte zu sture etc».

[71] Ibidem.— «Daruff ist yn geantwort, man lesst daz stehn bii den amptluten und bergmeistern, wissin sich darynn wol zcu halden. Sie mogen erbeiten, wo sie mogen; abir daz man yn sture in sunderheit darczu tun solle, daz habe man nicht in bevel von unsern ghedigen, herren, und hat das abgesaget».

ему производить закупки руды с пользой и без вреда для милостивых государей. «И нечего ему давать на будущее время каких-либо инструкций» [72].

Категорический отказ горнорабочим, занимающимся в свободное время собственным шурфованием, в какой-либо помощи по плавке интересно сравнить с рядом заявлений тех же советников, отчасти нам уже известных, по поводу жалоб предпринимателей о затруднениях с плавкой и о больших расходах в плавильнях. Тем неоднократно обещали всяческие облегчения условий плавки и прежде всего сокращения расходов. Ответ же, данный горнорабочим, наряду с категорическим отказом в какой-либо помощи свидетельствует о намерении горной администрации поставить «собственное» бурение рабочих в невозможные условия.

Важно отметить, что по обоим вопросам, имеющим решающее значение для судьбы самостоятельных шурфований горнорабочих, отрицательный ответ дается без всякого обращения к участникам-предпринимателям. Обращение к предпринимателям предусматривается только в ответе на требование повышения заработной платы. Данное лейпцигское совещание советников и должностных лиц рекомендовало запросить Gewerken, согласны ли они на повышение недельной заработной платы горнорабочим с 10 до 12 грошей, «но не выше» [73]. Дело с этим запросом в ожидании ответа герцогов затянулось. Тогда (как сообщили должностные лица Фрейбергской горной администрации герцогу Вильгельму) объединение забойщиков заявило о прекращении ими работы ввиду того, что лейпцигское решение о повышении заработной платы не реализуется. «Вот и остаются рудники из-за забойщиков в состоянии бездействия, что наносит вашей милости немалый вред» [74].

Авторы письма просят указаний насчет лейпцигских рекомендаций. В своем ответе от 18 августа герцог Вильгельм поручает фрейбергским должностным лицам вступить в переговоры с участниками и выяснить, желают ли они улучшения заработной платы горнорабочим в духе лейпцигских рекомендаций: по-

---

[72] FUB II, N 1052, S. 197.— «Daruff ist yn geantwort, der erczkouffer wiss wol, wie er iglich erez kouffen moge, daz er daz mit fromen czu gute gemachen moge ane m. g. h. schaden, und man wisse yn darynnen furder nicht zcu hossen».

[73] Ibidem.— «Daruff ist geratschlaget, daz man daz lisse gelangen an dy amptlute, ob dii gewercken wolten dy zulegunge tun, daz man yn daz lon hogene uff XII gute gr. und nicht hocher».

[74] Ibid., N 1053, S. 197. «...dass die knappschaft der Häuer erklärt habe, nicht mehr arbeiten zu können, da die kürzlich zu Leipzig auf ihr Gesuch um erhöhung des Lohns in Aussicht gestellte Antwort der Landesherrn noch nicht eingetroggen sei.

Als legen iczum die bergwerk alhie der hoyer halben ganez darnyder ungearbeit, davon uwern gnaden nicht cleyner unrat enstet».

высить ее на два гроша, чтобы она оставалась в сумме 12 грошей «и больше не повышалась» [75].

Все приведенное выше не оставляет никаких сомнений в том, что феодальная горная администрация в вопросе о нажиме на горнорабочих шла значительно дальше предпринимателей. Хотя последние также были заинтересованы в снижении заработной платы рабочих, герцогская администрация не доверяла им, указав, что повышение заработной платы больше, чем на два гроша в неделю, не может быть допущено. Если сопоставить это место с приведенными выше заявлениями горцогских советников о том, что удовлетворение требований рабочих в отношении заработной платы грозит подрывом феодальных доходов от горных разработок, и о том, что герцогской горной администрации следует оставаться посредником между рабочими и предпринимателями, то мотивы рабочей политики герцогской администрации станут совершенно ясными. Речь шла о борьбе за прибавочный продукт труда рабочих. Регальная власть, добиваясь капиталовложений из разных источников, старалась, чтобы предпринимательская прибыль инвесторов шла не за счет сокращения регально-феодальных доходов, поглощавших в основном прибавочный продукт труда рабочих, а за счет более усиленной эксплуатации рабочих. В этом заключается основной смысл для горной администрации в сохранении регального «дирекционного принципа».

Еще более непримирима горная администрация была по отношению к самостоятельной хозяйственной деятельности горнорабочих. Здесь их позиция чисто отрицательная, причем никакого вмешательства участников герцогские советники не допускают. Вопрос о самостоятельной хозяйственной деятельности горнорабочих в конце концов также сводится к вопросу о возможности снижения заработной платы. Нам уже известно заявление герцогских советников о том, что самостоятельная деятельность горнорабочих поощряет их на «своеволие» в требованиях повышения заработной платы, на прекращение работ и организацию объединений в случае отказа им в удовлетворении их требований. Недоверие герцогской администрации к предпринимателям в этом вопросе, несмотря на то, что и те выступали противниками объединений горнорабочих, нетрудно понять, если иметь в виду, что предприниматели, вступавшие уже в конфликты с горной администрацией, могли тогда смотреть на горнорабочих в известном смысле как на своих потенциальных союзников. Материалы о волнениях горнорабочих в первой четверти XVI в., о которых идет речь в пятой главе, вполне это подтверждают.

[75] Ibid., N 1054, S. 198.— «...ab sie der Knappschaft wolten or lon bessern, daz sie yn dy zcwene gr. zulegeten, also daz es by den XII gr. blebe und nicht hocher getreben wurde in massen der Abscheit zu Lipczk gewest ist».

Приведенные выше материалы о недовольстве участников-предпринимателей их отстранением от управления и от решения очередных вопросов производства и отношений с горнорабочими не являются единичными. На совещании герцогских советников с должностными лицами в августе 1460 г. обсуждался вопрос о том, что *участники, не получающие герцогской субсидии, не позволяют бергмейстеру и другим должностным лицам «спускаться в шахты и управлять ими на пользу князей и общую пользу*, между тем, как предусмотрено в первой статье, должностные лица должны управлять всеми горными разработками»[76].

В первом пункте решения этого совещания действительно говорится о назначении специального человека для приема серебра как с разработок, получающих субсидию, так и со «свободных», и сдачи мюнцмейстеру. При этом подчеркивается, что главная функция этого нового должностного лица будет заключаться в аккуратном собирании герцогского шлегшаца. Другими словами, неизменное управление всеми горными разработками, в том числе и несубсидиальными, необходимо в целях регулярного поступления шлегшаца, т. е. монетной пошлины. Но монетная пошлина вела в конце концов к низким ценам за сдаваемое серебро. Поэтому участники, требовавшие установления более высоких цен на серебро с несубсидиальных разработок, не хотели допускать должностных лиц на эти разработки.

Недовольство участников вмешательством горной администрации в отношения с рабочими проявилось и в 1470 г. Когда герцоги предупредили магистрат Фрейберга о том, что, если горожане не станут более усердно разрабатывать рудники, им придется выполнять повинности, от которых они теперь освобождены, и вслед за этим указали должностным лицам следить, чтобы возведение штолен велось достаточным количеством рабочих[77], то ремесленники и община Фрейберга выдвинули перед герцогами свои контрпретензии. С давних пор велось, что счета рабочих находились у участников. Теперь же их взяли в свои руки должностные лица; они стали нанимать и увольнять рабочих, когда и сколько им угодно. Фрейбергская община настаивает, чтобы эти новшества были устранены[78].

Подобные заявления участников все больше раздавались по мере того, как становился ясным характер управления горным

[76] Ibid., N 1036, S. 174.— «...in dy grube stigen und yn regiren in der fursten und gemeyn besten. Das ist bewart und anders bestalt ym ersten artickel, wanne dy amptlute sollin alle bergwercke regirn».

[77] Ibid., N 1057, 1058, S. 202.

[78] Ibid., N 1060, S. 203.— «Item die reitungen weren vor alders und bissher bey den gewerken gewest; **dy zcogen nu dy** amptleuwte zu sich und legeten hewere zu und abe, wanne und welche sy wolden, das sy vormals hinder den gewerken nicht zu thun gehabt hetten, das yn ouch beswerunge brechte, das sulchs bey unserm bergrechte und alder gewonheit bliben mochte».

делом со стороны герцогской администрации. Предписание герцогов должностным лицам выяснить количество рабочих, которых следует поставить на проведение штолен в целях ускорения их завершения, вызвало возражения самих должностных лиц, указавших, что в ходе работы может обнаруживаться необходимость увеличения или сокращения числа рабочих, что если в одну неделю потребуется рабочих в большем количестве, то в следующую неделю может выявиться необходимость в сокращении этого количества [79]. Главное же, на что обратили внимание должностные лица после осмотра вместе со старейшими забойщиками строительства штолен,— это необходимость дополнительных денежных вложений, без которых нельзя ускорить проведение штолен; средств фрейбержцев для этих целей недостаточно.

На переговорах с герцогскими советниками представители фрейбержцев потребовали дополнительных льгот по повинностям, которые они несли в силу своего территориального подданства, и разрешения привлечь участников со стороны. Такое разрешение было дано для того, чтобы форсировать работы над проведением штолен [80], но с условием, что герцогским доходам не будет нанесен ущерб и что будет соблюдаться горное право. Тем не менее в 1475 г. должностные лица снова обращают внимание герцога Вильгельма на большой урон, который терпит горное дело из-за того, что штольни еще не готовы, и при этом сообщают, что фрейбержцам оказывается не под силу производить большие затраты лишь в надежде на будущее, к тому же цену на серебро фрейбержцы считают недостаточной, если господские вольности не будут расширены. Поскольку у людей нет стимула к более усердным работам, последние ведутся только в старых рудниках. К расширению же промыслов и производству новых изысканий у них в настоящее время нет стимула [81]. Очевидно, что в ответ на это заявление в начале 1476 г. было принято решение о сохранении еще на два года льготной повышенной цены на серебро [82]. В тот же день опубликовано было заявление герцогов о необходимости снижения плавильных

---

[79] Ibid., N 1063, 1064, S. 206.— «...so man die Arbeit anhub, muste man ein woche mehr arbeyter wenne by ander haben, und wy lange sich die arbeit wurde vortzyhen, konnen sie nicht wissen».

[80] Ibid., N 1065, S. 207.— «...und ab sie ymandts doran zu gewercken zu sich nemen mogen, ist yn gesagt worumbe das nicht, sie mogen gewercken zu sich nemen und den stollen angriffen...».

[81] Ibid., N 1084, S. 215—216.— «...die lewte sint swach unde muhde zcu buwen, in meynunge das die darlegunge gros unde dennoch erst das hoffen doran sey, auch das yn das silber etwas leicht bezalt werde... Dann man hebt iczunt nichts newes an, sundern das cleyne, das man gewynnet, das kompt gemeynlich auss alden gruben unde strossen, halden unde bechern».

[82] Ibid., N 1085, S. 216—217.

расходов путем увольнения тех рабочих и должностных лиц, в которых нет особой необходимости[83].

Жалобы участников-предпринимателей продолжались. 25 февраля 1478 г. они жаловались на вредный для них порядок продажи руды герцогскому закупщику, на дороговизну плавки и общие невыгодные для участников условия пользования плавильнями, на препятствия, чинимые им в их стараниях получать авансы (verlag) на руду у богатых купцов[84]. Жалобы участников касались разных сторон регального управления горным и плавильным делом, однако больше всего они направлялись против передачи должностным лицам бергамта всего дела найма и увольнения рабочих. Участники указывали на вред горному делу, наносимый при этом злоупотреблениями должностных лиц. Характерно обращение бургомистра и членов Фрейбергского магистрата, в котором они настаивают на сохранении запрета бергмейстерам заниматься пивоварением и шинкарством на промыслах. Чтобы побуждать рабочих «распивать его пиво», бергмейстер отказывает в выгодной работе тем из них, которые ему не по душе. Часто бывает, что в этой связи он увольняет без ведома участников честного рабочего и принимает на его место неподходящего. К тому же, проводя у бергмейстера время «и днем и ночью», рабочие опаздывают на работу, а их заработная плата тем временем все же идет. Это, пишут авторы обращения, тягостно для тех бедных людей, которые разрабатывают рудники, наносит урон герцогам и вред горному делу[85].

Но герцоги считали необходимым продолжать эту практику, мотивируя тем, что без административного нажима на рабочих невозможно улучшение горного дела. В своем обращении к Фрейбергскому магистрату в 1480 г. герцог Альбрехт убеждает участников в том, что для повышения производительности рудников необходимо побудить рабочих к более интенсивному труду. Герцог приказывает магистрату вызвать участников и сообщить им мнение герцогов о целесообразности перевода рабочих на «поурочную» заработную плату. Это даст сокращение расходов на наблюдателей. Работа будет производиться усерднее и деньги предпринимателей будут применять в будущем с большей пользой. При этом бергмейстеру приказано, чтобы он присутствовал при установлении «уроков», отмечал особыми знаками и производил обмер выполненных работ по участкам. Должност-

[83] FUB II, N 1086, S. 218. — «...den erczkeuffir, die huttenknecht und arbeiter, auch ander amptlute, die uch nit not bedunken zu haben, urlobet, das unnutze kost, die wochenlich uff uns gehit, vormyden blibe».

[84] Ibid., N 1092, S. 221. — «...desshalben eyns guten vorlegers woll not sey, der die hutten mit geborlichem vorrat statlich enthalde, unde ouch den, die ercz unde doch nicht genug zcu statlichem smelczen hetten, vorstandt thun mochte mit leyhen uff das ercz, biss si das genug habenn unde mit widdereinsetczen der slackenn noch nutz gesmelczenn mogen».

[85] Ibid., N 1073, S. 210.

ные лица не должны жалеть труда и стараний для того, чтобы по отношению к участникам, забойщикам и рабочим все совершалось по установленным правилам [86].

Таким образом, в то время как участники жаловались на плохое управление, осуществляемое горной администрацией, и на низкие прибыли, вытекающие из монопольных феодально-регальных прав герцогов, герцоги настаивали на том, что все дело в неусердии рабочих, что необходимо изыскать пути для повышения интенсификации их труда и при этом должностные лица горной администрации должны быть посредниками между предпринимателями и рабочими, сохраняя контроль в своих руках. Участники-предприниматели были также заинтересованы в усилении нажима на горнорабочих. Так, они выражали недовольство тем, что им приходится теперь давать рабочим освещение и отбойные клинки (unschlitt und eisen), которые раньше рабочие сами имели [87]. Однако предприниматели считали одно только усиление нажима на рабочих недостаточным и выдвигали требования, которые затрагивали и регально-феодальные доходы, и «дирекционный принцип». Этот обострившийся в 70-х годах XV в. конфликт горной администрации с участниками выявил большие трудности, связанные с попытками решить проблемы капиталовложений путем привлечения средств фрейбержцев и других горожан и сохранить при этом незыблемым «дирекционный принцип». Горная администрация не удовлетворяла требований участников, которые она считала далеко идущими и затрагивающими интересы регальной власти; участники же утверждали, что при существующем положении рентабельность разработок очень низка, и воздерживались от их расширения. Необходимое, по общему признанию, техническое обновление разработок путем проведения новой системы штолен сильно затягивалось. Горная администрация обращалась к отдельным более крупным капиталистам, что она делала, как нам уже известно, не очень охотно. Привлечены были богатые бюргеры Фрейберга Ганс Мюнцер [88] и Иорг Корснер [89], цвиккауский богач Мертен Ремер [90], возможно, и другие, но, очевидно, эффект был не велик. В докладной записке должностных лиц около 1480 г. гово-

---

[86] Ibid., N 1101, S. 225.— «Hirumbe ist unser begerung ir wult dieselben gewercken vor uch vordern yn sulch unnser gute meynung vorhalten und sie dorczu weissen hinfur ire gebewde zcu vordingen. Habin wir unserm bergmeister by uch bevolen, das er bey den gedingen sein, die stufen slagen unnd er ader unnser steiger, wenne die gedinge vffgearbeit werden, widder abmessen unnd darob sein sol, das den gewercken, auch den hewern unnd arbeitern recht geschee, vleiss dorinn anzcukeren nicht aparen, uff das sulch unflissig arbeiten vorkomen unnd den gewercken it gelt baz und nutzlicher danne vor abgedinet wurde».

[87] Ibid., N 1102, S. 228—229.

[88] Ibid., N 1074—1075, S. 211—212.

[89] Ibid., N 1098, S. 224.

[90] Ibid., N 1051, S. 196.

рится, что работа над Эльсбергской штольней, которую покойный Ганс Мюнцер взялся закончить в 2—3 года, тянется уже одиннадцатый год и сделано еще немного. Между тем, как говорится в докладной записке, из-за задержки работы над штольнями приходится производить много лишних затрат на рабочую силу и на материал [91]. Затем авторы записки рассказывают о взаимоотношениях горной администрации с участниками в последние годы. Сохранение еще на два года повышенной цены серебра оказалось малоэффективным: не видно существенного усиления работ, не начаты новые разработки. Участники предъявляли новые жалобы. Им приходится тратить много средств на доставку руды на плавильню, а также на доставку десятины. Ввиду того, что закупщик не принимает у них мелкими количествами, им самим приходится отлучаться для плавки и доставки серебра мюнцмейстеру, и тем временем их рабочие сидят без дела [92]. Недовольство участников связано, таким образом, еще и с запретом свободной продажи руды и с невыгодными условиями ее доставки. Ряд их жалоб касается условий плавки и порядков в плавильне, где их обирают не только путем установления высоких цен на материалы, необходимые для процесса плавки, но и в результате значительных потерь серебра, которое извлекается из шлака и тиглей и остается в плавильне. Временное повышение цен на принимаемое серебро сводится к нулю тем, что по повелению герцогов весовая единица серебра — марка — содержит теперь на два лота серебра больше и, кроме того, взимается десятина и с плавильных расходов. Участники заявляли, что им трудно разрабатывать рудники, так как все, что добывается, приходится отдавать «нашим милостивым государям». То, что им с одной стороны дается, с другой стороны у них забирается [93].

Общий смысл всех жалоб участников сводится к тому, что при существующем регально-феодальном управлении горным делом вложение капиталов, устройство новой системы штолен и разработка новых рудников не представляется возможным.

О том, насколько регально-феодальная монополия сковывала предпринимательскую деятельность во фрейбергском горном деле в XV в., можно получить некоторое представление из следующего факта. Согласно документу, относящемуся ко времени между 1464 и 1477 гг., некий Петер Хогебиль из Брауншвейга

[91] Ibid., N 1102, S. 226.

[92] Ibid., S. 229.— «Die gewercken verkouffen vil lieber, danne das sie zur hutte faren. Es were yn auch wol bequemer, danne die wyle sie zcur hutte faren unde das erez in der hutte arbeiten lassen, so mussen sich ire arbeiter domitte seumen, unde were allenthalben besser, sie liessen die wyle noch eynem andern kouffe arbeiten».

[93] Ibid., S. 235.— «...was das were, das man yn an eynem ende gebe unde am andern weder neme, danne sie misten itzunt die huttekost verszcenden, das were vor nicht gewest».

взялся ввести в действие в деле плавки руды во фрейбергских плавильнях свое техническое усовершенствование, применение которого дает возможность получать из руды большее, чем до сих пор, количество серебра и свинца [94]. За это он просил предоставить ему на десять лет право закупки руды во Фрейберге на следующих условиях. Он будет сдавать на монетный двор по установленным ценам столько же серебра, сколько сдавалось раньше, и еще треть из добавочной выплавки, которая явится результатом применения данного усовершенствования. Остальные две трети добавочной выплавки он и его соучастники будут иметь право продавать свободно любому покупателю. Только в том случае, если герцогская казна согласна будет заплатить ту же цену, которую предлагают чужие купцы, она будет иметь право преимущественной покупки.

Как видим, участники-предприниматели энергично отстаивали свободное распоряжение хотя бы частью продукции. Между тем свободная продажа продукции и вопрос о цене серебра — не единственные вопросы, составлявшие предмет их постоянных жалоб. Их заявление в последней из приведенных жалоб о невыгодности ведения работ, а тем более их расширения при существующих условиях, когда вся почти добыча у них забирается, не было простой угрозой. Очень важным в этой связи является один документ конца XV в. (после 1484 г.), представляющий собою ряд записей о положении горного дела в районе Фрейберга. Авторами документа, судя по его содержанию, были близкие к горной администрации знатоки горного дела (Bergverständige). В первой части своих записей они указывают некоторые причины застоя и упадка горного дела в данном районе, а затем рисуют создавшееся к концу XV в. положение. Они избегают говорить о глубоких коренных причинах и указывают лишь отдельные злоупотребления и неполадки. Нехорошо, пишут они, что закупщик руды служит в плавильне в качестве пробирщика и прогонщика (treyber). Будучи заинтересованным только в своих выгодах, он неохотно скупает руду и затрудняет для участников ее продажу мелкими количествами и поддержание непрерывности процесса добычи. Немало вреда приносит и то обстоятельство, что ни закупщик руды, ни писарь плавильни не умеют ни писать, ни читать [95]. Но ведь в плавильне необходимо все время производить расчеты и записи. Указываются и другие неполадки и злоупотребления, которые, конечно, не являются коренными причинами, а являются результатами общего устройства горного дела и управления им.

---

[94] Ibid., N 1127, S. 260.— «...seine kunst durch welche aus dem erbeuteten erez mehr silber und blei als bisher gewonnen werde».

[95] Ibid., N 1129, S. 265.— «...es ist in der hutte nicht ein cleyn gebreche, das stegenickel der enczkouffer unde Burkart der huttenschreiber ir kayner schreiben noch lesen konnen».

Вторая часть записей — характеристика создавшегося положения — представляет значительный интерес. В ней говорится о печальных итогах всех попыток поднять горное дело во Фрейбергском районе, попыток решения при существующих условиях возросших технических задач и проблемы капиталовложений путем привлечения к разработке рудников состоятельных бюргеров Фрейберга и других зависимых от саксонских герцогов городов.

Авторы записей констатируют, что горное производство теперь здесь чрезвычайно ослаблено, что герцоги имеют от него скорее убытки, чем доходы. Между тем, пишут они, несомненно, что здесь много руды и богатства можно было бы добывать, если бы иметь для этого дела состоятельных и надежных участников, но с жителями Фрейберга вследствие их бедности и понесенных больших убытков ничего нельзя будет добиться, хотя многие среди них, «будучи одержимыми большой энергией и большим влечением к горным промыслам», вкладывают в горное дело гораздо больше, чем их состояние может выдержать [96]. Дальше говорится о том, что редко здесь слышно о каких-либо новых рудниках. Серебряная руда обыкновенно собирается здесь в старых уступах и шахтах. Мало здесь уже рудников и промыслов, которые имеют солидных участников. Чаще двое, трое и больше забойщиков объединяются в товарищества и добывают на старых разработках не больше, чем им нужно для поддержания жизни. Штольни тоже заброшены и не разрабатываются. До первого пожара во Фрейберге [97] сделана была попытка поручить проведение этих штолен некоторым городам и другим в княжестве и землях милостивых государей с предоставлением им ряда вольностей. На одну из штолен затрачена уже была значительная сумма, но в связи с пожаром заброшена, не говоря уже о других штольнях. Положение теперь таково, заключают авторы этого документа, что выгоднее на некоторое время оставить все неразработанным в этом районе и не возводить здесь больше никаких рудников [98].

Констатация этого безнадежного положения в горных предприятиях Фрейбергского района и краха попыток восстановить

---

[96] Ibid., S. 266.— «...die bergwerck alhie seint itzunt vast swach unde geringe, das u. g. h. ehr zcubussen denne gewynnen und doch ane zweivel noch vil ercz unde guts allhie zcu erbawen stunde, so man vermogeliche unde trostliche bawlute darczu hette, das mit den inwonern zcu Freiberg ermuts unde grosser empfangen schaden halbenn nicht zcu thune stet, wiewol vil, die gemute unde herczen wol dorczu hetten unde mer uff bergwerk legen unde verbawen, danne ir vermogen ertragen kan».

[97] В примечании издателя приводится справка, что этот пожар был 21 июня 1484 г.

[98] ibidem. — «...unde ist gancz bequeme, das dye eine stunde ungebawet legen sullen unde auch nicht mer zcechen unde grubenn alhie auffbracht unde erreget werdenn».

и расширить их на новой основе по программе и под эгидой герцогской администрации относится по всей вероятности ко второй половине восьмидесятых годов XV в. Но в этом документе речь идет о неудавшихся попытках привлечения для этой цели мелких и средних капиталов фрейбержцев и других горожан. Что касается капиталовложений крупных участников обеих рассмотренных выше категорий, то необходимо иметь в виду, что уже в феврале 1471 г. открыты были богатейшие залежи серебряной руды в районе Шнеберга [99], что с этого времени начался период бурного расцвета горного дела вокруг новых горных городов Рудногорного района Саксонии, продолжавшегося по крайней мере до конца 30-х годов XVI в. Естественно, что внимание герцогской горной администрации стало все больше и больше концентрироваться вокруг этого нового района. Состоянию горного дела в этом районе и складывавшимся в нем социальным отношениям посвящена следующая глава.

Анализ рассмотренных материалов фрейбергских разработок 40—80-х годов XV в. приводит к следующим выводам:

1. Уже к 40—50-м годам XV в. выявилась невозможность дальнейшего развития и расширения добычи серебра во Фрейбергском районе без значительного углубления шахт, без проведения новой системы штолен и разработки новых рудников, без улучшения работы плавилен, следовательно, без приложения капиталов.

2. В этих условиях усилился процесс разорения мелких товаропроизводителей, объединенных в трудовых товариществах участников (Eigenlehner). Попытки этих мелких производителей направить внимание герцогской администрации на расширение субсидий успеха не имели. Система субсидий считалась на основании опыта ее применения негодной для расширения производства и технического подъема его.

3. Среди предпринимательских элементов, вкладывавших капиталы в горные предприятия Фрейбергского района, мы уже в рассматриваемое время различаем: а) крупных купцов — характерных представителей так называемого первоначального накопления, рассчитывавших на проникновение в дирекционный аппарат бергамта, на занятие в нем ключевых позиций, на тесную связь с высшими должностными лицами, на использование в своих спекулятивных операциях регальных прав и привилегий; б) крупных капиталистов типа Ганса Мюнцера, стремившихся к применению методов капиталистической эксплуатации, свободных, насколько это представлялось возможным, от опеки и привилегий регальной власти; в) состоятельных ремесленных мастеров и торговцев из среды городского бюргерства, зависи-

[99] F. Albinus. Meissnische Land- und Berg-Chronica. Dresden, 1589, S. 28; Chr. Meltzer. Chronik von Schneeberg. Schneeberg, 1716, S. 37; O. Hoppe. Der Silberbergbau zu Schneeberg bis zum Jahre 1500. Freiberg, 1908, S. 8 ff.

мых от территориальной власти герцогов, но требовавших лучших условий ведения разработок.

4. Стремление герцогов и их советников сохранить регально-феодальные доходы и вместе с тем стимулировать капиталовложения и предпринимательскую деятельность указанных категорий участников представлялось возможным реализовать только путем усиленной эксплуатации наемных рабочих — удержания низкой заработной платы, расплаты с ними неполноценной монетой, интенсификации их труда и — в целях подавления силы их сопротивляемости — отрыва их от самостоятельных источников существования как в самой горной промышленности, так и вне ее. Герцогская горная администрация стремилась поэтому к сохранению в своих руках посреднической роли между участниками и рабочими и к соблюдению незыблемости так называемого «дирекционного принципа».

5. Участники-предприниматели в основном поддерживали меры, направленные к интенсификации и удешевлению наемного труда горнорабочих. Они сами требовали в особенности пресечения деятельности объединений забойщиков и других рабочих. Но проведение мер против рабочих участники считали недостаточным. В своих многочисленных жалобах они указывали на существование низких монопольных цен на серебро, на связанный с монополией регальной власти порядок закупки руды, на чрезмерную дороговизну плавки и на непорядки в деле плавки вообще, на злоупотребления со стороны должностных лиц горной администрации. Предприниматели были недовольны тем, что должностные лица горной администрации ведают наймом и увольнением рабочих и ведут расчеты с рабочими; они были недовольны посреднической ролью должностных лиц и хотели, чтобы рабочие находились в зависимости от них самих.

6. Приведенные и рассмотренные выше материалы об отношении герцогской администрации к разорявшимся мелким производителям и к наемным рабочим в районе Фрейберга показывают полную несостоятельность концепции Густава Шмоллера о том, что герцогская власть являлась «естественным» в «исторически сложившихся» условиях развития горного дела в Германии руководителем и посредником, выступавшим на защиту мелких производителей и рабочих от капиталистических участников. Вместе с тем эти материалы показывают, что капиталистические элементы, складывавшиеся в горной промышленности Рудногорного района уже в ее фрейбергский период, рассматривали установившийся в этой отрасли промышленности «дирекционный принцип», т. е. подчинение всего процесса добычи руды и ее плавки герцогской администрации, как серьезнейшее препятствие дальнейшему развитию горного дела.

«Дирекционный принцип» оспаривался уже в этот период участниками-предпринимателями, которые энергично отстаивали свое право на участие в делах производства. Поэтому они не могут рассматриваться как пассивные куксодержатели.

РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ В СЕРЕБРЯНОРУДНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ САКСОНИИ В КОНЦЕ XV И В НАЧАЛЕ XVI в.

Противоречия между возникавшими элементами капиталистического производства и регально-феодальной собственностью проявились в горной промышленности Саксонии уже в XV в. В предыдущей главе уже рассматривались основные моменты недовольства участников предпринимательских горных товариществ (Gewerkschaften) управлением всеми процессами добычи, производства и торговли серебром со стороны герцогского бергамта: монополия герцогской администрации на закупку добываемой руды, низкие цены на серебро, высокая стоимость плавки руды и порядки, существовавшие в плавильном деле вообще, так же как и злоупотребления должностных лиц горной администрации во всех отраслях управления горными предприятиями. Всего тягостнее была для участников (Gewerken) посредническая роль должностных лиц герцогской администрации в деле найма и увольнения рабочих и расчетов с ними. Другие противоречия [между крупными предпринимателями и мелкими, объединенными в трудовых горных товариществах (Eigenlehner) и особенно между участниками-предпринимателями и наемными рабочими], выступавшие уже в это время, представлялись еще в значительной степени как часть основного противоречия между всеми деятельными элементами горного дела и регально-феодальным управлением. Как разорявшиеся мелкие производители, так и наемные рабочие имели основание видеть причину своего тяжелого и ухудшающегося положения в деятельности и тактике герцогского управления. Политика герцогов, стремившихся стимулировать предпринимательскую деятельность горных товариществ и одновременно сохранить свои регально-феодальные доходы, была направлена на усиление эксплуатации наемных рабочих. Это выражалось в отстаивании низкого уровня заработной платы, расплаты с рабочими неполноценной монетой, в интенсификации их труда и в отрыве их от самостоятельных источников существования.

На следующем этапе развития горной промышленности Саксонии, являвшемся периодом наиболее бурного ее расцвета и связанном с открытием и разработкой богатых серебряных рудников вокруг Шнеберга и других новых горных городов Рудногорного района (Erzgebirge), определились позиции основных группировок в нараставших в первой четверти XVI в. социальных конфликтах. Выяснению этих позиций и характера социальных отношений на данном этапе посвящена данная глава.

Этот этап, начавшийся с открытия богатых залежей Шнеберга в 1471 г. и продолжавшийся во всей своей силе до середины 30-х годов XVI в., привлек к себе особое внимание современников и некоторых исследователей нового времени. Отмечая невиданный до тех пор рост добываемой серебряной руды в шнебергских и мариенбергских рудниках, автор «Горной хроники Мейсенской земли» (Петер Альбин), писавший в 70—80-х годах XVI в., приводит головокружительные данные о размерах добывавшейся серебряной руды и прибылях участников по рудникам Шнеберга, Мариенберга и других новых горных городов. Согласно его данным добыча серебра в Шнеберге за 30 лет (1471—1501) оценивалась фантастической суммой, исчислявшейся миллиардами флоринов. О Мариенберге, возникшем в 1521 г., Альбин писал, что участники его горных промыслов выручили за один только квартал 1540 г. 13 262 гульдена и что к этому времени этот город обогнал Иоахимсталь, Аннаберг и Фрейберг, которые славились среди горных городов[1]. Хронист Шнеберга Христиан Мельцер, писавший в XVII в., показывает сильно преувеличенный характер данных Альбина в отношении доходов от шнебергских рудников, но и указанная им сумма доходов от десятины за те же 30 лет —51,9 млн. флоринов, из которой следует, что стоимость добытой продукции шнебергских серебряных рудников за тот период составляла 519 млн. флоринов, достаточно высока[2]. Альбин и Мельцер производили свои расчеты на основании произведений современников, которые в настоящее время в значительной своей части потеряны, на основании данных о доходах герцогов от десятины, некоторых счетных книг, а также данных о стоимости куксов наиболее богатых рудников. Эти хроники наряду с другими материалами используют некоторые историки, пытаясь установить в абсолютных цифрах количество добывавшегося в конце XV и в XVI в. серебра[3]. Освальд Хоппе вслед за Мельцером весьма критически относится к данным Альбина, но считает заслуживающей доверия

[1] Peter Albinus. Meissnische Bergk Chronica. Dresden, 1590, S. 47.
[2] Christian Meltzer. Historia Schneebergensis renovata. Schneeberg, 1716, S. 662—663, 669.
[3] G. Schmoller. Die geschichtliche Entwicklung der Unternehmung X. Die deutsche Bergwerksverfassung von 1400—1600.— «Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft im Deutschen Reich». Leipzig, 1891, S. 2—12.

оценку шнеебергской добычи за 30 лет, данную самим Мельцером[4]. Однако как бы мы ни относились к попыткам указать абсолютную стоимость добычи, необходимо признать, что данные источников о бурном расцвете горного дела в Рудногорном районе в указанное время не может вызывать сомнений. Альбин описывает всеобщее увлечение горным делом, охватившее разные круги населения, рассматривавшие его как путь к быстрому обогащению. «Разные люди покидали свои ремесла и занятия, бежали по всем дорогам искать богатых горных промыслов. Страстно стремились в Мариенберг многие чужие люди, и всех бог пожелал обрадовать с высоты своего трона». Рассказав о том, как многие «рудокопы и участники горных предприятий» (Bergleuten und Gewercken) разбогатели от рудников Мариенберга, Альбин переходит и к другим новым городам — саксонским и чешским — Рудногорного района. Город Готтесгаб, возникший в начале 30-х годов XVI в., так быстро оказался заселенным, что в один день выделено было для постройки домов больше 620 участков, причем 120 человек из желавших не успели их получить в тот день[5].

Яркое представление о значении и быстром росте новых городов Рудногорного района дает крупнейший знаток горного дела в XVI в. Георгий Агрикола. Первый его значительный труд «Bermannus sive de re metallica», написанный в чешском Яхимове (Иоахимстале) в 1528 г., составлен в виде диалога, в котором участвуют три известных в то время друга автора — Берман, являвшийся тогда секретарем горной администрации в Иоахимстале, и два врача — Невий и Анкон. Берман, фигурирующий в диалоге в качестве знатока и организатора горного дела, служащего у горнопромышленника, показывая своим собеседникам промыслы Иоахимсталя, характеризует состояние горной промышленности не только всего Рудногорного района, но и других горнопромышленных районов Германии, богатых серебром, оловом, свинцом, медью, золотом и ртутью. В ходе беседы Берман указывает задачи, выполнение которых необходимо для дальнейшего развития горного дела. Один из собеседников напоминает Берману замечание Тацита о неизведанности горных богатств Германии. Берман отвечает, что теперь дело обстоит иначе: вопрос уже изучен и таким образом стало известно, что по своим горнорудным богатствам Германия превосходит все другие страны. При этом он указывает на характер роста новых городов Рудногорного района. Город, возникший всего 12 лет назад, напоминает уже по своей застроенности Эрфурт, Прагу, Болонью или Падую. Берман подчеркивает, что главной движущей силой расцвета горного дела и быстрого роста горных городов являет-

[4] O. Hoppe. Der Silberbergbau zu Schneeberg bis zum Jahre 1500. Freiberg, 1908, S. 107—108 ff.

[5] Peter Albinus. Op. cit., S. 47—48.

ся дух предпринимательства и стремление к богатству. «Мы все почти люди жадные к деньгам,— говорит Берман своим собеседникам,— и желаем с наименьшими издержками и наименьшей затратой труда в кратчайшее время как можно больше разбогатеть. Вот с какой целью построено так много домов, основано так много углубленных шахт и возведено в горах так много штолен»[6].

Берман считает очередной технической задачей горной промышленности Германии углубление шахт, так как богатейшие рудой пласты залегают очень глубоко под землей. Тем самым приобретает большую остроту задача устройства водоотливных и воздухопроводных сооружений. Берман говорит, что осуществление этих технических задач потребует больших затрат. На возражение Аникона, что вкладывание денег в подобные предприятия представляет собою риск, Берман отвечает: «При такой осторожности и боязни риска ты никогда не станешь ни хорошим горнопромышленником, ни богачом»,— и подчеркивает, что желающий разбогатеть должен вести бережливый и строгий образ жизни, быть стоиком, а не эпикурейцем. «Здесь,— говорит он,— требуется упорство в труде днем и ночью»[7].

Эта пропаганда трудолюбия, бережливости и вместе с тем предпринимательского риска весьма характерна для эпохи первоначального накопления капитала. Агрикола, приступивший уже к работе над главным трудом своей жизни — «De re metallica. Libri XII»[8], в котором он обобщил все технические достижения горного дела своего времени, подчеркивал в своей книге «Bermannus», изданной в 1530 г., что в рассмотрении специальных вопросов горного дела он будет исходить из определившегося нового характера его и наметившихся перспектив дальнейшего развития как отрасли приложения значительных средств с целью извлечения прибыли. Указывая пункты, требующие приложения капиталов, Агрикола не ограничивается вопросом о штольнях и вкладывает в уста Берману слова, характеризующие новое оборудование шахт. Берман говорит о «машинах», изобретенных немецкими механиками, которые оставляют далеко позади изобретения древних. Один из собеседников Бермана был так поражен показанной ему подъемной машиной (Fördermaschine), что назвал ее гигантской (Riesenmaschine). О перспективе оборудования шахт сложным механическим оборудованием Агрикола писал и в своем главном труде. На первой странице этого труда Агрикола, говоря о качествах, которыми должен обладать руководитель горных предприятий (metallicus), утверждает,

[6] G. Agricola. Bermannus oder über den Bergbau. Berlin, 1955, S. 77—78.
[7] Ibid., S. 81—82, 84—85.
[8] Georgii Agricolae De re metallica libri XII. Basileae, 1567 (есть русский перевод: Георгий Агрикола. О горном деле и металлургии, в двенадцати книгах. М., 1962).

что он должен хорошо знать геологию и геометрию, уметь производить все нужные расчеты по издержкам, связанным с установкой машин и производством земляных работ. Он должен также знать архитектуру, чтобы самому сооружать или объяснять другим, как воздвигать постройки, связанные с горным производством, и фундаменты для всевозможных «машинных» установок. Он должен также уметь рисовать, чтобы делать наброски образцов машин[9].

Разные историки сходятся на том, что техника горного производства — особено в том, что касается собственно горной работы, т. е. бурения шахт, добычи и подъема руды, — оставалась и во время Агриколы примитивной, что более или менее значительные успехи имели место только в технике толчения и промывания руды и особенно в плавильном деле[10]. Г. Шмоллер пишет, что подъемные и некоторые другие машины, о которых говорится в произведениях Агриколы, были новшеством и в Рудногорном районе не успели прочно утвердиться в период его расцвета. Очевидно, что, привлекая внимание к наиболее передовым механическим сооружениям, которые появлялись в то время, Агрикола хотел показать, какое значение они могут иметь для развития горного дела в дальнейшем. Для понимания характера горной промышленности XVI в. в Рудногорном районе и проявившихся тогда тенденций ее развития важна уже сама постановка этого вопроса таким выдающимся теоретиком и практиком горного дела, каким был Агрикола. Вопрос же о самом характере этих «машин» и о степени их распространенности не является вопросом первостепенного значения, когда речь идет о раннем, мануфактурном этапе капитализма.

Особенность новой ситуации в горном деле, создавшейся богатыми открытиями серебряной руды в районе указанных выше горных городов в последние три десятилетия XV и в начале XVI в. заключается в массовом устремлении туда с разных сторон больших и малых накопленных средств, обладатели которых надеялись на быстрое обогащение. О духе деловой активности и предпринимательства, охватившем широкие слои населения в связи с бурным ростом горных городов Саксонии, дают некоторое представление наряду с другими источниками произведения Пауля Ниависа (Шпефогеля) — видного гуманиста педагога и писателя, жившего в конце XV и в начале XVI в. в Лейпциге, Хемнице и в некоторых других саксонских городах.

---

[9] Ibid., p. 1.— «...ut diversas machinas substructionesque ipse fabricari vel magis fabricandi rationem aliis explicare queat... ut machinarum exempla deformare possit».

[10] G. Schmoller. Op. cit., p. 14—15; O. Huc. Die Bergarbeiter, Erster Band. Stuttgart, 1910, S. 240—255. J. Köhler. Die Keime des Kapitalismus im sächsischen Silberbergbau (1168 bis um 1500). «Freiberger Forschungshefte», D13. Berlin, 1955, S. 24—31 ff.

Ниавис рассматривал создавшуюся в Саксонии ситуацию как явление исключительно важного значения, преобразующее мир и ставящее перед обществом новые вопросы, непривычные до сих пор и вызывающие неизбежные столкновения со старыми представлениями. В его изображении это был настоящий переворот. Прекрасный саксонский ландшафт стал вытесняться пространствами, изрытыми шахтами, покрытыми рудниковыми постройками и сооружениями; идиллическая жизнь среди садов и плодородных полей уступает место тяжелой и изнурительной работе глубоко под землей, связанной с большим риском и подрывающей здоровье. И все же Ниавис считает, что это необходимо и является условием дальнейшего прогрессивного развития общества. В начале 90-х годов XV в. в Лейпциге было напечатано в небольшом количестве экземпляров произведение Ниависа «Суд Юпитера». (Judicium Jovis) — суд богов над горным делом [11]. Это произведение представляет собою фантастическое описание «удивительного видения» одного заблудившегося в лесу отшельника. Перед судом Юпитера выступает земля с жалобами на человека, ее сына, который уродует и убивает ее. Человек изрыл землю многочисленными шахтами, соорудил в ней штольни, разрушает кругом природу, уничтожает поля и виноградники. Ради так называемых драгоценных металлов, дающих лишь внешний блеск, человек подвергает риску свою жизнь, навлекает на себя многие связанные с работой глубоко под землей болезни и занимается по существу бесполезным делом. Земля демонстрирует перед судом свое изуродованное, израненное тело, свою изорванную одежду и горько жалуется на жестокую неблагодарность ее сына — человека. Жалобу земли поддерживают и дополняют многими аргументами боги и богини, олицетворяющие различные силы природы. Человек же, поддержанный своими покровителями (пенатами), энергично защищается против этих нападок и отстаивает полезность и необходимость горного дела. Драгоценные металлы и деньги необходимы для развития человеческой культуры, для растущих экономических связей между народами; без них невозможен порядок в государстве; они нужны для подъема сельского хозяйства для строительства городов и путей сообщения.

После оживленных прений и препирательств сторон Юпитер поручает богине судьбы Фортуне вынести приговор и при этом подчеркивает трудность этого дела. С одной стороны, бесспорно, что шахты, штольни и их оборудование разрушают природу и подрывают сложившийся уклад жизни. Но, с другой стороны, новые взгляды человека на его призвание и деятельность также представляются неопровержимыми. Приговор, вынесенный Фор-

[11] Paulus Niavis. Iudicium Jovis oder das Gericht der Götter über den Bergbau. Übersetzt und bearbeitet von Dr. Paul Krenkel.— «Freiberger Forschungshefte», D 3. Berlin, 1953.

туной и подтвержденный Юпитером, гласит, что призвание человека заключается неизменно в бурении гор, в проникновении в глубь земли и добывании ее драгоценностей, в развитии разработок на промыслах и ведении торговли. Правда, при этом человеку приходится преодолевать большие трудности со стороны земли и сил природы, которые его поглощают. Но ведь опасности и риск присущи самой природе человека.

Ниавис относит это «видение» к 1475 г., т. е. к первым годам открытых шнебергских разработок. В другом своем произведении «Сокровищница красноречия» (Thesaurus eloquentiae), написанном, очевидно, в те же годы [12], два диалога (главы 13 и 14) посвящены шнебергским рудникам. Во втором из этих диалогов затрагиваются отчасти те же вопросы, что и в «Суде Юпитера», т. е. вопросы о том, насколько следует считать оправданными жертвы, приносимые горному делу, — истребление лесов и подрыв здоровья людей, работающих в темных глубоких шахтах в опасных условиях. Но в обоих диалогах главной темой разговора является положение на шнебергских промыслах и отдельных их рудниках, характер спекуляции куксами в обстановке общего ажиотажа и погони за богатствами и особенно положение тех, кто вкладывает в куксы свои небольшие сбережения, рискуя их полностью потерять. В обоих диалогах разговор ведется между Арнольфом и Флорианом. Каждый из них обладает сотней гульденов. Арнольф, отправляясь на Шнеберг, зовет Флориана следовать вместе с ним, чтобы там, сложив вместе свои сбережения, купить какую-нибудь часть кукса в надежде разбогатеть. Флориан не сразу соглашается и указывает своему собеседнику на огромный риск, связанный с покупкой кукса. Если отдельные лица богатеют, то сотни людей разоряются, вовсе теряют вложенные ими деньги и становятся неоплатными должниками, вынужденными в конце концов бежать. Арнольфу все же удается склонить Флориана к участию в приобретении части кукса. В ходе их беседы выясняется, что разорения и потери вызываются главным образом нечестными махинациями «тех, кто управляет разработками». Несостоятельного обладателя кукса на каждом шагу обманывают. Когда обнаруживается реальная надежда на большую прибыль от кукса, такого обладателя всячески уговаривают продать свой кукс или же устраивают так, что он его просто теряет. Средством для этого является назначение дополнительных взносов (Zubusse). За неуплату такого взноса в определенный срок кукс передается другому лицу, которому и достается очередная и все последующие доли прибыли. Прежний же обладатель кукса теряет все произведенные им раньше платежи, в том числе и деньги, уплаченные им за кукс. Они решают поэтому, что «менее состоятельные» и

[12] См. «Freiberger Forschungshefte», D3. Nachwort des Bearbeiters, S. 50.

«бедные» люди должны поступать осторожно и покупать куксы только там, где хорошие друзья могут их всегда держать в курсе дела, а еще лучше самим находиться вблизи места разработок.

В этих диалогах автор показывает не только создавшийся вокруг вновь открытых богатых залежей ажиотаж и спекуляцию куксами, но и возникавшую на этой почве борьбу между богатыми участниками горных товариществ и мелкими держателями куксов и долей куксов. При этом характерно, что в данном произведении мелким участникам, какими являются ведущие разговор — Арнольф и Флориан, противостоят как «те, которые управляют рудниками», так и богатые участники, спекулирующие куксами. Последние рассматриваются как находящиеся в одном лагере с высшими должностными лицами горной администрации.

Благоприятную почву для ажиотажа и спекуляции куксами и в то же время для глубокой социальной дифференциации среди обладателей куксов образовало то обстоятельство, что места наиболее богатых залежей руды не были заранее известны: рядом с богатыми находками попадались в большом числе менее счастливые шурфования, порою с незначительными результатами, не оправдывавшими произведенные расходы. Во втором из названных диалогов Ниависа Арнольф показывает своему собеседнику рудник «Зиттих», в который вложено денег больше, чем в какой-либо другой, но который был заброшен из-за сильного напора воды. Эти поразительные контрасты в условиях добычи отразились в не менее поразительной разнице цен на различные куксы. В 1477 г. на шнебергских промыслах было 153 рудника. Каждый рудник разрабатывался одним, двумя или тремя горными товариществами (Gewerkschaften) по 128 куксов в товариществе. Шнебергские рудники имели, таким образом, по 128, 256 и 384 кукса. Во всем списке имеется четыре исключения. «Старый рудник» («Alte Fundgrube») имел 136 куксов, рудник «Лен Петра Якова» — четыре товарищества (512 куксов), столько же имел и рудник «Твердое ущелье» (Harte Kluft); рудник «Святого Лоренца» имел пять товариществ и 640 куксов. Наиболее высокой была стоимость кукса на «Старом руднике» и на «Верном руднике» («Rechte Fundgrub»), где она определялась в 2400 флоринов. Наиболее низкой была стоимость одного кукса рудника «Мюнце» — 5 флоринов. Между этими двумя крайними ценами 2400 и 5 фл. мы наблюдаем следующие колебания: по 1500 фл. за кукс — в двух рудниках, по 800 фл. — в двух рудниках, по 600 фл. — в одном руднике, по 400 фл. — в двух рудниках, по 300 фл. — в трех рудниках, по 200 фл. — в восьми рудниках, по 150 фл. — в одном

руднике, по 140 фл.— в одном руднике, по 100 фл.— в шести рудниках, по 80 фл.— в десяти рудниках, по 60 фл.— в шести, по 50 фл.— в пяти, по 40 фл.— в трех, по 35 фл.— в одном, по 30 фл. — в семи, по 25 фл. — в пяти, по 20 флоринов в 40, по 15 фл. в 13, по 12 фл. в одном руднике и по 10 фл. в 33 рудниках[13].

Нетрудно себе представить, какие возможности вытекали из такой ситуации для махинаций спекулянтов куксами и для злоупотреблений высших должностных лиц бергамта. Само собою разумеется, что критерием для оценки куксов тех или иных рудников служила добыча руды на данном руднике или виды на добычу. Большое значение при этом имела организация информации о состоянии и перспективах рудоспособности отдельных рудников. О том, какова была эта служба информации и как она использовалась богатыми владельцами куксов, говорят материалы, приведенные в работе Теодора Густава Вернера о капиталовложениях в горную промышленность Аннаберга и о спекуляции куксами рудников Рудногорного района. Нюрнбергские владельцы куксов — братья Йерг и Кристоф Шерлы, Антон Фуггер из Аугсбурга и др.— получали информацию о состоянии и перспективах яхимовских рудников непосредственно от графов Шлик, регальных господ этих рудников и также от богатого владельца плавилен в Яхимове и держателя большого числа куксов — Георга Нейсессера[14]. Вернер подробно описывает характер и обстановку торговли куксами в горных городах, на Лейпцигской ярмарке и в других городах и местах, отмечая роль, которую играли в этой торговле специальные кукс-маклеры, связанные с бергамтом, приводившим их к присяге. При помощи этих маклеров и информаторов крупные торговцы, жившие в разных городах, не только узнавали заранее о положении тех или иных рудников и их перспективах, но и могли вызывать искусственный рост и падение цен на куксы путем распространения нужных им в данный момент слухов о состоянии рудников. Дело принимало характер, напоминающий биржевую игру. Вернер приводит ряд свидетельств современников, называвших деньги, вложенные в покупку куксов, игорными деньгами (Spielgeld). Один видный лейпцигский купец назвал горное

[13] Оценка рудников Шнеебергского района произведена была в 1477 г. с целью их обложения особым налогом — по 9 геллеров (или $^1/_2$ гроша) с каждых 100 гульденов их общей стоимости. Освальд Хоппе составил на основании имеющихся в Дрезденском архиве списков этой оценки таблицу, в которой даны названия всех рудников Шнеберга с указанием количества куксов в каждом из них, стоимости одного кукса и общей стоимости каждого рудника (O. Hoppe. Op. cit., Anhang XIII, S. 150—154).

[14] Th.-G. Werner. Das fremde Kapital im Annaberger Bergbau und Metallhandel des 16. Jahrh. mit Berücksichtigung der Kuxspekulation und der Verhältnisse in anderen erzgebirgischen Bergstädten. — «Neues Archiv für sächsische Geschichte und Altertumskunde». Bd. 57, 2-tes Heft. Dresden, 1936, S. 133—134.

дело вообще игрой на счастье (Glückspiel), в которой быстрое обогащение и полное разорение может быть делом одной ночи. Такую же характеристику мы находим и в официальном документе — в судебном приговоре от 1478 г. по делу о претензии некоего Николя Бёме на один кукс рудника «Св. Георгия» в Шнеберге. В приговоре говорится, что заявка, сделанная на кукс год тому назад, должна считаться утратившей силу, если она после этого не была надлежащим образом подтверждена, так как «при тех ежедневных повышениях и падениях, какие имеют место в горных делах, молчание даже в течение короткого времени является просрочкой»[15]. Материалы, аналогичные тем, которые разработаны Вернером по Аннабергу, разработаны Освальдом Хоппе по Шнебергу и Вальтером Богшем по району возникшего в 1521 г. горного города Марienберга[16].

Вернер и Богш приводят большой конкретный материал о капиталовложениях крупных и средних купцов и купеческих домов в горные предприятия в первую половину XVI в., об их оборотах и общей массе выработанной продукции. Вернер при этом подчеркивает, что было бы ошибкой просто зачислить в спекулянты всех горных предпринимателей. Часто, пишет он, цель предпринимательства в горном деле заключалась в получении объекта для применения труда[17].

Это замечание, как и некоторые другие места в работе Т. Вернера, отражают его стремление подчеркнуть отличие его взглядов от концепции Штридера, считавшего подобные методы спекуляции и деятельность южнонемецких торгово-ростовщических компаний исключительно характерными для предпринимательства раннего капитализма и основным показателем расцвета горного дела в XVI в. Однако само приведенное замечание Вернера показывает, что местному предпринимательству в области производства он придавал лишь ограниченное значение, рассматривая его как явление, которое он не считал решающим звеном раннего капитализма XVI в. В действительности же, как показывают рассматриваемые ниже материалы, форма горного товарищества (Gewerkschaft), основанного на наемном труде, была уже в последние десятилетия XV в. и тем более в первые десятилетия XVI в. типичным видом горного предприятия. Из тех же материалов следует, что в среде участников, которые сами не работали, следует различать крупных дельцов, спекулировавших куксами, и тех, которые строили свои расчеты на деловой основе, стремились к лучшей организации работы в рудниках и плавильнях и добивались устране-

[15] FUB II, S. 333.— «...nochdem dann bergwerge tegelich steigen und fallen und man sich an den mit sweigenn in korczer czeit vorsewmen mag...».

[16] O. Hoppe. Op. cit., S. 76; W. Bogsch. Der Marienberger Bergbau in der ersten Hälfte der 16-ten Jahrhunderts. Swarzenberg, 1933, 11. Teil, § 2.

[17] Th. G. Werner. Op. cit., S. 130.

ния существовавших этому препятствий, в том числе и обстоятельств, благоприятствовавших ажиотажу и спекуляции. Если крупные дельцы добивались сближения с высшими должностными лицами горной администрации и старались всячески использовать вытекающее из этого привилегированное положение, то вторая из указанных группировок участников-предпринимателей все более и более выражала горной администрации недовольство существующим положением на рудниках и особенно той пассивной ролью, на которую их обрекает герцогский режим. Уже с самого начала работы на вновь открытых шнебергских разработках обнаруживались серьезные конфликты бергамта с участниками разработок. Последние, предлагая ряд мер по улучшению организации работ, настаивали на допущении их к более активному участию в управлении. Важное место в требованиях участников-предпринимателей занимают их предложения, касавшиеся отношений с рабочими. При этом характерно, что, отстаивая свои предпринимательские интересы, участники поддерживали требования рабочих, направленные против бергамта, а в ряде случаев выступали вместе с ними.

В приложениях к исследованию Хоппе приводится один документ, который Хоппе считает первым горным уставом для Шнеберга. Это распоряжение саксонских герцогов о порядке на шнебергских разработках не датировано. На основании имеющейся на обороте документа приписки Хоппе устанавливает, что он не мог быть написан после 1476 г. Из самого документа видно, что побудительной причиной к его составлению явились весьма острые конфликты на разработках в связи с бурным ростом добычи и наплывом большого количества людей — участников-предпринимателей и рабочих. Хоппе предполагает, что составителем этого распоряжения был герцогский канцлер Иоганн Шайбе, который еще осенью 1471 г. обратил внимание герцогов на необходимость издания специального устава с целью уладить конфликты, возникающие на разработках. Хоппе приводит в этой связи выдержку из письма Шайбе от 25 сентября 1471 г. — «Чрезвычайно необходимо... установить лучший порядок для участников, установить функции должностных лиц, которые обязаны следить за тем, чтобы интересы людей не ущемлялись и чтобы никто не получал больше выгод, чем остальные» [18].

Очевидно, что канцлер хотел обратить внимание на главный предмет конфликтов: менее состоятельные люди волновались по поводу того, что более богатые и ближе стоящие к администрации участники добиваются лучших участков и преимущественного положения. В самом недатированном уставе также содержатся пункты, которые были, очевидно, внесены туда после вы-

[18] O. Hoppe. Op. cit., S. 10.— «...das die leute nicht verkurtzt werden und einer vor dem andern nicht forteil hab».

явившегося недовольства рядовых участников махинациями дельцов. Так, § 12 запрещает давать двум или трем рудникам одно и то же название. Во избежание обманов людей каждый рудник должен отличаться своим особым названием[19]. Присвоение среднему по своей продуктивности или малопродуктивному руднику названия другого рудника, славившегося обильной добычей, являлось одним из средств обмана покупателей долей, которые в результате теряли свои деньги. Против обманов при продажах и покупках долей предупреждают и другие пункты устава (§ 11, 18—20). Два пункта в этом уставе направлены против нечестной торговли и спекуляции продуктами питания. Кто торгует на разработках напитками — вином или пивом, должен отпускать свой товар только по цвиккауской мере (§ 15). Для того чтобы участники, живущие в местах разработок, и «беднота» не были обираемы вздутыми ценами, не допускается под угрозой штрафа скупка продуктов с целью спекуляции[20]. Направленность этих пунктов в первую очередь против удорожания заработной платы не вызывает сомнений. Другой пункт (§ 24) требует от ремесленников, обслуживающих работу в шахтах — от кузнецов и бочаров и др., не брать за свои услуги больше обыкновенного, т. е. не использовать в своих интересах резко повысившийся спрос, «для того, чтобы участники и рабочие не отягощались высокой ценой этих услуг»[21]. Рабочие, которые упоминаются здесь наряду с участниками,— это, очевидно, забойщики на сдельщине (Geding), которые за условленную плату отрабатывают огмеренные штуфы шахт и сами оплачивают услуги отдельных ремесленников.

Цель этого пункта устава — в удешевлении работ. Это было, конечно, в интересах участников предпринимателей, которых авторы устава стремились успокоить. Но в этом же была заинтересована и сама горная администрация, заботившаяся в первую очередь о своих регальных доходах. Устав аргументирует интересами предпринимателей и пункт о необходимости правильного обмера выделенных для сдельной работы штуфов,— «чтобы применением точного лахтера людям доставалось достаточно за их деньги»[22].

---

[19] O. Hoppe. Op. cit. Anhang II. Ordnung der Landesfürsten, § 12.— «...igleiche sal eyne underscheyt mit yrem namen haben, das die lwthe nicht vorfurt werden».

[20] Ibid., § 23.— «es sal auch nymant keynerley, was man dem Berge zcu gute furet, keynen furkawffe doran thun, es sey was es sey, domit dy gewercken und das armute obirsatzt wurde...».

[21] Ibid., § 24.— «...uff das die Gewercken und erbtter nicht uberthewert werden unnde der Berg bey wirden bleyben moge...».

[22] Ibid., § 7.— «Item es sal kein, Gewercke nach schichtmeister vordingen, es geschee dann vor den steigern unnd geswornen des berges, Dy sullen by stuffen slahenn unnde by gedinge widder auffmessen, uff das den luthen gnugk umbe ir gelt geschee mit eynem rechten lachter».

Волнения на шнебергских разработках в первые годы их существования вызваны были сложным комплексом причин, связанных с быстрым ростом разработок и наплывом большой массы людей. Конфликты возникали между разными категориями участников в общей погоне за богатыми и выгодными рудниками, в стремлении богатых и влиятельных вытеснить рядовых предпринимателей с лучших участков и наживаться за их счет в результате спекулятивных операций с куксами. Конфликты возникали на почве вдруг повысившегося спроса на рабочие руки забойщиков и ремесленников при стремлении предпринимателей и прежде всего должностных лиц бергамта не допускать повышения оплаты труда. Немаловажное значение для уровней заработной платы и для рентабельности рудников имел вопрос о торговле продовольственными продуктами в районе новых поселений. Первые четыре параграфа недатированного устава показывают, каково было общее напряженное положение в районе рудников. За нарушение порядка словами предусматривается штраф в одну марку. Если же порядок, установленный данным уставом, будет нарушен действием и кто-либо побьет другого до синяков, то штраф налагается в тройном размере. За хранение кинжала и другого смертоносного оружия — штраф в одну марку. Побившему другого до крови следует отрубить руку. За нанесение раны с дроблением кости преступник карается смертью.

Заинтересованная в функционировании богатых разработок и выступая в обстановке усложнившихся конфликтов в роли регулирующей силы, герцогская администрация старалась в рассматриваемом первом уставе подчеркнуть свое внимательное отношение к основной массе участников, установив принцип равного отношения ко всем, чтобы «один не получал больше выгод, чем другие», ограждения их интересов против обманных операций и спекуляции, а также против повышенных требований ремесленников и рабочих. Однако характерно, что, отстаивая интересы менее богатых участников, авторы первого шнебергского горного устава не допускают к практическому проведению предписываемых мер ни самих участников, ни тесно связанных с ними низших должностных лиц, т. е. шихтмейстеров. Как договор о сдельной работе, так и обмер штуфов считается делом штейгеров и главным образом присяжных (Geschworne), считавшихся главными гарантами интересов регальной власти на горных разработках. Непосредственная договоренность между предпринимателями и рабочими не допускалась. Порядок на разработках основывался на полном подчинении авторитету высших должностных лиц, которые перечисляются в § 5 устава. Это бергмейстеры и судьи, штейгеры и присяжные. Им-то все должны быть покорны «под угрозой высшего наказания» (bey der nochsten buess). Шихтмейстеров в этом перечне нет.

Характерно также отношение герцогской администрации к обеим группировкам участников в вопросе о назначении и взимании дополнительных взносов (Zubussen). Известно, что назначение высоких дополнительных взносов и строгие меры по их взысканию в короткие сроки были самыми удобными средствами нажима на более мелких участников, чтобы заставить их продать выгодные куксы под угрозой их потери при неуплате этих взносов в срок. В это и в более позднее время немало было жалоб участников на то, что распределение прибылей по куксам задерживается и в то же время без настоятельной необходимости назначаются высокие взносы, непосильные для основной массы участников. Естественно, что эти последние требовали в этом отношении каких-то гарантий и прежде всего, чтобы дополнительные взносы назначались близкими им шихтмейстерами, которые непосредственно вели все расходы по рудникам и по процессу работ. В рассмотренном первом уставе вопрос о дополнительных взносах не упоминается так же, как нет в нем упоминаний о шихтмейстерах. Этому вопросу всецело посвящены два специальных распоряжения курфюрста Эрнста и герцога Альбрехта от 18 декабря 1472 г. («Ordinacio») и от 8 июля 1473 г. (Reformacio). Первое начинается с того, что помощник бергмейстера на Шнеберге (underbergmeister uff dem Schneeberg) Иоганн Распе назначается шихтмейстером и ему вменено в обязанность взимать с участников дополнительные взносы для ведения расходов и расчетов в штольнях и ходах[23]. Очевидно, что Распе назначается верховным шихтмейстером, потому что ниже в том же документе говорится о шихтмейстерах, ведущих расчеты по ограниченному числу рудников и о «хутманах» отдельных рудников[24]. Первое распоряжение устанавливает для взноса Zubuss две недели. После этого срока шихтмейстеры докладывают одному из бергмейстеров о неуплативших участниках, и дело передается уже горному судье, который предупреждает неплательщиков и дает им отсрочку еще на восемь дней, после чего соответствующие доли передаются другим участникам, которые произведут платеж, а прежние их владельцы свои доли вовсе теряют. Второе распоряжение, изданное меньше шести месяцев спустя, констатирует, что первое распоряжение не выполняется, что Распе, называемый в этом документе просто бергмейстером, не проводит предусмотренных

[23] O. Hoppe. Op. cit., Anhang III, S. 131.— «...unnde ym befolhen habenn, zcubusse von den gewercken derselbigen unser genge zcoge unde stollen zcu fordern unde getrewelich zcu buwe usszcugebin unde zcu berechin»

[24] Ibidem.— «...die zcubuss auff geburliche zceit uff irsuchung eins itzlichen schichtmeister ader hutmans einer itzlichen zcech zcu gebin...» Хутман («Hutman») — это лицо, которому поручено следить за надземными сооружениями рудника. См. H. Löscher. Das erzgebirgische Bergrecht des 15 und 16. Jahrhunderts. 1. Teil. Berggebräuche. Berlin, s. a.— «Freiberger Forschungshefte», D24, S. 179, 253.

там мер со всей строгостью. В связи с этим устанавливается следующий порядок взимания платежей. Каждый участник или человек, действующий от его имени, должен еженедельно вносить дополнительные взносы определенному лицу. Если же спустя четыре недели после данного распоряжения эти суммы не будут бергмейстеру внесены, «и бергмейстер или какой-либо ферлегер («vorleger») в будущем не смогут найти того лица, у которого хранятся еженедельно вносимые суммы на оборудование и ведение горных работ», то без всяких дальнейших предупреждений бергмейстер или другой будущий ферлегер передают доли неуплатившего другому участнику, который уплатит нужный взнос[25]. Дальше следует ряд указаний процедурного характера.

В этом распоряжении от 8 июля 1473 г. мы опять не находим никаких упоминаний о шихтмейстере (Иоганн Распе фигурирует здесь как бергмейстер). Зато теперь за бергмейстером появляется фигура будущего «Vorleger», который вместо него и наравне с ним реализует герцогское решение о лишении неплательщика его доли и передаче ее другому участнику. Из текста этого документа следует, что ферлегер, которого герцоги собираются назначить по шнебергским рудникам, рассматривается не как непосредственный участник, а как лицо, которое будет призвано руководить оборудованием шахт и ведением работ. Остается не совсем ясным, следует ли здесь понимать слово «ферлегер» в обычном общепринятом смысле, т. е. видеть в нем богатого купца, авансирующего и финансирующего рудники, которые ведут небогатые участники, или же под этим названием разумеют должностное лицо, которому бергамт поручит снабжение рудников оборудованием, обеспечение бесперебойного поступления денежных взносов от участников и руководство непрерывным ходом работ в шахтах. Известно, что ровно через год — в июле 1474 г.— верховное наблюдение над всеми рудниками шнебергского района передано было богатому купцу, принадлежавшему к самым богатым участникам-предпринимателям Рудногорного района,— Мертену Ремеру, который до этого занимал в бергамте высокую должность десятинника[26]. Имя Ремера как верховного наблюдателя и одного из высших должностных лиц упоминается и в другом документе — в рецессе курфюрста Эрнста от 1479 г.— наряду с именем Генриха Штаршеделя, назначенного в 1477 г. начальником (Hauptmann) Шнебергского горного района[27]. Есть все основания считать, что под «будущим ферлегером», упоминаемым в «Reformacio» 1473 г., который наряду с бергмейстером должен будет строго следить за поступлением денежных взносов от участников и

[25] O. Hoppe. Op. cit., Anhang IV.
[26] Ibid., S. 11.
[27] Ibid., Anhang VII.

реализовать распоряжения герцогов о лишении одних участников их долей и передачи их другим, имелся в виду этот же богатейший владелец куксов — Мертен Ремер. Таким образом, ферлегер, авансирующий капитал, выступал, так же и как высшее должностное лицо, управляющее от имени бергамта.

Горная администрация обещала основной массе участников-предпринимателей формально равные условия с богатыми участниками. На деле же бергамт проводил твердую линию в деле отстранения рядовых участников от какой-либо активной роли даже в отношении с рабочими, а в самом важном для участников вопросе о порядке взимания денежных взносов он наделил богатейшего купца такими полномочиями, которые тот (и, вероятно, не он один) мог использовать против рядовых участников. Если в 50—60-х годах XV в., когда центром горного дела в Рудногорном районе был Фрейберг, герцоги проявляли в отношении Краувеллов колебания и осторожность, то с начала 70-х годов в Шнебергском районе они с самого начала стремились установить контакт и найти общий язык с крупными дельцами, которые в свою очередь добивались возможности использовать в своих интересах регально-феодальные привилегии.

■

Участники имели, таким образом, основания оставаться недовольными таким решением вопроса, именно — их отстранением от участия и контроля в деле определения степени необходимости дополнительных регулярных денежных взносов и порядка их взимания, передачей этого дела целиком в руки высших должностных лиц бергамта и богатых дельцов. В результате широкого движения недовольства среди участников и специально созванного в конце 1476 г. совещания их представителей с курфюрстом Эрнстом[28] выработан был 12 мая 1477 г. проект нового устава, который в том же году был издан. В нем содержатся уступки требованиям участников[29]. На каждые рядом расположенные восемь рудников назначается один шихтмейстер, который избирается участниками и утверждается в присутствии должностных лиц. Шихтмейстер дает присягу верно и всеми возможными средствами служить интересам горного дела и участников. Согласно другому пункту этого проекта каждый из тех рудников, которые этого «заслуживают», может иметь своего особого шихтмейстера. В проекте указаны функции шихтмейстеров — присутствовать при сдаче сдельных работ, вести все расчеты. Дополнительные взносы взимать не чаще, чем поквартально. Крайнюю меру по отношению к непла-

[28] O. Hoppe. Op. cit., S. 13.
[29] Ibid., Anhang V, § 2, S. 136.

тельщику, т. е. лишение его доли, применять только по истечении следующего квартала[30]. Уступка как будто весьма существенная: во-первых, активная роль признается за выборными шихтмейстерами, во-вторых, значительно ослабляется строгость и меняется в пользу небогатых участников порядок взимания денежных взносов.

Однако при более внимательном рассмотрении нетрудно убедиться, что эти уступки в значительной степени формальны. Шихтмейстеры контролируются высшими должностными лицами, которые назначают ему плату «вместе с участниками». Размеры поквартально взимаемых взносов устанавливаются «фиртельмейстерами» другими должностными лицами и участниками», т. е. практически бергамтом и близкими ему богатейшими участниками. Текст проекта устава 1477 г. сохранил следы споров с участниками, которые имели место при его составлении. Так, в § 3 рукописи написано было, что шихтмейстеры ведут расчеты по тем данным, которые будут им даваться писарем (als in der kegenschreiber unnterichten wirth). Но эти слова, очевидно, по настоянию участников вычеркнуты. Это значит, что шихтмейстеры будут вести свои расчеты самостоятельно без нажима со стороны официального горного писаря. В § 8, там, где говорится о необходимости предоставления отсрочки неуплатившим Zubuss за текущий квартал и не лишать его доли до истечения всего следующего квартала, вычеркнуты слова: «в случае действительной нужды» (haben sie erhaftige noth), из чего следует, что отсрочка на целый квартал предоставляется независимо от наличия или отсутствия каких-либо особых обстоятельств.

Будучи вынужденными идти на уступки рядовым участникам в отношении назначения шихтмейстеров и установления порядка взимания денежных взносов, авторы рассматриваемого проекта позаботились об усилении верховных контрольных функций высших должностных лиц герцогского горного управления. Все рудники Шнебергского горного района распределялись по четырем четвертям, каждая из которых была подведомственна особому фюртельмейстеру. Фюртельмейстер в своей «четверти» должен был давать наставления о том, как следует вести дело на основе существующих горных порядков, или, другими словами, следить за тем, чтобы мощный размах работ и наплыв новых людей не привели к отступлению от основ старого горного права[31].

Особенно опасной для регально-феодального строя горного дела в Шнебергском районе представлялась перспектива роста заработной платы наемных рабочих в результате повысившегося

[30] Ibid., § 8, S. 137.

[31] Ibid., § 1.— «Derselbige sal yn yeder zceche seynes virteils anweisunge gebenn wie man noch bercklauffiger weisse bawenn sal».

спроса на рабочие руки: рост заработной платы неизбежно должен был вести к обострению отношений с предпринимательскими участниками или к новым уступкам за счет доходов герцогского горного ведомства. Фюртельмейстерам указывается поэтому, что они обязаны следить за тем, чтобы как сдельная, так и повременная плата рабочих в одной четверти не была выше, чем в другой, и чтобы общий уровень заработной платы устанавливался совместно всеми фюртельмейстерами [32].

Стремление горной администрации не допускать, чтобы уровень заработной платы устанавливался состоянием спроса и предложения на рабочие руки, выразилось особенно в том, что герцоги прилагали все старания к установлению общего уровня заработной платы во всех их владениях. В феврале 1478 г. саксонские герцоги вызывали фрейбергского бургомистра и бергмейстера фрейбергского горного района прибыть в Дрезден на совещание по поводу требования шнебергских рабочих о повышении заработной платы. Необходимо, говорится в письме герцогов, чтобы было издано «общее положение, как оплачивать каждого рабочего согласно его заслугам и работе» [33].

В мае 1479 г. в Шнеберге состоялось совещание должностных лиц и участников, созванное курфюрстом Эрнстом для разбора непрекращавшихся жалоб участников, недовольных изданными раньше уставами. Из опубликованного 15 мая рецесса курфюрста видно, что участники в своих жалобах добивались повышения их самостоятельности в ведении работ на рудниках и в своих отношениях с шихтмейстерами и рабочими. Рецесс, «идя навстречу настойчивому желанию участников», декларирует, что «все участники и ведущие разработки могут сами вести свои рудники и участки, обеспечивать их шихтмейстерами и заботиться о всех их нуждах, но с обязательным соблюдением сложившихся горных порядков, чтобы в отношении повременной и сдельной заработной платы своим рабочим участники поступали согласно установившимся горным обычаям и не допускали никаких новшеств. Если же это распоряжение (да сохранит бог от этого!) приведет к непорядкам и к ущербу на разработках, то следует предоставлять властям сделать оговорки к предыдущему или к другим уставам [34].

[32] O. Hoppe. Op. cit.

[33] FUB. II, N 1092, S. 221.— «...ein gemeyne saczung was eynem iglichen» arbeiter nach seinem verdinst und arbeit zcu geben sey.

[34] O. Hoppe. Op. cit. Anhang VII, § 1 (S. 140—141).— «...das yede gewercken und bawleut ihre zechen unnd massen selbist bawen unnd die mit schichtmeistern und ander notdorft bestellen und versorgen mugen, doch alles noch berglewftiger weiss und dass sie ihre arbeiter mit lon und gedingen, so die notdurft des berges erfordert, nicht anders dann wie sunst des berges gemeyn lauft ist, halten und keyne newerung machen sullen, den obgemelten fursten, op sollichs vorlassen dem gebirge und bergwerck zu unrath adir niderfell, das got verhute, komen solt, ihrer obirkeit und gebor die vordrige ader ander ordenung zcu satzen vorbehalten».

В следующих двух параграфах рецесса даны некоторые примеры пересмотра отдельных пунктов устава в пользу участников. По некоторым видам обложений участникам предоставляются отсрочки от 14 до 70 дней. Все пункты прежних уставов, касающиеся положения высших должностных лиц, по-прежнему оставались в силе, но участникам предоставляется возможность в течение ближайших 70 дней (до дня св. Якова, т. е. 25 июля) рекомендовать герцогам пути к сокращению расходов на содержание на разработках двух присяжных. Расходы же по охране рудников должны и впредь регулироваться начальником Штаршеделем и Мертеном Ремером. Шихтмейстеры должны представлять свои отчеты начальнику, но участникам должны выдаваться копии отчетов для того, чтобы они в течение трех месяцев могли, если им это нужно будет, обратить внимание бергамта на интересующие их вопросы. В отношении взимания дополнительных денежных взносов и потери неплательщиками своих долей все должно оставаться по-прежнему.

Как видим, уступки в пользу участников более чем скромные и по существу формальные. Наиболее интересным в данном рецессе является то, что в нем подтверждаются полномочия, предоставленные Штаршеделю и Мертену Ремеру, и то, что участникам-предпринимателям предписывается ни при каких обстоятельствах не прибегать к повышению заработной платы рабочим и к каким-либо новшествам вообще. Само собою разумеется, что интересы предпринимателей заключались не в том, чтобы заработная плата рабочих повышалась, а в том, чтобы заработная плата регулировалась спросом на рабочую силу и ее предложением (а не нажимом герцогской горной администрации). Таким образом, ход непрекращавшихся конфликтов между основной массой участников и бергамтом в Шнебергском районе в 70-х годах XV в. показывает, что в условиях общего усиления княжеской власти и роста значения промышленности добычи серебра расстановка борющихся сил складывалась так, что интересы бергамта в значительной степени совпадали с интересами богатейших участников, добивавшихся привилегированного положения в горном деле, в то время как основная масса непривилегированных предпринимателей была заинтересована по крайней мере в облегчении и ослаблении нажима регально-феодальной власти на ход развития горного дела и поэтому в известной степени сочувствовала и наемным рабочим в их движении против политики феодального нажима бергамта.

Это вытекало и из самого положения наемных рабочих в то время. Характеризуя состояние наземных рабочих в Шнебергском горном районе, Хоппе пишет, что уже в последние десятилетия XV в. «сословие горнорабочих, порожденное капиталистической формой предприятий» (der durch die kapitalistische

Unternehmungsform geschaffene Bergarbeiterstand), занимало уже своеобразное положение, поскольку работа по найму не являлась уже для рабочих переходной стадией к самостоятельному предпринимательству[35-36]. Интересна характеристика, которую дает горнорабочим Георгий Агрикола[37], рекомендовавший, в частности, для подъема интенсивности труда наемных рабочих держать их постоянно под угрозой увольнения[38]. Эта же мера в отношении рабочих еще до Агриколы предусматривается в больших горных уставах Шнеберга и Аннаберга, которые будут рассмотрены ниже. Однако преждевременным было бы заключать, будто в то время процесс формирования класса наемных рабочих в рассматриваемом районе горной промышленности был уже завершен и что сами наемные рабочие противопоставляли уже себя как особый класс мелким и средним предпринимательским участникам. Этому препятствовал ряд обстоятельств и прежде всего то, что горнорабочие непосредственно имели дело не с самими предпринимателями, а с должностными лицами и все трудности своего положения рассматривали как результат притеснений, чинимых бергамтом. Таким образом создавалась почва для общих выступлений основной массы участников и горнорабочих против режима бергамта.

Интересна жалоба, поданная герцогам и направленная как против действий бергамта, так и против засилья богатых дельцов, которые ставили рядовых участников в невозможное положение, стремясь вытеснить их и разорить. Эта жалоба, хранящаяся в Дрезденском Государственном архиве, не датирована, но по крайней мере terminus ante quem может быть установлен, если сопоставить ее текст со Шнебергским горным уставом 1487 г. В § 3 этого устава говорится, что «простые люди» выражали недовольство по поводу принятого раньше герцогами решения о том, чтобы в целях сокращения лишнего расходова-

[35-36] O. Hoppe. Op. cit., S. 123. О значительном развитии системы наемного труда в других новых горных городах Рудногорного района см.: G. Schmoller. Die geschichtliche Entwickelung der Unternehmung».— «Jahrbuch für Gesetzgebungm Verwaltung und Volkswirtschaft im Deutschen Reich», 15-ter Jahrgang, 4-les Heft, Leipzig, 1891. § 5, S. 40—56; O. Hue. Die Bergarbeiter, Bd. I. Stuttgart, 1910, S. 255 ff., 305 ff.; W. Bogsch. Der Marienberger Bergbau in der ersten Hällte des 16. Jahrhunderts». Schwarzenberg-Sa, 1933, S. 56—57 ff., 112—113 ff. О состоянии этого вопроса в отношении чешского Яхимова см.: J. Mittenzwei. Der Kapitalismus im Joachimsthaler Silberbergbau.— «Wissenschaftliche Zeitschrift der Karl-Marx-Universitat».— Leipzig, 1965, H. 3. S. 443—453.

[37] Georgii Agricolae De re metallica libri XII. Basileae, 1567, p. 69—70. Перечисляя наиболее важные профессии горнорабочих (забойщики, рабочие, приводящие механизмы в движение, рудоподъемщики, сортировщики руды, промывщики руды, плавильщики), Агрикола пишет о них как о «закаленном рабочем народе, рожденном для труда» (Totum hoc genus operariorum durum est. et ad labores natum).

[38] Ibid., p. 250.

ния средств участников иметь на все шнебергские неприбыльные рудники только одного шихтмейстера и предоставлять каждому руднику вести разработку по своему желанию, соблюдая при этом горное дело и горные обычаи[39]. Данный параграф имеет в виду один из пунктов упомянутой жалобы из Дрезденского архива, озаглавленный «По поводу шихтмейстеров», в котором говорится:

«Мы весьма отягощены — не только мы, но и многие другие в землях Вашей милости и за их пределами — тем, что один человек будет управлять всеми рудниками Шнеберга и его окрестностей, за исключением четырех или пяти прибыльных рудников. Тот или иной человек не может знать, где и как его деньги затрачиваются на разработки, в то время как бог наделил его разумом, чтобы он мог обдуманно и с пользой вкладывать свои деньги и деньги своих участников в разработки, а в результате не уплачивается много дополнительных взносов и ряд рудников остается неразработанным, когда управляет ими один человек и из-за этого тормозится поступление десятины Вашей милости»[40].

Сопоставление приведенного пункта жалобы с горным уставом 1487 г. показывает, что жалоба подана была до этого года[41]. Определить с такой же точностью также terminus post quem нельзя. Во вводной части жалобы выражается разочарование тем, что все новые и новые уставы, которые до этого издавались, не принесли улучшений и устранения вредных явлений в организации горных разработок Шнеберга[42]. Рассмотренные нами до сих пор проекты уставов, уставы и распоряжения, в которых нет указаний на наличие данной жалобы, относятся

[39] FUB II, Kleine Bergordnung des Kurf. Friedrich und der Herzöge Albrecht und Johann für den Schneeberg. Jan. 19, 1487, § 3, S. 470.

[40] Hauptstaatsarchiv (HSTA). Dresden. Loc. 4507. Das Bergwerck auf dem Schneeberge belangende de a. 1484—1676. Bl. 86.— «It. der Schichtmeister halben. Seint wir auch sere beladen nicht alleyne wir Sunder vil zu uwr gn. vnd auserhalb uwer gnaden landen. Das do ein person regiren sol alle zeeche vff vnd zu dem Schneberg gehorende aus geschlossen vier odir funft fündige gruben und manchman nicht erfaren kann wo odir wie sein gelt verbauwit wirt und die V̄nunfft von got auch hette sein und seyner gewercken gelt nach rat und nütz V̄bauwen konde und dor durch vil zubusz nicht gegeben wirt und manche zeeche lygende bleybit so es eyner alleynne regiren sol. Dor durch ewr zehend gestopt wirt».

[41] Интересно, что на полях рукописи против данного пункта о шихтмейстерах имеется пометка: «см. горный устав 1487 г.» (Siehe B. Or. 1487). Это или пометка изучавшего этот документ, или же самих архивистов, которые поместили этот документ в фонде шнебергских материалов 1484—1676.

[42] HSTA, Loc. 4507, Bl. 8a.— «In V̄schynnenn zceytthen etlichen gewaldigenn das zuuerkomen und innbesszerung zu wandel zu gsagt das wir also zugeschehen V̄hofft. Und die weyl wir ein lange zceyt dorauff gewart uns Irer zusag gehaltenn. Unser V̄stennuss kein besserung entpfindenn sondern V̄zcog und vernauwerung gemeyner bergwerck teglich mehr und mehr doch dorinne so wir prüfen bissher aus solchen nauwen ordnung nicht pesserung V̄nemen».

ко времени между 1472 и 1479 г. Не будет поэтому ошибкой утверждать, что рассматриваемая жалоба относится к 80-м годам XV в., но до 1487 г.

Возвращаясь теперь к приведенному выше пункту жалобы, мы должны прежде всего отметить, что в нем отстаиваются интересы участников, вкладывающих свои деньги в оборудование рудников и их разработку, озабоченных вопросами организации добычи, руководства работой и ведения отчетности. Крупных дельцов эти вопросы мало интересовали.

В другом месте этой же жалобы еще ярче выражены настроения и интересы людей с небольшими капиталами, которых крупные дельцы с помощью горной администрации стремятся оттеснить, чтобы в целях спекуляции прибрать к рукам доходные рудники. Эти дельцы мало интересовались вопросами лучшей организации работ в рудниках. Стараясь затруднить для массы мелких и средних предпринимателей владение рудниками, бергамт требовал от тех, кто принимает в лен горные участки после открытия в них залежей руды, чтобы они в течение одного года сами занимались ими и не прибегали к привлечению участников и продаже им долей. Против этого в рассматриваемой нами жалобе выдвигается следующее возражение:

«По поводу ленов, что всякий, принимающий лен, должен оговорить, что один год он будет заниматься разработками сам и ничего со своих ленов не продавать. Это для нас тягостно. Между тем как только мы разрабатываем в землях Вашей милости горные расселины и рудные жилы, а не знатные и не богатые» [43].

Наиболее интересным в этом пункте является противопоставление тех участников, которые связывают свою судьбу с успехами самого горного производства и занимаются оборудованием шахт и разработкой рудников, тем богатым и знатным элементам, которые меньше всего интересуются производственной стороной горного дела. Авторы жалобы подчеркивают таким образом, что меры, принимаемые бергматом, продиктованы не интересами дела, а интересами дельцов, которые наживаются за счет разорения тех, от которых зависит все дальнейшее развитие горного дела. При этом необходимо подчеркнуть, что авторы двух приведенных пунктов, как и всей жалобы,— это люди с деньгами и с предпринимательскими интересами, хотя они называют себя «wir armen». Возможно, что среди них были и такие, которые еще сочетали предпринимательскую деятельность с собственной работой. Однако жалоба написана, как мы видели в пункте о шихтмейстерах, и от имени тех участников,

[43] Ibid., Bl. 8b.— «It. der lehn halben. Das nymand kein lehn vff nemen sol er gerede sy dann ein jar zu bauwen und nichtzs daraus vkauffen dar innen wir beschwert werden, wann wir doch die seint dy in uwir gnaden landen bergwergk clufft und genghe ausrichten und nicht die erbarn noch die reichen».

которые сами живут «за пределами» герцогских владений. Кроме того, в данных двух пунктах авторы жалобы выступают в защиту их предпринимательских интересов от оказываемого на них внеэкономического нажима.

Однако рассматриваемая жалоба содержит и пункты, отстаивающие интересы наемных рабочих и их заработной платы. Первый пункт жалобы озаглавлен: «По поводу заработной платы». Несколько лет тому назад после наших жалоб,— говорится в этом пункте,— должностные лица Вашей милости обещали платить нам один флорин, и тот, кто его зарабатывал, выигрывал или терял от колебаний его стоимости. Теперь же Ваша милость сочли целесообразным выпустить новую монету и в этой связи изменить и заработную плату, причем забойщику, которому приходится спускаться больше восьмидесяти лахтеров или выполнять другую опасную работу, платят восемнадцать швертгрошенов, и нам на это трудно существовать»[44].

Таким образом, жалоба, направленная против должностных лиц регально-феодальной горной администрации, с которыми были связаны и крупные дельцы в горном деле, была подана совместно предпринимательскими участниками и наемными рабочими. Интересным является также последний пункт жалобы, озаглавленный: «По поводу присяжных наблюдателей» (der geschwornen halben). В функции этих должностных лиц входили сдача сдельных работ, обмер сданных участков и мест в рудниках и установка штуфов, т. е. знаков для обозначения отмеренных мест. За это присяжным наблюдателям полагался особый платеж — штуфные деньги (Stufengeld). В указанном пункте жалобы говорится, что эти должностные лица, исходящие исключительно из своей заинтересованности в большем количестве штуфных денег, сдают на сдельщину разным забойщикам место, где уже производилась добыча. Но уже во второй раз добыча бывает ничтожной. «Приходится производить тяжелую большую работу за мизерную плату... Мы убеждаемся поэтому, что они (присяжные наблюдатели.— *М. С.*) извлекают для себя выгоды, а мы все от этого гибнем»[45].

Далее жалобщики выражают недовольство тем, что некоторые из присяжных наблюдателей имеют не одну, а две или три должности и с каждой должности получают особую плату, между

[44] Ibidem.— «...des lones halben. Als wir vor etlichenn V̄gangen jaren geclagt uns von uwer gnade amechtlewthen zugesagit wart j fl. dem der yn vordynnen konde der gulde styge odir vyl. Nw habenn uwr gnaden eyn nauwe müntz vor eym jar im besten erkant aus lassen ghenn vnd dorbey ein nauwe riormatio des lones halbenn uns dornach zu halden, eynem curhewir, der ubir aczigk lachter adir an ander verlich arbeyt faren muss XVIIJ schwertgr. das wir uns dann als gehorsamen bissher schwerlich enthaldenn haben».

[45] Ibid., Bl. 9a.— «...und musszen schwehre grossze erbayt dorubir thun vmb ein gering lon... dorum wir erkennen das sy dorbey gedeyhen und wir alle dardurch verderbenn».

тем они вполне могли бы обходиться для своего пропитания и одной платой.

Второй пункт жалобы озаглавлен: «По поводу скупщиков или любителей сидеть на чужой шее» (der furkauffer odir hocken halben). Эти скупают на рынках все предметы первой необходимости — рыбу, масло, сыр, яйца и другие продукты питания. А так как «бедные горняки из-за своей работы приходят поздно на базар, то они вынуждены покупать у скупщиков продукты по дорогой цене, хотя при некоторой заботе о снабжении разработок продукты были бы более дешевыми. Кроме того, продукты питания приходится оплачивать монетой старой чеканки или же возмещать разницу новой монетой» [46].

Как видим, жалоба на скупщиков аргументируется интересами тех, которые из-за своей сменной работы не могут вовремя приходить на базар, т. е. интересами рабочих. Однако поскольку удешевление предметов питания является предпосылкой удешевления рабочей силы, то в этом были заинтересованы и предприниматели, а также соперничавшая с ними в присвоении прибавочного продукта рабочих герцогская казна. Острие этой жалобы направлено против должностных лиц горной администрации, которые, как видно из ряда горных уставов, рассматривали скупку предметов питания и взвинчивание цен на них как средство урвать из прибавочного продукта рабочих известную часть для себя.

Рассматривая эту жалобу 80-х годов XV в. в целом, можно установить, что, хотя значительное место в ней занимают вопросы заработной платы, она исходит в основном от предпринимателей. Во вводной части авторы ссылаются на свои прежние конфликты с горной администрацией, на свои напрасные ожидания улучшений по разным вопросам от горных уставов. Но нам уже известно, что распоряжения герцогов, горные уставы 70-х годов XV в. и составлявшиеся к ним проекты являлись ответами на выражение недовольства и на волнения со стороны основной массы предпринимателей, которые стремились повысить свою активную роль в управлении и организации работ. Заявляют же они в параграфе о шихтмейстерах, что многие из них наделены разумом, чтобы самим «обдуманно и с пользой» применять свои деньги в горном деле. Они откровенно заявляют о своем нежелании вносить дополнительные взносы, так как они поставлены в такое положение, что не знают, «как и каким образом их деньги расходуются». Требуя свободного распоряжения горными ленами, они мотивируют тем, что они, а не круп-

[46] Ibid., Bl. 8b. - «...so dann dy armen gesellen den margk irer arbeyt halben vsewmen, so mussen sy es von innen noch als tewir kauffen. Vnd wie wol das an etlich des bergs vsehung als pillich entpfunden. Mussen auch alle notturfft nicht anders dann in massen als vor vmb alde muntz kauffen oder mit der nauwen vgnugen».

ные богачи двигают вперед горное дело. Несомненно, что, отстаивая в своей жалобе требования наемных рабочих, участники-предприниматели выражали свое стремление к активной роли в управлении разработками, к тому, чтобы поставить наемных рабочих в зависимость от себя, а не от бергамта. Авторы жалобы дважды подчеркивали, что система заработной платы должна стимулировать труд рабочих, что необходимо учитывать особенности работ, степень их трудности и связанной с ними опасности, так как при отсутствии у рабочего стимула лучшей оплаты за более тяжелый и опасный труд он будет работать плохо.

Ответом на рассмотренную жалобу явился «Малый горный устав 1487 г.». Участникам были обещаны некоторые льготы в отношении десятины [47], в общей форме и с оговорками сделаны уступки по вопросу о шихтмейстерах [48], запрещено взвинчивание цен на продукты питания и особенно участие в такой торговле и применении административного нажима со стороны штейгеров. Без ответа остались пункт о праве получивших горный лен на свободную продажу долей с него и пункты о заработной плате рабочих.

Очевидно, что эти пункты, упиравшиеся по существу в вопрос о степени свободы предпринимательской деятельности участников и об их роли в организации работ, представлялись наиболее трудными. Продолжавшаяся по этим пунктам борьба нашла отражение в «больших» горных уставах 90-х гг. XV в. и начала XVI в., которые, в отличие от уставов 70-х годов и 1487 г., являются более полными и стремятся охватить все сферы отношений между разными участвовавшими в горном деле социальными группами и горной администрацией.

■

Первым из «больших» саксонских горных уставов был устав 1492 г. для Шнеебергского горного района, который был почти дословно повторен в 1497 г. Изданию устава 1492 г. предшествовали совещания герцогов, их советников, знатоков горного дела и «значительного числа Gewerken», которые представили герцогам свои предложения для «обдумывания» [49]. После

[47] H. Ermisch. Das Sächsische Bergrecht des Mittelalters. Leipzig, 1887, Anhang V, § 7, S. 100—101. Десятина должна браться после вычета плавильных расходов; в ближайшие два года десятина вовсе не должна взиматься и т. д.

[48] Ibid., § 3. Каждый рудник решает вопрос о шихтмейстере по своему желанию и возможностям, но соблюдая старые правила ведения работ и отчетности.

[49] Ibid., Anhang VI, S. 103.— «...die dann auch mit rath mercklicher zeale der gewercken etliche artigkel begriffen, unns ferner zu betrachten furgetragen und wir mit weiterm zceitlichen rath betracht und bewegt haben...».

этого издан был данный устав с целью, как говорится во вступительной его части, устранения «непорядков, ненужных издержек и злоупотреблений» (unordnung, unkost und missehandlung). Во вступительной части к другому из этой же серии больших уставов — к Аннаберг скому уставу 1499—1500 гг.— говорится, что на новых разработках Аннаберга имеют место возмущения, раздоры и нерадивая работа, что все это происходит оттого, что в новых условиях складываются уже такие отношения, которые в имеющемся горном праве не предусмотрены, что поэтому герцоги сочли необходимым дать новые правила[50]. Необходимость последовавших затем новых уставов (Шнеберг ский 1500 г., Аннабергские 1503 и 1509 гг.) также мотивируется новыми непредусмотренными раньше отношениями, а также тем, что многие пункты ранее изданных уставов не соблюдаются[51 52].

Во всех этих шнебергских и шрекенбергско-аннабергских «больших» горных уставах мы находим в той или иной форме льготы и уступки в отношении десятины и поборов, а также цен на серебро для новых рудников и некоторые другие меры, призванные поощрять новые разработки. Однако, как сказано в самих уставах, их значение заключалось в том, чтобы дать статус отношений в горном деле, приспособленный к новым обстоятельствам, не предусмотренным горным правом, кодифицированным в XV в. В выяснении характера этого нового статуса и его оценке нельзя согласиться с Эрмишем, Шмоллером и некоторыми другими историками, которые видят в нем просто правовую основу горного дела, созданную регулирующей властью государства, в данном случае властью саксонских герцогов[53]. Цель этих уставов и смысл созданного ими нового статуса заключаются в том, чтобы к регально-феодальным принципам существующего горного права были приспособлены все вновь возникшие отношения, связанные с наличием не только значительных капиталовложений, но и таких участников-предпринимателей, которые выдвигают на первый план свои интересы, стремятся повысить свою роль в организации работ и в управлении рудниками и подчинить своему контролю наемный труд, значение которого продолжало возрастать. Цель герцогов при выработке содержащегося в горных уставах статуса достаточно ясно сформулирована во вступительной части штрекен-

[50] Ibid., Anhang VII, S. 113.— «...und wiewol in beschrieben bergkrechten vil ordenunge der bergwerck begriffenn, dennoch begeben sich mancherley sachenn, wird auch vill und offtmals geubet und begunst, dye in bergkrechten nicht befunden... und sunderlich nochdem vill betriglicher handel, unfleissig erbeytt und manchfeldige zwietrechtt uff angezceigtem newen bergkwergk befunden ist...».

[51–52] Ibid., Anhang VIII, S. 145—146; Anhang IX. S. 156; Anhang X. S. 163 ff.

[53] H. Ermisch. Das Sächsische Bergrecht des Mittelalters. Leipzig, 1887, Einleitung; G. Schmoller. Op. cit., S. 57—67.

бергского устава — «...для того, чтобы никто не мог ссылаться на незнание горных порядков, мы своей княжеской властью устанавливаем следующие наши намерения и статьи наряду с горным правом, которое мы желаем твердо сохранить»[54].

Основные линии борьбы, отраженной в пунктах «больших» уставов, касаются главным образом двух вопросов — вопроса о роли участников-предпринимателей в организации работ и вопроса о положении наемных рабочих и контроле над ними. Нам уже известно, что для первого из этих вопросов важное значение имели пункты о шихтмейстерах — непосредственных руководителях работ. Известно нам также и то, что в «малом» уставе 1487 г. участникам разрешено было руководствоваться в деле назначения шихтмейстеров своим желанием и интересами рудников при условии соблюдения норм горного права и представления отчетов шихтмейстеров должностным лицам. Однако пункты, касающиеся шихтмейстеров в «больших» уставах, гораздо менее благоприятны для участников. Так, согласно § 5 Шнеебергского устава 1492 г., должностные лица назначают шихтмейстера на 5, 6 или 8 рудников, которого они сочтут в достаточной мере честным и усердным, с ведома участников[55]. В одном из вариантов Шрекенбергского устава говорится, что «честный и знающий свое дело» шихтмейстер должен быть назначен (кем именно — не уточнено) «по совету и с разрешения должностных лиц»[56]. Еще важнее то, что в этом уставе обязанностям шихтмейстера посвящен целый раздел, из которого видно, что при составлении этого устава имелось в виду изменить порядок, установленный в Шнеберге в 1487 г., устранить влияние участников на шихтмейстеров, полностью подчинив последних бергамту. Необходимость этих изменений аргументируется тем, что при существующем порядке должность шихтмейстеров замещается людьми нерадивыми и некомпетентными, и это приносит немало вреда интересам самих участников и всего горного дела. Ни один шихтмейстер не может быть принят без допущения его начальником разработок и бергмейстером. Тот шихтмейстер, которого эти высшие должностные лица признают годным, должен быть допущен к управлению таким количеством рудников, с каким он, по мнению должностных лиц, может справиться[57].

---

[54] H. Ermisch. Op. cit., Anhang VII, S. 113. — «Das auch... ein itzlicher. der uff diesen gebirgen bawet ader entheldet, der unwissenheyt nicht hab zu entschuldigen, das er der ordenunge des berges nicht wissenn hette, solichs abtzuwenden haben wir neben dem bergkrechte, das wir auch vehstigkich wollen gehaltenn haben...».

[55] Ibid., Anhang, VI, S. 104.

[56] Ibid., Anhang VII, S. 116 (Anm. «i»).

[57] Ibid., Anhang VII, S. 119. — «...das demselben mehr dann eine zeche, so viell er woll bestreitten magk, noch erkentnus der amptluthe und volmechtigen... befolhen werde».

Этой цели — полного подчинения шихтмейстеров бергамту — служит возложение на них многочисленных и всевозможных обязанностей в рудниках и в плавильнях, за которые они отвечают перед должностными лицами. Шихтмейстер должен безотлучно находиться на разработках. Он должен неустанно следить за работой штейгеров и требовать, чтобы те следили за рабочими. Шихтмейстер должен всегда быть в курсе расчетов с каждым рабочим и знать состояние счета каждого из участников по поступлениям дополнительных взносов. Он должен знать, какие материалы и инструменты, необходимые для плавки, числятся за участниками в плавильнях (свинец, шлаки, шкварины, печная пригарь) и на разработках (отбойные молотки, шахтное освещение, канаты, корыта) и вести все расчеты по их приходу и расходу, производить на деньги участников все закупки материалов для рудников и для плавилен и вести их учет по указаниям должностных лиц. Шихтмейстерам давали подробные указания, как выплачивать заработную плату по именным спискам рабочих и как стимулировать интенсификацию их труда, как предотвращать лишние расходы и т. д.

Все эти обязанности шихтмейстеров мотивируются интересами участников и всего горного дела. Однако все это делается под наблюдением и контролем должностных лиц при полной пассивности самих участников, которые должны были лишь пользоваться выгодами, вытекающими для них из мероприятий горнорской власти. О происходившей вокруг этого борьбе между представителями участников и бергамтом можно получить представление из сопоставления разных списков Шрекенбергского горного устава 1499—1500 гг., именно из сопоставления вариантов, обозначаемых Эрмишем буквами A, B, C и E, с вариантом D [58], который совпадает с первым печатным текстом устава [59].

В первых четырех списках § 23 устава гласит: «Между отчетами участники (die gewercken), если сочтут за лучшее, должны иметь право с ведома и по совету должностных и установленных лиц назначать и увольнять штейгеров и шихтмейстеров» [60]. В списке D этого пункта нет, а вместо него содержится другой: Каждый шихтмейстер должен «в случае необходимости иметь право с ведома и по совету бергмейстера назначать и увольнять сторожей, в отношении которых замечено плохое отношение к своему делу» [61].

[58] Ibid., Einleitung, S. CLVIII.

[59] H. Helbig. Quellen zur ältern Wirtschafsgeschichte Mitteldeutschlands, IV Teil. Weimar, 1953, N 341, S. 112 ff.

[60] H. Ermisch. Op. cit., Anhang VII, S. 23.— «Es sollen auch die gewercken, so sie besserung erkennen, mit bewust und rate der amptlewte unnd verordentten zwischen der rechenung die steiger unnd schichtmeister zu setzen unnd zu entsetzen macht haben».

[61] Ibid. note e.— «Es sall auch eyn iczlicher schichtmeister, so es die notturfft erfordert, mit bewust und rath des berckmeisters zwuschen der rechnung die hut-

Таким образом, попытка Gewerken добиться известной самостоятельной позиции в отношении назначения и увольнения шихтмейстеров и штейгеров была в конечном итоге отвергнута бергамтом, о чем говорит то, что именно список D был напечатан и стал обязательным. Зато, обеспечив зависимость шихтмейстеров от своих высших должностных лиц, герцоги стремились усилить их власть над наемными рабочими. В отношении сторожей им предоставляется право найма и увольнения, в отношении же забойщиков и других категорий квалифицированных рабочих им поручается, как мы увидим, строго следить за дисциплиной труда. В варианте D Шрекенбергского устава предусматривается, что шихтмейстерам в тех случаях, когда они не располагают деньгами для закупки нужных материалов, вменялось в обязанность в целях предотвращения бесполезных расходов «освободиться от рабочих». Там же шихтмейстерам предлагается стимулировать интенсификацию труда рабочих путем перевода их во всех возможных случаях на систему сдельной оплаты [62].

Ту же линию в отношении шихтмейстеров и участников мы видим в Шнеебергском уставе 1500 г. и в Аннабергском уставе 1503 г. В последнем указывается на недовольство участников результатами существующих порядков — плохим состоянием ведущихся работ [63]. Однако составители устава боялись какого-либо повышения инициативы самих участников. Исправить дело техническими и иными средствами поручалось бергмейстеру и присяжным, т. е. высшим должностным лицам. В отношении же других должностных лиц «и в особенности шихтмейстеров» предусматривались строгие штрафы.

Для основной массы участников важна была всякая мера, которая ограждала их интересы от засилья богатых дельцов, стремившихся использовать герцогское законодательство для того, чтобы лишить горных ленов тех, кто вовремя не внес дополнительных взносов, и тех, кто в течение первого года не в состоянии вести разработки без привлечения средств участников. Нам уже известно, что в середине 80-х годов XV в. участники просили, чтобы получавшему лен предоставлялось право распоряжаться леном, продавать с него доли, чтобы таким образом небогатый человек смог участвовать своими деньгами в разработках

---

lewte zu setzen und zu entsetzen, so sie fehl und gebruch daran spuren, macht haben».

[62] Ibid., § 31, note a.— «so sie mit gelde nicht geschickt sein, dadurch die arbeiter mit unslit, eysen und anderm nicht mogen gefertigt werden, sich der arbeiter auch zu ewssern, damit unnutzlich gelt ausszugeben vorhut und vormyden werde» (Zusatz: «Es sallen auch die Schichtmeister, so vil ine muglich, nach dem gedinge arbeiten lassen»).

[63] Ibid., Anhang IX, § 9, S. 161—162.— «Und als wir befinden, das an vil enden den gewercken unnd gemeynem bergwerge lessig, unnordentlich unnd schedlich gebawet wirt...».

и не вытеснялся оттуда богатыми. Положение небогатых участников затруднялось также тем, что распределение доходов задерживалось, в то время как дополнительные взносы строго и регулярно взимались. Для удержания долей в своем владении надо было обладать деньгами независимо от поступления доходов.

Постановления «больших» горных уставов по этим важным для участников вопросам носят характер половинчатых уступок. По уставу 1492 г. принявший лен может сразу вербовать участников, не дожидаясь истечения годичного срока, но он должен заранее, посоветовавшись с участниками, авансировать «ein leidlich zubuss» [64]. Эта формула весьма гибкая, так как слова «leidlich zubuss» могут быть поняты как «сносный» дополнительный взнос и как «порядочный» взнос. Во всяком случае эта формула не исключала и произвольного толкования в угоду тех «богачей», против которых была направлена жалоба шнебергских участников. В следующих уставах предписывается не задерживать распределение доходов, производить это распределение всякий раз, когда на каждый кукс приходится по два гульдена и больше [65]. Участнику, обязанному внести zubuss, разрешается в случае наличия в кассе рудника доходов, подлежащих распределению, привести шихтмейстера к распределяющему и устроить своего рода безналичный расчет, указав ему, что полагающиеся ему доли дохода могут быть перечислены на те взносы, которые он обязан внести [66]. Вместе с тем шихтмейстеру запрещается предоставлять участникам какие-либо отсрочки дополнительных взносов или взять задолженность того или иного участника на себя [67].

Крайне двусмысленным и во всяком случае неблагоприятным для небогатых участников является пункт о ретардатах, т. е. о недоимщиках дополнительных взносов, в Аннабергском уставе 1503 г. После завершения отчетов за квартал участники в течение четырех недель обязаны внести каждый свой дополнительный взнос. На пятой неделе шихтмейстеры обязаны сообщить начальнику разработок и бергмейстеру имена ретардатов и в присутствии этих должностных лиц исключить их из рудниковых списков. Ретардаты лишались своих долей и не могли вновь приобрести их при их продаже или передаче даже с согласия остальных участников. По распоряжению должностных лиц доли

---

[64] H. Ermisch. Op. cit., Anhang VI, § 4, S. 104.

[65] Ibid., Anhang VI, § 18, S. 108; Anhang VII, § 65—66, S. 133—134.

[66] Ibid., Anhang IX, § 4, S. 159—160.— «...der magk den schichtmeister zcu dem aussteyler bringen unnd mitt dem gelde, sso er zcu zcupuess geben sal, an seyne aussteylunge weissen».

[67] Ibid., § 3, S. 159.— «Es sal keyn schichtmeister bey ernster straffen den gewercken ire zcupuess zcu gebenn uber geordente zceit nicht nochlassen ader frist geben, auch keynen gewercken mit der zcupuss uff sich nehmen...».

ретардатов должны в интересах участников быть проданы «как можно дороже». В том же случае, если они не могут быть проданы так, чтобы возместить неуплаченные дополнительные взносы, то желающим участникам должно предоставляться при их продаже или передаче преимущество перед другими [68].

Таким образом, согласно этому уставу богатые люди, на которых участники жаловались, получали возможность прибрать к рукам доли ретардатов.

Пункты «больших горных уставов, посвященные наемным рабочим и заработной плате, образуют своеобразную систему норм по решению рабочего вопроса, выдвигавшуюся герцогским законодательством и весьма характерную для социальных отношений в горной промышленности Саксонии, как они сложились к началу XVI в. Прежде всего обращает на себя внимание стремление составителей уставов добиться такой организации наемного труда, при которой рабочие будут работать с максимальным напряжением. Уже в первом из этой серии уставов — в Шнебергском уставе 1492 г. — запрещается ночная работа на разработках, потому что в ночное время «никто не наблюдает и следует опасаться, что работа будет неприбыльной, между тем как она будет оплачиваться» [69]. Этот запрет ночной работы повторяется и в других уставах, хотя и без такой откровенной меркантильной аргументации [70]. В Шрекенбергском уставе 1499—1500 гг. в специальном разделе — «О рабочих» — дается регламент работы в смену и указывается порядок прихода и ухода смен. В каждую смену работать не меньше восьми часов и притом в дневное время. Ночная работа может быть допущена по особой необходимости бергмейстером. Там же, где работа ведется днем и ночью в три смены, ни один забойщик не может покинуть рабочее место до прихода сменяющего его или же до того, как штейгер не возвестит о конце смены колотушкой. При двух сменах первая должна начинаться в 4 часа утра и продолжаться до 12 часов дня, а вторая — от 12 часов, т. е. без всякого перерыва, до восьми часов вечера. На практике, очевидно, эти строгие правила о полном рабочем времени и отсутствии малейшего перерыва между сменами нарушались. Устав поэтому вменяет в обязанность штейгерам и шихтмейстерам следить за строжайшим соблюдением их. При одной смене работа

---

[68] Ibid., § 2, S. 168.— «...die teyll, sso in retardat komen, sollen dy amptlewte von stundt eynem itzlichenn schichtmeister bevelhenn ufis thewerste den gemeynen gewerckenn zcu gut vorkawffenn ader, wo nicht mogen vorkawfft werden, umb die zcupuss..., sollichen kawff unnd gabe den gewercken das begerende vor andernn sollenn gelassenn werden».

[69] Ibid., Anhang VI, § 21, S. 109.— «...das man des nachts in den feldtgebewden nit arbeiten solt, dann nymandt sicht zu und ist zu besorgen, man arbeit doch sunst nichts austreglichs bey der nacht und nymbt es dannoch vorlondt».

[70] Ibid., Anhang VIII, § 27, S. 152; Anhang VII § 61, S. 134.

должна вестись только в утренние часы — от 4 часов утра до 12[71].

Вместе с тем составители уставов заботились о том, чтобы уровень заработной платы оставался низким и чтобы рабочий целиком зависел от одной единственной заработной платы. Рабочему запрещается под угрозой строгого наказания штейгера и его самого вырабатывать больше одной заработной платы путем совместительства как в разных рудниках, так и в одном и том же руднике. Исключение может быть допущено в случае острой необходимости только бергмейстером и присяжными[72]. Агрикола, рекомендующий эту же меру, аргументирует ее тем, что производительность труда утомленного двухсменной работой рабочего будет невысокой[73]. Однако тексты уставов, в которых подчеркивается, чтобы рабочий не получал больше одной заработной платы, указывают на значение, которое придавалось исключительной зависимости рабочего от его единственного места работы как в рудниках, так и в плавильнях.

Характерны пункты, касающиеся сдельной работы и порядка ее оплаты. Уже выше приведен был вариант D § 31 устава 1499—1500 г. о том, что шихтмейстеры должны по возможности переводить рабочих на сдельщину. Однако основная тенденция уставов заключается в том, чтобы уравнять заработную плату всех горнорабочих и плавильщиков, чтобы ни один рабочий не получал больше другого[74]. Рекомендуя сдельщину, которая ведет к сокращению расходов на наблюдение, уставы заботятся о том, чтобы система аккордной оплаты не вела к выработке рабочими существенно большей заработной платы. При найме рабочих (на условиях сдельной оплаты) должностным лицам и прежде всего присяжным вменялось в обязанность осмотреть и определить степень твердости земляных слоев и камня на месте предстоящей работы, а также выяснить, была ли здесь раньше и какая разница в заработках сдельных и повременных рабочих. Только после этого определяются условия сдельной оплаты. Сдельную работу рабочие обязаны были производить «к выгоде или к потере» (zu gewynn und vorlust), что следует понимать как отсутствие гарантий по минимуму заработной платы. Если

---

[71] Ibid., Anhang VII, § 61, S. 133—134.

[72] Ibid., Anhang VI, § 8, S. 105.— «...ës sol auch keiner auf ein wochen in zweien zcechen schicht faren und arbeiten oder in einer zchech mer dann einen lon auf sich schreiben lassen. Wo das uberfunden wurde, sol der steiger sunderlich, darzu derselbige arbeiter an gnade gestraft werden, es were dann, das ein ledige schicht zu notdurft oder ander redelich ursache bette, die der berck meister mit den geswort erkennen wurden»; ibid., Anhang VII, § 60; Anhang VIII, § 12.

[73] Georgii Agricolae De re metallica, S. 69.

[74] H. Helbig. Quellen, Bd. IV, S. 125.— «Auff allen tzechen sal gleicher lon den arbeitern gegeben werden. Es sey dan das solichs vom berckmoyte und berckmeister anders tzugelassen wirdt...».

рабочий, чувствуя, что сдельная система в каком-то данном случае не дает ему нормальной заработной платы, оставит работу, то никто не имеет права где бы то ни было брать его на другую работу [75]. Если же он вырабатывал больше обычного заработка, то до завершения всей работы он должен был получать только ту заработную плату, которая выдавалась всем повременным рабочим; излишек заработка сверх этого подлежал выдаче при окончательном расчете [76].

Предусматривалось, что у рабочих, получающих повременную заработную плату, должны производиться вычеты за каждую смену, в которую по той или иной причине работа не производилась [77]. В тех случаях, когда отсутствие у горного товарищества денег на подсобные материалы вынуждало на некоторое время приостановить работу, рабочие на это время подлежали увольнению [78].

Все эти меры, направленные на повышение интенсивности труда рабочих при наименьших затратах на его оплату, были, конечно, и в интересах участников-предпринимателей. Закрепляя в уставах сложившиеся в горной промышленности отношения, герцогская власть стремилась успокоить предпринимателей и стимулировать их дальнейшее участие в развитии горного дела. Во всех уставах постоянно повторяется аргумент, что то или иное правило продиктовано «интересами участников и всего горного дела». И все же в решении вопросов организации наемного труда и заработной платы интересы предпринимателей коренным образом отличались от интересов регально-феодальной власти, выраженной в уставах. Отстаиваемый в уставах принцип равной заработной платы во всех рудниках и в плавильнях не устраивал предпринимателей, которые, как уже отмечалось в жалобе шнебергских участников, требовали установления дифференцированной заработной платы в зависимости от трудности работы и опасности, которой горнорабочий себя подвергает. В этой жалобе указывалось на необходимость стимулировать

---

[75] H. Ermisch. Op. cit. Anhang VII, § 39, S. 126—127.— «Wurde auch eynich arbeyter vom gedinge ader sein gedingter zceit zu erbeyten entweychen und nicht abekeret, wie sich geburdt, derselbige sall auff keiner andern zceche ane des willen, dem er entwichen ist, auffgenomen und von den amptleuten gestrofft werdenn».

[76] Ibid., Anhang VI, § 14, S. 107.— «...Man sal auch keinen mer dann sein wochenlon alle sunabendt geben, und was er erubrigt, sol man ime darnach gutlich bezcaln»; Anhang VIII, § 20, S. 150.

[77] Ibid., Anhang VII, § 28, S. 129.— «Die Schichtmeister sollen wöchentlich lohnen und alle person eigenntlich mit namen unnd wu adir was die arbeiten vorzceichen und die feyerschiecht aberechen».

[78] Ibid., § 31. Anhang a.— «...so sie mit gelde nicht geschickt sein, dadurch die arbeiter mit unslit, eysen und anderm nicht mogen gefertigt werden, sich der arbeiter auch zu ewssern, damit unnutzlich gelt ausszugeben vorhut und vormyden werde».

труд рабочих не только штрафами и административным нажимом, но и мерами поощрения. Запрещение участникам-предпринимателям повышать в тех или иных случаях заработную плату препятствовало также свободной конкуренции между ними. Точку зрения участников-предпринимателей на рабочий вопрос выразил впоследствии Агрикола, который рекомендовал тем, кто «в целях умножения богатства своего дома делает крупные вложения в горное дело» (impensas in metallum magni refert), самим управлять рабочими и наблюдать за ними, поощряя их материальными наградами и личным примером. Вложившему свои деньги в горное дело, писал Агрикола, «необходимо самому присутствовать при всех работах и наблюдать за исполнением всего, что он приказывает. Поэтому он должен иметь при рудниках особое помещение, чтобы постоянно быть на глазах у рабочих (ut se in conspectum operariis semper dare possit) и постоянно принимать необходимые меры, чтобы никто из них не производил свою работу нерадиво. Или же, по крайней мере, он должен быть поблизости, чтобы часто посещать разработки и возвещать через посыльного о своем предстоящем приходе гораздо чаще, чем он в действительности намерен приходить, так как приходом хозяина и возвещением о нем наемный рабочий (mercenarius) обыкновенно бывает так напуган, что уже ни за что не станет работать без усердия». «Когда хозяин увидит добытую руду, он должен всячески хвалить рабочих и временами давать им награды для того, чтобы их и других поощрять к усердию. Нерадивых же, наоборот, он должен бранить, а некоторых выгонять с горных промыслов и нанимать на их место прилежных» [79].

Несколько дальше Агрикола пишет, что хозяин разработок (dominus) должен часто оставаться среди рабочих днем и ночью, не проявляя к ним в это время излишней мягкости, располагающей к праздности. Агрикола советует предпринимателю не ограничиваться одним наблюдением, но иногда выполнять некоторую работу собственными руками, не так, чтобы уставать при этом, но чтобы он мог своим примером оказать влияние на рабочих и научить их мастерству (ut et suam diligentiam mercenarios excitet, et eos docent artem).

Георгий Агрикола работал над своим главным трудом с конца 20-х годов XVI в. Свои предложения по рабочему вопросу, как и по ряду других вопросов, он противопоставлял горным уставам 90-х и 500-х годов, рабочая политика которых заключалась в том, чтобы воздействовать на рабочих исключительно методами регального режима. Агрикола выразил то, чего требовали шнеебергские участники в середине 80-х годов XV в. и, как мы увидим, аннабергские участники в первые годы XVI в.

[79] Georgii Agricolae De re metallica libri XII..., p. 246–252.

Герцогский бергамт вынужден был пойти на частичные уступки требованиям участников, допустив дифференцированную оплату труда для рабочих, работающих в особо опасных условиях. Однако в основном и главном вопросе — в вопросе о подчинении всего дела управления и наблюдения за рабочими исключительно регальной власти и ее высшим должностным лицам — никаких уступок сделано не было. Уступка по вопросу об установлении различий в заработной плате сформулирована следующим образом:

«Поскольку в некоторых рудниках забойщики вынуждены работать в опасных местах в плохую погоду, в затопленных водой опасных шахтах и все же получают столь же малую заработную плату, не превышавшую ту, которую получают другие рабочие, работающие в полевых помещениях,— то решено, что бергмейстер и присяжные должны посещать и осматривать такие и другие рудники, назначая каждому рабочему его заработную плату и по его заслугам. А тот шихтмейстер, который даст более высокую заработную плату без признания присяжных,— должен быть за это строго наказан» [80].

Этот пункт повторяется в ряде других уставов с небольшими, но характерными вариантами в выражениях. Так, в Шнеебергском уставе 1500 г. говорится, что после осмотра рудников бергмейстером и присяжным зарплата каждому рабочему должна определяться этими должностными лицами «по их оценке» (nach irer achtung) [81]. Это звучит более субъективно, чем критерий устава 1492 г. «по его заслугам» (hach dem er vordint), приведенный выше. Но текст этого пункта во всех его вариантах свидетельствует о том, что участники, считавшие шихтмейстеров своими должностными лицами, оказывали на них давление, требуя установления дифференцированной заработной платы. Приведенный пункт уставов направлен главным образом на строгое соблюдение контроля высших должностных лиц — присяжных, а по другим вариантам и бергмейстера — над этой проводимой не по воле бергамта мерой. И не только в этом пункте о допущении дифференцированной заработной платы, не только в пункте о порядке определения сдельной оплаты, но и во всех пунктах уставов, относящихся к решению рабочего вопроса, основная линия заключалась в том, что все новые явления и вся система отношений, возникшие и возникающие в связи с утверждающейся

[80] H. Ermisch. Op. cit. Anhang VI, S. 109.— «...nachdem in etlichen zcechen die hewer an ferlichen stetten, in bossem wetter in wassernodt und ferlicheit in den schechten und stetten arbeiten mussen und doch einen geringen lone und nicht mer dann ein annder, der in feldtgepeude arbeit, ist beslossen, das der bergkmeister und die geswornen in dieselben und alle annder zcechen farn und besichtigen sollen und eynem yeden seinen lon, nachdem er wordint, setzen. Und welcher schichtmeister daruber mer geben wurde an erkentnus der geswornen der solt hertiglich darumb gestraft werden».

[81] Ibid., Anhang VIII, § 27, S. 152.

в горной промышленности системой наемного труда, должны неуклонно оставаться под контролем и управлением регальной власти. От забот этой власти будут зависеть успех горного дела и судьба капиталов, вложенных в него участниками. Инициатива же самих участников не может быть допущена. В § 34 Шрекенбергского устава присяжным вменяется в обязанность прилагать по указаниям начальника разработок и бергмейстера все старания «к тому, чтобы деньги участников применялись в деле со всей преданностью и чтобы должностные лица предупреждались обо всем, что может принести ущерб нам и участникам. В особенности, чтобы бергмейстер вместе с присяжными и всеми горнорабочими, так же как и все другие лица, живущие в районе рудников и в городе, были покорны начальнику разработок и готовы к его услугам» [82]. Таким образом, интересы участников должны ограждаться только должностными лицами без всякой инициативы со стороны самих участников. Все непосредственные производители горного дела (alle knappschaft) подчинены через иерархию должностных лиц только регальному управлению. Только с разрешения бергмейстера и присяжных может быть допущена сверхурочная работа рабочего. Должностные лица бергамта не только определяли заработную плату, но и лично выдавали деньги рабочим, храня у себя все расчеты с ними; они же решали во всех случаях вопрос об увольнении рабочих.

Правда, согласно § 101 Шрекенбергского горного устава всем участникам этого района предоставляется избрать из своей среды четырех представителей, но функции их только пассивные. Они имеют право «говорить и, если это необходимо, докладывать» самим герцогам или их должностным лицам о замеченных ими отрицательных явлениях [83].

Таким образом, недовольство участников условиями, существовавшими в районах новых горных городов Саксонии для предпринимательской деятельности, приводившими уже в последние десятилетия XV в. к волнениям, не могло быть устранено «большими» горными уставами.

■

О позиции участников-предпринимателей в вопросах организации работ и отношений с рабочими дает представление

[82] Ibid., Anhang VII, § 34, S. 125.— «...sollen allen möglichen vleiss thun und ankeren, das der gewercken gelt aufs getrewlichste vorbauwet werde... Unnd sunderlicht der bergkmeister sampt der geswornen unnd aller knappschafft, auch allen andern personen, so sich auf dem bergkwergk unnd inn der stat sesshafftig unnd ennthalten, sollenn dem amptman gehorsam unnd gewerttig sein...».

[83] Ibid., § 101, S. 143.— «...das die von wegenn aller gewerckschafft macht haben sollen darumb zu reden und solichs, ap das die not arheyscht, an uns ader unnser amptleute lassen, domit soliche gebrechen geandert».

обращение группы шихтмейстеров аннабергских разработок по поводу возложенных на них в уставах многочисленных обязанностей в рудниках и в плавильнях. Этот документ хранится в главном государственном архиве в Дрездене.

В своем обращении шихтмейстеры неоднократно подчеркивают, что они являются служащими участников, поскольку они оплачиваются средствами последних. Несомненно, что в данном обращении они излагают претензии участников, выступая по существу от их имени. Обращение начинается с критики изданных для Аннабергского района горных уставов («ordenuge und reformation) [84].

В первых же пунктах обращения шихтмейстеры критикуют основы организации работ в рудниках и плавильнях Аннабергского района, а именно: возведение в основной принцип системы административного подчинения регальной власти, а не деловую целесообразность. Шихтмейстеры жалуются на чрезмерно большие и многообразные обязанности, возложенные на них уставами по руководству работами и наблюдению за штейгерами и рабочими, по систематическому снабжению рудников материалами и инструментами, по учету и оплате всех произведенных работ, по ведению сложной еженедельной и поквартальной отчетности. К тому же шихтмейстеры обязаны два раза в день бежать на плавильню, где они в свою очередь имеют многочисленные обязанности технического и организационного порядка, которые часто поглощают весь рабочий день. Шихтмейстерам нетрудно доказать нелепость такого устройства с точки зрения дела: в одно и то же время они обязаны выполнять много разных работ и притом в разных местах, что физически не может быть выполнено одним человеком при всем его усердии и боязни штрафов и наказаний. Указывая на необходимость снятия с них некоторых обязанностей и их распределения между другими служащими, шихтмейстеры предлагали такие организационные изменения, которые по существу означали реорганизацию управления в интересах участников и повышение их активной роли в рудниках и в плавильнях. Авторы обращения выдвигают новую основу для управления горной промышленностью: должностные лица должны зависеть от тех, чьими деньгами они оплачиваются.

---

[84] Это может служить основанием при определении «terminus post quem» этого документа, так как первые горные уставы для Аннаберга, основанного в 1497 г., составлены были в 1499—1500 и в 1503 гг. Необходимо также напомнить, что переименование этого нового горного города в Аннаберг относится к 1501 г.; (до этого он назывался Шрекенбергом). Следовательно, документ, обозначенный Аннабергом, мог быть написан только после этой даты. С другой стороны, он не может быть отнесен ко времени после 1509 г., так как в наиболее обстоятельном горном уставе этого года для Аннаберга в отдельных пунктах, о которых речь будет ниже, учтены выраженные в данном документе претензии. Таким образом, дата его составления относится ко времени между 1501 (или 1503) и 1509 г.

Особое внимание аннабергские шихтмейстеры обращают на положение в плавильнях. При этом характерно, что они выражают недовольство не только регальным бергамтом, но и действиями владельцев плавилен (Huttenherren), которые принадлежали к привилегированному слою богатых людей, близко стоявших к регальной власти. Авторы обращения считают ненормальным и несправедливым то, что писарь плавильни (Huttenschreiber), оплачиваемый участниками, служит не их интересам, а интересам владельца плавильни. Между тем именно участники-предприниматели больше всего заинтересованы в правильной постановке дела плавки, в непрерывном наблюдении за плавильщиками (Schmelzer), в правильном нагревании печей, в своевременном введении руды в печь и в ряде других технических процессов. За всем этим должны следить, по мнению авторов обращения, писари плавилен. Роль и значение последних должны быть существенным образом изменены так, чтобы от них зависели рабочие плавилен, а сами они действовали как служащие участников.

«Впредь писарям плавилен не должно представляться несправедливым, что они обязаны иметь особое наблюдение за тем, чтобы каждый плавильщик усердно приводил в порядок свою печь и затворял ее, чтобы он правильно ставил мехи и формы, чтобы прокаливание металла и тигельная плавка производились со всем старанием» [85]. И на той же странице, несколько ниже о том, что было бы правильно и полезно, «чтобы каждый писарь плавильни, в интересах участников, имел власть над плавильщиками и рабочими-подготовителями, принимать их на работу и увольнять их за нерадение, чтобы таким образом все они боялись писаря плавильни и выказывали ему покорность» [86].

В обоснование этого требования шихтмейстеры указывают на то, что писари плавилен получают свою недельную заработную плату от участников, а не от владельцев плавилен, поэтому нетрудно понять, каким недоверием должны проникнуться участники: «очень неподходящим, а для участников несколько обидным должно представляться, что писари плавилен, фактически являющиеся служащими участников, отдают свой труд и свои заботы безвозмездно владельцам плавилен в такой же мере, как участникам за их деньги» [87].

[85] Hauptstaatsarchiv (HSTA). Dresden. Loc. 4495, Bl. 30b.— «Furder will den Huttenschreybern auch nicht unbillich gebüren sunderliche auffmerckunge zcu haben, dass ein jeder schmeltze seinen ouen mit vleysse awsflicke und tzu mache, die Belge und forme recht ricnte, den hert und tiegel mit vleisse stosse».

[86] Ibidem.— «...dass ein jeder Hüttenschreiber von wegen der gewercken jn seiner hütten gewalt und macht hette über die schmeltzer vnd fürleff[er] die zcu setzen und vmb unfleiss wieder zcu entsetzen, auff dass die alle dem hüttenschreyber forchte achtung und gehorsam leysten».

[87] Ibid., Bl. 31a.— «Darume sie dann von den Gewercken und nicht von den huttenhern alle wochen jren lon entpfahen, hirduch wirt den gewergken viel

Дальше говорится о том, что нельзя быть слугою двух господ и служить обоим с одинаковой пользой. Кто берется за это, тот обязательно будет уделять одному больше внимания и забот, чем другому. Приводя факты из деятельности писарей плавилен, авторы обращения доказывают, что больше всего писари пренебрегают интересами участников, что теперь (т. е. после издания уставов. — *М. С.*) это чувствуется в большей мере, чем раньше [88].

Затем перечисляются все услуги, которые писари плавилен оказывают владельцам плавилен, обеспечивая их интересы с особым усердием при учете материалов и расходов по плавке, при взимании с участников денег. В денежных расчетах между владельцами плавилен и участниками разработок интересы владельцев плавилен отстаиваются неизменно в ущерб участникам [89].

Это неблагоприятный для участников порядок в плавильнях, указывают авторы обращения, объясняется главным образом тем, что писари плавилен боятся, как бы владельцы не сместили их с должностей, и именно поэтому участникам приходится терпеть излишние хозяйственные расходы [90]. Поэтому авторы обращения просят коренным образом изменить положение писарей плавилен, «чтобы впредь они усердно и без помех, и не отвлекаясь на какие-либо чужие дела, служили одним только участникам, оплачивающим их труд». Делами же владельца плавилен должен заниматься его особый представитель (vorsteher), на которого следует возложить заготовку всех видов примесей и других материалов для продажи участникам. Писарь плавильни как служащий участников (als der gewercken diener) должен покупать эти материалы перед каждой сменой строго в необходимом размере и соотношении по совету рабочих плавильщиков, которые также рассматриваются в документе как «diener der gewercken», все должным образом взвешивать и обмеривать и записывать каждый предмет в отдельности. Сопоставляя эти записи писаря плавильни со своими записями, шихтмейстер будет располагать тщательно проверенными данными для своих расчетов с представителем владельца плавильни.

---

argwoness benomen wie zcu bedencken, dan es ist vaste unbequeme auch den gewergken etwas vordrieslich, dass die hüttenschreyber die weyle sie ire diener sein, den huttenhern souiel muhe surge und arbeit vmb susten, alss den gewercken umb ir gelt thun sullen».

[88] Ibidem.— «Wer sich dess understehet, der muss biss weylen einem mehir dwen den andern zcu nutz und schaden handeln. Dess sich die gewercken vmb nach volgende ursachen in irer arbeit und notturfft bey den hüttenschreybern bemeltt stück halben mehir vnachtung ader vnfleys, dan sust gescheeh vormuthen».

[89] Ibid., Bl. 31b.

[90] Ibid., 31b.— «...alleyne darum(b)e, dass sie nicht durch die huttenhern von dem ampte der hutten entsatzt werdin».

Шихтмейстеры приводят еще ряд аргументов в пользу того, что участники, имеющие свои собственные интересы в плавильнях, вправе иметь там своих людей, которые будут их отстаивать. Бывает, пишут они, что то или другое товарищество (gewerkschaft) не имеет больше руды для плавки, но у него остались на плавильне запасы материалов, которые оно в данный момент не может использовать и которые в конце концов попадают в чужие руки вследствие того, что шихтмейстеры одалживают или продают их другим участникам. Поэтому каждый писарь плавильни должен производить периодические описи материалов, числящиеся за каждым товариществом. Эти описи должны служить для проверки данных шихтмейстеров, а данные шихтмейстеров для проверки описей писарей плавилен, *поскольку те и другие присягали участникам и являются их служащими* (die weyle sie beyde der gewercken diener vnd voreydt sein). Те и другие должны взаимно друг друга проверять при каждом расходовании и учете материалов, числящихся на плавильне за каждым товариществом.

Затем указывается на заинтересованность участников в правильной организации работы плавильщиков (Schmelzer), «которые тоже являются служащими участников, так как они еженедельно получают от них заработную плату». От степени добросовестности и усердия рабочих плавильщиков в плавильнях, так же как и забойщиков в рудниках, зависит прибыль и убыток участников [91]. Круг обязанностей плавильщиков определяется поэтому следующим образом. Необходимо, чтобы каждый плавильщик старательно (mit grossem vleisse) подготовлял свою печь, загружая ее рудой не спеша, «не раньше, как печь будет хорошо и как следует накалена». После того как загруженная руда расплавлена, плавильщик должен старательно произвести разливку расплавленной массы, а после ее остывания писарь плавильни должен в присутствии плавильщика осторожно поместить ее в особый ящик, в котором хранятся также запасы примесей. Ящик должен запираться двумя ключами, из которых один будет постоянно находиться у писаря плавильни, а другой у шихтмейстера или у того плавильщика, который будет им указан. Такая система хранения должна, по мнению авторов данного документа, служить гарантией против хищений.

Таким образом, шихтмейстеры, выступающие здесь как представители участников-предпринимателей, настаивают на том, что участники должны иметь своих людей как в рудниках (шихтмейстеров), так и в плавильнях (писарей плавилен) в целях хозяйственно правильного использования и хранения материалов и

[91] Ibid., Bl. 34a.— «...die schmeltze[r] welche ouch diener de[r] Gewergken sein darume dass sie alle wochen von inen belonet werden sein in den hütten zew achten, gleich den hefern auff den tzechen, wan durch die beyde, der meiste nutz vnd schaden, durch ire vorsichtigkeit und unfleys mag gewürckt werdin».

продукции, а также в целях установления за рабочими не только административного, но и технического надзора. Шихтмейстеры подчеркивают, что чисто административный надзор должностных лиц бергамта и близких к нему собственников плавилен не устраивает участников. Авторы рассматриваемого документа продолжают настаивать на том, что управление рабочей силой должно принадлежать только предпринимателям, так как при существующей организации производственного процесса много рабочего времени теряется вследствие неодинаковой продолжительности процесса плавки для разных шихт. Одни рабочие заканчивают свою шихту (т. е. единовременную загрузку плавильной печи рудой) раньше других и до истечения их рабочего времени. Они объясняют это различной твердостью руд. «Одному плавильщику бог пришлет счастье и ему достанется легко поддающаяся плавке руда и тут же обнаружится, что он завершит свою работу раньше других» [92]. Другой же, которому приходится плавить твердую руду (vnflüssige seyger ertz), вынужден задерживаться дольше. Но рабочим, пишут шихтмейстеры, в таких случаях нельзя доверять. На степень твердости руд ссылаются те плавильщики, которые вообще торопятся домой, раньше времени считают свою шихту законченной и причиняют участникам убытки. Авторы документа говорят о необходимости изменить организацию труда в плавильнях, чтобы он был приспособлен к интересам участников и в то же время также терпим (leydlich) для владельцев плавилен. Расстановку рабочих плавильщиков по шихтам следует организовать так, чтобы все работали восемь часов в смену, как это установлено [93]. И дальше разъясняется, что если плавильщик, добросовестно подготовив свою печь, доведя ее до нужного накала, завершил свою шихту в два часа, то он должен оставаться у печи полностью все остальные шесть часов, загружая вновь руду в печь. При этом он торопиться не будет, и работа пойдет лучше. Так же следует поступать и с теми рабочими, которым досталась мягкая руда и которые закончили раньше других свою шихту. Такому рабочему нужно все время подавать руду, а если нет руды, то плаки — до истечения указанного рабочего времени. Те же рабочие, которым достается плавить твердую руду и поэтому не заканчивающие своей шихты в одну смену, тем следует разрешить оставить ее для следующей смены. По истечении восьми часов работы эти рабочие должны вместе с другими покинуть плавильню. При существующем

---

[92] Ibid., Bl. 34b.— «...und sagen die schuld sey nicht ir, dan dass ertz sey nicht alless gleich. Einss ist flüssig dass ander seyger. So gebe G dass gelücke offte einem, deme flüssig Ertz vorgelauffen wird und balde durch gehit das der selbige chir wan die andern schmeltzer vertig würde...».

[93] Ibid., Bl. 35a.— «dieser gestalt dass hinfur einem jden schmeltzer bey straffe werde auff geleget VIII stunden fo[r]foll zcu stehen wie ime ouch in E. f. g. ordnüng vorbin gebot und dach nicht von allen zcu gleiche alzo gehal t[en]ist».

положении, когда требуется выполнить сменную загрузку печи, независимо от времени, говорится в заключении, рабочие всегда работают в спешке, что имеет своим результатом немалые убытки как для участников, так и для самого бергамта.

Как видим, шихтмейстеры от имени участников высказываются против системы сдельной оплаты труда плавильщиков, считая ее невыгодной, в то время как в отношении забойщиков они считают ее вполне приемлемой и даже предпочтительной. Это объясняется, как видно из приведенного текста, различиями в самом характере работ забойщиков и плавильщиков. Для работы забойщика важен пройденный им метраж в рудоносной жиле. Критерием выполнения ее является количество лахтеров; участок жилы или шахты может быть отмерен и отмечен штуфом. Сдельная форма оплаты упрощает и удешевляет наблюдение за рабочими. Плавильное же дело гораздо более сложное. Для тех, кто приносит на плавильню руду, важно прежде всего *качество* работы, ее тщательность и внимательное отношение. С этой точки зрения принцип сдельной оплаты не обеспечивал нужных результатов. Основное, что авторы обращения желают здесь подчеркнуть, это то, что дело управления и руководства наемной рабочей силой становится все более и более сложным, требует знания технологии разных работ и дифференцированного к ним подхода, что, таким образом, управление рабочей силой должно находиться в руках предпринимателей, что и сама реальная власть, заинтересованная в росте продукции, должна с этим согласиться.

Шихтмейстеры настаивают на том, что вся технология процесса плавки требует постоянного компетентного наблюдения за работой. От знания или незнания дела со стороны руководителей зависит количество вырабатываемой продукции. Это поясняется следующим примером: если на два воза серебряной руды дать семь возов шлаков и других примесей в нужной пропорции и около 60 фунтов свинца, то из этой руды получится от 4 до 5 лот серебра. Но точно такой же результат получится и от вдвое большего количества руды, если все виды примесей не будут в нужной пропорции увеличены и правильно введены в печь. Такого рода ошибки могут быть предотвращены при правильной организации рабочего времени, когда работа будет вестись обдуманно и без спешки [94].

Речь идет при этом не только о плавильщиках, но и о других рабочих плавилен, о подсобных рабочих, подготовляющих руду, шлаки и примеси к загрузке в плавильную печь (vorleuffer), о рабочих, заготовляющих угольную пыль для плавильной печи и для форм (stübmecker) и др. Особо подчеркивается, что и эти категории рабочих должны действовать как служащие (diener)

[94] HSTA, Loc. 4495, Bl. 35b.

участников, так как именно от них они получают свою заработную плату. Их работа должна быть также организована таким образом, чтобы она служила интересам участников. В частности, подсобные рабочие должны добросовестно заготовлять нужные для плавки материалы для каждого плавильщика и держать материалы каждого товарищества (Gewerkschaft) в особом отдельном месте, о чем они должны ставить в известность шихтмейстера, писаря плавильни и еще кого нужно. Таким образом, после окончания плавки будет видно, какие материалы какому товариществу принадлежат; они останутся нетронутыми до того момента, когда они понадобятся хозяевам для новой плавки [95].

Выступающие от имени участников-предпринимателей шихтмейстеры недаром обращают здесь главное внимание на организацию работ в плавильнях. Плавильное дело технически более сложное и специальное, но заказчиками плавилен являются участники горных товариществ. Из этого должно следовать, что рабочие и служащие как рудников, так и плавилен должны действовать как работники участников, что только таким путем может быть организовано правильное наблюдение и компетентное руководство работами и обеспечены предпринимательские интересы тех, кто вложил в дело свои деньги и оплачивает труд рабочих и служащих.

Особый интерес вызывает тот пункт обращения, в котором обращается внимание на необходимость усиления технического надзора со стороны знающих дело управляющих плавильнями (Hüttenreiter). В отношении этого высшего должностного лица в плавильне шихтмейстеры — авторы документа — не требуют рассматривать его как служащего участников и не оспаривают права владельца плавильни считать его своим. Однако они обращают внимание на большое значение технического надзора, который должен осуществляться управляющим плавильней и на особую заинтересованность участников в правильном исполнении им своих функций. При этом выдвигается следующий аргумент: «Не знающие свое дело новые и молодые плавильщики, пишут они,— причиняют большой вред в ряде плавилен, так как эти рабочие-плавильщики не знают, как подготовить печь, как правильно ставить форму, как правильно направлять раздувальные мехи, чтобы они действовали с пользой и не во вред. То же и с тиглем. Не знают также эти рабочие, как сделать ровный настил угольной пыли под формой» [96].

Постановка вопроса об усилении технического надзора вызвана, таким образом, тем, что с развитием горного и плавильного дела привлечено много новых молодых рабочих, недостаточно знающих производство. Вопрос о техническом руководстве при-

[95] Ibid., Bl. 35c—35d.
[96] Ibid., Bl. 35d.

обрел важное значение для устранения очень большого вреда, причиняемого неквалифицированным составом плавильщиков. Для уяснения характера причиняемых в результате этого убытков приводится пример плавки железа, олова или какого-либо иного неблагородного металла (grob metall). Если при этой плавке печь не имеет правильного накала, а формы и мехи неправильно установлены и прилажены, то получается металл в значительно меньшем количестве и притом худшего качества, чем от плавки, произведенной при аккуратной постановке печей компетентными, знающими свое дело плавильщиками. Если же производство «грубых металлов» требует такой аккуратной работы, то можно себе представить, во сколько раз больше требуется знаний для «благородного серебра». Поэтому техническое наблюдение должно быть возложено на управляющих плавильнями. После каждой шихты, когда печи стоят закрытыми, управляющие должны приходить в плавильню и вместе с плавильщиками устранять замеченные дефекты в состоянии печей, форм, раздувальных мехов, тиглей, пластов угольной пыли и т. п.[97]

Они же должны следить и за другими техническими сторонами процесса плавки. Немало вреда проистекает из небрежного и некомпетентного обращения с примесями (zusätze). Часто применяют одни и те же примеси ко всякой серебряной руде без предварительного исследования характера и особых свойств данной руды. Иная руда не требует тех или иных, а в ряде случаев вовсе никаких примесей. Во многих случаях руда содержит в себе свои собственные необходимые ей смеси. «Но лишь малое число плавильщиков следит за этим, причиняя участникам много лишних ненужных расходов и много убытков». Для предотвращения этих ненужных трат управляющий плавильней должен из каждой доставленной для плавки партии руды брать одну горсть или две для пробы и определить ее состав, чтобы знать, какие здесь требуются примеси и нужны ли они здесь вообще.

Таким образом, шихтмейстеры от имени участников стремятся перестроить управление так, чтобы и управляющие плавильнями фактически служили интересам участников. И не только управляющие плавильнями, но и бергмейстеры. Управляющие плавильнями и бергмейстеры должны следить за реализацией всех предлагаемых в этом документе нововведений и подвергать штрафам нарушителей.

Рассматривая весь этот документ в целом, следует прежде всего иметь в виду, что он представляет собою реакцию участников на первые горные уставы для Аннабергского горного района от 1499—1500 и 1503 гг. Эти уставы, так же как и уставы других новых городов Рудногорного района в конце XV и в начале XVI вв., были изданы, как подчеркивается в них же, с целью

[97] HSTA. Loc. 4495. Bl. 36a.

ослабления социальных конфликтов на горных разработках и в плавильнях. Наиболее острыми были конфликты между участниками-предпринимателями и герцогской горной администрацией, которые продолжались в нарастающем темпе вместе с утверждением и расширением в горном деле системы наемного труда, начиная с того времени, когда центром горного дела в Рудногорном районе был город Фрейберг. Согласно горным уставам герцогская администрация и ее должностные лица берут на себя заботу о защите интересов участников-предпринимателей, оставляя самим участникам только пассивную роль получателей благ от бергамта. В данном обращении аннабергских шихтмейстеров к герцогу указывается, что забота, предусмотренная в уставах об улучшении положения участников и стимулировании их предпринимательской деятельности, не сопровождается конкретными организационными мероприятиями. Требуя перестройки всего управления, авторы обращения выдвигают ряд мер главным образом в отношении плавилен. Однако, как мы уже видели выше, они выступают в данном случае от имени участников горных товариществ, являющихся клиентами плавилен. При этом выдвигаемые новые принципы и их обоснование вполне подходят и к управлению рудниками. Уже выше приведено было заявление авторов, что плавильщики занимают в плавильнях то же положение, что забойщики в рудниках, из чего следует, что для обеих категорий рабочих должен быть установлен общий режим.

В заключительной части документа говорится, что пункты уставов, в которых имеются в виду интересы участников, но которые не обеспечены конкретными организационными мерами, не соблюдаются, что поэтому большая часть этих пунктов требует изменений и обновлений [98].

Конкретные мероприятия, предлагаемые представителями участников, сводятся к правильному распределению обязанностей между теми служащими, которые непосредственно руководят процессом добычи руды и ее плавки, и в общем — к проведению того принципа, что все те рабочие и служащие, которые оплачиваются деньгами участников-предпринимателей, являются их слугами («Diener») и должны служить только им, оберегая их от лишних расходов и всего того, что подрывает их прибыли. Этому принципу должна быть подчинена система отчетности, технического руководства и наблюдения за рабочими. Характерная для руководства бергамта система административного нажима должна быть дополнена и в значительной степени заменена системой внутреннего организационного переустройства. Отчетность должна быть организована так, чтобы разные

[98] Ibid., Bl. 36b.— «...dieser gestalt wie gehort an derunge und vo[r]newung etzlich arttikel der meist teyl jn vorig ordenung wie wol dewtlich gnug angetzeyget und doch anders gehalt[en] ist wurden etc. geschehen».

служащие участников проверяли друг друга как в самом процессе плавки, так и в расходовании и хранении материалов и продукции. Контроль за состоянием плавильных печей, за правильным применением примесей, так же как и за выполнением рабочими всех восьми часов рабочего времени, должен осуществляться правильной организацией самого процесса производства в плавильнях, пробирными работами управляющего плавильней и компетентным определением для каждой партии руды необходимого времени плавки. Большая часть предложенных мероприятий направлена на сокращение издержек производства и обеспечение большой прибыльности вложенных в горное дело денег, в чем заинтересованы были в первую очередь непосредственно участники-предприниматели, а не герцогская казна, которая получала десятую часть продукции независимо от рентабельности всего дела.

Весьма характерно высказанное в конце обращения убеждение в том, что предлагаемая перестройка организации горного и плавильного дела, которая поставит его на службу предпринимателям, привлечет не только местные средства, но и капиталы из других земель. За этим горным районом утвердится слава и выгода, а это вызовет и укрепит у людей из чужих земель охоту и склонность заниматься здесь делом разработок [99].

Авторы рассматриваемого документа не выступают здесь открыто за устранение «дирекционного принципа» в горном деле и за передачу управления в руки самих участников. В предлагаемой ими новой системе управления за бергмейстером формально признается руководящая роль. Через него проводятся назначения и увольнения и т. п. [100] Однако сопоставление этого документа с горными уставами для Шрекенберга — Аннаберга 1499—1500 гг. и 1503 г. не оставляет никаких сомнений в том, что позиция участников в вопросе управления горным делом коренным образом отличается от позиций бергамта. Если уставы исходят из незыблемости «дирекционного принципа» во всех деталях и рассматривают участников как пассивных куксодержателей, вносящих дополнительные взносы (zubuss) и получающих то, что приходится им по расчетам должностных лиц бергамта, то аннабергские шихтмейстеры вносят в организацию управления такие «изменения и обновления», которые должны

[99] Ibid., Bl. 39a.— «Dorawss vngetzweyfelt e. f. g. zcu forderst grosser nütz. Ere und lob, desem Berge mergkicher ruff und gedeve. Auch dem fremde[n] manne nicht wenig lüst vnd Zcuneygung fürder hie zcu bawen etc. fliessen vnd erwachssen würd».

[100] Ibid., Bl. 31b.— «...dass die huttenschreyber von wegen der gewergken durch den Bergmeyster angenomen gesatzt werend und bestetiget. Auch durch in vmb unfleis ader vorhandelunge gleich den schichtmeystern ufen tzechen gestrafft vnnd entsatzt werden...» «Wan diese beide sein diener der gewergken vnd nicht der huttenherrn, sie werden auch alleyn vo[n] den gewergk[en] wie gehort belonet; der wegen sullen sie auch dem Bergmeyster beyde gehorszam leyst[en]».

поставить все дело на службу интересам участников и сводят роль бергамта к административному орудию участников. При формальном соблюдении «дирекционного принципа» все дело управления направляется на обеспечение более высокой предпринимательской прибыли и сокращение издержек добычи и производства. Во всяком случае само выступление участников большого горного района с подробным планом перестройки управления, организации производства в плавильнях, организации учета, отчетности, технического руководства и контроля показывает, насколько неверно представление об участниках как о пассивных куксодержателях, которые не вмешивались в вопросы организации добычи и производства, считая их делом только бергамта. Если бы принципы, выдвинутые в рассмотренном обращении шихтмейстеров Аннабергского района, были бы реализованы в управлении рудниками и в организации производства в плавильнях, если бы на основе этих принципов были организованы контроль, наблюдение, руководство и отчетность, то несомненно герцогский «дирекционный принцип» был бы подорван, так как аппарат управления не был бы уже приспособлен к охране регально-феодальных прав герцогов там, где они противоречили предпринимательским интересам участников. По существу представители участников заявляют здесь, что стимулирование капиталовложений как местных, так и иноземных возможно только при такой перестройке управления, при которой регально-феодальные интересы бергамта уступят первенство предпринимательским интересам участников.

■

Об отношении герцогской власти к указанным требованиям участников можно судить по самому подробному и детально разработанному горному уставу для Аннабергского района от 1509 г.[101] Составители этого устава стремились учесть некоторые конкретные пожелания, выраженные в обращении шихтмейстеров. Учет и хранение добываемой руды возлагается на шихтмейстеров и на писарей плавилен (ст. 41). Все материалы, являющиеся примесями для плавки серебряной руды, хранятся в особом ящике. Два ключа от этого ящика поручаются — один шихтмейстеру, другой писарю плавильни (ст. 69). Оба эти должностных лица ведут запись по расходованию этих материалов (ст. 68). Должностным лицам плавилен предписывается следить за тем, чтобы плавильщики работали все восемь часов, кроме тех случаев, когда восьмичасовая шихта вредна для руды данной шихты. Для определения состава поступающих на плавильню руд должно вестись постоянное пробирование (ст. 67).

[101] H. Ermisch. Op. cit. Anhang X, S. 163—198; FUB II, S. 503—524.

В соответствии с выраженным шихтмейстерами пожеланием устав 1509 г. предусматривает назначение для каждой плавильни особого должностного лица (Huttenvorsteher) для связи с шихтмейстерами (ст. 65). Обязанности шихтмейстера по отношению к участникам подчеркиваются не только предписаниями об охране интересов участников и о возмещении причиненных им убытков (ст. 47, 55), но и запрещением шихтмейстерам, как и штейгерам, вступать в какие-либо «особые объединения», которые могут причинить вред участникам (ст. 40) [102].

Однако горный устав 1509 г. решительно отвергает те новшества, которые составляют угрозу так называемому «дирекционному принципу», регально-феодальной основе организации горного дела. Отвергается основной сформулированный шихтмейстерами принцип: как на разработках, так и в плавильнях все оплачиваемые участниками служащие должны считаться их слугами и служить только им. Весь этот горный устав, считающийся самым полным и самым образцовым, преследует цель укрепления исключительных прав герцогской горной администрации: точно установить количество всех должностных лиц и определить обязанности каждого (ст. 2 и др.). Все должностные лица и все лица, имеющие вообще какое-либо отношение к горному делу (und jederman tzum bergkwerk gehorende), обязаны во всем строго подчиняться начальнику (Hauptmann), действующему от имени самих герцогов (von unssern wegen), власть которого на разработках неограниченна и распоряжения которого могут быть изменены только прямым вмешательством самих герцогов [103]. Должностным лицам указываются строгие правила сдачи горных участков (ст. 5, 6, 7), приема отчетов от шихтмейстеров и других должностных лиц (ст. 47—50, 52—53), взимания дополнительных взносов от участников и лиц, их авансирующих (Verleger) (ст. 54—58), хранения и учета материалов в плавильнях (ст. 68—71), регулирование всевозможных споров и судебных разбирательств (ст. 86—88, 92—98), причем все дела, не предусмотренные горным правом, подлежат решению начальника и бергмейстера (ст. 100), которые утверждают все решения судов вообще (ст. 102). Горный устав 1509 г. не оставляет места для сколько-нибудь значительной инициативы участников. Технические вопросы, которыми участники стремились руководить через своих служащих, доверяются целиком тем же высшим должностным лицам в рудниках и плавильнях.

---

[102] Ibid., § 40, S. 176.— «...sich auch in keyne sunderliche eynigkeyt geben, die den gewercken tzu nachteyl komen magk». Возможно, что следует перевести: «не вступать в какие-либо сделки».

[103] Ibid., § 3, S. 165. — «...von unssern wegen tzu schaffen, tzu gebietten und tzu verbietten haben, dem auch biss tzu unsser veranderung von jederman oben vormeldt gleich unsser person volkomener gehorsam bey vermeydung unsser sweren straff sal geleist werden».

Без их разрешения нельзя проводить соединительных колен (gesprenge) от штолен к рудникам, под их контролем должны осуществляться все виды маркшейдерских обмеров (ст. 89—91). Проводить какие-либо технические мероприятия в плавильнях может только управляющий плавильней. О возложении на управляющего обязанностей технического руководства просили сами участники. Однако участники имели в виду, что управляющие будут осуществлять в плавильнях те меры технического наблюдения, которые они же им укажут. Мы уже видели, какие конкретные меры выдвигались в обращении шихтмейстеров по правильной подготовке плавильных печей, по установке форм и кастилов, по определению состава руды и т. п. В рассматриваемом уставе эти конкретные требования технического порядка игнорируются. Говорится только, что управляющие должны следить за тем, чтобы руда перед плавкой была как следует раздроблена и очищена, «чтобы определить, как ее следует плавить с большей пользой» (ст. 76), и что управляющим, если, по их мнению, ту или иную руду надо плавить не так, как плавильщики это делают, надлежит соответствующим образом распорядиться [104]. Основное, что предписывается управляющим плавильнями, — это строго наблюдать за выполнением всех пунктов данного устава. Технические меры, предложенные от имени участников, игнорируются и в других пунктах устава 1509 г., в частности, по вопросу о полном восьмичасовом рабочем дне плавильщиков. Нам уже известны требования шихтмейстеров, чтобы в тех случаях, когда качество руды позволяет рабочим заканчивать свои шихты раньше, закладывались новые шихты в целях избежания не только напрасной потери рабочего времени, но и вреда от торопливой работы плавильщиков. По уставу же 1509 г. в тех случаях, когда должностные лица признают, что продолжение работы будет вредно для руды, плавильщики с разрешения писарей и управляющих плавилен заканчивают шихты до истечения восьми часов [105]. То, что предлагалось от имени участников, таким образом, отвергается. Основным принципом устава 1509 г. было подчинение горного дела твердым правилам, покоящимся на непререкаемом авторитете иерархии должностных лиц. Допущение принципа деловой целесообразности, допущение гибкости в применении правил и в расстановке людей в зависимости от возникающих технических потребностей привело бы неизбежно к усилению роли участников-пред-

[104] Ibid., § 77, S. 190.— «Werden auch die huttenreitter befinden, das ein ertz uff ander weisse, dan es die schmeltzer vorhaben, tzu schmeltzen und meher nutz damit tzu schaffen were, das sollen sye angeben und darnach tzu halden verschaffen».

[105] Ibid., § 67, S. 187. «rechte schicht acht stunden halden, es were den das nach achtung der huttenreitter, huttenschreiber ader schichtmeister gantze schicht tzu schmeltzen eynem ertz schedlich were; denne mogen dye schmeltzer nach tzulassung der huttenreitter ader huttenschreiber eher schicht machen».

принимателей и к подрыву так называемого «дирекционного принципа».

Таким образом, противоречия между интересами предпринимательских участников и бергамтом, выявившиеся уже во второй половине XV в. во Фрейбергском горном районе, приняли более отчетливый характер в начале XVI в. в районе новых горных городов. У участников складывался свой план перестройки управления горным делом, который фактически противопоставлялся регально-феодальному «дирекционному принципу».

■

Эти противоречия между регально-феодальным бергамтом, владельцами плавилен и крупными дельцами, с одной стороны, и участниками-предпринимателями, стремившимися к утверждению начал делового расчета, с другой—не были устранены, поскольку основные требования последних отвергались регальной властью. Однако в местах таких богатых месторождений серебра, как районы Шнеберга, Аннаберга, Мариенберга и ряда других новых горных городов, все более обострившиеся социальные противоречия не вели в период бурного развития к прекращению потока капиталовложений со стороны предпринимателей, поощряемых возможностью богатейших находок. Иначе обстояло дело в менее богатых районах. Значительный интерес представляет в этой связи фонд Reg. T_{892} Тюрингенского ландесархива в Веймаре, относящийся к горному району Заальфельд (на Верхней Заале). В конце 1514 г. герцог Фридрих и его брат герцог Иоганн совещались о мерах, которые должны быть предприняты для возобновления работ на разработках Заальфельда, незадолго перед этим прерванных и брошенных их участниками. Лица, посланные в Заальфельд для обследования причин прекращения там работ по добыче и плавке серебряной руды, доложили герцогу Фридриху, что участники не стали давать zubuss, вследствие чего нечем стало оплачивать рабочих. Плавильня тоже прекратила работу. Доставленная туда руда лежит без движения, а участники не могут получить своих долей продукции. Посланцы герцога указали и на то, что на разработках нет жилых помещений для рабочих, что, живя в городе, они тратят много времени на хождение к месту работы и обратно. Ввиду этого обстоятельства посланцы советуют не возобновлять работ до воскресенья Reminiscere, т. е. до второго воскресенья великого поста, когда дни станут бо́льшими. Однако для того чтобы работы могли возобновиться в указанный срок, необходимо назначить опытного бергмейстера и позаботиться о возвращении ушедших участников, а также о привлечении новых [106]

[106] Thuringisches Landesarchiv. Weimar. Reg. T_{892} (далее: TLA, T_{892}). Bl. 2a, 8a.

В качестве стимула для привлечения участников в Заальфельд рекомендовалось широко объявить о хороших результатах пробирования заальфельдской руды [107].

В ближайшее время, однако, оказалось, что с возвращением участников на промыслы Заальфельда и привлечением новых дело обстоит гораздо сложнее, чем администрация себе представляла. Выделенная для изучения положения в Заальфельде группа высших должностных лиц, главным образом из Шнеебергского района, доложила, что в обследованном районе действительно имеются хорошие перспективы для добычи серебра, но что реализацию этих возможностей нельзя будет осуществить без проведения ряда технических и организационных мер. В частности, было предложено улучшить подачу воздуха в шахты, чтобы стимулировать более усердную работу рудокопов [108]. Получаемую руду следовало тщательно очищать, сортировать и просеивать. Указывались меры для улучшения дела плавки. Плавильщики должны быть компетентными людьми и хорошо знать пропорции необходимых примесей [109]. Указывалось на непригодность существующей здесь плавильни, которая к тому же была расположена на неудобном для участников месте и требовала больших расходов на содержание длинной плотины. Предлагалось поэтому построить новую плавильню в другом месте.

В докладной записке указывалось также на необходимость улажения отношений с участниками. Герцоги должны внимательно относиться к их жалобам, устранять все лишние ненужные расходы, обязать штейгеров ставить в каждую смену забойщиков и других рабочих строго в соответствии с потребностью и постоянно следить за ходом работ, соблюдать установленные нормы по отношению к неуплатившим в срок своих дополнительных взносов [110]. Однако весьма характерно, что, подчеркивая необходимость заботы об интересах участников, авторы докладной записки представляли себе эту заботу только как дело высших должностных лиц. Чувствуя, что при проведении намечаемых технических и организационных мер активная роль и инициатива участников может оттеснить должностных лиц бергамта, они пишут, что один из последних — Сигизмунд фон Халь-

---

[107] Ibid., Bl. 6—7a.

[108] Ibid., Bl. 14b. — «Das man auch vorthin wether in die füntgrüb zubringen fürnehme, damit sich die gesellen darin dester förderlicher zuerbetten enthalten mügen».

[109] Ibidem. — «Wo auch ertz gnüg vorhanden, solt nach eym redlichen vorstendigen schmeltzer getracht werden, der solchs mit zusetzen unnd sunst wüst aufs leyderlichst zu gut zumachen».

[110] Ibid., Bl. 15a. — «Das die beswerung der gewercken von unnsern gn. h. angesehen werden unnd das ferner die unnottürftigen costung vermieden bleyb... auch weiter mit den Retardaten nach ordnung wie gesetzt gehalten werde».

бах — или кто-либо другой должен быть уполномочен герцогами строго «защищать бергмейстера, штейгера и рудокопов, а когда они провинятся, штрафовать их и сажать в заальфельдскую тюрьму [111].

Добиваясь возвращения ушедших и привлечения новых участников, обладавших средствами, необходимыми для решения неотложных технических задач, саксонские герцоги и действовавшие от их имени высшие должностные лица бергамта стремились сосредоточить в своих руках все дело восстановления и реконструкции заальфельдских серебрянорудных рудников, перспективы которых представлялись им многообещающими. Их интерес к этому делу не ограничивался сферой управления; используя регальные привилегии, герцоги и высшие должностные лица стремились сами занять место среди крупных предпринимателей. Характерен следующий пункт из докладной записки: «Теперешний бергмейстер Ганс Эпенфельдер запросил участников, согласны ли они предоставить ему данный рудник на его риск на один год. Действуя вместе с канатчиком из Бамберга, имущество которого оценивается в 20 тысяч гульденов, бергмейстер готов дать за год с этого рудника четыреста гульденов. Решение этого вопроса участники предоставили «милостивому государю» [112]. Об этом предложении Эпенфельдера и ответе участников говорится и в последнем пункте докладной записки, где передача этого вопроса на решение герцога объясняется тем, что герцог является «одним из крупнейших участников» (der meinsten gewercken einer ist). Из той же переписки видно, что когда герцогам сообщали весьма перспективные данные, полученные в результате пробирования заальфельдской руды, то герцог Фридрих приказал широко объявить о хороших результатах произведенных анализов при привлечении участников. Однако точные данные при этом не сообщались, что давало возможность герцогам при помощи должностных лиц рассчитывать на присвоение этих выгод за спиной участников.

Но участники были весьма недовольны тем, что их отстраняли от дела. Бергамту и герцогам была представлена их жалоба, в первом пункте которой говорилось: «Два бочонка с рудой посланы по приказу Вашей милости на Шнеберг. О результатах участники ничего не знают. Между тем они охотно хотели бы

---

[111] TLA, T_{892}, Bl. 15b.— «...das er den Berkmeyster steiger unnd gesellen in schutz hanthab. Auch wen sie strafwirdig, darumb zustraffen unnd zn Saluelt in gefencknus zulegen hette...».

[112] Ibid., Bl. 15b—16a.— «...hat bey den gewercken gesucht ob sie yn dise zech ein jar wolten auf sein abenteur zustellen. Dauon wolt er das ihar vierhundert gulden geben unnd solchs mit dem sayler zu Bamberg der auf die XXtawsent gulden vermungens ist verpurgen».

изучить, что сделано в этой связи, как поступили и как это используется к лучшему»[113].

Очевидно, что речь шла о руде, посланной в Шнеберг на пробирование. Участники выражают свое недовольство тем, что им не сообщают результатов произведенного исследования, и жалуются, что их держат вообще в стороне от тех процессов, которые их интересуют и которые они охотно желают изучить (forschen). В следующих пунктах своей жалобы участники указывают на затруднения, которые чинятся им со стороны бергамта, влекущие за собою большие расходы и убытки. Ряд процессов по производству серебра осуществляется в Шнеберге, что приводит к лишним расходам и к большим потерям. То серебро, которое завершается плавкой в Заальфельде, здесь не принимается скупщиками бергамта, и участники вынуждены доставлять ее в Шнеберг, что тоже приносит им значительный ущерб. Вырабатываемая в Заальфельде медь содержит значительное количество серебра. Но у них ее не принимают в сыром, т. е. слитном еще с серебром, виде. Они вынуждены везти эту медь на зейгерование в плавильнях Грефенталя, Людерсдорфа и Арнштадта, после чего у них принимают только серебро. Медь же, если она не красная, вовсе не принимают. Они просят, чтобы у них принимали медь здесь в Заальфельде и оплачивали содержащееся в ней серебро. Указывается на ущерб, который наносится участникам неправильным обращением с оборудованием рудников и злоупотреблениями должностных лиц. В особом пункте говорится о непригодности существующей здесь плавильни, о необходимости построить другую и обеспечить ее углем, свинцом и всеми другими материалами. Авторы жалобы просят также некоторых льгот в отношении десятины.

Жалоба участников подтверждает, таким образом, что настоящая причина, почему заальфельдские рудники были заброшены, заключалась не в коротких зимних днях и не только потому, что на разработках не было жилых помещений для рабочих, а прежде всего в препятствиях, которые ставились на их пути. От них скрывали результаты пробирования и существующие возможности, им чинили большие убытки и потери «безрассудными» (leichtfertige) перевозками и небрежным обращением с оборудованием. Важно подчеркнуть, что участники — авторы приведенной жалобы — не относятся к очень богатым предпринимателям. Аргументируя свою просьбу о приеме у них сырой меди здесь на месте в Заальфельде, они указывают, что при существующем положении, когда им приходится ждать с реализацией продукции, пока они сами соберут для зейгерования сорок

[113] Ibid., Bl. 17a, 29a. — «Zwey feslein mit Ertzt seint auf e. f. G. schrift auf den Schneberg geschickt. Was das helt haben die gewercken kein wissen, wolten das gerne forschen wie es darumb gethan, unnd was damit gehandelt unnd wie solchs zugethe zumachenn were».

или пятьдесят центнеров, окажутся заброшенными другие работы [114]. Из текста следует, что причиной приостановки других работ является недостаток у них оборотных средств. В том же пункте жалобы говорится, что те бедные «gesellen», которые ведут разработки своими собственными средствами, т. е. без авансирования со стороны Verleger, надеются на улучшение своего положения, если герцог распорядится о приеме меди и оплате содержащегося в ней серебра здесь на месте в Заальфельде [115].

В указанном архивном фонде имеются три списка этой жалобы участников. На одном из них, написанном почерком, которым написаны письма герцога Фридриха и документы, исходящие из его канцелярии, против большинства пунктов на полях другой рукой сделаны краткие пометки. Они принадлежат, очевидно, одному из герцогских советников. Против первого пункта о посланных на пробирование двух бочках нет никакой пометки. Против следующего пункта о необходимости отменить обязательные перевозки руды, а затем готовой продукции в Шнеберг имеется пометка: «это должно быть приостановлено». Такая же пометка была сделана на полях и против пункта о приеме в Заальфельде меди в сыром виде, но затем перечеркнута и заменена другой: «Это — подходящая просьба». Просьба об освобождении в первые два года от десятины «заслуживает» согласно пометке на полях, чтобы «обдумали», насколько эта мера содействовала бы подъему горного дела [116]. По поводу некоторых непорядков, наносящих убытки, записано на полях, что надо бергмейстеру «искренне отдать соответствующие распоряжения» [117]. По поводу же последнего пункта о том, что бывший шихтмейстер должен быть привлечен к ответственности за то, что брал больше денег, чем он может оправдать своими отчетами, пометка гласит весьма лаконично: «Происходило правильно» (Geschiet Pillich).

Таким образом, по этим пометкам, отражающим отношение бергамта к жалобам участников, можно убедиться в том, что при всем старании бергамта вернуть старых участников и привлечь новых, его деятели полностью игнорировали основное требование участников посвятить их в дела производства, до-

---

[114] TLA, T_{892}, Bl. 17a.— «...hin unnd wider mit grosser uncost gefürt worden, aber leichtfertig nicht angenomen wan solchs nicht rodt Küppfer, dardurch die selben in besorg, die andern jre werck zcuvorwildern, sint des nit virtzig oder fünfzig zentner alein zu treyben...».

[115] Ibid., Bl. 17b.— «...Aber dannoch vnnd auf das die armen gesellen, die solchs auf ir eygene kostung erbawet vnnd nun hinforder besserung verhoffen, das vnnser gnedigste unnd gnedige herren solch kopfer hie zu Saluelt anzunemen verschaften, vnnd das silber so in solchem koppfer befunden wurde nach seinem werden alleine bezalten vnd iren furstlichen gnaden das kopfer volgen».

[116] Ibid., Bl. 29b.— «dy vordint bedencken, sal das bau perckwergk erhaben werd, so sey gnad zcu geben etc.»

[117] Ibidem.— «...Ist dem perckmeis[fer] treulich zcu bevolhen».

пускать их инициативу и активную роль в проведении технических мероприятий, а по другим требованиям высказывались, хотя и положительно, но в самой общей форме без указания сроков их выполнения.

Переписка герцогов между собою и с должностными лицами Шнеберга по поводу требований заальфельдских участников продолжалась и после этого в течение пяти лет. Из того что все поднятые в жалобе участников вопросы продолжали обсуждаться все эти годы и что необходимость предложенных в жалобе мер повторно подчеркивалась, можно заключить, что дальше разговоров дело не шло [118]. Главная забота герцогов заключалась в том, чтобы прежде всего создать в Заальфельде прочную горную администрацию и поручить ей все заботы о рудниках и плавильнях, в том числе и рассмотрение мер, предложенных участниками. Герцоги продолжали заботиться об учреждении и устройстве особой горной администрации для Заальфельда и одновременно стремились привлечь богатых людей, способных сделать нужные капиталовложения. В письме от 7 июня 1519 г. шнебергский бергмейстер Пауль Шмидт сообщает герцогу Иоганну, что по указанию герцогских советников он прибыл в Заальфельд вместе с ландбергмейстером для подтверждения сдачи в лен нюрнбержцам флецовых (т. е. горизонтально пластовых) разработок. Нюрнбержцы требовали сдачи им вместе с пластами также проходящих через пласты рудных жил, в разработку которых они сами или привлеченные другие лица обязуются вложить необходимые деньги [119]. Переговоры, однако, осложнились вмешательством должностных лиц. Шнебергский бергмейстер пишет герцогу Иоганну, что, по его мнению, в интересах подъема здесь горного дела следует утвердить за нюрнбержцами лен на флецы и сланцы, но что вместе с тем герцогу следует серьезно подумать над тем, целесообразно ли распространить данный лен также на серебрянорудные жилы, которые не были включены в сданный лен на флецы и сланцы [120].

Мотивы, лежавшие в основе этой позиции должностных лиц, нетрудно выяснить из второй половины письма шнебергского бергмейстера. Он сообщает, что в Заальфельд прибыл Кунц фон Ихофен — герцогский сборщик податей, которому ландбергмейстер передал ряд участков рудника Св. Никласа, сданного нюрнбержцам. На нижнем третьем участке Кунц обнару-

[118] Ibid., Bl. 43a, 49a, 50—51 u. a.

[119] Ibid., Bl. 54a.

[120] Ibid., Bl. 54a—54b.— «Ich acht es darfür, ob. E. f. g. zuerhebung des selbigen Bergwerchs den oftgemelten lehentregern solche Bestetigung vfn fletzen... gnedilgich vorleihung nach liesse, doch das die streichenden genge, wie oben vermeldet nicht in der fletzwergk Vorleihung vorknüpfft, solt es E. f. g. zu rathen sein, wie solches in E. f. g. genedigst bedenken vndertheniglich gestalt haben».

жил прекрасную руду и надеется на успехи в дальнейшем [121]. Дальше говорится о нехватке плавилен и указывается место в Заальфельде для новой плавильни.

Как видим, перед нами здесь пример, как, с одной стороны, герцоги, не желавшие удовлетворить требования участников, стремились прежде всего укрепить авторитет должностных лиц своей администрации, и в то же время высшие должностные лица герцогской горной администрации навязывали участникам-предпринимателям свои условия и свое участие в лучших участках. Само собой разумеется, что это обстоятельство препятствовало предпринимательской деятельности участников. Из письма герцога Фридриха тому же Кунцу Ипхофену от 14 января 1523 г. мы видим, что рудники Заальфельда пришли в запустение, несмотря на прекрасные перспективы, показанные разведочными изысканиями и пробированием руды Заальфельдских рудников. Герцог Фридрих возлагает на Ипхофена ответственность за все неудачи и настаивает, чтобы применена была вся энергия в целях восстановления заальфельдских рудников, поскольку есть полная уверенность в том, что затраченный на это труд не останется без вознаграждения [122].

Отношение участников к положению в Заальфельде и к мероприятиям герцогов в этой области выразил в письме к курфюрсту в начале июля 1521 г. Кунц фон Буде. Автор письма — знаток горного дела — рекомендует себя как одного из участников (mitgewerk) заальфельдских разработок. По повелению курфюрста он осмотрел отдельные рудники, произвел пробирование и, поскольку этот горный район справедливо славится своим серебром, он «не может не указать» на некоторые недостатки, устранение которых приведет к улучшению.

Кунц фон Буде пишет, что для серьезного сдвига в горном деле необходимо поставить здесь во главе его верного человека, хорошо понимающего в горных сооружениях, в организации отдельных работ и в других делах, особенно в плавке, чтобы в отношении каждого человека верно решать, на каких участках лучше всего обеспечить успех горного дела [123].

Заметим прежде всего, что автор требует от будущего руководителя горного дела не административных, а деловых качеств. Поднять горное дело он должен правильной организацией во всех звеньях разработок и в плавильне, а также обсуждением произ-

[121] TLA, T$_{502}$ Bl. 54b: «In der vndern dritten mas hat Konz von Yphouen gut ertz, des selbigen ein starck teyl gewonnen stet auch noch trostlich am anbruch etc.».

[122] Ibid., Bl. 58.

[123] Ibid., Bl. 30a.— «...szo sulch bergwerg zu weitteren auffnemen uvn slage solte bracht werde[n] were guth eines vorstendigen trewen bergmans, der do verstandt hette die berggebewde, der gedinge, vnd anders, sunderlichn, des smeltzens, da midt kege[n] idrman trewlichn gehandelt, in welchn stucken die forderung des berges am meisten hafftet».

водственных вопросов со всеми, кто может дать полезные указания. Характерно, что автор письма называет этого человека не бергмейстером, а бергманом и считает, что на него следует возложить обязанность объезжать каждый день горные предприятия в сопровождении одного из присяжных и по субботам обсуждать вместе с ним предложения участников [124].

После этого Куниц фон Буде переходит к разбору конкретных существующих недостатков горных предприятий, прежде всего плавилен. Он здесь прямо выступает как представитель участников, употребляя несколько раз выражение «wir gewercken». Он указывает на препятствия, чинимые тем, которые должны плавить свою руду [125], на большие ненужные расходы, которые навязываются при плавке руды [126], на отсутствие в плавильнях заготовленных запасов, необходимых для плавки материалов и примесей.

В письме приводятся еще примеры нерасчетливого расходования денег и отсутствия забот об уменьшении плавильных расходов. В который уже раз участники указывают на необходимость решения вопроса о плавильне для Заальфельдских разработок. Куниц указывает на удобную плавильню с двумя-тремя печами, стоящую около предмостных ворот города, но требующую некоторых расходов и внимания для ее приведения в порядок. Надо соорудить дополнительное высокое наливное колесо. Поскольку в жаркие летние дни вода в городе высыхает, то надо сделать за городом искусственный пруд, вода которого будет в нужных случаях подаваться на плавильню [127].

Указывая на все эти факты нерасчетливого ведения горных предприятий, особенно плавильного дела, представитель участников пишет, что эта нерасчетливость отталкивает несостоятельных людей, которые хотели бы здесь проводить работы [128].

Не совсем ясно из текста, кого автор имеет в виду, говоря о «несостоятельных» (armen gesellen). Имеет ли он в виду небогатых участников-предпринимателей или горняков, которые сами работают на собственный счет. Во всяком случае, характерно, что Куниц фон Буде, являвшийся несомненно одним из состоятельных деловых участников-предпринимателей, аргументирует свои предложения интересами «armen gesellen» и считает, что на разработках должны быть созданы условия, необходимые для

[124] Ibid., Bl. 30b.— «Er muste teglichn die gebewde alle[n] thalben befarren vnd halde sonnst dem geswornen alle samstag anseidt hi durch awss... (...неразборчивое слово.— *M. C.*) wochenlichn midt der gewerck[en] darlegen gehandelt».

[125] Ibidem.— «Ime were auch... die vorssorgunge der hutten... da midt szo imandztz ertz erzeugete vnd zcu smeltzen vorhelte das sulches durch die hutten nicht vorhindert welcher die gewiste probe ist zcubeuelle[n]».

[126] Ibidem.— «Die hutten szo itzt vorhanden gebirt den gewercken vncost dar zcu mergliche vorhinderunge sso die wasser flütig ader zcu wenig...»

[127] Ibid., Bl. 32a.

[128] Ibid., Bl. 30b.— «Sunderlich armen geselle[n], die do ichtes gerne awssrichte[n] wolte[n] wurdet dye begyrde da durch entnomen».

развития делового предпринимательства. Он пишет, что все должно быть сделано для поощрения энергичных поисков новых рудных жил и открытия всех возможностей на разработках [129]. В этой связи он пишет также, что и отношения с рабочими должны решаться в плане деловой целесообразности. Все конфликты с рабочими должны разрешаться тем же руководителем разработок и плавилен, о котором говорилось в начале письма и который все вопросы будет решать в интересах дела [130].

Весьма характерно то большое внимание, которое уделяется не только в данном докладе Кунца фон Буде, но и в других документах этих лет, исходивших от участников,— вопросу о положении в плавильнях. Указывалось, что вопрос о ненормальных условиях плавки серебряной руды, тормозящих развитие горного дела, ставился участниками неоднократно, но что их усилия в этом направлении оставались безрезультатными. В этой связи приобретают интерес два документа из другого фонда Тюрингенского архива в Веймаре от 1517 г. Группа бюргеров и участников Заальфельда и Пёснека обратились к герцогу Иоганну со следующей просьбой. Уже 12 или 13 лет они ведут разработки на некоторых участках в Аннабергском районе. Все эти годы они аккуратно платили дополнительные взносы и несли все расходы. Они получали неплохие доходы, но их едва хватило на покрытие больших лишних расходов по плавке и на еженедельные чинши [131]. К тому же они пострадали от пожара. Чтобы в дальнейшем сократить эти лишние расходы на плавку, они желают арендовать в аннабергских плавильнях две или три печи, в которых они смогут иметь нужные для плавки материалы и плавить собственными средствами и этим сделать свои горные участки доходными [132]. Этому, однако, препятствует действующий в настоящее время запрет сдавать кому-либо отдельные печи; можно только продать целиком всю плавильню [133]. Авторы этой петиции пишут, что они не в состоянии купить целую плавильню и настаи-

[129] TLA, T_{892}. Bl. 32a.— «Vnd ime ...eingebunden werd das er midt hochstem vleis welte fordern vnd trachten da midt statlichen nach gengen geschorffet newe geschicke entplösset...»

[130] Ibidem.— «Obberurter beuelhaber des bergs vnd der hutten muste macht haben alle gebrechen des berges. auch andre gespen vnd zwitracht der bergknechte szo sulche vorfielen zcuentscheiden».

[131] Thüringisches Landesarchiv Weimar, Reg. T. 647; Bl. 11a.— «...der orthe wyr eyn gemeyn vnd gerynge ertz antroffen aber gleichwol die hüttenkost vnd wochetlichen zyns hiemit nicht zuvorlegen».

[132] Ibid., Bl. 11a—11b.— «Szo vns aber nachgelassen das wyr zwene öffen mytten mochten, auch zcu eigenem vorrath als kolen, schlagstein vnd floss selbst trachten, wie wir dan derselbige uber den wochentlichen zynss vnd huttenkost meher zubekomen wüsten, were vnser vngetzweiffelth trostlich verhoffen, der Almechtig würdt uns nach bescheener straff also vorsehen, vns furder zupuss zuerledigen vnd bey denselbigen theylen, welche wyr sunst aus vorursachung unsers anligendes armuths müssten fallen lassen unabgedrungen bleiben».

[133] Ibid., Bl. 11a.— «...zu dem das furstliche ordenung doselbst vormack, nymantz keynen entzlen offen zuuermyten er wolle dan die hütte gantz vorkeuffen».

вают на том, чтобы им разрешена была аренда отдельных печей.

Эту петицию бюргеров и участников Пёснека и Заальфельда герцог Иоганн отправил герцогу Георгу, который ответил категорическим отказом удовлетворить ее. Он пишет своему племяннику герцогу Иоанну, что, как выяснилось в последнее время, многим людям причиняется большой ущерб в результате несправедливости, проистекающей из того, что отдельные печи сдаются в аренду некоторым лицам, что поэтому он вынужден был «полностью запретить подобную деятельность в деле плавки по совету и желанию всех хозяев плавилен» [134]. Если же пёснекские и заальфельдские бюргеры и участники останутся недовольными этим уставом, говорится дальше в ответе герцога Георга, то пусть не усматривают в этих наших действиях никакого отягощения для них. Они могут прибыть к нам в Дрезден и «мы укажем им другие пути по улучшению дела плавки, которые будут для них весьма выгодными и полезными» [135].

Нам уже известно, что по «другим путям», которые выдвигались заальфельдскими участниками, велись бесплодные переговоры и переписка в течение ряда лет.

Рассмотренные документы помогают выяснить, почему вопрос о правильной организации плавильного дела, вопрос об устранении лишних расходов, вопрос, занимавший одно из главных мест в жалобах участников, не мог быть сдвинут с мертвой точки, несмотря на стремление к возобновлению и развитию прерванных работ на заальфельдских разработках, к привлечению новых участников и прежде всего к возвращению старых. Приведенный ответ герцога Георга на петицию бюргеров и участников Пёснека и Заальфельда показывает, что все ограничительные мероприятия и запреты в области плавильного дела издавались герцогами «по совету и согласию всех хозяев плавилен», т. е. тех обладателей богатств, которые строили свои расчеты не только на эксплуатации наемной рабочей силы, но и на привилегиях, на правах монопольного характера, получаемых от герцогской власти. Саксонские герцоги, обладавшие регально-феодальной монополией на недра земли, казна которых богатела от десятины, от монопольного права закупок серебряной руды по низким ценам, от монетной пошлины (шлегшатц) и других подобного рода доходов, дорожили своим контактом с богатыми обладателями плавилен и наделяли их привилегиями за счет участников-пред-

---

[134] Ibid., Bl. 10.— «Derhalbenn wir verursacht eine ordennung ausgehenn, vnnd solch schmeltzbergk, mit rate vnd verwilligunge aller hüttenn herren gentzlich zcuvorpietten lassen».

[135] Ibidem.— «Wo sich aber dannoch dieselbigen lewthe kegenn Dresdenn bey vnnss vorfüegen mochten, woltenn wir... vnsers vorhoffens andere wege antzeigen lassen, die ine an irem schmeltzen zuvorteyl gedeyen vnd nutzkich ersprussen soltenn».

принимателей горных разработок. Устранение этих препятствий на пути свободного предпринимательства в горном деле, сокращение вытекающих из этих привилегий больших расходов на плавку участники-предприниматели считали одним из своих основных требований наряду с требованиями допущения их активной роли в организации работ в рудниках и в решении вопросов их отношений с рабочими.

Эти требования, среди которых требования, касающиеся плавильного дела, занимали важное место, выдвигались, как нам уже известно, и в Аннаберге и в Шнеберге горных районах. Во всех подвластных саксонским герцогам районах мы наблюдаем, что в складывавшихся и обострявшихся социальных противоречиях намечалась такая расстановка классовых сил, что привилегированные денежные люди и прежде всего хозяева плавилен, многие из которых были из знати [136], сближались с герцогской горной администрацией, а основная масса участников-предпринимателей, не принадлежавшая к привилегированным слоям, видела опору в тех социальных группировках, которые страдали от регально-феодальной основы организации горного дела, в оставшихся еще самостоятельными и лично работавших рудокопах и в известной мере также в наемных рабочих горняках, которые непосредственно испытывали нажим герцогской администрации, страдали от злоупотреблений должностных лиц и всех привилегированных.

Сравнивая рассмотренные материалы, относящиеся к разным частям подвластной саксонским герцогам территории, мы видим, что в районе Заальфельда требования участников выдвигались в общей форме как условия, без которых их дальнейшая деятельность станет невозможной, так как существующие порядки в плавильнях и на разработках делают ее нерентабельной.

Иначе обстояло дело в районах новых горных городов Рудногорной области Саксонии. Там открытие богатейших залежей серебряной руды стимулировало большой приток участников из разных слоев населения. Многие быстро богатели. В погоне за богатствами многие также разорялись, но соблазн был велик, люди шли на риск, процветали торговля и спекуляция куксами в городах и на ярмарках в разных землях Германии, бурно росли и процветали возникшие новые горные города. В обстановке этого бурного подъема и большого притока больших и малых капиталов вопрос о том, что регальный режим, деятельность должностных лиц бергамта и владельцев плавилен полностью парализует развитие дела не ставился в такой общей и категорической форме, как мы это видели в районе Пёснека и Заальфельда. Но, как нам уже известно, и в Шнеберге, и в Аннаберге участники-предприниматели требовали для себя большей инициативы

[136] G. Schmoller. Op. cit., гл. IX, S. 58 ff.

и более активной роли в организации работ в рудниках и в плавильнях, они требовали подчинения им шихтмейстеров и всех должностных лиц, непосредственно руководящих работами, добиваясь лучшей организации работ, применения лучших технических методов, устранения лишних, не вызванных деловой необходимостью расходов и обеспечения рентабельности в нормальных условиях.

■

Рассмотренные материалы серебряорудной промышленности Рудных гор, относящиеся как к тому периоду, когда центром ее явился город Фрейберг, так и к периоду возникновения и расцвета новых саксонских горных городов, показывают, что решающее значение для судьбы этой промышленности, а также для характера и направления его развития имели здесь отношения между участниками (Gewerken) горных товариществ и обладателями регальных прав. Вопрос о возможности рентабельного предпринимательства горных товариществ (Gewerkschaften) в условиях регального режима был исходным пунктом обсуждения и решения вопросов капиталовложений, технических нововведений, условий труда и т. п. Отношения между наемными рабочими и участниками-предпринимателями рассматривались еще в плане общего и главного противоречия между капиталистическими предпринимателями и регальными господами. Что касается крупных торговых фирм — «своих» (саксонских) и «чужих» (южногерманских и др.), то их роль в Рудногорном районе, подробно описанная Теодором Вернером, была значительной главным образом в продвижении части продукции (сверх той, которая шла на чеканные дворы) на отдаленные рынки, а отчасти в плавильном деле. В этих областях указанные купеческие фирмы в значительной степени действовали в соучастии с предприимчивыми герцогами, опираясь на предоставленные ими привилегии. Высказанное же Вернером мнение о преобладающей и решающей роли чужих капиталов в основании рудников и организации добычи серебра на разработках Рудногорного района опровергнуто Рихардом Дитрихом [137].

Роль крупных компаний в тех районах, где им удалось подчинить себе горное дело, требует особого рассмотрения. Этому посвящены следующие главы.

---

[137] Th.-G. Werner. Op. cit. Neues Archiv für sächsische Geschichte, Bd. 57. Dresden, 1936, S. 151 ff.; Bd. 58. Dresden, 1937, S. 1 ff.; R. Dietrich. Op. cit. Jahrbuch für die Geschichte Mittel und Ostdeutschlands. Tübingen, Bd. VII, 1958, S. 160–168 ff.; Bd. VIII, 1959; Bd. IX–X, 1961.

ОРГАНИЗАЦИЯ ГОРНОГО ДЕЛА И ХАРАКТЕР СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА ОСНОВНЫХ ГОРНЫХ ПРОМЫСЛАХ АВСТРИЙСКОГО ТИРОЛЯ В XV—XVI вв.

Для сложившегося уже в первой половине XV в. в Саксонии строя горного дела, особенно в серебрянорудной промышленности, характерно было, как мы уже видели, стремление герцогской регальной администрации к строгому проведению так называемого «дирекционного принципа», т. е. подчинения всей организации горного дела аппарату герцогского горного ведомства — бергамта. Сдача промысловых участков горным товариществам (gewerkschaften), взимание с участников (Gewerken) этих товариществ дополнительных взносов (zubuss) на текущие расходы по поддержанию шахтного оборудования и по ведению работ, наем рабочей силы, наблюдение за рабочими и оплата их труда, распределение прибылей между участниками — все это входило в функции должностных лиц бергамта, к которым принадлежали и бергмейстеры. С точки зрения регальной горной администрации в Саксонии предприниматели — участники горных товариществ — должны были ограничиваться ролью держателей куксов, обязанных платить дополнительные взносы, требуемые бергамтом, и решающих на своих собраниях — личным присутствием или через своих уполномоченных — те вопросы, которые бергамт перед ними ставит.

В Тироле, также славившемся своими горнорудными богатствами, положение было несколько иным. Здесь претензии регальной власти на активную роль в организации работ и в управлении всем горным делом не шли так далеко, как в Саксонии. Правда, и в Тироле князья — тирольские графы и австрийские эрцгерцоги — придавали горным богатствам этой земли исключительно важное значение как источнику своего финансового и военного могущества. Хронист XVIII в. Иозеф Спергес, являвшийся первым историком тирольского горного дела, приводит некоторые данные о «необыкновенных» доходах предпринимателей и казны от одних только Швацких промыслов[1]. «Какой это фи-

[1] Joseph von Sperges. Tyrolische Bergwerksgeschichte. Wien, 1765, Erster Abschitt, S. 9—12.

нансовый источник для князя», пишет Спергес и приводит слова Максимилиана I о том, что Тироль обеспечивает князя средствами, «как мохнатый крестьянский плащ греет своего обладателя». В справедливости этих слов нетрудно убедиться, обратившись к тем финансовым сделкам, которые австрийские эрцгерцоги заключали на серебро и медь от тирольских разработок с крупными купеческо-ростовщическими фирмами, прежде всего с Фуггерами, о чем речь будет ниже, и по тому значению, которое Габсбурги придавали этим сделкам в их имперской и универсалистской политике [2].

Тирольские князья получали от горных промыслов этой земли десятину (Frohn) и «вексель». Если понятие десятины не вызывает сомнений, то в объяснении сущности второго регального побора в литературе существуют разные определения, сводку которых дает Стефан Вормс в его исследовании о Швацких промыслах [3]. Среди этих различных объяснений имеются и такие, которые считают «вексель» не побором, а правом регального господина на преимущественную закупку по установленной цене. Вормс отвергает подобное определение «векселя» по крайней мере для Тироля и других австрийских наследственных земель в альпийских областях. Анализируя относящиеся к этому понятию места в источниках, Вормс определяет «вексель» как побор, взимавшийся при плавке серебряной руды. Другие определяют «вексель» как побор, взимавшийся за право свободно распоряжаться добытой рудой, т. е. как плату за отказ от монопольного права регальной власти на закупку руды. Сторонники такого толкования ссылаются на самый термин «вексель» и указывают, что лицо, уполномоченное регальной властью на закупку руды, называлось «Wechsler». Очевидно, что первоначальное значение этого побора, отразившееся в его названии, действительно было связано с уступками со стороны регальной власти в осуществлении монопольного права закупок. Но к рассматриваемому времени от этого первоначального значения осталось только название. Ниже мы увидим, что при заключении сделок Сигизмунда и Максимилиана с Фуггерами на Швацкое серебро стороны исходили из того, что князь, обладающий горными регалиями, обладает монопольным правом на закупку руды у участников-предпринимателей по установленной им цене. Между тем, как мы увидим, больше трети этой цены (три гульдена из 8 с каждой марки серебра) предприниматели обязаны были отдавать князю в качестве «векселя» [4]. Таким образом, «вексель» —

---

[2] M. Jansen. Jacob Fugger der Reiche. Leipzig, 1910, S. 194 ff.

[3] St. Worms. Schwazer Bergbau im 15. Jahrhundert. Wien, 1904, S. 28—32.

[4] См. ниже, стр. 165—166 и приведенные там ссылки на источники. См. также: M. Jansen. Op. cit., S. 15—16 ff.

самый крупный регальный побор — взимался в полной мере и при осуществлении права монопольной закупки.

Заинтересованные в регальных доходах тирольские князья заботились о развитии и расширении многообещающих тирольских горных промыслов, соглашаясь в необходимых случаях на временное уменьшение размеров десятины и «векселя» и на субсидирование нуждающихся в крупных затратах разработок так называемыми «деньгами милости» (Gnadengeld). Переговоры и споры по поводу этих уступок и субсидий и их размеров происходили часто в течение XVI и XVII вв.[5] Эрцгерцоги стремились к активному вмешательству в самую организацию горного дела. Они издавали уставы с целью регулирования отношений между крупными и мелкими предпринимателями, между предпринимателями и рабочими и т. п. Однако характер этого вмешательства и регального надзора над состоянием разработок был здесь не таким, как в Саксонии. В Тироле герцогская горная администрация не достигла такой степени активности в управлении разработками, при которой горные товарищества могли рассматриваться как объединения участников, ждущих своей доли прибыли и регулярно вносящих Zubuss. Управление горными предприятиями находилось здесь в основном в руках самих участников предпринимателей, особенно, когда речь шла о крупных предпринимателях. Интересы крупных и мелких предпринимателей здесь непосредственно сталкивались в ходе работ внутри товариществ и вне их, а также с интересами горнорабочих.

Сами горные товарищества носили здесь несколько иной характер. На тирольских промыслах товарищеская форма получения в лен горных участков и проведения некоторых общих работ уже очень рано сочеталась с индивидуально предпринимательским ведением разработок отдельными участниками товарищества на предоставленных им долях общетоварищеского участка. Из наиболее ранних горнорудных промыслов Тироля наиболее характерными были промыслы триентского района, регальные права на которые принадлежали триентским епископам[6]. В 1208 г. епископ Фридрих триентский издал горный устав, дополненный затем в 1213 и 1214 гг. рядом новых правил. В этих документах речь идет уже об участниках разработок (wercus qui partem habet ad montem arzenterie), которые за установленные платежи

---

[5] Об этом подробно в последних разделах этой главы.

[6] M. Wolfstrigl-Wolfskron. Die Tiroler Erzbergbaue 1301—1665. Innsbruck. 1903 (далее — M. Wolfskron). Urkunden. Anhang I, S. 409—410. Мартом 1185 г. датирован документ о сдаче серебрянорудных участков триентским епископом Альбрехтом ряду лиц, называемых здесь «silbrarii». Anhang II, S. 411—412: Привилегией 1189 г. император Фридрих I передал все регальные функции и права на триентские серебряные, медные, железные и всякие иные горные промыслы триентским епископам, которые, как видно из документа 1185 г., пользовались ими фактически уже и до этого.

владели долями в том или ином горном участке. Из пунктов устава видно, что участники — каждый на предоставленной ему части участка — отдельно за свой счет вели разработку, что эти участники были бюргерами города Триента, в котором они обязаны были жить[7].

Триентские, как и другие горные промыслы, разрабатывавшиеся в XII — XIII вв., были спорадическими явлениями, не получившими более или менее широкого значения. Для изучения характерных для Тироля форм организации горного дела и слагавшихся там общественных отношений необходимо обратиться к наиболее крупным и наиболее стабильным промыслам, открытым в XV в. и продолжавшимся в XVI—XVII вв.[8] Это прежде всего промыслы Швацского горного района, значение которых не только для самой Тирольской земли, но и для финансового и военного могущества всего австрийского дома Габсбургов хорошо известно. Важное значение имели также некоторые другие районы горных разработок в Северо-восточной части Тироля, в частности Шторцинг-Госензас, Раттенберг, Кютцбюль и Куфштейн[9].

Первым источником по вопросу об организации горного дела в Госензасском районе и о сложившихся там в первые годы отношениях являются горный устав герцога Фридриха от 26 июня 1427 г. и лежащий в основе этого устава горный указ (Bergbrief) штирийского горного судьи Леонарда Эклцайна, составленный как проект горно-правового документа для Шладминга (Штирия) в 1408 г.[10] Ссылка на Шладмингский горный указ и на действенность его положений не только для госензасских, но и для всех тирольских промыслов содержится в самом горном уставе

[7] Ibid., Anhang III.— «...omnes werchi, qui habent rotas, et qui ad rotas arzenterie laborant, debeant habitare in ciuitate, et amodo ciues tridentini esse, et qui contrafecerit, L libras nomine pene soluere teneatur...»

[8] И. Спергес, а затем и М. Вольфскрон пишут о невозможности установить точно, в какие годы начали функционировать швацские рудники, хотя легенды, следы которых сохранились в названиях некоторых рудников, указывают на 1409 г. (J. Spergеs. Op. cit., p. 74—75; M. Wolfskron. Op. cit., p. 277). Но Вольфскрон считает доказанным, что Штерцинг-Госензасские разработки существовали уже в первой четверти XV в. Во-первых, старейший документ о продаже доходов от четырех долей одного госензасского рудника датирован 1423 г. Кроме того, из отчета о доходах герцога Фридриха от другого рудника за 14 месяцев (1425—1427), о доходах, составлявшихся из десятин, «векселя» и прибыли от собственного участия в некоторых разработках в сумме 8893 золотых дукатов, Вольфскрон заключает, что такой значительный доход не мог образоваться в первые годы существования рудников, что они, следовательно, существовали уже задолго до этого.

[9] Раттенберг, Кюцбюль и Куфштейн до 1505 г. были в составе баварских владений. К Тиролю они перешли в 1511 г. (см. M. Wolfskron. Op. cit., p. 155).

[10] Dr. E. von Schwind u. dr. A. Dopsch. Ausgewählte Urkunden zur Verfassungs-Geschichte der Deutsch-Oesterreichischen Erblande im Mittelalter. Innsbruck, 1895, N 166, S. 311—314 («Weistum über das Schladminger Bergrecht, 1408, 16 Juli»).

герцога Фридриха от 1427 г. «Мы устанавливаем, что во всех случаях, которые не предусмотрены в этом документе, следует руководствоваться (приложенной) копией Шладмингского горного указа, которую мы скрепили своей печатью»[11]. Дальше говорится о том, что Шладмингский горный указ 1408 г. должен рассматриваться как часть устава 1427 г. как для Госензаса, так и для всех тирольских горных разработок. Впоследствии Шладмингский горный указ применялся как документ, регулирующий отношения на швацких промыслах после их открытия в 30-х годах XV в.

Правда, устав 1427 г. был дан Фридрихом на два года, т. е. до 1429 г. Оговорка о двухлетнем сроке действия этого устава сделана и в отношении применения Шладмингского горного указа к госензасским и другим тирольским разработкам. Несомненно, однако, что по крайней мере Шладмингский указ оставался для Госензаса и Шваца и после истечения этого двухлетнего срока нормой и правовой основой отношений на горных разработках. В обращении к герцогу Сигизмунду около 1450 г. госензасские и швацкие участники-предприниматели и рабочие просили сохранить для них и для всего горного дела Госензаса и Шваца дарованные Фридрихом вольности и установленные им порядки, ссылаясь при этом на Шладмингский горный указ и на существующий документ о его утверждении в качестве основы для «всего горного дела»[12].

Поскольку Шладмингский горный указ выдвигался как основа «всего горного дела», то применение его не могло быть ограничено таким коротким сроком, как два года. Привлечение Шладмингского горного указа в качестве правовой основы было в то же время актом утверждения герцогом Фридрихом регального режима в горном деле Тироля. Горный судья Шладминга Экльцайн, составивший этот «Указ» как проект горного устава, заверяет в самом начале его, что он составлен с ведома и в интересах магистрата этого Штирийского горного города, бюргеров, кнаппов и всей общины как бедных, так и богатых. Землевладельцы здесь вовсе не упоминаются. Автор проекта, таким образом, подчеркивает, что управление горным ведомством должно исходить из общих интересов, что горное дело должно рассматриваться как объект права публичного характера. Только горный судья сдает горным товариществам участки и наблюдает за их

---

[11] St. Worms. Op. cit., Urkunden, N 1, S. 102—103.— «Wir setzen und ordnen auch, das das oft genant unser perckwerck in alln andern stucken, die in diesen unserm brief nicht begriffen wern, gehalden werde nach der begreifung der abgeschrift ains briefs von Sledming, darauf wir unser sigel gedruckt haben».

[12] Ibid., Urkunden, N 9. Указывая на Шладмингский горный указ, авторы этого обращения подчеркивают... «...darauf dann daz pergkwerch bestätt und gepawen ist».

обмером и за справедливым распределением между товариществами и между участниками внутри отдельных товариществ[13]. В уставе герцога Фридриха 1427 г. для Госензаса это подчеркивается в еще более ясной форме: все споры, возникающие на разработках, должны решаться высшими должностными лицами герцогского горного ведомства[14].

Важно выяснить, какие организационные формы ведения разработок предусматриваются в Шладмингском горном указе и в уставе 1427 г., т. е. в документах, относящихся к начальному периоду указанных тирольских промыслов.

Шладмингский горный указ предписывает судье сдавать «товариществам» горные участки поровну — каждому «товариществу» не больше трех полевых промысловых участков (Veldpeue)[15]. Из этого Стефан Вормс заключает, что уже тогда — в ранний период их существования — на швацских промыслах «самостоятельная предпринимательская единица» была формой капиталистического товарищества в горном предприятии (der kapitalistisch-genossen-schaftliche Betrieb des Bergbaues)[16].

Этот свой вывод Вормс обосновывает тем, что автор проекта горного устава, стремившийся к сохранению равенства среди деятелей горного дела и к предупреждению концентрации разработок у одних товариществ за счет вытеснения других, ограничивает размер сдаваемого одному товариществу горного лена тремя промыслово-полевыми участками. Если бы товарищества, о которых идет речь в горном указе, были трудовыми коллективами участников, то ограничение каждого товарищества тремя полевыми участками не имело бы смысла, по мнению Вормса. С другой стороны, пишет он, время больших капиталовложений в горное дело в XV в. еще не наступило. Необходимость коллективной формы предприятий вызывалась тем, что уровень горнопромышленной техники требовал уже для оборудования шахт и ведения работ таких средств, которые были не под силу отдельному предпринимателю. Горный указ исходит поэтому из наличия «капиталистических» товариществ, но ограничивает деятельность каждого товарищества леном в три промыслово-полевых участка.

---

[13] E. v. Schwind u. A. Dopsch. Op. cit., S. 311.— «...das ich und nach mir ein iglicher richter wer der ist... nicht mer verlihen soll an dem berge daran man bergwerke pauen will, wan ainer gesellschaft drei veldpeue... die bergmass an den tag mit einander nemen als recht ist... etc...».

[14] St. Worms. Op. cit., Urkunden, N 1, S. 99—100.— «...haben wir gesetzet aillit gesworn mit namen... das sy bey iren trewen und aiden alle stöss und zwaiungen des genanten unsers pergwerks entschaiden und ausfindig machn sulln nach dem pesten und trewisten und sy versteen, an alles geverde...».

[15] E. v. Schwind u. A. Dopsch. Op. cit., N 166, S. 311.— «...nicht mer verlihen soll an dem berge daran man bergwerke pauen will, wan einer geselschart dreu veldpeue und einer andern geselschaft auch drei veldpeue».

[16] St. Worms. Op. cit., S. 23.

Вряд ли можно считать достаточно обоснованным определение Вормсом характера предусмотренных в Шладмингском горном указе товариществ как «коллективно-капиталистических». Если законодатель, желая ограничить предпринимательскую деятельность в целях предотвращения опасных последствий чрезмерной социальной дифференциации, говорит при этом о товариществах и их соперничестве, то из этого не следует, что вся предпринимательская деятельность, которая велась в товариществе, была коллективной. Для решения этого вопроса гораздо большее значение имеет выяснение характера отношений внутри товарищества между разными их членами. Каковы были категории участников и рабочих, каков был характер организации работ на предоставленной товариществу территории?

Несомненно, те пункты горного устава, в которых выражена забота об аккуратном поступлении дополнительных взносов от членов горных товариществ, свидетельствует о важном значении для хода работ в рудниках общих коллективных расходов, без которых работа вообще не могла продолжаться. На участке, предоставленном товариществу, велись общие работы, в которых все были заинтересованы и в ходе которых решались общие вопросы всего товарищества и улаживались споры. К этому относится то место в шладмингском горном указе, где устанавливается обязательный характер решений, принятых большинством, также для несогласного с ними меньшинства и для обеих спорящих сторон [17]. Однако из всего текста горного указа видно, что работы по добыче руды велись каждым участником самостоятельно на свой риск и за свой счет. Все предусматриваемые в горном указе случаи споров представляются спорами между отдельными участниками, ведущими работу каждый на своем участке. Если «один человек» заведет разработку в месте, которое, по его мнению, считается заброшенным, а тот, «кому разработка принадлежит», сможет доказать двумя заслуживающими доверия свидетелями, которые не имеют с ним общей доли или общего имущества, что он приобрел эту разработку по горному праву, то она должна быть ему передана без присяги [18]. Здесь ясно говорится об участке разработки, принадлежащем одному, на который претендует другой, самостоятельно и произвольно открывший здесь работы за свой счет на том основании, что, по его сведениям, этот участок прежним хозяином заброшен. Спорящими сторонами выступают индивиды; о товариществе же здесь вовсе не упо-

[17] E. v. Schwind u. A. Dopsch. Op. cit., S. 312.— «Auch ist zu merken, es sei in alten oder in neuen peue, da mag der merer teil den minnern teil wole noten, dass dem paue nutz und gut sei, oder umb was sie stossig sein».

[18] Ibidem.— «Und gescheh das auch, dass ainer eine paue verfinge, und spreche es hat sich verlegen, hat einer ein gewissen des das paue ist, zwen frome man, den zu glewen und zu trewen ist, die weder teil noch gemeinde mit im nicht haben, und sagent, dass er es ingehapt habe als bergwerks recht ist, des sol er genissen und soll des eides uberhaben und ledig sein».

минается. И так во многих других случаях. Укажем на один из предусмотренных случаев. Никто не должен проникнуть в разработку другого, что может быть тому во вред, без ведома и согласия всех владельцев рудника (one der grubenmeister aller wille und wissen) [19].

Как видим, товарищеский принцип заключался в наблюдательных и контрольных функциях всего коллектива участников над общим порядком, чтобы никто не нарушал прав другого, но что при этом каждый член товарищества сам вел свою часть и не являлся только участником сообща ведущихся работ и получаемых доходов. То же следует и из других пунктов горного указа. Если кто-либо, производивший изыскания, найдет рудную жилу и придет другой с намерением предупредить и оттеснить первого, то горный судья не должен этого допустить; рудная жила должна быть предоставлена тому, кто первый ее открыл. Никто из участников не может никого привлечь себе «на помощь и не может переуступать кому-либо ни одной горной сажени без согласия и ведома всех его сотоварищей» [20]. Речь идет, таким образом, об уступке какой-то части территории разработки, а не об уступке доли доходов. Нет в Шладмингском горном указе такого пункта, где товарищество выступает как хозяйственная единица, ведущая работу всего коллектива. В этой роли оно выступает только в отношении некоторых общих работ и в отношениях всех своих участников с княжеским горным ведомством.

Но если каждый член товарищества вел работу на своей доле участка, на свой риск и за свой счет, то каждый участник, как видно из последнего из приведенных пунктов горного указа, мог в случае нужды в средствах привлечь с согласия всех других членов товарищества соучастников — одного или больше, которые разделяют с ним риск и участвуют в его доходах. В ряде мест рассматриваемого документа говорится о лицах, которые участвуют в доле того или другого члена коллектива, привлеченных последним в качестве соучастников. Об этом говорится как об отдельных случаях, а не как об общем правиле, что свидетельствует о пестром социальном составе членов товарищества. Это вытекает и из другого пункта, в котором предусматривается, что у кого-то из членов товарищества приостанавливаются работы за отсутствием у него средств, а другой член товарищества ведет работы на его участке и вносит за него взносы на общие расходы (sambkost). Заметим прежде всего, что в этом пункте различаются общие расходы по товарищескому лену в целом и средства на ведение работ на участке несостоятельного члена коллектива. Таким образом, мы видим, что хозяйственные функции товарищества ограничивались только некоторыми общими де-

[19] Ibid., S. 313. См. там же и другие аналогичные пункты.
[20] Ibid., S. 312.

лями. Устанавливается, что более состоятельный член товарищества ведет часть менее состоятельного и вносит за него общетоварищеские расходы в течение 14 дней. По истечении этого срока, если последний не внес платежа на общие расходы, то он лишается своей части, которая передается тому, кто платил за него[21]. Как видим, уже в Шладминге и несомненно также в Госензасе и в Шваце, которые очень рано приняли этот проект устава как закон, процесс социальной дифференциации зашел уже так далеко, что участки разработок одних переходили к другим, т. е. стали концентрироваться в руках состоятельных участников.

О царящем на разработках предпринимательском духе свидетельствует и то обстоятельство, что и наемные рабочие стремились перейти в категорию самостоятельно действующих предпринимателей. Весьма характерно, что вопрос об отношениях между участниками-предпринимателями и наемными рабочими, о рабочем времени, о заработной плате и об условиях труда вообще в этом документе не затрагивается. Главным в рабочем вопросе было то, что рабочие наряду с работой по найму у других производили собственные изыскания. По этому поводу говорится, что любой наемный рабочий — «knapn или knext» (т. е. квалифицированный горнорабочий-забойщик или подсобный чернорабочий), открывший рудные залежи, обязан выделить доли найденного участка владельцам рудника, за исключением тех случаев, когда изыскания и находки совершались рабочим в свободные от горной работы праздничные дни[22].

Если среди членов горных товариществ, ведущих в основном каждый свое дело самостоятельно или с соучастниками, которых он сам с согласия других членов товарищества набирает, наблюдается уже развитая форма социальной дифференциации и тенденции к предпринимательской деятельности, то возникает вопрос о том, насколько в данной обстановке можно видеть отношения, характерные как раннекапиталистические? В этой связи интересно то обстоятельство, что среди предпринимателей выделяются отдельные лица, которые стремятся поставить в экономическую зависимость от себя остальных мелких участников или часть их и использовать в своих интересах товарищескую форму организации разработок. Об этом свидетельствуют не только приведенные выше предусмотренные горным указом факты кредитования одних несостоятельных участников другими, уплаты

[21] Ibid., S. 311.— «Es soll auch einer dem andern nicht lenger verpauen den vierzehen tage, man gewinne die sambkost oder nicht. Geit er die sambkost nicht, wer der ist, so solle ine der richter den teil einantworten und frien und schirmen. Es soll auch ein iglich pau recht haben vierzehen tage, so mag auch keiner sein pau weder gewinnen noch verlieren...»

[22] Ibid., S. 312.— «Und ist auch dass einer geet suchen, der umb lone arbeit, es sei knapp oder knecht, und findet bergwerk, der ist schuldig den grubenmeistern teil zu geben, ausgenomen die paufeirtage, die man von recht an dem perge feiern soll, da mag er wole mit ledig sein».

за них взносов на общие расходы, но и тот пункт указа, который предусматривает, что полагающиеся товариществу три промыслово-полевых участка сдаются одному лицу, который, очевидно, выступает учредителем товарищества, организующим лицом в нем. Данный пункт горного указа обязывает его при наборе участников выделить одну девятую часть всего участка землевладельцу, как полагается по горному праву[23].

Горный указ начала XV в. отражает такие процессы в горной промышленности, которые характерны для самого раннего периода зарождения в ней элементов капиталистических отношений. Социальная дифференциация приводит уже к возобладанию в товариществах отдельных более состоятельных и предприимчивых участников. Капиталистические элементы, которые зарождаются в этой обстановке, характерны еще для стадии простой кооперации. Следует, однако, подчеркнуть, что в тирольских разработках Госензаса и Шваца (в 20—30-х годах XV в.) зародившиеся капиталистические отношения были уже ярче выражены, чем на промыслах Западной Штирии, для которых шладмингский проект был в начале XV в. написан. Если в Шладмингском горном указе наличие работающих по найму упоминается мимоходом, то в уставе 1427 г. герцога Фридриха для Госензаса мы видим уже подробную регламентацию порядка и размеров оплаты наемного труда. Следует выплачивать рабочим заработную плату регулярно — каждую неделю. При этом указывается размер недельной заработной платы для рабочих разных профессий: шаферу — один дукат в неделю, забойщику — один рейнский гульден, воротнику (huntstosser) — 26 крейцеров, рудочистильщикам и шейдерам — по 22 крейцера, плавильщикам — три фунта, а если плавильщик выполняет также работу по прогону, то получает один дукат в неделю. Кнехту-сторожу — 26 крейцеров в неделю, угольщику — 5 и 7 крейцеров в сутки; кнехту-дровосеку — 5 крейцеров за летний день работы и 4 крейцера — за зимний день. Rismaister получает 8 краецеров в день. Указывая такие подробные и твердые нормы заработной платы для рабочих разных профессий, устав 1427 г. подчеркивает, что устанавливаемые нормы являются максимальными, но не минимальными, т. е. что они могут быть понижены в отдельных случаях в зависимости от способностей и заслуг рабочего, но не могут быть повышены[24]. Интерес автора устава 1427 г. к рабочему вопросу не исчерпывается установлением максимальных норм заработной платы. В этом уставе содер-

[23] Ibid., S. 313.— «Wer einen neuefang fonde, der da ployss an dem tage lege, dem sol man dreu veldpeu verlihen und zwei nachgehends peu und einen schermpeu, und da sol unser gnedige frawe die herzogin ein neunteil inhaben und all wochen ir samkost darzu geben».

[24] St. Worms. Op. cit., Urkunden, N 1, S. 101.— «Doch solhe gesatzt der egenanten lon mugent gemynert werden und gehohert nicht, yeder person und arbaiter nach dem und man stat an im vindet und er verdienen mag».

жится предписание о том, чтобы из недельной заработной платы рабочих производились вычеты за нерабочие дни среди недели и чтобы в предпраздничные дни рабочие не уходили с работы раньше времени [25].

Рассматривая данные по Штерцинг-Госензасскому горному району и по разным промысловым районам вокруг Шваца за XV и начало XVI вв., можно убедиться в наличии здесь в эти десятилетия ряда переплетающихся переходных форм производственных отношений, вытекающих не только из далеко зашедшего процесса социальной дифференциации среди мелких участников-предпринимателей, членов горных товариществ, но и из крупных вложений денежных средств в горное дело со стороны богатых людей разных состояний и сословий. В этой пестрой картине производственных и социальных отношений возникавшие элементы капиталистических форм сочетались и переплетались с элементами, связанными с торгово-ростовщическими отношениями и с феодально-регальными привилегиями.

Горные промыслы в крупнейшем Тирольском судебном округе Штерцинг — Госензас были старше швацских. Мнение Вольфскрона по этому поводу, его выводы из подсчета значительных доходов герцога Фридриха от десятины и «векселя» по Госензасским разработкам уже нам известны [26]. Вольфскрон подчеркивает активную деятельность самого герцога Фридриха в развитии этих промыслов и извлечении из них доходов и заключает, что для прозвища «С пустым карманом», данного этому герцогу его многочисленными врагами, не было никаких оснований.

Из материалов, приведенных Вольфскроном из разных архивов, видно, что уже при Фридрихе и особенно при его преемниках в Тироле Сигизмунде и Максимилиане в горные промыслы Штерцинг-Госензасского района проникали новые предпринимательские элементы.

В 1429 г. некий Темпельфельдт предложил герцогу Фридриху вести половину его разработок в Госензасе за половину добывавшейся там руды. За год до этого в Госензасе существовало уже особое ведомство герцога по закупке серебра, во главе которой был закупщик (векслер) Никлас Пальтрам, причем сохранилась одна выданная им квитанция на сумму больше 100 гульденов [27].

В обращении госензасских и швацких предпринимателей и горнорабочих от 1450 г. к герцогу Сигизмунду имеется ссылка на три распоряжения герцога Фридриха: 1. О возведении штоль-

---

[25] Ibidem. — «In welcher wochn auch veurtag sein, die sullen an dem selbn lon abgetzogen werden, als vil und yedem nach siener satzung davon gepuret und sullen auch die selbn arbaiter an den veurabenden von der arbeit geen ze rechter veurzeit, ungeverlich».

[26] См. выше прим. 8.

[27] M. Wolfskron. Op. cit., S. 278—279.

ни через луга и поля всюду, где это необходимо для горных разработок; 2. О проведении воды к плавильням, дорог к лесам и организации всех работ для нужд рудников; 3. О праве ведущих разработки на пользование дровами и лесными материалами из герцогских лесов и провозе их через луга и пашни окрестных жителей с возмещением причиненных этим жителям убытков согласно определению горного судьи и присяжных [28].

Таким образом, уже при герцоге Фридрихе, т. е. до 1439 г., когда шваицские разработки только начинали функционировать, размах работ на разработках Штерцинг — Госензаса был уже так широк, что потребовал указанных выше мер со стороны герцогской власти. Уже этот широкий размах работ указывает на значительный приток капиталовложений и предпринимательской деятельности. Более подробные и точные сведения мы имеем для этого горного района от времени Сигизмунда и Максимилиана — от последних десятилетий XV и начала XVI в. Таблица сданных горных ленов в Штерцинге в период 1481—1514 гг. показывает, что в 244 местностях этого района за эти 33 года оформлено было 3124 лена горных разработок. Из них 988 (31,62%) сделок совершено было по старым заброшенным рудникам. Остальные (больше $^2/_3$) лены оформлялись по действующим рудникам, по вновь открытым рудникам, по местностям для производства изысканий и по гальдам, т. е. по извлечению металлов из отработанных пород [29].

Из этих данных можно видеть не только то, что к концу XV и началу XVI в. размах горных работ в этом районе стал еще более широким и неизменно нарастал, но и то, насколько разнообразным был состав тех, кто участвовал в этой деятельности. Совершенно очевидно, что бедные участники, не обладавшие средствами для оборудования новых рудников, должны были ограничиваться разработкой старых, не исчерпанных до конца и заброшенных шахт и собиранием остатков металла в гальдах. За оборудование и разработку новых рудников могли взяться люди, обладающие для этого средствами. Изыскания новых мест могли производиться разными элементами, в том числе, как мы уже видели из одного пункта Шладмингского горного указа, и горнорабочими в свободное от работы время. Значительное большинство сданных в лен участков требовали новых капиталовложений. Это свидетельствует о том, что расширение горного дела в тот период означало вместе с тем увеличение в нем предпринимательских элементов.

Вопрос о характере нараставшего здесь предпринимательства требует внимательного изучения. Известное место среди участников-предпринимателей занимали и элементы феодальной знати.

[28] Sh. W o r m s. Op. cit., Urkunden, N 9, S. 131.
[29] M. W o l f s k r o n. Op. cit., 280—283.

Из трехсот участников штерцингских разработок в 1485 г. важнейшим лицом считался сам эрцгерцог Сигизмунд. В тирольском Шнеберге (в Штерцингском округе) Бриксенский князь-епископ в разных рудниках обладал долями около 31%. С 1491 г. он считался среди участников Штерцингского горного округа[30]. Не следует, однако, переоценивать значение и место этих знатных лиц в Штерцинг-Гозензасском горном округе в целом. Вольфскрон приводит имена наиболее видных участников-предпринимателей для периодов 1481—1499 и 1500—1514 гг. В первом из этих списков ряд должностных лиц герцогской администрации — Конрад Гербингер, городской писарь Штерцинга; Андрэ Хорн, судья; Иерг Мессинг и Бернгардт Штейнпергер, земские судьи в штерцинге; Клаус Перенхардт, судья в Тассейре; Якоб фон Шпаур, виночерпий (schenk) эрцгерцога Сигизмунда, Августин, десятинник из Штейнаха. Имеются и духовные лица — священники Штерцинга и других мест.

Но среди «выдающихся» (hervorragenden) участников немало имен рядовых горожан-ремесленников и других, например, мастер Ганс Бадер (банщик?) из Госензаса (Bader zu Gossensass), мастер Ганс Бадер из Матрай, мастер Сигизмунд — цирульник (Barbier) эрцгерцога Сигизмунда. Наряду с ними мы находим в обоих приведенных Вольфскроном списках имена действительно выдающихся своим богатством и горнопромышленной деятельностью лиц, которых мы встречаем и в других районах крупных горных промыслов в качестве главных участников. Таковы — Ганс Фюгер из Шваца, Иерг Штекль из Шваца, Кристиан Тэнтцль из Шваца, девять представителей участников-предпринимателей из рода Иохелей. Во втором списке фигурирует Ганс Баумгартнер из Шваца. На характере горнопромышленной деятельности этих лиц придется еще останавливаться, так как она выходила тогда далеко за рамки Штерцинга — Госензаса. Здесь приведем только некоторые данные из опубликованных Вольфскроном отчетов, характеризующие деятельность богатых участников в данном районе. По сведениям, представленным участниками за 1503—1504 гг. герцогскому ведомству, Ганс Фюгер добыл за эти два года руду, оцененную им в 150 гульденов 24 крейцера. Но другие шваицские участники, имевшие участки в Штерцингском районе, давали сведения о гораздо большей продукции за эти два года. Яков Тэнтцль оценил свою двухгодичную добычу руды в 1141 гульд. 3 крейцера, Баумгартнер — в 564 гульд. 21 крейцер, Хофер — в 850 гульд. 45 крейцеров, Клаус — в 408 гульд. 24 крейцера[31]. В следующие годы добыча этих крупных предпринимателей значительно увеличивалась. В одном из своих обращений к герцогу шваицские участники Ганс Штекль и Ганс Тэнтцль сооб-

[30] M. Wolfskron. Op. cit., S. 283—284.
[31] Ibid., S. 285.

шали, что в 1520 г. на их разработках в Госензасе и в соседнем с ним тирольском Шнеберге добыто так много руды, что они в течение долгого времени не станут ее возить в Швац плавить, потому что количество добытой руды превышает возможности ее реализации в настоящее время [32].

Но деятельность этих и других крупных предпринимателей не ограничивалась реализацией руды, добывавшейся на их собственных участках. Они скупали руду как тех знатных участников, которые сами не занимались ее доставкой на плавильни и сбытом готовой продукции, так и мелких участников, для которых плавка руды и сбыт продукции представляли значительные трудности. Богатые предприимчивые участники пользовались прежде всего тем, что в Штерцинге и в этом районе вообще не было общедоступной действующей плавильни. Руду приходилось везти в другие места более или менее крупными партиями; для мелких участников это было невозможно, не оправдывало расходов. У крупных участников был еще козырь, помогавший им скупать и концентрировать в своих руках руду с разработок мелких участников. Известно, что в течение всего времени функционирования тирольских горных промыслов — от XV до XVII в.— крупные участники, зная заинтересованность эрцгерцогов в дальнейшем развитии промыслов, требовали для себя привилегированных условий, уменьшения платежей десятины и «векселя» и дачи им субсидий (Gnadengelde) [33]. Добившись таких льгот, как «облегченный вексель» (ringer Wechsel), и используя то, что вексель взимался при плавке, предприимчивые участники возили на плавильни и плавили на привилегированных условиях руду не только со своих участков, но и скупленную у других в данном и в соседних районах. Так, госензасский горный судья Конрад Гризштеттер сообщал 16 ноября 1506 г., какие руды были проданы и затем плавились по льготному векселю: Мельхиор Штунц из Аугсбурга плавил в Штерцингене на условиях «облегченного векселя» серебряную руду с разработок Госензаса, Шнеберга и Винодера, добытую на его собственных участках и купленную у других. Линхард Пфаркирхнер плавил на таких же условиях, кроме руды с его собственного участка, руду, купленную у участника Анцигера, и руду, добытую на гальдах в Госензасе, которая на месте не находила никакого сбыта, очевидно, потому, что руда на гальдах содержала так мало металла, что не было расчета везти ее на плавильню и вообще плавить ее на обыкновенных — не льготных — условиях. Вольфганг Шерер и Иерг Зихлинг плавили на условиях «облегченного векселя» руду, купленную у Бриксенского епископа и у других в бриксенском судебном округе. Добившись льготных условий на том основании,

[32] Ibid., S. 288.
[33] Ibid., S. 286—288.

что на их участках серебряная руда бедна металлом, предприимчивые участники отправляли свою собственную бедную серебром руду в Швац, сбывая ее там в качестве плавильной примеси (Frischwerk), а льготы по векселю использовали для плавки полноценных руд, купленных у Бриксенского епископа и в Бриксенском округе. Эти примеры не единственные [34].

Как уже сказано было, одним из обстоятельств, стимулировавших скупку руды отдельными предприимчивыми участниками, были трудности перевозок руды мелкими партиями на плавильни в связи с тем, что Штерцингская плавильня находилась в полуразрушенном состоянии.

Упомянутый уже Линхардт Пфаркирхнер решил купить эту плавильню, восстановить ее, затратив на это некоторую сумму денег и таким образом овладеть условиями плавки. После этого он закупил у другого участника — Вольфганга Оберлехнера — две партии серебряной руды с богатым содержанием металла: с 37 кюбелей руды — 14 марок 13 лот серебра и с 47½ кюбелей — 21 марку 1 лот серебра [35].

Приведенные данные показывают большей частью скупки руды у мелких участников. В одном месте упоминалось о покупке Шерером и Рихлингом руды также у Бриксенского епископа. Но от более позднего времени — от 1528 г.— имеется акт о продаже Бриксенским епископом большой партии руды и многих его участков на разных промыслах крупному купцу и горнопромышленнику Гансу Баумгартнеру. Еще позже (в 1531 г.) участки этого епископа были куплены Фуггерами [36].

Все приведенные данные по Штерцинг-Госензасскому району показывают, насколько разнообразным был состав участников и «горных людей» (Bergleute) вообще в этом районе: от предприимчивых горнорабочих, производивших в свободное от работы время изыскательные шурфования за свой счет до крупнейших горнопромышленников. Вместе с тем мы можем получить некоторое представление о сложности складывавшихся здесь социальных отношений в горном деле. По мере роста предпринимательства и возникновения капиталистических отношений все больше выявлялись противоречия интересов этих новых социальных слоев с интересами регальной власти, для которой горное дело было только источником пополнения казны средствами от десятины, «векселя» и других доходов. Ниже будут разобраны конкретные факты, свидетельствующие о конфликтах на этой почве. С другой стороны, как мы видели, наиболее богатые, предпринимательские элементы старались использовать привилегии и льготы, предоставленные им регальной властью, для под-

[34] M. Wolfskron. Op. cit., S. 286.
[35] Ibid., S. 286—287. Марка серебра разна была здесь 0,28 кг, или 16 лотам.
[36] Ibid., S. 289

чинения себе и эксплуатации менее состоятельных предпринимательских элементов. В то же время они вовлекали в сферу своей предпринимательской деятельности руду с участков духовенства и знати, используя отчасти и их привилегированное особое положение.

Отмеченную здесь пестроту состава участников и особенности в социальных позициях различных слоев участников в отношениях друг к другу и к регальной власти мы наблюдаем и в соседнем Кютцбюльском горном районе. Данные о состоянии разработок в этом районе и о характере сдававшихся горных участков в лен имеются только начиная с 80-х годов XV в. О разработках руд благородных металлов известно с 90-х годов XV в. После того как в результате принятых горной администрацией энергичных мер привлечены были к участию в кютцбюльских разработках состоятельные люди, в том числе и обладавшие большими капиталами, развернута была работа по восстановлению пребывавших в упадочном состоянии рудников и осуществлено было необходимое углубление шахт — эти разработки достигли больших успехов. К концу 30-х годов XVI в. о промыслах в районе Кютцбюля, особенно в рудниках Ререрсбюля, распространялись уже легенды[37]. С этими изменениями связано было ускорение процесса разорения мелких участников и образования коллективов «ленных забойщиков» (Lehenhauer, Lehenschaften), которым предоставлялись участки разработок на условиях оплаты доставляемой ими руды[38]. По мере того как состав участников становился все более пестрым, в позициях разных слоев по отношению к регально-феодальному режиму на горных промыслах выявлялись противоречия между теми, интересы которых переплетались с регальными привилегиями, и теми, которые видели в этих привилегиях причину своих бедствий и разорения. В ходе обострявшейся борьбы наблюдались случаи поддержки участниками массовых выступлений горнорабочих против эрцгерцогской администрации и установленных ею порядков[39].

Расположенные по соседству с кютцбюльскими промыслы Раттенбергского района также принадлежали до 1505 г. баварским герцогам. Вольфскрон, собравший и по этим промыслам все, что имеется в Штатгальтерских архивах, подчеркивает неполный отрывочный характер сохранившихся материалов, из которых видно, что уже в середине XV в. разработки Раттенберг-

[37] J. Sperges. Op. cit., S. 119; M. Wolfskron. Op. cit., S. 179.

[38] О положении и характере этой категории см. ниже.

[39] В одном акте 1542 г. из Ререрсбюля говорится: «...aine grosse menig volckhs von knappen, holtzknechten, kolern und schmeltzern sich alda erhalten, darunter vil pese rumorisch vnd muetwillig personen sein, dadurch ainem perckrichter mit guter manns zucht freventlich hanndlung gros geferlichkeit zustet». В документах этого времени термин «Schmelzer» употребляется наравне с термином «Gewerken» для обозначения участников-предпринимателей.

интерес представляют промыслы Фалькенштейна (наиболее богатые и обширные), Рингенвекселя, Альтецехе и некоторых других местностей этого района.

Серебряно-рудные и медно-рудные богатства Шваца были главной финансовой основой Габсбургов в их военной и великодержавной политике. Они являлись гарантийным фондом и источником оплаты многочисленных займов, заключенных Габсбургами у Фуггеров. Известное представление о значении фалькенштейнского промысла среди других промыслов Швацкого района можно получить из данных о его продукции серебра. Такие данные имеются начиная с 1470 г. Среди материалов, опубликованных Ст. Вормсом, имеется часть таблицы, хранящейся в «Королевско-Императорской дворцовой библиотеке» в Вене, составленной на основании записей год за годом продукции чистого серебра с фалькенштейнских разработок. Часть таблицы, опубликованной Вормсом, содержит данные за 21 год (1470—1490) [45] (табл. 1).

Таблица 1

Продукция серебра на фалькенштейнских разработках за 1470—1490 гг.*

Год	Количество кусков серебра	Общий вес		Год	Количество кусков серебра	Общий вес	
		марок	лот			марок	лот
1470	344	12 232	3	1480	449	27 490	2
1471	241	8 153	15	1481	358	27 935	15
1472	521	18 009	15	1482	407	37 159	9
1473	496	16 995	14	1483	512	48 097	3
1474	517	17 720	11	1484	345	32 576	10
1475	491	18 286	8	1485	546	49 882	5
1476	521	24 746	2	1486	614	52 663	10
1477	772	30 938	13	1487	510	44 566	14
1478	739	30 267	2	1488	484	41 589	14
1479	551	26 509	14	1489	410	38 087	15
				1490	457	41 565	15

* 1 марка серебра = (0,28 кг) = 280 г. 1 марка = 16 лот. 1 лот = $17\frac{1}{2}$ г.

Вольфскрон приводит другую таблицу из другого архива (Pestarchiv, Suppl. 897), в которой продукция фалькенштейнских разработок показана за 1470—1619 гг. Вольфскрон сводит ее данные по двадцатипятилетиям и вычисляет среднегодовую

[45] St. Worms. Op. cit., Urkunden, S. 173. «Was antzal Silber zu Schwatz bey weilennd Ertzhertzog Sigmunds von Österreich und Kaiser Maximilians etc. hochlöblichster gedechtnüs zeiten auch yetziger Römischer Hungerischer und Beheimischer... kunig Ferdinanden... von dem 1470 Jar bis zu eingang des 1535 Jars aus dem Valckenstainer ärtzt geschmeltzt... Volgt hernach».

продукцию серебра по Фалькенштейну в килограммах за каждое двадцатипятилетие.

За 1470—1494 получено 228 471 кг; среднегодовая продукция — 9 139 кг
» 1495—1519 » 282 271 »; » » — 11 290 »
» 1520—1544 » 248 603 »; » » — 9 944 »
» 1545—1569 » 164 582 »; » » — 6 583 »
» 1570—1594 » 125 379 »; » » — 6 015 »
» 1595—1619 » 74 807 »; » » — 2 992 »

Апогеем продуктивности Фалькенштейна по серебру был 1523 г., давший 55 855 марок 1 лот, т. е. 15 675 кг[46].

Гаудентентурмом составлена была сводка продукции Фалькенштейна по серебру и меди за последние 30 лет XV в. по десятилетиям[47] (табл. 2).

Таблица 2

Продукция серебра и меди на фалькенштейнских разработках за 1471—1500 гг.

Годы	Общая продукция			В среднем за год продукций			Примечание
	серебра		меди	серебра		меди	
	марок	килограмм	венских центнеров	марок	килограмм	венских центнеров	
1471—1480	322 643	90 340	129 057	32 264	9 034	12 905	Кроме продукции от десятинной руды, плавившейся в Брикслегге
1481—1490	352 234	98 660	140 930	35 223	9 866	14 093	
1491—1500	373 196	104 471	149 231	37 319	10 447	14 923	
Всего за 30 лет	1 048 073	293 471	419 218	34 935	9 782	13 974	

О продукции первых лет функционирования фалькенштейнских разработок нет таких статистических данных, но продукция была уже без сомнения солидной и до 1450 г. Об этом свидетельствует то, что эрцгерцог Сигизмунд именно здесь решил приобрести права вотчинного владения (Grundherrschaft) и таким образом располагать здесь наряду с регальными также правами землевладельца. С этой целью Сигизмунд обменял в 1449 г. судебный округ Штерцинг на Фраундсберг, в котором расположены были фалькенштейнские разработки[48], и в том же году утвердил для Шваца свой первый горный устав, составленный его советниками по его поручению[49].

[46] M. Wolfskron. Op. cit., S. 35—36.
[47] M. Gaudententhurm I, S. 421—422.
[48] J. Sperges. Op. cit., S. 76—77.
[49] St. Worms. Op. cit., Urkunden, N 7, S. 111—129.

Слава фалькенштейнских разработок привлекала к ним с самого начала богатых участников, имена которых встречаются в списках участников ряда других промыслов. Среди них — Кристан Монтл, Кристан Тэнтцл, Бенедикт Штальпрок, мюнцмейстер Герман, Бенедикт Куфнер и др.[50] Очевидно, завидуя успехам первых богатых участников, Сигизмунд постарался приобрести здесь права вотчинного владельца и уставом 1449 г. укрепить свои регальные права. Уже эти акты Сигизмунда свидетельствуют о напряженных отношениях между ними и участниками-предпринимателями в борьбе за доходы со швацских разработок. Об этом же свидетельствуют два документа, относящиеся ко времени до указанных актов Сигизмунда, суть которых сводится к выражению участниками недовольства вмешательством должностных лиц в отношения между ними и рабочими, а также высокими нормами регальных поборов. Участники выражали также недовольство стремлением герцога еще больше усилить роль регальной власти в управлении промыслами и в регулировании на них всех отношений[51].

Используя усиление своих владельческих прав и функций регальной власти, Сигизмунд приобрел для себя ряд горных участков. Однако соперничество с богатыми участниками принято невыгодный для герцога оборот. Финансовая нужда заставила его уже в 1456 г. заложить свое швацское серебро богатой фирме Мейтингов, а в 1465 г. вовсе передать этой фирме свои горные участки и доли в швацских промыслах. Мейтинги обязались предоставить Сигизмунду в разные сроки 1456 и 1457 гг. заем в сумме 35 000 гульденов, а Сигизмунд обязался выплачивать долг швацким серебром, считая цену каждой марки серебра — 8 гульденов — минус один орт, т. е. $7^3/_4$ гульдена. Впредь до выплаты всего долга герцог обязался никому не продавать своего швацского серебра. Герцог оговорил свое право брать из этого серебра на нужды своего монетного двора, уплатив за каждую марку наличными $7^3/_4$ гульдена. Из текста документа по оформлению этой сделки видно, что за исключением нужд монетного двора речь шла о переходе к мейтингенской компании всего серебра швацских разработок, которое окажется в распоряжении герцога. Предусмотрено, что если всего этого серебра не хватит на покрытие долга в 35 000 гульденов, то оставшаяся часть долга будет оплачиваться из доходов Люгской таможни[52].

---

[50] M. Gaudententhurm I., S. 413.

[51] St. Worms. Op. cit., Urkunden, N 5, 6, S. 108—111.

[52] **Ibidem, Urkunden, N 10 (S. 134).**— «...als aber beschōch daz des vorgenant u. g. h. perckchwerch abstunden und abgeng wurden, also daz wir mit silber davon nicht möchten bezalt werden..., was uns dann der obgenant fünfunddreissigtausend guldein uber das wir ingenomen hetten an silber umbezalt ausstünd, des sullen wir alles gewarten und habhaft sein auf dem zoll am Lug, den er uns dafur ingeseczt hat...».

Что же представляла собой Мейтингская компания, к которой перешли горные участки и доли герцога Сигизмунда? Эренберг, известный автор двухтомного труда «Эпоха Фуггеров», указывает на аугсбургскую фирму Мейтингов как на один из крупных верхненемецких торговых домов, которые с середины XV в. стали, подобно Фуггерам, отходить от трудной, но солидной венецианской торговли в поисках более прибыльных путей приложения капиталов и обратились к горному делу и кредитно-денежным операциям. Людвиг Мейтинг и его компания начали с горного дела, с указанной его сделки с Сигизмундом Тирольским в 1456—1465 гг. Денежными займовыми операциями они занялись позже — с императором Фридрихом III и в Антверпене в 70-х годах XV в.[53] Гаудентентурм приводит найденный им (Schatzarchiv) список имен членов Мейтингской компании, участвовавших в покупке горных участков Сигизмунда (Ульц, Лев, Герман Рингсмауль, Осбольт Гшоф, Айхгорн, Кауфман, Перль, Гольдшмит, Франк, Шротер, Штекль, Фрей, Покк и Унгехант) и из другой рукописи (Венская дворцовая библиотека) имена других крупных участников фалькенштейнских разработок между 1450—1470 гг. (Вольфганг фон Пехах, Антони фон Росс, Тракель, Шифердеккер, Тюрндль, Штоф Тэнтцль, Ганс Герман, ди Шлоссер, Иерг фон Миллоу). Наличие на Фалькенштейне других крупных участников одновременно с действием там компании Мейтингов указывает, что эта компания приобрела не все серебро и не все серебряноурудные разработки Фалькенштейнского района, а только личные участки Сигизмунда и доставшееся его казне серебро от десятины. Но компания Мейтингов стремилась к экспансии. Она обладала тогда в Шваце собственной плавильней с шестью печами, в которой плавилось много руды других участников. Из других фалькенштейнских участников плавильнями владели — Антони фон Росс, Тэнтцль и Шлоссер. Их три плавильни имели пять печей. Таким образом, из 11 действовавших печей шесть принадлежали Мейтингам[54].

Однако Мейтингская компания скоро распалась. Гаудентентурм пишет, что с 1480 г. об этой компании нет никаких упоминаний в источниках. Очевидно, что после того, как возглавлявший эту компанию Людвиг Мейтинг в 70-х годах занялся крупными денежными операциями, его горнопромышленная компания распалась. О деятельности указанных выше членов этой компании можно судить по двум спискам участников, опубликованным один Вольфокроном, а другой Гаудентентурмом[55].

[53] R. Ehrenberg. Das Zeitalter der Fugger. Bd. I. Jena, 1922. S. 187—188.

[54] M. Gaudententhurm I. S. 414.

[55] M. Wolfskron. Op. cit., S. 52—56. Список озаглавлен: «Hernach volgen alle Silber so Jörg vnd Sebastian Anndorfen zu Schwatz gebrennt haben, soviel alle Schmelltzherrn yeklicher in sunderhait inn sumaria... von Ao 1470

В первом перечислено 98 участников, которые производили в Шваце обжиг серебра в период 1470—1535 гг. с указанием для каждого участника количества серебра в марках и лотах и годы, когда эта работа для него производилась. Во втором перечислено сто фалькенштейнских рудников с указанием их владельцев (pawherren) в 1513 г. В первом из этих списков мы находим имена всех 13 членов Мейтингской компании, кроме имени главы фирмы, который, следовательно, с 1470 г. не занимался выработкой нового серебра. Трое из членов его компании (Фрей, Лев и Покк) прекратили свою деятельность на швацких промыслах двумя-тремя годами позже. Семь членов продолжали выработку серебра до конца 70-х — начала 80-х годов (Рингсмауль, Гоф, Айхгорн, Гольтшмид, Франк, Унгехант, Шротер), один (Кауфман) до 1485 г., другой (Перль) до начала XVI в. (1501), самый же крупный из горнопромышленников в компании Мейтингов — Ганс Штекль — не прекращал своей деятельности в этом районе и в XVI в., участвуя в выработке серебра то со своих рудников, то с рудников, которыми он владел вместе с братом Иергом, с другими владельцами, а в 1522—1526 гг.— с Яковом Фуггером. Во втором списке — списке фалькенштейнских участников 1513 г.— мы находим Ганса Кауфмана в качестве владельца (pawherr) одного рудника, наследников Иерга Перля в качестве владельцев трех рудников, а Ганса Штэкля владельцем четырех своих рудников и пяти рудников вместе с братом Иергом.

Таким образом, мы видим, что Мейтингская компания распалась фактически в 70-х годах XV в., но что некоторые из ее бывших членов оставались в конце XV и в XVI вв. участниками швацких промыслов и были в числе богатейших, плавивших и обжигавших серебро большими партиями, владевших на Фалькенштейне несколькими прославившимися рудниками[56]. В ряде случаев эти владельцы рудников имели совладельцев-участников, но основные капиталовложения сделаны были ими[57].

---

untz auf in gennd Wenhnechten 1535; M. Gaudententhurm I, S. 419—421. Список озаглавлен: «Ausszugh aller Valchenstayner Gruebmgepayer undt pawherrn im 1513 yar».

[56] Согласно первому списку Иерг Перль в течение 1470—1501 гг. обжигал серебра 117 420 марок 6 лот. Ганс Штэкль — в 1481—1499 гг.—21 450 м. 15 л. (своего), в 1510—1527 гг.—92.874 м. 7 л. (вместе с братом Иергом), в 1522—1526 гг.— 21.555 м. (вместе с Фуггером) — в 1527—1535 гг. (своего) — 67 199 м. 3 лота. Согласно второму списку, наследники Иерга Перля владели в 1513 г. фалькенштейнскими рудниками — «Unnsser Frawen leyttr», «St. Johanns in schroffl», «Zur der Kalchgruebn»; Ганс Штэкль в том же году владел фалькенштейнскими рудниками — «St. Margaret in prannt». «St. Repprecht in prannt», «St. Margaret bey Elloy», «St. Pawls auf den Wegh», а вместе с братом Иергом — рудниками: «Zue der Herrngruebm», «Zue der Sunneweni», «St. Mychl am wegh», «St. Anna mueter», «St. Andrae in Achtal».

[57] Это видно уже из того, что при более или менее значительном участии в капиталовложениях другого лица рудник считался принадлежащим двум владельцам.

По указанным спискам видно, что и названные в числе первых участников Фалькенштейна — Молтль, Тэнтцль, Штольброк и другие, а в ряде случаев их наследники также оставались видными участниками-предпринимателями на Фалькенштейне в течение долгого времени, владели там рядом рудников и вырабатывали значительные количества серебра[58]. В указанных списках мы находим еще ряд имен богатых участников фалькенштейнских и других швацских рудников[59]. Эти же имена мы находим и среди владельцев рудников в других местах. С 20-х годов XVI в. среди участников швацких промыслов видное место занимают Фуггеры. На Фалькенштейне же их деятельность началась еще раньше[60]. Однако главное значение деятельности Фуггеров на фалькенштейнских и других швацких промыслах заключалось не столько в их непосредственном участии в разработках, сколько в том положении, которое они заняли благодаря своим займам Габсбургам по заключенным с ними, начиная с 1488 г., контрактам, о чем речь будет ниже.

Приведенные данные о составе участников Фалькенштейна не оставляют сомнений в том, что на этом промысле, наиболее богатом в Швацском районе, господствующее положение заняли с самого начала крупные участники, располагавшие большими средствами. Рассматривая другие промыслы Швацского района, мы наблюдаем, что те же крупные предприниматели, которые господствовали на Фалькенштейне, становились и там главными участниками.

К наиболее известным — после Фалькенштейна — швацким промыслам, которые привлекли к себе внимание крупных предпринимателей, принадлежали серебряно-рудные и медно-рудные разработки — Рингенвексель. На основании имеющегося в Пешт-архиве (к сожалению, неопубликованного) списка всех участников рингенвексельских рудников с указанием количества выработанного металла для каждого. Гаудентентурм составил таблицу выработки серебра и меди за время от 1460 до 1549 г. по десятилетиям[61]. В первое десятилетие (1460—1469) среднегодовая выработка чистого серебра составила 8750 марок = =2450 кг, а меди — 3500 ц. Затем до 40-х годов XVI в. выработка металлов неизменно вырастала, достигнув в десятилетие 1530—1539 гг. среднегодовой выработки — 13 752 марки = 3850 кг

[58] Из приведенного выше первого списка видно, что серебро братьев Бенедикта и Андрэ Штольпрокков доставлялось для обжига в 70-х годах XV в., Кристана Тэнтцля — в течение всех лет, охватываемых этим списком (1470—1535). Андрэ Штольпрокк (по списку 1513 г.) владел на Фалькенштейне тремя рудниками.

[59] Ганс Фюгер и его наследники, Виргилий Хофер и его наследники, Николас фон Фирмиан, фон Лихтенштейн, Ганс Баумгартнер, Себастьян Андорфер, Ганс Моггг, Ганс Зигвейн и многие другие.

[60] M. Gaudententhurm I, S. 422.

[61] M. Gaudententhurm II, S. 42—46.

серебра и 5100 ц меди. Апогей выработки достигнут был в 1539 г.— 36 420 марок = 10197 кг серебра и 14 400 ц меди. Продукция металлов за время 1430—1460 гг. в точности неизвестна, но оценивается в источниках Гаудентентурма в 3000 марок = =840 кг серебра и 1200 ц меди в год.

Первыми крупными предпринимателями Рингенвекселя были братья Ганс и Яков Тэнтцль, получившие лены на руднике уже в 1435 г. Затем в 1450 г. участниками этих разработок сделались братья Иерг и Яков Мюллауэр, братья Штоф и Кристан Тэнтцль, которые к тому времени уже были участниками фалькенштейнских разработок, и другие предприниматели. К концу своей горной деятельности активными участниками рингенвексельских разработок сделались члены Мейтингской компании, а еще позже (в 90-х годах XV в.) братья Ганс и Кристоф Фуггеры. С 1520 г. во главе группы предпринимателей в качестве главного участника этих разработок мы видим уже самого Якова Фуггера. Предпринимательской деятельностью на этих разработках занимались также отдельные богатые и знатные дворяне.

Из других промыслов Швацского района наиболее подробные данные имеются по разработкам промысла «Старый цех» (Alte Zeche), расположенного юго-западнее города Швац. Из самого названия «Старый цех», которое применялось уже в 1420 г., Гаудентентурм заключает, что эти разработки значительно старше Фалькенштейна.

С середины 30-х годов XV в. участниками этих разработок «Старый цех» сделались видные предприниматели.

Среди них наиболее богатыми, занимавшими одно из ведущих мест в Швацском горном районе вообще, были Ганс Фюгер старший, его братья и племянники, его сыновья Ганс Фюгер младший и Сигизмунд Фюгер и другие представители этой семьи горнопромышленников. В приведенном выше списке производителей серебра в период 1470—1535 гг. Ганс Фюгер старший и его наследники указаны среди наиболее крупных. Гаудентентурм приводит данные, показывающие, что братья Фюгеры в годы расцвета альтецехских разработок получали от них прибыли около 20 000 гульденов в год [62]. Фюгеры были из бюргеров города Галля, но благодаря своим горным предприятиям в Шваце Шваском районе их называли «Швацкими». Хронист города Галля Франц Швайгер характеризует родоначальника семьи Фюгеров (отца Ганса Фюгера старшего, тоже Ганса; умер в 1460 г.) как «видного, важного зажиточного бюргера и члена магистрата города Галля». Самого Фюгера старшего, умершего в 1503 г., хронист также характеризует как «видного, важного и богатого человека из бюргерской семьи города Галля» [63]. Богатство Ганса

[62] M. Gaudententhurm II, S. 76.

[63] «Franz Schweygers Chronik der Stadt Hall 1303—1572». Innsbruck, 1867, S. 17.— «Diser Hanns Füeger ist ain ansechlicher, fürnemer, reicher man gewe-

Фюгера хронист иллюстрирует тем, что каждой из его семи дочерей он дал в приданое 10 000 гульденов, а каждому из его трех сыновей оставил в наследство по 30 000 гульденов. Сын его Сигизмунд — тоже богатый горнопромышленник — добивался применения научных методов в деле пробирования металлов, в отделении благородных металлов от неблагородных. Достигнув больших успехов в этой области, Сигизмунд Фюгер сделался знаменитым химиком-металлургом своего времени. Известный естествоиспытатель Теофраст Парацельс изучал в Шваце химию металлов под руководством Сигизмунда Фюгера [64].

К Галльскому бюргерству принадлежали также горнопромышленники Зигвейны, в том числе и Ганс Зигвейн, обладавший тремя рудниками на Фалькенштейне и сделавшийся крупным участником «старого цеха» в 1488 г. Представители этого купеческого дома, в частности Ганс Зигвейн, фигурирует почти во всех списках членов магистрата города Галля [65].

Названные и другие крупные предприниматели фигурируют в источниках как получившие горные лены и ставшие там «главными участниками». Но наряду с ними существовали многие участники, привлеченные ими же и являвшиеся их «сотрудниками» (Mitverwandete) [66]. В неопубликованных источниках, приводимых Гаудентентурмом, указаны имена 1835 участников «Старого цеха». Для выяснения социального положения этой массы на данном и на других швацких промыслах, следует обратиться к материалам, в которых нашли отражение отношения участников-предпринимателей к герцогской администрации, а также отношения между разными слоями самих предпринимателей.

■

Конфликты между предпринимателями и герцогской администрацией возникали на северотирольских промыслах уже до того, как определилась слава фалькенштейнских и других швацких разработок. Уже известный нам устав герцога Фридриха от 1427 г. для Госензаса вызвал недовольство участников-предпринимателей предписаниями максимума заработной платы

---

sen und ain purgerr kind zu Hall... Dis obpemelth stifters vatter ist ain ansechlicher, fürnemer, vermüglicher burger und des rats hie zu Hall gewesen, und auch Hanns Fueger genant...» Ibid., S. 18.— родословная бюргерской семьи Фюгеров из Галля до конца XVI в.

[64] M. Gaudententhurm II, S. 72 und Anm. 316.

[65] «Franz Schwaygers Chronik», S. 58—62, 65—69, 74.

[66] M. Gaudententhurm II, S. 76. — «...Hanns Füeger der yünger, unt Sygmunt Seyn p.uder, Klass u. Stoff di Füeger beed purger zu Hall, Perchtolt der Karllauer U. Yoss Lynzin mitverwanter, Mathyas Yöchler des Wolffgang sun, Baltassar Stöckhler u. aynig mitverwonte von ime».

и усиления нажима на рабочих в большей степени, чем этого требовали интересы самих предпринимателей [67].

В жалобах участников выражалось недовольство тем, что устав 1427 г. проникнут стремлением утвердить в горной промышленности принцип управления ею представителями герцогской власти [68–79].

Позже к концу 30-х годов XV в., когда уже начали функционировать шваицские разработки, жалобы участников становятся более определенными. Указывается на тяжесть главных регальных поборов — десятины и «векселя». По заявлению госензасского горного судьи участники настаивают на том, что вторичные процессы собирания руд, т. е. добыча из отработанных раньше пород, должны быть вовсе освобождены от десятины [80]. Шваицские участники, заявляя в то же время о тяжести другого регального побора, «векселя», мотивировали тем, что из-за большого «векселя» многие рабочие покидают эти разработки, так как они не могут в таких условиях, работая к тому же на твердой породе, добывать себе пропитание. При этом указывается также на дороговизну дров, угля и шахтного освещения, а также на дороговизну мяса, вина и хлеба [81].

Из этих жалоб видно, что составлявшие их участники не принадлежали к крупным предпринимателям, которые уже в 30—40-х годах участвовали в госензасских и шваицских разработках XV в. Об этом свидетельствует проявленный ими здесь особый интерес к гальдам и вторичным процессам добычи, доступным малосостоятельным и несостоятельным лицам, так как эти виды добы-

---

[67] Уже из приведенных в 1-й главе материалов саксонских разработок видно, что в удержании заработной платы рабочих на низком уровне герцогская власть видела гарантию сохранения регальных поборов в условиях зарождения капиталистического предпринимательства. Вскоре после издания устава 1427 г. госензасские участники в своем обращении к герцогу отвергли обвинения против рабочих, выдвинутые должностными лицами якобы в интересах участников. См. St. Worms. Op. cit., Urkunden, N 5, S. 108.— «...es haben ewr rett an uns perkchlewt zu Swacz aus ewrm perkchwerch bracht, wie fur ewr gnad komen sei, wie die huetlewt zu Swacz in den gruben ärcz versetzen und darnach daselbs lehenschaft da aufnemen und vortail suchen, das gevärlich sey. Lassen wir ewr gnad wissen das solchs fur uns noch nie bracht ist und nicht wissen wer das getan hat».

[68–79] Ibid., Urkunden, N 1, 2.

[80] Ibid., Urkunden, N 4, S. 107.— «...das ewr gnad well schaffen, das nu hinfur alts und news in den wechsel kom. Gnediger herr, so sind dann vier stukch puchwerch klaubwerch fürslag und slich, davon mainen sy ewern gnaden kain frönung ze geben. Auch das ewr gnad well schaffen, das sy kain halden nicht waschen wann dafon sy ewrn gnaden auch nicht geben».

[81] Ibid., Urkunden, N 5, S. 108—109 — «...das uns der wechsl ze swär ist, darumb sind vil arbaiter von dann, die sich auf solhen wechsl nicht ernern mügen, und der stain in die tief gar vest ist und haben grozz abgeng an arbaitern und an pley und kol, das uns tewr ankumbt und haben abgeng an holtz an weg und steg, dadurch das perkchwerch gefudert solt werden und mussen auch fleisch wein prot unslid aufdas tewrist chaufen».

чи не требуют приложений значительных средств и особого оборудования. Вместе с тем они указывают, что усиление регального нажима и регальные поборы направлены против мелких непосредственных производителей и приводят к уходу из этих мест рабочих, которые, будучи в основной своей массе «ленными забойщиками», действуют на свой страх и риск, т. е. формально, «самостоятельно». Участники выступали против ухудшения для рабочих условий труда со стороны герцогской регальной администрации, подчеркивая известную общность своих интересов с интересами рабочих, поскольку речь идет о борьбе против усиления регального нажима на условия труда, против излишнего вмешательства администрации в отношения с рабочими.

Первым законодательным актом герцога Сигизмунда по горному делу после достижения им совершеннолетия была его инструкция горным судьям от 1447 г., которая может рассматриваться как его первый горный устав.

Первое, что обращает на себя внимание в этом уставе при сравнении его с законодательством герцога Фридриха,— это значительное усиление нажима на рабочих, установление на разработках строгого режима для всех рабочих, имея в виду прежде всего «ленных забойщиков», которые здесь преобладали. Поскольку максимум заработной платы к этой категории неприменим, о нем в уставе 1447 г. не говорится вовсе. Вместо этого предусматривается строгое наблюдение за работой рабочих и дифференцированная оплата труда — каждому рабочему «по его заслугам». Оценка этих «заслуг» и определение размера заработной платы для каждого рабочего предоставляется управляющим рудниками вместе с присяжными, т. е. высшим должностным лицам регальной администрации. Вместе с тем здесь — впервые для Тироля — указывается обязательное рабочее время — для забойщиков 8 часов в день, а для других «по характеру работы каждого» [82]. Очевидно, продолжительность рабочего дня каждой профессии, кроме забойщиков, должна определяться, исходя из насыщенности труда рабочего данной профессии по сравнению с трудом забойщика.

Если первый пункт устава 1447 г. об определении высшими должностными лицами заработной платы «по заслугам» относится к рабочим, получающим повременную заработную плату, то норма восьмичасового рабочего дня касается всех рабочих, как получающих повременную заработную плату, так и «ленных

---

[82] Ibid., Op. cit., Urkunden, N 6, S. 110. «Von ersten das all hutleut sweren allen gruben geleichlich zuzesehen und getreulich zu arbaiten, das unsern underthanen die da in den gruben pawen und ausserhalb nutz und gut sei und mitsampt den geswornen iedem ainen lon setzen nach seinem verdienen. Und das ain eider hewer arbait auf acht stund darnach ieder als sein arwait ain gestalt hat getreulich und ungeverlich».

свою задачу в устранении возникших на разработках трудностей и выявившегося недовольства (die berchwahrnus zu erledigen und zu erleuteren). Очевидно, что появление богатых предпринимателей и увеличение их числа усилили напряженность в отношениях между участниками. Углублялась социальная дифференциация среди них, разорение одних сопровождалось обогащением других, концентрацией в руках состоятельных участников долей разоренных членов товарищества. Если, говорится в первой статье, «один участник в одном руднике» хочет разрабатывать свою долю, а другие его «соучастники» не желают ему помогать, как полагается по горному праву, то он должен заявить горному судье о своем желании занять рабочими рудник или часть его, а судья должен ему разрешить вести там работу в течение 14 дней. По истечении этого срока он представляет своим соучастникам счет и спрашивает их, желают ли они вместе с ним вести разработку. В случае их согласия они должны оплатить общие расходы (samcost); в противном же случае судья должен передать их долю тому, кто вел работу и защищать его по горному праву[88].

Из текста этой статьи не совсем ясно, идет ли здесь речь о работах, которые должны вестись в руднике или на части его за общий счет группы участников, имеющих каждый свою определенную долю в прибылях, или же о работах, которые каждый должен вести на своей доле самостоятельно, участвуя в общих расходах товарищества.

Однако при всех возможных различных толкованиях дело сводится здесь к потере несостоятельными участниками своих долей; эти доли переходят к тому, кто сам был в состоянии развернуть работы и сделаться обладателем рудника или участка, о котором идет речь.

О происходившем уже к середине XV в. процессе разорения несостоятельных участников и потери ими своих долей свидетельствует и вторая статья устава, в которой предусматривается случай потери своей доли участником, оказавшимся не в состоянии уплатить рабочему его заработную плату. Такому участнику предлагается внести залог и выкупить его в течение 17 дней. В случае невыкупа залога несостоятельным участником преимущественное право на выкуп залога и присвоение участка предоставляется тому другому участнику, который оплачивал общетоварищеские расходы вместо несостоятельного. Оговорено, что в случае отказа от участка этого более богатого участника доля несостоятельного передается рабочему[89]. Практическое значе-

[88] Ibid., § 1, S. 112–113.

[89] Ibid., § 2, S. 114.— «Wann aber der gewerckh keine andere pfand legt, ...so soll der thail 14 tag und 3 tag warten und losung haben von dem samcoster, lest ihn alsdam niemand..., so soll der bergrichter dem arbaiter die thail einantworten».

ние этой оговорки остается в данном случае неизвестным. Важнее всего то, что судьба такого участка зависела от того участника, который располагает деньгами: от него зависело, дойдет ли участок до рабочего, домогающегося положения предпринимателя, или нет.

Характерна в этой связи также пятая статья устава. В ней говорится об участниках, которые сами не живут в местах разработок. Их дела ведут здесь доверенные лица, сдающие их участки «ленным забойщикам», которые, однако, сами пользуются трудом наемных рабочих.

Социальные группировки на горных разработках Шваицского района, как они сложились уже к середине XV в., рисуют, таким образом, картину, характерную для периода зарождения и распространения в данной области капиталистических отношений. Имеется прослойка богатых участников, владеющих рудниками в разных местах, где они действуют через своих доверенных лиц. Наряду с ними имеются группировки средних участников-предпринимателей, старающихся сохранить свою самостоятельность, но часть которых разорятся, теряет самостоятельность и переходит в ряды наемных рабочих — «ленных забойщиков», сдельных рабочих или получающих повременную заработную плату. Но между участниками, сохраняющими самостоятельность, и наемными рабочими имеются полупредпринимательские группировки таких «ленных забойщиков», которые, принимая в лен участок, разрабатывают его при помощи наемных рабочих.

Такая пестрая и динамичная социальная структура в обстановке интенсивного роста разработок сделала неизбежными частые конфликты между различными группировками предпринимателей, между предпринимателями и рабочими разных категорий. Эта обстановка благоприятствовала стремлениям герцогской власти к усилению своей регулирующей роли. С расширением разработок, с ростом капиталовложений и увеличением числа рабочих становились более сложными и напряженными отношения между горными предприятиями и частными владельцами лесов, с землевладельцами и с соседними крестьянами, через поля и луга которых на рудники направлялись люди и материалы. Решающей силой в разрешении возникавших проблем, естественно, выступала герцогская власть. Устав Сигизмунда от 1449 г., исходя официально из необходимости устранения трудностей и обеспечения дальнейших успехов горного дела, отстаивает интересы участников-предпринимателей как против рабочих, так и против землевладельцев и соседей. В спорах между участниками устав ограничивается полумерами и традицией Шладмингского горного указа, к этому времени уже устаревшего[90]. Составители устава рассчитывали, что в конкретных случаях решающее

[90] См. St. W o r m s. Op. cit., S. 73—74.

слово останется за должностными лицами герцогской администрации.

Причиной многих споров между участниками было то, что многие малосостоятельные участники, не обладая нужными средствами для продолжения работ, забрасывали свои участки разработок, в то время как за их спиной были люди, обладавшие деньгами и торопившиеся заполучить бездействующие участки в свои руки. Третья статья рассматриваемого устава сохраняет в таких случаях срок, установленный Шладмингским указом, — четыре недели. По истечении четырех недель горный судья сдает долю несостоятельного участника тому, кто этого добивается [91].

Пример, рассматриваемый четвертой статьей устава, еще более характерный: если кто, разрабатывая шахту, опускался все глубже и глубже, достиг той глубины, дальше которой он не мог проникать из-за напора воды или из-за душащего воздуха и забросил шахту, оказавшуюся впоследствии засыпанной землей или затопленной водой, то, поскольку владелец шахты не может больше пользоваться своим правом, другой человек, оказавшийся в состоянии пробиться к засыпанному или затопленному слою, вправе этим пользоваться, а горный судья должен обозначить знаками предоставленное ему место и охранять его права на отведенный участок и на возведенные там сооружения [92].

Таким образом, когда участник забрасывает шахту вследствие того, что он не в состоянии производить затраты, необходимые для ее дальнейшей эксплуатации, то он не теряет прав на всю шахту, а только на определенный слой в ней, который передается другому, способному производить эти затраты. Постоянной регулирующей инстанцией в отношениях между старым и новым владельцами остаются должностные лица герцогской администрации. В этом — главное значение этих статей для авторов устава.

Статьи устава, определяющие положение рабочих, проникнуты стремлением максимально удешевить рабочую силу. Констатируя, что участники испытывают ущерб (abgäng und gebrechen) от слишком коротких смен, указывается, что для каждой категории рабочих должна быть установлена определенная продолжительность рабочего времени. Нормы рабочего времени для каждой профессии вырабатывает комиссия, назначенная горным

[91] St. Worms. Op. cit., N 7a, § 3, S. 114.— «...und ob ainer nicht bauen mechte, und auch ligen liess, so soll alsdan beschechen wie vor geschriben stehet, nach bergwercks rechten».

[92] Ibid., § 4.— «...so mag ein anderer nachbaur dem schacht wohl zuebauen, und darin durchschlagen, und den zu nutz bringen, und als hoch der schacht mit wasser oder mit berg gefillt ist, als hoch soll er sein geniessen und daselbs ein eysen schlagen und der bergrichter soll ihn darbei handhaben und schirmen, auf dem zug unter sich und für sich ewiglichen, das ist der bund, der da lauth, es ist auch luft, wasser und genz».

судьей и состоящая из четырех участников, четырех забойщиков, бергмейстера и двух присяжных, не являющихся кнаппами. Решающий голос в комиссии остается, таким образом, за бергмейстером и присяжными, а также для горного судьи, который вместе с ними заседает. Мероприятие мотивируется необходимостью «для участников получать достаточные выгоды от вложенных ими денег»[93]. Забота авторов устава о сохранности предпринимательской прибыли вызывалась, конечно, тем, что эта прибыль должна обеспечиваться сверх регальных поборов. Характерно, что Сигизмунд при утверждении проекта устава, не считая, очевидно, состав комиссии достаточной гарантией для своих целей, счел необходимым указать минимальные нормы рабочего времени: все, работающие под землей, обязаны работать 8 или 9 часов в день; сортировщики же руды и другие, работающие на поверхности, обязаны работать на полчаса больше[94].

В уставе подчеркивается, что требования рабочих об оплате укороченных смен в предпраздничные дни могут быть признаны справедливыми только в отношении субботних дней. Если же в другие рабочие дни рабочие вздумают устроить «праздничную смену», то из заработной платы должны быть произведены вычеты. В герцогском подтверждении это подчеркивается в более энергичной форме и устанавливается, что при двух праздничных днях в одну неделю оплачивается только один нерабочий день. В канун же праздника работа должна продолжаться до зажигания огней.

От определения размера заработной платы вообще для рабочих, получающих ее повременно, составители устава уклоняются. В акте утверждения устава герцог Сигизмунд предоставляет «управителю» начислять каждому рабочему его заработную плату «по его подлинным заслугам». При этом подчеркивается, что управитель должен обещать «верно придерживаться добрых намерений по отношению к участникам»[95].

Устав 1449 г., добивавшийся признания за герцогской властью роли регулирующей силы, устанавливающей статус всех отношений на горных разработках, идет горнорабочим на некоторые

[93] Ibid., § 32, S. 125.— «...das der richter neme vier von den gewerken und 4 von heyeren, den bergmaister und 2 von den geschwornen, die nit knappen sein und mitsamt denselbigen darüber siz und ein erfündung thue, wie lang ein heyer schaider zimermann truchenlaufer und alle andere arbeiter fir ein schicht arbeiten sollen, damit den gewerken um ir geld ein begniegen bescheeche und darnach solche erfindung in das gerichtsbuech schreib und auf hinfiran darbey bleib, damit das bergwerkin erbauet und gefürderet werde».

[94] Ibid., Urkunden, N 7b, S 128, § 5.— «Auch von wögen der schichten, wie lang ein jeder arbeiten soll, da soll ein jeder arbeiter für 1 tag 8 oder 9 stund arbeiten ohngefährlich, aber die schaider und andere, die am tag arbeiten, sollen um eine halbe stund mehr arbeiten».

[95] Ibid., § 3.— «...da soll man einen jeden arbeiter einen lohn raitten den er wohl verdienen mag, es seye was arbeiter da wolle, darumen soll ein huetman loben, das er den gewerckhen treulich zue wohlschauen».

уступки. Предписывается строго соблюдать сроки расчетов с рабочими и выдачи им заработной платы. Если рабочего увольняют или он сам желает уйти с разработок и отправляться дальше в поисках работы, расчет должен быть произведен с ним в течение трех дней (ст. 6). Но по существу эти и другие уступки носят формальный характер. В проекте устава и в акте его утверждения герцогом устанавливается, например, что заработная плата рабочим должна выплачиваться наличными, а не товарами или продуктами. Запрет оплаты товарами и продовольствием (Trucksystem) мотивируется тем, что рабочие должны иметь возможность производить свои расходы наивыгоднейшим для себя образом. Однако запрет сопровождается оговоркой, что при добровольном согласии со стороны рабочего и при условии подходящей справедливой оценки товаров эта система может быть допущена [96]. Вряд ли можно сомневаться в том, что эта оговорка представляет собою легальную лазейку к нарушению запрета. Вормс справедливо замечает, что неоднократные повторения этого запрета, последовавшие после его издания, свидетельствуют о том, что он не соблюдался [97].

Из соображений о необходимости максимального удешевления рабочей силы герцог Сигизмунд прибавил в утвержденном им проекте устава статью о запрещении ленного полупредпринимательства. Ленные товарищества должны оставаться рабочими коллективами, коллективами людей, которые сами работают, а не нанимают, в свою очередь, наемных рабочих, что вело бы к удорожанию рабочей силы [98]. Из тех же соображений другие статьи требуют обеспечения низких цен на предметы питания и на рабочие инструменты в районах разработок, устранения спекуляции этими предметами и всего того, что мешает усиленному и беспрерывному подвозу в эти районы продовольственных товаров [99].

В конечном итоге как статья об удешевлении рабочей силы, так и связанные с ними статьи об обеспечении закупок рабочими дешевых предметов питания и инструментов направлены на

---

[96] Ibid., Urkunden, N 7a, § 34, S. 125.— «...so sollen die gewercken auf das lengst zu vier wochen raiten und die arbeiter unverzogenlich mit baaren geldt bezahlen, damit sie desto bass ihr costungen bestöllen, es soll auch kein gewerckh die arbeiter mit pfennwerthen netten, sonderen allain es wöll sie ein arbeiter gern nehmen so soll man ihm die geben umb einen zimlichen pfening und soll ihn nit darmit überschäzen».

[97] Ibid., Darstellung, S. 61—62.

[98] Ibid., Urkunden, N 7b, § 9, S. 129.— «Und das man keinem lechenschaft las, der die nit mit der hand selber arbeitet».

[99] Ibid., N 7a, § 16, S. 118. В утвержденном Сигизмундом тексте прибавлен пункт о наказании скупщиков-спекулянтов: «Auch sollen sie gwalt haben die lädler zu strafen, wie weil sie doch von des bergwercks wegen hie sein und das sie vormittag nicht aufkaufen, sonderen das die arbeiter zuvor ihre notdurft kauffen mögen» (ibid., N 7b, § 7).

обеспечение незыблемости регальных поборов — десятины и векселя, как и другие статьи, где об этом ясно говорится [100]. Для того же, чтобы утвердить действенность этих мер, представлялось необходимым прежде всего утвердить и в Тироле «дирекционный принцип» регальной власти, т. е. признания за нею функций управления всем горным делом и регулирования на промыслах всех отношений. Этой цели подчинены рассмотренные статьи об отношении к рабочим. Однако для регальной власти было важнее всего убедить участников в том, что в основе рабочего законодательства лежит забота о прибыли предпринимателей [101].

Много внимания уделял герцог Сигизмунд в уставе 1449 г. и после его издания утверждению вольностей горных разработок и плавилен и их прав на пользование лесными материалами (дровами и углем), водами, на беспрепятственный проход и провоз материалов и продукции через поля и луга соседних крестьян и землевладельцев (статьи 11—14, 20). Эти статьи имели для участников весьма актуальное значение. Они и после издания устава требовали официального подтверждения вольностей горных разработок, данных еще герцогом Фридрихом [102]. Около 1460 г. отношения между владельцами горных разработок и соседними землевладельцами и крестьянскими общинами сделались настолько напряженными в связи с бурным ростом горного дела, что поставлен был уже вопрос не только о подтверждении старых вольностей, но об их пересмотре и дополнении ввиду жалоб и волнений со стороны «деревень и имений» на опустошение лесов. Для составления проекта нового порядка пользования лесами для нужд горных разработок выделена была группа «знающих и незаинтересованных» людей, среди которых мы находим, однако, имя Ганса Зигвейна из Халля, который несколько позже стал известен как крупный владелец рудников на Фалькенштейне [103].

Помимо разобранных уже выше статей следует указать на установление порядка производства работ (статьи 3—4; Акт утверждения § 1), порядка разрешения и урегулирования споров, судебной и апелляционной процедур, охраны мира в районе разработок (статьи 9—10, 18, 21—24, 37 и др.), охраны регальных доходов и герцогской власти (статьи 36—38), на подчинение присяжных горному судье (статьи 17, 19), маркшейдера — берг-

---

[100] Ibid., § 30, 36, S. 124, 126.

[101] Для лучшего понимания мотивов, устанавливаемых в этом уставе строгих правил по соблюдению сроков выплаты заработной платы, необходимо иметь в виду не только соображения о предотвращении рабочих волнений, но и приведенные выше статьи о лишении нарушителей сроков заработной платы их участков и передачи этих участков тем, которые в состоянии уплатить задолженность.

[102] St. Worms. Op. cit., Urkunden, N 9, S. 130—132.

[103] M. Wolfskronn. Op. cit., S. 59.

мейстеру (статьи 7, 26), а горного судьи и бергмейстера — непосредственно герцогу (статьи 27—28).

Важно установить, как относились участники-предприниматели к мероприятиям герцогской власти по усилению регального режима? Нам уже известно, что на более раннем этапе — в конце 30-х годов XV в.— участники не желали вмешательства должностных лиц в отношения с рабочими даже в тех случаях, когда это вмешательство было явно в их интересах [104]. Тогда же участники протестовали против вступления сборщика десятины на территорию разработок [105]. Теперь же — около середины XV в.— не все участники относились одинаково к установленным на промыслах порядкам. Это видно из опубликованных Вормсом трех документов, представляющих собою высказанные мнения о существующих на горных промыслах порядках и отношениях. Два документа помечены «около 1461 г.», третий — 14 июля 1468 г. Авторами первого документа являются девять участников из числа известных уже нам крупнейших владельцев рудников Фалькенштейна и других цвацских промыслов: Ганс Фюгер, Герман Рингсмауль, Яков Тэнталь, Бенедикт Штольпрок, Ганс Зигвейн, Иерг из Штоккаха, Линхарт Перенштек, Освальд Гешеф, Ганс Шроттер.

Этот документ, исходивший от крупных предпринимателей, высказывает по существу иной взгляд на вопросы управления и регулирования отношений на горных промыслах, отличающийся от принципа устава 1449 г. Авторы документа, названного Вормсом «подлинно предпринимательским», требуют установления в горном деле фиксированного права, записанного в особом своде, и тем самым умалить роль высших должностных лиц герцогской администрации. Ссылаясь на «старые времена при блаженной памяти старом милостивом государе», они требуют, чтобы при любом споре заслушаны были записанные раньше в судебном своде решения аналогичных дел и чтобы присяжные не имели права решать такие дела по-своему. Так будет лучше, говорится в этом «Отзыве», и будет гораздо меньше конфликтов и волнений [106].

И в других местах своего «Отзыва» крупные предпринима-

---

[104] St. Worms. Op. cit., Urkunden, N 5, S. 108.

[105] Ibid., S. 109.— «...maint ewr fröner der kleuber ewr gnad schaff er sull einem iegleichem in sein pau varn und süll alle sach durch ihn gehandelt werden. Darauf versten wir als der perkchrichter hab an ewr stat uber uns ze richten, und der fröner süll der frön warten...»

[106] Ibid., Urkunden, N 12, S. 142.— «...hat ain klager oder antwurter pegert, im soliche urtail aus dem gerichtpuch zu lesen, das hat ain richter geschafft. Und wann dieselb urteil verlesn ist wordn, ist die sach des gleichn gewest, so haben die gesworen kain recht daruber gesprochn und es pei der geschribn urtail peleibn lassen, wer noch vast nutz fur das ganz berkwerch und komen nicht als vil krieg und irung als also».

тели требуют свести роль присяжных к минимуму, опираясь в конкретных вопросах на фиксированное горное право.

Это обстоятельство заставило авторов «Отзыва» отнестись с уважением к документам старого горного права. В «Отзыве» имеется ряд ссылок на Шладмингский горный указ от начала века, на который все горные люди смотрели как на гарантию против новшеств со стороны герцогских должностных лиц. Для проникавших в швацское горное дело крупных предпринимателей горный указ имел еще известное значение, поскольку, ссылаясь на некоторые его статьи, они могли препятствовать мелким предпринимателям получать для восстановления и разработок старые заброшенные рудники. Это представлялось тем легче, что сами мелкие предприниматели смотрели на горный указ как на гарантию против экспансии крупных участников — авторов данного «Отзыва». «Так как,— говорится в этом «Отзыве»,— община настаивает на соблюдении горного указа и его правовых норм, то мы заявляем, что не знаем никого, кто был бы против этого и всех других документов, которые ведут к пользе, а не к ущербу горного дела» [107].

Однако в полном противоречии с горным указом в «Отзыве» крупных предпринимателей говорится, что если на каком-нибудь участке владелец его не может преодолеть трудностей водяного напора и недостатка воздуха, то он обязан оставить участок [108]. Тем самым другому, который окажется в состоянии справиться с этими трудностями, обладая нужными для этого средствами, предоставляется возможность это сделать. И в другом пункте отзыва авторы его настаивают на том, что в тех случаях, когда получивший лен и положивший начало новому руднику среди старых заброшенных, засыпанных и затопленных шахт пробил затем проходы в старую шахту, дающую хорошую добычу руды, никто из старых владельцев не может ссылаться на свои старые права, чтобы отстранить нового владельца [109].

Авторы этого «Отзыва» сочетают, таким образом, требование действенности старого горного права, когда дело идет об ограничении произвольных действий должностных лиц и об ограничении деятельности мелких участников, с требованием свободного доступа к разработкам богатых участников, настаивающих на дополнительных вложениях капиталов, которыми старые владельцы не располагают.

---

[107] Ibid., S. 141.— «Item als die gemain pegert, den pergprief zu halten und dem recht nach zu gen, wis wir niemant, der da wider sei, und all gern sachn das bergwerch in aufnehmen dann in abnemen komen».

[108] Ibid., S. 142.

[109] Ibid., S. 140.— «...und maint dorumb, das er die newen grubn wolt austreibn, die die geng erpaut habn, darumb das er die alt grub mit ir gerechtigkait enpfangen hett, ratten wir das der richter des nicht gestatt und auch kain krait hab, sunder die alt grub ain verlegn grub ist und nicht mer gerechtigkait hat...».

Второй «Отзыв» исходит от горной общины города Шваца, хотя его текст и заголовок свидетельствуют, что в его составлении участвовали и некоторые присяжные[110]. По вопросу о праве на заброшенные участки отличие точки зрения авторов второго отзыва от первого отражает отличие интересов мелких предпринимателей от крупных. Отказывая старому участнику в утверждении своих прав на заброшенный рудник после того, как новый участник успел развернуть в этом руднике работы по добыче руды, авторы второго отзыва уточняют, что речь идет только о руднике, который уже давно заброшен[111]. В отношении же рудника, в котором прекращена работа из-за несостоятельности его владельца продолжать работу по углублению шахт и возведению нужных для этого сооружений, авторы второго отзыва не поддерживают предложения богатых предпринимателей об устранении неимущего участника, неспособного справляться с техническими трудностями, связанными с добычей на большой глубине. И по другим пунктам, в том числе и по тем, которые касаются порядка оплаты труда рабочих, авторы второго отзыва отстаивают интересы мелких участников[112].

По мнению авторов третьего отзыва (1468 г.), исходившего от горного судьи и присяжных, т. е. от высших должностных лиц госензасских разработок, сложность положения при участившихся конфликтах требует в каждом отдельном случае решающей роли регальной администрации, так как только при строгом соблюдении распоряжений регальной власти участники будут иметь возможность уверенно производить затраты и вкладывать деньги в горные разработки[113].

Горный устав герцога Сигизмунда от 1474 г. и его инструкция должностным лицам от 1477 г. показывают, что в 70-х годах XV в. герцог продолжал тактику использования противоречий между крупными и мелкими участниками в целях утверждения своей руководящей роли в управлении горным делом. Вопросам разграничения прав участников в тесно примыкающих друг к другу рудниках посвящена большая часть устава 1474 г.[114]

Таким образом, к 80-м годам XV в., т. е. к тому времени, когда на главных серебрянорудных промыслах Тироля — на промыслах Швацского района — определилось преобладание крупного предпринимательства и ранние формы капиталистиче-

---

[110] St. Worms. Op. cit., Urkunden, N 13.

[111] Ibid., § 5, S. 145—146. — «...ob es sich pegabe, das sich ain alte gruebn verlag und vor lang gepawt war worden und hield sich nu rechtlich verlegn nach lawt des perkbriefs und cham dann ain ander man und verfieng ain newe gruebn und erpawet geng darin und cham dan aber ain ander und wolde die alt verlegn gruebm entphachen mit iren alten rechtn, die sol des selbing nicht geniessin und sol dan mit irm entphachen die jünger sein».

[112] Ibid., Urkunden, N 13, S. 146, § 8.

[113] Ibid., N 14, S. 150.

[114] Ibid., N 16, 17.

ского производства, герцогская власть стремилась приспособить новый характер отношений на промыслах к условиям регальной монополии и регального управления, ориентируясь на интересы главным образом крупных предпринимателей и используя их противоречия с остальной массой мелких и малосостоятельных предпринимателей. Важное место в этой политике герцогской власти и в ее отношениях с участниками предпринимателями занимал административный нажим на горнорабочих в отношении условий их труда и заработной платы. Осложняющим моментом в проведении этой тактики представлялись противоречия между разными группировками участников, которые вели к сближению малоимущей части их с горнорабочими, особенно с коллективами «ленных забойщиков» и сдельщиков. Опасались, что на почве общей борьбы против регальной администрации и богатых предпринимателей сближение социально низших слоев участников с рабочими станет теснее. Опасались также сочувствия к этим категориям со стороны низших должностных лиц, в частности управителей (Hutleute). Поэтому в актах герцога Сигизмунда от 70-х годов XV в. уделяется много внимания делу наблюдения за рабочими, усилению дисциплины труда и вопросу о порядке назначения заработной платы разным категориям рабочих.

Управители должны дать присягу в том, что будут работать преданно и правильно назначать заработную плату, что в противном случае их следует штрафовать. Рабочий, не соблюдающий предписаний о дисциплине труда, должен быть сразу уволен или лишен заработной платы. Рабочий, получивший задаток, не может оставить работу до конца условленного времени. Все это относится как к повременным, так и к сдельным рабочим [115]. Характерно строгое предупреждение управителям не приписывать рабочим фиктивных смен, не оплачивать время, когда рабочие фактически не работали [116]. Управители обязуются не принимать ни одного рабочего без ведома и согласия участников и бергмейстера. Они обязаны конкретно указывать при периодических расчетах данные о каждом рабочем — «молодой он или старый, забойщик или разборщик и какой работой он занят». Они должны следить за тем, чтобы соблюдалось установленное рабочее время, чтобы раньше времени никто из рабочих не выходил из

---

[115] Ibid., N 16, S. 159.— «Und die huetleit sollen schwern treulichen zu arbaiten zue zu sehen und die lohn zu setzen. Wellicher das aber nicht halten, der soll mit dem gericht darumb gestrafft werden... von der arbaiter wegen, welliche nit arbait inhalt unsers briefs vor zussgangen, der soll von stunt an abgelegt oder mit aufhebung des lohns gestraf werden... Und ob ainer ain arbait aufnehmb oder verhiess und das gelt empfangen, der soll das halten».

[116] Ibid., N 15, S. 155.—«...ob ain huetman in der raitung im selbs oder ainem seinen arbaiter ain schicht einlegt und raitet, die er bei derselben grueben nit gearbait hiet, das derselb huetman von unsern pergrichter gestrafft werde darumb...».

шахты. Нарушившие эти предписания управители подвергаются телесным и материальным наказаниям [117].

В этих же актах чувствуется боязнь того, что отдельными участниками будут предоставляться рабочим лучшие условия и что управители также смогут этому содействовать. Ряд пунктов в указанных уставах строго предупреждает, что такая практика не может быть допущена. В уставе 1474 г. управителям запрещается оказывать кому-либо из наемных кнехтов какие-либо особые поощрения [118].

Из этих же соображений в уставе 1485 г. предусматривается, что артели рабочих-ленников (lechenschaften) могут принимать работу не у отдельных участников, а у горного товарищества в целом. Речь идет здесь о том, что условия работы такой артели должны быть для всех одинаковые. Они устанавливаются на собрании всех участников большинством голосов в две трети. Все участники в своих отношениях с рабочими обязаны руководствоваться этими решениями. Таким же должен быть порядок в отношении рудоразборного дела, которое предписано проводить под общим наблюдением, и в отношении работ, сдаваемых на условиях сдельщины [119]. Рабочее законодательство герцога Сигизмунда, содержащееся в его уставах 1474—1485 гг., преследовало две цели. Во-первых, обеспечить равные условия для всех рабочих, ослабив тем самым возможность их сопротивления двойному нажиму; во-вторых, изолировать рабочих от социально близких им прослоек малоимущих участников, настроенных против крупных предпринимателей и должностных лиц герцогской администрации.

Из послания Сигизмунда швацскому горному судье Линхарту Геблю от 25 июня 1485 г. видно, что вскоре после издания горного устава от 26 марта 1485 г. произошли волнения швацского

---

[117] Ibid., N 18, S. 165.— «Die huetleut sollen khainen arbaiter zuelegen ohne wissen und willen der gewerkhen und unsers perkhmaisters, si sollen auch zu allen raitungen jeden arbaiter mit namen angeben, auch anzaigen, wellicher ain junger oder alter hauer oder schaider unnd in was arbait ain ieder sei... Wellicher huetmann aber ehe ausfuer oder sollichs sienen arbaitern gestatet, derselb soll darumb an leib und guet gestrafft werden».

[118] Ibid., N 15, S. 152.— «Am erstn, das die huetleit khainen gedingten khnecht nicht firdern sollen am perg in selbs oder andern gwerkhen...». Приводя этот пункт в своем исследовании, Вормс толкует его в смысле запрещения привлекать на разработки *неквалифицированных* рабочих, что отвечало желаниям квалифицированных забойщиков, требовавших устранения конкурентов. С таким толкованием нельзя согласиться: во-первых, «nicht firdern» означает «не поощрять, не предоставлять преимуществ». Кроме того, в тирольских источниках этого времени нет сведений о подобных требованиях забойщиков; нет следов такого требования и в уставе 1485 г., являющемся ответом на требования кнаппов. Герцогское законодательство 70—80-х гг. здесь, как и в других документах, стремится обеспечить равенство условий для всех рабочих и не допустить в отношении рабочих конкуренции работодателей.

[119] Ibid., N 18, S. 165—166.

кнаппства. Собравшись в большом числе, пришедшие в волнение кнаппы направились в Инсбрук, чтобы вручить лично герцогу свои требования. О содержании этих требований можно судить по указанному посланию. Они были направлены против рассмотренных выше актов герцогской власти этого и предыдущих лет и были поданы герцогу вопреки строгому запрещению горного судьи [120]. Герцог выражает свое крайнее недовольство этим актом неповиновения, однако на этот раз прощает их, ограничившись предупреждением, что повторение подобных действий повлечет за собою строгие наказания — телесные и материальные.

По существу поданных ему жалоб герцог сделал ряд формальных уступок, оставив фактически те же строгие порядки, которые вызвали возмущение горнорабочих. Указываются пять предпраздничных дней, в которые работа должна быть прекращена в одиннадцать часов, и три других дня перед праздниками, в которые рабочим разрешается вовсе не работать, но с условием, что соответствующее время будет ими отработано в ночь перед этим. Зато подчеркивается в категорической форме необходимость строгого соблюдения забойщиками полной нормы восьмичасового рабочего времени, а другими работающими на поверхности рабочими — полагающегося им времени в остальные предпраздничные дни и в упраздненные предыдущими указами праздники [121]. Вряд ли можно это считать серьезной уступкой. Из текста послания видно, что, несмотря на существовавшие постановления, работа в дни упраздненных праздников и во все предпраздничные дни срывалась из-за энергичного сопротивления рабочих. Уступки, которые делаются им в послании от 25 июня 1485 г., обусловлены тем, что будет наконец установлен твердый порядок и строгая дисциплина в отношении остальных дней.

В целях успокоения рабочих герцог пишет в послании, что никто из «честно работающих» рабочих не может быть уволен только за то, что стал жаловаться [122]. Этот пункт послания показывает, каков был произвол должностных лиц по отношению к рабочим. Герцог обещает положить этому конец, но требует от должностных лиц увольнять тех рабочих, которые плохо работают, не выполняют того, что они обязаны делать [123].

Пункт послания, посвященный запрещению спекуляции съестными продуктами, также предназначен для успокоения рабочих. Никто не должен закупать продуктов питания в размере, превышающем потребности его семьи. За нарушение предусмат-

---

[120] Ibid., N 19, S. 170.

[121] Ibid., S. 168.

[122] Ibid., S. 170.— «...Khain arbaiter soll auch von kains klagens wegen abgelegt werden, der anderst seiner schicht treulich ausswarth...»

[123] Ibid., S. 169.— «...doch ob ain arbaiter nit thet, das er zu thuen schuldig ist, den soll ain huetman ablegen».

ривается «тяжелый штраф»[124]. Как уже указано было выше, частое повторение запрещения спекуляции и скупок предметов питания свидетельствует о том, что он не соблюдался.

В послании герцога Сигизмунда имеются пункты, являющиеся ответами не столько на жалобы рабочих, сколько на требования мелких и малоимущих участников. Поскольку некоторые заявляют претензии на участки в старой штольне, ссылаясь на то, что они были им сданы, а бергмейстер это отрицает, то те, которые такие претензии заявляют, имеют право требовать расследования дела с целью выяснить справедливый или несправедливый характер этих претензий. Таково же, очевидно, назначение и того пункта послания, согласно которому частично защищаются права бывших владельцев старых рудников, пока они продолжают оставаться незанятыми. По поводу конфликта на Фалькенштейне между старыми и новыми владельцами указывается, что следует руководствоваться существующим уставом. Характерен также пункт, оставляющий в силе предыдущее решение об обязательности коллективной закупки отбойных клиньев и сала для шахтных фонарей, но допускающий, что получивший сдельную или ленную работу и имеющий собственный рудник имеет право покупать эти вещи в индивидуальном порядке.

Если, таким образом, послание герцога Сигизмунда, являющееся ответом на предъявленные ему во время волнений 1485 г. требования, содержит объяснения и успокоительные обещания, обращенные не только к горнорабочим, но и к малоимущим участникам-предпринимателям, то из этого следует, что в волнениях того же года на швацских горных промыслах принимала участие наряду с рабочими также и указанная категория предпринимателей. В противовес попытке герцогской власти сохранить регальные прерогативы и доходы, покровительствуя богатым горным предпринимателям за счет усиления нажима на рабочих и обхода интересов мелких участников, в среде испытывавших на себе гнет этой политики стали складываться оппозиционные группировки, совместные выступления которых относятся уже к 80-м годам XV в.

Таково было положение к тому времени, когда в конце 80-х годов началось энергичное проникновение Фуггеров в Тирольское, прежде всего швацское горное дело.

7

Проникновение Фуггеров в горное дело Тироля с самого начала резко отличалось от проникновения туда тех богатых предпринимателей — Тэнтцля, Фюгера, Штекля, Зигвейна,

[124] Ibidem.— «Niemand soll khain essende speiss fürkaufen, dann sovil ainer zu notturft seines haus bedarf, das du auch offenlichen betueffen und bei schweren peen verbieten solt lassen...»

Жофнера и многих других, которые, обладая большими денежными средствами, приобретали рудники и горные участки; они основывали горные товарищества, в которых играли роль главных участников, строили плавильни, развивали энергичную деятельность по углублению и оборудованию шахт, по добыче руды и производству серебра. Отношения этих богатых участников к регальной власти определялись тем, что они в известной степени, хотя и в весьма непоследовательной форме, сопротивлялись концентрации в руках должностных лиц регальной администрации всего дела управления горными разработками. В более энергичной форме они настаивали на приспособлении горного законодательства к интересам их горных предприятий. Интерес же Фуггеров к горному делу Тироля определялся не столько положением этого дела и перспективами его рентабельности, не столько ростом и развитием тирольских горных разработок, сколько той ролью, которую горные богатства Тироля могли играть в общих монополистических планах Фуггеров в области металлоторговли, в их борьбе за мировой рынок, прежде всего за венецианский рынок. Своим отношением к Габсбургам, являвшимся регальными господами горных богатств Тироля, Фуггеры также отличались коренным образом от указанных богатых предпринимателей. Их положение кредиторов Габсбургов хорошо известно. Они не были их единственными кредиторами, но среди компаний, ссужавших Габсбургов деньгами под гарантию тирольской продукции серебра и меди,— среди Баумгартнеров, Гервартов, Госембротов и других,— компания братьев Фуггеров занимала особое место. Руководитель этой компании Яков Фуггер последовательно и зорко следил за универсалистскими планами Габсбургов и хорошо представлял себе, как далеко Габсбурги готовы идти для их реализации [125]. Яков Фуггер знал, какое место в мировых планах Габсбургов занимают богатства Тироля, но он знал и то, какое значение для Габсбургских планов имеют те исключительные возможности международных кредитных операций и безналичных расчетов, которыми располагали Фуггеры и по которым их фирма, как показали уже ее отношения с папским престолом, была тогда вне конкуренции [126]. Действуя планомерно и целеустремленно, Яков Фуггер стремился использовать мировые экономические связи и возможности своей фирмы для установления нужного ему контакта с Габсбургами с тем, чтобы использовать его для реализации своих монополистических планов в отношении тирольского горного дела. В этих условиях цель Фуггеров, проникавших в 80-х годах XV в. в горное дело Тироля, заключалась не в общем облегчении или устранении там регального режима, а в том, чтобы подчинить интересам

[125] G. Pölnitz. Jakob Fugger. Tübingen, 1949. S. 40—44.

[126] Ibid., kap. III—IV; H. Haussherr. Wirtschaftsgeschichte der Neuzeit. Weimar, 1955. S. 70—71 ff.

своей фирмы прерогативы и самый аппарат регальной власти, в известном смысле, чтобы на горных промыслах поставить себя на место самой регальной власти.

Первая акция Фуггеров в этом направлении относится к 1487 г. Она была связана с войной герцога Сигизмунда с Венецией из-за горного района Примиэро, расположенного близ венецианской границы. Сигизмунду удалось приостановить продвижение венецианцев. По миру, заключенному в том же году по настоянию папы, императора и тирольского ландтага, эрцгерцог обязан был возместить венецианцам 100 000 гульд.[127] 60 000 гульд. из этой суммы Сигизмунд уплатил тирольской медью; остальную часть суммы, сниженную по соглашению почти наполовину, уплатили за него известный уже нам богатый владелец тирольских рудников Антони фон Росс и Яков Фуггер. Гарантами этого займа в той его части, которая дана была Фуггерами, явились известные богатые участники швацких и других тирольских разработок — Тэнтцль, Фюгер, Перль, Зигвейн и Жофнер. В документе от 17 ноября 1487 г., данном Фуггерам, герцог Сигизмунд заявляет, что в случае неуплаты этого долга Фуггерам в срок серебро названных выше участников подлежит передаче кредиторам, которые будут присваивать полагающиеся с него регальный побор — «вексель» — до полной уплаты суммы долга[128]. Таким образом, уже этой сделкой Яков Фуггер и его фирма заняли в известном смысле по отношению к участникам тирольских разработок место самой регальной власти, взимая в свою пользу регальный «вексель». По другому документу от 7 марта 1488 г. другой долг Фуггерам покрывается серебром из доставлявшейся на монетный двор города Халль регальной десятины и поставок серебра по твердой цене. За данный Фуггерами заем в 5792 гульдена им предоставляется получать из серебра халльского монетного двора по сто марок в неделю по твердой цене — 8 рейнских гульденов за одну марку[129].

Выгодность этих сделок заключалась прежде всего в том, что действительная цена серебра была значительно выше установленной герцогской властью твердой цены за него[130]. Если передача Фуггерам «векселя» шла в счет уплаты данного ими займа,

---

[127] M. Jansen. Jacob Fugger der Reiche. Leipzig, 1910, S. 11.

[128] M. Jansen. Die Anfänge der Fugger. Leipzig, 1907, Beilage 8. Urkunden zur Geschichte der Fugger aus den Kopialbüchern II Serie in K. K. Statthalterei-Archiv zu Innsbruck (далее — M. Jansen. Anfänge der Fugger. Beilage...), S. 114.— «...wo wir zu den zielen und zeiten inhalt der taeding nicht halten und der bemelt Fugger seiner verschreibung nach genugsam thün müsse, das er alsdann dieselben silber solang einnehmen mag, unz im von dem wechsel derselben um Hauptgut und schäden ein ganz völliges benügen beschicht».

[129] Ibid., S. 115.

[130] M. Jansen. Jakob Fugger, der Reiche, S. 12. Богатый участник Антони фон Росс предлагал герцогу 4000 гульд. за право свободно продавать в течение одного только года продукцию своих разработок.

то право принимать серебро по твердой цене было по существу передачей кредиторам в данном месте и на определенный период времени монопольных прав регальной власти. Очевидность этой выгоды обратила на себя внимание самих богатых участников, тех же пяти гарантов, которые сами пожелали сочетать свою деятельность по добыче и производству серебра с займовыми операциями на условиях погашения долга из регальных поборов. В акте Сигизмунда от 29 марта 1488 г. говорится, что эти 5 участников одолжили ему четыре тысячи гульденов, которые будут погашаться «векселем» с их же серебра. Однако при этом оговаривалось, что эти условия погашения будут применяться только после того, как завершится выплата Фуггерам суммы, затраченной на удовлетворение требований венецианских купцов, и до того, как вступят в силу обязательства по следующему займу у Фуггеров [131].

Однако сделки Фуггеров с Габсбургами на тирольское серебро были далеки от завершения. Они еще только начинались. Курс Фуггеров на проникновение в тирольскую горную промышленность путем приобретения прав на регальные доходы проводился ими энергично и последовательно и получил свою завершенную форму в крупном займе в июне 1488 г., после чего займы следовали один за другим на протяжении ряда лет.

«Поскольку мы в условиях войны попали в большой долг», говорится в договоре от 9 июня 1488 г. о заключении герцогом Сигизмундом у Фуггеров большого займа, то Фуггеры обязались ссужать герцогу по 5000 гульденов в месяц и таким образом ко дню св. Мартина образуется долг в 30 000 гульденов. После этого Фуггеры в течение одного года будут покрывать расходы герцога и давать ему наличными деньгами всего по 10 000 гульденов в месяц, т. е. 120 000 гульденов в год. Вместе с предыдущими 30 000 гульд. долг Фуггерам составит, таким образом, 150 000 гульд. Этот большой долг будет погашаться серебром швацких промыслов, которое участники обязаны сдавать в герцогскую казну по твердой цене. В контракте о большом займе оговорено, что погашение его швацким серебром начнется после того, как будут погашены из этого же источника долги по предыдущим займам [132]. Твердая цена на швацкое серебро определяется в восемь гульденов, из которых участникам выдается пять гульденов, а три достаются казне в качестве «векселя». Согласно данному договору долг будет погашаться суммами «векселя», т. е. тремя гульденами с каждой марки серебра. Герцогской казне было бы выгоднее самой получать серебро, уплачивая по пять гульденов, и отдавать Фуггерам в погашение долга по три гульдена с каждой марки. Разница между твердой

[131] M. Jansen. Anfänge der Fugger, Beilage 8, S. 115—116.

[132] Ibid., S. 117. — «...so die verschreybungen vormalen ausgangen der silber halben unsers perckwerks zu Schwatz verschinen sein».

ценой и ценой, за которую серебро продавалось венецианским купцам, шла бы в пользу обладателя регальной власти. Но состояние габсбургской казны (т. е. Сигизмунда, а с 1490 г. Максимилиана, перенявшего вместе с Тиролем все права и обязанности по этому герцогству) было таково, что она не могла уплачивать участникам за серебро при приеме его[133]. Пришлось оговорить в договоре, что швацское серебро должно сдаваться прямо Фуггерам, которые уплачивают участникам по 5 гульденов за марку, оставляя себе в счет долга по три гульдена с марки, т. е. причитающийся с каждой марки «векселъ»[134]. Разница между твердой и купеческой ценами должна доставаться, таким образом, самим Фуггерам. В этой связи надо также подчеркнуть, что Фуггеры много выигрывали от того, что им предоставлялась не вся цена серебра в погашение долга, как по контракту от 7 марта 1488 г., а только «векселъ», т. е. только три гульдена с марки. Благодаря этому погашение охватывало почти в два с половиною раза большее количество серебра с выигрышем во столько же раз больше на разнице между твердой монопольной и продажной купеческой ценой. Сигизмунд чувствовал невыгодное положение, в которое ставит его этот контракт, и оговорил в нем два условия, которые должны смягчить для него суровое положение дел. Во-первых, Фуггеры обязались отпускать из получаемого ими серебра для нужд монетного двора в городе Халль по 200 марок в неделю по твердой же цене т. е. по восемь гульденов за марку, получая для себя от этих поставок из монетной пошлины (Шлегшатца) по 1/4 гульдена (1 орт = 15 крейцерам). Во-вторых, указанные условия погашения применяются только ко второй части займа, т. е. к 120 000 гульденов, которые образуются из ежемесячных ссуд Фуггеров по 10 000 гульденов в течение года. Что же касается первой части большого займа, т. е. первых 30 000 гульд., то их погашение начнется только после погашения из «векселя» тех 120 000 гульденов и будет производиться поставками серебра из герцогской казны по той же твердой цене по 200 марок в неделю. Герцог рассчитывал, что к тому времени он сможет оплачивать сам долю участников и

[133] M. Jansen. Jakob Fugger der Reiche, S. 15—16. О финансовой зависимости тирольского герцога от Фуггеров можно судить по тому, что оговоренные в рассматриваемом контракте ссуды по 10 000 гульд. в месяц составлялись не только из наличных денег и не только из квитанций об уплате другим кредиторам, но также из покрытия расходов на герцогскую кухню, за купленное вино, из уплаты портному и т. п. (см. M. Jansen. Anfänge der Fugger, Beilage 9: Aus den Tiroler Raitbüchern zur Geschichte der Fugger. 1489. Innemen. S. 137—138 ff).

[134] Ibid., Beilage 8, S. 117—118. — «...das inen alle und yegliche silber alsdann, so in demselben unserm perckwerck gemacht, dasselb jar aus und aus geraicht und geantwurt werden sollen, ye ain mark silber Swatzer prant für 8 gulding rein zu raiten, davon sy allweg den smeltzern, so die silber machen lassen, von yeder mark hinausgeben sollen 5 gulden und die übrigen 3 guldin rein, ynnbehalten zu den summen gelts, so sy uns also darleyhen werden...»

отдавать Фуггерам все серебро, а не только «вексель» с него в погашение этой части займа. Будущее показало иллюзорность этих надежд. На швацское серебро заключались все новые и новые займы у Фуггеров на условиях, выгодных для последних.

Взяв курс на подчинение себе серебряных разработок Тироля, опираясь на регальные прерогативы герцога, Фуггеры старались закрепить за собою в этом деле монопольное положение — не допускать сюда конкурентов и вытеснить тех, у которых герцог еще раньше, чем у Фуггеров, брал займы под швацское серебро. Последняя фраза рассматриваемого контракта от 9 июня 1488 г. гласит: «В течение указанного времени никому не могут быть даны какие-либо обязательства на серебро» [135].

В документе от 28 августа 1488 г. герцог указывает, каким образом должны быть урегулированы отношения Фуггеров с Баумгартнерами, которым еще до Фуггеров даны были обязательства на швацское серебро за предоставленный ими заем герцогу. Согласно этим обязательствам Баумгартнерам должно было выдаваться с галльского монетного двора двести марок серебра в неделю. Для того же, чтобы этими обязательствами не был нанесен ущерб интересам Фуггеров, обусловленным контрактом от 9 июня 1488 г., устанавливается, что все серебро, поступающее на галльский монетный двор, так же как и серебро, обусловленное контрактом с Фуггерами от 9 июня, должно передаваться Фуггерам с тем, однако, чтобы до погашения герцогского долга Баумгартнерам Фуггеры выдавали им по 200 марок серебра в неделю из расчета 8 гульденов за марку. В возмещение за эти выдачи Баумгартнерам Фуггерам предоставляется брать серебро из герцогской плавильни в Инсбруке, уплачивая казне по пять гульденов за марку. Три гульдена с каждой марки, составляющие «вексель», Фуггеры оставляют себе в погашение своего займа. И так впредь до погашения всего герцогского долга Баумгартнерам. То же, что будет оставаться от инсбрукского серебра сверх 200 марок в неделю, Фуггеры «любезно» (uns zu gevallen) согласились передавать монетному двору для чекана, получая с каждой марки четверть гульдена от Шлегшаца [136].

Таким образом, все серебро Швацского района, находящееся в распоряжении герцога в силу его регальных прерогатив, переходит фактически в руки Фуггеров. Сами регальные права — право покупки серебра по твердой цене, десятина, «вексель», монетная пошлина — все это стало орудием фуггеровской монополии. Никому не могут быть даны обязательства на швацское серебро, а претензии тех, кому такие обязательства даны были раньше, должны до окончания их срока удовлетворяться только через Фуггеров с тем, чтобы больше не возобновляться.

[135] Ibid., S. 118.—«Während der genanten zeit soll niemand auf silber gewiesen werden».

[136] Ibid., S. 119—120.

В результате Баумгартнеры были вытеснены Фуггерами из области сделок по серебру; они вынуждены были ограничиваться сделками по меди [137].

Об отношении Фуггеров к шваицским участникам после заключения контракта о большом займе дает представление приказ герцога шваицкому богатому участнику — Христиану Тэнтцлю 13 декабря 1488 г. Тэнтцлю предписывается передать Якову Фуггеру 700 марок серебра, «которое ты произведешь», чем будет положено начало выплате большого займа после того, как предыдущие займы будут уже погашены. За каждую марку Фуггер заплатит пять гульденов. «Те же три гульдена (с марки), которые полагаются нам в качестве векселя сверх тех пяти гульденов и которые составят всего 2100 гульд., останутся в счет уплаты нашего долга ему» [138]. Дальше говорится о том, что после представления им, Тэнтцлем, фуггеровской квитанции эти 700 марок будут считаться сданными; они будут вычтены с его счета. Перед участниками Фуггеры заняли, таким образом, место самой регальной власти.

В том, что фуггеровская монополия охватывала всю продукцию серебра шваицкого, т. е. богатейшего горного района Тироля, нетрудно убедиться из сопоставления общего количества серебра, требовавшегося по контракту на погашение в течение одного года второй части большого займа 1488 г., т. е. 120 000 гульд. с данными о продукции серебра в Шваицком районе в этом и в ближайшие следующие годы. Для погашения долга в 120 000 гульд. из «векселя», составлявшего 3 гульд. на каждую марку серебра, требовалось 40 000 марок. Но Фуггеры обязались поставлять из этого количества на галльский монетный двор по 200 марок в неделю, или 10 400 марок в год. Поскольку же герцогская казна не была в состоянии оплачивать эти поставки наличными, то для погашения всего долга в предусмотренный контрактом срок необходимо было возместить Фуггерам это количество серебра (10 400 марок) из тех же источников, т. е. из шваицкой продукции. Требовалось, таким образом, 50 400 марок в платежный год. Годовая продукция серебра составляла в 1488 г. 41 589 марок 14 лот, в 1489 г.— 38 087 марок 15 лот, а в 1490 г. —41 565 марок 15 лот [139].

Следовательно, всей продукции шваицкого серебра за один год не хватало для того, чтобы оплатить вторую часть большого займа в обусловленный контрактом платежный год. Кроме того, по истечении этого платежного года должно было начаться погашение первой части займа, т. е. первых 30 000 гульд. Долг по

[137] M. Jansen. Jakob Fugger der Reiche, S. 13—14.

[138] M. Jansen. Anfänge der Fugger, Beilage 8, S. 121.— «...und die drey gulden, so uns also des wexls derselben silber halben über die 5 gulden zusten zu beleiben, zu betzälung 2100 gulden rein, die er uns dargelichen hat».

[139] St. Worms. Op. cit., Urkunden, Produktionsstatistik, S. 173.

всему большому займу 1488 г. не был еще выплачен, когда в 1489 г. стали заключаться новые займы на условиях оплаты шванским и примиэрским серебром по твердой цене [140].

Обязательства, данные Сигизмундом Фуггерам по займам 1489 г., весьма характерны. Занимая у Фуггеров 12 000 гульд. в связи с военными событиями, герцог подтверждает свою прежнюю задолженность — 30 000 гульд. первой части займа 1488 г. и все, что осталось непогашенным от второй части [141]. Кроме того, Фуггеры уплачивают долг тирольского герцога герцогу Георгу баварскому — 25 000 гульд. При этом указаны следующие условия погашения: по 12 000 гульд. и долгам, перешедшим от 1488 г., Фуггеры будут в течение года от Рождества 1489 г. до конца 1490 г. получать по 50 марок серебра в неделю; всего за год получается 2600 марок, что из расчета 8 гульд. за одну марку составляет 20 800 гульд., а затем с начала 1491 г. по 100 марок в неделю до полного погашения этой части долга. Все эти поставки серебра идут из монетного двора города Халль. Что касается 25 000 гульд., которые выданы баварскому герцогу, то для их уплаты предназначается 500 марок из примиэрского серебра, оцениваемого в 8 гульд. 18 крейцеров за марку; всего из примиэрского серебра — 4150 гульд. и 1000 марок из инсбрукской плавильни из расчета 8 гульд. за марку, т. е. 8000 гульд., а вместе с примиэрским серебром 12 150 гульд., т. е. немногим меньше половины выданной баварскому герцогу суммы. Другую половину долга Фуггеры будут получать серебром из инсбрукской плавильни по 50 марок в неделю до полного погашения долга. Кроме того, Фуггерам даются обязательства продавать им из остального серебра по 200 марок в неделю по цене 8 гульд. за марку. И только то серебро, которое выйдет из плавильни сверх этого, — будет поступать на монетный двор города Халля. Дальше говорится о том, что Фуггеры вправе поступать с серебром, которое они получают в уплату за долги или в результате своих еженедельных покупок, по своему желанию: они могут его вывозить сразу или постепенно или же сдавать его в

---

[140] По вычислению Янзена (M. Jansen. Jakob Fugger der Reiche, S. 16—17) от первых 40 000 марок серебра, полученных от шванских участников в погашение второй части большого займа, Фуггеры заработали 40% (55 000 гульд.). Необходимо отметить, что согласно одному архивному документу, дословно опубликованному Вольфскроном (M. Wolfskron. Op. cit., S. 32 - 33; ссылка на Шатцархив, № 7212), взяв фактически у Фуггеров 150 000 гульд. по займу 1488 г., герцог Сигизмунд записал в своем обязательстве 200 000 гульд. Документ начинается так: «Ain reuers ains silberkhauffs von der Fugger gesellschaft in Augspurg (die leibt erzherzog Sigmung 6 monat jedes 5000 gulden) die selben monat enden sich Martini vnd nachmalen leicht sy im ain ganez jarlang jedes monat 10 000 gulden, facit alles 200 000 gulden»). Вольфскрон характеризует это как «бесстыдное ростовщичество» (unverschämte Bewucherung).

[141] M. Jansen. Anfänge der Fugger, Beilage 8, S. 122.

герцогский чекан, получая с каждой марки четверть гульдена монетной пошлины [142].

Из этого контракта видно, что Фуггеры старались прибрать к рукам серебро не только шваицского района, но и других богатых серебром промыслов Тироля. Они стремились стать хозяевами таких пунктов, как монетный двор города Халля и как герцогская плавильня в Инсбруке, где сосредоточивалось сдаваемое в казну серебро как от десятины, так и от обязательных поставок по твердой цене. Они предпочитали растягивать сроки уплаты займов, ограничиваясь взносами по 50 и по 100 марок в неделю. Этим они в течение более продолжительного времени укреплялись в роли обладателей регальных привилегий и тем временем забирали серебра по твердой цене в качестве покупателей по 200 марок в неделю, зарабатывая в свою пользу разницу между твердой и свободной ценой. Сигизмунд отстоял для монетного двора лишь излишки над всеми видами поставок Фуггерам. Фуггеры выступают как хозяева регалий, от которых Сигизмунд отстаивает для себя кое-какие остатки. Фуггеры имеют право вывозить сколько им угодно серебра, а остальное, если желают, сдавать в чекан по обычному образцу герцогских монет, получая в свою пользу монетную пошлину. Однако не всегда Фуггеры ограничивались монетной пошлиной в четверть гульдена с марки. Они прибегали также к чекану за собственный счет, превращая свое серебро прямо в монеты [143].

Сравнивая контракт от сентября 1489 г. с контрактом 1488 г., мы видим, что по первым контрактам 1488 г. Фуггеры получали серебро непосредственно от участников, оплачивая им по 5 гульд. за марку. По контракту 1489 г. Фуггеры получали серебро из герцогских пунктов. Но и это было серебро участников, сдававшееся на эти пункты. На слитках серебра, которые Фуггеры сдавали в чекан на основании контракта 1489 г. в этом и в следующих годах, имелись клейма известных нам крупных участников, сдававшие их в обязательном порядке на герцогский двор. Это видно из опубликованных Янзеном страниц счетных книг секретаря монетного управления Изерегера. На этих страницах имеются описи слитков, сданных Фуггерами в чекан с отметкой их веса и имени сдавшего их участника [144].

---

[142] M. Jansen. Anfänge der Fugger. Beilage 8, S. 123.

[143] Ibid., Beilage 10, S. 146.

[144] Ibid., S. 147. — «fol. 4. Vermerckt die silber, so die Fugger vermüntzen habend lassen angefangen zu Weichnachten des eingenden 89 jars, wie hernach volgt von Hansen Grünhofer 142 mark 1 lot, vom Hofer — 92 m. 6 l. Anno 89; Anthoni de caballis — 126 m. 12 l., Fueger — 71 m. 12 l. Tenntzl — 100 m. 8 l. Jaufner — 61 m. 14 l. Fueger — 74 m. 10 l. Hofer — 114 m. 12 l. Grünhofer — 91 m. 2 l. fol. II. ...Anthoni vom Ross ain prymerer silber 17 mark 10 l. 2 quent etc. (такими данными заполнены все публикуемые из книг Изерегера страницы).

Как видим, по существу в условиях контракта 1489 г. нет ничего нового. Серебро участников как в виде регальных поборов, так и в виде обязательной продажи по твердой цене (Losung) переходило к Фуггерам. Максимилиан, к которому в 1490 г. перешел Тироль, стремился упрочить позиции регальной власти по отношению к Фуггерам. Определив доставшуюся ему от Сигизмунда задолженность Фуггерам в 45 197 гульд. 5 крейцеров, он округлил ее до 46 000 гульд., но добился от Фуггеров отказа от обусловленных договором 1489 г. еженедельных покупок по твердой цене в 200 марок[145]. Установленный таким путем долг предусмотрено было погасить серебром по 125 марок в неделю из монетного двора города Халля по 8 гульд. за марку.

Максимилиан, таким образом, рассчитывал, что за сорок шесть недель, т. е. меньше, чем за год, он выплатит Фуггерам весь долг и наконец сам станет хозяином своих регальных прав и доходов. Однако в марте 1491 г. Максимилиан оказался вынужденным заключить с Фуггерами новый контракт о новом займе, всего в 120 000 гульд. на условиях, еще более тяжелых, чем большой заем Сигизмунда в июне 1488 г. В обеспечение этого займа Фуггерам предоставляется забирать «все и всякое» серебро, которое будет поступать в герцогскую казну в счет «векселя» и обязательных продаж (Losung) за исключением того серебра, которое записано другому кредитору Габсбургов — Меммингенской компании Фехлина. После погашения задолженности Максимилиана этой Меммингенской компании — все серебро без исключения будет отдаваться Фуггерам. После истечения условленного времени должен быть произведен расчет с Фуггеровской компанией, после которого оставшаяся задолженность будет погашаться 200 марками серебра в неделю, кроме того, Фуггеры будут получать 100 марок серебра в неделю за 800 гульд. наличными до полной ликвидации долга. Фуггеры берут на себя обязательство сдавать на монетный двор Халля для чекана в течение ближайшего года по 100 марок серебра в неделю, а в следующем году 10 000 марок или больше, если пожелают, чтобы получать в свою пользу монетную пошлину.

В этом контракте еще больше, чем в предыдущих, Фуггерам удалось отстоять свой принцип наибольшего растягивания времени погашения займов, втягивания в процесс погашения возможно большего количества серебра с выигрышем на разнице в цене. До указанного расчета Фуггеры уплачивают по пять гульденов герцогским закупщикам, которые передают их участникам, удерживая в счет погашения 3 гульд. с марки[146]. После

---

[145] Ibid., Beilage 8, S. 124.

[146] Ibid., S. 125.— «Doch so sollen sy albeg gen yeder mark zu betzaluug der smeltzer, so die silber antwurten, fünf guldin reinisch betzalen und die drey guldin als den wexl von der mark inbehalden».

расчета Фуггеры ничего не платят за получаемые ими 200 марок в неделю, которые все идут в счет долга. Однако в тексте контракта срок расчета не указан, очевидно, вследствие незаинтересованности Фуггеров в его фиксации. Кроме того, они добились до покрытия всего долга покупать по твердой цене еще по 100 марок в неделю. Важным результатом этого контракта от марта 1491 г. было то, что вся работа монетного двора Халля зависела уже от снабжения его Фуггерами, от их периодических сдач серебра в чекан. Все монетное дело проходило уже через их руки; к ним же переходила и монетная пошлина.

Господствующее положение Фуггеров в горном деле Тироля и подчинение им регальных функций и доходов закреплялись по мере того, как надежда на скорую ликвидацию задолженности им со стороны Габсбургских герцогов становилась все более иллюзорной. В самом контракте от марта 1491 г. констатируется, что к моменту заключения данной сделки на 120 000 гульд. вся оставшаяся невыплаченной предыдущая задолженность сведена к сумме 60 000 гульд., которую Фуггеры «любезно» согласились пока законсервировать и дать Максимилиану сверх того 120 000 гульд., о которых идет речь в данном документе. Но займы, заключавшиеся у Фуггеров и обеспечивавшиеся тирольским серебром, следовали один за другим, причем условия займов становились для Фуггеров все более благоприятными. На основе тирольского серебра, а затем и меди Фуггеры сделались не просто банкирами Габсбургов, но определили им ежемесячную ренту на текущие расходы. В 1492 г. эта ежемесячная рента была установлена в размере 6660 гульд. Кроме того, периодически заключались займы сверх этой ренты, погашение которых обусловливалось тем же источником. Платежи по рентам и по периодическим займам переплетались и наслаивались друг на друга. Габсбурги добивались консервации займов, т. е. прекращения на определенное время платежей по ним, но в этих случаях Фуггеры добивались более выгодных для них условий погашения регулярных ежемесячных рент.

По контрактам 19 декабря 1492 г. и 21 июня 1493 г. на погашение ежемесячной ренты в 6660 гульд. предназначается все серебро, поступающее на халльский монетный двор. Принимая это серебро из расчета 8 гульд. 15 крейц. за марку, Фуггеры уплачивали участникам не 5 гульд., а 6 гульд. 20 крейц. в связи с тем, что в том же 1492 г. римский король задолжал швацким предпринимателям большую сумму (156 800 гульд.), о чем речь будет ниже, и выплачивал им вычетами по одному дукату (т. е. 1 гульд. 20 крейц.) из «векселя» каждой марки. Ниже мы увидим, какую роль в этой сделке короля с предпринимателями играли Фуггеры. Как отмечает Янзен, Фуггеры выиграли тем, что в погашение ренты шла не вся сумма «векселя», т. е. не три гульдена с каждой марки, а всего 1 гульден 55 крейц. (1 гульд.

40 крейц. с векселя + 15 крейц. с основной цены в 8 гульд. 15 крейц.) Процесс погашения постоянной ежемесячной ренты еще больше растягивался во времени и, таким образом, Фуггерам доставалось значительно большее количество серебра по твердой цене[147]. Если по первому из указанных контрактов Фуггеры обязались половину количества полученного серебра сдавать в чекан, то в результате предоставленных Максимилиану тем временем двух займов всего в сумме 10 000 гульд. и заключенного дополнительного контракта количество обязательной для сдачи серебра снижено было до одной четверти[148]. Остальные три четверти всего поступавшего на монетный двор серебра Фуггеры могли вывозить куда угодно.

После предоставления Фуггерами Максимилиану в августе 1493 г. еще займа в 10 000 гульд., который также был временно законсервирован, Фуггерам предоставлено было право получать 100 марок серебра в неделю по 8 гульд. вместо 8 гульд. 15 крейц., являвшихся тогда твердой ценой серебра[149].

Контракт от 31 мая 1494 г. дал Фуггерам дополнительные выгоды и еще больше расширил их монопольное положение в горном деле Тироля. По этому контракту Фуггеры предоставили Максимилиану заем в 40 000 гульд. и дали заверение в регулярной выдаче первого числа каждого месяца 6660 гульд. В обеспечение займа и ренты кредиторам отдается не только все серебро, поступающее на герцогскую плавильню в Инсбруке, и не только вся продукция серебра со швацских серебряных разработок, но и медь. При этом делается оговорка, что обязательство в отношении меди начнет применяться после того, как будет выплачен долг фирме Баумгартнеров, гарантированный тирольской медью. Твердая цена на серебро швацской пробы ($14^1/_2$ лота чистого серебра на марку в 16 лот), определяемая в предыдущем и в данном контрактах в 8 гульд. 15 крейц. за марку, снижается для Фуггеров на 5 крейцеров. Цена меди определена в 5 гульд. за центнер. Как и в предыдущем контракте, здесь также содержится обязательство Фуггеров сдавать монетному двору в чекан не меньше четверти полученного серебра, но за 8 гульд. 15 крейц. По той же причине, что и раньше, т. е. по причине задолженности участникам швацских серебряных разработок со стороны Максимилиана, Фуггеры платили участникам за каждую марку 6 гульд. 20 крейц. В уплату ежемесячной ренты от «векселя» каждой марки оставалось только 1 гульд. 50 крейц. Погашение ренты охватывало большее количество серебра. В контракте указано, что после выплаты долга участникам им опять будет уплачиваться прежняя норма, а уплачивавшееся сверх того 1 гульд. 20 крейц. пойдут теперь на погашение займа в

[147] M. Jansen. Jakob Fugger der Reiche, S. 22—23.
[148] M. Jansen. Anfänge der Fugger, Beilage 8, S. 131.
[149] Ibid., S. 130—131.

40 000 гульд. На погашение регулярной ренты по-прежнему пойдет только 1 гульд. 50 крейц., т. е. то, чего Фуггеры добивались [150].

Во всех рассмотренных сделках Фуггеры приобретали для себя права и доходы регальной власти. Стремясь сделать регальные доходы постоянным источником богатства для себя и добиваясь их укрепления, Фуггеры, как и сама регальная власть, противостояли участникам-предпринимателям, которые справедливо видели в них силу, ограничивающую их деятельность и тормозящую их развитие. О том, как деятельность предпринимателей ограничивалась габсбургско-фуггеровскими сделками, можно видеть также по той сделке, в результате которой швацкие участники сделались на некоторое время кредиторами Максимилиана, о чем речь шла выше при разборе контрактов 1493 и 1494 гг.

Суть этого дела заключалась в следующем. Другая торговая компания — фирма Баумгартнеров, которая, будучи вытеснена Фуггерами из сферы тирольского серебра, стремилась овладеть сферой меди, заключила в 1492 г. контракт со швацкими участниками-предпринимателями о продаже ей 30 000 ц меди по цене $4^3/_4$ гульд. за центнер. Но в то же время римскому королю срочно понадобилось 24 000 ц меди для венецианских купцов. Фирма Баумгартнеров переуступила королю закупленную у швацких участников медь по цене 6 гульд. 32 крейц. за центнер. При этом договорено, что Максимилиан возьмет на себя уплату участникам за медь — вместо Баумгартнеров — всего 142 500 гульд. Максимилиан не заплатил участникам наличными, а перевел этот долг на серебро, обязавшись уплачивать за серебро не 5 гульд. за марку, а 6 гульд. 20 крейц. с тем, чтобы 1 гульд. 20 крейц. с каждой марки шел на погашение королевского долга участникам. Но серебро, как известно, на основании контрактов поступало тогда Фуггерам. Они же вместо короля уплачивали за него участникам, оставляя себе в погашение ежемесячной ренты только часть «векселя», так как другая часть этого регального побора шла на погашение королевского долга участникам. Янзен, рассматривающий эти сделки короля с Баумгартнерами и швацкими предпринимателями, указывает на те выгоды, которые Фуггеры, не без советов которых эти сделки совершались, извлекали из них для себя [151]. Помимо того, что этим достигалась их постоянная цель — значительное уменьшение суммы погашения их кредита королю с каждой марки серебра и

---

[150] Ibid., S. 132.— «Und so der smeltzer von Swatz bezalung aus ist, so sol alsdann den Fugkern oder iren erben von dem wechsel unser silber von Swatz 1 fl. rein. und 20 kr. haymgeen und aufgehebt werden untz sy irs dargelihen gelts der 40 000 fl. rein bezalt sein und der überschuss wechsel geen zu betzalung des monatsgelds für und für, wie vorgemelt ist»

[151] M. Jansen. Jakob Fugger der Reiche, S. 22.

подчинение им все большего количества марок, Фуггеры устранили возможную угрозу сокращения производства серебра. Дело в том, что в условиях регально-фуггеровской монополии у участников пропадал стимул к производству серебра. Им представлялось более выгодным производство меди, которой они, как правило, распоряжались более свободно, если не следовало особое требование со стороны регальной власти. Существовала опасность, что участники будут пренебрегать производством серебра или не будут заинтересованы в выделении серебра из меди. Указанной сделкой эта опасность устранялась, так как участники, получавшие по одному дукату с каждой марки серебра в счет погашения королевского долга по меди, не могли уже пренебрегать производством серебра.

Все это показывает направленность деятельности монополистических компаний, особенно их связи с регальными привилегиями, против интересов капиталистических предпринимателей. Мы видели, как в области производства меди, в которой регальный режим и регальные привилегии применялись раньше в значительно более слабой степени, чем в области серебра, деятельность фирмы Баумгартнеров вела к применению и здесь регальной монополии. С помощью власти короля участники должны были сдавать медь по значительно более низким ценам. Вся выгода высоких цен на медь в Венеции доставалась Баумгартнерам и королю. Но и по этим низким ценам медь оплачивалась участникам через Фуггеров, прибавлявшим им один дукат на каждую марку серебра. Фуггерам, стоявшим за всей этой сделкой, были выгодны как эта длительная рассрочка оплаты участникам-поставщикам меди, так и навязанная ими система оплаты меди начислениями на серебро, система, которая ограничивала предпринимателей, заставляя их действовать не в своих интересах, а в интересах серебряных монополистов.

Но интерес Фуггеров к сделкам Максимилиана с венецианскими купцами и с Баумгартнерами, предметом которых была тирольская медь, не ограничивался укреплением своей монополии на тирольское серебро. Возросший спрос на медь в связи с ее применением в производстве пушек и гранат побудил Фуггеров добиваться распространения их монополии и на медь. Сама эта цель и меры, намеченные для ее реализации, направлены были не только против Баумгартнеров и других компаний, которые должны были быть вытеснены, но и прежде всего против капиталистических участников. В планах Фуггеров речь шла о том, чтобы подчинить своей фирме тирольскую медь, поставив под свой контроль ее связь с венецианским рынком, парализовать всякую самостоятельную деятельность других компаний и капиталистических участников-предпринимателей.

Энергично развернувшаяся в этом направлении деятельность Фуггеров выразилась в приобретении медных разработок в вен-

геров — Госсемброты, Герварты и Баумгартнеры — стремились к объединенному с Фуггерами сбыту меди на венецианском рынке. Этим они надеялись предотвратить использование Фуггерами венгерской меди для нажима на своих конкурентов в Тироле и в конце концов для вытеснения этих конкурентов. По условиям синдикального договора, подписанного Яковом Фуггером 12 марта 1498 г., никто из участников синдиката не мог продавать меди ни в Венеции, ни в Боцене, иначе как через синдикат. Для каждого участника синдиката указано было определенное количество меди для венецианского рынка. Предусмотрена была умеренная цена и определенное качество металла. Фуггеры обязались продавать через синдикат также установленное договором количество своей венгерской меди на общих с тирольской медью условиях[157]. Этот договор, который по планам указанных трех компаний должен был связать Фуггеров, был, как показывает Пельниц, заключен при содействии Максимилиана, который надеялся использовать напряженные отношения между Фуггерами и их конкурентами для восстановления своего положения хозяина и регального господина горных богатств Гироля. При всей своей финансовой зависимости от Фуггеров Максимилиан рассчитывал оказать в свою очередь нажим на них, используя нужду этой фирмы в его политической поддержке в разных областях ее многообразной деятельности. Но Пельниц же показал, что Фуггеры не особенно сопротивлялись образованию синдиката, что у руководителя их фирмы были свои планы его использования. Поскольку Якову Фуггеру — как лучшему знатоку венецианского рынка — поручено было ведение дел синдиката, то судьба венецианской торговли его соперников была в его руках. Главное заключалось в том, что доверенный синдиката в Венеции Ганс Колер был в то же время уполномоченным венгерской фирмы Турцо (т. е. фактически Фуггеров — Турцо) по продаже в Венеции венгерской меди. Если Фуггеры могли продавать венгерскую медь только через синдикат, то они, формально не нарушая договора, продавали венгерскую медь в Венеции по бросовым ценам. Они делали это под маркой Турцо, которые не были участниками синдикального договора. Дела синдиката были таким образом подорваны.

Осенью 1499 г. он был ликвидирован[158]. Фуггеры одолели враждебные им планы соперничавших с ними компаний, которые те пытались проводить при поддержке Максимилиана. Максимилиан не мог тогда продолжать свое противодействие планам Фуггеров, особенно после того, как выяснилась полная неудача проекта общеимперского налога, на который он рассчитывал

[157] G. P ö l n i t z. Jakob Fugger, S. 97—99.
[158] Ibid., S. 101, 105, 107.

как на гарантию своей финансовой самостоятельности и освобождения от обязательств по отношению к Фуггерам.

С другими препятствиями, стоявшими на пути укрепления фуггеровской монополии на тирольское серебро, а в дальнейшем и на тирольскую медь, дело двигалось не столь успешно. Ниже мы увидим, как долго и энергично тирольские сословия и финансовое ведомство этой земли продолжали выступать против подчинения Тироля монополистическим компаниям, подрывающим его богатство и основы его благосостояния. Большие трудности возникали для Фуггеров из энергичного сопротивления их планам со стороны капиталистических участников-предпринимателей, которые не могли мириться с привилегированным положением Фуггеров, с занятыми ими при поддержке габсбургской политики позициями, облегчающими нажим на производителей меди на разработках и в плавильнях Тироля. Весьма показательна в этой связи судьба проектировавшегося 3 апреля 1498 г. к заключению соглашения Фуггеров с Максимилианом о том, что Максимилиан, используя свое влияние, добьется вечного права Фуггеровской фирмы на покупку у швацких участников-предпринимателей их медной продукции. При этом должно было быть оговорено освобождение венгерской меди в Тироле от всяких регальных поборов и право ее беспошлинного провоза по Дунаю через Австрию. Предусматривалось, что компенсацией для короны будет право короля участвовать в прибылях. В отношении реализации этого проекта возникли, однако, непреодолимые препятствия со стороны швацких участников, которые «знать не хотели» о каких-либо подобных обязательствах «на вечные времена» и, кроме того, требовали устранения фуггеровской плавильни в Фуггерау. Фуггеры же заявили, что на это последнее требование участников они не пойдут «ни при каких обстоятельствах» [159].

Опираясь на свое господствующее в то время положение на венецианском рынке и на, хотя и вынужденную, поддержку короля, Фуггеры, продолжая свой нажим на швацких участников, добились заключения с последними выгодного для Фуггеров контракта от 16 марта 1499 г. По этому контракту, заключенному с Фюгером, с Тэнтцлями, с Баумгартнерами, с наследниками Хофера и Штекля, с Кауфманом, с Андорфером, с наследниками Хартмана, с Клаусом Шлоссером, с Зигвейнами, эти и некоторые другие крупные швацкие участники обязались поставлять Фуггерам медь с их разработок по цене $4^3/_4$ гульд. за ц. Для каждого участника указано было определенное количество меди, которое он обязан поставить Фуггерам до Рождества 1499 г. за свой счет, — всего от всех участников контракта 15 тыс. ц венского веса. Указаны три срока оплаты этой меди

[159] G. Pölnitz. Jakob Fugger, S. 79.

до 23 апреля 1500 г. Дальше предусматривается, что в течение трех лет (1500—1502) эти же участники будут поставлять Фуггерам по той же цене 36 тыс. ц — по 12 тыс. ц в год. Оплата этой меди будет производиться из «векселя» на серебро этих же участников, которое доставляется Фуггерам в силу их контрактов с Максимилианом — с «векселя» каждой марки серебра по 80 крейц. (т. е. 1 гульд. 20 крейц.).

Выгодность для Фуггеров такой системы оплаты, которая связывала серебро и медь, уже была показана. Однако главная цель Фуггеров в этом контракте заключалась в том, что им закладывалась основа их монополии на тирольскую медь. Среднегодовая продукция меди с крупнейших разработок шваицкого района с Фалькенштейна в последнее десятилетие XV в. составляла, за вычетом регальной десятины, 14 923 ц[160]. После обусловленных контрактом поставок Фуггерам в 1499 г. — 15 тыс. ц, а в следующие три года — 12 тыс. ц, от фалькенштейнских разработок мало что оставалось. Но в контракте оговорено, что излишек продукции меди сверх обусловленных поставок названные участники вправе свободно продавать только в немецких землях, но ни при каких обстоятельствах не вывозить медь в Боцен или в Велшские земли. С нарушителей этого обязательства взимается в пользу Фуггеров штраф в размере 10 дукатов с мейлера, т. е. 1 дукат (1 гульд. 20 крейц.) с каждого незаконно проданного центнера[161].

В тот же день 16 марта этот контракт между Фуггерами и шваицкими участниками был подтвержден указом Максимилиана. В особо категорической форме подтверждается Максимилианом запрещение всем другим вывозить медь в Боцен, в Венецию и вообще в Италию во все время действия указанного контракта. Интересным в этом акте императорского подтверждения является кассирование контракта от 3 апреля 1498 г., который, таким образом, остался проектом.

Причина кассирования соглашения 1498 г. может быть установлена путем сопоставления его содержания с текстом подписанного и утвержденного контракта от 16 марта 1499 г. Основное отличие утвержденного текста 1499 г. от проектировавшегося варианта предшествовавшего года заключается в том, что в окончательном варианте отсутствует пункт о сохранении «на вечные времена» исключительного права Фуггеров на покупку шваицкой меди. Запрещение шваицким меднопромышленникам самим вывозить свою медь на итальянские рынки предусмотрено здесь на время действия контракта, т. е. почти на 4 года[162]. Это

[160] M. Gaudententhurm. Op cit., S. 422. Таблица продукции серебра и меди на Фалькенштейне.

[161] M. Jansen. Jakob Fugger der Reiche, Urkunden, S. 357.

[162] Ibid., Urkunden, S. 359.— «Darzu so sagen wir inen weiter zu, daz wir sy mit iren kupfern auf der Thonaw durch unser land... geend... Darzu auch

изменение могло быть вызвано также тем, что Фуггерам, добивавшимся нераздельного распоряжения всей швацской продукцией серебра и меди, не нравился пункт об участии короны в прибылях. Вряд ли, однако, можно себе представить, чтобы Максимилиан, особенно после краха общеимперского налога и усиления его финансовой зависимости от аугсбургской фирмы, сам мог так энергично настаивать на своем требовании участия в прибылях. Решающее значение для судьбы проекта 1498 г., а также для отрицательной позиции к нему короля было несомненно энергичное сопротивление швацских меднопромышленников, которые «знать не хотели» о предоставлении Фуггерам «вечных прав» на их медь, их угроза в случае включения этого пункта потребовать устранения каринтийской фуггеровской плавильни в Фуггерау.

Фуггеры должны были ограничиться более медленными темпами движения, но не отказались от самой своей цели — использовать венгерскую медь и свои новые зейгерно-плавильные предприятия для полного подчинения тирольской меди. О выгодном для них ходе дела говорит то, что в утвержденный королем текст их контракта со швацскими меднопромышленниками включены были все требовавшиеся ими привилегии, включая беспошлинный провоз по Дунаю венгерской меди и запрещение швацским участникам вывозить медь на итальянские рынки.

Швацские участники имели все основания считать, что привилегии, данные в это время Фуггерам регальной властью, идут за их счет, за счет их отстранения от выгодных условий рынка. Конфликты на этой почве между меднопромышленниками и Фуггерами происходили в течение весны и лета 1499 г. 7 ноября этого года Максимилиану пришлось уже выступить в роли арбитра в конфликтах Фуггеров с участниками. Из решения императора по этим конфликтам видно, что претензии заявлялись обеими сторонами. Участники жаловались на то, что Фуггеры принимают медь не на швацких весах, а только на весах инсбрукской плавильни или монетного двора в Халле, т. е. на тех же весах, на которых принимается регальная десятина и прочие поставки металла регальной администрации. Фуггеры заявляли две жалобы: во-первых, бриксенский епископ Мельхиор, инсбрукский маршал Пауль фон Лихтенштейн, пробсты монастыря «Божьей матери» и наследники Баумгартнеров в нарушение контракта, заключенного с меднопромышленниками, продают на сторону медь, которая к ним попадает [163]. Смысл этой жалобы в том, что

---

darvor sein, daz kein Tawfrer kupfer gen Botzen, Venedig noch sunst in Italien gefürt werd die zeit des vertrags aus und sy in solhem irm handl der kupfer, auch ires huttwerchs in Kerndten gnediglichen bevolhen haben, alles getrewlich und angeverd».

[163] Ibid., Urkunden, S. 363.— «...von dem ärtzt, so in gevelt, yeder derselben etlich kupfer wider gemelten vertrag verkauft sollen haben...».

названные привилегированные лица скупают, как нам уже известно, медь у разных участников и продают ее, что, таким образом, участники через указанных лиц нарушают фуггеровские привилегии, предусмотренные в ими же заключенном контракте. Вторая жалоба Фуггеров указывала на то, что доставленное им некоторое количество меди не отвечает купеческим нормам (als das nit kauffmansgut).

Указав свое компромиссное решение вопроса о весах, Максимилиан дифференцированно подходит к вопросу о продаже меди на сторону в нарушение контракта. Он дает отдельное решение в отношении каждой из указанных в фуггеровской жалобе категорий. Епископ Бриксенский и императорские советники не участвовали в заключении контракта от 16 марта, за них не было дано обязательство и со стороны участников, и поэтому они не обязаны следовать установленному в нем порядку продажи меди. Баумгартнеры же обязаны подчиняться условиям контракта; поэтому пусть Фуггеры следят за нарушением контракта и взимают с нарушителей предусмотренный штраф. Что касается пробстов Шваицкого монастыря, то Фуггеры имеют основание требовать, чтобы монастырь продавал медь Фуггерам, но по наивысшей цене, за которую ее возможно продавать другим. Если же Фуггеров эти условия не устраивают, то означенные представители монастыря вольны поступать со своей медью по своему желанию, учитывая, что количество ее не велико и что выручка за нее идет на благочестивые цели. Однако присяжные должностные лица монастырских разработок, подчеркивается в решении императора, обязаны следить за тем, чтобы к меди монастырских разработок не примешивалась никакая чужая медь [164].

Из этого решения можно видеть, с какой энергией Фуггеры добивались эффективности своего монопольного положения в отношении тирольской меди. Они хотели распространить на всех обладателей меди те обязательства, которые вытекают из контракта, заключенного с основной группой меднопромышленников. По существу Фуггеры добивались, чтобы их исключительное право на приобретение и торговлю тирольской медью считалось королевской привилегией, а не предметом того или иного контракта. Король же, наоборот, подчеркивает, что указанное исключительное право связано с заключенным контрактом и ограничено сроком этого контракта и теми лицами, которые его заключили.

В рассматриваемом документе обращает на себя внимание то, что формулировка решения в отношении Баумгартнеров отличается от изложения этого дела в жалобе Фуггеров. Фуггеры заявляли, что наследники Баумгартнеров из Аугсбурга продают медь в нарушение контракта, не уточняя, каким путем медь попа-

[164] M. Jansen. Jakob Fugger der Reiche, S. 363—364.

ла в руки Баумгартнеров, каково ее происхождение. В королевском же решении говорится, что речь идет «о меди, *которая была продана Баумгартнерам в нарушение контракта*», что Фуггерам предоставляется привлекать к судебной ответственности и штрафам тех, которые это делали, т. е. участников, на которых распространяются обязательства по контракту от 16 марта [165]. Максимилиан, таким образом, счел необходимым подчеркнуть, что претензии Фуггеров направлены против участников. Этим поощрялось возмущение со стороны меднопромышленников, которых фуггеровская монополия полностью связывала и лишала перспектив развития, в первую очередь перспектив использования выгодной рыночной ситуации.

Вскоре после контракта от 16 марта 1499 г. Фуггеры обязались перед Турцо, что произведенная ими по этому контракту и утвержденная императором сделка на тирольскую медь, для реализации которой их собственные финансовые возможности в данное время недостаточны, будет рассматриваться как общее дело обеих фирм — Фуггеров и Турцо — на равных началах. Вся швацкая медь будет вместе с венгерской плавиться на фуггеровской плавильне у Филлаха (в Каринтии) или в другом месте, затем отправляться в Венецию [166]. Другими словами: тирольская медь рассматривалась фуггеровско-турцовской компанией как объединенная с венгерской медью. Самостоятельность тирольских меднопромышленников и их конкурентские возможности были сведены на нет. Все выгоды и перспективы передавались иноземным фирмам.

Первые годы XVI в. проходили под знаком борьбы тирольских меднопромышленников против фуггеровского засилья. Ситуация в эти годы, казалось, благоприятствовала этой борьбе. Максимилиан и его советники, в целях отстаивания своей самостоятельности перед угрозой полного завершения Фуггерами своей монополии в горном деле Тироля и использования ими самого регального режима в этой области, проявляли известное сочувствие этой борьбе против Фуггеров. В 1502 г. предприняты были конкретные действия, направленные к отмене ряда предоставленных раньше Фуггерам таможенных и провозных привилегий. Таможенникам даны были указания о пропуске через границу товаров других лиц, вывозящих металлы, на тех же условиях, что и Фуггеров. Должностным лицам финансового ведомства указано было на необходимость строгого наблюдения за расчетами Фуггеров с предпринимателями и за тем, чтобы Фуггеры своевременно выполняли свои обязательства [167].

---

[165] В данном документе речь идет о Баумгартнерах из Аугсбурга. В контракте же от 16 марта среди медепромышленников фигурируют другие — Баумгартнеры из Куфштейна.

[166] Ibid., Urkunden, 28. April 1499, S. 382—383.

[167] Ibid., Darstellung, S. 94—95.

Но уже к 1506 г. Фуггеры вышли победителями, потому что Максимилиан не мог обходиться без фуггеровских займов, которые с августа 1503 г. возобновились и наслаивались один на другой. Максимилиан, вопреки мнению его советников, последовательно уступал Фуггерам. Правда, орудием Фуггеров была также конкуренция. Своей венгерской медью они снижали на внешних рынках цены на тирольскую медь, границей рентабельности для которой являлась цена в 4 гульдена на центнер, с тем чтобы, завладев ею и действуя тем же орудием, вести цены к высокому уровню [168]. Но это не было свободной конкуренцией, характерной для капиталистических отношений. Без таможенных привилегий она была невозможна. Основой силы Фуггеров, направленной против интересов капиталистических медепромышленников, были и оставались королевские привилегии и подчиненная им политика регальной власти, поощрявшей договоры о запрещении вывоза металлов и продажи его кому-либо другому, помимо Фуггеров.

Весьма характерно, что советники Максимилиана, меньше интересовавшиеся широкими военными планами монарха, требовавшие все новых и новых займов, но зато хорошо знавшие состояние его финансов и значение тирольских горных богатств, были противниками этих договоров и искали путей к их обходу. Новых участников тирольских разработок они освобождали от обязательных поставок серебра на монетный двор, обязав их только уплачивать «вексель» по три гульдена с марки, после чего они свободно распоряжались своим серебром. Против этих действий советников Яков Фуггер заявил 6 февраля 1509 г. энергичный протест Инсбрукскому правительству. Предоставлением свободы вывоза и продажи серебра и меди новым участникам разработок в Инской долине, говорится в обращении Якова Фуггера, «наносится большой ущерб императорскому векселю и нарушаются мои права», предоставленные договором с императором [169]. Речь идет в данном случае не о каких-либо мелких участниках. В этом документе говорится о свободе продажи и вывоза серебра, предоставленной «Штунцу и его соучастникам, вырабатывающим серебро в большом количестве» [170]. Если и в дальнейшем такие нарушения будут допускаться, говорится в заключение, то легко убедиться в том, что «для меня это нетер-

[168] M. Jansen. Jakob Fugger der Reiche, S. 99—100.

[169] Ibid., S. 102—103.— «Dan solichs... den silbern, so in den wächsel und kays. Majestät münz geantwurt sollen werden, grossen abpruch und mynderung würde bringen; auch mir dardurch mein vertrag und verschreibungen, so ich mit röm kays Majestät und euch gemacht, gehindert und nit gehalten... wär auch nit pillich...»

[170] Ibid., S. 103.— «So mueget ir selbs auch woll ermessen, was grossen nachtail und hinderung mir das schmelzwerk und silberfreiung, so dem Stuntzen und sein ferwandten zuogeben, pringt, die den ain grosse summe silber machen».

пимо, а моим договорам и контрактам полностью противоречит»[171].

Для понимания социальной роли Фуггеров в тирольском горном деле важно обратить внимание на то, что глава этой фирмы проявлял заботу о нерушимости регальных доходов и прав в гораздо большей степени, чем советники и должностные лица регального ведомства. Борьба, продолжавшаяся после этого, велась между Фуггерами, которые, опираясь на вынужденные у Максимилиана пошлинные привилегии и монопольное право вывоза тирольской меди, стремились использовать находившуюся в их руках венгерскую медь и утвердившуюся за ним в значительной степени монополию на тирольское серебро для того, чтобы полностью подчинить себе тирольскую медь и ее рынки, и тирольскими горнопромышленниками, для которых осуществление фуггеровских планов означало полное вытеснение и разорение. И здесь весьма характерно различное отношение к этой борьбе, с одной стороны, тирольской администрации (Regiment) и тирольского ландтага, а с другой — самого обладателя горных регалий, т. е. императора Максимилиана.

Безвыходное финансовое положение Максимилиана в связи с затянувшейся венецианской войной и дипломатическими отношениями с королевскими домами Венгрии и Польши заставило его униженно умолять Якова Фуггера о займах, идя на все условия. Контрактом от 12 мая 1515 г. Максимилиан обязался в течение шести предстоящих лет сдавать Фуггерам всю медь, которая будет плавиться на плавильнях тирольского Раттенберга, по низкой цене $4^1/_2$ гульд. за центнер, а к каждому центнеру меди $2^1/_2$ марки серебра по цене 8 гульд. 27 крейц. за марку[172]. За это Фуггеры дали императору 4000 гульд., затем еще 30 000 гульд. в виде задатка. Однако осенью того же года срочная нужда в деньгах для уплаты наемным солдатам, занявшим Верону, заставила императора вновь обратиться к Якову Фуггеру с настоятельной просьбой дополнительных авансов. Посланные с этой целью в Аугсбург императорские советники Хельцл и Зотт написали 2 октября 1515 г. императору подробный отчет о трудностях своей миссии, из которого можно получить представление о дальнейших планах Фуггеров в борьбе с тирольскими участниками-предпринимателями.

Яков Фуггер принял государевых посланцев более чем сдержанно. При первой встрече 28 сентября он заявил, что на швацское серебро и медь, а также на продукцию раттенбергской плавильни он дал уже взаймы большие деньги, достигающие суммы в триста тысяч гульденов, что сам теперь нуждается в деньгах

[171] Ibidem.— «solt dann dergleichen solichs weiter und mit andern auch dermassen gehandelt werden, mügt ir wol ermessen, das mir solichs schwer unleidlich und mein verträgen und verschreibungen danz widerwärtig».

[172] Ibid., S. 110.

для своих многочисленных дел, сам задолжал у своих друзей и т. п. Послы обрисовали в ответ тяжелое положение своего государя и упросили Фуггера продолжать с ними переговоры. На следующий день утром Фуггер повторил то, что сказал накануне. На третьей встрече в тот же день на предложение послов заключить новую сделку на серебро и медь Шваца и Раттенберга Яков ответил уже не категорическим отказом, но дал понять, что речь может идти только о сделке на совершенно новых условиях, так как старые условия его больше не устраивают. Во-первых, пояснил он, серебро уже расписано на семь лет вперед, а медь — на 4 года. Второй его аргумент против старых условий представляет собою по существу жалобу на саботаж со стороны предпринимателей и должностных лиц. Раньше, заявлял он, продукция плавильни составляла 12—14 тыс. марок серебра в год. Теперь же, когда эта продукция законтрактована Фуггерам, она не превышает 6—7 тыс. марок [173]. Погашение сильно затягивается, между тем как он уже стар и бездетен.

Каковы те новые условия, которые он имеет в виду, Яков Фуггер прямо не говорил, ограничившись намеками на то, что они должны содержать более верные гарантии и предусматривать не столь отдаленные сроки платежа [174]. В отчете посланцев говорилось, что сколько бы они ни упрашивали Якова Фуггера сообщить, какие предложения он мог бы сделать для представления императору, и дать ответ, он отказался это сделать, заявив, что серебро и медь Шваца и плавилен уже законтрактованы на многие годы вперед и, следовательно, не могут в настоящее время явиться гарантией для дальнейших займов. Давать же императору деньги взаймы на проценты ему «не подобает». Поэтому он, по его словам, действительно не может выдвинуть какое-либо предложение, но охотно и внимательно выслушает предложения со стороны императорских посланцев. При этом, однако, он как бы между прочим сообщил своим собеседникам, что он держит в 3—4 местах медь на 300 000 гульденов и вообще с момента последней сделки почти ничего не продавал из получаемых партий меди, стремясь довести цены на медь до более высокого уровня [175]. Смысл этого сообщения

[173] M. Jansen. Jakob Fugger der Reiche, Urkunden, S. 389.— «...das vor in dem hutwerch ain jar von zwelffen bis in viertzehentausent mark silber gemacht warn worden und ietz, so er ain merckliche summa gelt darauf gelihen hete, wurden ain jar nit uber 6000 oder 7000 marck gemacht, dadurch er mit seiner zalung weyt hinhinder geslagen ward, daz ime zu merecklichem schaden raichet, und er hette sich des nit versehen gehept».

[174] Ibid., S. 389—390. — «... wo im dann von Ew. Mt und des regiments wegen furschlag beschähen, die nit zu weytleuffig wärn und das er an sichere und gewysse ort verwysen, davon er seins gelts mit der zeyt widerumb betzalt würde, so wolt er aber mit im handlen lassen und gern das best thun...»

[175] Ibid., S. 390. — «...Er meldet auch, er hett auf heutigen tag wol umb 300 000 kupfer an drey oder vier orten ligen, davon er seydt dem jungsten

мог заключаться только в том, что, по мнению Якова Фуггера, императору и его советникам должна быть известна главная цель Фуггеров, которая в настоящее время состоит в подчинении им всей продукции тирольской меди и желании диктовать на нее цены.

Что имел в виду глава фирмы Фуггеров и чего он добился своей твердой позицией, можно видеть из дальнейшего хода его взаимоотношений с императором. Под давлением тирольской администрации, считавшей, что Фуггеры ведут дело к лишению Тироля его богатств, представители императора приступили к переговорам с другими крупными фирмами, прежде всего с Гохштеттерами. О возможности таких попыток писали уже Хельцл и Зотт в конце приведенного их отчета. Результаты этих попыток не были ободряющими. В октябре-ноябре 1514 г. удалось привлечь Гохштеттеров к участию в новой сделке на всю швацскую медь, которая будет добываться в четырехлетие 1520—1523 гг., т. е. по истечении срока прежних обязательств на нее. Следовательно, в 1515 г. медь была записана за Фуггерами на пять лет вперед. Однако уже в середине 1516 г. императорские советники были вновь посланы к Фуггерам за деньгами, так как обращение к другим фирмам дало ничтожные результаты. Яков Фуггер повторил свои слова, сказанные осенью 1515 г., прибавив новый аргумент, что император уже стар, может «не дай бог» умереть, а со стороны его преемника можно ожидать упорное сопротивление. Поскольку же уплата жалованья солдатам, удерживающим Верону, было делом, не терпящим отлагательства, и положение императора было безвыходным, то при посредничестве ряда высоких военных и штатских сановников удалось получить у Фуггеров 24 000 гульд. на условиях выплаты этой суммы в четыре ближайшие юрьевых дня по шесть тысяч гульденов в каждый срок. Кроме того, — и в этом заключалась главная цель Фуггеров — *им сдается на 12 лет плавильное дело в Раттенберге*. Касаясь этого факта, Макс Янзен пишет: теперь-то Фуггеры получили в свои руки более эффективное средство контроля над производством серебра и меди. Они могли теперь скупать десятинную руду и всякую иную и плавить в Раттенберге[176]. Точнее будет сказать, что с приобретением Раттенбергской плавильни Фуггеры получили в свои руки дополнительное средство нажима на предпринимателей. Прежние методы овладевания продукцией — предоставление займов регальной власти за исключительное право покупки серебра и меди — оказались недостаточными после того, как участники-предприниматели в ответ на эти действия стали производить меньше металлов, очевидно выжидая окончания сроков займов. Добившись перехода к ним плавильного

kupferkauff gar wenig verkauft hett, der hoffnung, er wolt das kupfer zu höhern wirden bringen, dann es je gewessen wär».

[176] Ibid., Darstellung, S. 118.

дела, Фуггеры показали, что они видят теперь свою задачу и том, чтобы добраться до самого производства.

Каково было отношение тирольской княжеской администрации и ландтага наследственных земель к создавшемуся положению? Новое положение подрывало не только деятельность капиталистических предпринимателей, но и основное богатство Тироля, основу его благосостояния. Противоречие между высокой политикой Габсбургов, которой приносились в жертву богатства и производительные силы Тироля, и интересами самого Тироля неизбежно должно было выявиться. Тирольская администрация (Regiment) резко выступила против передачи Фуггерам раттенбергской плавильни и не подписала соглашения, о котором договорились посредники. Передача Фуггерам Раттенберга была тогда снята с порядка дня, и в возобновившихся переговорах на некоторое время найден был иной выход.

Точка зрения тирольской администрации, упорно сопротивлявшейся планам Фуггеров, — полностью подчинить себе тирольское производство серебра и меди — была обстоятельно аргументирована на состоявшемся в Инсбруке ландтаге всех австрийских наследственных земель — весною 1518 г. Максимилиану представили памятную записку (Denkschrift), в которой был дан подробный расчет последних сделок на медь с Гохштеттерами и с Фуггерами и показано, насколько эти сделки разорительны для императора и выгодны этим купеческим фирмам. По представленному расчету, если бы император освободил тирольское серебро и медь от Фуггеров, он имел бы доход в 245 000 гульд. в год. Для реализации этой возможности необходимо освободиться не только от заключенных с Фуггерами контрактов, но и от нажима на швацскую металлопродукцию, которую Фуггеры осуществляют посредством венгерской меди и их каринтийской зейгерной плавильни. Без устранения этой конкуренции нельзя получать указанный доход. Поэтому наряду с расторжением последних контрактов с Фуггерами памятная записка сословий рекомендует установить высокую пошлину на венгерскую и шведскую медь, ввозимую и провозимую Фуггерами. В этом случае придется вернуть Фуггерам полученные у них займы. Сословия готовы участвовать в этом выкупе и утверждают, что Фуггеры должны нести ответственность за ущерб, причиненный императорским доходам их каринтийской зейгерной плавильней [177].

Чрезвычайно важным является то, что в том же духе высказались и запрошенные сословиями тирольские предприниматели. По их утверждению, Фуггеры венгерской медью и зейгерной плавильней добились снижения для себя цены на швацскую медь на $1^1/_2$ гульд. с центнера ($4^1/_2$ гульд. вместо 6), притом они платили за медь неполноценной монетой или товарами. Если по-

[177] M. Jansen. Jakob Fugger der Reiche. S. 122—123

требовать с них оплаты полноценными рейнскими гульденами, то они сами пойдут на расторжение контрактов, после чего можно будет довести цены на швацскую медь до нормального уровня. В противном случае участникам-предпринимателям не останется ничего другого, как покинуть разработки [178].

Таким образом, по вопросу о путях развития главных отраслей горного дела Тироля — серебра и меди — в 1518 г. определились два направления, одно — собрание сословий и участников-предпринимателей, требовавших обеспечения самостоятельного развития тирольской горной промышленности и ее конкурентоспособности посредством строгой системы пошлин и защиты от крупных торгово-ростовщических компаний и другое направление — Габсбургов, которые, исходя из соображений своей великодержавной политики, требовали полного подчинения горных богатств Тироля этим международным компаниям и прежде всего Фуггерам, способным финансировать эту политику. Интересам развития определившегося в тирольской горной промышленности капиталистического предпринимательства отвечало только первое из указанных направлений. На этом раннем этапе своего развития зарождавшиеся в недрах феодального общества капиталистические элементы нуждались еще в покровительстве со стороны феодального государства, проводившего политику национальной консолидации. В странах, развивавшихся по пути централизации, зарождавшиеся элементы капитализма не пришли еще в непримиримое противоречие с феодальным государством. Как видим, интересы тирольских сословий, выступавших против принесения в жертву богатств своей земли ненасытным запросам великодержавной политики Габсбургов, совпадали в это время с интересами капиталистических предпринимателей. Наделенные правами и привилегиями Фуггеры, которые несли разорение капиталистическим предпринимателям, представлялись чуждыми и враждебными самой тирольской земле и ее недрам.

К концу жизни Максимилиана Фуггеры вышли победителями из борьбы с ландтагом, с тирольской администрацией и с предпринимателями. Максимилиан отверг предложения сословий о лишении Фуггеров таможенных льгот. В еще большей зависимости от Фуггеров был Карл V, обязанный им самой императорской короной, и эрцгерцог Фердинанд, назначенный в 1522 г. правителем Тироля.

В том же году Фуггерам при упорном сопротивлении тирольских сословий и администрации вновь предоставлена была Фердинандом раттенбергская плавильня, о чем глава фирмы мечтал уже давно, рассматривая это как шаг к подчинению своему контролю само тирольское металлопроизводство. Овладение раттен-

[178] Ibid., S. 124.

бергской плавильней имело в этом отношении важное значение, потому что на эту плавильню доставлялась казне руда в качестве десятины. Используя предоставленные им раньше привилегии, Фуггеры приобретали выплавленное серебро с правом свободного распоряжения им [179]. Не ограничиваясь преимуществами от сосредоточения в своих руках плавильного дела, Фуггеры переходят в Тироле к непосредственной предпринимательской деятельности, приобретая доли в рудниках. В записи обжигателей серебра — Андорферов — Яков Фуггер впервые в 1522 г. фигурирует как участник-предприниматель и компаньон старого богатого швацского участника Ганса Штекля, совместно с которым он сдавал в обжиг серебро как из раттенбергской, так и из иенбахской плавилен [180]. В следующем 1523 г. количество серебра с обеих плавилен, поступившее в обжиг, было почти в пять раз больше, чем в 1522 г., потому что за это время Фуггеры успели приобрести горные доли Мартина Баумгартнера.

Таким образом, 1522 г. отмечен как год, когда Фуггеры в Тироле сделались активными участниками горных разработок. Однако их деятельность в этом направлении началась уже раньше — в 1515 г., т. е. при их первой попытке получить в свои руки раттенбергскую плавильню, когда эта попытка была отражена тирольской администрацией. Тогда Фуггеры стали выступать в качестве арендаторов княжеских рудников на Фалькенштейне [181]. Из известного уже списка фалькенштейнских рудников в 1513 г. видно, что княжеских рудников там было 18 [182]. Все ли они или только часть их заарендованы были Фуггерами, неизвестно, но несомненно, что уже в 1515 г. одновременно со своими большими сделками на тирольскую медь и стараниями получить в свои руки плавильное дело Фуггеры стремились завладеть на тирольских горных промыслах такими позициями, которые давали бы им возможность полностью подчинить себе эти промыслы и все горное дело. Уже тогда, в 1515 г., эти действия вызывали широкое недовольство со стороны других предпринимателей, которые не могли удерживаться при устанавливаемых фуггеровской монополией ценах. Швацская горная хроника, сообщая о приобретении Фуггерами горных долей на Фалькенштейне, подчеркивает, что, используя хорошее и милостивое отношение к ним князя, они присваивали себе доли других участников и таким путем вывозили из пределов тирольской земли много денег и богатств [183].

---

[179] M. Jansen. Jakob Fugger der Reiche. S. 128.
[180] Ibid., S. 128—129.
[181] M. Gaudententhurm I, S. 422.
[182] Ibid., S. 421.
[183] Ibid., S. 422.— «...durch dez Fürsten ghunnst vnd gnat mer antayil amb Valchenstayn, soender andr Gwerchn zuetayllt, undt zoch vill gelt undt raychthumb ausser lant».

Из этого отрывка из Шваицкой горной хроники видно, что недовольство деятельностью Фуггеров аргументировалось тем, что они выступают в Тироле как чужеземная монополистическая фирма, которая вывозит из страны большие богатства. Поэтому Фуггеры, по крайней мере вначале, старались выступать совладельцами вместе с другими участниками, являвшимися коренными тирольцами. Так, шваицкий богатый участник Ганс Штекль, один из местных предпринимателей, был привлечен Фуггерами в качестве соучастника по раттенбергской плавильне[184]. Нам уже известно, что в 1522, 1523 и 1524 гг. Фуггеры и Штекль вместе сдавали в обжиг серебро с плавилен Раттенберга и Иенбаха. То же мы наблюдаем и в других местах Шваицкого горного района, где Фуггеры в это время стали выступать в качестве участников-предпринимателей. На рингенвексельских промыслах Яков Фуггер, считавшийся в 1520 г. главным участником, имел там в качестве соучастников его фирмы ряд местных горных предпринимателей[185]. Очевидно, что эту именно тактику имел в виду автор горной хроники Шваца, когда, выражая недовольство по поводу вывоза Фуггерами денег и богатств из Тироля, писал, что при помощи князя они присоединялись своим «участием» к другим (soender andr Gwerchn zuetayllt). Однако, очевидно, что это «сотрудничество» с некоторыми местными предпринимателями продолжалось недолго. С Гансом Штеклем Фуггеры разошлись в 1525 г. Как увидим ниже, скоро Фуггеры вступили с тирольскими участниками в открытый конфликт, при разборе которого Фуггеры имели на своей стороне самого императора — Карла V.

Фуггеровский захват ключевых позиций тирольского металлопроизводства вызывал недовольство не только участников, но и учреждений тирольской администрации. Имелось в виду, что Фуггеры, объединившие свои венгерские горные предприятия с горными промыслами Тироля, конкурентоспособность которых они стремились подорвать, вкладывали капиталы в тирольскую горную промышленность не с целью ее развития и процветания, а с целью ее хищнического истощения и подрыва ее нормального развития.

С проникновением Фуггеров в горные товарищества Тироля отовсюду стали поступать жалобы на вводимые ими методы хищнической разработки (Raubbau). Борьба вокруг методов хищнической разработки продолжалась в течение всего XVI в. на Фалькенштейне и на других промыслах. Этот характер разработок заключался в том, что в максимально короткий срок исчерпывались самые лучшие рудные жилы, остальная же руда, требующая систематической и планомерной работы, оставлялась

[184] M. Jansen. Jakob Fugger der Reiche Darstellung. S. 128.
[185] M. Gaudententhurm II, S. 44.

в шахтах, которые забрасывались. После такой хищнической разработки добывание руды в шахтах становилось трудным делом, требовало нового оборудования и напряженнейшей работы. Приложение новых капиталов не могло уже здесь представляться достаточно рентабельным [186]. Эта же система грозила подорвать основы дальнейшего рационального ведения горных разработок, несмотря на то что вначале она давала значительный рост добычи. Она была разорительной для массы крупных и средних участников, которые вынуждены были действовать таким же образом, чтобы удержаться кое-как рядом с Фуггерами [187]. Методы хищнического истощения рудников распространялись все шире, разрушая основы богатства страны. Разумеется, что тирольская администрация и тирольская казна с большой тревогой следили за этими новыми явлениями. Император Максимилиан уже в 1515 г., с первых шагов Фуггеров на Фалькенштейне в качестве участников, учредил в Шваце специальное наблюдение за применяемыми методами разработки [188]. Если Максимилиан и его преемник, увлеченные своей высокой политикой, которая была невозможна без фуггеровских финансов, вынуждены были вскоре примириться со всеми их действиями, то тирольская казна продолжала и в следующие годы настаивать на своей отрицательной позиции к действиям Фуггеров в качестве участников.

В своем донесении императору Карлу V 26 января 1521 г. тирольская казна указала на вредные последствия, к которым могли привести недовольство швацских участников и их угроза прекращения работ и ухода из страны. Участники заявляли, что если не будут удовлетворены их требования, направленные против методов хищнической эксплуатации, то будут разрабатываться одни только богатые рудные жилы, менее же богатые будут забрасываться. Около трех тысяч человек, которые останутся в Шваце без работы, покинут страну. Новые разработки также не будут начинаться, и горное дело в этой земле вообще прекратится [189].

Вольфскрон, приводящий текст этого донесения, рассматривает его так, как будто в нем идет речь о Фуггерах, которые с 1522 г. «стояли во главе швацских участников». Требование

[186] По имеющимся данным, в таких шахтах работали на свой страх и риск «свободные копатели» (Freigrübler) обычно из разоренных мелких производителей.

[187] M. Jansen. Jacob Fugger der Reiche. Darstellung, S. 129.

[188] M. Gaudententhurm I, S. 422—423.

[189] M. Wolfskron. Op. sit., S. 40. — «so häten sy vil tüber örter aufgelassen und hieten nun, als wir bericht worden, zu Swatz ob drewtausend personen weggziehen müssen, di nit arbait gehabt oder sich erneren mügen, so... wo das beschehen, so weren allain die ort belegt, vnd die mit gwin heten mügen gepawt werden, sodann nicht newes erweckt vnd die veldörter eingeen, so würd das perkhwerch pald sein enndtschafft haben...»

повышения денежной помощи якобы выдвигалось тогда по инициативе Фуггеров. Вольфскрон выражает удивление по поводу совершенно необоснованных претензий участников и их угроз, поскольку это было время невиданного раньше расцвета добычи серебра. Фалькенштейнские промыслы, пишет Вольфскрон, дали в 1521 г. 35 458 марок или 9948,8 кг серебра, а два года спустя, т. е. в 1523 г., добыча достигла своего высшего уровня [190]. Но недоумение Вольфскрона основано на его ошибочной интерпретации донесения от 26 января 1521 г. В этом донесении тирольское казначейство сообщает не о «необоснованных» требованиях швацких участников, выступавших заодно со «стоявшими во главе их Фуггерами». Это явная ошибка. Сам Вольфскрон указывает на 1522 г. как на время, когда Фуггеры сделались главными швацкими участниками, донесение же от начала 1521 г. могло основываться только на данных 1520 г., т. е. задолго до приобретения Фуггерами раттенбергской плавильни. Сообщая о требованиях и угрозах швацких участников, авторы донесения имели в виду последствия методов хищнической разработки, которые начаты были Фуггерами, а затем становились всеобщими. Утверждение и дальнейшее распространение этих методов грозило тем, что разрабатываться будут только исключительно богатые рудники, а это в свою очередь привело бы к массовому уходу с промыслов непосредственных производителей и подрыву всего горного дела в лучшем горном районе Тироля. В том, что на эту опасность указывалось во время рекордной добычи, нет ничего удивительного, потому что этот «расцвет» означал не рост производительных сил, а, наоборот, их хищническое разрушение. Нараставший уровень добычи до 1523 г. сменился уже с 1524 г. началом его снижения. Это было выгодно Фуггерам, не заинтересованным в рациональном развитии горной промышленности Швацкого района. С этим вынужден был мириться император, но это разоряло участников и вызывало протест со стороны тирольской администрации и особенно со стороны тирольской казны, потому что речь шла об основном богатстве страны, которое отдавалось на расхищение.

Эта роль Фуггеров в разорении участников и в подрыве горного дела отразилась в событиях Крестьянской войны 1525 г. в Тироле, в общем гневе и ненависти по отношению к Фуггерам, проявлявшемся во всех слоях общества — деревень, городов и горных районов. Специально об этом речь будет в последней главе. Здесь важно отметить, что после принятия строгих мер против восставших кнаппов и ареста лютеровских проповедников в Шваце и Раттенберге [191] оказалось, что конфликты в горной

[190] По другим данным добыча серебра на Фалькенштейне была еще выше: за два года 1521—1522—27723 кг, а в 1523 г.— 15639 кг (M. Gaudententurm I, S. 432).

[191] M. Wolfskron. Op. cit., S. 44—45.

рабочих для Фалькенштейна в 7500, а для всех швацских промыслов в те годы в 12 500 человек [195].

Автор «Горной книги» Георг Эттенхардт, писаьший в 1556 г., определял количество рабочих на швацких промыслах в целом в 30 000 человек. Вольфскрон, приводящий эти данные из «Горной книги», считает их преувеличенными и противопоставляет им данные горного судьи Колара, относящиеся к 1535 г., согласно которым на Фалькенштейне находилось тогда свыше 10 000 кнапов. Вольфскрон считает, что на всех других промыслах Шваицского района было еще меньше рабочих и подчеркивает, что в указанном 1535 г. продукция была выше среднегодовой продукции первой половины XVI в. По расчетам Вольфскрона для середины XVI в. ближе к истине будет для Фалькенштейна количество рабочих меньше 9000 человек.

Как видим, даже осторожные расчеты Гаудентентурма и Вольфскрона показывают гигантские для того времени размеры горных предприятий, особенно фалькенштейнских промыслов. Достигнута была большая глубина шахт, вместе с тем росли затруднения в отношении отвода водяного напора. Вода вычерпывалась примитивным способом: в кожаных ведрах, которые водочерпальщики, стоящие на лестницах, передавали друг другу. Эттенхардт оценивал расходы на вычерпывание воды, которое производилось 600 черпальщиками, в 20 000 гульденов по Фалькенштейну. Автор Шваицкой хроники указывает, что уже в 1523 г. в шахтах Фалькенштейна, достигших уже глубины в 125 шваицких горных саженей, работало 600 черпальщиков днем и ночью, не переставая [196].

Такие большие расходы ставили под вопрос рентабельность разработок. Заинтересованные лица жаловались княжеской администрации, требуя, чтобы расходы на удаление воды производились за счет княжеских поборов или чтобы княжеская власть взяла на себя эти расходы. В донесении комиссии, назначенной для изучения положения, говорится, что большие расходы на вычерпывание воды могут привести к прекращению работ по добыче руды на строительстве главной штольни, где затруднения вследствие напора воды все больше возрастают. В результате поставки серебра купцам по контрактам не смогут быть реализованы [197]. Дальше в донесении говорится, что прекраще-

[195] M. Gaudententhurmi, S. 438—439.

[196] Ibid., S. 433. — «Anno 1523 das schachtgepay im Valchenstayn di erschröcklych Teuffn von 125 khlafftr svatczeryscb masserey erreichet undt müessen zue der nottdurfft bei 600 wasserschöpfir bey tag undt auch bey nacht on underlazz das zueflüssent wasser höbm, waz nit ayn khlayn arbayt».

[197] M. Wolfskron. Op. cit., S. 47. — «So dann der Erbstollen zu Schwatz (der ettliche jar nahent souil ärzt, als sonst der ganntz Valckenstain geben hat) abnimbt vnd ye lennger ye mer hindernuss tregt, wie wir Ew. Kn. Mjt. kürtzlich nach lennge antzaigt haben, also daz den kaufflewten die antzal jrer verschribenen silber, die jar nit wie erhofft worden ist, eruolgen mügen».

ние работы на главной штольне повлечет за собою уменьшение добычи серебра на 10 000 марок в год, сокращение вексельного побора на 20 000 гульденов, соответственное сокращение десятины, уменьшение продукции серебра в Раттенберге и, кроме того, приведет к увольнению до 1200 человек, которые вместе с семьями покинут эту землю. Вывод комиссии сводится к тому, что правительственная казна заинтересована в том, чтобы работы не прекращались и поэтому она должна на 50% участвовать в расходах по отводу воды, удовлетворяя этим требования участников.

О каких же участниках говорится в этом донесении? Замечание о том, что нельзя будет поставлять купцам полагающееся им по контрактам количество серебра, показывает, что имеются в виду швацские предприниматели, которые обязаны были поставлять серебро по контрактам императора с купеческими компаниями. Однако угроза приостановки работ на главной штольне могла исходить только от Фуггеров, заарендовавших разработки на штольне. У них же находилось и плавильное дело в Раттенберге, о котором упоминается в донесении. Несомненно, что обращенное к правительству требование об его участии в расходах по устранению водяного напора исходило как от швацких участников-предпринимателей, так и от Фуггеров [198]. Однако характерно, что Фуггеры и участники их компании по швацким горным предприятиям — Манлихи, Дрейлинги, Лангены, Хаугены и Гервардты — выступали противниками радикального решения водоотводной проблемы, которое имело бы всеобщее значение для тирольского горного дела.

В 30-х годах после работы указанной выше комиссии тирольское правительство взяло на себя одну треть, а затем половину расходов (путем вычетов из десятины и «векселя») по вычерпыванию воды из шахтных глубин. Однако это была лишь полумера, потому что добыча богатых залежей металлов на достигнутой тогда глубине требовала уже перехода от примитивного метода вычерпывания к более эффективному способу отвода воды. В течение почти двадцати лет производились поиски механического способа борьбы с водяным напором, пока после нескольких неудачных попыток установлен был механизм Вольфганга Лассера из Зальцбурга, который уже раньше соорудил его в Китцбюле. Историки приводят описание этого механизма, данное Бурглехнером, и называют его «чудом техники» того времени. Если раньше добирались только до 15 сажен ниже штольни, в то время когда еще ниже оставалось «много благородных божьих даров», к которым не было доступа из-за воды, то после установления в 1554 г. механизма Лассера вычерпывалась при его помощи вода с глубины 125 сажен до штольни, по которой

[198] См. M. Gaudententhurm I, S. 433.

она выводилась наружу[199]. По расчетам Вольфскрона обслуживаемый несколькими рабочими механизм Лассера вычерпывал столько воды, сколько раньше вычерпывали 629 водочерпальщиков. Согласно «Горной Книге» Эттенгардта за восьмичасовую смену этим механизмом вычерпывалось 80 мешков, или 111—112 кубических метров воды. Вычерпывание воды производилось ночью, а днем этот же механизм использовался для подъема руды из шахт[200].

Достигнутое механизмом Лассера значительное снижение издержек, так же как и облегчение и ускорение процессов добычи, делало его выгодным для всех предпринимателей, в том числе, и, пожалуй, прежде всего, для Фуггеров. Однако Фуггеры и участники их компании не хотели установления этого механизма. По свидетельству Бурглехнера, прибывший в 1553 г. в Швац Лассер, изобретение которого, применявшееся в Китцбюле, было уже известно, обратился сразу к представителям Фуггеровской компании, но после многократных бесплодных переговоров с ними он вступил в переговоры с правительственной казной, которая решила установить механизм своими средствами[201]. О том же говорят и те архивные материалы, которые приводит Вольфскрон и на основании которых он приходит к выводу, что механизм Лассера, являвшийся, по его выражению «мировым чудом» XVI в., был установлен вопреки упрямству участников разработки на главной штольне, разъясняя в примечании, что речь идет об участниках Фуггеровской фирмы в то время[202].

Трудно себе представить, чтобы Фуггеровская фирма, которая стремилась к максимальному извлечению металлов в кратчайшие сроки, противилась установлению этого механизма из-за расходов, без которых дальнейшая работа по добыче руды становилась вообще невозможной. Не объясняется ли это тем, что Фуггеровской фирме было нежелательно такое решение проблемы борьбы с водным напором, которое было бы выгодно для всех предпринимателей? Не вытекает ли из этого, что Фуггеры не были заинтересованы в обеспечении лучших условий ведения горного дела на солидной основе? Фуггеров больше устраивало такое положение, которое вело бы к разорению местных пред-

[199] M. Wolfskron. Op. cit., S. 60; M. Gaudententhurm I, S. 435—436. — «Daz kunnststuckh ist ayn oberschlachtig doppelt wasserrat, das yetzt auff dise, palt auff yene sayt von dem Wasser durch die Stanggknecht getrybn wyrdt. An den wellpawm seynt Khübl und söckh. Durch die Khübl oder Kueffn sammbt man daz arzt sambt den perckh, undt in den söckhn, so von zwen der gressten oxenhaytn gmacht... höbbt man ayn gross mengh wassers auff 125 klafftr schwatzerysch massrey höch auff den stolln, so es dan den perkh herauss flüesset».

[200] M. Gaudententhurm I, S. 436.

[201] Ibid., S. 433.

[202] M. Wolfskron. Op. cit., S. 61.

принимателей и переходу их разоренных горных предприятий к самим Фуггерам с целью быстрой хищнической эксплуатации.

В том, что именно в этом направлении следует искать ответа на поставленные вопросы, убеждают факты из области религиозной и классовой борьбы того времени, которым посвящена будет специальная глава. Однако и здесь следует коснуться некоторых из них. Известно, что идеи реформации, в лютеровской или в более радикальной форме, с начала 20-х годов XVI в. сделались весьма популярными среди разных категорий горного населения[203]. Понадобился специальный указ Карла V о том, что вормсский эдикт против Лютера и его сторонников не должен применяться к Фуггерам и к участникам их компании, так как они должны считаться вне всякого подозрения в этом отношении даже в случае, если кто-нибудь один из них или их участников окажется вовлеченным в реформационное движение[204]. Эта оговорка являлась не только абстрактно юридическим допущением. В 1546 г. в Швацском районе арестованы были посланцы шмалькальденцев к протестантским участникам горных товариществ, в том числе и к Дрейлингам, которым они предлагали сдавать серебро не Габсбургам, а им, т. е. шмалькальденцам[205]. Но, как нам уже известно, Дрейлингов мы вскоре после этого увидим среди участников Фуггеровской компании. Борьба вокруг реформации была здесь тесно связана с борьбой за горные богатства. В этом отношении важны высказывания историков о том, что строго католические Фуггеры рассматривали Вормсский эдикт 1521 г. и последовавшие на его основании репрессии против сторонников реформации как путь к овладению горными участками изгоняемых и арестованных протестантских предпринимателей, хотя хорошо известно, что эти репрессии наносили немалый ущерб горному делу[206].

Немало и других фактов из области социальных отношений в тирольской горной промышленности, которые свидетельствуют о том, что Фуггеры для осуществления своих целей — овладения всеми горными богатствами для их хищнической эксплуатации — не только не останавливались перед прямым подрывом производительных сил, но, наоборот, видели в таком подрыве одно из средств легкого и быстрого достижения указанной выше своей

---

[203] J. Egger. Geschichte Tirols von ältern Zeiten..., Bd. 2. Innsbruck, 1873, S. 84–96.

[204] M. Jansen. Jacob Fugger der Reiche. Urkunden, S. 395—399. — «Ob sich auch zuetrueg, das einer des mergenanten Fugger seiner bruders sune mitverwandten und zuegehorigen diener oder ander wie obbestimpt wider unser ausgangen edict mandat und verbots briefs freventlich und verachtlich handlen... darein sollen die andern kainswegs gezogen, noch an irem leib hab und guetern deshalben wie vorgemelt weyter nit beschwert werden...»

[205] M. Wolfskron. Op. cit., S. 64—65.

[206] M. Gaudententhurm I, S. 425—426.

цели. Поэтому против их действий выступали не только рядовые участники-предприниматели и массы кнаппов, но и земские сословия, заинтересованные в развитии богатств своих земель.

Остановимся на двух моментах из области отношений к рабочему вопросу. Первым из них является вопрос о форме заработной платы, который в течение всего XVI в. служил предметом ожесточенной борьбы в Тироле. Как в 1525 г., так и в последующих волнениях и восстаниях кнаппы жаловались, что при низкой заработной плате ее выдают товарами первой необходимости, которые Фуггеры скупают и устанавливают на них высокие цены. Доход Фуггеров от этого исчислялся в 20 000 гульденов в год [207]. Скупки товаров вызывали тревогу уже известного нам ландтага 1518 г. В пункте 13 решений ландтага указывалось, что деятельность больших торговых компаний, члены которых живут «вне этой земли» наносит большой вред всем наследственным землям. Они сами и через своих представителей скупают и концентрируют исключительно в своих руках все, что необходимо каждому человеку, говорится в этом пункте решений ландтага, а именно: серебро, медь, сталь, железо, полотно, сахар, пряности, зерно, быков, вино, мясо, жир, сало для шахтных фонарей, кожу, т. е. как предметы питания, так и предметы, необходимые для работы в шахтах и наиболее важные продукты горной промышленности. Обращается внимание на то, что, используя свою финансовую мощь, эти компании держат в своих руках внутренние и внешние рынки. Скупку товаров на ярмарках путем предложения более высокой цены необходимо запретить. Необходимо также запретить скупать венгерский скот «гуртом» (mit dem hauffen) под угрозой конфискации скупленного таким путем скота. Каждый человек — богатый или бедный — должен иметь возможность свободно покупать скот с целью его дальнейшей перепродажи с тем, чтобы произвольные надбавки цен на скот были невозможны. Авторы этих решений указывали на бедственное положение в результате этого не столько рабочих, сколько всей массы простых людей наследственных земель, простого купца и предпринимателя, «богатство которого исчисляется суммой от одного гульдена до десяти тысяч» [208], которого они хотят вытеснить из торговли, в то время как сами они, набивая цены на продукты по своему произволу, наживают княжеские состояния.

---

[207] Ibid., S. 426—427 (см. там же прим. 44: из-за обилия вычетов многие кнаппы вообще не только не получали на руки никакой заработной платы, но и были обязаны сверх того отрабатывать за полученные по высоким ценам продукты).

[208] H. J. Zeibig. Der Ausschuss-Landtag der gesammten Österreichischen Erblande zu Innsbruck 1518 (Archiv für Kunde Österreichischer Geschichts-Quellen, Bd. 13. Wien, 1854, S. 232—233, Art. 14). — «...dem gemeinen Kaufmann und Gewerbsmann... der eines guldens bis in zehen tausend reich ist... den Handel [ab]strikhen».

Таким образом, скупки товаров и предметов первой необходимости монополистическими компаниями возмущали как рабочих горняков, которым навязывали продукты вместо денег, так и широкую массу торгово-промышленного населения и те местные власти, которые, будучи озабочены судьбой горного дела Тироля, предупредили об опасности, которая возникнет для него, если рабочие и масса предпринимателей и торговцев окажутся вынужденными покинуть эту землю. Правительство неоднократно запрещало форму расплаты товарами, но эти запреты нарушались.

Второе, что вызывало разногласия между теми, кто стремился к хищнической разрушительной эксплуатации горных недр и сторонниками рационального ведения разработок, это требования, предъявлявшиеся рабочим при приеме от них руды, требование ее тройного просеивания и опробования. С каждым актом опробования количества руды, добывавшейся рабочими, уменьшались и соответственно уменьшалась заработная плата рабочим. Связь этого требования с тем, что главным орудием конкуренции в области горного дела становилась разрушительная эксплуатация лучших жил, очевидна. В этой обстановке устоять в конкурентной борьбе могли только те предприниматели, у которых руда добывалась с высоким содержанием металлов. Этим стимулировалась практика «повышения» содержания металла в руде за счет рабочих. Практически рабочим стали оплачивать не добычу ими руды, а только содержавшийся в ней металл. Такой порядок оплаты труда горнорабочих обеспечивал восстановление рабочей силы и содержание семьи рабочего только в местах исключительно богатых руд. В остальных же местах это вело не только к рабочим волнениям, но и к массовому уходу рабочих. Система тройного опробования при вычислении заработной платы сделалась, таким образом, системой разрушения производительных сил. Поэтому тирольская казна в 1554 г. поспешила отменить этот новый порядок исчисления заработной платы, мотивируя необходимостью предотвратить «начинающееся недовольство кнаппства и ухода лучших людей из горных районов» [209].

Однако борьба против этой системы продолжалась и после этого запрета, который, следовательно, не соблюдался. Тирольская казна продолжала выступать против домогательств крупных компаний, требовавших официального восстановления системы тройного опробования. При этом в аргументации своей позиции казна неизменно отстаивала то положение, что тройное опробование при исчислении заработной платы не только вызывает

[209] M. Gaudententhurm I, S. 441.— «...gleych von stunt an wyder abgestellt unt es hinfüro wyder bei aynerley schaydwerch zue verpleybn, damyt, der khayment unwylln der knappschafft underdrückhet und dem ausreyssn der pest leitt vom perckh bei zayth vorgepewget wyrt».

недовольство рабочих, но очень вредно для всего горного дела. На одном документе 1571 г., исходившем от Фуггеровской компании, в котором отстаивается необходимость легализации тройной системы опробования, финансовое ведомство написало пространную резолюцию. В ней говорится, что на тирольских разработках, особенно на промысле Рингенвексель в Швацком районе это новшество, т. е. тройное опробование, привело к запустению многих рудников и к сокращению продукции с каждым годом [210].

Однако местные тирольские власти были бессильны перед Фуггеровской компанией, которую вольно или невольно поддерживал эрцгерцог. В 1583 г. упорное проведение компанией требования тройного опробования выразилось в возвращении рабочим добытой ими руды, которая, по мнению фуггеровского представителя (фактора) на Фалькенштейне, была недостаточно просеяна. В ответ произошло восстание рабочих, предпринявших поход в Инсбрук к эрцгерцогу. Рабочие жаловались не только на систему опробования, но и на плохое обращение фуггеровских факторов, а также на повышение ими цен на продукты питания, которыми оплачивался их труд. Назначенные эрцгерцогом одна и другая комиссии оставили тройное опробование, пытаясь при этом успокоить рабочих обещаниями более мягкого применения этой системы. Эти обещания не могли явиться решением вопроса. Волнения продолжались, к фалькенштейнским рабочим грозили присоединиться и раттенбергские. Тирольская казна обращалась к эрцгерцогу по поводу безвыходного положения, к которому приводит хищническая тактика компании как в отношении исчисления заработной платы, так и в отношении ее реализации продуктами, указывая, что в результате этой тактики рабочие массами уходят с промыслов, предпочитая в ряде случаев положение военных наемников. Восстания горнорабочих, сопровождавшиеся массовым уходом с промыслов, не прекращались в 80—90-х годах XVI в. и в XVII в.[211]

Особенно характерными являются волнения фалькенштейнского кнаппства в 1595 г., которое совпало с оживлением крестьянского движения в австрийских землях. Тирольская казна и местные власти, не переставали настаивать на необходимости уступок кнаппству в деле прекращения троекратного шейдерства; они указывали, во-первых, на грозный характер, который

[210] M. Wolfskron. Op. cit., S. 82—83.— «So hat man auch bisher bey den glass perckhwerchen vnd ärzten sonnderlichen am Ringerwechsel zu Schwatz durch die fürgenomben newerung der angerichten dreyerlay schaidwerch, so wider den von alters hergebrachten brauch fürgenommen worden, nit vermerckht noch befunden, daz solliche newerung denselben Perckwerchen nitzlich vnd fürtreglich gewest, sondern vil mer im werckh vnd augenschein leider gesehen vnd gespürt das ärzehawen von jarn zu jarn nur immerzue abgenommen, weniger worden, die merern pew vnd grueben in feyern vnd in erligen geraten...».

[211] Ibid., S. 85—87, 90—92 ff.; M. Gaudententhurm I. S. 451 ff.

может принять теперь восстание, и, во-вторых, что продолжение этой системы шейдерства приведет к полной гибели горного дела не только на Фалькенштейне, но и во всем Тироле. Назначенные для изучения положения комиссары докладывали, что в случае отказа от восстановления однократного шейдерства восстание сильно разрастется, так как фалькенштейнское кнаппство обратилось за помощью к кнаппству Рингенвескеля, Раттенберга и Кютцбюля и стремится овладеть набатом для обращения ко всему населению, что при таких обстоятельствах крестьянство, волнующееся по поводу права охоты и еще некоторых дел не может внушать спокойствия[212]. Но все это, говорится дальше, приведет к гибели горного дела не только в Швацском горном районе, но и во всей этой земле, во всех тех местах, из которых доставляется сюда руда для плавки и которые нуждаются в функционировании главной штольни, стоящей теперь перед угрозой затопления водой[213].

То обстоятельство, что вопрос о троекратном или однократном шейдерстве сделался в течение многих десятков лет предметом ожесточенной борьбы между предпринимателями и кнаппством, показывает, что в составе рабочих в это время большое место занимали сдельные и ленные горнорабочие (Geding- und Lehenhäuer), заработная плата которых исчислялась по количеству и качеству сдававшейся ими руды. Таблица из штатгальтерского архива, опубликованная Вольфскроном и относящаяся к 1582 г., показывает, что общее количество рабочих, составлявшее в указанном году на Фалькенштейне 4056 человек, распределялось почти поровну между теми, кто получал повременную заработную плату, и теми, кто являлся сдельными и ленными горнорабочими, что последние две категории были лишь немногим меньше первой категории[214]. Выше уже была показана связь борьбы вокруг шейдерства с проводившейся Фуггеровской фирмой хищнической эксплуатацией. По-видимому, многие участники, не устоявшие в борьбе с Фуггерами и потерявшие свою самостоятельность, превращались в ленных рабочих.

---

[212] M. Wolfskron. Op. cit., S. 91 — «Unnd wier nun daraus so uil befunden, wann den gsellen das ainerlei Schajdwerch nit bewilliget, daz die sach noch zu merern aufstand geraichen würde, wie sich dann die gsellschafft alberait hin vnd wider, sowohl beim lanndtuolckh als bey der knapschafft am Ringenwexel item zu Ratemberg vnd Kützpüchl umb Hilff vnd den gloggenstraich zubewerben vnderstanden haben, man sich auch auf die pauern (als sie des wildprets halb noch etwas schwirig) hilff jetziger zeit nit verlassen, noch andere rettung thuen khündte...».

[213] Ibidem.— «...daher dann dises lannd in merckhliche gfar geraten vnd dem vnnderganng des Schwatzerischen vnd annder perckwerch im lannd so daher correspondieren vnd zum verschmeltzen gebracht werden, die Tür geöffnet wyrde. So haben wir zuuerhuetung aines ergern vnd weil der erbstollen da man lang feyern solte, mit wasser gentzlich angfült, versenckht vnd vil hoffentliche orter oder gepew alsdann nit mer zu erheben sein würden...».

[214] Ibid., S. 88—89.

Следует обратить внимание на то, что в последние десятилетия XVI в. и в первой половине XVII в. борьба вокруг шейдерства при исчислении заработной платы велась уже с нетирольскими компаниями. Уже в 60-х годах XVI в. многие богатые тирольские горнопромышленники, такие, как Фюгеры, Тэнтцли, Рейльфы и Градты, разорились. Их горные участки достались новому горному обществу — иенбахскому, в котором преобладали Фуггеры и другие связанные с ними компании — Хаугги, Лангенау и Катцбеки. Наряду с ними на Фалькенштейне процветала фирма Дрейлингов, которая в 1570 г. приобрела доли старых и самых богатых тирольских участников — Штеклей. Правительственная комиссия, обследовавшая положение фалькенштейнских разработок 1571 г., констатировала, что этот переход основных горных разработок к «иноземным» фирмам был очень вреден для горного дела Тироля, так как, если старые местные участники заботились о процветании горного дела, то иноземные новые владельцы долей думали только о быстрейшем извлечении всех выгод и разорении местных горных товариществ и их участников [215].

Характерно, что эрцгерцог Фердинанд II, признавший справедливость этих соображений и желавший спасти горное дело Тироля от полного разрушения, вопреки стараниям иенбахского товарищества оставил часть фалькенштейнских участков для ведения за собственный счет. От многих знатоков горного дела к нему поступали предупреждения насчет опасности хищнических методов, применявшихся купеческими компаниями, интересующимися только максимальным извлечением прибыли в данный момент. Выдающийся специалист горного дела Эразм Рейслендер в 1575 г. энергично убеждал эрцгерцога порвать договор с иенбахским обществом и учредить особое собственное управление для ведения своих разработок, потому что «теперешние участники», как он называет членов иенбахского общества, думают не об улучшении и развитии горного дела, а только о том, чтобы уйти отсюда с наибольшими выгодами и наименьшими затратами [216]. Однако эрцгерцог, хотя и был с этим принципиально согласен, не имел для этого необходимых средств.

Этого видного горного деятеля занимал вопрос о судьбе фалькенштейнских промыслов и всех шваицских горных разработок в течение ряда лет и после указанного года. В отчете, представленном им в 1582 г. он обратил внимание на необходимость новых расходов в целях устранения нового напора воды и прове-

---

[215] Ibid., S. 76; M. Gaudententhurm I. Op. cit. S. 449.

[216] M. Wolfskron. Op. cit., S. 77.— «...die yetzigen gwerkhen zum pawen etwas unlustig sein und andere herein nit trachten so unnd di yetzigen immer weg vnnd mitl suechen, ob vnnd wie sy mit pesster gelegenhait vnnd wenigisten jren nachtl widerumben davon vnnd daraus khomen mechten».

дения свежего воздуха[217] к местам работ на главной штольне, где свечи не могут гореть. Смысл высказываний и рекомендаций Рейслендера, так же как и многих других «горных офицеров», сводится к следующему. Дальнейшее ведение разработок требует значительных новых средств, а главное заинтересованности в дальнейшем развитии горного дела в Тироле. Выражением этой заинтересованности должен быть отказ от системы тройного шейдерства при исчислении заработной платы, а также устранение спекуляции предметами питания горнорабочих, так как без этих мер нельзя будет удержать на горных промыслах квалифицированных и опытных рабочих, составляющих основную производительную силу. Между тем известно, что проявлявшие свою заинтересованность в развитии горного дела местные горнопромышленники, от которых можно было ожидать разумных уступок в отношении рабочих, были уже вытеснены фуггеровской фирмой и связанной с нею ценбахской компанией, а также действующей отдельно горнокупеческой фирмой Дрейлингов. Поскольку же эти компании не склонны предпринимать дорогостоящие работы длительного характера и не желают отказаться от своей рабочей политики, ведущей к массовым уходам лучших рабочих, то положение может быть спасено только тем, что эрцгерцог возьмет все дело в свои руки и порвет все контракты с этими компаниями.

Правильность и объективный характер этой оценки положения подтверждались ходом событий. Достаточно говорит об этом следующий факт. В январе 1589 г. произошли волнения рабочих-ленников, недовольных неуступчивой позицией компаний в вопросе о системе шейдерства. Как и в предыдущих восстаниях, результатом его был уход с промыслов большого числа способнейших кнаппов. С этим событием, о котором рассказывает швацкая горная хроника[218], совпали новые затруднения с напором воды, так как достигнута была уже такая глубина, с которой действовавший тогда водочерпальный механизм не справлялся[219]. Правительственные «горные офицеры» в поисках выхода из создавшегося сложного кризиса предложили провести новую специальную водоотводную шахту. Однако финансовое ведомство правительства вынуждено было отказаться от реализации этого предложения вследствие того, что компания отвергла все проекты, связанные с проведением каких-либо новых мероприятий. Отвергнуты были также предложения бергмейстера Абрахама

---

[217] M. Gaudententhurm I, S. 450.— «...schwär pess wetters halben, so in hochn mass ungesunt und von wegn des nit prynnent lycht di Knappen von yr arbayt vertrewpt, unt von wegn der immer mer zuefliessent wasser im schacht, di zue höbm die khunnst tag und nacht on underlass laffn muess, derohalben die arzt unt perckfüdernuss gänntzlych ayngstöllet muess wertn».

[218] Ibid., S. 452.

[219] J. Sperges. Op. cit., S. 116—118, 152.

Шинтцера об оздоровительных мероприятиях, необходимых для того, чтобы расширить возможности продолжения работ[220].

До ликвидации своих предприятий на Фалькенштейне, т. е. до 1657 г., Фуггеры проводили там свою тактику. Отказываясь от затрат на сооружения, рассчитанные на длительный период, они вели разрушительную эксплуатацию рудников, забрасывая и затопляя все, что не дает быстрых выгодных результатов. Шантажируя правительство угрозами полной приостановки всех работ и продовольственных закупок, Фуггеровская компания добивалась привилегий в виде высоких правительственных пособий и полного освобождения от десятины, предоставления им монопольных прав[221] и особенно полного невмешательства правительства в их отношения с рабочими. Гаудентентурм указывает на хранящиеся в штатгальтерском архиве жалобы правительственных горных инспекторов на то, что фуггеровская администрация запрещает должностным лицам правительства вступать на территорию промыслов и вообще игнорирует все правительственные распоряжения, направленные на пресечение произвола по отношению к рабочим[222]. В 1649 г. вспыхнуло большое восстание швацских и раттенбергских горнорабочих, захвативших склад оружия. Разграблены были продовольственные магазины. Для подавления восстания привлечены были иноземные войска. Зачинщики были казнены, многие кнаппы изгнаны[223].

Все приведенные факты убедительно показывают, насколько ошибочным является представление о том, что причину резкого упадка горного дела в Тироле следует видеть в исчерпании недр земли[224]. Мы видели, что массовые уходы рабочих с промыслов являлись не результатом естественного упадка горного дела, а, наоборот, одной из его важнейших причин. В противном случае нельзя было бы объяснить, почему местные власти и состоящие на их службе знатоки горного дела так настойчиво предостерегали против тройного шейдерства и вообще против такого отношения к рабочим, которое приводит к волнениям с их стороны и к массовым уходам. В ряде приведенных выше донесений тирольской казны подчеркивается связь кризиса горного дела с уходом с промыслов лучших и опытнейших рабочих вследствие плохого обращения с ними. Мы видели также, что это отношение к рабочим, игнорирование его вредных последствий для горного дела было лишь частью общей тактики новых «хозяев — возглавлявшейся Фуггерами компании — тактики хищнической системы раз-

---

[220] M. Gaudententhurm I, S. 453.
[221] Ibid., S. 460.
[222] Ibid., S. 461.
[223] J. Egger. Op. cit., Bd. 2. S.
[224] G. Schmoller. «Die geschichtliche Entwickelung der Unternehmung. X...» (Jarhbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft im Deutschen Reich viertes Heft. Leipzig, 1891), S. 1—2.

работок, рассчитанной на быстрое использование лучших шахт, а не на развитие горного дела.

К таким же выводам, которые следуют из фалькенштейнских материалов, приводит и рассмотрение данных других промыслов Шваценского горнорудного района. К фалькенштейнским разработкам примыкали с юго-восточной стороны промыслы Шваббоден и Паллейтен, открытые значительно позже. Данные о добыче здесь отсутствуют. Известно, однако, что эрцгерцогский эксперт Эразм Рейслендер высказался за отклонение ходатайства компании Дрейлингов, утвердившейся на промысле Шваббодена около середины XVI в., об освобождении его продукции от десятины. Рейслендер считал это требование необоснованным. В 1580 г. этот промысел перешел к Фуггерам и вскоре после этого работы были здесь прекращены вследствие того, что руда была здесь исчерпана [225].

На промысле Паллейтен, разработка которого началась в начале XVII в., Фуггеры вытеснили около 1620 г. действовавших здесь раньше местных предпринимателей, в том числе и богатого шваценского участника — Иерга Фирмиана. По соседству действовала тогда Кирхбергская фирма, на участки которой Фуггеры наступали. В 1642 г. горный судья жаловался, что представители Фуггеровской компании, игнорируя все его распоряжения, действуют только хищническими методами и отказываются от всяких изыскательных работ и разработок, рассчитанных на длительное время [226]. Паллейтенский промысел был оставлен компанией в 1657 г., т. е. в том же году, когда были ликвидированы фуггеровские предприятия на Фалькенштейне.

Наиболее обширным и богатым промыслом после Фалькенштейна был промысел Рингенвексель. Апогейным годом его добычи был 1539 г., когда он дал 36 420 марок серебра (= 10 197 кг) и 14 400 ц меди [227]. Конец периода расцвета Рингенвекселя и начало упадка добычи серебра и меди наступил около середины XVI в. Если среднегодовая добыча в первой половине XVI в. превышала 12 300 марок серебра и 5000 ц меди, то во второй половине этого века она составляла 8515 марок серебра и 3403 ц меди. Для этого периода упадка характерны жалобы кнаппов и горных судей на затруднения с водой и на плохое состояние воздухопроводности в шахтах, приводившее к несчастным случаям — гибели кнаппов. Характерным для состава рабочих в это время является преобладание категорий отдельных и ленных забойщиков над наемными, получающих повременную заработную плату, а также появление категории так называемых «свободных копателей» (Freigräbler), т. е. ни с кем не связанных кнаппов, которые на свой страх и риск раскапывают (точнее «ковыряют»

[225] M. Gaudenthurm II, S. 40—41.
[226] Ibid., S. 41—42.
[227] Ibid., S. 45.

=grüblen) брошенные шахты, сбывая добытую таким образом руду Иенбахской, т. е. Фуггеровской компании. Так, из 1600 кнапов, занятых в 1584 г. на 182 участках Рингенвекселя,— собственно забойщиков — было 740 человек, причем наемных забойщиков, получающих повременную заработную плату (Herrenhäuer), было только 150 человек. Из остальных 590 забойщиков сдельных было 384, ленных — 250 и «свободных копателей» — 56 [228]. Уже этот состав забойщиков свидетельствует о наличии брошенных рудников, в которых содержалась руда, добывавшаяся при помощи примитивных средств, которыми могли располагать «свободные копатели», и, кроме того, о том, что наряду с уходом многих рабочих с разработок многие из вытесненных самостоятельных участников оставались в качестве членов ленных товариществ и сдельных рабочих. Поэтому и на Рингенвекселе, как и на Фалькенштейне, в последние десятилетия XVI и в первую половину XVII в. рабочие конфликты происходили главным образом на почве требований тройного шейдерства, которое представлялось местной казне необоснованным и связанным с хищнической системой. Тройное шейдерство применялось здесь не только фуггеровской компанией, но и расположенной по соседству с нею кирхенбергской компанией [229].

К Кирхенбергской компании перешли в 1585 г. лучшие рудники промысла Рейхенталь или Вейтталь (восточнее Рингенвекселя), которые с начала XVI в. разрабатывались разными местными участниками. Потребовалось всего три года на то, чтобы системой хищнической эксплуатации с ними было в 1588 г. покончено. О том, что рудники этого промысла не были тогда исчерпаны, свидетельствует то, что к возобновлению в них работ приступали затем в XVII и в XIX вв. и при том не без успеха [230]. Еще раньше (около середины XVI в.) к такому же результату привел переход рудников к Кирхенбергской фирме и на промыслах Рафльштейн и Вейсер Шрофен, что швацкая горная хроника объясняет той же причиной. Подобная картина наблюдалась и на других промыслах Швацкого района, о которых сохранились сведения [231].

Только в отношении промысла «Старый Цех», самого старого в Швацком районе, можно утверждать, что его недра, славив-

[228] M. Gaudententhurm II, S. 47.

[229] См. донесения горных судей Иеронима Шенбергера и Иеремии Рамплмайра о неудачных попытках местных властей воспрепятствовать хищнической системе и заставить компанию возобновить работы на брошенных участках. На распоряжения властей не обращается никакого внимания. Штольни и оборудование шахт забрасывается. Количество рабочих сокращается. Уже много лет как не ведется изысканий. Из-за хищнической системы разработки, заключает Рамплмайр, горному делу скоро придет конец (M. Gaudententhurm II, S. 48—49).

[230] Ibid., S. 53—54.

[231] Ibid., S. 55 ff.

шиеся в XV и начале XVI в., стали с конца 20-х годов XVI в. приходить в упадок по причинам естественного порядка. В цветущий период этого промысла, т. е. в период 1470—1529 гг., достигнута была глубина шахт в 650 м. В дальнейшей работе встречались затруднения в подъеме руды и шахтной воды. Сооружение здесь мощного подъемного механизма затруднялось отсутствием падающей сверху воды (Aufschlagswasser), но главное ухудшением содержания и качества руды ниже указанной глубины. По словам горного судьи Норля в 1534 г., добывание здесь «одичавшей» руды не оправдывало больших расходов, требуемых на ее добывание[232]. Указывалось также, что промысел «Старый Цех», расположенный в западной части Шваицского района и примыкающий вплотную к реке Инн, страдал от разливов этой реки и ее притоков.

Весьма характерно, что этот промысел, продукция которого в период его расцвета не уступала продукции Рингенвекселя, не привлекал к себе внимания Фуггеров, производственная деятельность которых в этом районе начиналась уже в последние годы этого периода расцвета. Фуггеров интересовали только те промыслы, в которых можно было, применяя излюбленные ими методы, снимать в короткие сроки богатую добычу. Характерно также, что эрцгерцогская казна и местные должностные лица, так же как и горные эксперты, которые, как мы уже видели, на всех других промыслах Шваицского района, осуждая хищнические методы компаний, указывали на возможности улучшения их оборудования и подъема добычи, придерживались в отношении Староцехского промысла иных взглядов. Они сами советовали не предпринимать никаких попыток и прекратить здесь работы вообще[233].

Если Староцехский промысел составляет, таким образом, исключение, то это такое исключение, которое подтверждает и подчеркивает данную выше характеристику состояния всего Шваицского района в рассматриваемое время и роли Фуггеров и других крупных фирм в судьбе большинства его разработок.

Определившиеся на горных промыслах Шваицского района тактика и методы Фуггеровской компании, характер их конфликтов с местными предпринимателями и с рабочими, равно как и характер их отношений с местными властями и учреждениями, можно наблюдать и в других горных районах Северного Тироля, в которые они проникали.

В 20-х годах XVI в. Раттенберг, как нам уже известно, вовлечен в сферу интересов Фуггеров. Позже — с 40-х годов — мы

[232] Ibid., S. 77.— «...das di arztfullet in der Tiff ser in abgen sych ausskheylln u vertrawen, di stryfflen auss eden Kiss, das glassarzt sych verwyllert unt die guet gottsgap aller Orth gewychen; darob di gwerchen nit lust bezaygn di ime bevulchn hülffgepayer zue belegen der gross Khost wegen».

[233] M. Gaudententhurm II, S. 78—80.

видим Фуггеров и связанных с ними Манлихов и Дрейлингов в числе главных раттенбергских участников. В течение второй половины XVI и в начале XVII в. в Раттенбергском районе происходили крупные волнения рабочих, вызывавшиеся теми же причинами, что и в Швацском районе — навязываемой рабочим системой расплаты товарами и попытками введения в отношении сдельных и ленных рабочих системы многократного шейдерства. Как и в Швацском районе, Фуггеры и связанные с ними компании вступали в конфликты с «горными офицерами» и судьями, которые считали их методы вредными для горного дела [234]. Характерна также выражавшаяся неоднократно готовность раттенбергского кнаппства прийти на помощь швацким кнаппам во время их борьбы против системы тройного шейдерства. Во время восстания швацского кнаппства в 1583 г. горнорабочие Раттенбергского района направили в Швац делегацию из восьми человек [235].

В Штерцингском (Госензасском) горном районе, где как нам уже известно, в XV и в первых десятилетиях в XVI в. успешно развивалось предпринимательство местных и швацких богатых участников, жалобы этих участников против действий Фуггеров заявлялись уже в начале 30-х годов XVI в., причем эти жалобы поддерживались местными должностными лицами. В донесении горного судьи от 1531 г. говорится, что богатым участникам Тэнтцлю и Рейшу наносится большой вред тем, что Фуггеры скупают здесь лучшую свинцовую руду, необходимую как примеси для производства серебра. Основной гнев предпринимателей и населения вызывался тем, что Фуггеры не признают никаких установленных здесь законами ограничений и не считаются ни с чем, так как рассчитывают на зависимость от них императора [236–237].

В Китцбюльском районе добыванием руд, содержащих серебро и медь, славился промысел Ререрсбюль. Вольфскрон определяет среднегодовую добычу рересбюльского промысла во второй половине XVI в. немногим больше 10 000 марок серебра и примерно столько же центнеров меди. Однако в 40-х годах XVI в. продукция была богаче. За три квартала 1547 г. добыто было на этом промысле серебра около 14 000 марок (13 942 марки 6 лот), а это, по расчетам Вольфскрона, не самая высокая добыча Ререрсбюля в годы его расцвета [238].

Но шахты ререрсбюльского промысла отличались своей большой глубиной. По данным за 1572 г. половина шахт Ререрсбюля

---

[234] M. Wolfskron. Op. cit., S. 160—161 ff.

[235] Ibid., S. 161—162.

[236–237] Ibid., S. 291. В одной жалобе на засилье Фуггеров в Штерцингском районе говорится: «Dann vns mit den herrn Fuggern in rechten zu kriegen nit möglich ist».

[238] Ibid., S. 193, 205.

имела в среднем глубину около 400 горных сажен, т. е. около 800 м. Шахты продолжали углубляться. Шахты, имевшие в 1572 г. глубину в 404 сажени, к 1578 г. достигли уже глубины в 442 сажени. Но и раньше в 50—60-х годах ререрсбюльские шахты считались самыми глубокими. Добыча в таких условиях связана была со значительными расходами и затруднениями[239]. Для ведения добычи требовалось участие предпринимателей, обладавших достаточными средствами. К началу 40-х годов XVI в. здесь были уже состоятельные участники, являвшиеся членами многих товариществ и компаний. Наибольшее число рудников сосредоточилось тогда в руках фрешелмозерского товарищества (с 50-х годов XVI в. называлось кессентальским товариществом), имевшего здесь свою плавильню. Меньшее место занимали компании — Фуггеры, Манлихи, Бергеры, Розенберги, Ильзинги, Баумгартнеры[240]. Возможность существования здесь самостоятельных мелких товариществ все больше сокращалась. Применять методы хищнических разработок, как в Шваицком районе, здесь было невозможно вследствие большой глубины шахт.

Фуггеры в этом районе старались использовать свое привилегированное положение. Однако монополистами они здесь не сделались и такой цели себе не ставили. Власти района ререрсбюльского промысла стремились оставаться полными хозяевами своих горных регалий. Нажим регальной власти на участников ререрсбюльских товариществ и компаний проявлялся как в вопросах дисциплины труда, так и в репрессиях после вторжения шмалькальденцев. Хотя, по признанию правительства к Шмалькальденскому союзу примыкала меньшая часть участников, регальная власть стремилась использовать ситуацию и проводить репрессии в своих интересах в известной мере против всех участников. Только Фуггеры и Манлихи обеспечили себя от действий антишмалькальденских репрессий специальными письмами императора. Розенбергам же и Ильзингам отдано было распоряжение не вывозить серебра по своему усмотрению, а

---

[239] Необходимость особой правительственной помощи для Ререрсбюля аргументировалась в 1567 г. следующими соображениями: «...ain beschwerlicher vnd schmeltzern vnd gewerckhen ain überlästiger perg, werd das verpawen von wegen der überschwencklich tieffe, denn etlich schächt numer vasst zu vierhundert claffter tieff wären von tag zu tag immer grösser, die genng schmall, das ärtzhawen auch ye lennger ye weniger, gleichwol die ärtz an gehalt noch zimblich guet weren» (ibid., S. 199).

[240] Производство серебра на ререрсбюльских разработках за три квартала 1547 г. составляло 13 942 марки 6 лот; оно распределялось между товариществами и компаниями следующим образом: фрешелмозерское (кессентальское) товарищество — 7177 марок 13 лот, Бергеры — 1607 марок 3 лота, Розенберги — 1285 марок 13 лот, лугзальское товарищество — 987 марок 8 лот, Ильзинги — 151 марка, Фуггеры — 2558 марок 13 лот, Баумгартнеры — 177 марок (ibid., S. 193)

ЭЛЕМЕНТЫ РАННЕГО КАПИТАЛИЗМА В МАНСФЕЛЬДСКОЙ МЕДНОРУДНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В XV—XVI ВВ.

Выдающееся место мансфельдской меди на внутригерманских и мировом рынках определилось уже к началу XVI в. в связи с возросшим до этого спросом на медь и с высокими качествами мансфельдской меди[1]. Проводниками мансфельдской меди на широкие рынки были нюрнбергские купеческие фирмы. Однако уже во второй половине XV в. роль торгово-капиталистических фирм не ограничивалась в отношении меди только торговлей. С открытием в начале 60-х годов XV в. в области производства меди процесса зейгерования, т. е. отделения от сырой или черной меди (schwarzkupfer) его серебряного содержания и образования чистой меди (Garkupfer), решающее значение в завершении производства товарной меди стали играть крупные зейгерные плавильни, которые строились вблизи мансфельдских меднорудных разработок, особенно в богатой лесами Тюрингии[2]. Поскольку сооружение зейгерных плавилен требовало больших средств, то обладателями этих предприятий могли быть только богатые торгово-капиталистические фирмы, которые таким образом становились также промышленниками. Обладатели зейгерно-плавильного предприятия стремились использовать свое положение, чтобы подчинить мелких и средних производителей черной меди, так называемых «хозяев плавилен», хюттен-

[1] См. W. Möllenberg. Die Eroberung des Weltmarkts durch das Mansfeldische Kupfer. Gotha, 1911, 6 Kap. S. 34—54. О высоких качествах и конкурентоспособности мансфельдской меди на мировых рынках см. там же, стр. 48—49. Большая степень ковкости сделала ее более удобной для применения в ремесле; больше, чем какая-либо другая, мансфельдская медь была применима для производства латуни. Мансфельдская медь славилась также богатым содержанием серебра. В многочисленных актах и сделках, опубликованных В. Мюкком и В. Мелленборгом, считается нормальным, когда один центнер меди содержал одну марку серебра. См. W. Mück. Urkundenbuch des Mansfelder Bergbaus. Eisleben, 1910 (далее — W. Mück. Urkundenbuch); W. Möllenberg. Urkundenbuch zur Geschichte des Mansfeldischen Saigerhandels im 16. Jahrhundert. Halle, 1915 (далее — W. Möllenberg. Urkundenbuch).

[2] W. Möllenberg. Die Eroberung..., S. 6.

мейстеров (Hüttenmeister), которые только через них могли реализовать свою продукцию и которые зависели от них не только тем, что в руках купеческих фирм находился завершающий этап производственного процесса, но и тем, что эти фирмы финансировали своими авансами и те стадии производства, которые «хозяева плавилен» осуществляли у себя. Вместе с тем обладатели зейгерно-плавильных предприятий, сосредоточивавшие в своих руках продукцию чистой меди и серебра, могли выступать с большими массами этих товаров на ярмарках Лейпцига и Франкфурта-на-Майне и в наиболее крупных центрах мировой торговли, прежде всего в Антверпене[3].

Сама структура горно-плавильного дела в Мансфельдском графстве создавала по крайней мере возможности, предпосылки капиталистической формы производства. Для понимания и решения вопроса, насколько эта форма осуществлялась здесь в действительности, необходимо не только выяснить характер взаимоотношений между торгово-капиталистическими фирмами и связанными с ними хюттенмейстерами, и установить характер организации труда и положение рабочих на зейгерных плавильнях. Необходимо иметь в виду, что еще до проникновения крупных капиталистов и капиталистических компаний в горно-плавильное дело Мансфельдского графства там существовала и развивалась уже ранняя форма капиталистического предпринимательства. Мансфельдские графы, обладавшие на своей территории горной регалией, сдавали в лен плавильни в наследственное (Erbfeuer) или во временное (Herrenfeuer, Zeitpacht) пользование. Обе эти категории держателей плавилен, называвшиеся хюттенмейстерами, обязаны были обеспечивать свои плавильни, или, как они называются в документах и в переписке, «огни» (Feueren) материалами и деньгами, необходимыми для их нормального функционирования[4]. К каждому «огню» хюттенмейстеру сдавался соответствующий участок меднорудных разработок[5].

К началу XVI в. социальная дифференциация среди хюттенмейстеров достигла уже значительного уровня развития: среди них были уже и такие богатые капиталистические предпринима-

---

[3] Ibid., 6. Kap., S. 35—39.

[4] W. Mück. Der mansfelder Kupferschieferbergbau, Bd. I. Geschichte des Mansfelder Bergregals. (далее — W. Mück. Bergregal). Beilagen 29, 52, 54. В записях решений графов и их советников по делам отдельных хюттенмейстеров последним вменяется в обязанность аккуратно вкладывать в дело необходимые суммы. В горном уставе 1521 г. говорится, что хюттенмейстер обязан «nach Entpfahung des Lehens in 4 Wochen darnach beschremen und beulich belegen... bei verlust desselbigen durch Richter, Schepfen und Schaubern...» [W. Mück. Urkundenbuch, N 148, § 20 (16)].

[5] Ibid., N 18 (14). — «Es sal auch hinfurt durch unsern Bergkvogt niemands kein Bergkwergke dan Huttenmeistern nicht gelichen werden ..»

тели, которые смогли сделаться участниками компаний, владевших крупными зейгерно-плавильными предприятиями[6].

Складывавшиеся в мансфельдском графстве во второй половине XV и в XVI вв. формы капиталистического производства были разного характера и вместе с тем весьма сложными. Капиталистический характер отношений между отдельными прослойками хюттенмейстеров, между хюттенмейстерами и их наемными рабочими и, с другой стороны, с авансировавшими их фирмами в целом не может вызывать сомнений, но они осложняются регальной основой всего дела и весьма существенными поборами феодального характера. Что же касается промышленной деятельности проникавших в зейгерно-плавильное дело купеческих фирм, то ее нельзя безоговорочно характеризовать как капиталистическую. Отдельные фирмы были, как и другие крупные торгово-ростовщические компании, тесно связаны с феодальными владельцами и обладателями регальных привилегий. Отдельные мансфельдские графы, в особенности граф Альбрехт, были активными участниками зейгерно-плавильных компаний. Нельзя, однако, рассматривать всю деятельность этих фирм как сплошь некапиталистическую. Отдельные фирмы и отдельные периоды их деятельности требуют конкретного рассмотрения.

Для суждения о характере и судьбе разных форм предпринимательства в мансфельдской меднорудной промышленности в рассматриваемое время, о роли отдельных фирм и компаний, об условиях их развития, об отношениях, установившихся между разными категориями предпринимателей и между отдельными фирмами, о деятельности графов и их роли в судьбе горно-плавильных предприятий и всего горного дела в графстве, о положении горнорабочих и о ряде других вопросов имеются большие публикации источников, изданные Вальтером Мюкком и Вальтером Мелленбергом, Хроники, а также данные городских книг (Urkundbücher), частично собранные Гербертом Хельбигом[7].

На основании этих и других источников имеются исследования немецких ученых начала нашего века и последних лет.

Вальтер Мюкк в своей работе «История мансфельдской горной регалии» ставит своей целью выяснение происхождения, содержания и особенностей мансфельдской горной регалии, ее эволюции от 60-х годов XIV в. до 1814 г. и ее роли в судьбе медеплавильной промышленности в графстве за это время. Акт

[6] Вопрос о дифференциации среди хюттенмейстеров подробно разработан в монографии: E. Paterna. «Da stunden die Bergkleute auff», Bd. I, Berlin, 1960, S. 45—57 ff.

[7] Кроме больших публикаций Мюкка и Мелленберга см. также: C. Spangenberg. Mansfeldische Chronica. Der erste Theil. Eisleben, 1572; idem. Mansfeldische Chronica. Der dritte Theil. Eisleben, 1912; W. Möllenberg. Die Eroberung... Anhang: Zwölf Briefe Jacob Welsers d. Ältern von Nürnberg; H. Helbig. Quellen zur älteren Wirtschaftsgeschichte Mitteldeutschlands, V Teil. Weimar, 1953.

императора Карла IV от 21 июня 1364 г. о пожаловании мансфельдскому графу Гебхарду на территории внутри так называемых «императорских горных границ» (Kaiserliche Berggrenze) судебного и военного верховенства (Gerichtsbann und Heerbann) вместе с регальными правами на содержащиеся в недрах этой территории горные богатства [8] Мюкк объясняет особенно тесными отношениями, существовавшими тогда между графами Мансфельда и носителями императорской власти. Анализируя содержание этой опубликованной в «Мансфельдской Хронике» Спангенберга пожалованной грамоты, Мюкк подчеркивает, что совокупность предоставленных ею прав образует государственное верховное право (Staatshoheitsrecht) в рамках определенной территории, которое могло исходить только от императора и благодаря которому данная территория становилась непосредственно имперской [9]. На основании привилегии Максимилиана I от 1518 г. Мюкк показывает, что Мансфельдское графство сохранило свой характер непосредственно-имперской единицы и после того, как оно вместе с присоединенными к ней впоследствии владениями сделалось составной частью других территориальных княжеств — герцогства Саксонского, архиепископства Магдебургского и епископства Хальберштадт [10].

Рассказывая, как мансфельдские графы отстаивали непосредственно имперский характер своего владения в борьбе с попытками медиатизации со стороны соседних князей, Мюкк вместе с тем показывает, как впоследствии стала выявляться экономическая сторона мансфельдской горной регалии. После того как около середины XV в. в медеплавильном деле утвердилась техника зейгерования, мансфельдские разработки сделались конкурентами саксонского серебра [11]. Графы стали рассматривать регальные привилегии как основу своих доходов и финансов и стремились к их максимальному использованию. Мюкк прослеживает все изменения в характере применения графами на практике своих прав после того, как они в 1501 г. разделили владения графства на пятины и затем, когда с середины 30-х годов отдельные графы, вытесняя хюттенмейстеров, стали забирать горные предприятия в свои руки и вести их за свой счет. Мюкк характеризует дальнейшую эволюцию горной регалии, формы ее применения в 60-х годах, когда графы пытались предотвратить определившийся упадок горных предприятий новым переходом к объединенному их ведению (Zusammensetzung) с участием в управлении ими купеческих фирм, а затем в 70-х годах после того, как большая задолженность графов привела к фактическому установлению над мансфельскими горными пред-

[8] C. Spangenberg. Chronica, 1. Theil, Bl. 342A (cap. 291).
[9] W. Mück. Bergregal, S. 14—16.
[10] Ibid., S. 31—32.
[11] Ibid., S. 45.

приятиями опеки и верховного наблюдения саксонского курфюрста и других князей. Мюкк прослеживает и дальнейшие этапы в правовой эволюции мансфельдских плавилен и разработок. Рассматривая понятие мансфельдской горной регалии в том виде, как она исторически сложилась, Мюкк заключает, что «Мансфельдская горная регалия есть пожалованное императором и империей в лен графам мансфельдским верховное право, охватывающее совокупность всех публичных и частных прав, связанных с пожалованным горным делом» [12].

Стержнем исследования Вальтера Мюкка является, таким образом, правовая история горной регалии. Поскольку же Мюкк стремится показать изменения в характере использования регальных правовых норм на разных этапах конкретного развития горно-плавильного дела, то он уделяет много внимания экономической истории горных предприятий и социальным отношениям, отношениям между графами и авансирующими купеческими фирмами (Verleger), между этими последними и хюттенмейстерами, затрагивая в известной степени также отношение графов и авансирующих фирм к горнорабочим. Однако анализируемый Мюкком материал подчиняется им его основной цели — освещению правовой истории горно-плавильного дела Мансфельдского графства. Это чувствуется во всем его исследовании, несмотря на то, что он показывает, как под влиянием фактов экономической и социальной истории менялись формы и характер использования графами самих регальных прав. Отбор фактов продиктован был Мюкку превалированием его интереса к правовой истории. Собрав интересные данные о положении и судьбе хюттенмейстеров, Мюкк фактически обходит вопрос о самой сущности этой формы предпринимательства, о характере тех процессов, которые вели к их вытеснению. Не находим мы в исследовании Мюкка характеристики тех крупных купеческих фирм, которые на протяжении XVI — XVII вв. играли решающую роль в судьбе всего горного дела Мансфельда, так же как и происходивших между разными купеческими группировками конфликтов. Сами процессы, которые привели к упадку горное дело Мансфельда ко времени Тридцатилетней войны, остаются нераскрытыми.

Очевидно, что, по мнению Мюкка, решающее значение в судьбе мансфельдской меди, в успехах и неудачах ее производства, продвижения на мировые рынки, равно как и регулирования внутренних отношений и улажения конфликтов, имели горная регалия и пути ее применения.

Книга другого историка мансфельдского горно-плавильного дела Вальтера Мелленберга «Мансфельдское горное право и его история» также продиктована была ее автору его историко-

[12] W. Mück. Bergregal, S. 275.

правовым интересом [13]. Однако написанная Мелленбергом раньше другая его книга «Завоевание мансфельдской медью мирового рынка» показывает, что он стремился вскрыть экономические условия и силы, определившие характер отношений в этой достигшей высокого расцвета отрасли промышленности и все зигзаги ее судьбы.

Правда, и в этой книге чувствуется стремление показать регулирующие функции регальной власти графов в усложнявшихся с последней четверти XV в. социальных отношениях. К важным результатам бурного подъема медной горно-плавильной промышленности Мелленберг относит образование особого сословия (Stand), хюттенмейстеров, которые к концу XV в. становились самостоятельными предпринимателями. Наиболее предприимчивые хюттенмейстеры, такие как Ганс Лютер (отец реформатора), быстро богатели. Одако только отдельные из них, владевшие многими «огнями», становились крупными капиталистами. Таким был доктор Филипп Драхштедт, владевший 8 наследственными «огнями». Основная масса хюттенмейстеров в целях удовлетворения обнаружившейся потребности в значительных капиталах вступала в договорные сделки с купеческими фирмами, которые заранее скупали их продукцию и выдавали им крупные авансы (Verlag). Мелленберг обращает внимание на то, что отношения между хюттенмейстерами и авансировавшими их купцами контролировались графами. В исходивших от графов горных уставах устанавливалось, что договора между хюттенмейстерами и купцами должны оформляться у горного судьи, который регистрирует договор и выдает каждой стороне выписку о содержащихся в нем условиях. До их заключения договора должны были представляться самим графам на утверждение.

Однако главное значение деятельности обладателей регальной власти графов мансфельдских Мелленберг видит не только в их административных и регулирующих функциях, а в том, что они сами выступали как предприниматели и участники крупных капиталистических компаний. Деятельности же этих последних посвящена вся книга Мелленберга. Крупным капиталистическим компаниям, подчинившим себе горно-зейгерно-плавильную промышленность Мансфельдского графства, эта промышленность обязана, по мнению Мелленберга, своим расцветом в XVI в. завоеванным ею господствующим положением на мировом рынке. С большой тщательностью и с конкретными подробностями Мелленберг излагает историю Лейтенбергской, Ариштадской и других крупных компаний, действовавших в этом деле, роль в них южнонемецких, преимущественно нюрнбергских капиталистов и их взаимоотношений с лейпцигскими и средненемецкими капита-

[13] W. Möllenberg. Das mansfelder Bergrecht und seine Geschichte. Wernigerode, 1914.

листами, роль каждой фирмы и компании в общих производственных и торговых успехах, равно как и в неудачах, деятельность этих фирм и компаний в центрах медной и латунной промышленности, на ярмарках и в центрах мировой торговли.

Особое внимание Мелленберга привлекла история образования объединения по сбыту мансфельдской меди и борьба вокруг этого между сторонниками синдикального объединения, возглавляемыми нюрнбергским капиталистом Кристофом Фюрером и его главным нюрнбергским противником Яковом Вельзером старшим, связанным с торгово-капиталистическими фирмами Лейпцига, прежде всего с фирмой Хейнца Шерля. Симпатии Мелленберга явно на стороне тех, кто поддерживал идею синдиката. Он излагает биографию Кристофа Фюрера, касаясь его экономических и политических взглядов, которые он рассматривает как единую хозяйственно-политическую теорию, имевшую, по его мнению, значение не только для судьбы Мансфельдской меди, но и для ряда проблем имперской политики в области хозяйства и финансов [14]. Противника Фюрера — Якова Вельзера старшего — Мелленберг характеризует как человека, значительно более ограниченного, который не задавался широкими задачами, больше всего ценил спокойное ведение дел, без спекуляции и главное без напряжения усилий, направленных на завоевание монопольного положения [15].

Рассуждения Мелленберга в заключительной главе этой книги о судьбах мансфельдской меди с 40-х годов XVI в. направлены к тому, чтобы показать, что прежний период расцвета всего этого дела был тесно связан с преобладанием в нем нюрнбергского капитала и монополистических идей Кристофа Фюрера. После того как нюрнбергский капитал потерял здесь свое монопольное положение, мансфельдская медь не могла уже одерживать верх в конкурентной борьбе со шведской и венгерской медью. Синдикат, формально продолжавший существовать, не обладал уже прежней эффективной силой контроля над сбытом меди отдельными фирмами и над уровнем цен. Лейпцигский капитал получил более свободный доступ к мансфельдской меди, но это не привело к значительному расширению сферы торговли ею [16].

Таким образом, если Вальтер Мюкк, посвятивший свое исследование и свои публикации источников императору Вильгельму II, хотел подчеркнуть решающее значение для судьбы мансфельдского горно-зейгерно-плавильного дела регулирующей и направляющей роли регальной княжеской власти, то Вальтер Мелленберг, стремился показать, что и в XVI в. монопольное положение на мировом рынке являлось основным фактором

[14] W. Möllenberg. Die Eroberung des Weltmarkts..., S. 55—64.
[15] Ibid., S. 65—66.
[16] Ibid., S. 124—125.

расцвета и обеспечения конкурентоспособности решающих в стране отраслей промышленности и торговли.

Иным является подход к вопросу современного западногерманского историка Рихарда Дитриха, изучающего раннекапиталистические отношения в горнорудной промышленности и металлоторговле в Средней Германии.

Исследование Дитриха, напечатанное в 1958—1961 гг. в трех выпусках «Ежегодника по истории Средней и Восточной Германии», направлено против всеобщего применения концепции Я. Штридера о том, что капиталы крупных горных предприятий XV—XVI вв. образовались вне горного дела — в сфере торговли. По мнению Штридера, именно капиталы крупных южногерманских фирм, как Фуггеров и других, искали себе применения и нашли его в горной и плавильной промышленности, требовавшей крупных капиталовложений [17]. Дитрих пишет по этому поводу, что в Венгрии, Тироле и Испании так в действительности и обстояло. Капитал, накопленный Фуггерами в другой сфере, искал выгодного применения, которое он нашел в области горного дела.

К важнейшему же серебрянорудному району Средней Германии — к Рудным горам (Erzgebirge) — теория Штридера, по мнению Дитриха, не подходит, так как расцветом, начавшимся там в середине и во второй половине XV в., этот горный район обязан образовавшемуся в собственной сфере горного дела и металлоторговли капиталу [18]. Доказательству этого своего положения Дитрих посвящает первые два раздела своей работы. Что же касается Мансфельда, то хорошо известно, какую решающую роль играл там верхненемецкий торговый капитал. Здесь, пишет Дитрих, как будто все происходило по Штридеру. Однако, продолжает он, то, что Штридер считает характерным для раннего капитализма в области горного дела вообще — преобладающая роль верхненемецкого торгового капитала и спекулятивные методы, если и имело место в горной промышленности Мансфельдского графства, являлось результатом исключительных условий данного графства — задолженности графов и их неспособности к рациональному ведению дела, а вовсе не специфической чертой раннекапиталистических отношений в горной промышленности. Дитрих при этом подчеркивает, что и при указанных исключительных характерных для Мансфельдского графства обстоятельствах верхненемецкие фирмы (нюрнбергские Фюреры и др.) недолго занимали в мансфельдской медной зейгерно-плавильной промышленности гос-

[17] J. Strieder. Studien zur Geschichte kapitalistischer Organisationsformen. 2-te Auflage. München u. Leipzig, 1925, S. 13—14, 27—29, 38.

[18] R. Dietrich. Untersuchungen zum Frühkapitalismus im mitteldeutschen Erzbergbau und Metallhandel. Kap. VIII — «Jahrbuch für die Geschichte Mittel- und Ostdeutschlands», Bd. IX-X. Tübingen, 1961, S. 165—166.

подствующее положение, которое они с середины 30-х годов XVI в. начали уступать среднегерманским, прежде всего лейпцигским фирмам. Дитрих обращает внимание на то, что первоначальной основой развития меднорудной мансфельдской промышленности был повысившийся спрос на медь со стороны металлургической промышленности Нюрнберга. Удовлетворение этого спроса осуществлялось вначале местными «подлинными предпринимателями в области горного дела» (eigentliche Bergbaunternehmer), капиталы которых лишь дополнялись и поддерживались инвестированными капиталами извне (Fremdkapital) путем авансирования (verlagssystem). Лишь впоследствии, пишет Дитрих, инвестированные крупные капиталы сделались здесь преобладающими, чему — наряду с общей нуждой в притоке капиталовложений — немало содействовала необходимость технических нововведений и исключительная нужда в деньгах графов мансфельдских, стремившихся поэтому к увеличению своих регальных доходов [19].

Заслуживает быть отмеченным, что Дитрих, отрицая органическую связь раннекапиталистического развития горного дела в Средней Германии с проникновением в него крупных южнонемецких капиталов, обращается к раннему этапу развития горно-плавильного дела в Мансфельдском графстве, подчеркивает его связь с потребностями нюрнбергской металлургии и ту роль, которую стали играть в мансфельдском горно-плавильном деле «подлинные предприниматели». Несомненно положительным является то, что в этой связи Дитрих указывает на необходимость исследования отношений внутри самой горно-плавильной промышленности и выявления внутренних пружин ее изменчивой судьбы. Дитрих сам делает первый шаг в этом направлении, написав специальную главу «Социальные проблемы раннего капитализма», в которой широко использованы работы историков ГДР, посвященные положению горнорабочих, движению заработной платы и цен [20]. Основной материал этой главы относится к горнопромышленным районам Рудных гор, в которых не было «исключительных» обстоятельств, обусловивших особый характер развития в Мансфельдском графстве. Но и в отношении Мансфельда Дитрих обращает внимание на важность изучения внутренних социальных отношений для понимания положения горно-плавильного дела в этом графстве. Правда, горные кнаппы оставались там спокойными, но это, по мнению Дитриха, объясняется поражением Мюнцера в мае 1525 г. Нельзя, однако, игнорировать того, пишет он, что тюрингенские крестьяне бурно выступали в районах крупных зейгерных плавилен Лейтенберга и Арнштадта, участниками которых были мансфельдские графы и крупные торгово-капиталистические компа-

[19] Ibid., S. 128—129.
[20] Ibid., Kap. IX, S. 166—187.

нии, а также в районе плавильни Хохкирхена, принадлежавшей Фуггерам. В этих выступлениях, по словам Дитриха, проявилось недовольство широких масс деятельностью монополий и купцов, которых считали виновными в росте цен на предметы питания.

Необходимо, однако, заметить, что Дитрих, указывавший на важность изучения внутренних отношений в горно-плавильной промышленности для понимания ее характера, ограничился в этом отношении только постановкой вопроса. Так, Дитрих, как нам уже известно, указал на роль «подлинных горных предпринимателей» в ранний период мансфельдского горно-плавильного дела. Совершенно очевидно, что этими подлинными предпринимателями были в то время хюттенмейстеры, сложившиеся в последнюю четверть XV в. в особый слой самостоятельных предпринимателей. Но Дитрих не проявляет должного интереса к положению этого слоя, к тем силам, которые подрывали основы существования хюттенмейстеров и к тем методам, которыми их вытесняли. Можно ли считать эти методы методами капиталистической конкуренции? Каковы были положение и роль хюттенмейстеров впоследствии в период расцвета деятельности компаний? Уделяя большое внимание отношениям разных группировок торгово-капиталистических фирм между собою и с мансфельдскими графами, Дитрих видит главное содержание борьбы группировок в том, что достигшие здесь вначале господствующего положения нюрнбергские фирмы стали со второй половины 30-х годов XVI в. уступать первенство средненемецкому купечеству, прежде всего лейпцигским фирмам. Причины успехов одних фирм и неудач других остаются неясными. Они не вытекают из рассматриваемого в работе Дитриха разного характера деятельности боровшихся между собою группировок.

В своем анализе судеб горно-плавильной промышленности Средней Германии Дитрих исходит из наличия там двух разных форм применения капитала. Одна из них — спонтанно возникшая и развивавшаяся в условиях благоприятной рыночной ситуации и успехов горной и плавильной техники раннекапиталистическая форма. Другая форма, связанная с методами крупной спекуляции торгово-ростовщических компаний, утвердилась в Средней Германии и то не с самого начала — только в Мансфельдском графстве благодаря существовавшим там «исключительным обстоятельствам». Различая эти формы, Дитрих рассматривает их судьбы в горнопромышленных районах Средней Германии вне связи с общим вопросом о границах возможного развития раннекапиталистических элементов в условиях регального режима княжеского феодализма. Все трудности, которые возникали для этого развития в мансфельдских условиях, Дитрих связывает с указанными им исключительными обстоятельствами Мансфельдского графства, прежде всего с чрезвычайной задолженностью графов и их неспособностью к ведению дел, с тем, что

графы оказались невыгодными партнерами для среднегерманских капиталистических фирм, которые стали там успешно действовать после ухода южногерманских фирм. Вопрос о роли регалий не в своих «исключительных», а в «нормальных» проявлениях как феодальной привилегии, о роли условий феодального строя для развития капиталистических форм в горной промышленности не составляет предмета исследования Дитриха. Характерно, что в главе о социальных проблемах раннего капитализма Дитрих рассматривает вопросы о положении рабочих, об их социальном статусе, о процессе исчезновения тех прослоек горнорабочих, которые сохраняли те или иные формы самостоятельного существования. Но эти процессы рассматриваются им безотносительно к тем феодальным условиям, в которых они происходили. Цель Дитриха — показать, что и социальные отношения характерные для капитализма, в том числе и формирование класса наемных рабочих, складывались в достаточно выраженной форме там, где действовали собственные, накопленные в самом горном деле и металлоторговле капиталы. Там, где происходил процесс роста горного дела на основе внутренних капиталов, там, по мнению Дитриха, действия крупных торгово-капиталистических фирм также не являлись тормозом нормального хода развития. Деятельность лейпцигских и франкфуртских фирм в мансфельдской горно-плавильной промышленности не вели бы к катастрофе, если бы не указанные «исключительные» обстоятельства.

В 1960 г., за год до опубликования последнего раздела работы Дитриха, посвященного раннему капитализму в мансфельдской горно-плавильной медной промышленности из печати вышла монография в двух частях историка ГДР, профессора Берлинского университета Эриха Патерны «Da stundern die Bergkleute auff». В подзаголовках обоих томов уточняется, что предметом исследования является классовая борьба мансфельдских горнорабочих в XVI—XVII вв. (до 1622 г.), их экономические и социальные предпосылки. Профессор Патерна стремится показать, как развивались и совершенствовались формы борьбы горнорабочих против капиталистической эксплуатации. Прослеживая развитие горно-плавильного дела в Мансфельдском графстве, положение горнорабочих и их борьбу от середины XV в. до Тридцатилетней войны, Патерна устанавливает в заключении, что, хотя и не всегда прямолинейно, формы рабочего движения развивались там в основном по восходящей линии от пассивного индивидуального сопротивления эксплуатации к массовой наступательной борьбе, вначале стихийной, а затем ко все более и более организованным формам — к стачкам и вооруженным выступлениям [21].

[21] E. Paterna. Da Stunden die Bergkleute auft, Bd. 2. Berlin, 1960, S. 601—606.

Первые главы монографии Патерны посвящены вопросам экономического развития и социальных отношений. Нуждаясь в металлах для своих монетных дворов, мансфельдские графы связались с нюрнбергскими торгово-капиталистическими фирмами, которые стали строить зейгерные плавильни в лесах Тюрингии в расчете на продукцию мансфельдских хюттенмейстеров. С хюттенмейстерами же купеческие фирмы заключали договоры об авансировании (Verlag)[22]. Патерна обращает внимание на то, что системой авансирования хюттенмейстеры отстранялись от непосредственных связей с рынком, попадали во все большую зависимость от авансирующих купцов (Verleger), а это, по его мнению, вело к усилению между хюттенмейстерами конкурентной борьбы и процесса дифференциации, к возвышению одних, сделавшихся богатыми капиталистами предпринимателями, и разорению других, опускавшихся в ряды наемных рабочих[23]. О положении хюттенмейстеров и о происходившем среди них процессе дифференциации Патерна приводит материал источников. Однако эти все приведенные Патерна источники говорят не столько о «конкурентной борьбе» между хюттенмейстерами, которая сама по себе вряд ли должна была усиливаться в результате отстранения хюттенмейстеров от рыночных связей, сколько о разорении и обеднении многих хюттенмейстеров в результате действий авансирующих купцов, в данном случае крупных торгово-капиталистических фирм и тактики регальных графов. Подводя итоги изменениям в классовой структуре, которые произошли во второй половине XV в. в горно-плавильном деле Мансфельдского графства, профессор Патерна справедливо пишет, что методы, которыми осуществлялись эти новые явления, соответствовали охарактеризованным Марксом методам первоначального накопления. Вместе с тем Патерна стремится показать в своем экономическом и социальном анализе две параллельные линии развития — линию чисто капиталистического развития (расслоение хюттенмейстеров) и другую линию, в которой капиталистические отношения, по его мнению, не могли складываться (установившаяся между хюттенмейстерами и купцами система авансирования). В новых производственных отношениях, сложившихся к концу XV в. в мансфельдской медногорно-плавильной промышленности, Патерна подчеркивает черты и категории, установленные К. Марксом для отношений промышленного капитализма. Рабочие становились свободными в

[22] Т. е. о предварительном финансировании предприятия хюттенмейстера купцом, покупавшим в течение оговоренного договором об авансировании времени продукцию этого предприятия на определенных условиях. Эта система известна под названием «Verlagsystem», потому что ею мелкое предприятие обеспечивалось оборудованием и необходимыми для производственного процесса материалами.

[23] E. Paterna. Op. cit., Bd. 1, S. 57—58.

двойном смысле. Отношения простого товарного обращения, характеризуемые формулой Т — Д — Т, уступали место нарождавшимся отношениям промышленного капитализма — Д — Т — Д. Целью процесса производства становится производство прибавочной стоимости путем покупки товара, производящего прибавочную стоимость, т. е. наемной рабочей силы. По словам Патерны, эта функция промышленного капитала утверждалась наряду с продолжавшейся еще долго системой авансирования, внутри которой процесс перехода от присвоения прибавочной стоимости к ее созданию не мог еще осуществляться [24]. Изучение конкретных данных о движении рабочей силы на мансфельдских разработках и в плавильнях убеждает профессора Патерну в том, что к 1525 г. наемный труд играл там уже не подчиненную роль, а применялся в широких размерах. Патерна изучает положение тех капиталистических хюттенмейстеров, которые поднялись в XVI в. до положения крупных предпринимателей. Рост продукции меди на их предприятиях, так же как и масштабов применения рабочей силы, показывает, по его расчетам, что прибавочная стоимость шла у них на расширение производства и, следовательно, превращалась в капитал [25]. Анализируя самый процесс производства, формы разделения труда, характер и функции применявшихся орудий труда, профессор Патерна определяет их как компоненты капиталистической мануфактуры и заключает, что процесс производства в этой части мансфельдской горно-плавильной промышленности представлял собою единство процесса труда и процесса превращения прибавочной стоимости в капитал, т. е. носил уже ярко выраженный капиталистический характер.

Указанная выше цель монографии профессора Патерны — показать традиционность борьбы горнорабочих против капиталистической эксплуатации и эволюцию форм этой борьбы от XV—XVI вв. до нового времени — наложила свою печать на его анализ экономической сущности, классовой структуры и характера классовых отношений в мансфельдском горно-медеплавильном деле. Профессору Патерне важно прежде всего подчеркнуть, что рабочие с самого зарождения элементов капиталистического производства подвергались капиталистической эксплуатации, что именно против капиталистической эксплуатации началась уже тогда борьба горнорабочих, развивавшаяся по восходящей линии в последующее время. Патерна правильно говорит при этом, что зарождавшиеся элементы капиталистических отношений существовали наряду с сохранившимися элементами феодальной формации [26], что горнорабочие подвергались двойной

[24] E. Paterna. Op. cit., Bd. I, S. 72—73.
[25] Ibid., S. 78—87.
[26] Ibid., S. 93.

эксплуатации — со стороны капиталистов и графов[27]. Патерна приводит много конкретных фактов энергичных выступлений горнорабочих против графов. Однако дело представляется так у Патерны, что мансфельдские графы, заинтересованные в росте прибавочной стоимости и в помощи капиталистов против попыток медиатизации со стороны соседних князей, помогали капиталистам в осуществлении *капиталистической* эксплуатации горнорабочих. Нажим графов на горнорабочих и средства этого нажима в форме горных уставов и действий органов регальной власти рассматриваются при этом как моменты формировавшейся новой надстройки («надстройки в становлении»), необходимые, по словам Патерны, для укрепления нового капиталистического базиса[28]. Усилившаяся в результате борьба рабочих против этого нажима рассматривается Патерной как усиление борьбы против капиталистической эксплуатации.

Таким образом, переходный характер образовавшейся в мансфельдской горно-медеплавильной промышленности в XV—XVI вв. формы производственных отношений, наличие в ней элементов двух формаций профессор Патерна понимает так, что капиталистический характер эксплуатации уже определился, но что в его применении помогали сохранившиеся силы старой формации. Капиталисты и феодалы действовали согласованно против рабочих в целях утверждения капиталистической эксплуатации. Из анализа профессора Патерны логически вытекает, что в процессе этих общих действий феодалов и капиталистов и в обстановке заинтересованности графов в неизменном росте прибавочной стоимости антагонизм между элементами одной и другой формации, очевидно, стирается и уж во всяком случае существенной роли не играет. Профессор Патерна пишет о препятствиях, которые чинились образованию капиталистических элементов сохранившимися феодальными отношениями. Он указывает на препятствия со стороны феодальных собственников, старавшихся ограничить возведение некоторых сооружений. Указывается, что регальные поборы, судебные и административные привилегии ограничивали свободную деятельность бюргеров. Указывается и на то, что, будучи заинтересованы в доходах от горно-медеплавильного дела, графы имели и такие важные источники доходов, как города, рынки и бурги. Наконец, в главе, посвященной феодальным препятствиям, указывается на такие общие моменты, как феодальная раздробленность страны, как сохранившиеся у многих рабочих иллюзорные «привиле-

---

[27] Ibid., S. 109—110, 129—130, 179.

[28] Ibid., S. 178.— «Die damaligen Bergordnungen und sonstigen rechtlichen Bestimmungen erwisen sich also mehr und mehr als bemerkenswerte Elemente des im Werden begriffenen neuen gesellschaftlichen Überbaus, dem eine bedeutsame Rolle zufiel, um die sich herausbildende neue Basis zu festigen».

гии» и т. п. [29] Однако уже в следующей главе уточняется, что все эти препятствия постепенно преодолевались и что в конце концов верх одержали те тенденции, которые сделали графов, купцов и капиталистических хюттенмейстеров одинаково заинтересованными в увеличении эксплуатации рабочих [30].

При всех феодальных препятствиях характер эксплуатации, с которой приходилось бороться горнорабочим, представляется в книге Патерны уже тогда капиталистическим. В обзоре форм борьбы мансфельдских горнорабочих с самого начала зарождения капиталистических отношений не указывается такого периода, когда борьба рабочих заострялась не только против капиталистической эксплуатации, но в первую очередь против усложнившего эту эксплуатацию феодально-регального режима [31].

Можно понять профессора Патерну и вполне согласиться с ним, что революционные традиции мансфельдских горнорабочих восходят к тому времени подъема горно-медеплавильного дела, которое связано с зарождением в нем капиталистических отношений, т. е. к концу XV и началу XVI вв. Но этот вывод не станет менее убедительным, если окажется, что на первом этапе действовавшие в конечном итоге против горнорабочих графы, торгово-капиталистические фирмы и капиталистические хюттенмейстеры не были еще объединены общим стремлением обеспечить капиталистическую форму эксплуатации. Переходный характер производственных отношений, сочетание в них элементов двух формаций означает не только направленность всех разнородных элементов против эксплуатируемых рабочих, но и обострение антагонизма между ними в отстаивании каждым из этих элементов свойственного ему способа эксплуатации. Вопрос о прогрессивности движения горнорабочих на этом этапе несомненно связан с вопросом о месте, которое оно занимает, и о роли, которую оно играет в борьбе двух антагонистических формаций.

Прогрессивное значение движения горнорабочих в то время профессор Патерна видит в том, что борьба рабочих за лучшее человеческое существование против тяжелых условий невыносимого труда была уже тогда экономической необходимостью [32]. Не оспаривая этого верного положения, необходимо все же сказать, что для решения поставленного вопроса важно выяснить, какое место движение горнорабочих занимает среди всех других сил антифеодального лагеря.

■

О том, что хюттенмейстеры сложились во второй половине XV в. как особый социальный слой, что они состояли в ос-

[29] E. Paterna. Op. cit., Bd. 1, S. 95—100 ff.
[30] Ibid., S. 111—122 ff.
[31] Ibid., Bd. 2, S. 601—606.
[32] Ibid., Bd. 1, S. 214.

новном из местного умеренно состоятельного бюргерства и что к концу XV и началу XVI вв. в среде хюттенмейстеров происходил интенсивный процесс дифференциации, уже известно из работ Мюкка, Мелленберга и профессора Эриха Патерны. Для понимания характера этого процесса, его социального значения необходимо выяснить статус хюттенмейстеров и условия, в которых происходил среди них процесс дифференциации.

Прежде всего важно установить, что мансфельдские графы, придававшие исключительно важное значение регальным правам на горные и плавильные предприятия своей территории, завладевшие позднее значительной частью этих предприятий с тем, чтобы вести их за свой счет, старались с самого начала держать в рамках желательного им порядка всю организацию горно-плавильного дела и направлять ее в своих интересах. Поскольку хюттенмейстеры составляли тогда основную силу процесса добычи и производства меди, то графы стремились определить статус хюттенмейстеров и весь характер их деятельности так, чтобы они не выходили из этих рамок и служили стабильности основанного на регальных правах порядка. Позже, с 30-х годов XVI в., наиболее предприимчивые графы, в особенности граф Альбрехт, которому после раздела 1501 г. территории графства на пять частей («пятины») досталась пятина так называемой «задней территории» (Hinterort)[33], обратили внимание на выгоды капиталистической формы ведения предприятий и пытались приспособить эти формы и связанные с ними выгоды к условиям регального строя. Однако в отношении института хюттенмейстеров, особенно на ранних этапах, графы с большой настороженностью наблюдали за опасными для них тенденциями, связанными с разными условиями развития хюттенмейстеров, с проявлениями дифференциации среди них, с быстрым выдвижением отдельных хюттенмейстеров в ряды богатых предпринимателей — капиталистов. Тактика графов в отношении хюттенмейстеров и составлявшиеся ими горные и плавильные уставы показывают, что графы старались не допускать углубления этих тенденций и выхода хюттенмейстеров за поставленные им рамки служения стабильности существующего порядка.

В книгах записей конфликтных дел и разного рода сделок (Handelsbücher), отрывки из которых опубликованы Мюкком, приводятся многочисленные споры между хюттенмейстерами.

---

[33] С 1420 г. неоднократно проводился передел всего графства и доходов между графами (см. W. Mück. Bergregal, S. 59; idem. Urkundenbuch, N 159, 160, 429). Наиболее продолжительным был раздел 1501 г. между графами Гюнтером, Эристом, Хойером, получившими вместе «переднюю территорию» (Vorderort), графом Гебхардом, получившим «среднюю территорию» (Mittelort), и Альбрехтом, которому досталась «задняя территория» (Hinterort). При этом разделе, как и предыдущих, оговаривалось, что места охоты, рыбной ловли и горно-плавильного дела остаются неразделенными (см. W. Mück. Bergregal, Beilage 177; idem. Urkundenbuch, N 429, Anm. 1).

Патерна правильно указывает, что эти конфликты отражают происходивший между хюттенмейстерами процесс расслоения. Однако уже первая из этих книг, относящаяся к 1507—1509 гг., показывает, что графы стремились держать этот процесс под своим строгим контролем и по возможности тормозить его. Согласно записи от 9 июля 1507 г. хюттенмейстеры Хильдебрандт и Шлахенхауф заявили о невозможности для них дальнейшего ведения своего плавильного предприятия ввиду бедственного положения, в которое они пришли. Они просят освободить их от этого и разрешить им передать свое предприятие состоятельным хюттенмейстерам — доктору Филиппу (Драхштедту) и Гансу Лютеру. Решение было отложено, поскольку поверенный (Anwalt) графа Хойера не получил на этот счет указаний [34] [35]. Объявленное три недели спустя решение графов сводилось к тому, что разрешение на передачу двух плавилен Драхштедту и Лютеру может быть дано лишь при условии, что последние не возьмут на себя лежащих на этих предприятиях долгов и что сами графы определят время, на которое указанные плавильни им сдаются [36]. Если обедневшие Хильдебрандт и Шлахенхауф назвали состоятельных хюттенмейстеров, которые могут взять на себя их задолженность, то графы дали понять, что они против использования задолженности в целях перехода плавилен в руки богатых хюттенмейстеров. Они, таким образом, пытались предотвратить казавшееся неизбежным вытеснение одних обедневших хюттенмейстеров другими более состоятельными. Из акта от 29 февраля 1508 г. мы видим, что Хильдебрандт и Шлахенхауф остались участниками плавильного предприятия в указанном месте (im Rodichen) и что вместе с ними другими его участниками были Ганс Лютер и Ганс Херольт. Вместо ожидавшегося устранения задолжавших хюттенмейстеров они оказались соучастниками других более состоятельных хюттенмейстеров. При этом самый богатый претендент на эти плавильни — доктор Драхштедт не упоминается в числе участников. Согласно этому акту советники графов заняты теперь улажением вопроса о погашении четырьмя хюттенмейстерами лежащего на этом предприятии долга купцу Эйхенхейзеру в 2300 гульд. Поскольку эти хюттенмейстеры продали свою медь не этому купцу, а другому, то советники решили, что из вырученной за медь суммы 300 гульд. должны быть уплачены первому купцу, а остальные 2000 гульд. должны считаться авансом (Verlag) на две плавильни, о которых идет речь [37]. Из этого видно, что, стремясь освободить горно-плавильные предприятия от задолженности по

[34—35] W. Mück. Bergregal, Beilage 36.

[36] Ibid., Beilage 38.— «...das sie darufi oder derhalbin in keyne Schulde vor sie treten oder sich vorheften sollen, auch. m. g. H. umb zeit wie lang Ihre G. die Feuer austun wollen, ansuchen».

[37] Ibid., Beilage 43.

ним, графы считали для себя невыгодным устранение задолжавших хюттенмейстеров и старались их удержать. В приведенном случае, улаживая конфликт, графы были далеки от того, чтобы сразу покрыть всю задолженность путем передачи купцу права распоряжаться плавильнями.

В январе 1508 г. Георг Хенсель, владевший плавильным предприятием еще с одним хюттенмейстером, будучи обременен долгами, уступил свою часть одному купцу. Граф дал на это свое согласие только при условии, что в течение года половина Хенселя будет считаться закладом, подлежащим выкупу. Если Хенсель не выкупит своей части в течение года, то купец обязан ее продать другому, живущему во владениях графа, и притом так, чтобы другому хюттенмейстеру, которому принадлежит другая половина предприятия, не был причинен вред этой сделкой [38].

Очевидно, что в сохранении основного слоя хюттенмейстеров и их повинностей графы — по крайней мере в начале XVI в.— видели известную гарантию стабильности существующего порядка, когда они остаются хозяевами положения. Они стремились поэтому держать в своих руках ключ к решению всех возникавших между хюттенмейстерами конфликтов и насколько это представлялось возможным решать эти конфликты в духе стабильности.

Характерно решение спора между Землером, Лютером, Вертером, Полнером и Безенштедтом, с одной стороны, и остальными менее зажиточными хюттенмейстерами (обозначенные здесь как Gewerken), с другой стороны, по поводу назначения шихтмейстера. Согласно записи от 17 апреля 1507 г. указанные состоятельные хюттенмейстеры назначили шихтмейстером Гуткесена, что вызвало недовольство остальных участников общих разработок. Тогда графы по определению участников (auf Angeben der Gewerken) назначили на ближайший год шихтмейстером Эккарта, обязав его присягой соблюдать интересы всех участников, рационально расходовать деньги — по счету каждого, расходы на водоотводные сооружения, так же как и другие расходы, производить по их желанию и указаниям. Первым же пунктом присяги шихтмейстера было его обязательство не допускать такие манипуляции, которые могут привести к ущербу графам в их доходах [39]. Графы, таким образом, связывали сохранение в целости своих доходов с сохранением мелких участников — хюттенмейстеров — и более равных условий для их предпринимательской деятельности.

15 января 1508 г. 40 хюттенмейстеров, среди которых мы видим такие имена, как доктор Драхштедт, Андрес Маккенродт, Георг Орлемунде, Курт Херольт, Ганс Лютер, Клаус и Кристоф

---

[38] Ibid., Beilage 42.

[39] Ibid., Beilage 29.— «...das ich meyn Gn. H. getreue und gewere sein wil, Ir Gn. schaden uffm Berge nicht Worschweygen, sunder getreulich warnen und Ihren Fromen nach meynem Vormogen fordern...»

Мейнхардты и другие, дали обязательство строго соблюдать «реформацию» (т. е. устав) этого же года. Пункты же этого плавильного и горносудебного устава направлены в основном на ограничение конкуренции между хюттенмейстерами. Такое именно значение имеют пункты, регулирующие порядок покупки угля и древесных материалов, устанавливающие норму запасов угля на одну плавильню и максимальные цены на уголь, выше которых под угрозой штрафа нельзя платить. Строго запрещается сманивание угольщиков, которые доставляют уголь определенному хюттенмейстеру. Запрещается выход навстречу угольщикам, везущим уголь на рынок с целью их перехвата. Такой же порядок устанавливается в отношении наемной рабочей силы: под угрозой штрафов запрещается повышение заработной платы рабочим, предписывается не делать рабочим какие-либо послабления в отношении чистоты добываемых ими сланцев. Никто из хюттенмейстеров не должен переманивать к себе рудокопов, плавильщиков и чернорабочих. Если кто-либо нанял рабочего, не зная о том, что тот работал раньше у другого, то он обязан его уволить как только он об этом узнает. Эти запреты свидетельствуют о методах, применявшихся состоятельными хюттенмейстерами с целью устранения более слабых, но они же указывают и на то, что графы стремились не допускать этих и других методов конкуренции. С этой же целью 12-й пункт устава предписывает, чтобы никто из хюттенмейстеров не нарушал общих, устанавливаемых для всех сроков плавления — между постом и Новым годом [40]. В целом устав 1508 г. звучит как регламентация, имеющая целью нивелировку условий для всех, попытку воспрепятствовать процессу расслоения. Энергичный характер этой попытки виден из предусмотренных в уставе наказаний за его нарушение: нарушители, имеющие собственные «огни», теряют свою собственность, а те, которые пользуются графскими ленными «огнями», подвергаются телесным наказаниям. Наказаниям подвергаются не только сами нарушители, но и те, которые, зная о таких нарушениях, не доносили.

Ту же тактику, продиктованную стремлением воспрепятствовать процессу расслоения среди хюттенмейстеров, отражают также записи книги 1511—1512 гг. Разбогатевший хюттенмейстер Земмлер обратился 19 июля 1511 г. с просьбой разрешить ему прибавить к его трем плавильням еще одну и вместе с тем получать для своих плавилен дополнительные количества сланцев с рудника «Новый цех» (Naue Zeche). В этой просьбе ему было отказано [41]. Земмлеру, однако, удалось три месяца спустя,

[40] W. Müc k. Urkundenbuch, N 145, § 12.— «Item es mag auch ein iglicher Huttmeister mit unserm Willen uf Mitfasten unde nicht ehir anlassin unde nicht lenger Schyfern smeltzen, dan ufs naue Jar».

[41] W. Müc k. Bergregal, Beilage 64.— «...dasselbig m. g. H. yme nicht hat nachlassen wollen».

когда хюттенмейстеры делили между собою $14^1/_2$ горных лена на нижнем Хорбеке добиться выделения ему половины всех леиов [42]

Чувствуя себя стесненными регламентацией их деятельности, эйслебенские хюттенмейстеры в январе 1512 г. указали графам на большие накладные расходы, которые им приходится тратить. Вследствие того, что им не разрешено плавить раньше установленного для всех времени, им приходится платить сторожам, охраняющим запасы сланцев и угля, и производить ряд других расходов, связанных с этим. В просьбе было, однако, отказано: приведенные аргументы не были признаны «заслуживающими внимания» [43]. Исключение было допущено только в отношении Тиля Ринка, плавильням которого причинен был большой ущерб.

Весьма характерно отношение графов к возникавшим объединениям хюттенмейстеров. Известно, что в горно-плавильном деле Мансфельдского графства каждый хюттенмейстер мог вести свои предприятия самостоятельно и обособленно. В ряде же случаев хюттенмейстеры в интересах сокращения расходов или установления механизма объединялись для проведения осушительных и других работ. Так, 15 хюттенмейстеров, имевших доли в районе деревни Вольфсроде, объединились около середины 1511 г. с целью установить сообща водоотводные сооружения. Участники этого объединения, среди которых были такие влиятельные лица, как Драшхтедт, Земмлер, Ринке и другие, добивались участия всех других хюттенмейстеров этого района, но это им удалось только в отношении некоторых. В результате как внутри объединения, так и вне его постоянно происходили конфликты по поводу степени участия каждого в общих расходах и по другим вопросам [44]. Сами по себе такие конфликты содействовали графам сохранить контроль в своих руках и были им выгодны. Графы стремились в ряде случаев придать объединениям принудительный характер, что должно было оказывать нивелирующее действие и задерживать процесс расслоения в среде хюттенмейстеров. В записи от 13 июня говорится, что участники, пользующиеся водоотводным механизмом, выразили недовольство тем, что многие из них не желают платить за отвод воды и указывают, что не нуждаются в функционировании этого сооружения, поскольку их шахты и без этого осушаются. В ответ на эту жалобу графы установили, что в расходах на содержание сооружения участвуют как владельцы участков, непосредственно примыкавших к нему, так и расположенные несколько дальше. Большинство участников с этим согласилось.

[42] Ibid., Beilage 79.

[43] Ibid., Beilage 80.— «Dieweil aber mein g. H. nicht befunden, das solchs uss den das zu verstaten ader nochzugeben geweigert».

[44] Ibid., Beilage 58.

но другая часть нашла несправедливым, чтобы они, не нуждаясь в водоотводном сооружении, оплачивали его наравне с тем, которым оно необходимо. Однако графы в интересах всего рудникового района решили оставить в силе свое прежнее решение[45].

Это стремление графов распространить обязанности по содержанию водных сооружений на всех обнаруживается и в ряде других записей[46]. Во всех разбиравшихся делах чувствуется тактика графов исходить не из индивидуальных интересов отдельных предпринимателей, а из общих интересов разработок. Но в устах графов «общие интересы разработок» означали не что иное, как обеспечение непрерывности в поступлении регальных доходов. По представлению графов, гарантией сохранения такого положения явится связанность всех графской опекой, графским регулированием общих дел. При таком регулировании графы могли придавать делу такое направление, чтобы вводимые технические усовершенствования служили не отдельным предпринимателям, а «делу сохранения разработок» (des Berges Erhaltung) и притом так, чтобы горно-плавильное дело не только давало доход, значительно превышающий предпринимательскую прибыль, но чтобы регальные доходы были границей прибыли, а не наоборот. Насколько это ущемляло предпринимательские интересы хюттенмейстеров и задерживало их развитие по капиталистическому пути, можно судить по тому, что хюттенмейстерам при неблагоприятных условиях грозило прекращение предпринимательской прибыли. Поэтому мы видим, что хюттенмейстеры, указывая на такие обстоятельства, то заявляли о своем желании покинуть плавильни и разработки[47], то просили о снижении им регальных поборов до уровня десятины[48]. Запись от 22 октября 1511 г. отмечает жалобы покупателей меди на то, что хюттенмейстеры сплавляют медь с грязными примесями. Ответом на эту жалобу был приказ графов внимательно следить за чистотой меди и подвергать за грязные примеси строгим наказаниям как самих хюттенмейстеров, так и рабочих-плавильщиков[49]. В том, что этот случай далеко не единичный, можно убедиться из содержащихся в горных уставах и в отдельных заявлениях графской администрации строгих предупреждений против приема нечистых сланцев[50]. Вместе с тем приведенная запись свидетельствует, что эти сопровождаемые угрозами на-

[45] W. Müek. Bergregal, Beilage 59.
[46] Ibid., Beilage 61, 74, 78.
[47] Ibid., Beilage 68, 75.
[48] Ibid., Beilage 81.
[49] Ibid., Beilage 79.— «...dass die Huttenmeister yne zu grosser Beschedigung in die Kupere Sauc mit undir-brechten... Daruf dem Berckvoigt und Richter bevolen... sollen sie die Buess unnachlessig fordern und nehmen und die Huttenknecht noch Rechte darumb gestraft werden».
[50] W. Müek. Urkundenbuch, N 145, § 10; N 148, § 33 (30); N 149, § 36.

казаний предупреждения направлены не только против рабочих, но и против хюттенмейстеров, которым регальный режим, связывавший их предпринимательскую деятельность, был также ненавистен.

Проводя тактику сохранения статуса хюттенмейстеров, которых они старались подчинить устанавливавшемуся ими регальному режиму и стремившись сделать слой хюттенмейстеров средством стабильности этого режима, мансфельдские графы внимательно сдедили за отношениями между хюттенмейстерами и рабочими, между горняками и плавильщиками.

О мерах против рабочих волнений, против оставления рабочими своих рабочих мест, против нищих и подозрительных, которых приказано задерживать и арестовывать, против нерадения рабочих (seumen) на самой работе можно узнать из тех же Handelsbücher [51]. Одни из этих мер приняты были по жалобам хюттенмейстеров, другие — по инициативе самих графов. Относящиеся сюда факты приведены в книге профессора Патерны в главе «Классовая борьба мансфельдских рабочих до 1525 г.» Патерна обращает внимание на те случаи, когда рабочие совершали акты мести не против хюттенмейстеров непосредственно, а против графских владений и подчеркивает, что графы возлагали ответственность за действия рабочих на хюттенмейстеров — капиталистов. Однако профессор Патерна в соответствии со своей концепцией утверждает, что, поддерживая хюттенмейстеров и борясь против движения рабочих, графы отстаивали капиталистическую эксплуатацию рабочих хюттенмейстерами, гарантируя тем самым свое участие в присвоении прибавочной стоимости, производимой рабочими. Если вначале, пишет Патерна, графы считали эвентуальными преступниками как рабочих, так и хюттенмейстеров, то начиная с устава 1504 г. меры графской администрации направлялись уже против образующегося класса «горняков-пролетариев» (Bergarbeiterproletariats) [52].

Однако, как мы уже видели, загрязнение меди портящими ее примесями рассматривалось и после устава 1504 г. как преступление, совершаемое рабочими при явном попустительстве хюттенмейстеров, которые подвергались за это наказаниям в первую очередь. В горно-плавильном уставе 1508 г. запрещение приема нечистых сланцев обращено прямо и прежде всего к хюттенмейстерам. Им же прежде всего адресованы и угрозы наказаниями и штрафами. Данное преступление рассматривается в этом уставе в том же восьмом пункте, в котором хюттенмейстерам строго воспрещено повышение заработной платы забойщикам [53]. Приведенная выше жалоба купцов покупателей меди на грязные примеси и вызванное этой жалобой распоряжение гра-

[51] W. Müc k. Bergregal. Beilagen 58, 63, 64, 76 u. a.
[52] E. P a t e r n a. Op. cit., Bd. 1, S. 189—190.
[53] W. Müc k. Urkundenbuch, N 145, § 8.

фов о наказании за это преступление хюттенмейстеров и рабочих-плавильщиков относятся к октябрю 1511 г. Они показывают, что данный пункт устава нарушался как хюттенмейстерами, так и рабочими. В данном уставе, так же как и в других, указывается, что и другие пункты нарушались преднамеренно. Другими словами, между хюттенмейстерами и графами происходила в то время постоянная борьба, смысл которой заключался в том, что хюттенмейстеры отвергали регламентационную тактику графов, лишавшую их возможности использовать путь свободной конкуренции. Хюттенмейстеры искали путей обхода этой регламентации. Одним из таких путей могло быть загрязнение продукции. Рабочим же это не могло приносить никаких выгод.

Если, таким образом, хюттенмейстеры, недовольные по крайней мере отдельными тяжелыми условиями регального режима, нащупывали возможные формы борьбы против него, используя в ряде случаев общее недовольство рабочих своим положением, то это вполне объясняет, почему графы возлагали ответственность на хюттенмейстеров, штрафовали и наказывали их за враждебные действия рабочих против установленного порядка. Предписания графов о подавлении рабочего движения были не столько поддержкой хюттенмейстеров в капиталистической эксплуатации, сколько актом сохранения прежнего статуса хюттенмейстеров, попыткой задержать происходивший среди них процесс расслоения и приспособить деятельность и положение хюттенмейстеров к условиям регального режима и регальных поборов.

Таким образом, хюттенмейстеры как предприниматели, становившиеся на путь капиталистического производства, жаловались графской администрации на недостаточное усердие рабочих и в то же время они были настроены против графской администрации и регламентаций, лишавшей их свободы действий. Графы же требовали, чтобы при всех обстоятельствах хюттенмейстеры производили необходимые производственные затраты, чтобы работа горно-плавильных предприятий не останавливалась. О напряженных отношениях между графами и хюттенмейстерами свидетельствует строгое предписание графов (в 1511 г.) хюттенмейстерам аккуратно выдавать шихтмейстерам деньги на ведение предприятий, так как нарушение сроков выдачи денег наносит делу большой вред. Если же в течение ближайших 14 дней горный судья узнает, что очередной взнос денег не был сделан, то судья или фогт предупреждают хюттенмейстеров вторично и в случае дальнейшего промедления на его имущество налагается арест и он лично подвергается штрафу в 4 гульдена, а после еще 4 дней промедления штраф удваивается и в дальнейшем последовательно возрастает [54].

[54] W. M ü c k. Urkundenbuch, N 147.

Та же тактика графов, направленная на сохранение статуса хюттенмейстеров, на нивелирование условий их предпринимательской деятельности, на сокращение возможности конкуренции между ними и вообще на подчинение их делу стабильности регального управления, содержится также в наиболее полном мансфельдском горно-плавильном уставе от 1521 г. Без ведома горного фогта и назначенных графами наблюдателей (Schauherren) не устанавливать заработной платы забойщикам[55]. Запрещается выдавать в виде поощрения зарплату авансом[56]. Никому из хюттенмейстеров не разрешается переманивать рабочего или угольщика у другого. Запрещается запасаться углем сверх установленной нормы и плавить вне установленного времени[57]. В целях уравнения условий для всех хюттенмейстеров наблюдателям предписывается следить за тем, чтобы каждому хюттенмейстеру обеспечены были участки разработок соответственно потребностям его «огней». Если наблюдатели обнаружат, что кто-либо из хюттенмейстеров не имеет на каждый «огонь» горных ленов и оборудованных шахт в достаточной степени как полагается[58], то они должны обратить на это внимание горного фогта и судьи, а те обязаны «незамедлительно» исправить положение. В этом и в других пунктах устава 1521 г. подчеркивается, что обязанность наблюдателей заключается в том, чтобы организация дела служила «интересам регальных господ, разработок и хюттенмейстеров» (sundern der Herschaft, ges Berges und Huttenmeister gehandelt Werde). Но эта формула о сочетании интересов могла означать только то, что интересы хюттенмейстеров должны быть подчинены непрерывному функционированию предприятий и нерушимости регальных доходов с них. Эта формула повторяется в следующем пункте устава, «в котором должностным лицам предписывается «усердно думать» (vleissiglichen nach drachten) над тем, какими средствами можно добиться снижения «тягостных накладных расходов» (leiderligsten Uncosten), они же должны обследовать условия труда в разных местах и выяснить, где можно еще снизить заработную плату[59].

Как видим, речь шла и в этом уставе не столько о помощи хюттенмейстерам в капиталистической организации и капиталистической эксплуатации, сколько о том, чтобы тормозить переход к новой форме производственных отношений и подчинить основанное на предпринимательской деятельности хюттенмей-

[55] Ibid., N 148, § 30 (26).
[56] Ibid., § 46 (43).
[57] Ibid., § 42 (39).
[58] Ibid., § 52 (49).— «...und so sie befinden, dass nach Laut itziger Reformation... uf ein Fuer nit soviel Lehen und erpaute Schecht, wie einem iden aufgelegt, habend ist, dasselbige sollen sie dem Bergvogte und Richter... nach unsrn Reten oder darzu verordenten anzeigen...»
[59] Ibid., § 53 (50).

стеров горно-плавильное дело регальным интересам графов. В этом плане следует рассматривать и нажим графов на рабочих. Характерен в этой связи текст присяги горных кнехтов, т. е. рабочих. Они обязуются аккуратно доставлять каждому хюттенмейстеру принадлежащие ему медные сланцы и участвовать в обороне графства в случае военного нападения на него[60].

Вместе с тем в горном уставе 1521 г. нашли отражение изменения, которые к тому времени определились в мансфельдском горно-плавильном деле. Они заключались в том значении, которое получили крупные торгово-капиталистические компании, завоевавшие для мансфельдской меди господствующее положение на мировом рынке, успешно конкурируя с венгерской медью, принадлежавшей турцо-фуггеровской фирме. Крупные торговцы медью, вначале преимущественно южнонемецкие, в целях обеспечения за собою продукции мансфельдских горно-плавильных предприятий, строили уже с конца XV в. зейгерные плавильни в Тюрингенских лесах, объединялись в компании, сконцентрировавшие в своих руках значительные капиталы и скупавшие путем авансирования (Verlag) хюттенмейстеров изготовлявшуюся на их предприятиях сырую медь. Хотя предприимчивые мансфельдские графы участвовали сами в крупнейших компаниях уже с 70-х годов XV в.[61], было все же очевидно, что они не обладают для этого необходимыми средствами и что решающая роль в них людей капитала бесспорна. Все более очевидным становилось и то, что проникновение в горно-плавильное дело отдельных торговцев и торгово-капиталистических компаний, держащих в своих руках завершающую стадию в производстве чистой меди (Garkupfer), продвигающие ее на внутренние и мировые рынки и подчиняющие себе хюттенмейстеров, грозит подрывом всей системы мелких самостоятельных хюттенмейстеров, которую графы рассматривали как гарантию стабильности своих доходов и своего господствующего положения. Устав 1521 г. содержит пункты, направленные на торможение этого процесса.

Ни один хюттенмейстер не имеет права заключать договора о продаже меди купцу без ведома графов, разве только, если сделка с купцом исключительно выгодна хюттенмейстеру[62]. Если же хюттенмейстеру, заявившему о предстоящей его сделке с купцом, со стороны графов не последует никаких указаний, то

[60] Ibid., § 37 (34).— «...einem jeden Huttenmeister die Schiffern, so ime zustendig, an sein gehorendt Ende, zu sturzen und keinem andern... Dergleichen, so jemandt mit Herzugk ader sunst die Grafeschaft M. uberziehen und beschedigen wurden, solich in Eile zuvorkomen helfen».

[61] W. Möllenberg. Die Eroberung des Weltmarkts durch das mansfeldische Kupfer. Gotha, 1911, S. 11—12 ff.

[62] W. Mück. Urkundenbuch, N 148, § 9, 10, 11 (7).— «...es were dan, das der Huttenmeister einen besundern statlichen Kauf mit dem Kaufman macher und beschliessen kundt».

сделка может быть заключена, но не больше, чем на 2 года, и с обязательным ее занесением в «книгу дел».

Текст этого пункта устава 1521 г. показывает мотив, лежащий в основе запрета договора об авансировании. Если представляется совершенно очевидным, что условия договора выгодны хюттенмейстеру, то сделка может быть совершена без особого разрешения графов. Дело, таким образом, в том, что должна быть предотвращена возможность нажима купцов на хюттенмейстера помимо контроля графов.

В другом пункте этого устава указывается, с какой осторожностью следует подходить к разбору дел о задолженности хюттенмейстера купцу. Во-первых, сами графы, лично или через своих советников, приложат все усилия к мирному решению спора. Если дело дойдет до суда и будет выиграно купцом, то исполнение решения суда должно быть отложено на год с тем, чтобы за это время были использованы все возможности погашения долга или договоренности сторон. В конце этого пункта подчеркивается, что при улаживании такого дела и решении судьбы горно-плавильного предприятия хюттенмейстера следует руководствоваться принципами данной «реформации», т. е. горно-плавильного устава, чтобы таким образом оставались незыблемыми графская десятина и все, что графам полагается [63].

Сохранность десятины и других своих регальных прав графы связывали, таким образом, с возможной сохранностью горных предприятий у хюттенмейстеров. В другом пункте этого же устава также подчеркивается необходимость предоставления хюттенмейстеру годичной отсрочки после установления судом факта его задолженности купцу. Если, однако, в конце концов плавильня хюттенмейстера и примыкающий к ней горный участок перейдут к купцу, то купец не должен допускать таких изменений в положении горно-плавильного предприятия, которые приведут к нарушению «данной реформации». Здесь же разъясняется, что именно будет считаться нарушением «реформации». Если купец, получив по суду предприятие хюттенмейстера, не захочет поселиться здесь во владениях графов вместе со своими наследниками и пожелает взять предприятие в свое «общее дело» и таким образом не станет руководствоваться графской «реформацией», то за это он теряет как плавильню и горный участок, так и все их оборудованные части. Все это перейдет к графам и их наследникам в полное распоряжение [64].

[63] Ibid., § 13 (9). — «...das fertigen und geniessen nach Innehalt disser Reformation, dadurch uns unser Zehendt und Gepurendt nit abghe».

[64] Ibid., § 14 (10) — 16 (12). — «Und wan dem Kaufman uber schuldt das Hutten und Bergkwergk eingeantwurt, sal er solichs in peulichem Wesen mit Schmeltzen und allen andern nach leut diser Reformation, dergleichen dem Huttenmeister Jars Friest zu gute halten und, so er sich folgendt nit selbst in der Herschaft, sesshaft macht und auch (nicht) auf sich und seine Erben, sundern uff gemeina Handel entpfinge und also unserer Reformation nach nicht halte

Нежелание графов, чтобы предприятия задолжавших хюттенмейстеров перешли в купеческие руки, выражено здесь вполне ясно. В таком переходе, так же как и в процессе расслоения среди самих хюттенмейстеров, графы видели угрозу своим верховным правам и регальным доходам. Характерен и тот пункт устава 1521 г., согласно которому хюттенмейстерам под угрозой потери сданных им шахт запрещается продавать кому-либо добытые в них сланцы; они обязаны переправлять их прямо в свои «огни» для плавки [65].

■

Горно-плавильный устав 1521 г. отражает, таким образом, заботу мансфельдских графов о том, чтобы возрастающее значение крупных торгово-капиталистических предпринимателей, державших в своих руках завершающий акт производства меди — зейгерное дело — и важнейшие рыночные связи мансфельдской меди, не привело к подрыву местного мелкого предпринимательства хюттенмейстеров. Задачи, которые ставили перед собою графы — сохранение своего контроля в условиях зарождавшегося капиталистического предпринимательства, подчинение новых процессов условиям регального режима, становились все более сложными. Но графы действовали с самого начала в двух направлениях: стремясь задержать, насколько возможно, происходивший процесс расслоения хюттенмейстеров и не допускать их поглощения купцами, графы уже с 70-х годов XV в. старались активно участвовать в торгово-капиталистических компаниях. Это видно из начальной истории зейгерно-плавильного дела в Тюрингии. Первая зейгерная плавильня в Тюрингии возведена была в 1464 г. группой нюрнбергских бюргеров на речке Штейнахе на месте старой молотовой (Hammerwerk), сданной им для этой цели саксонским герцогом Вильгельмом. Саксонский герцог ограничился установлением ежегодного платежа в тридцать гульденов вместо восьми гульденов, которые он получал за молотовую, когда она еще действовала [66]. За тридцать же гульд. ежегодного платежа двое других нюрнбергцев получили в 1479 г. мельницу с целью сооружения на ее месте плавильни [67]. Мансфельдские графы пожелали оставить зейгерное дело в собственных руках. Они не обладали для этого необходимыми средствами, но мы их видим в числе участников первых крупных зейгерно-плавильных компаний.

---

wurde, sal er dardurch des Hutten und Bergkwergks mit Hutwergken, allen erpauten Teilen verlustig [sein], das uns, unsern Erben und Nachkomen, unsers gefallens domit zu geparen, heimgefallen sein soll».

[65] Ibid., § 34 (31).

[66] W. Müc k. Urkundenbuch, N 263, S. 361—363.

[67] Ibid., N 265, S. 366—367.

Договор об образовании первой такой компании датирован 4 июля 1472 г. Участники его Фридрих — граф Хеннебергский внес 1000 гульд., Гюнтер — граф мансфельдский внес столько же, 2000 гульд. внесли вместе Гессен Команн и Генрих Хугельккен и 1000 гульд. внесли Герхарт Хагк и его жена Штина. Другой граф мансфельдский Фольрад обещал внести 1000 гульд., «когда сможет». Собран был, таким образом, основной капитал компании в 5000 гульд. Участники внесли, кроме того, по 100 гульд. каждый на строительство новой зейгерной плавильни в Шварца (в графстве Хеннеберге). На этой и на старой плавильне в Мансфельде компания будет производить зейгерование мансфельдской сырой меди (Schwarzkupfer) и сбывать продукцию (чистую медь и серебро) на рынках. Договор заключен на 10 лет на условиях равного участия в расходах, прибылях и убытках. Граф Фольрад, который не внес еще своей доли основного капитала, не будет участвовать в прибылях, пока не сделает своего взноса.

Функции участников определяются в особом пункте договора. Команн будет вести коммерческую деятельность компании: сбыт меди и серебра и обеспечение плавилен свинцом, на Хагка и его жену возлагается техническое руководство работами на плавильнях и наблюдение за механическими сооружениями. Все расходы производятся указанными участниками из общей кассы компании и заносятся в счетные книги писарем.

Кнехты, которые будут приниматься компанией на работу, должны будут присягать «одному из названных выше графов» и обещать верно и старательно служить делу, заботиться о максимальном его преуспевании, предотвращая всякий возможный ущерб и хранить в тайне все, что они узнают о состоянии дел [68]. Нарушители присяги, действия которых причинят делу ущерб, должны будут возместить его или же они будут уволены. Функции графов, участвующих в компании на равных основаниях, должны заключаться, таким образом, в административной стороне дела, прежде всего в том, чтобы следить за деятельностью рабочих и обслуживающих лиц и обеспечить их повиновение.

Беря на себя эти функции, графы, очевидно, надеялись таким путем сохранить в своих руках известный контроль, несмотря на разные условия для всех участников. Это должно было облегчаться тем, что основной капитал компании был сравнительно невелик, и тем, что сами бюргерские участники признавали, очевидно, за графами руководство административной стороной дела. Значение имело и то, что наряду с построенной новой

[68] Ibid., N 264 (S. 365). — «Und die knecht... sollen alle vnnser obgenannten Grauen einem. dem sie gesessen weren, globen und Sweren. In dem Handel vnnser aller schaden zubewaren, fromen vnd vestes. zuwerben getrew und gewertig zu sein... und ob sie ichts dauon lernen oder erfaren mochten, nymants das offinbaren...»

плавильней в Шварца компания пользовалась также старой графской плавильней в Мансфельде. Однако уже следующая крупная компания, обладавшая значительно большим основным капиталом и состав которой был более пестрым по имущественному положению участников, показала стремление по крайней мере руководящей группировки участников придерживаться в организации дела своей собственной линии и оставаться самостоятельными в отношении графов.

Компания Арнштадтской зейгерной плавильни основана была 26 мая 1502 г. Основателями ее были богатые нюрнбергские купцы-капиталисты: братья Сигизмунд и Кристоф Фюреры (их доля в первоначальном основном капитале компании составляла 7000 рейнских гульд.), выдвинувшийся богатый эйслебенский хюттенмейстер — доктор Драхштедт (обладал 8 наследственными «огнями»), внес в основной капитал 6000 гульд., нюрнбергские бюргеры — доктор Иоганн Летчер (5000 гульд.), Генрих Гартнер (2000 гульд.), отец его Ганс Гартнер (2000 гульд.), Вильгельм Шлиссельфельдер, опекун своего племянника (5000 гульд.) и Шольт Волкенштейн со своими сестрами (4500 гульд.). В договоре участников предусматривалось, что, если составленный из первоначальных взносов основной капитал компании в 31 500 гульд. окажется недостаточным, в этом случае должны быть приняты меры согласно решению членов компании по большинству голосов [69]. Из мер, которые впоследствии принимались для расширения денежных средств этой компании, известно введение категории пассивных, или «тихих» (stille), участников, которых каждый из главных членов (Prinzipalgesellschafter) мог привлечь. «Тихие» получали на свой капитал процент выше ссудного, но меньше дивидендов данной компании, которые в хорошие годы доходили до 17% [70]. Разница между процентом, выдававшимся «тихому» участнику, и дивидендами присваивалась главным членом, который этого «тихого» участника привлек.

В отличие от компании 1472 г. среди главных участников, основателей Арнштадтской компании, не было графов. Связи Арнштадтской компании с графом Альбрехтом мансфельдским начались в 1518 г. тем, что Альбрехт продал этой компании всю медь, которую он получил по десятине за весь этот год, а затем и за 1520, 1521, 1522 и 1523 гг. [71] С этим отличием связано и то, что обещание верности от кнехтов принимали все участники (uns allen globen). Сама формула обещания (не присяга!) по сравнению с договором компании 1472 г. облегченная, в ней

[69] Ibid., N 267.— «Und ob sich begobe das wir noch mere gelts zu diesem unserm Handel notturftig wurden, das sol furgenomen werden nach der geselschafter vnd der merer teil erkentnus vnd gutdüncken».

[70] W. Möllenberg. Die Eroberung, S. 18—19.

[71] W. Mück. Urkundenbuch, N 270, 271, 272, 273.

нет административных угроз и нет обязательства хранить все дела компании в тайне. Стремление основателей этой компании оставить свое сообщество свободным от влияния графов видно из того, что для разбора внутренних конфликтов между членами компании в тех случаях, когда попытки их улажения в собственной среде окажутся бесплодными, привлекаются не графы и не графские горные судьи, а магистрат города Нюрнберга [72]. Официальным преставителем Арнштадтской компании, выступавшим от имени всех участников, был Кристоф Фюрер [73], взгляды которого, как мы увидим ниже, заключались в том, что залогом процветания горно-плавильных предприятий и их успехов в конкурентной борьбе является прежде всего доведенная до максимума концентрация экономических возможностей. Со стороны графов Альбрехта и Бото сделаны были попытки проникнуть в эту компанию. В 1524 г. граф Альберхт вступил в нее с капиталом в 10 000 гульд., а граф Бото — с 6000 гульд. Альбрехт намеревался увеличить свою долю в основном капитале компании, но на деле сильно сократил свою долю до 1000 гульд., а в 1527 г. он сам, а за ним и граф Бото вовсе выбыли из Арнштадтской компании [74]. Очевидно, что господство в этой компании Кристофа Фюрера, проводимая им тактика свободного выхода, свободного привлечения пассивных участников, ориентации только на экономические меры не устраивали графов, особенно Альбрехта, владельца медных разработок на его части территории Мансфельдского графства. Из переговоров Альбрехта с другими графами, о которых речь будет ниже, видно, что он энергично стремился к увеличению своей военной и финансовой мощи. Продавая свою десятинную медь Арнштадтской компании, Альбрехт включал в договоры пункт о платежах вместо денег ружьями, гаковницами (Hakenbüchsen) и серебром [75]. Оставаясь по своей идеологии феодальным князем, ревностно отстаивающим регальные права, Альбрехт проявлял вместе с тем большую склонность к предпринимательству. Он был не только сыном эпохи

---

[72] Ibid., № 267, S. 369. Почвой для внутренних конфликтов в Арнштадтской компании являлась пестрота ее состава: разные категории участников и различия в размерах взносов и степени участия. Характерно разорение Драхштедта, лишившегося всех своих 8 огней. Интересно здесь же отметить, что в договоре о компании Шварцы 1472 г. пункт о конфликтах предусматривает прежде всего конфликты между графами и остальными участниками, для разбора которых создаются комиссии советников на паритетных началах, причем высшей инстанцией по линии ленной зависимости, в случае невозможности улажения спора советниками, является Магдебург (ibid., N 264, S. 365).

[73] 14 апреля 1524 г. графы Гюнтер, Эрнст, Хойер, Гебхардт и Альбрехт продали медь от доставшихся им огней Драхштедта Кристофу Фюреру «als von wegen seiner Geselschafter des Seigerhuthandels zu Arnstet...» (W. Mück. Urkundenbuch, N 275).

[74] W. Müllenberg. Die Eroberung..., S. 17—18.

[75] W. Mück. Urkundenbuch, N 270—273.

реформации, но и деятельным сторонником Лютера, а затем участником Шмалькальденской войны в рядах евангелистов[76].

Отказавшись от прежнего намерения войти в Арнштадтскую компанию, Альбрехт выступил инициатором создания новой более мощной зейгерно-торговой компании, рассчитанной на больший охват мансфельдской меди и вместе с тем подчиненной его фактическому руководству и влиянию. Рассчитывать на собственное богатство для такого дела Альбрехт не мог. Он вступил в соглашение с Яковом Вельзером, нюрнбергским представителем известной торгово-капиталистической фирмы, и с лейпцигским капиталистом, тесно связанным с Вельзером,— Хейнцом Шерлем. Вместе с тем Альбрехт старался привлечь и знатных участников в целях обеспечения себе опоры. Он привлек владельца Лауэнштейна — Фридриха фон Тюна и Вейдта фон Дракдорфа. Поскольку Яков Вельзер и Шерль были опытными купцами, хорошо знавшими мировые рынки и кредитно-вексельное дело[77], то Альбрехт постарался привлечь и других деловых людей, на которых он мог опираться и держать под своим влиянием. В момент основания новой компании это были Георг Пфалер и Эвальд Кнаус.

Деятельность новой компании началась в мае 1524 г. со строительства зейгерной плавильни у Хокероде на реке Лохвиц у Лейтенберга. За новой компанией закрепилось название Лейтенбергской. Пять лет спустя компания приобрела еще одну зейгерную плавильню у Эйсфельда[78].

Таким образом, в момент основания Лейтенбергская компания состояла из семи участников, сложивших основной капитал в 70 000 гульденов следующими неравными долями. Граф Альбрехт —20 000 гульденов, Фридрих фон Тюна и Вейт фон Дракдорф — по 7500 гульд. каждый, Яков Вельзер —13 000 гульд., Шерль —10 000 гульд., Кнаус и Пфалер — по 6000 гульд. каждый[79]. Производственная деятельность Лейтенбергской компании (т. е. зейгерование сырой меди) согласно учредительному договору от 18 марта 1524 г. должна была начаться на пасхе 1525 г. Тем же договором установлен был срок его действия в десять лет, причем уже после 8 лет должен был решаться вопрос о продолжении существования компании после десятилетнего срока[80].

За первые восемь лет произошли некоторые изменения в составе Лейтенбергской компании: в 1527 г. по настоянию графа Альбрехта приняты были его подданные — наследники Кристо-

[76] W. Möllenberg. Op. cit., S. 21—22.
[77] Ibid., S. 27.
[78] W. Mück. Urkundenbuch, N 282.
[79] «Quellen zur älteren Wirtschaftsgeschichte Mitteldeutschlands», V Teil, hrsg. von H. Helbig. Weimar, 1953, N 379, S. 77 (далее — «Quellen...»).
[80] Ibid., N 379, S. 85.

фа Мейнхарда с капиталом в 7000 гульд., а в 1532 г. был принят Готхард Кениг, внесший в основной капитал 1100 гульд. Важнейшим же фактом этих лет было значительное увеличение основного капитала. Уже в 1526 г. участники решили довести основной капитал компании до 91 000 гульд., которые распределялись следующим образом: граф Альбрехт — 23 000 гульд., Фридрих фон Тюна и Вейт фон Драксторф — по 9750 гульд. каждый, Вельзер — 19 900 гульд., Шерль — 13 000 гульд., Кнаус и Пфалер — по 7800 гульд. каждый. Необходимость увеличения капитала мотивировалась участниками в протоколе совещания от 14 апреля 1526 г. весьма лаконично. Они нашли, что предусмотренная в договоре 1524 г. сумма в 70 000 гульд. недостаточна для развития дела [81]. В действительности же это указывает на стремление участников, прежде всего группировки Альбрехта, охватить своей компанией возможно большую массу меди из продукции мансфельдских разработок и предприятий хюттенмейстеров. Капитал компании продолжал увеличиваться, достигнув в 1527 г. суммы в 108 380 гульд., а в 1532 г. — суммы в 120 710 гульд. [82] Об охвате всей продукции мансфельдской меди еще не могло быть речи, если учесть, что продукция меди к концу 20-х годов XVI в. в графстве Мансфельд приближалась к 30 тыс. ц в год, а цена сырой меди, судя по сделкам 20-х годов с хюттенмейстерами, колебалась между 11 и 12 гульд. за центнер [83]. Все же рост капитальных вложений участников Лейтенбергской компании указывает на наличие монополистических устремлений, по крайней мере части этой компании в отношении мансфельдской меди.

Как в учредительном договоре, так и в некоторых других материалах первых лет существования Лейтенбергской компании чувствуется стремление ее инициатора — графа Альбрехта — построить ее на основе, отличной от принципов Аришгадтской компании. Как уже указано было, Альбрехт стремился противопоставить Вельзеру и Шерлю свою группировку знати и зависимых от них лиц. Альбрехт рассчитывал на поддержку Пфалера. Затем он стремился привлечь в качестве участников богатых хюттенмейстеров, обладавших известным капиталом и зависимых от графской администрации. Таких хюттенмейстеров Альбрехт предлагал принять в компанию вместе с их «огнями», вырабатывавшими сырую медь, расширив таким образом функции компании и усиливая ее как орудие подчинения своему контролю мансфельдской меди. Альбрехт имел основания рассчитывать на то, что голоса таких новых участников будут на его стороне.

[81] W. Mück. Urkundenbuch N 279.— «...so haben wir doch aus furgefallen Leuften, auch Nottoft des Handels befunden das mit obberurter Summa der Handel nicht hat mogen aussgericht werden».

[82] W. Möllenberg. Die Eroberung..., S. 25.

[83] W. Mück. Urkundenbuch, N 274, 276, 277, 278.

Из письма Якова Вельзера Альбрехту от 3 августа 1527 г. можно видеть, какая борьба по вопросу о расширении Лейтенбергской компании за счет некоторых хюттенмейстеров происходила между ее главными деятелями — графом Альбрехтом и Яковом Вельзером. Высказываясь против приема Андреаса Тухера, Вельзер писал, что предложение о «повседневных» расширениях компании он считает весьма обременительным для нее [84]. Особенно пространно Вельзер мотивирует свое отрицательное отношение к приему наследников Мейнхарда с их четырьмя «огнями» и 7000 гульд. капитала. Во-первых, он обращает внимание на то, что хюттенмейстер, отдав свои 7000 гульд., не будет располагать оборотными средствами, пока он не получит их обратно от компании, и самой компании придется изыскивать пути выхода из этого положения [85]. Затем он показывает, что для компании гораздо выгоднее обеспечить за собою продукцию четырех «огней» Мейнхардов, которую он оценивает в 1200 ц сырой меди, путем авансирования и ее откупа по 12 гульд. за центнер плюс закупочный побор (Einkauf) 200 гульд. в год. Если же давать Мейнхардам дивиденды от 7000 гульд., что составит 700 гульд. в год [86], то Мейнхарды будут иметь от своих денег доход вдвое больше, чем обычный ссудный процент. И все это, по мнению Вельзера, «за счет забот, хлопот и труда купца» (auf des Kaufmans sorg, mue und arbayt). И дальше в этом письме Вельзер вообще высказывается против принятия «тихих» участников ради увеличения основного капитала компании. Они, пишет он, будут извлекать большие доходы от своих «тихо лежащих» денег за наш счет, а нам еще отчитываться перед ними как перед участниками. Мое «сильнейшее желание», продолжает Вельзер, обеспечить наше предприятие медью, регулярно поступающей от 30 «огней» хюттенмейстеров, ограничиваясь, таким образом, тем основным капиталом, которым компания в настоящее время располагает [87]. Этого, по его мнению, вполне достаточно, а если даже в первое время лейтенбергское предприятие будет зейгеровать медь в количестве, которое лишь ненамного превысит продукцию арнштадтского предприятия, то в этом Вельзер беды не видит. Он обращает внимание графа Альбрехта

[84] W. Möllenberg. Die Eroberung..., Anhang 7, S. 152—153. «...so find ich doch nicht wienig beschwerlich, unser geselschaft dermassen teglich zu erweytern...».

[85] Ibid., S. 153.— «...und darneben auch weg zu suchen, wollicher gestalt sy ires schadens in dem, daz sy ires geldes ein zeit bis ein solchs von irer jetzigen geselschaft, geraicht wurd, nit geniessen mochten, zum teyl zu ergetzen».

[86] Дивиденды Лейтенбергской компании Вельзер оценивает в этом письме — от 8 до 12%, а в среднем (durcheinander) — 10% в год.

[87] Ibid., S. 155. В 1527 г. основной капитал компании был немногим больше 108 000 гульд. Исходя из расчета, что продукция одного огня равна 300 ц. сырой меди, Вельзер определил, что компания, ограничиваясь собственным капиталом, должна обеспечить себя продукцией «30 огней».

на назревающую англо-франко-нидерландскую войну, которая приведет к большим затруднениям в отношении перевозок и сбыта меди и несомненно также к падению цен. В этом же плане призыва к осторожности и учета наличных возможностей Вельзер писал графу Альбрехту еще раньше 5 июня 1526 г., о необходимости считаться с фактом конкуренции шведской меди, которая направляется в Нидерланды [88].

Опубликованные Мелленбергом письма Вельзера показывают основные пункты расхождений между ним и графом Альбрехтом по вопросу о характере предпринимательства, которого следует придерживаться в Лейтенбергской зейгерно-торговой компании. Вельзер считал, что все дело добывания меднорудных сланцев и изготовления сырой меди следует оставить в руках хюттенмейстеров, которые должны обладать известной самостоятельностью в области своего производства, но которых следует поставить в зависимость от компании путем авансирования и закупки их продукции заранее. Он выступил противником тактики Альбрехта, направленной на включение в компанию самих хюттенмейстеров и на подчинение их предприятий администрации, опирающейся на регальный авторитет. Вельзер выступал также противником стремлений к максимальному охвату Лейтенбергским предприятием мансфельдской медной продукции и привлечения для этой цели «тихих» капиталов [89]. Вельзер был, если можно так выразиться, сторонником мирного сосуществования с Аришталтской компанией, считая достаточным перевес основного капитала Лейтенбергской компании над капиталом аришталтцев. Он призывал к осторожной деловой тактике, учитывающей конкретную обстановку и рыночную конъюнктуру, и отвергал авантюристический риск, связанный с монополистическими устремлениями.

Вельзер был противником подчинения деловых интересов компании регальным интересам графов. Примером может служить письмо Вельзера Альбрехту, в котором он энергично выступает против требования графов отправлять всю серебряную продукцию зейгерных предприятий — как от меди графской десятины, так и закупленной у хюттенмейстеров — на монетный двор в Эйслебен. «Мы, простые купцы,— пишет Вельзер в этом письме от 8 мая 1527 г., — должны быть освобождены от этого невыносимого бремени» [90]. Он мотивирует свою просьбу тем, что в дело он вложил весь свой наличный капитал и все, что он мог собрать под расписки у своих лучших друзей, питающих к нему

[88] Ibid., Anhang 3, S. 141—142.

[89] Ibid., Anhang 7, S. 154.— «...uns treglicher sein wyl, unsere hauptgutter durch unser selbs darlegen nach gepurlicher anzal zu strecken dan durch die mittl gelt aufzubringen».

[90] Ibid., Anhang 6, S. 149—150.— «...das wir gemaine hendler Sollicher untreglicher purde entladen werden».

доверие. Если он будет лишен возможности оперировать серебром, то от этого не получится для него ничего, кроме позора, насмешек и гибели. Купец, пишет он дальше, нуждается в доверии, иначе о нем распространяется слух, что его дела весьма не прочны[91].

Определившиеся, таким образом, различные взгляды Вельзера и графа Альбрехта на характер предпринимательской деятельности Лейтенбергской компании нашли свое отражение в учредительном договоре. Очевидно, что по настоянию Вельзера в договор был включен пункт, категорически запрещающий привлечение капиталов «тихих» участников. «Никто из нас,— гласит третий пункт договора,— не должен брать никаких денег,— ни мало, ни много,— от кого бы то ни было с тем, чтобы примешивать к своей доле основного капитала, и тем самым привлечь того, у кого взяты деньги, к участию в прибылях и убытках». Каждый участник, не привлекая ни одного постороннего человека, должен сам участвовать в доходах и убытках этой компании[92].

Ратуя за привлечение новых людей с капиталами, граф Альбрехт рассчитывал, что выбор таких людей будет в основном в его руках, а привлеченные капиталы «тихих» участников будут числиться за ним. Вместе с тем Альбрехт рассчитывал на то, что и голоса на собраниях участников будут распределяться в зависимости от высоты капиталов[93]. С этим связано предусмотренное седьмым пунктом договора условие, что каждый участник компании может иметь только один голос, равноправный с другими и не больше[94]. Каждый участник при подаче своего голоса должен руководствоваться своей совестью и своим долгом содействовать интересам компании, а то, что решит большинство, останется окончательным без всяких возражений.

Вельзер, таким образом, добился успеха, если судить по тексту договора 1524 г. Однако уже то, что в 1527 г. ему пришлось полемизировать по этому вопросу, показывает, что на деле пункт, запрещающий привлечение «тихих», нарушался. По-видимому, Альбрехт практиковал такие нарушения весьма часто, если

---

[91] Ibid., S. 150.— «Es will glaub beym kaufman gehalten oder geacht werden, das sein sach in guttem nit lang bestand haben mug...»

[92] «Quellen...», N 379, S. 78.— «...das keiner aus uns von yemand, wer der oder die wern ainich gelt, wenig noch vil nemen oder empfahen und under sein bestimbt hauptgut mischen soll... sondern ein yeder selbs nyemand prembds mit ime disem handel nit verwant soll nutz und schaden solcher unser gesellschaft haben und gewarten».

[93] W. Möllenberg. Die Eroberung..., S. 25—26.

[94] «Quellen...», N 379, S. 79—80.— «...ist zwischen uns abgeredt und beschlossen, das ein yeder aus uns allen obgedachten gesellschaftern in allem und yedem, das diser unser geselschaft und handels notturft hinfuro zu yeder zeit wurd erfordern, ain gleichgeltende stym haben und keins stym mer soll sein, dann des andern».

Вельзер, как мы уже видели, жаловался, что вредные для компании расширения состава участников становились повседневным явлением (teglich). Из данных, приводимых Мелленбергом, видно, что Альбрехт привлекал в качестве «тихих» наряду с зависимыми от него состоятельными хюттенмейстерами также знатных лиц, которые поощряли проводимую им линию подчинения предпринимательской деятельности регально-административной основе [95]. Располагая капиталами «тихих», Альбрехт получал возможность иметь самую большую долю в основном капитале лейтенбергской компании. Вельзер и Хейнц Шерль должны были мириться с тем, что граф Альбрехт, поощряемый знатными участниками, нарушал условия учредительного договора 1524 г.

Но и в самом этом договоре Альбрехт в ряде пунктов сумел отстоять свою линию. Правда, согласно пункту 5 договора фирма будет называться фирмой Якова Вельзера, Генриха Шерля и компании [96]. У Вельзера будет находиться главная книга компании (das oberst gesellschaftbuch). Этого, очевидно, требовали сами интересы фирмы, ее авторитет и кредитоспособность на мировых рынках — в Антверпене, Гамбурге, Франкфурте и Нюрнберге. Однако уже во втором пункте, в котором указаны доли участников в основном капитале, говорится: если Вельзер и Шерль, ведущие дело, найдут, что сумма основного капитала недостаточна, то они должны заявить об этом Пфалеру и высказать при этом свои соображения о мерах обеспечения дополнительных вкладов в дело. С этими соображениями следует обратиться за советом «к нам — графу Альбрехту», а затем объявить результаты графского совета, чтобы дело не задерживалось [97]. Здесь, таким образом, подчеркивается решающее значение мнения самого графа Альбрехта по вопросу о мерах расширения дела и вместе с тем подготовляется основа для нарушения пункта, категорически запрещающего привлечение «тихих» участников и пункта о равенстве всех голосов. Решающее слово остается за графом.

В отличие от Арнштадтской, Лейтенбергская компания не предоставляет участникам свободы ухода в любое время. Дого-

---

[95] W. Möllenberg. Die Eroberung..., S. 27—28. «Тихими» участниками графа Альбрехта были герцог Филипп и Штольбергский граф Бото. Альбрехтом привлечены были Рейфенштейн и приближенные саксонских герцогов — Вольф фон Шенбург и Никель Техвиц. Привлеченный Альбрехтом хюттенмейстер Ганс Шталь владел двумя наследственными «огнями», каждый из которых был оценен в 1600 гульд.

[96] «Quellen...», N 379, S. 78—79.

[97] Ibid., S. 78.— «Ob aber solch gelt ye nicht raichen wolt, alsdann sollen Jacob Welser und Heinrich Scherel solchs Jorgen Pfaler anzaigen, auch ir gutbedunken, in was gestalt ain weiter anlage zu machen, bey uns grat Albrechten beratschlagen und forderlich wider verkunden, wie geratschlagt sey, damit der handel nicht gesaumbt werde».

вор заключен на 10 лет. Заявить о своем желании выйти из компании участник может лишь после 8 лет, когда будет решаться вопрос о дальнейшей судьбе фирмы.

В учредительном договоре формально проводятся принципы равенства участников и решающего значения большинства голосов. Однако в отдельных оговорках чувствуется, как мы это видели в пункте о путях расширения компании, стремление графа Альбрехта сохранить нити решения вопросов в своих руках. В одиннадцатом пункте устанавливается следующий порядок разрешения внутренних конфликтов. Предусматривается прежде всего примирительная процедура. Двое участников — по одному от каждой стороны — обсуждают конфликт и пытаются полюбовно сговориться. Если же эта попытка не дает результатов, то стороны выбирают одного верховного арбитра (obman), мнение которого обязательно для них без всякой апелляции, так как, присоединившись к мнению той или иной стороны, верховный арбитр придает ему силу решения большинством[98]. Граф Альбрехт несомненно рассчитывал, что в таких случаях арбитр будет из его партии, которой, помимо всего, принадлежала большая часть основного капитала. Характерен и пункт тринадцатый договора, согласно которому все участники в случае военных событий, междоусобиц, объявлений вражды, эпидемий или других несчастных обстоятельств, требующих принятия чрезвычайных мер в целях обеспечения предприятию длительного спокойствия[99], должны собраться на плавильне, в городе Лейпциге или в другом месте для обсуждения вопроса о мерах, которые должны быть приняты с наименьшими затратами, риском и опасностью. То решение, которое будет принято большинством, обязательно для всех.

Здесь необходимо вспомнить, что в горном уставе (реформации) 1521 г., изданном мансфельдскими графами, в том числе графом Альбрехтом, содержится пункт об обязанности горнорабочих в спешном порядке выступить на защиту графства в случае военного нападения[100]. Несомненно, что и тринадцатый пункт договора об образовании Лейтенбергской компании продиктован стремлением графа Альбрехта обеспечить за собою возможность использования сил и средств зейгерно-плавильной компании в его феодальных распрях с другими графами, с его саксонскими и магдебургскими ленными сюзеренами и т. п. Наличие в составе Лейтенбергской компании партии Вельзера сделало невозможным в данном случае откровенную формулировку, как в горном уставе 1521 г. Дело представлено здесь как

[98] Ibid., S. 82 — «...der soll ein merers haben und der selb spruch und entscheid... von beden teiln entlich und ungewaigert on alles appelirn, supplicirn, reducirn... gehalten werden».

[99] Ibid., S. 83.

[100] W. Mück. Urkundenbuch..., N 148, § 37 (34).

акты защиты предприятия и компании. Альбрехт рассчитывал, что поддерживавшая его партия знати одержит верх, особенно в отношении военных акций.

Альбрехт рассчитывал также на «тихих» участников, привлеченных им как из знати, так и из состоятельных и зависимых от него хюттенмейстеров. Поскольку капиталы «тихих» фактически вливались в основной капитал компании, усиливая в ней перевес партии Альбрехта, то прямое влияние этих лиц на соотношение сил внутри компании представлялось вопросом времени. Известно, что Альбрехт добивался установления порядка распределения голосов в зависимости от высоты доли в основном капитале. Несомненно, что, борясь против этой тенденции, Вельзер и Шерль добились в четырнадцатом пункте договора обязательства всех участников хранить «в течение всей своей жизни» секреты общего предприятия и ни при каких обстоятельствах не разглашать их тем людям, которые не состоят в компании [101].

Такое же расхождение между нормой, предусмотренной договором, и практикой наблюдается также и в вопросе об использовании денежных средств компании в виде займов для личных целей того или иного участника, не связанных с нуждами самого предприятия. Шестым пунктом договора займы и сделки такого рода категорически запрещены. Специально оговорено, что никто из участников, кто бы он ни был, не имеет права брать у кого-либо в долг или давать за кого-нибудь поручительство за счет компании [102]. Но прямым нарушением этого пункта договора является *поведение* Альбрехта уплатить за него 200 гульд. пороховому мастеру (Pulvermacher). Вельзер напоминает об этом Альбрехту два раза в письмах от 1 апреля и от 4 мая 1528 г., подчеркивая, что он выполнил в данном случае то, что ему «было приказано», и напоминая, что граф должен вернуть эту сумму во время настоящей Лейпцигской ярмарки [103].

Нуждавшиеся в деловых качествах Вельзера и Шерля граф Альбрехт и его партия знати в Лейтенбергской компании шли им формально на уступки в отдельных пунктах договора. Фактически же они старались придать компании тот характер, который был им желателен.

---

[101] «Quellen...», N 379, S. 83.— «Zum vierzehenden solle ein jeder aus uns den gesellschaftern alle und yede diser unser gesellschaft und handels gehaim sein leben lang schuldig sein zu verschweigen und die ainchen menschen, diser gesellschaft nit verwant, affters denen, so, wie vorgemelt, darzu geschickt und nachgelassen werden, keineswegs offenbaren, dadurch der gesellschaft oder unserm handel nachtayl oder schaden mocht erwachsen, getreulich und ongeverlich».

[102] Ibid., S. 79.— «...nichts handlen in seinem aigen gesonderten nutz, auch davon nichts hinleyhen, dann was dem handel zu nutz, fug und eren raichen mag und, sonderlich gegen nyemand, wer der were, auf solch unsern gemeinen handel oder desselben hab und guter samenlich oder sunderlich purg noch selb schuld werden...»

[103] W. Möllenberg. Die Eroberung..., Anhang 10, 12.

Из других зейгерно-плавильных компаний по зейгерованию и сбыту мансфельдской меди кроме трех рассмотренных к крупным могут быть отнесены компании Лудерштадта и Штейнаха. Первая с капиталом 80 000 гульд. возникла в 1536 г. Главным лицом среди ее участников был известный уже нам лейпцигец — Хейнц Шерль. Штейнахская компания возникла в 1537 г., ее основной капитал составлял около 100 000 гульд. Об этих компаниях, основанных под эгидой и при участии графов Хойера и Филиппа, речь будет ниже. Из трех рассмотренных компаний компания плавилен Шварцы и Мансфельда была меньше двух остальных и, очевидно, не занимала видного места, поскольку об ее деятельности почти ничего неизвестно[104]. Таким образом, до середины 30-х годов XVI в. судьбу мансфельдской меди определяли главным образом Арнштадтская и Лейтенбергская компании.

Они охватывали в начале 30-х годов основную продукцию мансфельдских разработок и плавилен. По данным Кристофа Фюрера, годовая продукция составляла в конце 20-х годов 24 000 ц. сырой меди. По другим данным, она была тогда больше[105]. Ориентировочным показателем размера продукции меди могут быть данные раздела плавилен между графами в 1536 г. По этому разделу на каждую пятину пришлось 11 «господских» огней и 8 «наследственных»[106], всего 19 огней. При общепринятом тогда расчете 300 ц. продукции сырой меди на один «огонь» мы получим, что на 95 огней всех пяти пятин приходилось 28 500 ц. Очевидно, что различные данные в разных источниках отражают колебания продукции между 24 000 и 30 000 ц. в год.

Из писем Вельзера и некоторых других документов видно, что господствовавшее в обеих крупных компаниях стремление к увеличению денег диктовалось желанием охватить возможно большую часть общей мансфельдской продукции. Даже чуждый монополистических тенденций Яков Вельзер неоднократно обращал внимание на то, что задержка в сбыте меди и серебра приведет к нехватке основного капитала и перебоям в производстве[107]. Можно поэтому считать, что на приобретение у хюттенмейстеров их продукции сырой меди обе компании готовы были давать в оборот весь наличный капитал. Капитал Лейтенбергской компании составлял в 1532 г. 120 710 гульд. и, следовательно, был способен к освоению около 10 000 ц. в год сырой меди[108]. Размеры капитала Арнштадтской компании в это время трудно

[104] W. Möllenberg. Die Eroberung..., S. 12—13.
[105] Ibid., S. 21, Anm. 1, 48.
[106] Ibid., S. 92—93; W. Mück. Bergregal, Beilagen, N 180—185.
[107] W. Möllenberg. Die Eroberung..., Anhang 12.
[108] Считая среднюю цену сырой меди 12 гульд. за центнер.

установить вследствие того, что ее главные участники могли привлекать без договорных ограничений «тихих» участников. По данным, приводимым Мелленбергом, Арнштадтская компания освоила в 1525 г. 7500 ц сырой меди, а в 1527 г. — около 10 000 ц. Из того, что Вельзер считал целесообразным ограничиваться лишь небольшим превышением лейтенбергской продукции над арнштадтской, также видно, что в то время (1527 г.) способности одной и другой зейгерно-плавильных компаний к освоению сырой меди и сбыту продукции были приблизительно равны. Очевидно, что, определяя количество мансфельдской сырой меди, ежегодно осваивавшейся обеими крупными компаниями в конце 20-х годов XVI в., в 20 тыс. ц, мы будем не далеки от истины.

Охватывая, таким образом, больше двух третей мансфельдской продукции меди, Лейтенбергская и Арнштадтская компании не только обеспечивали ей вопреки конкуренции венгерской и шведской меди господствующее положение на мировом рынке, главным образом в Антверпене (через франкфуртские ярмарки и прямым путем через Гамбург), но и обширные районы внутреннего германского рынка, овладев рынком нюрнбергских и аахенских медных и латунных промыслов, причем к Аахену примыкал весь обширный нижнерейнский район медно-латунной индустрии (от Кельна до Антверпена), не имевший, по словам Мелленберга, подобного себе во всем мире [109].

О значении рынка германских медно-латунных промыслов в деятельности Лейтенбергской компании можно судить по письму Вельзера графу Альбрехту от 29 сентября 1525 г. В нем Вельзер указывает на затруднения, создавшиеся в деле сбыта меди вследствие того, что медники и другие ремесленники, применяющие медь в своем ремесле, сильно сократили спрос на этот металл, начиная с начала крестьянского восстания. Вельзеру представляется, что из-за этого сбыт меди едва достигнет половины или по крайней мере двух третей прежней нормы ее сбыта. Разъясняя дальше причину этих затруднений, Вельзер пишет: во всей округе этого района многие казнены, погублены и разорены солдатами, а оставшиеся настолько обложены контрибуцией и штрафами, что доведены до полной нищеты. В доброе мирное время люди здесь покупали медные изделия — тазы, подсвечники и другие предметы. Теперь же нужда заставляет их продавать такие вещи, имеющиеся в домашнем хозяйстве, с целью уплаты контрибуции и возмещения других нанесенных убытков [110].

[109] W. Möllenberg. Die Eroberung..., S. 36.

[110] W. Möllenberg. Op. cit., Anhang 2, S. 138—139. — «daz im umbkrays disser gegend vyl leyt entleipt, verderpt und verhert worden und die pleybenden der massen geprantschatzt und gestraft send, daz die gantze lantschaft dadurch in armut kumen ist, dermassen, da einer bey fridlicher gutter Zeyt, ain beck oder

Это письмо Вельзер послал Альбрехту из Нюрнберга. Характеризуя район, разоренный и опустошенный кровавыми репрессиями, последовавшими за Крестьянской войной, он имел в виду Юго-Западную и Среднюю Германию. Несчастное положение и разорение этих областей интересовало Вельзера только как участника и управляющего делами Лейтенбергской компании. В создавшемся положении его интересовал только подрыв в землях этого района ремесленного производства, в чем он видел причину тяжелого кризиса сбыта медной продукции. В другом своем письме от 7 марта 1528 г. Вельзер, указывая на обострившиеся международные отношения в районе Нижнего Рейна, выражал аналогичную тревогу по поводу деловых последствий этого положения. По словам Вельзера, уже теперь на рынках, примыкающих к этому району, замечается прохладно-равнодушное отношение к продукции компании, содержащее в себе угрозу затруднений как в сбыте меди, так и в поступлении платежей по сделкам, заключенным раньше. При создавшемся положении морские и внутренние пути, как и торговля вообще, парализуются. Поскольку, пишет он дальше, изделия, производимые из меди, с трудом можно перевозить по морю, то это приведет к застою в ремеслах и к тому, что будут оставаться партии непроданной меди [111].

Таким образом, немецкая ремесленная металлургия, удовлетворявшая медными и латунными изделиями внутренний спрос Южной, Западной, Средней и Северо-Западной Германии и вывозившая некоторую их часть за море, в такой степени представляла собою важный внутренний рынок для мансфельдско-тюрингенской чистой (отзейгерованной) меди, что подрыв ремесла даже в части страны представлялся как основание для тяжелого кризиса сбыта этого металла.

В письмах Вельзера отражена также тревога компаний по поводу конкуренции шведской и венгерской меди на мировом рынке, в частности в Антверпене. Еще больше высказывается в письмах тревога в связи с напряженностью положения в районах Северного моря и Ла-Манша, с враждебными действиями Англии и Франции против императора и Нидерландов. Вельзер, сторонник осторожной тактики в ведении дел компании, обращал внимание графа и других участников на это обстоятельство

---

leuchter oder dergleichen erkauft hett, zwyngt in die nott, waz er dergleichen hat, zu verkaufen umb sein brantschatzang zu bezallen und ander zugefugt Scheden auszubussen...»

[111] Ibid., Anhang 9 (S. 162).— «...das uns die sprode handelunge nit allein verschleis der kupfer, sonder auch in einbringung der schuld nun tapfer vorhindert hat, wie wirts nun geen, so der see, die land und der handel dardurch sam gar beschlossen werden. Dan wo man dise pfendwert, so aus dem Kupfer gemacht mit muhen uber see verfurt, werden die hantwerk gar erligen und die kupfer dermassen stecken, das wir unser nott an dem uberflus der kupfer sehen werden».

и призывал сообразовать ближайшие планы производства меди с представляющимися перспективами сбыта продукции. Однако в письмах 1528 г. тон Вельзера становится более уверенным. К этому времени он мог убедиться в том, что по своим качествам (не только по содержанию в сырой меди серебра, но и по своей ковкости) мансфельдская медь остается вне конкуренции. Что касается обострения международной обстановки в Северо-Западной Европе, то, хотя положение рисуется им и в письме от 4 мая 1528 г. как серьезное и усложнившееся продвижением турок и сближением французского короля с Венецией, Вельзер все же настроен в основном оптимистически. Он рассчитал, что сбыт меди будет в данном году не на много меньше, чем обычно. Сокращать производство в настоящее время Вельзер не считает целесообразным. Не следует, однако, особенно в такое неспокойное время, идти на риск. По его мнению, следует завербовать для компании «честных и хороших» хюттенмейстеров и скупать для своей зейгерной плавильни их сырую медь [112]. Преимущество «честных и хороших», т. е. состоятельных, хюттенмейстеров в данное время в том, что они не нуждаются в «чрезмерно больших» авансах. Здесь же Вельзер советует собрать все следуемые компании деньги и пустить их в дело и не давать слишком больших авансов [113].

Рассматривая значение двух крупных зейгерно-плавильных компаний, осваивавших мансфельдскую медь,— Лейтенбергскую и Арнштадтскую,— можно установить, что они включали в свою систему и подчиняли себе распыленные мелкие и средние предприятия хюттенмейстеров, продукция которых завершалась производством на предприятиях крупных компаний. Эти компании распространяли ее на обширном, внутреннем рынке и завоевали для нее господствующее положение на мировом рынке. Существовавшая здесь тесная связь мелких и средних плавилей, изготовлявших сырую медь, с крупными зейгерными плавильнями, которые отделяли серебряное содержание сырой меди и изготовляли чистую медь, свидетельствует о тесной и неразрывной связи, существовавшей здесь между торговым и промышленным капиталом. Это составляет, несомненно, характерные черты капиталистической мануфактуры [114]. Однако сами по себе эти связи, отражающие наряду с другими новыми моментами

[112] Ibid., Anhang 12.— «...das gut were, redlich und gutte huttenmeister zu uns su zihen und zu erhalten, wie ich dan vernim, das Jobst Peuder mit seinen herren, den Starcken, umb allen vorrat der hutten eynich worden und dahin kommen ist, das er disser erlichen geselschaft seine kupfer vor andere zu lassen anbotten...».

[113] Ibidem.— «...das des handels gelt an allen orten fleissig zusamengehalten wurde, dasselbig zum handl zu gut zu gebrauchen haben, dergleichen auch als vil moglich, das man dy ubergrosse verleg zu Eisleben auch in ain minders wenden mochte...»

[114] См. В. И. Ленин. Соч., т. 3 (изд. 4), стр. 384—385.

самого производства наступивший процесс зарождения капиталистических отношений, не означают еще прямолинейного развития этого процесса, не означают также, что в дальнейшем не будет сделано попыток приспособить все открывшиеся новые возможности к интересам регального феодального строя. Необходимо поэтому выяснить прежде всего, что представляли собою эти крупные компании по характеру их деятельности и тенденциям, а затем, какие изменения произошли в результате их деятельности в положении хюттенмейстеров.

О двух партиях внутри Лейтенбергской компании речь шла уже выше. Линия, отстаивавшаяся графом Альбрехтом и участниками из знати, характеризуется стремлением Альбрехта узаконить приоритет и привилегии регальной власти в деле дальнейшего расширения компании, его попытками установить в компании элементы регламентации, использовать средства компании в интересах своих владений вопреки запретам, предусмотренным в учредительном договоре. Вся эта тактика, проникнутая духом ярко выраженного предпринимательства, направлена была на приспособление всего подъема горно-плавильного дела в области производства мансфельдской меди (размах деятельности торгового капитала, созданные обширные внутренний и внешний рынки, успехи в технике производства) к интересам сохранения и усиления регально-феодальной основы этой отрасли промышленности. Но граф Альбрехт не был единственным в этой роли. Мелленберг приводит много примеров, характеризующих ажиотаж среди знати, общую погоню за новыми источниками и рынками меди [115].

Несколько позже все мансфельдские графы и другие круги высшей знати охвачены были идеей сочетания регально-феодального строя с активным предпринимательством, идеей использования в интересах этого строя высокого подъема горно-плавильного дела и достигнутого им национального и мирового значения. Однако пионером этой идеи был ярый протестант граф Альбрехт. Во второй половине 20-х годов, вскоре после образования Лейтенбергской компании, Альбрехт высказал недовольство существующим порядком использования графами горных богатств своих владений, тем, что основой ведения горно-плавильного дела в Мансфельдском графстве являлись предприятия хюттенмейстеров, плативших графам со своих наследственных плавилен десятину, а с эксплуатируемых ими господских плавилен чинш и другие поборы, которые в совокупности были выше десятины [116]. Раньше, считая этот порядок нормальным, графы, как нам уже известно, старались по возможности отстаивать его стабильность в условиях происходивших процес-

[115] W. Möllenberg. Die Eroberung.... S. 87—89.
[116] См. выше, стр. 234.

сов расслоения хюттенмейстеров и их растущей зависимости от авансирующих их предприятия купцов. Выступая инициатором основания Лейтенбергской компании и стараясь занять в ней господствующее положение, Альбрехт показал, что он не сторонник полумер по ограничению действий авансирующих купцов, что, по его мнению, регальные господа должны сами взять в свои руки зейгерное дело и дело авансирования хюттенмейстеров. Несколько позже Альбрехт решил идти еще дальше, прибрать также к рукам доходы хюттенмейстеров, сконцентрировать в руках регальной власти все дело производства меди и торговли ею на внутренних и внешних рынках.

Уже в 1529 г. графы Эрнст и Хойер пожаловались Курфюрсту Саксонскому на Альбрехта, который после того, как вместе со своими компаньонами построил новую зейгерную плавильню под Лейтенбергом, стал требовать от хюттенмейстеров, чтобы они продавали сырую медь только ему и его компании и никому другому. Авторы этой жалобы подчеркивали, что в этих своих действиях Альбрехт исходит из монополистических устремлений, которые запрещены законами империи. Он стремится прибрать к рукам всю медь, которая из году в год производится в графстве, оттесняя, как это уже отчасти имело место, тех купцов и зейгерноторговцев, которые с давних пор здесь торговали. Главное же обвинение, выдвигавшееся против Альбрехта названными графами, заключалось в том, что, обладая только одной пятой частью графства, Альбрехт присваивает себе функции и права, затрагивающие интересы всех других графов, и при этом, не считаясь с мнением других, вводит новые порядки, «наносящие ущерб хюттенмейстерам и общему делу графства». В качестве примера приводится такой факт: Альбрехт запретил общегорному фогту графства в Эйслебене выделять хюттенмейстерам горные участки, как это предусмотрено горным уставом и издавна практикуется. «Теми и другими методами, говорилось в заключении, он осмеливается присвоить себе одному управление и заведывание разработками, а нас отстранить» [117].

Чтобы понять содержание и смысл этой жалобы, необходимо вспомнить, что прежними разделами наследства между графами установлен был такой порядок, что горные разработки остаются неразделенными: делятся только доходы с них. Все порядки пользования и управления горными и плавильными делами должны были регулироваться общими горно-плавильными уставами и совещаниями. Этот порядок не устраивал Альбрехта, который намеревался взять в свои руки всю торговую и предпринимательскую часть горно-плавильного дела, устранив не только

[117] W. Mück. Bergregal, Beilage 149. – «...und sich die mit dem und mit andern untersteht, die Regierung und verhaltung des Berges allein an sich zu bringen und uns auszuschliessen...»

самостоятельные действия купцов и хюттенмейстеров, но и вмешательство других графов в его дела. Приведенная жалоба Эрнста и Хойера показывает, что Альбрехт приступил к реализации своего плана уже в 1529 г. Отвечая на жалобу, Альбрехт утверждал, что в его требовании, предъявленном хюттенмейстерам, продавать свою сырую медь только его компании нельзя усматривать запрещенного имперскими законами монополизма. При этом он ссылался на положение с серебром в Саксонии, где оно в силу регального права герцогов может продаваться по твердой цене только в герцогскую казну. Альбрехт считает, что регальные права, которые нельзя смешивать с монополизмом, должны применяться подобным же образом и в отношении мансфельдской меди [118].

Несколько позже (в 1529—1530 гг.) граф Альбрехт выступил перед другими графами с предложением, которое, по его мнению, должно привести в течение ближайших 10 лет к значительному умножению годовых доходов всех мансфельдских графов от горно-плавильного дела. Для этого требуется прежде всего максимально использовать регальные права на скупку отзейгерованного из медных сланцев серебра на монетный чекан; оплачивая серебро, как в Саксонии, по 8 гульд. 8 грошей за марку, чеканить из одной марки 10 гульд., заключив для этой цели соглашение с саксонским курфюрстом и с чешским королем. Затем внести должный порядок и рационализацию в дело добычи медных сланцев и изготовления сырой меди на господских плавильнях, которые должны быть взяты в собственные руки, в результате чего значительно возрастет доходность графских плавилен. Рационализация окажется выгодной и для тех хюттенмейстеров, которые имеют наследственные огни (Erbfeuer). Третьим путем увеличения доходности Альбрехт считает концентрирование в руках графов всего зейгерного дела и авансирования [119].

Опубликованный документ с текстом предложений Альбрехта не закончен, фрагментарен и с многочисленными пропусками. Все же он показывает, что в изложенных предложениях речь шла о сочетании доведенных до совершенства рационализации и предпринимательства с использованием всех регальных прав. В этих предложениях Альбрехта обращает на себя внимание его стремление к точным подсчетам (до отдельных пфенигов) всех выгод от предусмотренных им мероприятий. В другом документе, относящемся к тому же времени, Альбрехт обращает внимание других графов на то, что отдельные хюттенмейстеры, держащие господские огни, так богатеют, что оставляют в наследство после себя имущество стоимостью около 10 000 гульд. Нетрудно

[118] W. Mück. Bergregal, Beilage 152.— «...Das ist also kein Monopol, sondern nur fürstlich und billig...»

[119] Ibid., Beilage 153.

найти и такого хюттенмейстера, который держит несколько господских огней, расходует на свои домашние нужды больше 1000 гульд. в год и еще больше богатеет. Если наряду с этим имеются и задолжавшие и разорившиеся хюттенмейстеры, то это, по мнению Альбрехта, объясняется ленью, невежеством, обманами, взаимными хищениями, сманиванием угольщиков и т. п. Приходится даже удивляться, что при таких условиях некоторые хюттенмейстеры все же преуспевают [120]. В результате этого своего анализа Альбрехт приходит к выводу, что графы не должны больше сдавать своих господских огней хюттенмейстерам. Огни следует взять в собственные руки графов и вести их рационально и без конкуренции.

Отвергая предложения графа Альбрехта, Эрнст и Хойер представили свои возражения в обширном послании Курфюрсту Саксонскому, в котором они дают свое освещение затронутых Альбрехтом вопросов и высказывают свое мнение о формах использования графами своих регальных прав в области горно-плавильного дела.

По вопросу об отношении к купцам авторы послания утверждают, что требовать от них сдачи всего отзейгерованного серебра на монетные дворы нецелесообразно и невозможно, потому что серебро служит купцам средством расплаты на рынках Лейпцига и Нюрнберга по выданным ими векселям. Лишение их этого оборотного средства создало бы для них большие затруднения. Характерно, что графы Эрнст и Хойер повторяют в данном случае соображения по этому вопросу Якова Вельзера, высказанные им в приведенном выше его письме Альбрехту от 8 мая 1527 г. По мнению авторов послания, нецелесообразно также требовать, чтобы купцы в обязательном порядке поставляли всю свою медь графам по твердой цене. Действовать по отношению к купцам насилием нельзя, потому что это привело бы к их озлоблению и в конце концов к тому, что эти люди, столь полезные для горно-плавильного дела в графстве, стали бы его покидать [121]. Они дают также иную оценку положению хюттенмейстеров и отвергают установку графа Альбрехта на их отстранение от ведения господских плавилен [122].

Выясняя позицию тех мансфельдских графов, которые выступали против планов графа Альбрехта, мы можем установить, что, отвергнув план своего дяди об оттеснении авансировавших купцов, они высказались также против отстранения хюттенмей-

[120] Ibid., Beilage 154.— «...Und ist in Summa der Betrig so gross, das billig zu verwundern, dass einicher Hüttenmeister gedeihet».

[121] Ibid., Beilage 155, S. 90 — «Es ist auch nit wenig zu erwegen, dass solch angetzeigt Vorpicten und Vorhindern den Kaufmann wurde stutzig machen und vorursachen, von seiner, grossen tapferen Vorlegung und Vorfertigung des Hüttenhandels und Bergwerks abezustehen und entlich sich aus der Herrschaft zu Wenden».

[122] Ibid., S. 92.

стеров от господских плавилен. Другими словами, они были против взятия всего горно-плавильного дела в собственные руки графов и настаивали на сохранении существующего порядка, когда основу горно-плавильного дела образуют хюттенмейстеры, связанные системой авансирования. Авторы послания считают, что лучшей формой реализации регальных прав в горно-плавильном деле является сдача плавилен и разработок за твердый гарантированный чинш (umb einen jerlichen gewiss fallenden Zins) хюттенмейстерам. Эта форма, выгодность которой подтверждена опытом прежних графов, представляется им особенно лучшей сейчас, когда техника горно-плавильного дела и управление им становятся все более и более сложными. В этих условиях усложняющегося оборудования и возрастающей добычи меди собственное предпринимательство и управление через знатных должностных лиц и писарей связаны с риском и большими опасностями. Этому риску и опасностям они предпочитают получение верной возросшей количественно десятины. Подсчеты Альбрехта его племянники комментируют весьма иронически, напоминая по этому поводу поговорку, гласящую, что доходы от плавильного и горного дела, так же как и от торговли продукцией зейгерования, лучше подсчитывать, когда они уже реально получены, чем заранее. Всегда легче, заключают они, излагать на бумаге, чем добиться в действительности [123].

Весьма скептически относятся авторы послания и к планам реорганизации и рационализации, которые, по мысли Альбрехта, должны привести к снижению себестоимости меди. Самым серьезным видом рационализации представляется им снижение заработной платы рабочим. Но, по их мнению, если бы графы взяли в свои руки управление, они бы не могли произвести дальнейшего снижения заработной платы, которая и так уже доведена до крайне низкого предела [124]. Если предложение Альбрехта было бы принято, то это привело бы к краху всего дела, а тем временем авансирующие купцы и хюттенмейстеры покинули бы графство [125].

В этой полемике, которая продолжалась до конца 1535 г., выявились, таким образом, среди мансфельдских графов две разные точки зрения по вопросу об отношении к складывавшимся в горно-плавильной промышленности этого графства капиталистическим элементам. Все графы, кроме Альбрехта, от имени которых выступали графы Эрнст и Хойер, считали, что хлопоты ведения добычи и производства, усложняющиеся с углублением шахт и применением механических сооружений, вся предпринимательская сторона дела и торговля и связанный с ними риск

---

[123] W. Müc k. Bergregal, Beilage 155, S. 93.
[124] Ibid., S. 90.
[125] Ibid., Beilage 157.

должны предоставляться хюттенмейстерам и авансирующим купцам. Графы — обладатели регальных прав — должны обеспечить себя при этом твердым ежегодным чиншем. Вопрос о том, насколько предусмотренная этим направлением система оставляла возможность капиталистического развития для предпринимательства хюттенмейстеров и авансирующих, насколько предусмотренный здесь твердый ежегодный чинш может быть приравнен к капиталистической земельной ренте, может быть решен только отрицательно прежде всего потому, что в этом варианте не прибыль является границей феодальных поборов, а, наоборот, твердый феодальный чинш является границей прибыли. Кроме того, почва для капиталистического предпринимательства не могла в таких условиях оставаться действительно свободной, капиталистические элементы не могли располагать свободно и прочно своим капиталом и выпадавшей на их долю прибылью.

Другая точка зрения, представленная Альбрехтом, вовсе не оставляла места для капиталистического предпринимательства, предусматривая самую активную предпринимательскую деятельность и безраздельную собственность исключительно на основе регально-феодального владения.

В продолжавшейся в первую половину 30-х годов полемике Альбрехт упорно отстаивал свое право проводить предложенную им систему в рамках своей пятины, поскольку достигнуть соглашения с другими графами не удалось. Отказываясь подчиниться рекомендациям императорской комиссии и ленным сюзеренам мансфельдских графов — Курфюрсту Саксонскому и архиепископу Магдебургскому, Альбрехт настаивал на том, что собственность никем не может быть ограничена. Прежние разделы, согласно которым плавильни и разработки оставались в общем управлении, были обусловлены обстоятельствами того времени; теперь же времена другие: тот, кто сам в состоянии справляться со своим горно-плавильным делом, не должен быть принуждаем к коллективному его ведению [126]. Не может быть такого правила, чтобы кто-либо был ограничен в безраздельном праве распоряжаться своей собственностью по своему желанию [127]. В августе — сентябре 1535 г. Альбрехт перешел от слов к делу. Каждый хюттенмейстер его пятины получил от него извещение, что после предстоящего в близком будущем истечения договорных сроков держания господских огней хюттенмейстерами договора не будут больше возобновляться, так как он решил взять плавильни с примыкающими к ним разработками в собственные

---

[126] Ibid., Beilage 174.— «...dass durch kein Pakt... Kann... erlangt werden, dass einer ewiglich in der Gemeinschaft bleiben müsste».

[127] Ibid., Beilage 175.— «...uns billig nicht kann benommen sein, dass wir das Unser nicht gebrauchen, sondern andern zu gebrauchen vermieten müssen...»

руки [128]. В письме к герцогу Георгу Саксонскому Альбрехт старался дать своему решению об устранении хюттенмейстеров экономическое обоснование, свидетельствующее о том, что граф Альбрехт стремился по-своему использовать некоторые стороны зарождавшейся буржуазной экономической мысли, буржуазных представлений о собственности. Хюттенмейстер, пишет он, являясь съемщиком чужой собственности, хищнически эксплуатирует разработки, не желает возводить капитальных сооружений и глубоких штолен, из чего следует, что съемщик никогда не сделает того необходимого, что сделает сам собственник [129].

Поскольку в вопросе о форме и характере ведения горно-плавильных предприятий мансфельдские графы не могли прийти к общему мнению, то в 1535 г. полемика между графами перешла в иную плоскость. Альбрехт потребовал раздела плавилен и шахт по пятинам с тем, чтобы каждый из графов сделался полным и индивидуальным собственником своей части и устанавливал в ней желательный ему характер ведения предприятий. Возражая против этого, графы Хойер и Филипп (Передняя территория) и Гебхард (Средняя территория) в обращениях к Георгу Саксонскому и Ландграфу Гессенскому указали на то, что требование Альбрехта означает полный переворот в существующем положении: потребуется новый горно-плавильный устав, реорганизация управления и, главное, надо будет найти пути решения трудных вопросов, которые возникнут,— о новом порядке снабжения плавилен и шахт углем и лесными материалами. Раньше это снабжение производилось коллективно и по уставам, которые предусматривали равенство условий для всех. Теперь же из того, что условия доставки угля неодинаковы, а леса распределены неравномерно, возникнет ситуация, чреватая конфликтами и непреодолеваемыми трудностями. При этом подчеркивалось, что Альбрехт, пятина которого богаче лесами, сразу окажется в значительно лучшем положении перед остальными и что это обстоятельство подорвет все дело других графов и их хюттенмейстеров [130]. Суть этих возражений заключается в опасении, что Альбрехт, находящийся в более выгодных условиях и являющийся основателем большой зейгерно-плавильной компании, в которой он стремится закрепить за собою господствующее положение, сможет использовать предпринимательство капиталисти-

[128] W. Mück. Bergregal, Beilage 165. Предвидя, что хюттенмейстеры станут ссылаться на отношение к этому других графов, Альбрехт добавляет, что не намерен вмешиваться в дела своих родственников и братьев на их пятинах и требует, чтобы и те не стали ему давать указаний в отношении его действий на своей пятине.

[129] Ibid., Beilage 176.— «Daraus erscheint..., das von einem Mietling der Berg mit stattlichen Gebäuden, als der Erbstolln und anderer nit dermass in baulichem Wesen und wirden, als von einem, so (dem) er eigentümlich gehörig, erhalten wird».

[130] Ibid., Beilagen 177, 178, 179, 180, 181.

ческого типа в целях подчинения себе всего горно-плавильного дела Мансфельдского графства, в том числе и все выгоды, вытекающие из регальных прав других графов. В этой связи следует отметить, что одним из наиболее трудных вопросов в переговорах между Альбрехтом и другими графами был вопрос о новшествах, которые при индивидуальном владении могут вводиться одним из графов [131].

В результате трудных переговоров и вмешательства посредников решено было произвести требуемый Альбрехтом раздел, причем по ряду спорных вопросов достигнуты были компромиссные решения; по другим — переговоры с участием посредников продолжались. В опубликованном 26 января 1536 г. соглашении обеими сторонами в принципе признается, что для будущего времени раздельное владение плавильнями и горными разработками будет полезнее. Поэтому решено разделить их по жребию на 5 частей [132]. Каждый граф в отношении своей части один обладает юрисдикцией; он сам решает, самому вести дела за свой счет или сдавать хюттенмейстерам, связанным с авансирующими их купцами. Никто из других графов не может вмешиваться в эти отношения или препятствовать им. Там, где останутся хюттенмейстеры, они в отношении продажи своей продукции сырой меди должны руководствоваться только указаниями своего графа [133]. Шестнадцатым пунктом соглашения устанавливается, что наследственные огни хюттенмейстеров остаются за ними; граф не может их забрать себе, за исключением тех случаев, когда переход наследственного огня к графу предусмотрен горным уставом, или в силу преимущественного права покупки (Vorkauf), когда он продается.

Вместе с тем предусмотрено сохранение общего управления и некоторых общих должностных лиц в отношении тех сторон, которые касаются всего горно-плавильного дела (например, регулирование закупок угля и некоторых общих административных норм для хюттенмейстеров, постройка штолен, снабжение водой и т. п.). Уступкой противникам Альбрехта является пункт о том, чтобы все плавильни, независимо от местонахождения, оставались в одинаковых условиях, а для этой цели решено, чтобы перевозки угля к плавильням оплачивались из общей кассы,

---

[131] Ibid., Beilage 181, S. 110. — «Sollte Grafen Albrecht oder einem andern Grafen frei sein, seines Gefallens Neuerung anzufahen, Wäre (dies) einem jeden Gewerken erlaubt. Bei solchem Vornehmen möchte keine beständige Ordnung bleiben».

[132] W. Mück. Urkundenbuch, N 183. О самом разделе, о доставшихся каждому графу господских огнях и оказавшихся в результате жребия под его контролем наследственных огнях хюттенмейстеров с указанием местонахождения каждого огня и фамилий хюттенмейстеров, державших господские и обладавших наследственными огнями (ibid., N 185).

[133] Ibid., N 182, § 4 (S. 273—274).

а расходы распределялись поровну[134]. Уступкой более важного значения был пункт о новшествах. Каждый граф, прежде чем предпринять у себя что-либо новое, обязан известить об этом других графов, которые не должны чинить препятствий новшеству, если только оно не наносит ущерба их интересам. В противном случае реализация нового мероприятия приостанавливается до решения вопроса совещанием представителей всех графов, процедура созыва и деятельности которого здесь же указывается.

Этот пункт свидетельствует о том, что противники Альбрехта стремились ограничить свободу деятельности своего предприимчивого собрата. Однако в конце концов точка зрения Альбрехта о необходимости для регальных господ взять в свои собственные руки горно-плавильные предприятия одержала верх среди мансфельдских графов. Три года спустя после раздела 1536 г. граф Альбрехт в письме курфюрсту Саксонскому уточнил и разъяснил суть этой точки зрения. Цель ее заключается в том, чтобы сами графы присваивали тот доход, который достается хюттенмейстерам. Разбирая положение там, где существуют хюттенмейстеры, Альбрехт суммирует его следующим образом: хюттенмейстер получает от купца на ведение дела по 1500 гульд. на каждый огонь. Покупая затем у хюттенмейстера продукцию сырой меди, купец выдает за нее сумму денег, необходимую на закупку материалов и покрытие всех расходов для обеспечения дальнейшего непрерывного процесса производства. При взаимном же расчете в конце года оказывается, что стоимость продукции меди превышает издержки ее производства, которые авансировались купцами из расчета 1500 гульд. на один огонь или как иначе договаривались. Излишек стоимости продукции над издержками производства купец выплачивал хюттенмейстеру[135]. Вывод Альбрехта сводится к тому, что этот излишек должен доставаться не хюттенмейстерам, а самим графам.

Таким образом, цель произведенного им в мансфельдском горно-плавильном деле переворота сам Альбрехт сформулировал в том смысле, что регально-феодальный доход должен поглотить всю предпринимательскую прибыль, получавшуюся в процессе

---

[134] W. Müc k. Urkundenbuch, § 5.— «...Gleichheit gehalten und keine Hütten einigen Vortiel der Fuhre halben vor der andern habe, so soll hinfort die Holfuhren auch von gemeiner Einlage auf alle Hütten jedes Bergs zugleich zahlt werden... und ob also ainige Hütten weiter oder höher so soll das Fuhrlohn... ailentnalben über gemeine... gehen».

[135] Ibid., Beilage 184. «Aber nach Endung des Jahrs, wann Hüttenmeister und Verleger abgerechnet haben, befindet sich dann, dass die Kupfer mehr ertragen haben, dann zu Erhaltung Bergwerks, Kohlenhandels, auch Hüttenkosten ausgegeben ist worden, so bleibt die Verlege auf das Feuer 1500 Gld., oder so hoch sich die verglichen. Was aber darüber die Kupfer mehr getragen, dasselbige gibt alsdann der Verleger dem Hüttenmeister heraus, und solches ist der Überschuss...»

производства сырой меди. Хюттенмейстеры согласно этому плану подлежали устранению. Альбрехт, как нам уже известно, начал с того, что не стал возобновлять контрактов на сдачу своим хюттенмейстерам ведомых ими господских плавилен. После раздела 1536 г. на этот путь стали переходить и другие графы. Наиболее активно стал действовать в этом направлении граф Средней территории Гебхард. В письме к курфюрсту от 22 ноября 1540 г. Гебхард рассказал, как он и другие графы убедились в том, что хюттенмейстеры плохо заботятся о горно-плавильных предприятиях и неусердно их ведут. Каждый хюттенмейстер брал авансы у купца не только на развитие дела, но и на приобретение пашен, лугов и прочего недвижимого имущества, а затем оплачивал эти авансы медью. Мы, графы, писал Гебхард, еще до последнего раздела включили в горно-плавильный устав наше решение, что до годового расчета хюттенмейстер может брать аванс у купца только на уголь и на горно-плавильное дело, а если хюттенмейстер возьмет отсюда на какие-либо другие нужды, то следует заставить купца выдать дополнительный аванс на уголь и горное дело и все это взыскать затем с хюттенмейстера.

Как видим, Гебхарда, как и Альбрехта волновал вопрос об излишке, образуемом в процессе производства сверх издержек производства, т. е. о предпринимательской прибыли хюттенмейстеров. Излагая дальше историю вопроса в письме к курфюрсту, граф Гебхард пишет:

«После совершенного раздела мы взяли в свои руки те доставшиеся нам (по жребию) огни, которые называются господскими (Herrenfeuer), обеспечили их служащими и факторами (т. е. подрядчиками.— *М. С.*), а годовую продукцию нашей меди продавали заранее под авансы компании Штраубов и Пухнеров, обязавшись перед ними, как это предусмотрено во внесенном в устав пункте, брать авансы только до годового расчета. В отношении же выявляющегося после годового расчета излишка мы сохраняем за собою право забирать его из дела наших господских огней, но только излишек и не больше, а названные выше купцы обязались платить за него полноценной княжеской монетой» [136].

Смысл всего данного графом Гебхардом анализа сводится к тому, что предпринимательская прибыль хюттенмейстеров, иначе говоря, вся производившаяся на горно-плавильных предприятиях прибавочная стоимость, должна поглощаться регально-феодальным доходом с господских огней. Что же касается

[136] Ibid., Beilage 185.— «Was aber nach der Rechnung Überlauf und Überschuss vorhanden, haben wir uns und unsern Erben diese Macht behalten, denselben und nicht mehr aus dem Handel unserer Herrenfeuer zu nehmen, welcher sich die benannten Kaufleute an grober fürstlicher Münz herauszugeben verpflichtet...»

и наследственные плавильни[141]. О том, что данное явление не было исключительным, можно заключить из предложения графа Ганса-Георга объединить в том же году 18 собственных огней (eigentumliche Feier), перешедших к нему и его братьям от чрезвычайно задолжавших хюттенмейстеров[142]. В 1546 г. Альбрехт выступал уже арбитром между графом Филиппом и его братьями, с одной стороны, и их наследственными хюттенмейстерами (Бланкенбергами, Фюрерами, Бартелем Драхштедтом, Гансом Брукнером, Яковом Гейдельбергом и др.), с другой стороны, по вопросу об условиях передачи графам 20 наследственных огней указанных хюттенмейстеров[143].

Таким образом, все предприятия хюттенмейстеров, как господские, так и наследственные, сделались объектами захватов со стороны всех графов мансфельдских, когда те стали переходить к собственной предпринимательской деятельности. Опубликованные Вальтером Мюкком материалы показывают разные формы перехода наследственных предприятий хюттенмейстеров к графам. В ряде случаев этот переход совершался в виде покупки иногда за солидную сумму[144]. Однако, как заметил сам Мюкк, часто акт покупки носил лишь формальный характер: фактическому захвату придавалась видимость правового акта, обусловленные суммы вносились лишь частично или вовсе не уплачивались[145]. Из тех же материалов можно заключить о длительности процесса отстранения хюттенмейстеров. По наблюде-

[141] W. Mück. Bergregal, Beilage 188.

[142] Ibid., Beilage 189.

[143] W. Mück. Urkundenbuch, N 358.

[144] W. Mück. Bergregal, Beilage 136.— «Soviel ihre Erbfeuer tut belangen, haben J. G. gewilligt, ein ides Feur für 2500 Fl. anzunehmen» (ibid., Beilage 138). «Die zwei erblichen Mannlehen-Feuere samt derselben zugehörigen Bergteilen haben wir ides Feuer vorm Oberrotenberge gelegen für 2500 Fl. angenommen».

[145] W. Mück. Bergregal, S. 71. Согласно приведенному документу об арбитраусе Альбрехта (прим. 143) Филипп и его братья обязаны были выплачивать своим хюттенмейстерам за взятые у них в 1546 г. 20 наследственных огней по 200 талеров ежегодно за каждый огонь. Более ста лет спустя — в 1651 г.— потомки одного из тех хюттенмейстеров, Ганса Брукнера, заявляя свои претензии на находившиеся на месте двух огней их предка запасы сланцев и рудного отвала (Halden), напомнили в обращении к Курфюрсту Саксонскому о том, как тогдашние графы отняли у наследственных хюттенмейстеров их собственность, что вызвало в свое время «глубокую скорбь и сердечные вздохи» добрых людей, в том числе и блаженной памяти Лютера. Но это, говорится в обращении, не помогло: хюттенмейстеры были экспроприированы и к тому же обмануты в отношении решенной в их пользу компенсации: «...siehe so hat es doch Wenig helfen wollen und ist den armen Leuten für jedes Erbfeuer 200 Tlr. zur jahrlichen Zinse oder in verbleibung dessen die restitution cum omni causa vermöge des Pachtkontrakts... zugesagt; aber ausser dem ersten Jahr nichts mehr gegeben weniger die restitution gleistet, sondern vielmehr in fremde Hände transferieret, auch unser stattlicher Vorrat vor und in den Hüttern, so etliche 1000 Tlr. würdig gewesen, anderweit veräussert und verlan worden» (W. Mück. Urkundenbuch, N 371).

ниям Мюкка этот процесс тянулся после раздела 1536 г. около 25 лет. После 1560 г., пишет Мюкк, хюттенмейстеры не упоминаются больше в актах [146].

■

Вытеснение хюттенмейстеров, их устранение из производственного процесса, важнейшее звено в котором они долгое время составляли, фактически завершено было в начале второй половины XVI в. Это вытеснение не может рассматриваться как результат естественного процесса расслоения, происходившего в среде хюттенмейстеров. Речь идет об исчезновении всей этой социальной категории. К тому же для свободного развития здесь отношений экономической конкуренции не было необходимых условий. Как мы уже видели, на первом этапе мансфельдские графы стремились приспособить предпринимательскую деятельность хюттенмейстеров к своим интересам, сделать эту форму мелкого и среднего предпринимательства основой своего господства в горно-медеплавильном деле, а с этой целью по возможности тормозить процесс дифференциации, поддерживать среди хюттенмейстеров одинаковые условия деятельности и затруднять акты лишения их предприятий за долги. Известно уже также, что графы стремились сохранить в своих руках контроль над отношениями хюттенмейстеров с торгово-капиталистическими элементами. Вопрос о причинах и значении исчезновения хюттенмейстеров неотделим от общего вопроса о характере развития производственных отношений в мансфельдском горно-медеплавильном деле, в особенности отношений между обладавшими регальными правами графами и зейгерно-торговыми компаниями. Прежде чем указать на эти отношения и на их значение для судьбы хюттенмейстеров, необходимо подчеркнуть, что, хотя графы и купцы стремились подчинить хюттенмейстеров своим интересам, никто, по крайней мере до конца 20-х годов XVI в., не представлял себе производственного процесса без этого социального слоя.

Об отношениях торгово-капиталистических компаний к хюттенмейстерам можно судить по переговорам 1524 г. об объединении старой Ариштадтской компании с только что основанной Лейтенбергской. Самым трудным вопросом в этих переговорах о проектировавшемся, но не состоявшемся тогда объединении был вопрос о разном характере активов одной и другой компании. Если актив новой компании состоял из наличной суммы денег, то в Ариштадтской компании его в значительной степени составляли товарная масса, разные материалы и долги от разных фирм и лиц, в том числе от хюттенмейстеров. В составлен-

[146] W. Müc k. Bergregal, S. 72.

ном сторонником объединения Кристофом Фюрером проекте предусматривалось, что в счет активов должны включаться только такие долги, верность которых Аршштадтская компания может доказать. Другие же долги могут быть отвергнуты другой стороной как «злокачественные» (poese schuldt). Из должников-хюттенмейстеров Фюрер указывает на Макенродов, задолженность которых составляет 4000 гульд., но обладающих запасами товаров и материалов на 14 000 гульд. Задолженность Макенродов не может поэтому считаться «злокачественной». С Макенродами, продающими медь с 6 огней, выгодно иметь дело: будучи должниками, они будут продавать свою сырую медь зейгерной компании по цене, несколько ниже обычной [147]. Фюрер называет и других хюттенмейстеров, характер задолженности которых должен определяться в зависимости от оценки их огней, разработок, наличных материалов и товарных запасов.

Кристоф Фюрер делит хюттенмейстеров на 2 категории. Те, долги которых обеспечены материальной гарантией, заслуживают, по его мнению, не только доверия, но и предпочтения перед другими продавцами сырой меди. Более того, Фюрер рассматривает деловые связи с обеспеченными хюттенмейстерами как основу деятельности зейгерно-торговых компаний. Так думал не только Кристоф Фюрер, стоявший уже к тому времени более 20 лет во главе Аршштадтской компании, но и граф Альбрехт, выступивший тогда инициатором создания новой большой компании. Соглашаясь с Фюрером в преимуществах и выгодности объединения двух крупных зейгерно-торговых компаний, Альбрехт пишет, что результатом устранения конкуренции между компаниями будет благоразумная осторожность хюттенмейстеров: они будут стараться не впадать в задолженность, потому что за хюттенмейстером, дело которого не будет давать полагающегося дохода, будет установлено наблюдение со стороны специально назначенных наблюдателей [148]. Тогда и авансы, отпускаемые хюттенмейстерам, не будут высокими, как в настоящее время, когда каждый купец старается опередить другого в деле привлечения хюттенмейстеров. Из-за этих высоких авансов сам хюттенмейстер впадает в долги и делается обреченным на разорение. В результате же объединения компаний такие «хитрые,

---

[147] W. Möllenberg. Urkundenbuch zur Geschichte des Mansfeldischen Saigerhandels im 16. Jahrhundert. Halle a. d. S., 1915 (далее — W. Möllenberg. Urkundenbuch), N 21, § 23: «...derhalben solchs kein poese schuldt; sunder zu wellicher zeit man der schuldt wil bezallung haben, wurt die hilf und eirweisung nicht geweigert. Zudem tregt es jerlich am kauf etwas zu, dan von wegen solcher hindterstelligen schuld wegen tun si die Mackenrodt im verkaufen jerlich ein nachlassen am kauf, welchs dan auf 6 feuer etwas zutregt».

[148] Ibid., N 25, 1.— «Dann wellicher hutten meister sich nit recht zum nutz anlassen wolt, der were alsdann ane widerrede mit versechern zu versechen...».

можно сказать — не братские» сделки, приносящие большой вред, будут устранены [149].

Таким образом, в 1524 г. виднейшие представители графов и торгово-зейгерных компаний не представляли себе горно-плавильного дела без хюттенмейстеров. Заботы их были направлены к тому, чтобы поставить деятельность компаний в выгодные предпринимчивым графам и компаниям рамки. Характерно в этой связи и высказывание Якова Вельзера старшего, являвшегося противником объединения зейгерно-торговых компаний. Высказываясь в письме к Альбрехту 31 мая того же 1524 г. против проектируемого объединения, которое, по его мнению, явится источником раздоров, Вельзер предлагает сохранить свободу действий компаний, но установить известную регламентацию деятельности хюттенмейстеров. Каждому хюттенмейстеру должно быть указано определенное количество меди по трем ее видам, которое он должен производить, и максимальная сумма аванса, которую он может ежегодно получать. Следует также установить равные для всех хюттенмейстеров условия в деле получения угля и материалов. Тогда, писал Вельзер, можно будет не сомневаться в том, что каждая зейгерная плавильня будет обеспечена подобающими людьми (т. е. хюттенмейстерами.— *М. С.*) и каждая часть (т. е. каждое предприятие, оставаясь самостоятельным) будет стараться производить медь и серебро при минимальных затратах на зейгерование и обработку, а затем сбывать их честным и полезным путем [150].

Антимонополист Вельзер, так же как и монополист Фюрер, высказывается за ограничение предпринимательской свободы хюттенмейстеров, но оба они, как и графы, представляли себе свою собственную деятельность лишь в тесной связи с функционированием хюттенмейстеров, поставлявших сырую медь. За хюттенмейстерами признавалось важное место в производственном процессе и право на доставшуюся им предпринимательскую прибыль.

Изменения в этих отношениях становятся заметными с конца 20-х и начала 30-х годов XVI в. Учащаются дела о задолженности хюттенмейстеров, об установлении над ними опеки торгово-капиталистических компаний, о лишении их огней за долги [151]. Между графами начинается полемика о целесообразности сохранения слоя хюттенмейстеров вообще. Изменения заметны и в характере полемики между сторонниками и противниками объединения торгово-капиталистических компаний и образования зей-

[149] Ibid., N 25, 5. — «...doch dem allem zuweilen in schulden verhaft bleibet, zu verdirb gereichet. Dadurch wurden solche listige und, als es wol zu nennen, nicht bruderlich sonderhendel, welliche doch im grund zu grossem schaden und kleinem nutz gedeihen, abgeschnitten».

[150] Ibid., N 26—27.

[151] W. Müller. Bergregal, Beilagen 86, 87, 88, 102, 103, 104, 107.

ерно-торгового синдиката. Если еще в 1524 г. Кристоф Фюрер и Альбрехт (сторонники объединения) аргументировали свою точку зрения также интересами хюттенмейстеров, то в 1529—1530 гг. и в ближайшие после этого годы графом Альбрехтом ставился уже вопрос о необходимости устранения хюттенмейстеров и полной свободы действий каждого графа в отношении их, а Кристоф Фюрер в составленной им в 1529 г. «Памятной записке» аргументирует свои предложения об образовании сбытового объединения исключительно общими и широкими интересами медноплавильного дела и особенно интересами торговли медью на внутренних и внешних рынках и тем значением, которое, по его мнению, медноплавильное дело имеет в жизни всей Германии.

Для выяснения характера и причин этих изменений необходимо подробнее остановиться на «Памятной записке» Фюрера и на возражениях, высказанных по этому поводу Яковом Вельзером. Следует, однако, прежде всего обратить внимание на то, что указанные новые явления стали определяться тогда, когда упрочились тесные связи торгово-капиталистических компаний с регальной властью графов.

Полемика 1529 г. между Фюрером и Вельзером выявляет две различные точки зрения на вопрос не только о судьбах горноплавильного дела и мансфельдской меди, но в конечном итоге на вопрос о путях утверждения в Германии капиталистического предпринимательства и о мерах, необходимых для обеспечения его дальнейшего развития и процветания. Кристоф Фюрер начинает свою «Памятную записку» с постановки вопроса о путях обеспечения рентабельности зейгерного дела в мансфельдской медной промышленности, но эту, казалось бы, частную местную проблему он тесно связывает с проблемами общегерманского значения, с очередными задачами национально-экономического развития Германии.

Центральная мысль, лежащая в основе всей «Памятной записки» Фюрера, это выдвинутое им общее положение о том, что в интересах Германии товары, производимые внутри страны и вывозимые за границу, должны дорого покупаться и дорого же продаваться. Это очень полезно для Германии, потому что ведет к притоку денег в страну. Высокие же цены на товары, ввозимые в Германию, наоборот, приносят вред и убытки стране. Поскольку же производство металлов является для Германии ее жизненной почвой, то, чем больше их будут вывозить и чем выше будут цены на них, тем больше денег будет притекать в страну[152]. Если, таким образом, вывоз металлов, их продажа

[152] W. Möllenberg. Urkundenbuch, N 88. «Bedenken Cristoffel Füerers den kupferkauf belangende». S. 147—148.- «...dann gewisslich allem Teutschland nit nutzers. dann das die wahr, so im selbigen Teutschland gewunnen und daraus gefurt wurt, teur gekauft und widerumb teur verkauft, dann das die wol-

за границей по высокой цене составляют основу благополучия всей Германии, то отсюда следует вывод о значении внешнего рынка и в отношении мансфельдской меди, а также о необходимости удерживать на внешних рынках высокие цены на мансфельдскую медь. Нам уже известно, какое большое значение в деле сбыта мансфельдской меди имели обширные районы ремесленного производства в Северо-Западной и в Южной Германии. Фюрер учитывает это обстоятельство в этом и в других документах [153]. Тем не менее он подчеркивает в своей «Памятной записке» 1529 г., что эйслебенская медь применяется большею частью и почти всюду в проволочной и латунной промышленности главным образом Франции, Испании и Италии. В соответствии с изложенной им национально-экономической теорией Фюрер видел основную задачу в завоевании господствующего положения на внешних рынках. В то же время он обращает внимание на неблагоприятную в этом отношении международную ситуацию, на напряженное международное положение Германии, на ее войны и конфликты с соседями, которые носят не преходящий характер, а вытекают из самой природы империи и ее места среди других стран.

Весьма характерно, что в своих «соображениях о торговле медью» Кристоф Фюрер пускается в подробное рассмотрение политического положения империи и ее отношений с соседями. Войны Максимилиана возникали по его инициативе; они носили местный характер и не могли долго продолжаться уже потому, что Максимилиан не имел для этого достаточно средств. Войны же Карла V происходят по инициативе других народов, соседей империи, которые боятся, что станут ее подданными, если они упустят удобный для них момент, когда империя раздирается внутренними конфликтами. Соседние государства — Англия, Франция, Венеция, Флоренция, папское государство — и романские (велшские) государи объединяются в коалиции против императора. Это уже войны на уничтожение: или император победит своих врагов или они его победят; эти войны длительные; продолжительного мира уже быть не может [154]. В такой обста-

---

feil gekauft und widerum wolfeil verkauft wurt, sein möcht. Dann wissentlich ist, das metall ein aufenthalt Teutschlands ist; und ye mer es wurdig und giltig ist je mer geltz ins teutsch land komet. Und ist der wahr, so man zu verkaufen ins Teutschland furt und teur ausgebracht wurt, nit zu vergleichen; dann wie jenes dem teutschland nutz also dis dem Teutschland schaden und Nachteil zufuegt».

[153] В этой «Памятной записке» учитывается, что на Франкфуртской ярмарке будут также «бедные» покупатели; имеются, очевидно, в виду ремесленники. В другой своей «Памятной записке» от 1531 г. (ibid., № 97) Фюрер предусматривает продажу меди для латунной промышленности Аахена.

[154] Ibid., S. 144.— «Derhalben gewislich zu glauben, daz kein bestendiger bleiplicher fridt gemacht wurt, es hab dann der Keyser seine widerwertigen vertriben oder die widerwertigen den Keyser; zu sollichem, ehe es gescheen wurt, muss noch vil zeit zugehorn».

новке затрудняются сообщения на международных торговых путях, образуются скопления непроданных товаров, падают цены. К тому же Италия, на территории которой шли войны, разоренная и обнищавшая, не будет в состоянии ввозить разного рода изделия как до этого, и есть основание полагать, что она долго останется в этом положении. Создается, таким образом, положение, затрудняющее борьбу за мировой рынок меди и особенно за высокие цены на медь. В «Памятной записке» Фюрера ставится вопрос о путях преодоления этих затруднений при установившихся надолго неблагоприятных условиях.

Фюрер отклоняет мысль о том, что низкие цены на медь на внешних рынках могут быть уравнены тем, что и закупочные цены внутри страны на сырую медь станут ниже. Это вытекает уже по существу из сформулируемой в записке цели национальной экономии, заключающейся, по Фюреру, в привлечении в страну как можно больше денег и поэтому диктующей в отношении вывозимых товаров политику высоких цен как закупочных, так и продажных. Но Фюрер выдвигает и другой аргумент: если теперь, когда производственные расходы возросли, шахты углублены, леса вырублены, установить низкие цены на сырую медь, то это ударит по тем же купцам, интересы которых хотят этой мерой оградить. Выдаваемые ими авансы не будут погашаться медью: они будут превращаться в неоплатные долги. Выход должен быть найден только такой, при котором, несмотря на неблагоприятную ситуацию, высокие цены на медь на внешних рынках будут удержаны. По мнению Фюрера, это может быть достигнуто только, если все владельцы крупных зейгерных плавилен, а их всего 5 или 6, образуют объединение для сбыта своей продукции чистой меди через одни руки. Продажа чистой меди должна совершаться в одном из трех городов, являющихся центрами внешней и внутренней торговли — в Нюрнберге, Франкфурте и Антверпене. В каждом из этих городов назначается уполномоченный этого объединения, принимающий заявки от покупателей и распределяющий заказы между владельцами предприятий, проводя при этом принцип равенства условий и учитывая месторасположение сторон и условия сообщения между ними. В целях устранения всякой конкурентной борьбы, которая могла проявляться в этих условиях в погоне за надежными клиентами, предусматривается, что всякий убыток от неуплаченного долга будет равномерно распределяться между всеми участниками объединения. Указывается также, что полное равенство условий сделок, совершающихся через одни руки, будет приветствоваться и покупателями, «особенно, бедными», которым не придется опасаться, что кто-либо один из них опередит другого в заключении более выгодных сделок[155].

[155] W. Möllenberg. Urkundenbuch, N 88, S. 146.

В целом «Памятная записка» 1529 г. Кристофа Фюрера представляет значительный интерес тем, что это по существу впервые сформулированная в Германии идея меркантилизма как пути поощрения национально-экономического развития, как способ использования в интересах этого развития завоеванного мансфельдской медью господствующего положения на мировом рынке. Характеризуя меркантилистскую систему эпохи раннего капитализма, К. Маркс писал: «...при превращении земледельческих феодальных обществ в промышленные и при соответствующей промышленной борьбе наций на мировом рынке все зависит от ускоренного развития капитала, которое достигается не так называемым естественным путем, а при помощи принудительных средств». Меркантилизм рассматривается Марксом как одно из средств «насильственно ускоренного накопления и концентрации капиталов», «ускоренного создания условий капиталистического способа производства». Маркс характеризует и ту национальную форму, в которую облекается пропаганда меркантилизма: «...национальный характер меркантилистской системы в устах ее защитников — не просто фраза. Под предлогом, будто их занимает только богатство нации и ресурсы государства, они в действительности объявляют интересы класса капиталистов и обогащение вообще конечной целью государства и прокламируют буржуазное общество в противоположность старому неземному государству»[156].

Не все черты меркантилизма, в том виде, как его характеризует К. Маркс, содержатся в предложениях Кристофа Фюрера. Прежде чем остановиться на особенностях фюрерского меркантилизма, вытекающих из специфических германских условий, необходимо подчеркнуть несомненный характер его общих черт с меркантилистическими идеями XVI—XVII вв. вообще. Решающее значение, которое придается производству прибавочной стоимости, сочетается с выдвижением на первый план сферы обращения и притом так, что прибавочная стоимость представляется, по выражению Маркса, «в форме добавочных денег, в положительном сальдо торгового баланса». В экономической концепции Фюрера содержится сформулированная им главная цель, — чтобы по товарам, добываемым и производимым в самой Германии, в страну притекало возможно большее количество денег. Прокламирование Фюрером борьбы за удержание и расширение господствующего положения на мировом рынке меди тесно связано у него с пропагандой ускоренного и притом насильственными методами — накопления и концентрации капиталов в национальном масштабе. Сына старого нюрнбергского патрицианского рода Кристофа Фюрера стали занимать общенациональные проблемы главным образом тогда, когда

[156] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 347—348.

борьба за мировой рынок меди вступала в решающую стадию, т. е. с начала 20-х годов XVI в. В 1523 г. Фюрер выступил со своими соображениями по поводу имперских налогов, высказываясь за общеимперскую таможенную пошлину и за единую имперскую монету [157].

Однако пропагандировавшаяся Фюрером меркантилистская система носит на себе черты специфических германских условий. Обращает на себя внимание, что среди центров продажи меди объединенных зейгерно-плавильных предприятий мы не находим Лейпцига с его ярмарками, место которых в мировой торговле нельзя было игнорировать. Антагонизм между нюрнбергскими торгово-капиталистическими кругами и лейпцигскими не мог быть преодолен в национально-меркантилистской схеме, намеченной Фюрером. Главная же отличительная черта фюрерского меркантилизма заключается в характере предусмотренной в проекте Фюрера системы принуждения, составляющей неотъемлемую часть меркантилизма вообще. Обычно это связано с усилением роли государства, с тем, что капитализм на раннем этапе своего развития не может еще двигаться собственным, свойственным ему путем, он нуждается в принудительном аппарате монархического государства, в «костылях исчезнувшего или исчезающего с его появлением способа производства». Только тогда, когда капитализм чувствует себя достаточно окрепшим, писал Маркс, он отбрасывает костыли и двигается по собственным законам [158]. Мы уже знаем, что еще до своего выступления с развернутым проектом утверждения господствующего положения мансфельдской меди на мировом рынке Кристоф Фюрер выдвигал проекты введения единой имперской таможенной пошлины и единой монетной системы, вызвав против себя бурю негодования со стороны многочисленных представителей знати, наделенных привилегией монетного чекана. Но мог ли Фюрер рассчитывать на то, что принудительная сила Германской империи будет предоставлена для проведения намеченной им экономической политики и что она окажется пригодной для этой цели? В политическом реализме Фюрера, в оценке сущности и возможностей империи Карла V можно убедиться из той же его «Памятной записки» 1529 г. Формально Фюрер выражает сочувствие Карлу в том, что короли Франции, Англии и итальянских государств не желают признавать его «наследственного права» на императорскую корону и, используя «отсутствие един-

[157] W. Möllenberg. Die Eroberung..., S. 57—59.

[158] K. Marx. Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie. Moskau, 1939.— «Die Herrschaft des Kapitals ist die Voraussetzung der freien Konkurrenz... Solange das Kapital schwach ist, sucht es selbst noch nach den Krücken Vergangener oder mit seinem Erscheinen vergehender Produktionsweise. Sobald es sich stark fühlt, wirft es die Krücken weg und bewegt sich seinen eignen Gesetzen gemäss» (русский перевод этого произведения К. Маркса в настоящее время печатается).

ства среди его подданных», объединяются против него в коалиции с целью ведения продолжительных войн на уничтожение. Однако это выражение сочувствия ничего не меняет в его трезвой оценке сущности и положения империи: политически разрозненная внутри и обреченная на ведение бесконечных и ожесточенных войн с соседними консолидирующимися государствами, ей не до ведения национально-экономической политики вообще. Единственным путем, остающимся в этих условиях для проведения меркантилистской политики, может быть только путь объединения самих ведущих капиталистов страны по предложенной им программе. Комплексом мер, предусмотренных этой программой, создается система принуждения, необходимая для поощрения в национальных рамках ускоренного накопления и концентрации капиталов и утверждения завоеванного господствующего положения на мировом рынке. В тех же случаях, когда потребуются меры политической власти, они будут предприниматься распоряжениями мансфельдских графов, осуществляющих здесь регальную власть. В последнем пункте «Памятной записки» говорится, что в случае затяжки и усложнения военного положения или наличия перепроизводства меди и угрожающего скопления товарных масс, графы должны незамедлительно распорядиться о сокращении производства с тем, чтобы не допустить срыва всего дела[159].

Специфическая особенность идеи немецкого меркантилизма в том ее выражении, которое она получила у одного из виднейших представителей и идеологов немецкого капиталистического предпринимательства XVI в.— у Кристофа Фюрера, заключается в следующем: успешная борьба немецкого торгового капитала на мировом рынке и его движение по пути превращения в промышленный капитал представлялись не только с помощью княжеской власти, но и в союзе с ней, а поскольку дело шло прежде всего о горно-плавильном деле, только опираясь на регальный режим, только сочетаясь с графским предпринимательством, цель которого заключалась не столько в завоевании для

[159] W. Möllenberg. Urkundenbuch, N 88, S. 148.— «Solt aber durch die leng des unfrieds oder villeicht durch machung der menig Kupfer zu Isleben so vil feyrent kupfer uns in der gewalt pleiben wurden aus not, das villeicht ein jeder seigerer sich zu Isleben kaufens enthilt, m. g. h. von M. ein ordnung und mass mit mynder machen der Kupfer aufrichten mussen und nit verzihen pis das der handel mit dem gewalt an der seyten light». Мысль о необходимости усиления власти графов в решении вопросов хозяйственного режима назрела у Кристофа Фюрера уже задолго до «Памятной записки» 1529 г. В своих первых предложениях об объединении Аришгадтской и Лейтенбергской компаний Фюрер предусматривал, что в объединенном управлении каждая из двух компаний будет обладать шестью голосами, но что решающий тринадцатый голос должен принадлежать графу Альбрехту. Кроме того, из шести голосов Аришгадтской компании один должен быть представлен представителю знати, поскольку граф Альбрехт сделался участником и этой компании (ibid., № 21, § 3).

на которое могут в данной конкретной обстановке идти продавцы не мансфельдской меди. Таким образом, заключает Вельзер, удержание высокой цены на эйслебенскую медь зависит от ряда обстоятельств, а не только от продажи ее через одни руки [163].

Все сложные вопросы, которые возникают в торговых отношениях, следует, по мнению Вельзера, разрешать путем деловых переговоров и контрактов, а не путем административного и политического нажима или запрета. Особую заботу продавцов мансфельдской меди составляло то обстоятельство, что их высококачественная медь примешивалась к другой меди низкого качества, которая благодаря этому делалась пригодной для изготовления латуни, проволоки, жести и других тонких изделий. Такая практика грозила лишить мансфельдскую медь ее главного преимущества в борьбе со шведской и венгерской медью. Несколько позже, в начале 1532 г., мансфельдскими графами предпринята была попытка добиться от нюрнбергского магистрата пресечения такой практики ремесленниками этого города, потребовав, чтобы нюрнбергские ремесленники ставили особый знак на изделия из мансфельдской меди [164], на что нюрнбергский магистрат ответил отказом [165]. Имея в виду это и другие подобные обстоятельства, Вельзер писал, что и вопрос о характере применения мансфельдской меди может быть улажен заключением особых контрактов и иными непосредственными деловыми связями, а не каким-либо иным путем [166].

Вельзер перечисляет все трудности, к которым привела бы система концентрированной продажи меди через одного человека, задача которого заключалась бы в равномерном распределении спроса при передаче заявок покупателей отдельным предпринимателям. Пришлось бы учитывать разницу в качестве меди, в платежеспособности разных покупателей, в сравнительной стоимости денег, которыми оплачиваются покупки, в характере пути следования товара от зейгерной плавильни к месту назначения и многие другие обстоятельства, которые трудно предвидеть [167]. Трудно будет сочетать запрещение от-

[163] W. Möllenberg. Urkundenbuch. S. 151.— «...also das die erhaldung der Eysleber kupfer in zimlichem press nit allain in dem verkaufen der ains hand stet, sunder in vil mehr andern fellen».

[164] Ibid., N 100.

[165] Ibid., N 104.

[166] Ibid., N 89, S. 151.— «...dan aygentlich der selbsthendler mer wech zum verschleus, und wie er seine kupfer aufs hochst und pest durch ... anschleg auch in andern hievor unbenenden landen, da und anderer ort man Eysleber kupfer auch allain zu schlechter Kupfer- und nit messingarbayt gebraucht, durch sunderlich contrekt stich und anderer weiss mit hochstem seim nutz, so er imer erheben und lerangen mag... das durch den andern wech nit geschehen wurd».

[167] Ibid., S. 153.— «...Dan in der gleychmessikayt der gute in den kupfern, dergleichen in anweysung gueter oder verzuegiger bezaller oder ob umb par verkauft, wem dasselb einzunemen gepurn wurd, in gleichstellung der werd des-

дельных продаж на месте с интересами ремесла. Автор проекта видит выход в том, что он допускает мелкие продажи в 10—20 ц меди местным медникам и латунщикам. По этому поводу Вельзер пишет, что ему известны такие хорошо расположенные районы, в которых установлено много котлов ремесленников, а теперь построены новые латунные плавильни[168]. Если в таких местах отпускать ремесленникам ежедневно или через день по 10—20 ц меди, то в течение года это составит весьма значительное количество. Как же это все согласовать внутри предлагаемой системы? Гораздо проще было бы полное слияние предприятий, но об этом, пишет он, мы бы никогда не смогли договориться.

Перечисляя еще ряд других трудностей, связанных с предлагаемой Фюрером системой, Вельзер стремится доказать, что лучшим путем ведения предприятий и торговли их продукцией является полная свобода каждого предпринимателя и каждой фирмы, личная инициатива в поисках и выборе путей решения всех вопросов на основе личной заинтересованности и использования всех возможностей. Сочетание личной заинтересованности с какой-либо формой коллективной регламентации Вельзер считает невозможной. От коллективных решений на собраниях заинтересованных участников будет, по его мнению, мало пользы, поскольку в выполнении этих решений каждый будет полагаться на другого. Поговорка «много хранителей — плохая охрана» (peu vil huten — ubel gehuett), пишет Вельзер, полностью применима к данному делу. В отдельных случаях он, правда, допускает согласованные действия предпринимателей и фирм. Так, он пишет, что при существующем напряжении в международных отношениях и затруднениях в использовании торговых путей следует договориться о некотором сокращении производства меди, о том, чтобы в итоге оно не превышало 22—25 тыс. ц в год[169]. В целом же он считает, что общие интересы удовлетворяются наилучшим образом тем, что каждый использует все возможности для достижения его собственных целей[170].

Убежденный в том, что лучшим путем для успешной предпринимательской торгово-промышленной деятельности является

---

geltz an den orten, do sich der wert flux endert der liberung und anderm noch so vil zu pedenken, das es mir zu weyd vor augen ist».

[168] Т. е. плавильни по сплаву меди и цинка и производству латуни.

[169] Еще раньше, в 1524 г., Вельзер писал графу Альбрехту, что он предпочитает согласованные действия между зейгерными плавильнями в отношении вырабатываемого количества чистой меди каждой из них, а также по вопросу об установлении максимума авансов хюттенмейстерам и равномерного обеспечения хюттенмейстеров углем и материалами (W. Möllenberg. Urkundenbuch, N 27).

[170] Ibid., N 89, S. 152.— «Dan ich mich genzlich vertrost, ain yder werde wissen, mit solcher geschicklikeyt zu handlen, das es ime nutzlich und einer loblichen herschaft zu Mansfeld m. g. h. ind irer gn. underthonen des pergwergs halben geferlicher weyss nit abtreglich sey...»

меры воздействия на хюттенмейстеров,— маневрирование авансами и др.,— являются в основном мерами экономического воздействия, при котором хюттенмейстеры сохраняют в известной мере инициативу и конкурентоспособность в своей среде. В основном Вельзер считал, что хюттенмейстеры являются важным звеном в общем расчлененном процессе производства меди, в сохранении которого заинтересованы сами зейгерно-медеплавильные фирмы. Известно также, что экономическая концепция Вельзера, не содержавшая в себе элементов национально-экономической политики и государственного покровительства, не предусматривала подчинения всего дела графской администрации. Характерно, что уже в 1524 г., отвергая предложения Фюрера о слиянии Лейтенбергской компании с Арнштадской, Вельзер указал на первостепенное значение общественного мнения, с которым необходимо считаться. Секретарь графа Альбрехта Каспар Мюллер, которому поручено было уговорить Вельзера согласиться на слияние двух фирм, докладывал затем, что, по словам Вельзера, как дворяне, так и простые люди с проклятием, враждой и возмущением отнеслись бы ко всякому, кто стал бы устраивать монополии, что для него хорошая слава честного купца намного дороже, чем польза и выгоды, которые могли бы быть результатом предложенного объединения[174]. В таких же энергичных выражениях подчеркнул тогда Вельзер этот аргумент и в своем личном послании графу Альбрехту[175].

То обстоятельство, что Вельзер выше всего ценил хорошее имя и широкое доверие к нему, несомненно продиктовано было его концепцией, согласно которой залогом деловых успехов является энергичная личная деятельность, основанная на принципе использования всех экономических возможностей и свободная от административной связанности. Эта точка зрения в большей степени соответствовала интересам немецкого раннего капитализма, чем связанные с княжеским покровительством монополистические планы Кристофа Фюрера, которые, однако, одержали верх. После длительной борьбы двух направлений образовано было сбытовое объединение крупных медеплавильно-зейгерных фирм, в которое вошли зейгерные медеплавильни Грефенталя,

---

[174] W. Möllenberg. Urkundenbuch, N. 26.— «...so were doch hirin das bosse geschrei... der grosse neid, hass und widerwille, so sich daraus begeben wurd, und sonderlich, das et fur monopolium wolt geacht werden, zu bedenken. Und diweil iderman wissend mit was ungust und beschwerde der adel, auch gemeine man, kegen dem kaufman bewegt... wolt er fur seine person ine ein guts geschrei und erlich gerucht vil lieber, dan den nutz und gewyn, so ime solhs fragen mocht, sein lassen».

[175] Ibid., N 27.— «Und wurd furkumen ein ubergrosser unlust nach red und geschray, das in zusamensetzung der hutten sich one fel mit anhang vil neidz und unwyllens erheben wurd... Derhalb, wa ich namentreger oder sust in eynige gescheefften darin verwant sein solt, wurde mir aygentlich ein ehrlich geschray lieber dan etwan ein gelt, so mir in aym solhichem geschray zugut sten mocht».

Шварцы, Штейнаха, Арнштадта, Эйсфельда и Лейтенберга. Пункты соглашения свидетельствуют о том, что вступившие в синдикат фирмы ставили своей целью удержание повышенных цен на чистую медь и устранение конкуренции, которая могла бы этому препятствовать. Первым пунктом предусматривается установление общей цены, которой должны придерживаться все фирмы и сосредоточение торговли главным образом в трех городах — Нюрнберге, Франкфурте и Антверпене. Перед каждой ярмаркой учитывается количество меди, которое заготовлено каждой фирмой для продажи, и количество требуемого ею свинца. Во время ярмарки двое из синдиката производят в установленном порядке продажу меди и закупки свинца для каждой фирмы. В целях устранения борьбы за лучших и более надежных покупателей установлено, что убытки от неуплаченных долгов за проданную медь распределяются между всеми участниками. Особую заботу участников объединения составляло то обстоятельство, что высококачественная мансфельдская медь могла быть использована конкурентами — обладателями шваицской, венгерской и шведской меди для примешивания к своей значительно худшей по своим качествам меди и тем самым получить возможность конкурировать с мансфельдской медью. Для предотвращения этого восьмым пунктом соглашения участники синдиката берут на себя обязательство производить мансфельдскую медь в чистейшем виде (auf das rainst), чтобы таким образом ее можно было легко отличать от смешанной меди. Чистая мансфельдская медь должна иметь на себе особый знак. Сами мансфельдцы обязуются «не мешать чужую медь с эйслебенской и не клеймить эйслебенским знаком чужую медь, которая не может сравниться с эйслебенской» [176].

Соглашением предусматривается строгое соблюдение принципа продажи мансфельдской меди в Нидерландах только через одни руки, через назначенных для этого факторов синдиката. Устанавливается, что никто из участников не должен ни продавать, ни дарить, ни передавать каким-либо иным путем свою медь тому, кто вывезет ее морским путем в Нидерланды. Этой мерой предотвращен будет ущерб, который может быть нанесен такими бесконтрольными продажами мансфельдской меди на мировом рынке делу сбыта этой меди участниками синдиката [177].

Приведенные пункты соглашения составлены были 15 декабря 1536 г., но объединение было образовано тремя годами раньше. Попытки склонить Вельзера к участию в нем ни к чему не привели. В 1534 г. Вельзер вышел из Лейтенбергской компании. Вместо него с капиталом в 10 000 гульденов в Лейтенберг-

[176] W. Mück. Urkundenbuch, N 288.— «...insonderhait soll jeder Tail bei seiner Pflicht kain frembde Kupfer unter die Eisleber kupfer mengen oder Zaichen lassen, die denselben Eisleber Kupfern nicht gemäss sein».

[177] Ibid., § 7.

ско-Эйсфельдскую компанию вступил Ульрих Раушер из Лейпцига.

Эффект от образования синдиката был весьма чувствительным. Дивиденды Лейтенбергской компании в 1531 г. (т. е. до объединения компаний) составляли 11%, а с 1534 г. рост дивидендов характеризуется следующими данными: в 1535 г. — 14%, в 1536 г. — 19%, в 1537 г. — больше 22% [178]. Линия Кристофа Фюрера восторжествовала: объединение было образовано на основе его «Памятной записки» от 1529 г. Но эта победа линии Фюрера не была ни победой прогрессивно-капиталистических элементов в горно-медеплавильном деле, ни усилением в нем роли государственного начала. Она, наоборот, знаменовала собою усиление тенденций к подчинению всего дела и его обильных доходов обладателям регальной власти, княжескому феодализму. Нам уже известно, что годы утверждения синдиката были вместе с тем временем начавшегося вытеснения хюттенмейстеров, что вслед за графом Альбрехтом стали устранять своих хюттенмейстеров также другие мансфельдские графы.

Для положения, создавшегося в мансфельдском горно-медеплавильном деле во второй половине 30-х годов XVI в., весьма характерен проект, предложенный Георгом Пфалером, бывшим руководителем производства на зейгерной медеплавильне Лейтенберга, курфюрсту Саксонскому — Иоганну Фридриху в 1538 г. Пфалер убеждал курфюрста в том, что, обладая правом княжеского суверенитета над лесными массивами Средней Германии, он может поставить в зависимость от себя все крупные медеплавильные предприятия, которые пользуются дровами и лесными материалами из его лесов. При этом автор проекта указывал не только на те предприятия, которые участвовали в синдикате, но и на некоторые другие, в том числе на построенные Фуггерами плавильню в Хохкирхене (в Тюрингии) и на латунные предприятия Нейбрунна, расположенные во владениях курфюрста. Поскольку курфюрст может парализовать все горно-плавильные предприятия, он может поставить и мансфельдских хюттенмейстеров в такое положение, что они будут вынуждены сбывать всю свою медь в Саксонию и притом по ценам, которые будет угодно установить самому курфюрсту. С целью сокращения производственных расходов следует, по мнению Пфалера, оставить только лучшие плавильни (например, Хохкирхен, производящую 12 000 ц меди в год). Центром медной и латунной промышленности должен стать город Кобург, расположенный на удобных торговых путях, в районе которого имеются все необходимые условия — вода, дрова в изобилии, песок для обжига латуни, удобная связь с Франкфуртом, откуда будет доставляться галмей, дешевый транспорт, дешевые продукты питания. В про-

[178] W. Möllenberg. Die Eroberung..., S. 80—82.

екте Пфалера предусматривается также превращение Кобурга в стапельный пункт. Вместе с тем он считал, что можно будет перетянуть в Кобург нюрнбергских ремесленников — латунщиков и медников. В результате всех этих мер Кобург станет таким же городом ярмарок, как Лейпциг. Всякий, кому нужна будет медь, направится в Кобург, так же как теперь за нею направляются в Нюрнберг, Франкфурт, Кельн, Аахен или Антверпен. Туда же будут направляться за медью и серебром и из романских (велшских) государств [179].

Этот проект, оставшийся на бумаге и не имевший под собою реальной почвы, характерен в том отношении, что меры экономического порядка сочетаются в нем с расчетом на регальные права и на феодальные привилегии. Объединительные и административные мероприятия в области горно-медеплавильного дела представлялись уже как средства подчинения его обладателям регальных прав, к интересам которых должны быть приспособлены все экономические и технические достижения, в том числе и достижения капиталистического предпринимательства.

Активная деятельность мансфельдских графов подчинить себе горно-медеплавильное дело и приспособить к своим интересам и капиталистическое предпринимательство с середины 30-х годов XVI в. наблюдается не только у графа Альбрехта, но и у тех графов, которые раньше выступали против Альбрехта и отвергали его проекты. Возможности капиталовложений в зейгерные предприятия с их стороны были минимальными, но их регальная власть давала им не только десятинную медь, но и контроль над всей массой производимой на территории их пятин сырой меди, в которой все зейгерные предприятия нуждались. Даже там, где хюттенмейстеры оставались еще главными производителями сырой меди, графы стали усиливать свой контроль над продажей продукции их «огней» зейгерным предприятиям и диктовать условия заключавшихся обладателями этих предприятий с хюттенмейстерами контрактов [180]. Все это давало графам возможность рассчитывать не только на увеличение поборов, но и на проникновение в самые зейгерные компании в качестве их участников. Во второй половине 30-х годов создаются новые зейгерные компании смешанного типа из капиталистических предпринимателей и графов, которые знаменуют собою новый этап в борьбе регальной власти за подчинение себе горно-медеплавильного дела.

Уже в ноябре 1535 г. мансфельдские графы Хойер и Филипп сговорились с известным уже нам лейпцигским предпринимателем Генрихом Шерлем, выступившим от имени его соучастни-

[179] Ibid., S. 89—90. — «Wer Kupfer bedorffte, der holet es eben als woll zu Coburg, als itzo zu Nürnberg, Frankfurt, Köln, Aach oder Anttorf, dann an allen den Orten man weder Silber noch Kupfer nit ertraten kann, auch das Wellisch Land, Portugall, Frankreich und England».

[180] Ibid. S. 92—93.

ков, об образовании компании по зейгерованию их десятинной и покупной у хюттенмейстеров сырой меди и о приобретении для этой цели плавильни Лудерштадта [181]. 27 февраля 1536 г. по этому делу заключено было уже формальное соглашение. Соучастниками Шерля были Иероним Лоттер, известный лейпцигский архитектор, затем Рейнике и Рейфенштейн — в прошлом хюттенмейстеры, ставшие к этому времени богатыми предпринимателями и являвшиеся участниками другого, Штейнахского, зейгерторгового предприятия [182]. Соглашение заключено было на 20 лет. Основной капитал фирмы был определен в 80 000 гульд. (14 000 гульд. вносят графы, 33 000— Шерль и Лоттер; 33 000— Рейнике и Рейфенштейн). Сами тексты соглашения, состоявшего из двух документов: одного, представлявшего собою «Декларацию купцов», и другого, исходящего от графов [182а], свидетельствуют о том, что одна из этих группировок вступает в сделку с другой в целях совместного предпринимательства и распределения прибылей соответственно долям в основном капитале. Функции и обязанности каждой стороны были различными, образуя, таким образом, особое положение одних и других в компании. Все управленческие функции предприятия, как коммерческие, так и производственные, должны выполняться купеческой стороной. Купцы нанимают рабочих и служащих не только на самой плавильне, но и во всех местах и городах, где ведутся дела компании [183]. Они же составляют отчеты, созывают совещания участков и проводят в жизнь их решения. Функции графов — специфически господские, они оказывают «купцам, их наследникам, имуществу, их служащим, работникам и товарам покровительство и защиту», военную и правовую. Они обязуются также в качестве обладателей власти не отягощать купцов несправедливым образом и не применять к ним насилие [184]. В соглашении от ноября 1535 г. пункт о графском покровительстве заканчивался обязательством графов «... и делать все то, что князь обязан делать для своих подданных» [185].

Это обязательство широкого княжеского покровительства являлось в данном случае основным вкладом графов в дело.

---

[181] W. Möllenberg. Urkundenbuch, N 107.

[182] Ibid., N 110; W. Mück. Urkundenbuch, N 285.

[182а] W. Mück. Urkundenbuch, N 285, 286.

[183] W. Möllenberg. Urkundenbuch, N 110; W. Mück. Urkundenbuch, N 286.— «...die verwaltung haben, den Handel getreulich treiben, fördern, tragen und versorgen, alle und isliche Hüttenschreiber, Buchhalter, Faktor, Diener, Hüttengesinde und ander Gesinde zu Nurmbergk, Frankfurt, Antorf, Brunschweig und ander orten... anzunemen, zu dingen, zu bestellen, zu urlauben, zu setzen und zu entsetzen haben, so oft und dicke... des Handels Notdurft erfordert».

[184] W. Mück. Urkundenbuch.— «...Gleich und Recht vor sie byten... und mit Unrecht nicht beschwern, vergewaltigen oder zu beschweren und vergewaltigen zu lassen...»

[185] W. Möllenberg. Urkundenbuch, N 107.— «...und alles das tun, wye eyn herr seynen undertan zu tun schuldigk ist».

Что касается их денежного участия, которое определено в договоре суммой в 14 000 гульд., то следует иметь в виду, что фактически они обязались внести в ближайшую Пасху только 4000, а 10 000 гульд. внес за графов Шерль в виде займа под 5% годовых. Риск, связанный с этим займом, обязались разделить с Шерлем три других «купца» компании. Главный же смысл этой сделки в том, что, обещав внести только 4000 гульд. и уплачивая за 10 000 гульд. 5% в год, графы сделались участниками для получения дивидендов с 14 000 гульд. Данных об уровне дивидендов по Лудерштадтской компании в это время нет, но несомненно он значительно превышал уровень указанных процентов по займу. Представление можно получить из данных о дивидендах по Штейнахской компании, которая до 1541 г. была слита с Лудерштадтской. Средний уровень дивиденда в течение 16 лет (1540—1555 гг.) составлял 12—13% в год. Разницу между уровнями ссудного процента и дивидендов с суммы 14 000 гульд. присваивали себе графы не столько, конечно, в силу обещанного ими покровительства, сколько в силу того, что они реально держали в своих руках и контролировали всю продукцию сырой меди своих пятин.

Одним годом позже, в феврале 1537 г., те же графы проникли на таких же основаниях в качестве «участников» и в другую компанию, связанную с зейгерной плавильней Штейнах, владельцами которой были двое из участников Лудерштадтской компании — Рейнике и Рейфенштейн. Соучастниками этих последних по Штейнахской плавильне были нюрнбергские капиталисты — Пфинцингены. По предложению графов на основе этой плавильни организована была новая компания, в которую кроме них вступили двое бюргеров (Масхадер и Хальбиг).

Основной капитал новой компании был определен в 95 — 100 тыс. гульд., из которых 14 000 гульд. должны составлять долю графов в известной уже нам форме: графы обещают внести наличными 4000 гульд., а 10 000 гульд. вносят за графов купцы в виде пятипроцентного займа [186]. Указывая на то, что Рейнике и Рейфенштейн (а с 1538 г. — их наследники) участвовали в той и в другой компаниях, Мелленберг констатирует, что в ближайшее после этого время Лудерштадтская и Штейнахская компании образовали в известной мере единство. Однако главное, что характерно для этих компаний,— это общая форма графского участия в них. Не обладая капиталами, эти мансфельдские графы нашли средство участия в доходах и ущемления капиталистических элементов в компаниях. С самого начала существования этих смешанных фирм в них шла борьба двух антагонистических частей — регально-феодальной и капиталистической.

[186] W. Mück. Urkundenbuch, N 289. Необходимо еще иметь в виду, что обещанные 4 тыс. гульд. в Лудерштадтскую компанию графы так и не внесли. См. W. Möllenberg. Die Eroberung..., S. 98.

создавшегося во второй половине 30-х и в 40-х годах XVI в. в мансфельдской горной и медеплавильной промышленности, следует иметь в виду, что это было время, когда для развития предприятий этой промышленности требовались значительные новые капиталовложения. Авансирующие купцы (Пфинцингены, Шерль и его соучастники) жаловались на то, что требования хюттенмейстеров о значительном увеличении авансов вызывают опасения и сомнения в том, смогут ли выдаваемые суммы возвращаться. Указывались случаи, когда хюттенмейстеры не могут найти купцов, согласных их авансировать [191]. В 1544 г. Шерль и другие участники Лудерштадтской компании писали графам Филиппу и Гансу-Георгу, что задолженность хюттенмейстеров авансирующим купцам не уменьшается, а увеличивается и что это происходит не по злой воле хюттенмейстеров, а вызывается усложнением технических сооружений, возведение и содержание которых требует больших денег. Для покрытия новых расходов имеющаяся у фирмы наличность и взятые ею деньги на проценты оказываются недостаточными. В целях собирания нужных сумм руководители фирмы идут на то, чтобы возможно быстрее продать товарные запасы на невыгодных условиях, принимая в уплату векселя не всегда надежные, но и этих мер оказывается недостаточно [192].

На весенней Франкфуртской ярмарке 1546 г. купцы владельцы зейгерных плавилен во время переговоров с представителями графов заявили в еще более энергичной форме, что растущая задолженность хюттенмейстеров вызывается новыми затратами, связанными с углублением шахт и новыми сооружениями, требующими применения двигательной силы лошадей и других дорогостоящих приспособлений [193].

Несомненно, растущие производственные затраты, расходы, связанные с усложнением оборудования,— сами по себе явления не только нормальные, но и необходимые для раннекапиталистических предприятий. Расходы, связанные с расширением и усовершенствованием производства, должны иметь свое оправдание в росте и удешевлении продукции, в создаваемых таким путем более выгодных условий сбыта. Чем же объясняются жалобы на безвыходное положение и рост задолженности хюттенмейстеров?

---

[191] W. Möllenberg. Urkundenbuch, N 122, 126.

[192] Ibid., N 134.— «...so ist fur augen, das die grosse ubermessige schult so in euir gn. herschaften pey den huttenmeistern steht, nicht geringer wirt, sunder deglichen noch hoer steiget und konnen auch in unserer einfalt nicht finden, wie die bey itzigen gepeuden und andern furnemen woll geringer werden mocht... das des hauptguts, auch aufgebrachtes zinsgelts und mit schaden aufgenomener wechsel sampt andern, so wir zu erhaltunge des handels die verschriebene zeit haben aufbringen mogen, fast alles zu wenig...»

[193] Ibid., N 144.— «...in was beschwerunge eitzunder der bergkstunde, das er in tifferunge keme, und mit grossem unkost... so weren auch dye huttenmeyster inen mit grossen schulden vorheftet».

Этот вопрос тем более правомерен, что дивиденды в это время довольно высокие[194]. Для понимания создавшегося положения необходимо иметь в виду два обстоятельства: во-первых, усилившийся нажим графов, их требования поборов и займов, не имевших никакого производственного значения; во-вторых, фактическое возложение основной тяжести издержек, связанных с вымогательствами графов, на хюттенмейстеров. Графы не ограничивались в отношении зейгерных плавилен Лудерштадта и Штейнаха тем, что они взимали дивиденды с 10 000 гульд. основного капитала, которых они не имели и не давали. Они требовали также с каждого центнера продаваемой чистой меди не менее $1^1/_2$ гульд.[195] Из акта графов о разделении этих компаний в 1540 г. видно, что предметом серьезного конфликта между купцами и графами служило требование графов о передаче серебра, получавшегося из сырой меди в результате зейгерования, на их монетный двор в Эйслебен по твердой заниженной цене[196]. Графы Филипп и Ганс-Георг согласились впоследствии на передачу на монетный двор половины серебра. Однако в отношении серебра указанные компании испытывали нажим и графа Альбрехта[197]. Примером нажима графов на участников компаний с требованиями займов может служить обязательство лудерштадтцев при покупке ими в 1540 г. у графов Филиппа и Ганса-Георга дополнительной части десятинной меди одолжить этим графам 5000 гульд. без процентов[198].

Вопрос о задолженности хюттенмейстеров серьезно тревожил авансирующих купцов, зейгерноторговцев и был причиной их конфликтов с графами. Указывая на необходимость увеличения авансируемых хюттенмейстерам сумм, участники Лудерштадтской компании требовали, чтобы половина взимаемого графами побора в $1^1/_2$ гульд. с центнера шла на авансирование[199]. По существу это означало, что графы должны также участвовать в риске авансирования и в убытках от невозвращенных и невозмещенных авансов. Создавшееся в результате этих конфликтов напряженное положение служило предметом общих совещаний мансфельдских графов и купцов. На совещании, состоявшемся в

---

[194] W. Möllenberg. Die Eroberung..., S. 111. Дивиденды Штейнахской компании, выплаченные участникам по их вложениям, составляли (в %):

1540 г.—$14^1/_2$	1545 г.—13	1549 г.—15
1542 г.— $6^1/_2$	1546 г.—11	1550 г.—12
1543 г.—15	1547 г.—12	1555 г.—12
1544 г.—10	1548 г.—13	

[195] W. Möllenberg. Urkundenbuch, N 126, 129, 159; W. Mück. Urkundenbuch, N 292, S. 397.

[196] W. Mück. Urkundenbuch, N 292, S. 396, 398.

[197] W. Möllenberg. Urkundenbuch, N 152.

[198] Ibid., N 124.

[199] Ibid., N 126.— «Die $1^1/_2$ fl solten halb hutmeistern zu gut gehen, also das es jerlich am vorlege der hendeler zalt wurde».

конце марта 1546 г. во время весенней Франкфуртской ярмарки, графы предложили в качестве первоочередной меры вернуться к строгому соблюдению системы объединенного сбыта через одни руки и договориться с другими продающими медь фирмами о повышении цены на чистую медь. Увеличенный в результате этого доход, говорили представители графов, пойдет частью графам, частью купцам и частью хюттенмейстерам [200].

Представители Штейнахской компании заявили, что вопрос о возможном повышении цены на медь требует серьезного обдумывания: не приведет ли эта мера к торможению сбыта и скоплению товара, особенно ввиду наличия конкуренции шваицкой и венгерской меди. Четыре недели спустя представители купцов высказали свои возражения на проект графов в более аргументированной форме. Из их заявления видно, что в предложении графов, как его сформулировал фактор графа Альбрехта, речь шла о повышении цены одного центнера чистой меди на 2 гульд., по крайней мере на $1^1/_2$ гульд. Поскольку шваицкая и венгерская медь дешевле, то нюрнбергские ремесленники будут покупать мансфельдскую медь только в таких размерах, насколько это будет необходимо для примешивания ее к шваицкой и венгерской меди с тем, чтобы сделать ее более ковкой и пригодной для их работы. И даже аахенские ремесленники, которые до настоящего времени не применяли иной меди, кроме мансфельдской, стараются теперь, подобно своим нюрнбергским собратьям, приспособить к своему делу шваицкую и еще другую медь [201]. В своих дальнейших рассуждениях купцы предусматривают и такую ситуацию, когда на нидерландском рынке окажется возможным продавать мансфельдскую медь по более высокой цене. Известная антверпенская фирма Шетцов, снабжавшая мировой рынок медной проволокой и некоторыми другими тонкими изделиями из меди и латуни, требовала меди исключительной степени ковкости. По мнению купцов, участников данного совещания, эта фирма предпочтет платить за мансфельдскую медь дороже, учитывая, что и шваицкая медь при общей погоне за нею также станет несколько дороже. Однако и при такой ситуации повышение цен на медь может дать, по мнению этих купцов, только отрицательные результаты, потому что бедный простой ремесленник не будет в состоянии ни изготовлять свои изделия из дорогой меди, ни сбывать их. В результате эти ремесленники вовсе откажутся от своего

---

[200] W. Möllenberg. Urkundenbuch, N 144.— «...das dye kupper... eynhellig und aus eyner hand vorkauf. ... Was nuhn dasselbe würde ertragen, soll eyn teyl der herschaft, das ander dem huttenmyester, das dritt dem kaufman zu gute gereichen».

[201] Ibid., N 145.— «Es wurden auch die Acher sich bevleissigen, wiewol sie andere kupper nit dan Eislebisch bisher, vorarbeit, schwatzer und andere Kupper, gleichwie die zu Nurnberg, vor die hand zu nemen und zum teil von den Eislebischen kuppern ablassen».

дела и возьмутся за другие ремесла [202]. Поскольку, таким образом, спрос бывает разного характера, то прежде чем повысить цены на мансфельдскую медь, следует изучить различные виды спроса во Франкфурте и в других центрах ее продажи [203]. Одновременно следует, по мнению этих купцов, иметь в виду общие условия рынка в данное время, временное падение спроса. По имеющимся сведениям, заявили противники повышения цены, в настоящий неблагоприятный для сбыта момент ряд лиц — хозяев предприятий — покупают медь только ради поддержки рабочих, чтобы занять их работой [204].

На данном, длившемся месяц, совещании стороны не могли прийти к общему решению. Если графы настаивали на повышении цены центнера чистой меди на $1^1/_2$—2 гульд., то купцы-зейгерноторговцы указывали, что покупатели, в частности прибывшие из Аахена, наоборот, требуют снижения цены одного центнера меди на один орт ($^1/_4$ гульд.) Принято было временное компромиссное решение — в настоящее время на повышение цены не настаивать, но что «было бы неплохо» (das es nit beese sein solt) добиться в будущем повышения цены ввиду возросших расходов (der unkost halb).

Общий смысл возражений зейгерноторговцев против предложений графов по существу сводится к тому, что вопрос о цене на медь, как и другие важнейшие вопросы горно-медеплавильного дела, являются вопросами не субъективного желания, не произвольного сговора о той или иной форме объединения для сбыта, а вопросом объективной возможности, учета и изучения обстановки, складывающейся из ряда факторов прежде всего экономического и социального порядка. Главное, по их мнению, заключается в том, окажется ли повышение цены экономически возможной и целесообразной мерой. Не сократит ли она возможности обыта, не приведет ли к скоплению товаров и замедлению оборота капиталов, а затем с спешным продажам по векселям сомнительной надежности. О том, что образование синдиката не может служить надежным средством к завоеванию внешнего рынка, об этом энергично заявлял Яков Вельзер, поддер-

---

[202] Ibidem.— «Wyewol die Schetzischen und andere mehr gerne die steigerung sehen, dan sie wurden die schwatzer kupper gleichergestalt auch im Kauf etwas steigern, dodurch also der arme gemeine handwerksman die Kupper uff ein sollich geld nit wurdet verarbeiten oder verhandeln mogen und musten also endlich dovon ablassen und sich uff andere hantirung geben».

[203] Ibidem.— «Wan also der arme von solichem kupperkauf gedrungen, ist zu achten (здесь пропуск в одну строку из-за порчи рукописи)... umb wievil centner kupper itzt wurde angesucht und begert, daruf hett man sich weiter zu underreden».

[204] Ibidem. «das die Kupper, so uff nachlieberung in der vergangen mess vorkauft, langsam geantwort und... vortrieben... dorumb ist... wenig kupper angesucht, dan was itzt gekauft, ist alleine umb der arbeiter willen, domit dieselbigen underhalten, gescheen».

жанный Шерлем и другими предпринимателями еще в 20—30-х годах XVI в. Материалы рассмотренного совещания во Франкфурте показывают, что эта концепция Вельзера-Шерля становилась господствующей среди купцов — зейгерноторговцев, которые теперь доказывают, что предложение графов приведет к отрицательным результатам и в отношении внутреннего рынка. Если бы даже удалось путем объединенного сбыта и использования регального режима установить высокие цены на медь, то это могло привести к нежелательным социальным и в конечном итоге экономическим последствиям, к подрыву ремесла, являющегося основой внутреннего рынка и не только внутреннего, поскольку продукция немецких медников и латунщиков вывозилась за границу[205]. Первоочередной задачей эти предприниматели считали изучение спроса, выяснение всех категорий покупателей, чтобы предвидеть, к каким последствиям может привести изменение цены. Они указывали также на необходимость учета международной обстановки, оказывающей влияние на рыночную конъюнктуру, а также состояния рабочего вопроса[206].

Из высказанных на совещании 1546 г. во Франкфурте экономически аргументированных соображений против повышения цены на медь по существу следует, что для решения вопроса о необходимости увеличения авансов, устранения задолженности хюттенмейстеров и упрочения всего медеплавильного дела остается только путь освобождения его от значительных регальных поборов, от непроизводственных займов, от обязательной сдачи серебра на монетные дворы и т. д. Другими словами, *рациональное ведение этого дела капиталистическими средствами несовместимо с господством регального режима.* Еще за два года до этого совещания Генрих Шерль и его соучастники из Людерштадтской компании, указывая графам Гебхарду и Гансу-Георгу на нужду в дополнительных авансах задолжавшим хюттенмейстерам, на тяжесть новых графских поборов, об уменьшении которых нет и следа[207], а также на то, что граф Альбрехт, владеющий основными лесными пространствами в этом районе, требует за дрова и лесные материалы удвоенной цены, заявили, что без изменения этого положения они не смогут оставаться участниками дела.

---

[205] См. выше, стр. 245, прим. 111.

[206] О необходимости при всех обстоятельствах обеспечить полную занятость рабочих говорится также в послании зейгерноторговца Штрауба графу Хойеру в июне 1536 г. Требуя передачи ему меди с «огней» доктора Драхштедта, Штрауб аргументирует свое требование тем, что ему нельзя оставить рабочих плавильни без работы или полузанятыми: «...derhalb das die Huttenknecht und andere meine diener bei irem follen lohne, nicht halb erbeit hetten...» (W. Möllenberg. Urkundenbuch, N 114).

[207] Ibid., N 134. — «...so haben wir auch pisher an den neuen dributten, feuerzinsen und andern, so von euir gnaden wegen auf das pergkwergk gesetzt, keine minderunge oder abfal vernemen oder spuren konnen».

Несовместимость регально-феодальной системы с рациональным ведением дела проявлялась также в конфликтах по поводу установленного договором о синдикате порядка сбыта меди через одни руки. В феврале 1543 г. руководители Лудерштадтской компании признались графам Филиппу и Гансу-Георгу, что на предыдущей осенней Франкфуртской ярмарке они вынуждены были вопреки установленному порядку самостоятельно закупать свинец и продавать медь отдельно от других компаний. Руководители Лудерштадтской компании просят графов не считать их нарушителями порядка, поскольку они не могли действовать иначе. При этом они сообщают, в какой форме они намерены в дальнейшем руководствоваться договором о синдикате. Они уже договорились с Арнштадтской и Штейнахской компаниями о совместном выступлении на будущей Франкфуртской ярмарке и сбыте меди через одни руки. Однако они сделают это только при сделках на продажу наличной готовой меди. Из этой оговорки следует, что в отношении сделок на последующие поставки продаваемой меди система объединенной продажи через одни руки считалась ими неосуществимой, вследствие того, что при значительных различиях в условиях и сроках последующих поставок соблюдение равенства всех участников невозможно. Сговариваясь между собою о совместном сбыте товара на будущей ярмарке, три компании предусматривали такие случаи, когда они вынуждены будут действовать особым образом [208].

Само собою разумеется, что такая смешанная система сбыта — через одни руки и отдельно — подрывает самую идею объединения, потому что она делает невозможной установление единой цены. В 1551 г. штейнахцы жаловались, что некоторые купцы, действующие на ярмарке самостоятельно, продали медь по цене, ниже установленной. После этого штейнахцам приходится иметь дело со своими покупателями, которые уплатили этой компании по синдикатской цене, а теперь требуют вернуть им часть денег обратно [209].

Однако графы отвергали принцип экономической целесообразности, если этим затрагивались их регальные привилегии и доходы. Отказавшись на весенней Франкфуртской ярмарке 1546 г. от повышения цены, они заявили тогда же, что сделают это осенью того же года. Осенью же 1546 г. и в последующие время политическая ситуация времени Шмалькальденской войны благоприятствовала нажиму и даже произволу графов. Зейгерно-торговые предприятия Лудерштадта и Штейнаха, получавшие сырую медь с пятин Филиппа и Ганса-Георга, сторонников Мо-

[208] Ibid., N. 132.— «Wir haben auch nit unterlassen... in nechstem neuenjarsmargkt mit der Arnstattischen und Stainacher geselschaft uns des vertragen und vereiniget, dass wir in kunftiger mess durch eine hand par zu liebern verkaufen und gleichheit halten wolden, wie sie im val der notturft werden bekennen mussen...»

[209] W. Möllenberg. Die Eroberung..., S. 125.

наследников в отношении данной торговой сделки от всех возможных затруднений и тягостей — заступаться за них против наших хюттенмейстеров и всяких других лиц, обеспечивать им безубыточность и быть для них гарантией»[215].

Таким образом, в договорных соглашениях графов с компаниями в конце 40-х годов XVI в. утверждались те условия, устранения которых добивались капиталистические элементы. Сверх десятины, взимавшейся у хюттенмейстеров, графы брали с покупателей сырой меди для зейгерования $1^1/_2$ гульд. с центнера, т. е. (при предусмотренной в этих договорах цене меди 13 гульд. за центнер) $11^1/_2$%, и покупной побор (Einkauf), составлявший с каждого центнера $^1/_3$ гульденгрошена (100 гульденгрошенов с каждых 300 и 270 ц, т. е. с годовой продукции одного «огня»). Половина серебра подлежала обязательной сдаче по твердой цене (10 гульд. за марку) на монетный двор. Кроме того, графам предусмотрены займы и право на контроль деятельности и деловых связей компаний. Нам уже известно, что капиталистические элементы, в частности Шерль и его сочатники, указывали на эти условия как на главную причину задолженности хюттенмейстеров, непогашаемости авансов и вообще невозможности ведения дела на основе экономического расчета. *При этих условиях сохранность основного капитала и рентабельность могли обеспечиваться только за счет хюттенмейстеров и заработной платы рабочих.* Положение же рабочих и симптомы оживления их боевого духа внушали опасения уже в 40-х годах XVI в.[216] Подробно вопрос о положении мансфельдских рабочих и разных формах их боевых выступлений в 40-х и 50-х годах изучен в монографии профессора Эриха Патерны[217]. Распоряжения графов о дальнейшем сокращении заработной платы рабочих отдавались должностным лицам[218], но возможность приме-

[215] W. Mück. Urkundenbuch. N 297 (S. 406).— «Wir obgemelten Graven sollen und Wollen auch die gemelten Geselschafter und ire Erben diesses Kaufs und Handels halben, damit ihnen derwegen nichts Beschwerlichs entstehe, zugemessen oder aufgelegt werden mochte, gegen unsern Huttenmeistern ader sunst, idermennigklichen vertretten, sie schadlos halten und ihn Gewehr sein».

[216] В рассмотренном уже выше отчете Вейсенфельза о переговорах представителей купцов и графов в апреле 1546 г. высказывается мнение о необходимости производить закупки меди даже при неблагоприятной рыночной конъюнктуре из-за рабочих, чтобы их поддерживать предоставлением им работы. (W. Möllenberg. Urkundenbuch, N 145, S. 255).

[217] E. Paterna. Da stunden die Bergklente auff, Bd. 1. Berlin, 1960, S. 268 ff., 311 ff., 333 ff., 348 ff.; Bd. 2, S. 597 ff.

[218] W. Mück. Bergregal, Beilage, N 135.— «...dass auf unserm Mansfeldschen Bergwerk auf etzlichen Zechen die Haugeld zu hoch gegeben werden, welchs uns ganz beschwerlich und nicht ferner leidlich... derhalben unser ernstlich Begehren, du wollest von unsern wegen den Geschworen bei ihren Pflichten einbinden und befenlen, dass sie in deme gebührlich Einsehens haben, damit vergeblicher Unkost, soviel möglich, abgeschaft werde» (Распоряжение графов Гебхарда, Ганса-Георга и Ганса-Альбрехта горному фогту в Мансфельде 23 октября 1554 г.).

нения подобных мер была в тех условиях ограниченной. Опасаться следовало поэтому не только выступлений рабочих, но и сопротивления хюттенмейстеров. Этим объясняется приведенный выше пункт договора графов со Штейнахской компанией о том, что они берут на себя обязательство оказывать участникам компании покровительство и «заступничество» против хюттенмейстеров и всяких иных лиц.

Указанные выше условия, отражающие точку зрения графов, составляют содержание ряда договоров 1547—1549 гг., в которых они в основных своих чертах повторяются. Эти условия становились таким образом нормой отношений между графами и купцами. В результате длившейся долгое время борьбы за характер этих отношений к 50-м годам XVI в. определилось уже преобладание, а затем и торжество позиции графов. Отстаивавшие свою собственную линию купцы старались освободиться от предприятия, обреченного на все возрастающую задолженность, из которой не может быть выхода, и передать свою долю в этом предприятии кому-либо другому. Пфинцингенам, приобретшим в 1546 г. зейгерную плавильню Эйсфельд и вырабатывавшим на ней 7500 ц чистой мансфельдской меди в год, саксонские герцоги, леном которых эта плавильня была, ежегодно навязывали новые контракты с худшими условиями. В 1553 г. Пфинцинги освободились от эйсфельдской плавильни, которая была возвращена Саксонии, но скоро оказалась в руках мансфельдских графов, взявших дело ее эксплуатации в собственные руки[219]. В 1554 г. Шерлю и Лоттеру удалось освободиться от Лудерштадтской компании, которая перешла затем к двум бюргерам, связанным со штольбергскими графами и действовавшим от их имени[220]. Из Грефентальской компании вышли около 1556 г. Фюреры, Никели, а также Мориц Бухнер[221]. Несколько раньше, отказываясь от контракта, заключенного другими графами (Гебхардом, Кристофом) на покупку их меди, участники Грефентальской компании мотивировали свой отказ наступившими тяжелыми временами и тем, что невыносимые тяготы, которыми дело обременено, делают невозможным дальнейшее его ведение в предусмотренное контрактом время[222]. Фирма Штраубов, зейгеровавшая медь соседних с мансфельдскими разработок Зангерхаузена и имевшая свои особые рынки на востоке (Данциг и Кенигсберг), в 50 годах XVI в. стала приобретать для зейгерования медь с пятин мансфельдских графов, вложив в дело значи-

---

[219] W. Möllenberg. Die Eroberung..., S. 116, 132.
[220] Ibid., S. 105.
[221] Ibid., S. 131.
[222] W. Mück. Urkundenbuch, N 300.— «...dann in disen sorglichen Gezeiten, auch in Erwegung der untreglichen Lest, damit der Handel beschwerdt, denselben lenger zu erhalten uns unmuglich...»

тельный капитал [223]. Однако к началу 60-х годов прекратила эти связи [224]. Лучше других компаний успевала в своих делах в 50-х годах XVI в. Штейнахская компания, но состав участников этой компании изменился. Активными деятелями в ней сделались с начала 50-х годов Лейпцигская фирма Раушера и франкфуртский капиталист зять Раушера Бром, а позже с конца 50-х и начала 60-х годов ряд других фирм, главным образом лейпцигских [225].

Касаясь этих изменений в положении и составе компаний, имевших дело с мансфельдской медью, Мелленберг видит в них проявление изменившейся роли нюрнбергского, лейпцигского и франкфуртского капиталов в горной и медеплавильной промышленности Мансфельда: нюрнбергским капиталам, господствовавшим в этой области до конца 40-х годов, пришлось уступить место лейпцигским и франкфуртским, «омолодившим» Штейнахскую компанию. Из этой мелленбергской оценки положения исходит и современный западногерманский историк Рихард Дитрих, усматривающий причину этого явления в том, что военные события конца 40-х и начала 50-х годов, в частности события Шмалькальденских войн, имели своим результатом упадок роли Нюрнберга в пользу Лейпцига, а религиозные волнения в Нидерландах имели такой же результат для Антверпена в пользу Франкфурта [226]. Прослеживая историю ангажированных в горно-плавильное дело Мансфельда лейпцигских и франкфуртских капиталов во второй половине XVI в., Дитрих констатирует изменчивость их судьбы и непрочность их положения. С одной стороны, наблюдается хорошая прибыльность этих капиталовложений и в то же время их неустойчивость, обреченность оказаться в рискованном положении, что привело в конце концов к отходу от этого дела, казалось бы, хорошо преуспевавших капиталистов, таких, как Крамеры. Дитрих объясняет это ненадежностью (Unzuverlässigkeit) партнеров этих капиталистов, т. е. графов. Их метод ведения хозяйства Дитрих называет «долговым хозяйством» (Schuldenwirtschaft). Капиталы действовали здесь несамостоятельно. Они ангажировались графами, причем степень участия капиталов, размер вложений определялся степенью и размерами графской задолженности.

Дитрих не ограничивается констатацией происшедших с 50-х годов XVI в. изменений в составе капиталистов-инвесторов, указанием на вытеснение нюрнбергских инвесторов лейпцигскими и франкфуртскими, но старался в гораздо большей степени, чем Мелленберг, показать характер отношений между сто-

[223] W. Möllenberg. Die Eroberung..., S. 122—123.
[224] Ibid., S. 132.
[225] Ibid., S. 107—113; R. Dietrich. Untersuchungen zum Frühkapitalismus im Mitteldeutschen Erzbergbau und Metallhandel.— «Jahrbuch für die Geschichte Mittel und Ostdeutschlands», Bd. IX—X. Tübingen, 1961, S. 161—165.
[226] Ibid., S. 160.

ронами, участвовавшими в сделках и выяснить, что́ именно имело решающее значение для судьбы вложенных капиталов и самого мансфельдского горно-плавильного дела. Но Дитрих не показывает, каким путем установился этот решающий характер отношений, получивший столь роковое значение для всего горного дела. Характеристику, которую Дитрих дает выявившемуся в мансфельдском горно-плавильном деле типу «раннего капитализма» на основе анализа отношений между лейпцигскими фирмами и графами, он фактически распространяет на весь XVI век. Поскольку Дитрих обходит вопрос о борьбе двух путей внутри мансфельдского «раннего капитализма» в течение почти всей первой половины XVI в., считая это время «периодом первоначального участия нюрнбержцев», то этот тип раннего капитализма в целом характеризуется им как ангажирование графами капиталов извне по мере того, как они, действуя методом «долгового хозяйства», нуждались в них. Но при таком рассмотрении хода развития остается неясным, почему этот тип отношений, который констатируется Дитрихом, выявился только в 50-х годах XVI в. и главное, почему это выявление совпадает со временем, когда все мансфельдские графы взяли в собственные руки горно-плавильные предприятия своих пятин, производивших сырую медь, когда стали исчезать последние остатки хюттенмейстеров? Именно в это время одерживает верх стремление графов полностью подчинить себе дело зейгерования и сбыта меди, т. е. те компании, которые, обладая капиталами, ведут это дело. Без анализа внутренней борьбы социальных группировок, предшествовавшей окончательному выявлению того типа отношений, который Дитрих называет мансфельдской формой «раннего капитализма», нельзя понять ни хода, ни характера развития.

По существу характерное для второй половины XVI в. ангажирование капиталов по инициативе регальных господ, в руках которых находились все нити ведения дела, вообще не может быть отнесено к раннему капитализму. Предпринимательская активность графа Альбрехта, который в первой половине XVI в. старался использовать некоторые капиталистические формы и сочетать их с утверждением регальной основы всего дела, сама по себе также не может рассматриваться как проявление капиталистического начала. Она лишь косвенно указывает на наличие и на успехи капиталистических форм предпринимательства, которые вызывали зависть предприимчивого графа и стремление не только к подражанию им, но и к их подчинению своим регально-феодальным интересам. Проявлением раннекапиталистических форм в мансфельдском горном и медеплавильном деле в течение последних десятилетий XV и первой половины XVI в. были прежде всего хюттенмейстеры, в мелких и средних предприятиях которых производилась основная масса сырой меди, а затем капиталистические представители зейгерно-торго-

подские огни, плохо заботились о штольнях и сооружениях и на то, что купцы, неуверенные в аккуратных поставках меди, стали вносить свои авансы с большими перебоями [231]. Из этих объяснений видно, что причину неурядиц видели в несовершенстве (в действительности в противоречивости) производственных отношений. Об оскудении источников добычи или о затруднениях, чинимых конкуренцией, не было речи.

В полемике между графами в начале 30-х годов, а также в переговорах графов с купцами в 40-х годах о проектах повышения цен на медь, в объяснениях причин задолженности и безвыходного положения хюттенмейстеров преобладает один главный аргумент. Пока шахты были не очень глубоки, а сооружения плавилен и горных разработок более простыми, хюттенмейстеры нормально справлялись со своим положением, погашали купцам долги по авансированию, многие из них жили зажиточно, а некоторые даже богатели. Когда же шахты становились глубже, а здания и механические сооружения более сложными, то выявилась нужда в больших расходах и в значительном увеличении авансов от купцов: вместо авансирования 500 гульд. на один огонь теперь требуется 1500 гульд., что и ведет к увеличению задолженности по авансам [232]. Этот аргумент не может не вызывать удивления, так как введение технических усовершенствований и усложнение оборудования, ведущие к увеличению производственных расходов, означают расширение производства, т. е. явление вполне нормальное для предприятий капиталистического типа. Сами мансфельдские графы, выдвигавшие приведенное выше объяснение причин создавшегося безвыходного положения задолженности хюттенмейстеров, подчеркивают и доказывают на основании весовых регистров и книг, что указанные ими технические усовершенствования ведут к возрастающему увеличению продукции, которая уже теперь (1529—1530 гг.) почти удвоена [233]. При нормальном и рациональном ведении предприятий расходы на техническую реконструкцию должны были не только окупаться, но и сделаться по крайней мере в первое время причиной большей прибыльности. Основание приведенного выше аргумента о причинах безвыходной задолженности хюттенмейстеров может быть выяснено только в свете позднейшей борьбы вокруг условий участия графов в смешанных компаниях. Эта борьба велась по вопросам о размерах регальных поборов, о свободном или несвободном сбыте серебра, получаемого в результате зей-

[231] W. M ü c k. Bergregal, Beilage, N 190.

[232] Ibid., Beilage, 155, S. 90.— «Und dass die Leihunge eines Feuers in die 1500 Gulden gestigen, so vormals nur 500 Gulden auf ein Feuer gewesen, wie angegeben, das vorursacht sich... meher von den schweren grossen Gebeuden des Berges, und Bergwerks, und dass meher Wasserkunste und Pferde dorauf gehalten, die Schifferschechte tiffer gesonken...»

[233] Ibidem.— «...und fast noch eines so viel Kupfer als vormals, wie solches das Wageregister und-buch zu Eisleben offentlichen betzeugt und mitbringt».

герования, о праве графов требовать займы на свои нужды, не имеющие ничего общего с интересами производства, о принципах управления предприятиями, в частности о том, следует ли руководствоваться принципом экономической целесообразности или же считать, что такой принцип подрывал бы самые основы регальных прав графов. Совершенно ясно, что расходы на техническую реконструкцию предприятий окупились бы в течение ближайших лет лишь при рациональном ведении хозяйства, лишь при строгом учете экономических возможностей. Лишь при этих условиях увеличенные втрое суммы авансирования погашались бы в ближайшее время и возрастала бы прибыльность. При том же положении, когда графы участвовали в компаниях, получали дивиденды фактически без вклада в основной капитал, а только с «вклада», записывавшегося за их счет «взаймы», к тому же брали еще займы в силу регальных прав и требовали увеличенных поборов, при таких условиях сохранение дивидендов компаний могло иметь место либо при значительном повышении цен на чистую медь, т. е. за счет покупателей и потребителей меди, что на внутреннем рынке вело бы к подрыву ремесла, а на мировом рынке к усилению конкурентов и к потере завоеванного там господствующего положения, либо к удержанию пониженных цен на сырую медь, т. е. за счет хюттенмейстеров. Нам уже известно, что дело повышения цен оказывалось, по признанию самих графов, делом весьма трудным. Оставался путь пониженных цен и ущемление хюттенмейстеров. Сын Ганса Лютера Яков и еще трое хюттенмейстеров обратились 4 июня 1554 г. к графам с просьбой повысить цену на сырую медь с 13 гульд. за центнер до 15 гульд., в чем им было отказано[234]. Мотивы этого отказа нетрудно себе уяснить, если принять во внимание те регальные поборы, которые зейгерно-торговцы, покупатели сырой меди, обязаны были давать с каждого купленного центнера, и прочие права графов. Однако низкие цены на сырую медь, ущемляя хюттенмейстеров, рикошетом ударяли по зейгерно-торговым фирмам, которые авансировали хюттенмейстеров: авансы, которые не могли быть погашены, становились массовым явлением.

Это же означало, что утверждение регального принципа, отвергавшего принцип экономической целесообразности и учета экономической возможности, подрывало не только основы хюттенмейстерского предпринимательства, но и ту систему, которая связывала хюттенмейстеров с крупными зейгерно-торговыми капиталистическими предприятиями, т. е. систему авансирования. Гейнц Шерль и его соучастники, энергично отстаивавшие линию расчетливого капиталистического предпринимательства, доказывая несовместимость этой линии с принципом незыблемости регальных прав, заявляли еще в 1544 г. графам, что они останутся

[234] Ibid., Beilage, 133.

при деле только в том случае, если графы откажутся от своих требований, основанных на этом принципе. При этом характерно, что в своем обращении к графам Шерль и его компаньоны подчеркивают, что чрезвычайная и безвыходная задолженность хюттенмейстеров, делающая невозможным продолжение дела, вызывается главным образом усложнением сооружений и многими предпринимаемыми теперь техническими мерами, требующими больших дополнительных денежных вложений [235]. Очевидно, представление о том, что ставшая всеобщим явлением большая и все возрастающая задолженность хюттенмейстеров, связанная с возрастанием расходов на технические нужды углубленных шахт и крупных зейгерных плавилен, разделялась всеми. Все считали, что хюттенмейстеры оправлялись со своим делом и погашали авансы, взятые у купцов, когда техническая сторона дела была проще и авансы не велики. Положение изменилось и стало критическим, когда техника становилась все более сложной и дорогой, когда определилась нужда в крупном авансировании. Графы объясняли это нерадением хюттенмейстеров, державших господские огни и относившихся к ним хищнически и небрежно, что должно было оправдать устранение хюттенмейстеров и переход предприятий в собственные руки графов [236]. Необоснованность этого аргумента видна уже из того, что задолженность хюттенмейстеров была не меньше у тех из них, которые имели собственные наследственные огни (Драхштедт, Гейдельберг и др.). Если действительно чрезвычайное ухудшение положения связано было с ростом капиталовложений и увеличением постоянного капитала, то это объясняется, во-первых, тем, что на этой стадии развития у графов усилился стимул к особо энергичному отстаиванию своих регальных прав, к попыткам приспособления новых предпринимательских методов и новых источников доходов к своим интересам; во-вторых, тем, что именно на этой стадии роста капиталовложений и увеличения роли постоянного капитала определился в особо яркой форме антагонистический характер двух систем производственных отношений. Именно теперь учет экономических возможностей и объективных перспектив развития сделался вопросом жизни и смерти предприятий. Это и поняли те капиталистические элементы, которые, как

---

[235] W. Möllenberg. Urkundenbuch, N 134.—«...das die grosse ubirmessige schult, so in euir g. herschaften pey den huttenmeistern steht nicht geringer wirt, sunder deglichen noch hoer steiget und konnen auch in unserer einfalt nicht finden, wie die bey itzigen gepeuden und andern furnemen woll geringer werden mocht».

[236] W. Mück. Bergregal, Beilage 190.— «...in der Herrschaft zweierlei Hüttenmeister... Zinshüttenmeister, welche die Berggebäude nicht nach Notdurft der Herrschaft, sondern auf die Wege angestellt, dass sie die Zeit ihrer Huttenmeisterei Nutz haben möchten und davon in Überlassung ihrer Hüttenwerke befunden ist, dass wenig Hauptgebäude, ob die wohl um Scheins Wollen angefangen, sind vollführt...»

показывает приведенное выше обращение Гейнца Шерля и его компаньонов, ставили условием своего дальнейшего участия в деле отказ от принципа незыблемости регальных прав, требовали отступления этого принципа перед принципом рационального ведения дел на основе строгого экономического учета.

Рассмотренные выше условия ряда договоров графов с зейгерно-торговыми фирмами в конце 40-х годов XVI в. говорят о том, что капиталистическим элементам не удалось отстоять своей самостоятельной линии. Наиболее активные из них стали в 50-х годах уходить из мансфельдского горного и медеплавильного дела. Уходили не все, вместо уходивших приходили другие. Свести эти изменения в составе участников мансфельдского зейгерно-торгового дела только к тому, что нюрнбергский капитал был вытеснен лейпцигским, нельзя. Стать на такую точку зрения означало бы игнорировать внутреннюю борьбу разных путей развития горно-медеплавильного дела, происходившую в период от середины 20-х до середины 50-х годов XVI в. Это означало бы также уклониться от объяснения того факта, что указанные изменения совпадают со временем полного исчезновения хюттенмейстеров и полного перехода всего дела в собственные руки графов. Это означало бы, наконец, не видеть, что и такие видные лейпцигские капиталисты, как Раушер и Крамер, также вскоре ушли из этого дела. В действительности изменения, о которых идет речь, связаны с более глубокими внутренними причинами. После того как графам удалось отстоять свой принцип неизменности регальных прав и отвергнуть требования учета экономической целесообразности и расчета, всякое проникновение купеческого капитала в мансфельдскую горную и медеплавильную промышленность могло совершаться лишь путем его приспособления к регальному режиму, придерживаясь продиктованных этим режимом методов и отказа от основанной на деловом экономическом расчете линии, представлявшей собою начало новых производственных отношений.

Это необходимо иметь в виду при дальнейшем изучении характера капиталовложений и отношений между графами и купеческими компаниями (Манлихи, Линденау и др.) во второй половине XVI века — до 1568 г., когда предприятия графов были объединены и после 1570 г., когда над предприятиями обанкротившихся графов Мансфельдских была установлена опека Курфюрста Саксонского и других назначенных императором князей, до полного упадка производства мансфельдской меди во время Тридцатилетней войны. Изучение этой стадии выходит за рамки данной работы, в которой показано, что в течение первой половины века продолжалась борьба двух путей ведения дела, что принцип незыблемости регальных прав окончательно одержал здесь верх лишь к концу 40-х и началу 50-х годов XVI в.

СОЦИАЛЬНАЯ БОРЬБА В ВАЖНЕЙШИХ ГОРНОРУДНЫХ РАЙОНАХ В XV—XVI вв.

Все исследователи, которые изучали вопрос о волнениях немецких горнорабочих в XV—XVI вв., рассматривали его в связи с проблемами складывания социальных группировок в горной промышленности того времени, положения горнорабочих и близких к ним категорий непосредственных производителей, роли регальной власти в социальных конфликтах в горном деле. Представитель этико-правового направления исторической школы политической экономии Густав Шмоллер[1] стремился выяснить, каким образом в конкретных условиях развития горного дела в Германии складывались отношения между основными его элементами — регальным ведомством и его аппаратом должностных лиц, участниками горных предприятий, вносивших нужный капитал, и наемными рабочими. Анализируя конкретный ход развития горного дела и выясняя специфические особенности этого процесса, Шмоллер показал выявившиеся уже в XV в. глубокие противоречия между обладателями капиталов и наемными рабочими. С начала XV в., по его мнению, уже можно говорить о горнорабочем сословии, правовое оформление которого завершено было к середине следующего века. Специфические условия развития горного дела в Германии — участие сотен и тысяч лиц в рудничных предприятиях и необходимость упорядочения сложных взаимоотношений между ними — выдвинули, по мнению Шмоллера, герцогскую администрацию и герцогское законодательство в качестве регулирующей силы, организующей процесс и примиряющей классовые противоречия. Затрагивая в этой связи данные источников о движениях горнорабочих в XV—XVI вв., Шмоллер пишет, что эти движения были вызваны организационными трудностями, явившимися результатом бурного подъема горного дела и отсутствием законодательства, приспособленного

[1] G. Schmoller. Die geschichtliche Entwicklung der Unternehmung.— «Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft im Deutschen Reich», 15. Jg., H. III—IV. Leipzig, 1891.

к новым условиям, когда противоречия разнообразных интересов чрезвычайно обострились. Понадобилось новое государственное законодательство, указывающее каждой социальной группировке ее место и устанавливающее порядок, без которого горное дело при усложнившихся обстоятельствах не могло развиваться. Этим законодательством явились горные уставы (Bergordnungen), издававшиеся саксонскими герцогами начиная с 70-х годов XV в., которые, по мнению Шмоллера, не только определяли права и обязанности каждой группировки и каждой профессии на промыслах, но и защищали наемных рабочих от алчных и стремившихся к наживе капиталистических участников (Gewerken) горных товариществ.

Ссылаясь на вводные части к шнебергским и аннабергским горным уставам, в которых говорится, что уставы издаются после имевших место конфликтов (Irrungen), подрывавших развитие горного дела, Шмоллер приходит к выводу, что цель уставов заключалась в устранении тех непорядков и тех нарушений, на которые указывали горнорабочие во время их волнений. Зафиксированное в горных уставах «особое право» (Sonderrecht) «горнорабочего сословия» явилось результатом «тяжелых битв» и «большого популярного движения под руководством герцогской администрации». Таким образом, Шмоллер считал, что движения горнорабочих за улучшение условий их труда не только не были направлены против регального управления горным делом, но, наоборот, пользовались их сочувствием и поддержкой.

В оценке положения в горной промышленности и характеристике позиций участвовавших в ней классов Шмоллер, как и другие сторонники юридического направления, исходит в основном из рассмотрения законодательных актов и других документов, отражающих формально-юридический статус социальных группировок. Источникам же, освещающим фактическую историю классовых отношений и вскрывающим подлинные мотивы самого горного законодательства, историки этико-правового направления не уделяют должного внимания.

Юридическую по существу точку зрения на характер происходивших в рассматриваемое время волнений на горных разработках Рудных гор мы находим у современного автора Германа Лёшера в статье о происхождении и природе рудногорного кнаппства[2]. Лёшер начинает с того, что горное кнаппство (Knappschaft) не являлось определенной классовой группировкой. К кнаппству принадлежали не только наемные горнорабочие, не только забойщики, воротники, водоносы и чернорабочие, не только плавильщики и другие рабочие плавилен, но и должностные лица как горных товариществ (Gewerkschaftliche), так и

[2] H. Löscher. Die Anfänge der Erzgebirgischen Knappschaft.— «Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte», Bd. 71. Weimar, 1954.

регального ведомства (Regalherrliche)—шихтмейстеры, штейгеры, караульщики, бергмейстеры, судьи по горным делам, десятинники (сборщики десятины и казначеи герцога), присяжные наблюдатели (Berggeschworne) и маркшейдеры, а также мелкие участники-предприниматели и прежде всего Eigenlehner—участники, сами работавшие на своих ленах. Все эти социально неоднородные элементы объединялись организацией кнаппства, которая складывалась и оформлялась в разных местах Рудных гор со второй половины XIV в. Вначале основой этого объединения было церковно-правовое братство. Но в течение XV в., по мере приобретения светских функций, оно становилось общностью на немецко-правовой основе (deutschrechtliche Genossenschaft).

Светские функции кнаппства, преобразившие сущность этой общности, заключались в деятельности по усовершенствованию организации усложнившегося горного дела и по устранению существовавших в нем препятствий к дальнейшему развитию. Среди этих функций заняли известное место и дела, составлявшие сословный интерес основной массы непосредственных производителей: вопросы об условиях работы, о размерах и системе заработной платы, о продолжительности смен и т. п. В этой связи Герман Лёшер оценивает движения кнаппства с 40-х годов XV в. так же, как и волнения в районах Рудных гор во время Крестьянской войны. В западной части Рудных гор (в районах Мариенберга и Аннаберга), пишет Лёшер, эти волнения приняли тогда характер боевых выступлений. Он приводит случаи, когда горнорабочие становились вожаками отрядов восставших в этих районах крестьян. Однако главные причины недовольства горняков, по его мнению, коренились в несовершенстве организации горного дела и управления им. Жалобы на систему заработной платы и на условия работы наемных рабочих выдвигались наряду с жалобами на непорядки в плавильном деле, дороговизну инструментов, необходимость привлечения капиталов горожан и монастырей. Разбирая требования аннабергских горняков во время Крестьянской войны, Лёшер подчеркивает, что здесь вообще не было требований повышения оплаты труда. Горняки боролись за вольности — религиозные и социальные, за вольности «общинности» (genossenschaftliche Freiheiten) — за самоуправление и справедливое распределение всех повинностей. Лёшер обращает внимание на то, что в ряде мест Рудных гор борьба шла за немецкую мессу, за введение реформации. «Общинность» и ее правовая основа являлись, по мнению Лёшера, гарантией нормального существования упорядоченной организации и дальнейшего развития горного дела. Под защитой принципа «общинности» развивались все области горного дела и все отношения между социальными группировками, в том числе и интересы наемных рабочих. До XV в., пока правовая основа кнаппства была церковной, церковь защищала все входившие в нее элементы, не обла-

давшие собственными материальными ресурсами. В XV—XVI вв. правовая основа кнаппства менялась. Для этого переходного времени характерны кризисы в социальных отношениях, волнения в среде кнаппства, которые, по мнению Лёшера, должны были завершиться утверждением новой, «немецко-правовой», основы кнаппства.

Шмоллер и Лёшер рассматривают движения горняков в XV—XVI вв. в связи с развитием горного законодательства и эволюцией немецкого горного права. Отличие между работами этих двух историков-юристов, отделенными друг от друга более чем шестьюдесятью годами, в том, что Шмоллер подчеркивал обострение противоречий между горнорабочими и капиталистами, но считал, что борьба горнорабочих действовала в том же направлении, что и герцогское законодательство, и что герцогское законодательство сглаживало и устраняло эти противоречия, в то время как Лёшер отрицает классовые основы самих организаций кнаппства, от которого эти движения исходили.

В работах ряда историков, специально изучавших историю горной промышленности Рудных гор, само горное право рассматривается как результат и объект классовой борьбы между различными участвовавшими в горной промышленности социальными группировками. Освальд Хоппе в своем исследовании о серебряно-рудной промышленности Шнебергского района [3], касаясь кнаппства, характеризует его как организацию, в которой при всей пестроте ее состава преобладали интересы наемных рабочих и близких к ним категорий бедных горняков. Анализ первых горных уставов Шнеберга в книге Хоппе показывает, что ее автор видел основную тенденцию герцогского горного законодательства в удержании заработной платы рабочих на низком уровне. Останавливаясь на положении и статусе наемных горнорабочих и рассматривая их борьбу в 70-х и 90-х годах XV в., Хоппе характеризует ее как проявление противоречий интересов горнорабочих главным образом с герцогской администрацией. Для концепции Хоппе характерно, что он говорит о достигнутой уже в конце XV в. важной ступени в формировании класса наемных горнорабочих. Капиталистическая предпринимательская форма горных предприятий создала, по мнению Хоппе, своеобразную ситуацию, когда наемный труд перестал быть переходной стадией к самостоятельному производству. Но Хоппе подчеркивает и те обстоятельства, которые указывают на незавершенность процесса формирования нового социального слоя, не все вопросы труда и заработной платы решались герцогской властью, и капитал участников был еще безличным, т. е. носил товарищеский характер.

---

[3] O. Hoppe. Der Silberbergbau zu Schneeberg bis zum Jahre 1500. Freiberg, 1908.

С рядом наблюдений О. Хоппе можно согласиться. Движения горнорабочих и выдвигавшиеся ими требования действительно были направлены в первую очередь против герцогской администрации. Недостаточным, однако, является объяснение этого факта тем, что регальная герцогская администрация «регулировала» все дела труда и заработной платы. Важнее всего в данном случае суть этой политики, как она проводилась герцогской властью в этом «регулировании». Всякое улучшение условий труда рабочих, особенно в отношении заработной платы и продолжительности смен, рассматривалось герцогской администрацией как угроза своим доходам — десятине, монопольно низким ценам на доставлявшееся в обязательном порядке на монетные дворы герцогов серебро, шлегшац (монетной пошлине) и другим доходам[4]. Повышение заработной платы при полном сохранении этих регально-феодальных доходов грозило сделать рудники нерентабельными, что могло повлечь за собой уход капиталов и упадок горного дела вообще. Ухудшение условий труда и общего положения горнорабочих являлось в этих условиях прежде всего результатом феодального нажима на горные предприятия. Движения горнорабочих были поэтому прежде всего антифеодальными движениями.

В этой связи приобретает интерес вопрос о том, в каком отношении между собой были движения горнорабочих и выступления против регального режима, предпринимавшиеся капиталистическими участниками. Хоппе не затрагивает вопроса о связи между этими двумя линиями движения против феодально-регального управления горным делом.

В первом томе своей большой работы «Горнорабочие» Отто Гю уделяет много внимания движениям горнорабочих на всех стадиях развития горного дела[5]. Описанию движения кнаппств в XV—XVI вв. Гю предпосылает весьма обстоятельный раздел о положении рабочих, в отношении которых нарушались все «охранительные» распоряжения и постановления горных уставов. Их скудная заработная плата урезывалась путем оплаты товарами (Trucksystem), на которые к тому же устанавливалась завышенная цена. В частности, сопоставляя данные о заработной плате горнорабочих и ценах на предметы первой необходимости, Гю показывает падение реальной заработной платы забойщиков и других рабочих, особенно с середины XV и в течение XVI в. С этим ухудшением положения горнорабочих Гю связывает нарастание волнений в их среде в то время. Указывая, что с середины XV в. выступления горнорабочих становятся более частыми и более упорными, Гю в то же время выступает против того, чтобы рассматривать их как настоящие пролетарские классовые

[4] См. гл. I, стр. 36.

[5] O. Hue. Die Bergarbeiter, Bd. I. Mittelalter. Stuttgart, 1910, S. 255—319.

выступления. В этих движениях на стороне наемных рабочих участвовали также горняки, работавшие на собственных ленных горных участках, и небогатые члены горных товариществ (Gewerken), положение которых во многом напоминало положение наемных рабочих. Эти категории выступали «против гнета и жадности регальных господ и капиталистов». Более подробно Гю останавливается на известном восстании 1525 г. в чешском Яхимове (Иоахимсталь), подчеркивая его связь с событиями в Рудногорной Саксонии и роль аннабергского, фрейбергского, шнеебергского и альтенбургского княжества в ходе и результатах яхимовского восстания. Гю разбирает выдвинутые яхимовскими повстанцами требования и заключенное 7 июля 1525 г. соглашение и приходит к выводу, что это восстание было общей борьбой участников и наемных рабочих «der Gewerken und Lohnarbeiter» против обманов и обсчетов (Übervorteilung).

Собранные Гю данные о положении горнорабочих и близких к ним категорий других рабочих интересны и важны для понимания причин волнений на горных разработках в XV—XVI вв. и для анализа мотивов выступлений различных участвовавших в них прослоек. Но, подчеркивая участие в этих движениях разных социальных прослоек и их совместные действия, Гю видит в этом только признак и результат классовой незрелости горнорабочих, незавершенности процесса формирования классов в горном деле. О движениях XV и начала XVI в. до Крестьянской войны Гю пишет, что на стороне горнорабочих были мелкие участники горных товариществ и трудящиеся собственных горных ленов, что целью их борьбы являлись устранение злоупотреблений со стороны должностных лиц регальной администрации и восстановление горных вольностей. Правда, Гю пишет о совместной борьбе наемных рабочих и участников горных предприятий (Gewerken) в яхимовском восстании 1525 г., не уточняя, что речь идет только о *мелких участниках*. Однако в целом Гю рассматривает и это восстание, а также его связи и отклики в Саксонии в том же плане, что и волнения XV и начала XVI в. Он обходит в своей книге вопрос о значении широкого антифеодального восстания, происходившего тогда в Германии, для судеб горной промышленности, в которой, по общему мнению историков, в том числе и самого Гю, определилось важное значение капиталистической формы предприятий. Он не объясняет, почему на определенном этапе движения в одном лагере с восставшими горнорабочими оказались также и капиталистические участники горных предприятий, которых интересовало не столько положение рабочих горняков, сколько положение самого горного дела, управляемого и руководимого регальной администрацией. Гю склонен объяснить это недостаточной классовой зрелостью наемных горнорабочих. Останавливаясь на волнениях рабочих халльских солеваренных в 70-х годах XV в., Гю обращает внимание на то, что в 1478 г.

рабочие взялись за оружие с целью оказать помощь своим эксплуататорам (ihren Ausnutzern) — владельцам солеварен (den Pfännerherren) — в борьбе против магдебургского епископа, и замечает при этом: «Какая смиренная верность хлебодавцу!»[6]. Гю не допускает мысли, что у рабочих солеварен могли быть иные причины участия в борьбе, нежели «смиренная верность хлебодавцу».

Вопрос об основной характерной черте социальных отношений в XV—XVI вв. (нарастание борьбы против княжеского феодализма) и новой обстановке, сложившейся благодаря этому как для имевшихся уже тогда в горной промышленности капиталистических элементов, так и для горнорабочих, остается вне поля зрения Гю. По его мнению, горнорабочие боролись за старые горные вольности против всех нарушавших их — против регальных господ и капиталистов. Добросовестно собиравший факты Отто Гю сообщает о том, что обстановка в Яхимове оказалась благоприятной для проникновения мюнцеровского социально-революционного учения, направленного против несправедливых действий князей. Однако никаких выводов о разных течениях среди восставших Гю не делает[7].

Специальную статью об участии рудногорских горняков в Крестьянской войне 1525 г. написал историк-марксист ГДР Зигфрид Зибер из Ауэ[8]. Анализ состава и положения горняков (Bergleute) XV—XVI вв. приводит Зибера к заключению об их классовой незрелости не только с политической, но и с социальной точки зрения. Пеструю массу горняков, в которой он констатирует наличие ряда переходных состояний, Зибер делит на две группировки. В первую он включает тех горнорабочих, которые смотрели на работу по найму как на временное состояние, необходимое средство для приобретения выгодных куксов. Некоторые из них после смены трудились на собственных участках или же совмещали работу по найму с владением той или иной долей в качестве участников-предпринимателей, платящих дополнительные взносы (Zubuss) и получающих долю прибыли из добычи. Горняки, принадлежавшие к этой группировке, сами являлись (или надеялись стать) в известном смысле участниками-предпринимателями (Gewerken) и считали интересы последних своими интересами. Ко второй группировке Зибер относит прежде всего тех забойщиков, которые пришли со стороны и не имели здесь ни связей, ни имущества, ни перспектив. Этой прослойке горняков, так же как и подсобным рабочим, были близки интересы и революционная тактика крестьянско-плебейского лагеря,

[6] O. Hue, Op. cit., S. 308.
[7] Ibid., S. 310.
[8] S. Sieber. Die Teilnahme erzgebirgischer Bergleute am Bauernkrieg 1525.— «Freiberger Forschungshefte», D. 11. «Bergbau und Bergleute». Berlin, 1955, S. 83—105.

в то время как горнорабочие первой группировки, в руках которых находилась организация кнаппства и ее печать, свысока смотрели на крестьян и ценили свое привилегированное положение, свободу на передвижения, свободу от личной зависимости, от барщинных работ и т. п.

Такое рассмотрение классового положения горнорабочих позволяет Зиберу дать дифференцированную оценку тактике различных группировок горняков во время Крестьянской войны как в чешском Яхимове, так и в саксонских районах Рудных гор. Он показывает характерную для немецких городов во время Крестьянской войны тактику колебаний и склонность к переговорам, уступкам и в конце концов к капитуляции, инициатором которой выступало организованное кнаппство. Вместе с тем Зибер указывает на революционную тактику другой группировки горнорабочих, которая была близка к тактике революционного крыла крестьянско-плебейского лагеря в Крестьянской войне, находившегося под влиянием мюнцеровской пропаганды. Зибер начинает свою статью ссылками на те страницы «Крестьянской войны» Циммермана, где рассказывается о пропагандистской деятельности сторонников Мюнцера в районах горных разработок и приводится пламенное революционное воззвание Мюнцера к горнякам.

Зигфрид Зибер стремится, таким образом, показать внутреннюю связь движения горнорабочих с общей историей Крестьянской войны. Это, несомненно, выгодно отличает его очерк от трактовок этой темы в буржуазной историографии. Некоторые его наблюдения и выводы могут служить исходным пунктом дальнейшего изучения вопроса о движениях горнорабочих. Однако задача, которую Зибер поставил в данном исследовании, ограничена вопросом о наличии в среде горнорабочих двух основных группировок, по-разному относившихся к восставшему крестьянству, и о том, насколько их тактики соответствовали социально-политической специфике двух лагерей, противостоявших реакционному лагерю. При той общей форме, в какой Зибер отвечает на этот вопрос, не выявлены особенности классовой борьбы в горной промышленности в то время. В обзоре классового положения горнорабочих, носящем суммарный характер, Зибер не мог, конечно, выяснить количественное соотношение разных прослоек и переходных состояний в их среде. Правда, для этого нет достаточных данных, но все же очевидно, что удельный вес того слоя, для которого работа по найму являлась единственным или по крайней мере основным источником жизни, Зибером недооценивается. Известно, что Шмоллер, Хоппе и другие историки считают, что для последних десятилетий XV в. наемный рабочий, живущий только за счет заработной платы, для которого работа по найму не являлась лишь переходной стадией к самостоятельному существованию, был уже типичной фигурой горнорабочего

в Рудногорном районе. Историк-экономист ГДР Иоганн Кёлер утверждает, что слой свободных горнорабочих, единственным источником жизни которых была работа по найму, был сравнительно широк уже в самом начале XV в., и притом охватывал не только подсобных рабочих, но и забойщиков[9]. Это видно и из относящихся к Фрейбергу, Аннаберг и другим горнорудным промыслам документов, в которых говорится о борьбе вокруг вопросов заработной платы. Из этих же документов ясно видно, что должностные лица регальной администрации считали ненормальным и невыгодным такое положение, когда горнорабочие имеют в местности, где расположены рудники, свои дома, земельные участки или собственные горные лены, так как это дает рабочим возможность сопротивляться нажиму и добиваться лучшей оплаты их труда[10]. Поэтому регальный бергамт предпочитал иметь дело с пришлыми рабочими, представлявшимися ему более беззащитными. Но и эти рабочие черпали силы сопротивления в своих объединениях, о чем говорят уже фрейбергские материалы середины XV в., на которые имеются ссылки в статье самого Зибера. Вряд ли можно согласиться с тем, что по своему классовому положению значительная часть квалифицированных горнорабочих была близка к участникам-предпринимателям и что в известном смысле сами квалифицированные забойщики и члены организованного кнаппства были участниками-предпринимателями.

Если некоторые из названных выше историков на основании анализа требований, выдвигавшихся горняками во время восстаний, заключают о недостаточно развитой среди них классовой дифференциации, то Яков Штридер, касаясь конфликтов в горной промышленности Германии в конце XV и в начале XVI в. (в том числе в Саксонии), приходит к выводу не только о пролетарском характере предъявлявшихся горнорабочими требований, но и о том, что по своим причинам и по организационным формам рабочие волнения того времени и принятые против них меры напоминают конфликты в промышленности, происходившие в XIX в.[11] В частности, Штридер ссылается на соглашения 1520 г. между саксонскими герцогами, чешскими графами — регальными владетелями горного района Яхимова Шликками — и регальным владетелем Рабенштейна Гансом Пфлугом о совместной борьбе против рабочего движения. Штридер приводит наиболее характерные, по его мнению, пункты этого соглашения: не допускать переходов рабочих с одних промыслов на другие и повы-

[9] J. Köhler. Die Keime des Kapitalismus im sächsischen Silberbergbau.— «Freiberger Forschungshefte», D 13. Berlin, 1955, S. 93—94.

[10] См. гл. I, стр. 41, см. также: «Urkundenbuch der Stadt Freiberg» (далее FUB II). Leipzig, 1886, S. 149.

[11] J. Strieder. Studien zur Geschichte kapitalistischer Organisationsformen. München und Leipzig, 1925, S. 44—45.

шения заработной платы, не разрешать никому из забойщиков работать больше одной смены, не принимать на работу и не предоставлять убежища беглым должникам, а также тем, кто был изгнан за призывы к восстаниям и стачкам. Особенно «глубокое впечатление», по мнению Штридера, производит § 7 соглашения о том, чтобы не принимать ни на какую работу бастующих горнорабочих, «шныряющих бандами из одного города в другой», задерживать беглых, привлекать их к суду и т. д.

Останавливаясь на мотивах, лежавших в основе этого соглашения горно-регальных властей, Штридер пишет, что его авторы руководствовались соображениями чисто хозяйственного порядка. Эти господа, пишет он, приняли указанные меры для того, чтобы соотношение между спросом на рабочую силу и ее предложением оставалось выгодным для них. Совместно выработанные господами меры против действий горнорабочих Штридер считает аналогичными деятельности союзов работодателей нового времени, направленной против стачек. В горной промышленности XV—XVI вв., пишет Штридер, мы встречаемся уже «с большим числом проблем современного капитализма» и со многими хозяйственно-организационными новообразованиями, достигшими позже, особенно в XIX в., своей полной завершенности.

Перед нами, таким образом, две диаметрально противоположные точки зрения на характер и мотивы движений горнорабочих в указанное время. Согласно первой из них, горнорабочие тогда еще не отделялись по существу от предпринимательских элементов горных предприятий; согласно второй точке зрения, горнорабочие уже в тот период представляли собой класс современного пролетариата, тогда уже ведшего с капиталом такую же борьбу, как и в XIX в. Представители этих обеих концепций не учитывают своеобразия классовых отношений в эпоху раннего капитализма вообще и особых условий классовой борьбы в горной промышленности в то время. Историки, придерживающиеся первой теории и ссылающиеся, между прочим, на реформационные требования горняков во время восстаний, не учитывают, что борьба против тяжелых условий труда, которая велась горнорабочими, была в первую очередь направлена против регальной монополии и герцогского управления, что самим ходом борьбы горнорабочие были приведены в лагерь радикальной реформации, политически заостренной против княжеского суверенитета. В этом лагере сочетались, как известно, интересы различных классовых группировок.

Что касается Штридера, то он вообще рассматривает регальных господ как капиталистических предпринимателей, «работодателей», а их методы феодально-регального нажима и извлечения регальных доходов считает методами капиталистической эксплуатации. В соответствии с этим Штридер рассматривает борьбу горнорабочих против регальных владетелей и их админи-

господина, где они вздумали поднять «общее восстание». Суть обязательства формулируется дальше в этой же статье следующим образом: тот, кто подлежит задержанию и репрессиям на промыслах саксонских герцогов, должен подвергнуться той же участи и во владениях Шликков и Пфлугов и наоборот [15].

Таким образом, для саксонских и связанных с ними соседних чешских регальных господ смысл этого соглашения заключался в том, чтобы сохранить установленный ими порядок управления горным делом и все вытекающие из этого для них выгоды и договориться о совместных действиях против восстаний и других выступлений горнорабочих. Внимательное изучение этого соглашения не оставляет сомнений в том, что оно было вызвано не боязнью изменений в соотношении спроса и предложения на рынке рабочей силы в результате передвижений бастующих рабочих, как это утверждает Штридер. В условиях регального режима законы рыночных отношений не могли иметь решающего значения. Первоочередной опасностью господа считали тогда угрозу, создавшуюся для самого регального режима движением горнорабочих, которое самим своим ходом заострялось против княжеской власти.

Документ 1520 г., опубликованный Штридером, имеет, конечно, свою предысторию. О том, что заставило саксонских герцогов и соседних с ними чешских регальных господ вступить между собой в переговоры и заключить данное соглашение, можно судить по сохранившемуся в Веймарском архиве обращению графов Шликков и Пфлугов к курфюрсту Фридриху 12 декабря 1519 г. В этом обращении речь идет о трудностях, которые испытывали чешские графы в Яхимове (Иоахимстале) и Шлакенверде в первые же годы основания там богатых горных промыслов. На новые разработки прибыло много людей, «а Вашей курфюрстской милости известно, какие своевольные люди среди горнорабочих, как трудно их удерживать на том, что они обязаны делать» [16].

И далее, в качестве первого обстоятельства, вызывающего тревогу, приводятся связи между аннабергскими и шнебергскими горняками и горняками Яхимова. «Мы располагаем заслуживающими доверия и правдивыми сведениями, что на промыслах Аннаберга и Шнеберга кнаппство во многих делах добивалось изменений и уступок, так же как этого добивается и кнаппство здешних мест. А когда им в этом отказывают, то они (т. е. гор-

[15] Ibid., S. 429.— «...So auch einer auf unser, der churfursten und fursten zu Sachsen, bergwergk verfest und geechtigt, der sal auf bemelter Slicken und Pfluegk bergwergk auch verfest und geechtigt sein und wider denselben soil sunder anregen mit straf verfaren werden und widerumb...»

[16] Thüringisches Landeshauptarchiv. Weimar, Reg. T, 1556, Bl. 1a. «...derhalben sich alda ein mergkliche antzal volgks erheldet vnnd dieweil E. Curf. gn vorhin wol bewust, was fur nutwillig folgk under derselbigen bergkleuthen ist, Vnnd schwerlich bey dem das sie zuthun verpflicht zuerhalden sein».

няки Шнеберга и Аннаберга.— *М. С.*) грозят применением непристойных действий и при этом тайно спрашивают совета у кнапства наших мест. А так как известно, что по крайней мере часть их больше склонна советовать и помогать в делах, ведущих к волнениям, чем к добрым отношениям, то необходимо постоянно иметь в виду, что эти горные промыслы тесно граничат друг с другом, а если их планам будет дан ход, то следствием этого будет весьма непристойный мятеж, и горные промыслы потерпят большой ущерб во всех отношениях» [17].

Как видно из приведенного обращения, Шликков и Пфлугов серьезно пугала перспектива общего восстания горнорабочих, которое может последовать в результате установившегося контакта рабочих граничащих друг с другом промыслов, в частности, саксонских и яхимовских разработок. Ведь если бы дело заключалось в боязни прекращения работы волнующимися рабочими саксонских промыслов и их ухода на соседние промыслы (что привело бы к увеличению спроса на рабочую силу в Аннаберге и Шнеберге и соответственно к увеличению предложения ее в соседних владениях, где она станет дешевле), то беспокойство должно было бы исходить от саксонских герцогов, а не от Шликков и Пфлугов, которым это передвижение рабочих было бы по существу выгодно. Совершенно очевидно, что грубо модернизаторская точка зрения Штридера абсолютно несостоятельна и что речь шла об угрозе общего восстания «своевольных» горнорабочих. Шликки и Пфлуги предлагали саксонским герцогам объединить действия господ перед лицом совместных усилий и контактов горнорабочих.

Напомнив саксонскому курфюрсту о том, что они сами и их предки всегда были связаны с саксонским княжеским домом, которому они готовы были служить и от которого они всегда ожидали помощи в предотвращении зла, авторы обращения пишут далее о большом вреде, который будет нанесен горным промыслам вследствие того, что «многие легкомысленные и неразумные люди считают, что стоит только человеку перейти через Лес (т. е. через Чешский лес.— *М. С.*), и он уже свободен от наказаний за совершенные им дурные поступки, а это придает ему смелость творить злые дела и в дальнейшем». Предложенный

---

[17] Ibid., Bl. 1[a]—1[b].— «wir etwas glaublichen vnnd warhaftige bericht. So es zu den Wettertagen kohmt das sich die knabschafft auf Sannd Annabergk vnnd Schnebergk jn etwan vil stügken anderung vnnd nachlassung zuhaben gedengker, wie sie sich alhier auch anmassen vnnd das suchen wollen. Vnnd wu jnen solchs gewegert lassen sie sich horen villeicht einer vnschigklichkeit zugebrauchen, vnd in einer geheym alhier bey diesser knabschafft Rathe zusuchen... dieselbigen etwas zum tail mer zu unruhe dan zu gutem geneigt das zurathen vnnd zuthun helffen, jst hierinen sonderlichen zubedengken das solche Bergkwergk allenthalben eins dem andern mit der grenitz fast nahe gelegen dadurch solte jr furnemen auffkomen ein sere vnschigkliche entborung erwachsen. Vnnd allerseits den Bergkwergken grossen nachtail geboren...»

ими сговор господ должен, по их мнению, убедить всех в том, что «своевольный мятежный дух» нигде не найдет убежища и подвергнется наказаниям всюду, где бы он ни был обнаружен. Это должно привести к пресечению повседневно совершающихся «злых дел» и принесет большую пользу смежным промыслам [18].

Авторы обращения считали предлагаемый ими сговор настолько важным, что предпочли бы прибыть к курфюрсту лично для ведения переговоров, если бы не эпидемия, в условиях которой близкое соприкосновение с чужими людьми в доме курфюрста вряд ли будет для него желательным. Они предлагали поэтому курфюрсту прислать своих советников в Цвиккау или в Хемниц и сообщали, что одновременно они направляют письма другим господам, приглашая их на это совещание.

В разобранных документах весьма характерно то, что ни в обращении Шликков и Пфлугов, ни в заключенном в 1520 г. соглашении нет речи о позиции и роли в этом деле участников-предпринимателей, хотя, само собой разумеется, трудно предположить, что вопросы уровня заработной платы, условий труда и отношения к происходящим и возможным в будущем волнениям горнорабочих были для них безразличны. Очевидно, что в вопросах отношений с горнорабочими регальным господам было не по пути с капиталистическими участниками, которые не только не были заинтересованы в охране регально-феодальных доходов, но, наоборот, видели в десятине, в монопольно низких ценах на серебро, в монетной пошлине и т. п. основное препятствие для своей предпринимательской деятельности. Что же касается перспектив расширения рабочих волнений, то, поскольку они в основном были направлены против регальной власти, они должны были вызывать у многих участников-предпринимателей сочувствие. Во всяком случае у регальных господ были серьезные основания так считать. Интересно в этой связи подчеркнуть, что в тексте вводной части рассмотренного соглашения говорится о том, что принятые меры необходимы для предотвращения «восстаний, убийств и других злодеяний», которые могут последовать от «горных людей и подданных» (von bergkgenossen und underthanen). Очевидно, регальные господа опасались широкого выступления со стороны не только горнорабочих, но и других связанных с горным делом людей.

При решении вопроса о положении горнорабочих и характере их борьбы необходимо иметь в виду общее положение горной промышленности того времени и характер происходившей в ней

[18] TLA, Reg. 1556, Bl. 2^a – 2^b — «...das hirjnen ein abrede vnd vereinigung furgenomen ...das sie in jrer mutwilligen auffrürigkait an keynem orte geleytet oder undtergeschleifet... vnd domit vil vnraths undterstanden, auch in die Leute gebracht, dovon die teglich vbelich vnschigkligkeit abgeschnitten. Vnd an allen zweiuel gebere es auff den Bergkwerdken allenthalben... grosse foderung nutzs vnnd fromen...»

сложной социальной борьбы. Модернизаторская концепция Штридера должна быть отвергнута, но было бы недопустимым упрощением свести весь вопрос к недостаточной развитости классовой дифференциации в горной промышленности, что сами горнорабочие не отделяли себя тогда от участников-предпринимателей. Документы, относящиеся к разным районам Рудных гор, показывают, что противоречия между участниками-предпринимателями и наемными рабочими стали определенно выявляться с середины XV в. Очевидно, что близость в ряде случаев требований горного кнапства к требованиям участников-предпринимателей объясняется не сходством социального положения этих разных группировок, а некоторой общностью их ближайших целей борьбы, наличием у них общего противника. Особенность положения в серебрянорудной и в ряде других отраслей горной промышленности Саксонии заключалась тогда в том, что обладатели капитала не противостояли рабочим непосредственно. Всё управление, включая наем рабочей силы и определение условий труда и его оплаты, так же как и взимание дополнительных взносов с участников, распределение между ними прибыли и ведение всех расходов, находилось в руках должностных лиц регальной администрации. Поэтому горнорабочие рассматривали все свои невзгоды и всякое ухудшение своего положения как результат непорядков в управлении и злоупотреблений со стороны должностных лиц, в которых они видели своих эксплуататоров. Но против тех же лиц и системы управления боролись и участники-предприниматели, за исключением тех привилегированных богатых дельцов, которым тесная связь с регальной властью была выгодна.

Отвечая в 1453 г. на запросы саксонских герцогов о причинах застоя в серебрянорудной промышленности Фрейбергского района, члены Фрейбергского магистрата, выражавшие в данном случае настроения предпринимательских кругов, обвиняли должностных лиц регальной администрации в том, что они плохо выполняют свои обязанности, в результате чего работа ведется нерационально, а рабочие стали очень своевольными. С забойщиками, утверждали члены магистрата, вообще невозможно разговаривать, и они готовы убить всякого, кто захочет заявить о том, что они плохо работают [19]. Выявлявшиеся противоречия между горнорабочими и участниками представлялись обеим сторонам прежде всего как результат плохого и корыстного управления. При дальнейшем же углублении конфликта, когда рабочие рудников Фрейбергского района, прибегая к прекращению работ, стали выдвигать конкретные требования о лучшей оплате полноценной монетой, это было воспринято саксонскими

[19] FUB II, S. 144.— «Item sie sprechen, die hauwer sind eigenwillig und wollen mit yn nicht reden lassen, so sie nicht recht arbeiten, und wolt ymand gebrechen melden, die wollin die hauwer totslahen».

герцогами как выступление против их регальной власти и доходов. Герцоги вступили в этот конфликт не в качестве посредников, а в качестве основной заинтересованной стороны, против которой была направлена борьба рабочих. 17 июня 1453 г., после получения донесения об отказе рабочих спускаться в шахты, курфюрст направил бергмейстеру строгое предписание заставить рабочих приступить к работам в шахтах[20]. В конце ноября того же года мюнцмейстер и горный писарь в подробном донесении писали о том, что забойщики — «совсем непокорный народ» — силой своей организации вынуждают всех к прекращению работ, в результате чего шахты «более восьми дней совсем пустовали». Они показывали, что удовлетворение требований рабочих поставило бы под угрозу все регальные доходы[21]. Таким образом, в донесении должностных лиц прямо подчеркивается, что волнения горнорабочих направлены против регальных доходов и установленного регальной властью режима.

Волнения горнорабочих вообще принимали характер антикняжеских выступлений, хотя они включали в себя и выступления, вызванные капиталистической эксплуатацией. Поскольку все отношения на промыслах Рудных гор регулировались регальной администрацией, исходившей из интересов своей монополии и своих доходов, то всякое требование горнорабочих об устранении непорядков принимало форму борьбы за старые горные вольности, ущемлявшиеся регальной властью. Автор шнеберг ской хроники Христиан Мельцер начинает свое сообщение о восстаниях шнебергских горняков в 90-х годах XV в. вводным замечанием о том, что горняки всегда славились свободолюбивым нравом. «Когда же свободе их чувств или любой иной их вольности наносили ущерб и вообще когда их вольности оспаривались, они склонялись к восстанию». Это, по мнению хрониста, подтверждается и восстаниями шнебергских горняков. Большое волнение горняков произошло в Шнеберге в 1496 г. Оно было вызвано попыткой снизить недельную заработную плату забойщика на один грошен. Восставшие покинули разработки: часть их ушла в Шлеттау и на Лесниц, а часть в Гейер. Цвиккауский хауптман рыцарь Рудольф фон дер Планитц был вынужден собрать людей в деревнях и занять город Шнеберг. Однако скоро все было улажено мирным путем: те горнорабочие, которые вернулись из Гейера, вновь вышли на работу в день апостола Якова и дали клятву в присутствии уполномоченных герцогов саксонских выполнять свои обязанности по отношению к владельцам рудников[22]. Борьба вокруг вопросов заработной

[20] FUB II, S. 148.

[21] Ibid., S. 149—152. См. также гл. I, стр. 38—40.

[22] Ch. Meltzer. Historia Schneebergensis Renovata. Das ist: Erneuerte Stadt-u. Berg-Chronica der... freyen Berg-Stadt Schneeberg. Schneeberg, 1716, S. 924.

платы велась не непосредственно с предпринимателями, с которых хронист в данном случае вообще не упоминает, а с герцогской администрацией.

Еще более выраженный антигерцогский характер носило следующее выступление шнебергских горняков, которое произошло в 1498 г. О его ходе Мельцер сообщает весьма лаконично. Начав восстание, горняки (Bergleute) заставили возчиков и молодых рабочих (denen Hasplern und Jungen) следовать за ними, грозя в противном случае «изрубить их на куски». Пэстанцам удалось занять высоту у Вольфсберга, после чего они начали наступление против цвиккауских вооруженных сил, ведомых Планитцем и расположившихся у Фогельштанге (очевидно, речь здесь идет о герцогских военных силах, собранных в Цвиккауском районе, которые вторично, после 1496 г., были двинуты на подавление нового восстания горняков). Мельцер с самого начала подчеркивает тот важный, по его мнению, факт, что на этот раз восставшие горняки выступили из Шнеберга «даже со своим знаменем» (so gar mit ihrer Fahne). Скоро, однако, судье Николаю Мейнеру, бывшему раньше шнебергским бергмейстером, и Паулю Флетигеру удалось уговорить горняков вернуться в город. Они забрали знамя горняков и сначала несли его впереди возвращавшихся, а затем рыцарь Генрих фон Шенберг (тот самый герцогский хауптман, который возглавлял военные силы герцога и в 1496 г.) забрал у них это знамя, свернул его и положил в приисковом доме с тем, чтобы после совершенного с его помощью «злоупотребления» оно не могло быть так легко «извлечено оттуда на дневной свет»[23].

Изложив эти данные о ходе восстания 1498 г., хронист пишет, что ему нигде не удалось отыскать сведения о причинах этого второго восстания шнебергских горняков. Однако, по его мнению, оно было следствием «большого неудовольствия», так как только это могло вынудить их «поднять знамя, которое было ими изготовлено во время первого расцвета здесь горного дела и с тех пор употреблялось при больших торжественных церковных и иных шествиях»[24].

Описанный Мельцером ход этого восстания свидетельствует о том, что в данном случае имело место выступление всего шнебергского ландшафта. Руководящая его группировка — квалифицированные забойщики — добились присоединения к нему всех неквалифицированных, подсобных и молодых рабочих и учени-

[23] Ibid., S. 925.— «...zusammen gewickelt und auff der Fundgrübner Hauss von dar es auch wegen solches Missbrauches nicht viel wieder ans Tage-Licht kommen Geschaffet».

[24] Ibidem.— «...es muss gewisslich ein grosses Miss-Vergnügen gewesen seyn/weil sie gar nach der Fahne gegriffen (welche sie in der ersten Blüthe des Bergwercks gehabt und sonsten vermuthlich bey ihren Prozessionen am Fron-Leichnams Fest nach Brauch der alten Zeiten) und bey andern Auffzügen gebraucht haben».

ков. С самого начала восстания горняки выступили против герцогской администрации в районе разработок. По-видимому, «большое неудовольствие», в котором хронист видит причину восстания, касалось не отдельных вопросов, связанных с условиями труда, а всего герцогского управления горным делом. Характерно и то, что представители герцога достигли успокоения, не применяя силу, а используя неопытность восставших и подрывая их организацию. Так, они обманом захватили и спрятали знамя повстанцев.

Мельцер ссылается на более раннего хрониста — автора «Аннабергских Анналов» Иенисия, у которого записано: «Ап. 1498. Tumultus inter Annebergenses et Schneebergenses metallicos Principum auctoritate sedatus est». Комментируя эту запись, Мельцер пишет, что ее не следует понимать буквально, т. е. в том смысле, что борьба велась *между* аннабергскими и шнеебергскими горняками и якобы была прекращена вследствие вмешательства герцогской власти. Мельцер понимает запись Иенисия так, что горняки «волновались в каждом из названных мест, но что в обоих местах были одинаковые причины для мятежа и восстания». Как видим, в 1498 г. восстания горняков происходили одновременно на шнеебергских и на аннабергских промыслах, причем в обоих этих районах восстания были «успокоены» герцогскими силами, против которых они были направлены.

Таким образом, движения горнорабочих в Рудногорском районе еще в 90-х годах XV в. обнаружили свою направленность против действий регальной администрации в горном деле и против герцогских повинностей вообще. Поскольку в то время проявлялось уже недовольство предпринимательских элементов регальным управлением горными разработками, создавалась почва для совместных выступлений горнорабочих и участников-предпринимателей[25].

Общая борьба против герцогских повинностей и действий герцогской власти приводила к контакту между движениями

[25] Как видно из приведенных фактов, саксонские герцоги, обладавшие регальными правами и издававшие горные уставы, являлись в возникавших на серебряно-рудных промыслах конфликтах не посреднической инстанцией, а одной из сторон, именно той стороной, против которой движения были направлены. Но не так обстояло дело там, где обладателями регальных прав были не герцоги, а феодалы, которым принадлежали эти земли. В этом можно убедиться, сопоставив историю приведенных выше волнений с материалами стачки 1469 г. на оловянно-рудных промыслах Альтенберга (в восточной части Рудных гор), где регальные права принадлежали землевладельцам. В конфликте 1469 г. между участниками альтенбергских оловянных предприятий и рабочими по вопросу о заработной плате и об оплате стачечных дней саксонские герцоги выступали посредниками, и после их третейского решения стачка была прекращена. См. текст третейского решения и статью Германа Лемера «Der landesherrliche Schiedsspruch vom 4. September 1469 im Streike der Knappen zu Altenberg (Erzgebirge)».— «Freiberger Forschungshefte», D 11. «Bergbau und Bergleute». Berlin, 1955, S. 35—42.

горнорабочих и антикняжеской оппозицией в городах. После начала реформации эти контакты стали принимать более широкий характер, особенно там, где борьба городской оппозиции становилась борьбой за реформацию против католических князей. Весьма характерны в этом отношении события 1523—1525 гг. в Шнеберге, где движение горного кнаппства оказалось тесно связанным с борьбой, происходившей в городе вокруг реформации.

Особенность политического положения Шнеберга заключалась в том, что при территориальном разделе владений Саксонского дома в 1485 г. между Эрнестинами, возглавлявшимися курфюрстом Фридрихом, и Альбертинами, главой которых был герцог Георг, этот новый горный город, прославившийся богатой и обильной продукцией своих серебряных рудников и имевший исключительно важное значение для герцогской казны, остался в совместном владении и управлении обеих линий. После начала реформации в борьбе за влияние в городе между эрнестинской и альбертинской линиями особое значение получил религиозный вопрос. Курфюрст Фридрих был, как известно, покровителем Лютера, в то время как Георг был одним из наиболее воинственных католических князей. Против католического священника Вольфганга Крауза, ставленника Георга в Шнеберге, действовал до 1521 г. сторонник и впоследствии друг Лютера Хаузман из Фрейберга[26]. В 1523 г. здесь начал проповедническую деятельность другой лютеранин, Вольфганг Аккерман, проповедь которого нашла значительный отклик среди горожан и крайне встревожила герцога Георга и его сторонников. 24 ноября 1523 г. герцог Георг обратился к герцогу Иоганну с жалобой, что новый проповедник действует без ведома священника (Крауза), что о его проповеди возвещено было колокольным звоном, собравшим много народа, а в самой проповеди Аккерман допустил такие энергичные выпады против духовенства, в которых нельзя не усмотреть серьезные симптомы возмущения и мятежа[27].

В завязавшейся затем переписке между Эрнестинами и Альбертинами и на состоявшейся в декабре того же года встрече советников обеих сторон Альбертины настаивали на аресте Аккермана и наказании тех, кто созвал народ на его проповедь звоном набата, в то время как Эрнестины из тех же соображений (т. е. во избежание беспорядка и для ликвидации повода к восстанию) требовали ограничиться в отношении проповедника строгим предупреждением и предписанием не возбуждать народ против

---

[26] F. Gess. Die Anfänge der Reformation in Schneeberg.— Neues Archiv für Sächsische Geschichte und Altertumskunde, Bd. 18. Dresden, 1897, S. 31—36.

[27] F. Gess. Akten und Briefe zur Kirchenpolitik Herzog Georgs von Sachsen, Bd. I (1517—1529). Leipzig, 1905, N 569, S. 572—573 (далее — F. Gess. Akten und Briefe).

властей [28]. Однако, пока советники спорили между собой о необходимых мерах, высказалось само население горного города и все горное кнапшество. Дело в том, что в начале следующего 1524 г. в Шнеберге оказался еще один проповедник—Георг Амандус. Фелициан Гесс в статье «Начало реформации в Шнеберге» пишет: «откуда он прибыл и кем он был туда приглашен, неизвестно, но судья и шеффены согласились его принять» «в виде опыта (versuchsweise)» с условием, что он будет проповедовать «чистое Евангелие без всяких нападок на духовные и светские власти» [29]. Однако вся его деятельность в 1524 и в 1525 гг. показывает, что он держался совершенно независимо от официальных кругов и проповедовал, как мы увидим, не только против церковных властей, но по существу и против светских.

Нетрудно себе представить, как неистовствовали Альбертины и герцог Георг, когда определилась позиция Амандуса и его влияние. Они еще более энергично требовали его ареста и наказания. В ответ на уклончивую позицию курфюрста Фридриха и герцога Иоганна, предлагавших начать новый допрос Амандуса с целью уточнить смысл его проповедей, Георг грозил действовать самостоятельно и обратился в имперские инстанции, в частности, в имперскую канцелярию в Нюрнберге [30]. Здесь нет возможности останавливаться на политической стороне этой борьбы между двумя линиями саксонских князей и на отношении каждой из них к императору. Важно только отметить, что Амандус, которому внутрикняжеская борьба была, конечно, на руку, видел свою опору не в той или иной княжеской клике, а в городской общине и прежде всего в массе горного кнапшества — во всех ее многообразных группировках. Достаточно сослаться на записку, приложенную к донесению обоих шнебергских десятинников, судьи и шеффенов от 10 июня 1524 г. Авторы записки сообщают, что в целях «предупреждения неприятностей» они решили отказать Амандусу в выплате жалованья, заявив ему, что они теперь не в состоянии оплачивать его труд проповедника. Но тогда восемь человек (представители четырех ремесел) обратились к бергмейстеру и кнапшеру и за спиной десятинников и судей договорились о том, что будут платить Амандусу из собственных средств и не допустят его увольнения, пока «другие ученые не докажут, что они лучше компетентны» [31]. Авторы записки

---

[28] F. Gess. Akten und Briefe, Bd. I, N 576, 585, S. 580, 590—591.

[29] F. Gess. Die Anfänge der Reformation in Schneeberg. S. 37.

[30] F. Gess. Akten und Briefe, Bd. I, N 592, 628, 631, 660, S. 597, 627, 634—636, 672—673.

[31] Ibid., N 675, S. 684 — Zettel.- «Wir haben auch aus obangezeigter Ursachen und anderm stadlichem bedenken, damit umrat nachbleyben mechte, dem prediger den solt aufsagen lassen, der ym auch aufgesagt ist uf meynung, wir weren yetzo nicht vermogens yn furder zu besolden. Also sind hirnach, als wir glaubwirdiglich bericht, aus vier handwerken acht personen, dye man weyss, junsten sontags Bonifaci (5 juni) zum Bergmeister und der knapschaft

предупреждали, что это может привести к серьезным последствиям.

Требуя не только изгнания Амандуса, но и его ареста и наказания, Альбертины указывали на мятежное содержание его проповедей. Во время переговоров с Эрнестинами 3 апреля 1524 г. они выдвинули против Амандуса свое главное обвинение, которое затем повторяли много раз в течение 1524 и 1525 гг. Его смысл заключался в том, что члены магистрата высказались против немецкой мессы и других церковных новшеств, проповедуемых Амандусом, против его заявлений с кафедры о том, что 6 или 12 человек не могут управлять общиной и, следовательно, не магистрат должен управлять общиной, а, наоборот, община магистратом. Поскольку эти идеи вызывали гнев герцога Георга, то проповедник заявил далее, что не князь должен управлять страной, а, наоборот, страна должна управлять князем. При этом, подчеркивается в протоколе переговоров, было обращено внимание на то, что Амандус назвал конкретно герцога Георга и что эти слова вызвали в народе мятежное настроение [32].

Разумеется, выступления Амандуса против безусловного авторитета княжеской власти должны были встревожить не только герцога Георга и всех Альбертинов, но и группировку курфюрста Фридриха и герцога Иоганна, хотя последние и были противниками решительных и быстрых мер наказания проповедника — отчасти из-за опасения еще больше усилить мятежные настроения, отчасти из боязни того, что такие репрессивные меры приведут к усилению позиций католиков. Герцогские советники потребовали у Амандуса объяснений по поводу его проповедей об авторитете князей и магистрата. Амандус сначала уклонялся от объяснений, но затем заявил, что он действительно произносил подобные речи, однако вкладывал в них несколько иное содержание (aber folgend solche wort anders wollen deuten). Вместе с тем он уклонился от выполнения предъявленного ему советниками требования разъяснить в своей ближайшей очередной проповеди подлинный смысл своих слов об авторитете властей. Герцогские советники были вынуждены ограничиться в отношении проповедника предупреждением и напоминанием в присутствии судьи, шеффенов и представителей общины и кнапства об

---

gangen, haben aldo hinder uns gesonnen, das sie sich mit yn vereynigen wolten, den prediger selbst zu besolden und zu halten, yn auch unenturlaubt zu haben er werde dann von andern gelarten uberwunden».

[32] F. Gess. Akten und Briefe, Bd. I, N 631, S. 634.— «...wie der prediger allhier in der kirchen unter anderm in eynem sermon offentlich gesagt haben solt, ir 6 ader 12 hetten nicht eyn gemeyn zu regiren, sondern eyn gemeyn hette eynen rat zu regieren, desgleichen eyn furst nicht eyn land, sonder eyn land hette eyn fursten zu regiren, und sonderlich daneben u. g. h. herzog Georgen offentlichen genant, mit andern mehr unschicklichen worten, domit er das gemeyen volk hett wollen zwyngen das sacrament under beyderley gestalt zu nhemen, welche wort under dem volk eyn entporung solten bracht haben etc...»

условиях, на которых Амандус был принят на должность проповедника [33].

Гесс в названной выше статье неоднократно подчеркивает, что предупреждения и угрозы Амандусу не завершились репрессиями только вследствие позиции Эрнестинов. Однако переписка герцога Георга и материалы совещаний герцогских советников свидетельствуют о том, что решающее значение имела поддержка Амандуса всей общиной и массой кнаппства. Шнеберг-ские десятинники, судьи и шеффены, сообщая герцогу Георгу 10 июня 1524 г. о дальнейшем развитии событий, писали, в частности, о том, что в конце мая дело дошло в городе до мятежного выступления простого народа, которое только благодаря вмешательству «милосердного бога» было прекращено в самом начале. Авторы письма доводили до сведения герцога Георга, что Амандус позволяет себе «непристойным образом» проповедовать непокорность, мятеж и восстание, опираясь при этом на большую поддержку единомышленников из простого народа [34]. Они хотели «незаметно, без шума и волнений» отстранить проповедника, передав ему об этом герцогское повеление, но он не явился на вызов и его нельзя было найти. Он не захотел также успокоить народ, разъяснив, как он обещал раньше, смысл своих слов. Наоборот, безнаказанность воодушевила его на дальнейшие мятежные речи. 25 мая он возобновил резкие выступления против мессы и таинства причащения. Когда же 29 мая католический священник Крауз выступил с ответной проповедью, то Амандус выступил вторично, чередуя латинский язык с немецким, и говорил с такой горячностью, что сбежалось много народа и вспыхнуло большое волнение. Некоторые из сбежавшихся взяли кирпичи, сложенные для стройки, и готовы были пустить их в ход. Среди поднявшегося громкого шума можно было различить голоса многих людей, кричавших, что они не станут больше ходить на проповеди Крауза и не желают его слушать [35].

Десятинники, судьи и шеффены заявили в этом письме, что они чувствуют себя бессильными сопротивляться пропаганде Амандуса, потому что его тезисы о власти производят на его многочисленных сторонников чрезвычайно сильное впечатление: они заключают из них, что никому не надо подчиняться, что они

---

[33] F. Gess. Akten und Briefe, Bd. I, S. 634—636.

[34] Ibid., N 676, S. 682.— «...was unschickerlich weys und predig der prediger alhye, dem ein grosse meynung des gemeyn volks anhange, geprauchet hab, welche zu unwillen, ungehorsam, entporung und aufruhr raichen wolten, und keine besserung noch enderung befunden».

[35] Ibid., S. 683.— «Davon sich ein merglich auf und auslauf aus der kirchen, entporung und aufruhr in der kirchen underm volk erhaben, auch etzlich zigelstein, die zum baue geschickt, zu sich genomen... were solcher unzustillender jamer und not worden, das höchlich zu erbarmen gewest. Daraus auch kommen, das von vilen erhort ist, das sie nicht mehr zu seiner predig gehen, noch der horen wollen».

могут жить и управлять своевольно. При таком положении авторы письма не могут без помощи герцога облагать поборами кого-либо из простого народа или брать кого-либо под защиту, так как они всюду подвергаются осмеянию в бранных песнях.

Таким образом, авторы письма признают, что в обстановке, созданной в Шнеберге пропагандой реформации, они теряют авторитет и не могут пользоваться предоставленной им властью. Они пишут далее, что эта пропаганда не только овладела умами населения горного города, но произвела впечатление и на отдельных лиц из самой администрации [36]. Месяцем позже оба десятинника в полном отчаянии писали Георгу, что если не будут приняты нужные меры, то они опасаются, что уже «на вечные времена» (in ewigkeyt) останется такое положение, когда нет ни прочного порядка, ни административного управления вообще (kein gut ordnung noch regiment), потому что все представители власти (alle regenten) «проводят дни и ночи в страхе, вынуждены слушать и притворяться, что не слушали, видеть и притворяться, что не видели» [37].

Какова же была в Шнеберге направленность массового движения, развернувшегося с особой силой с весны 1524 г.? Несомненно, что это движение, связанное с именем проповедника реформационных идей Амандуса, было по существу антикняжеским, что в центре борьбы фигурировали тезисы Амандуса о том, что не князь должен управлять страной, а, наоборот, страна князем. Именно за эти тезисы ухватился герцог Георг, который сравнивал Амандуса с Мюнцером. В инструкциях своим советникам от 8 августа Георг предписывает обратить внимание курфюрста Фридриха на то, что корнем всего зла является Лютер, назвавший его, Георга, тираном и врагом Евангелия. Некоторые из сторонников Лютера, продолжает Георг, шли дальше от одного заблуждения к другому. Это, пишет, он,— священник в Альтштедте (т. е. Мюнцер), проповедник в Шнеберге (т. е. Амандус) и два беглых монаха в Бухгольце (Миконius и Ибах). Так, пишет он дальше, альтштедтский священник побуждал общину Зангерхаузен к «забвению своего долга и присяги и к вступлению в организованный им, Мюнцером, тайный союз, вызывая таким образом под маской Евангелия непокорность, войну, кровопролитие, возмущение подданных против герцогской власти». На такой же путь встали, по мнению Георга, Амандус и бухгольцские беглые монахи [38].

[36] F. Gess. Akten und Briefe, Bd. I, S. 684. В письме приводятся имена трех представителей администрации (шеффена, горного писаря и квартального старосты), которые, по мнению его авторов, рады происходящим событиям и сочувствуют враждебным выступлениям против Крауза.

[37] Ibid., N 678, S. 686.— «...alle regenten... sint itzo tag und nacht irs leibs und lebens in sorgen und fahr, mussen horn und nicht horn, sehen und nicht sehen».

[38] Ibid., N 708, S. 717—719.

То, что воинствующий католический князь, герцог Георг, одинаково расценивал в 1524 г. идеи Мюнцера и Амандуса, не должно вызывать удивления. В обоих учениях ему важно было подчеркнуть их направленность против светских князей. В духе католической пропаганды было и то, что Георг возводил все радикальные течения в реформации к Лютеру. В действительности же учение Лютера (особенно после его трактата «О светской власти, в какой мере мы обязаны ей повиновением» (1523 г.) требовало безусловной покорности князьям, даже в тех случаях, когда они нарушают божественное право и христианскую мораль. Антикняжеское острие пропаганды Амандуса имеет другое происхождение. В этом легко убедиться из уточнения самим Амандусом своих политических тезисов.

В сентябре 1524 г. герцог Георг сообщал своим советникам дополнительные данные о характере проповедей и о взглядах Амандуса. Проповеднику было предложено взять жалованье за четыре недели вперед и уйти со своего поста, но он отказался, заявив, что желание 8 или 12 человек — ничто по сравнению с желанием всей общины. Затем он прибил к дверям церкви семь тезисов о мессе, содержание которых сводится к тому, что католическая месса, рассматриваемая сама по себе как жертва, т. е. как достаточное искупление, не имеет оснований в «священном писании» и «противна богу». Истинной и угодной Христу является только та месса, которая воспринимается как «свидетельство союза с богом» (als eyn testament und pact mit gott angenomen). Амандус заявил при этом, что, если никто не сможет опровергнуть его тезисы о мессе, он даст им ход без разрешения с чьей бы то ни было стороны. Судья и шеффены, усмотревшие в этом заявлении желание возбудить в народе идеи мятежа, потребовали, чтобы он уточнил, наконец, смысл своих высказываний о власти. Тогда он разъяснил, что его проповедь о том, что община должна управлять магистратом, а страна князем, следует понимать в том смысле, что община «не должна подчиняться властям, идущим против бога». Судья и шеффены настаивали на том, что право решать вопрос о соответствии распоряжений власти делу бога не должно принадлежать самой общине. В конце концов они вынуждены были согласиться с проповедником, но умоляли его успокоить народ и разъяснить свои мысли о власти в духе примирения. Амандус согласился выступить в ближайшее воскресенье с разъяснением, но «хорошо известно, пишут судья и шеффены, как он это сделал!». В своей проповеди он рассказал о том, как хотели извратить его слова, и употребил при этом такие резкие выражения, «которые в еще большей степени побуждают к мятежу». Назвав по имени герцога Георга, он сказал с кафедры, что если его тезисы не понравятся князю, то это не должно никого смущать, так как «не князь должен управлять страной, а страна

князем», и добавил, что некоторые лица хотят его прогнать с горных промыслов, но, даже устраненный от проповеднической деятельности, он не уйдет с горных разработок Шнеберга, где у него есть много друзей, которые готовы его содержать. Итак, заключают судья и шеффены, то, о чем мы требовали умолчать, он открыто провозглашал с кафедры, зато молчал о том, что мы просили и приказали ему сообщить [39].

Поведение Амандуса безусловно свидетельствует о его принадлежности к весьма радикальному течению реформации, для которого реформация была одновременно и политической концепцией. Мы уже видели, что он и практически старался показать свою независимость от властей, по крайней мере в своей проповеднической деятельности. Основанием для того, чтобы приравнивать его к Мюнцеру, как это сделал герцог Георг, могло служить только выступление Мюнцера перед курфюрстом Фридрихом и герцогом Иоганном в 1524 г. с толкованием второй главы Даниила, когда он энергично отстаивал тезис о том, что источником всякой власти является народ [40]. Правда, Мюнцер понимал этот тезис гораздо шире, распространяя его на все области жизни, и вообще исходил из других классовых позиций, уточняя в этом выступлении перед князьями, что под народом он понимает массы трудящихся крестьян и ремесленников. Все же антикняжеские идеи, имевшие тогда важное значение и ставшие особенно популярными в горных районах, выступали тогда как у Мюнцера, так и у Амандуса весьма ярко и могли дать основание для их известного сближения.

Вместе с тем ни деятельность Амандуса, ни приведенные выше его политические высказывания не допускают возведения его учения к лютеровскому источнику. Источник реформационно-политических идей Амандуса следует искать прежде всего в учении Ульриха Цвингли, который писал в своем главном трактате «Объяснение и основы 67 заключений», что община должна смещать «всякую власть, действующую против бога». Вопрос о конкретном пути смещения князя общиной Цвингли всячески обходил, считая восстание тяжелым грехом, но он считал грехом и подчинение тирану. Цвингли призывал народ путем сплочения своих рядов добиться изоляции тиранов. Он считал, что в этом случае тиран может быть свергнут без восстания, так как он утратит власть просто потому, что народ останется с богом и не пойдет за его «хулителем и противником» [41]. Разъясняя свои политические тезисы в том духе, что не следует подчиняться властям, идущим против бога, и что

[39] F. Gess. Akten und Briefe, Bd. I, N 731, S. 740—741, Anm. 1.

[40] См. М. М. Смирин. Народная реформация Томаса Мюнцера и Великая Крестьянская война. М., 1955, стр. 160—162.

[41] См. там же, стр. 339—340; см. также: W. Mau. Balthasar Hubmaier. Berlin und Leipzig, 1912, S. 47—49.

решающей инстанцией при этом является община. Амандус, как нетрудно убедиться, повторил мысли Цвингли.

Борьба в Шнеберге вокруг реформации и фигуры Амандуса продолжалась и в 1525 г. Под влиянием событий Великой Крестьянской войны и особенно в обстановке наступившей всюду после ее подавления княжеской реакции обе линии Саксонского дома решили покончить с этим смелым проповедником, заменив его лютеровцем. Однако тот не смог удержаться в Шнеберге и исчез, по выражению курфюрста, «не успев произнести своей первой проповеди». Масса населения жаждала возвращения Амандуса и выражала готовность содержать его на свой счет. Однако обстановка изменилась. Как Альбертины, так и Эрнестины стали проводить по отношению к населению города политику репрессий. Не понравившиеся им вновь избранные шеффены не были утверждены. Был назначен новый судья и заменен бергмейстер Зальцбергер, сочувствовавший Амандусу. Начались аресты горняков, выражавших сожаление по поводу победы князей над тюрингенскими крестьянами и падения Мюльхаузена [42].

Рассмотренные события в Шнебергском горном районе в 1524—1525 гг. показывают, что радикальное реформационное движение было здесь направлено против князей, что оно охватило разные слои народа, связанные с горным делом этих мест, и являлось выражением общего недовольства тем, что все горное дело было подчинено интересам герцогской казны и управлялось герцогским регальным ведомством. Сила оппозиционного по отношению к княжескому управлению движения была настолько значительной, что в него оказались вовлеченными бергмейстеры и некоторые другие лица горного ведомства. Судья и шеффены неоднократно подчеркивали, что они бессильны справиться с общим движением, а десятинники, эти хранители герцогских финансов на промыслах, были вынуждены в целях успокоения мятежно настроенных горняков отпускать из герцогской казны средства на возведение технических сооружений. Десятинник Томас Мейнер жаловался в письме герцогу Георгу, что горняки требовали денег на водоотводные сооружения, а ввиду того, что десятинная касса была пуста, десятинники выдали им 20 флоринов из собственного кармана, чтобы избежать расправы [43].

В сооружениях для соединения рудников с водоотводной системой были заинтересованы все предпринимательские элементы. Но в выступлении, о котором докладывает Мейнер, наиболее активной силой были бедные горняки — мелкие участники и наемные рабочие. Угрожая десятинникам расправой, они заяв-

[42] F. Gess. Die Anfänge der Reformation in Schneeberg. S. 48—50.
[43] Ibid., S. 45—46. Anm. 22. (письмо десятинника Мейнера от 1 июля 1525 г.).

ляли: «Не можем же мы есть свои собственные руки!». Таким образом, в движении, связанном с именем Амандуса и заостренном против герцогской власти, объединялись разные слои горного населения. Реформация в цвинглианском духе, отвечавшая в первую очередь интересам участников-предпринимателей, сделалась общим выражением оппозиционного антикняжеского движения на горных промыслах. Из источников видно, что шнеберг-ские горнорабочие не поддерживали никакое иное течение радикальной реформации, кроме того, которое возглавлялось Амандусом. Вероятно, это обстоятельство дало основание герцогу Георгу считать Мюнцера и Амандуса деятелями одного ранга.

Характерно, что Мельцер, писавший свою хронику в XVII в., называет события в Шнеберге, разыгравшиеся вокруг Амандуса в мае 1524 г., третьим восстанием горнорабочих в этом городе после восстания 1496 и 1498 гг. В своей краткой записи Мельцер приводит эпизод, когда «горные ребята» выступили у церкви с кирпичами в руках против Крауза, ставленника герцога Георга, и в защиту Амандуса. Если бы эти волнения не были приостановлены «почтенными людьми», пишет Мельцер, то произошло бы восстание, которое могло нанести большой ущерб горному делу, так как Амандус в качестве духовного лица действовал «не так, как следует» [44]. Иначе говоря, Мельцер осуждал Амандуса за то, что его религиозное учение сделалось знаменем борьбы горнорабочих, которые в случае успеха пошли бы еще дальше в своих требованиях. И современники обратили внимание на то, что под знаменем реформации движение шнебергских горнорабочих объединялось с весьма боевым движением радикальной бюргерской оппозиции. О тех же майских днях 1524 г. герцог Георг писал в секретном письме своим доверенным должностным лицам, что, как он достоверно узнал, некоторые шнебергские «бюргеры и жители» (Bürger und Inwohner) осмелились восстать; вооружившись (mit gewappneter hand), они собрались перед судебным домом (Gerichtshaus), незаконным путем освободили из-под ареста заключенных и заставили вернуть штраф некоторым ранее оштрафованным [45].

---

[44] Ch. Meltzer. Historia Schneebergensis..., S. 926.— «...an. 1524 am tage corporis Christi die Berg-Pursche in der Kirchen auffrührisch worden und weil man dazumal gleich am Gewölbe der Kirchen gearbeitet, schon die Ziegelsteine ergriffen und den päbstischen Pfarrer M. Wolffgang Krausen, umb dass er den Prediger Amandum öffentlich zu wiederlegen aufgetreten war,— aus der Kirchen steinigen wollen... Aber wäre dieses durch ansehnliche Leute nicht abgewendet worden, wer weiss was vor ein Auffstand hätte sollen erfolgen, der zugleich dem Bergwerck wäre nachtheilig gewesen, zumahl da Amandus, als ein Sacramentirer auch nicht recht gehabt».

[45] J. K. Seidemann. Die Unruhen im Erzgebirge während des deutschen Bauernkriegs. Nach den Akten des königl. Sächsischen Hauptstaatsarchivs zu Dresden.— «Abhandlungen d. Historischen Klasse der Königlich Bayrischen Akademie d. Wissenschaften,» Bd. X, 1. Abt. München, 1865, S. 148 ff.

Шнеберг не был единственным горным городом, где реформационное движение являлось началом широкого оппозиционного выступления против герцогской власти. Уже в 1520 г. герцог Георг выражал беспокойство по поводу появившегося в Аннаберге проповедника против папских отпущений, причем главную тревогу герцога вызывало то, что проповедник нашел в горном районе достаточную опору, придавшую ему смелость продолжать свою деятельность вопреки приказаниям герцогских должностных лиц[46]. В значительно большей степени проявилась тревога Георга весной и летом 1520 г., когда в соседнем горном городе Бухгольце были приняты в качестве проповедников два беглых монаха, радикальная проповедь которых привлекала большое стечение народа из других горных промыслов, в том числе и из Аннаберга. Герцог распорядился принять строгие меры к запрещению посещения Бухгольца аннабержцами и потребовал, чтобы в каждом городском квартале один из членов магистрата вместе с квартальным старостой обходил все дома и передавал запрет слушать проповедь беглых монахов в Бухгольце, а также принимать у себя человека, который побывал там[47].

Сообщая о мерах, принятых Георгом, и о произведенных по его приказаниям арестах, бухгольцский бергфогт передал курфюрсту, что должностные лица герцога Георга располагают сведениями о готовящемся нападении на яхимовского десятинника, который будет провозить через эти места серебро в Лейпциг[48]. Пропаганда реформации связывалась, таким образом, с активизацией борьбы против регального управления горным делом и против регальных поборов.

13 августа 1524 г. амтман Шелленберга и Аннаберга Антоний фон Коспот докладывал герцогу Георгу, что после нарушения распоряжений герцогской власти по поводу священника «неразумные люди» склонны к дальнейшим легкомысленным поступкам. В целях предотвращения тяжелых событий, которые будут направлены, как он писал Георгу, «против нас всех», фон Коспот созвал старый и новый магистрат, бергмейстера, старейшин кнаппства и 40 человек из общины Аннаберга и потребовал от них принятия строгих мер для наказания непослушных. Добившись от собранных им лиц клятвенного обещания быть впредь покорными герцогу, фон Коспот предупредил духовен-

[46] F. Gess. Akten und Briefe, Bd. I, N 157, S. 118—119.

[47] Ibid., N 718, S. 727. «...das in der stat yn iczlichem virtil einer des rats und ein virtilmeister aus der gemeyen von haus zu hause geheen mussten und vorbieten, das nimands hiraus yn das Buchholz gehen dorffte, das predigtamt anzuhoren».

[48] Ibid., S. 728. «Es ist auch von vielen in der collation geredet und lass mir yn glaublichem schein ansagen, das sich eczlich darauf schicken sollen, yn meynung, den zehentner von St. Jochemsthael, so er sibler gegen Libzig uf konftig Michaelis fhuren wird, anzugreifen».

сво, чтобы его представители не появлялись в пивных и не вступали в дискуссию с безрассудными людьми, как это имело место раньше, а также чтобы проповедник не бранил никого с кафедры. Герцогского чиновника тревожили реформационные идеи не столько сами по себе, сколько тем, что на промыслах они становились знаменем политической борьбы против герцогской монополии. Он старался успокоить волнения, которые вызывались выступлениями духовенства и религиозными спорами в местах скопления народа, так как эти споры вели к еще большему углублению движения против князей и всех господ («против нас всех»). Особую тревогу вызывало то, что в происходивших волнениях были замешаны и некоторые члены магистрата. Вопрос о виновности членов магистрата был поднят на совещании, созванном фон Коспотом, но сам герцогский амтман счел этот вопрос «слишком деликатным» (zu meisterlich) и предпочел отложить его рассмотрение до прибытия самого герцога. В следующем своем донесении герцогу Георгу от 25 августа 1524 г. фон Коспот сообщал, что борьба внутри магистрата продолжает обостряться, и просил Георга ускорить свое прибытие в Аннаберг [49].

Рассмотренные материалы об оппозиционном движении и волнениях в среде саксонского горного кнапшафта до Великой Крестьянской войны показывают, что в этих движениях нельзя усматривать борьбу за утверждение горных уставов и урегулирование при помощи герцогской власти отношений разных участвовавших в горном деле социальных группировок. С другой стороны, следует отвергнуть модернизаторскую концепцию Штридера, ставящего знак равенства между борьбой горнорабочих в начале XVI в. и борьбой рабочих против капиталистов, характерной для XIX в. Острие движения горного кнапшафта было направлено в то время против самой регально-феодальной основы горного дела. Главной силой в этой борьбе были горнорабочие, но движение выходило за рамки интересов только наемных рабочих. В нем были заинтересованы и другие социальные слои, связанные с горным делом, в том числе и предпринимательские элементы. Этим более широким характером движения и его антикняжеской направленностью объясняется обнаружившаяся его связь с начавшейся реформацией, а затем его роль в событиях Великой Крестьянской войны.

■

В силу указанного своеобразного характера движений в горных районах состав их участников был относительно широким: он не ограничивался только наемными горнорабочими,

[49] J. Seidemann. Die Unruhen in Erzgebirge... — «Abhandlngen...», Bd. X, 1. Abt.

хотя последние и являлись наиболее активной силой в выступлениях горняков. Политическая сущность этих движений приобрела особое значение с весны 1525 г.— с началом событий Великой Крестьянской войны. Радикально настроенные представители восставших крестьян и прежде всего те революционные деятели, которые видели в событиях Крестьянской войны начало общего переворота в социальных и политических отношениях, рассматривали участников движений на горных промыслах как наиболее желательных союзников, полагая, что союз с ними поставит и перед крестьянами более широкие общие цели и приведет к консолидации их разрозненных сил. В то же время нарастание и расширение Крестьянской войны было наиболее благоприятным условием и для углубления антикняжеского движения в горных районах.

Однако влияние, оказанное событиями Крестьянской войны на различные оппозиционные круги в горных районах, не могло быть одинаковым. В Аннаберге, Хемнице, Мариенберге, Волкенштейне и ряде других горных городов Рудных гор среди членов магистратов и богатых кругов бюргерства, а также среди старейшин кнаппства было немало таких, которые извлекали выгоды из регальных привилегий, и их антигерцогская оппозиция была ограниченной. С наступлением бурных событий Крестьянской войны, особенно с начала мая, во время нараставшего подъема восстания крестьян в Тюрингии, оппозиционные настроения этих элементов сменялись страхом перед восставшими крестьянами. Начались разногласия и борьба внутри оппозиционного лагеря по вопросу об отношении к восставшим крестьянам и к герцогской власти. Магистраты горных городов, старейшины общин, а в некоторых случаях и старейшины кнаппства заверяли герцога и его должностных лиц в своей лояльности и готовности оказать помощь в подавлении Крестьянского восстания. Однако как герцог Георг и его сын герцог Иоганн, так и начальник герцогской администрации в Аннаберге и Шелленберге Антоний фон Коспот и руководители магистратов высказали глубокое разочарование и раздражение в связи с провалом формирования вооруженных сил герцога, необходимых для борьбы с крестьянами. Они жаловались, что даже в тех редких случаях, когда удается завербовать кого-либо в горных районах, завербованные внушают так мало доверия, что их приходится тут же отправлять обратно[50].

Магистрат Хемница отказывался дать для вербуемой против крестьян армии требуемых 200 кнехтов, мотивируя тем, что в городе мало надежных элементов. О том же писали герцогу Иоганну младшему магистрат Аннаберга и фон Коспот 10 мая:

[50] W. Fuchs. Akten zur Geschichte des Bauernkriegs in Mitteldeutschland, Bd. II, Jena, 1942, N 1403, S. 260—261; N 1414, S. 267—268 (далее — W. Fuchs. Akten).

в городе очень мало годных для вербовки людей, и «все это из-за того, что близлежащие районы горных промыслов находятся во многих местах в состоянии возбуждения»[51]. Спустя неделю магистрат Аннаберга обратил внимание герцога Георга на опасное положение, возникшее в городе в связи с тем, что «непостоянно живущие и иноземные» элементы (der unangesessenen und ausländer) распространяют там мятежные идеи. Этих лиц, пишут авторы донесения, не следует допускать ни в город, ни на горные промыслы за городом. Ведь для герцога положение в городе «должно быть намного важнее, чем во многих деревнях». Предупреждая о наличии в Аннаберге сторонников восстания и об их контакте с восставшими крестьянами, авторы донесения обращают внимание герцога на опасный характер ведущихся в городе острых религиозных споров и указывают, что «если в городе возникнут волнения, то главной причиной этого будут борющиеся между собою проповедники разных направлений». Они советуют поэтому предписать всем духовным лицам в целях предотвращения дальнейшего обострения волнений в городе «воздерживаться от чрезмерных бранных слов по адресу проповедников и общины»[52].

Эти пункты из донесения аннабергского магистрата от 16 мая свидетельствуют о том, что в первой половине мая в этом городе выявились две резко противостоящие друг другу партии, борьба между которыми обострялась и разжигалась проповедниками обоих лагерей. При этом мы видим, что магистрат и старейшины общины и кнаппства, которые перед лицом грозного крестьянского восстания стали поддерживать действия герцогской власти, направленные на его подавление, чувствовали себя слабее революционных кругов в городе, поддерживавших восставших крестьян. Лояльная партия считала поэтому необходимым сделать все возможное для ослабления работы проповедников, результаты которой были, очевидно, не в ее пользу.

Сведения, поступавшие из других районов Рудных гор, показывали, что и там усиливалась партия, сочувствовавшая восставшим крестьянам, которая не только выражала готовность их поддерживать, но в ряде мест уже действовала вместе с ними. Нападению крестьян подвергся монастырь Грюнхайн (западнее Аннаберга), причем нападавшие решили разделить его имущество. Подобной участи не избежали церкви Мильденау и Шенбруни и некоторые замки в районах Мариенберга и Волкенштейна, причем стало известно об участии в этих акциях людей из близлежащих горных промыслов. Донесения фон Коспота от 16, 17, 18 и 19 мая проникнуты страхом за положение во всем Рудногорном районе, в том числе и в управляемых им

[51] Ibid., N 1410, S. 264.
[52] F. Gess. Akten und Briefe, Bd. II. Leipzig—Berlin, 1917, N 984, S. 230.

областях Аннаберга и Шелленберга. Узнав от волкенштейнского амтмана о событиях в Мильденау, фон Коспот отправился туда с вооруженной силой, захватил четырех пленных и поручил волкенштейнскому амтману их допросить. Однако не успел он вернуться в Аннаберг, как узнал, что волкенштейнский амтман оказался вынужденным освободить пленных и что вместе с крестьянами там действовали люди из Волкенштейна и Мариенберга, «разрушавшие все вокруг». Поэтому фон Коспот полагал необходимым прислать туда конницу, так как, по его мнению, пехота в сложившихся условиях была ненадежна [53].

Из донесения волкенштейнского амтмана Бальтазара фон Вейденбаха можно составить себе представление о причинах, побудивших его отпустить пленных, а также о том, почему пехота считалась недостаточно надежной в этих местах. Сообщая подробности штурма Мильденау и о предпринятых им и фон Коспотом мерах защиты, фон Вейденбах пишет о своем разочаровании мариенбержцами, которых он считал особенно преданными герцогу. На его призыв помочь «в отражении неприятеля» действительно пришло несколько сот мариенбержцев, однако эти люди «доставляли гораздо больше забот и возни, внушали больше страха, чем сами неприятели, и стоило большого труда заставить мариенбержцев вернуться обратно» [54]. Фон Вейденбах пишет далее о том, что выявляются новые очаги волнений и он опасается событий, которые могут произойти в ближайшую ночь, но несмотря на это, он ни в коем случае не станет выступать с этим непокорным народом, от которого он ничего хорошего не ожидает. Он не может тронуться с места еще и потому, что не останется никого, кто мог бы охранять интересы герцога от грозящей им опасности здесь, в Волкенштейне.

Таким образом, впечатление, произведенное на высших должностных лиц Саксонского герцогства проявлением сочувствия по отношению к крестьянам и выражением готовности действовать вместе с ними со стороны населения горных городов вопреки воле магистратов и старейшин, было очень велико. О выявившихся в Мариенберге, Волкенштейне и в ближайших к ним районах сторонниках восставших крестьян Бальтазар фон Вейденбах сообщал герцогу Генриху и одновременно амтману герцога Георга фон Коспоту, который в свою очередь написал 17 и 18 мая герцогу Иоганну о том, что полученные от волкенштейнского амтмана сведения внушают ему серьезную тревогу за положение в Аннаберге, где также есть сторонники восстания. Фон Коспот воспроизводит, в частности, сообщение об участии «пустых негодяев» (die lossen puben) из мариенбергского

[53] W. Fuchs. Akten, N 1470, S. 306—307; N 1482, S. 313; N 1496, S. 325; N 1509, S. 334.

[54] Ibid., N 1452, S. 291.

кнаппства во вторжениях восставших в деревни рыцаря Георга фон Бербисдорфа и в разгроме церквей, а также о выраженном ими намерении идти на Шелленберг и Эппендорф. О характере совместных вторжений мариенбержцев и крестьян во владения фон Бербисдорфа можно получить представление из производившихся позднее судебных расследований. В конце января 1526 г. фон Бербисдорф писал герцогу Георгу о событиях в его владениях в мае предыдущего года и просил герцога не выпускать из-под ареста мариенбергских забойщиков Кандлера и Хундесхаута, которые в дни восстания призывали его крестьян из Цеблитца (восточнее Мариенберга) присоединиться к крестьянскому войску. Эти же забойщики потребовали от священника цеблитской церкви исполнения мессы и таинства крещения на немецком языке. Когда же священник отказался сделать это без разрешения господина, названные забойщики заявили, что они посланы сюда крестьянским отрядом, занявшим монастырь Грюнхайн. В то же время другие лица из общины Цеблитц требовали от судьи созыва собрания крестьян двух деревень — Цеблитца и Нейезорге — и судья был вынужден удалиться оттуда[55].

Узнав о революционных действиях мариенбергских горняков и их связях с крестьянскими отрядами, фон Коспот установил слежку в других горных районах и распорядился, чтобы участникам волнений не предоставлялось выгодных условий на промыслах. Об этих мерах фон Коспот сообщил герцогу Иоганну младшему 19 мая. Через два дня во всем Рудногорном районе стало известно о вспыхнувшем 20 мая на серебрянорудных промыслах у чешского города Яхимова восстании и об оживленной реакции на него населения Саксонии. Волкенштейнский амтман написал 21 мая герцогу Генриху, что наряду с подготовкой военных мер необходимо позаботиться о поощрении лояльных элементов, а также об уступках крестьянам в горных районах[56].

Яхимовское восстание в мае 1525 г. привело к оживлению оппозиционного движения в Саксонии, способствовало выявлению его тенденций и движущих сил, в частности, тактики его радикального направления. На этом восстании и его откликах в саксонских горных районах необходимо остановиться подробнее.

Чешский город Яхимов (Иоахимсталь) был основан в 1516 г. после того, как в долине, называвшейся раньше Конрадсгрюн, были открыты богатые залежи серебряной руды. До этого, как сообщает хронист Яхимова проповедник Матезиус, в этой долине производили свои поиски жители саксонской земли Мейсен и района Северо-Западной Чехии Шлаккенверд. Регальные права на эту местность, в том числе и на недра земли, принадлежали

[55] Ibid., N 1987, S. 782.
[56] Ibid., N 1524, S. 341—342.

графам Шликкам, которые были тесно связаны с герцогским саксонским домом: в 1471 г. Шликки отделились от Чехии, отдавшись под покровительство саксонских герцогов. Однако в 1505 г. под нажимом других чешских землевладельцев, грозивших им войной, Шликки вместе с их владениями вновь отдались чешской короне[57]. Тем не менее владения Шликков в Северо-Западной Чехии оставались связанными с Саксонией не только экономически, не только общим порядком организации горного дела, но в известном смысле и политически. Ярким примером этой связи стал горный город Иоахимсталь и его серебряно-рудные разработки. Быстро заселившее его население — рабочие-горняки, участники-предприниматели и должностные лица — в значительной части прибывало сюда из саксонских горных районов. Характерно, что Георгий Агрикола считал Иоахимсталь, как и другие города Рудногорного района, вместе с Шнеебергом и Аннабергом, типичным образцом нового, бурно растущего горного города[58]. Когда в 1518 г., т. е. меньше, чем через два года после основания города, горняки Яхимова восстали, недовольные режимом на разработках и деятельностью должностных лиц, они отправились в саксонский город Бухгольц[59]. Результатом этого восстания было то, что регальный господин Яхимова Стефан Шликк поручил своему хауптману Кёнерицу сформировать комиссию из представителей общины и книпп-ства для выработки горного устава. Фактически же Стефан Шликк в качестве регального господина всей местности дал этой комиссии за образец Аннабергский горный устав 1509 г., состоящий из 103 параграфов. За исключением первого вводного параграфа этот наиболее полный и типичный саксонский горный устав вошел почти текстуально в Яхимовский горный устав 1518 г. К нему прибавлено было только три новых параграфа[60].

Связь графов Шликков с саксонскими герцогами выражалась не только во введении в Яхимове саксонского горного права. Длительный семейный спор между представителями рода Шликков по вопросу о регальных доходах с яхимовских рудников был разрешен в 1520 г. приговором третейского суда саксонских герцогов[61].

---

[57] G. K. Sternberg. Umrisse einer Geschichte der Böhmischen Bergwerke. Erster Band. Prag, 1836, S. 319—321.

[58] G. Agricola. Bermannus oder über den Bergbau. Berlin, 1955, S. 76—77.

[59] Johann Mathesius. Chronica, Jarzal 1518; «DZ erste aufstehen der Bergkleut, da sie ins Buchholtz gezoge am tag Margarete». Joachimsthal, 1562.

[60] G. K. Sternberg. Umrisse einer Geschichte... Bd. 2. Prag, 1838, § 17, S. 197—226. Аннабергский горный устав 1509 г. См. Freiberger Urkundenbuch, Bd. 11, S. 503—523.

[61] G. K. Sternberg. Umrisse einer Geschichte..., Bd, 1, S. 321—322; W. Weizsäcker. Sächsisches Bergrecht in Böhmen. Reichenberg, 1929, S. 29. Разбор дел по этому семейному спору графов Шликков содержится в Thüringisches Landesarchiv. Weimer. Reg. T 1555, Bl. I[a] — II[b].

Подробности и характер первого восстания яхимовских горняков в 1518 г. неизвестны. Введение сразу после восстания подробного горного устава позволяет заключить, что восстание явилось результатом недовольства характером управления горными предприятиями и злоупотреблениями должностных лиц. Столь же мало известно и о втором восстании горняков Яхимова в 1523 г.[62] Однако есть основание предположить, что движение на яхимовских разработках в эти годы было связано с интенсивным реформационным движением. Заслуживает внимания то обстоятельство, что в 1521 г. стремился перенести свою деятельность в Яхимов цвиккауский проповедник, противник Мюнцера Иоанн Вильденауэр (он же Эгран). Чехословацкий ученый, ныне покойный, профессор Пражского университета Вацлав Гуса в своем исследовании «Томас Мюнцер и Чехия» показывает, что Мюнцер, еще будучи в Цвиккау, знал о наличии в Яхимове благоприятной почвы для пропаганды реформационных идей и о том, что Эгран собирается переселиться в Яхимов и занять там должность проповедника. Во время своего пребывания в чешском городе Жатце Мюнцер, как заключает В. Гуса из письма Эграна Лютеру от 18 мая 1521 г., стремился ослабить влияние Эграна в Яхимове[63].

Для понимания характера этой намечавшейся в Яхимове борьбы между Мюнцером и Эграном имеет значение документ, написанный рукою Мюнцера и озаглавленный «Propositiones probi viri d. Egrani»[64]. Этот документ («Положения») содержит записанные рукою Мюнцера тезисы, которые Эрган подготовил для выступления в Яхимове против него, Мюнцера. Заключительная фраза «Положений» гласит: «Эти положения я буду отстаивать против всех и главным образом против осла Томаса Мюнцера в Иоахимстале»[65]. Неизвестно, насколько данная запись Мюнцера соответствует тексту самого Эграна. В специальной литературе по этому вопросу высказываются разные точки зрения. По мнению В. Гуса, уже беглый взгляд на эти тезисы убеждает в том, что они не могли быть отредактированы самим Эграном. Издатели переписки Мюнцера Бёмер и Кирн полагают, что текст был написан Эграном в Цвиккау еще до того, как он отправился в Яхимов, т. е. до 16 апреля 1521 г. Однако издатели светофотокопий архивных документов Мюнцера в Лейпциге сопровождают эти утверждения Бёмера и Кирна вопросительными знаками и немецким заголовком «Приписанные Эграну

---

[62] J. Mathesius. Chronica, Jarzal 1523.— «Das ander auffstehe da man auff de Türckner getzogen».

[63] V. Husa. Tomáš Müntzer a Čechy.— «Rozpravy československé Akademie ved.». Ročnik, 67. Praha, 1957, str. 53.

[64] Th. Müntzers Briefwechsel, Lichtdrucke, Tafel 50.

[65] Ibidem.— «Hec axiomata disputabo contra universum mundum et precipue contra asinum Tomam Munczer in valle S. Joachim».

положения» (Angebliche Propositionen des Egranus) [66]. Рассматривая «Положения» в своей книге о Мюнцере, автор этих строк исходил из того, что решение данного вопроса очень важно для выяснения мировоззрения Эграна, который стремился сочетать взгляды Лютера и Эразма Роттердамского, но что независимо от этого данные «Положения», записанные Мюнцером как контртезисы к его собственному учению, могут быть привлечены в качестве надежного источника для уточнения взглядов самого Мюнцера и для выяснения главных пунктов его расхождений с Эграном [67]. Эта оценка «Положений» соответствует в основном мнению о значении этого источника, высказанному в 1927 г. Вольфгангом Метцгером [68].

Для нас в данном случае важен именно вопрос о том, что являлось основным предметом борьбы между Мюнцером и Эграном в Яхимове, когда каждый из них старался привлечь на свою сторону волновавшееся население близлежащего нового горного города. Не останавливаясь подробно на вопросе об отношении Эграна к Лютеру и его учению, здесь необходимо подчеркнуть, что в борьбе против Мюнцера Эран использовал некоторые основные положения Лютера. Это прежде всего понимание веры и формулы «оправдание верой». Эран отстаивает положение о том, что «оправдание» дается человеку не его внутренней нравственностью и не его активной деятельностью по устранению зла, а богом, «верой», являющейся потусторонней силой, т. е. даром божиим, и что для получения этого «дара божия» достаточно смирения человека [69]. Основным же тезисом Мюнцера, который он пропагандировал в Чехии и который он отстаивал против Эграна, был тезис о деятельной, «опытной» вере. Этот же тезис, направленный против «книжников», является главной идеей и известного мюнцеровского «Пражского воззвания». Эран выступал также против учения Мюнцера о божественном «откровении», проявляющемся в разуме совершенного человека, против сближения разума и веры и понимания разумом внутреннего смысла «священного писания» [70].

[66] V. Husa. Tomáš Müntzer a Čechy, str. 53—54; «Thomas Müntzers Briefwechsel. Hrsg. v. Böhmer und Kirn». Leipzig u. Berlin, 1931 (далее — «Briefwechsel»).

[67] М. М. Смирин. Народная реформация..., стр. 91—93, 98—100.

[68] См. V. Husa. Tomáš Müntzer a Čechy, str. 54, Anm. 175.

[69] «Briefwechsel», Anhang 4: «2 χριστός non venit in mundum, ut nos passiones nostras doceret pacienter ferre et sequi sic vestigia eius, sed passus est, ut nos securissimi simus sine omni amaritudine... 6. Remissio peccatorum fit sine omni pena; nam sufficit contritio cordis, que etiam fit in latronibus... 7. Nulla est experientia fidei in mundo, nisi que habetur in libris. Unde nec layci nec indocti quamvis satis temptati possunt de fide iudicare, sed omne iuditium expectat infulatos inexpertissimos».

[70] Ibidem.— «...9. Novum testamentum non debet aliter intelligi quam litera sonuerit... 21. Soli apostoli habuerunt spiritum sanctum. Nec fuit necessarius aliis hominibus, quia ecclesia satis stabilita est per labores apostolorum. 22.

Борьба, которую Мюнцер энергично вел в Яхимове против Эграна, борьба за «деятельную и активную» веру, не была в 1521 г. случайной для Мюнцера. Не менее энергично Мюнцер отстаивал эти идеи в «Пражском воззвании», направленном против «книжников» (Schriftgelehrten), проповедующих созерцательную веру и пассивную Библию (mit der unerfahren biblien). «Избранным» в «Воззвании» объявляется только тот, который постигает «бога в действии» (got in erfarunge). Это постижение рассматривается в «Воззвании» как результат божественного «откровения» в «раскрытом разуме» людей (wan den menschen ore vernunft wyrt eröffnet).

«Пражское воззвание» составлено было в том же 1521 г. К марту 1522 г. относится письмо Мюнцера к Меланхтону, в котором подчеркивается, что он, Мюнцер, является противником получения «готового бога» из книг и поэтому, принимая и одобряя формулы лютеровской реформации, он понимает их не в духе «нежных ученых книжников», не как призыв к смирению и созерцательной внутренней религиозности, а совершенно иначе: как призыв к активной деятельности людей в мире[71]. Проводимая Мюнцером накануне и в период его пребывания в Чехии борьба против книжников была борьбой за новое понимание реформации. В этом плане и следует понимать его полемику с Эграном, для ведения которой он отправился в Чехию. В исследовании Вацлава Гусы прослеживается два этапа пребывания Мюнцера в Чехии и его подготовка к этой поездке. В конце апреля или в начале мая 1521 г. Мюнцер уже находился в Жатце (Северо-Западная Чехия), являвшемся со времен гуситов одним из важнейших центров радикально-еретических течений и поддерживавшем в XV—XVI вв. тесные отношения с оппозиционными кругами в Германии (вальденсами). В первой половине июня Мюнцер на короткое время прервал свое пребывание в Чехии. Из его переписки в эти дни видно, что он тогда находился в смежном с Северо-Западной Чехией районе Плауэна в Саксонии. Как показал В. Гуса, этот кратковременный перерыв нужен был Мюнцеру для подготовки приезда в Прагу, чему он придавал важное значение в интересах своего великого дела. Мюнцер намеревался взять с собою в Прагу некоторых близких сторонников, но, по-видимому, это ему не удалось, так как при вторичной поездке в Чехию 16 июня его сопровождал только Марк Штюбнер[72]. Современники считали Штюбнера главным деятелем цвиккауского движения, руководимого Мюнцером и

In mille annis nullus hominum habuit spiritum sanctum nec ecclessia regitur per eum».

[71] Подробный разбор «Пражского воззвания» и письма Мюнцера к Меланхтону от марта 1522 г. см. в кн.: М. М. Смирин. Народная реформация..., стр. 88—90, 97, 99—101.

[72] V. Husa. Tomáš Müntzer a Čechy, str. 55—56.

Шторхом. Видный почитатель Меланхтона Иоахим Камерарий сообщал о том, что уже в первой половине 1521 г. Штюбнер разошелся с Меланхтоном и Лютером из-за их книжного и созерцательного понимания реформации, отстаивая, таким образом, те же идеи, которые отстаивал Мюнцер в «Пражском воззвании» и в приведенном письме Меланхтону[73].

Мюнцер и его сторонники стремились развернуть в Чехии широкую пропаганду своего нового понимания реформации. В Чехии речь шла тогда о политическом движении, направленном против состоявшегося избрания германским императором Карла Габсбурга. Мюнцер надеялся, что эта обстановка и таборитские традиции в чешском народе создадут благоприятную почву для его пропаганды, что ему и его сторонникам удастся направить чешскую реформацию по пути активной политической борьбы[74]. Интересно отметить, что Мюнцер старался завязать в Чехии связи с оппозиционными элементами из различных слоев населения, в том числе и с оппозиционным дворянством[75].

В этой связи приобретает особый интерес то, что на пути в Прагу Мюнцер и Штюбнер задержались в Яхимове, где повели энергичную борьбу против проповедовавшего там Эграна. О результате пропаганды Мюнцера в Яхимове можно судить по тому, что, согласно признанию самого Эграна и по свидетельству автора Иоахимстальской хроники Матезиуса, Эгран вынужден был покинуть Яхимов главным образом «из-за критиков и опасных диспутов». С пребыванием и деятельностью Мюнцера в Яхимове В. Гуса связывает и арест в этом городе шести человек, обвиненных в подготовке восстания[76]. Нет сомнений в том, что Мюнцер рассматривал свою пропаганду идеи «деятельной веры» в чешском горном городе, тесно примыкавшем к богатейшим горным разработкам Саксонии, как важный момент в осуществлении его общих планов относительно Чехии. Эти планы заключались в том, чтобы связать чешскую реформацию с происходившей там политической борьбой. Мюнцер надеялся, что это будет способствовать подъему антикняжеской борьбы и усилению позиций революционных течений реформационного движения в самой Германии. Поэтому вопрос о направлении реформационного движения в смежных горных районах Саксонии и Чехии сделался весьма важным как для Мюнцера и его сторонников, так и для его противников.

О том, что деятельность Мюнцера в Яхимове не прошла бесследно, видно из того, что о ней заговорили в мае 1525 г., когда

[73] М. Смирин. Народная реформация..., стр. 77—78.
[74] Там же, стр. 81—83.
[75] F. Palacky. Geschichte von Böhmen, Bd. V, Abt. 2. Prag. 1867. S. 387, ff., 404—412, 425 ff., 440—442.
[76] V. Husa. Tomáš Müntzer a Čechy, str. 57, 115.

там начались волнения горняков, завершившиеся крупным восстанием. В это время саксонские герцоги были крайне встревожены крестьянской войной, развернувшейся в их собственных землях. Герцог Иоганн младший получил 10 мая донесение от аннабергского магистрата о том, что монастырь Грюнхайн «занят и разграблен крепостными крестьянами и людьми аббата этого монастыря», причем все монахи были изгнаны. В этой операции участвовало 300 человек из Грюнхайна, Цвенитца и других деревень[77]. По поручению герцога Георга его должностные лица еще раньше установили наблюдение за настроениями и действиями крестьян из Цвиккау, Шнеберга, Геры и Альтенбурга[78]. Сын герцога Георга Иоганн получил 11 мая донесение о том, что в районе Геры 8 тыс. восставших крестьян активно выступили против местных и территориальных властей. Они заставили власти города Геры и дворянство этого района соблюдать все вольности, данные императором и сословными собраниями[79]. Само собою разумеется, что эти по существу политические требования представлялись саксонским герцогам чрезвычайно опасными для княжеской власти. Ввиду этого фон Коспот, не дожидаясь распоряжения Георга, счел необходимым выяснить настроения горного кнаппства и его отношение к восставшим крестьянам. Добытые им сведения представлялись ему успокоительными. Руководители кнаппства заверяли его в верности герцогам и в своей готовности оказывать им помощь против крестьян. Однако особую тревогу в этой связи вызвали у Коспота известия о брожении, начавшемся в Яхимове среди горняков[80]. Днем позже курфюрст Иоганн получил донесение из Бухгольца. Горный фогт Пуш сообщал подробности о действиях крестьян против Грюнхайна, о бегстве аббата и занятии этого монастыря крестьянами, а также о солидарных с крестьянами действиях бюргеров Бухгольца, Шварценберга и других городов. Горный фогт заверял курфюрста в том, что сделал все возможное для успокоения горожан и добился уже некоторых успехов, но высказывал серьезные опасения в связи с известием о готовящемся восстании забойщиков в Яхимове, которое «ни к чему хорошему не приведет»[81]. В донесениях Коспота и Пуша выражено беспокойство, что волнения, назревавшие в Яхимове, окажут влияние на настроение населения саксонских рудногорных городов. Современники имели основания связывать развернувшиеся в Рудных горах революционные действия крестьян

[77] W. Fuchs. Akten, N 1410, S. 265.
[78] Ibid., N 1379, S. 243.
[79] Ibid., N 1414, S. 267.
[80] Ibid., S. 268. — «In Sant Jochemstal ist auch ein murmelung. Da besorge ich mich am meisten vor».
[81] Ibid., N 1426, S. 276. — «Ich bin auch vorstendiget aus etzlichen, das die bergheuer in Sant Joahimmstal wolln auch ein aufstehen machen... es werde nichts gutes daraus».

против замков и монастырей, а также революционную пропаганду в Яхимове в мае 1525 г. с активизацией мюнцеровской пропаганды в Средней Германии в начале мая 1525 г. и считать, что яхимовские события означают попытку революционной партии приступить к реализации широкой программы, возвещенной Мюнцером в 1521 г.[82] Интересно в этой связи обращение графа Стефана Шликка к герцогу Георгу от 30 мая 1925 г., в котором регальный владетель Яхимова выражает свою радость по поводу победы князей над Мюнцером и просит саксонского герцога специально допросить пойманного руководителя восставших о его причастности к восстанию яхимовских горняков. Хотя вспыхнувшее в Яхимове восстание закончилось уже к тому времени соглашением, Стефан Шликк был чрезвычайно обеспокоен его характером и предпосылками. Поступающие к нему с каждым днем все новые и новые сведения убеждали его в том, что яхимовское восстание было связано с борьбой против князей в Германии. В то время, когда готовился поход князей на Франкенхаузен и Мюльхаузен, «враги князей, чтобы раскалоть их силы, решили зажечь огонь здесь, в Яхимове, в расчете на то, что это облегчит им осуществление их злонамеренных планов». Стефан Шликк пишет дальше, что к восставшим горнякам в Яхимове присоединились многие крестьянские общины Чехии. Все это подтверждает обоснованность его тревоги по поводу того, что все восстание было организовано проповедниками, связанными с Томасом Мюнцером, т. е. проповедниками реформации в революционном духе. И далее Шликк, не знавший о состоявшейся уже казни Мюнцера, убедительно просит добиться от арестованного Мюнцера показаний о том, «были ли с ним связаны также некоторые иоахимстальские проповедники, как я (т. е. Шликк.— *М. С.*) имею основания предполагать»[83].

---

[82] O. Hue. Die Bergarbeiter, Bd. I. Stuttgart, 1910, S. 310; S. Sieber. Die Teilnahme erzgebirgischer Bergleute an Bauerkrieg 1525.— «Freiberger Forschungshefte», D 11, «Bergbau und Bergleute». Berlin, 1955, S. 97.

[83] F. Gess. Akten und Briefe, N 1007, S. 256.— «Ich komme aber von tage zu tage in ferner irkundung, das sollich fürnemen aus sunderlichem fürsatz furgenomen, der gestalt unter andern dieweil E. F. G. des furhabens gein Francknhaussen und Mulhaussen, das man hie am ort auch ein feuer hat anzünden sollen, damit eine zuertrennung im furstentum erfolgen möchte und so viel meher iren mutwillen allerseits zu gebrauchen. Es haben sich auch an die Thaler vil pauerschalft, als meiner bruder und meyn, unser vettern, der gleichen die Vitztumisen und andere meher geschlagen, doraus so vil meher zu vermuten und besorg, das solliches von den predigern am meisten darflesset. Dieweil nun E. F. G. den frommen man Thomas Müntzer Gefenklich haben... ist meyn bitt, E. F. G. wolten sich bei ime irkunden laessen, ap er auch bey etzlichen predigern im Thall eynen vorstant gehapt». В модернизированной транскрипции этот документ опубликован у Зейдеманн. (J. K. Seidemann. Die Unruhen im Erzgebirge während des deutschen Bauernkriegs.— «Abhandlungen der Historischen Klasse der königlich Bayrischen Akademie d. Wissenschaften», Bd. X, Abt. I. München, 1865, S. 180—181).

Опубликовавший этот документ Зейдеман замечает по поводу письма Стефана Шликка, что его мотивы исторически совершенно не обоснованы. Однако в свете того, что нам теперь известно как о деятельности Мюнцера в Яхимове и его борьбе там за революционное понимание реформационных идей, так и о широких планах Мюнцера, связанных с поездкой в Чехию, о его расчетах на активность горного населения и стремлении к распространению революционной пропаганды среди различных его слоев,— в свете всего этого письмо С. Шликка от 30 мая 1525 г. не должно вызывать удивления. В деятельности сторонников Мюнцера Шликк усматривал свидетельство связи яхимовского восстания с саксонско-тюрингенским этапом немецкой Крестьянской войны, а это внушало ему тревогу по поводу характера восстания и неуверенность в прочности мирного урегулирования конфликта. Его подозрения вызывала и причастность к восстанию в Яхимове различных слоев горного населения, недовольных регальной монополией и регальным режимом на промыслах.

Яхимовское восстание 20 мая 1525 г. не может рассматриваться как восстание только горнорабочих. Историки, занимавшиеся изучением этого восстания, обратили внимание на то, что предъявленные восставшими 17 статей, а также статьи заключенного затем соглашения с графами Шликками выражают интересы не столько наемных горнорабочих, сколько участников горных товариществ (Gewerken). Гю приходит к заключению, что в восстании участвовали и горнорабочие и участники-предприниматели и что общей целью этих социальных групп была борьба против обманов и злоупотреблений должностных лиц горной администрации [84]. Зибер выражает удивление по поводу того, что в 17 статьях восставших вообще отсутствуют такие специфические требования горнорабочих, как повышение заработной платы, сокращение рабочего времени, обеспечение больных рабочих и т. п. Останавливаясь на описании лагеря восставших в донесении одного штейгера, Зибер указывает, что восстание было делом организованного кнаппства, причем его основная масса не отделялась по существу от участников горных товариществ, к которым они, по его мнению, продолжали себя причислять, но что в лагере были также кнехты и подсобные рабочие, державшиеся отдельно [85].

Однако ни Гю, ни Зибер не дают удовлетворительного объяснения того, почему в 17 статьях вопросы наемного труда игнорируются полностью. Этот вопрос требует ответа и в том случае, если (как считает Гю) наемные рабочие составляли часть восставших, и в том случае, если (как утверждает Зибер)

[84] O. Hue. Die Bergarbeiter, Bd. 1. S. 312.
[85] S. Sieber. Die Teilnahme..., S. 99.

восставшие кнаппы, работая по найму, были в то же время участниками горных предприятий.

Очевидно, что как для правильного решения данного и других вопросов, касающихся движений населения Рудных гор, так и для понимания относящихся сюда документов необходимо прежде всего исходить из общей связи этого движения с революционными событиями немецкой Крестьянской войны. Уже само количество вооруженных сил в яхимовском лагере свидетельствует об участии в нем многих людей из других мест. Население Яхимова насчитывало тогда 13 тыс. человек. Между тем, как следует из донесения саксонского амтмана Бастиана фон Котерича курфюрсту Иоганну, в лагере находилось 10 тыс. человек, вооруженных длинными копьями, панцирями и прочим обычным для того времени оружием; кроме того, вокруг лагеря собралось «около 7000 черни (gepoffel) без панцирей и оружия с одними только шахтными кирками и топориками» и «более 1200 горных бродяг»[86]. Таким образом, число людей в самом яхимовском лагере и около него значительно превышало количество взрослого мужского населения горного города. Донесение Котерича датировано 13 июня, т. е. спустя две недели после прекращения восстания. Содержащиеся в нем данные характеризуют положение в этом лагере перед его роспуском. Поэтому интересно сопоставить с ним данные о первом дне восстания, приводимые Штернбергом на основании архивных материалов Чешского музея. Восстание началось с того, что участники его собрались на рыночной площади, разорили замок и ратушу, захватили в плен бургомистра Тиксона, увезли его на горные промыслы и там заставили капитулировать. Затем были уничтожены все документы и грамоты о привилегиях и т. п. Узнав об этом, граф Стефан Шликк прибыл из Шлаккенверда с 300 пехотинцами и несколькими всадниками, но увидев, что число восставших превышает 3 тыс. человек, вернулся домой[87].

Очевидно, что упомянутые здесь три с лишним тысячи человек — это яхимовцы, которые начали восстание, причем в течение последующих дней лагерь восставших стал значительно больше. Бурный рост рядов повстанцев явился результатом энергичной революционной пропаганды как внутри города, так и главным образом вне его, в близлежащих горных городах Саксонии, в городах Северо-Западной Чехии и среди немецких крестьян. В ночь с 23 на 24 мая тайный агент Коспота кабатчик Вольф Клюге сообщал, что представители восставшего кнапп-

[86] W. Fuchs. Akten, N 1659, S. 474.— «...das die Knabschaft im Tale fur 3 Wochen sich 10 000 werehaftiger manne stark mit irem harnasch, geschutze, langen spiessen etc. vorsamelt und ein leger geslagen, daruber bis in 7000 stark gepoffel und nicht mit harnasch oder were den alleine grubenbeile, barten nebin dem lager umbhere sich vorsamelt und ubir 1200 bergbuben».

[87] K. Sternberg. Umrisse einer Geschichte..., Bd. I, S. 325.

ства обходят все дома и заставляют хозяев и гостей давать присягу верности их лагерю. Самому осведомителю предложено было покинуть город в том случае, если он не согласен дать такую присягу. Этот же Клюге сообщал также, что Шликки собирают силы в Шлаккенверде и что, по его сведениям, яхимовское кнаппство намерено совершить туда поход и обратилось за помощью ко всем горным городам и местечкам. Коспот полагал поэтому, что саксонские герцоги должны в свою очередь обратиться ко всем горным городам и местечкам с предупреждением, так как некоторые города, в частности, Бухгольц, население которого находится в состоянии брожения, могут присоединиться к восставшим яхимовцам [88].

Еще более яркие сведения о саксонских связях яхимовских повстанцев можно получить из показаний их сторонников, арестованных в Саксонии. 10 июля состоялся первый допрос Вольфа Гефтеля (родом из Бухгольца), который стал известен как «вожак и капитан» горных кнаппов в Мариенберге. Во время Крестьянской войны он был предводителем крестьянского отряда у Гейленау. Гефтель был одним из тех вожаков горнорабочих, которые призывали к тесному сотрудничеству с революционными крестьянами. При этом его планы союза горняков и крестьян не носили узкоместного характера: он действовал не только в Мариенберге, не только среди руководимых им крестьян гейленауского отряда, а разъезжал по Рудным горам, развив особенно энергичную деятельность после начала восстания в Яхимове. На первом допросе Гефтель заявил, что движение, к которому он добровольно примкнул, ставило своей целью «изгнание властей и знати с их насиженных мест» [89] и что он был связан с крестьянами, занявшими и разорившими Мильденау и совершавшими другие враждебные действия против духовенства. На допросе у него добивались признания в том, что ему известна организация, которая вела враждебные действия против саксонского герцогского дома. Он уклончиво ответил, что если бы ему были известны такие действия, то он заявил бы об этом, и просил «дать ему возможность отвечать за это перед богом». Несмотря на применение пыток, допрашивавшим не удалось заставить его назвать тех, кто действовал непосредственно против саксонского дома, он ограничился общим заявлением о планах изгнания властей и отверг обвинения в насилиях над женщинами, якобы совершавшихся его сторонниками [90].

На втором допросе, состоявшемся 12 июля, Гефтель показал, что приводил крестьян к присяге на верность общему делу и при-

[88] W. Fuchs. Akten, N 1553, S. 362.

[89] Ibid., N 1757, S. 571.— «...haben den edelleuten die sitze wollen stürmen und m. g. h. in das land fallen. Sein eigner freier wille habe ine darzu vorursacht. Aus seinem mutwillen haben sie die obrigkeit vortreiben wollen».

[90] Ibid., S. 571—572.

зывал горные города оказывать восставшим яхимовцам помощь продовольствием и вооружением и помогать им также в борьбе против предателей. Свою агитационную деятельность в пользу яхимовских повстанцев Гефтель проводил в пограничных саксонско-чешских горных городах. В чешском городе Крупке (Graupen) ему обещали поддерживать яхимовское восстание, не жалея жизни и имущества. Против отдельных лиц, которые бежали к господам, Гефтель советовал принять репрессивные меры, продавая их имущество, «чтобы показать им, что община может сделать». Дальше он показал, что его сторонники в Яхимове получили ответы из Крупки и других горных городов, что «по справедливости горные промыслы должны стоять друг за друга»[91]. Осматривая яхимовский лагерь, Гефтель узнал, что один старый человек бежал оттуда в Крупку и обратился с письмами в магистрат Яхимова. Тогда Гефтель направил яхимовскому магистрату предупреждение о недопустимости подобных связей, одновременно ставя его в известность о своей переписке с саксонскими городами, направленной в поддержку Яхимова. Так, он обещал помощь саксонскому городу Гейеру, если там будет поднято восстание, сговорился с одним аннабергским купцом о поставке в яхимовский лагерь хлеба и пива за деньги и т. п. Такова была широкая и разносторонняя деятельность Гефтеля по организации материальной и моральной помощи восставшим у Яхимова со стороны других горных городов Северо-Западной Чехии и Саксонии.

На втором допросе Гефтеля было определенно установлено наличие «злонамеренного общества», которое действовало вместе с ним[92]. Один из членов этого «злонамеренного общества» Андрес Цинер был допрошен одновременно с Гефтелем. Цинер также относился к числу тех вожаков мариенбергского кнаппства, которые во время крестьянской войны вели революционную пропаганду в горных городах Саксонии и Чехии и помогали крестьянам формулировать их требования и намечать планы действий. В саксонском горном городе Волкенштейне Цинер вербовал сторонников в среде бюргерства. Цинер составил программу изгнания знати и похода против монастырей для крестьян, занявших Мильденау, а также для волновавшихся крестьян в районе чешского города Локет (владения Шликков — Элленбоген). При

[91] W. Fuchs. Akten, N 1757, S. 572. «...habe ezlichen in Thayl als wider Zugendorff, sein bruder und knecht, er wolle auf die Grauppen und ander bergsteet mehr und horen, ap sie ime beistehen wollen, antwort gefallen, nit unpillich, das ein bergwerg bei dem andern stehet».

[92] Ibidem.— «Hat auch ein brief den vom Geyer geschrieben, in irem ufstehen inen, so es von notten, sampt den pauern beistand zu leisten. Mit Digken Fellewalt uf Sant Annaperge hat er geret, der ime zugesagt, ein fuder brot und 20 fas bier in Thayl zu schigken, doch das ime bezalten... Summa es hat ine sein freier wille, wie er sagt, zu diesem beginnen forfurt, darnach seine böse gesellschaft Klein Hensel, der koch, Zyner und Georg Nigkschalh».

этом, как записано в протоколе допроса, «он заявил, что агитировал по всем направлениям и перешел бы от слов к делу, если бы до этого дошло»[93].

Материалы допросов в Аннаберге знакомят нас и с другими лицами, которые действовали в пользу яхимовских повстанцев и по их поручению. Допрошенный 17 июля Томас Зейдель показал, что он действительно беседовал с восставшими крестьянами у Борны, но уверял, что не был связан с ними. Отправляясь в Лейпциг на пасхальную ярмарку вместе с несколькими попутчиками, среди которых был Хольцбок из Яхимова, он и его спутники были встречены у Борны конными и вооруженными крестьянами. Чтобы избавиться от крестьян, заявил Зейдель, они заверили их в полном своем единодушии с повстанцами и в подтверждение показали на рукавах значки — изображение цепа и колосьев. Затем Зейдель, по его словам, «ускользнул» от крестьян, в то время как яхимовцы вели с ними более серьезные переговоры[94].

Нетрудно видеть, что это показание Зейделя противоречиво, так как он не смог объяснить, каким образом у него и его спутников оказались упомянутые им значки. Вторично Зейдель был допрошен 31 июля амтманом герцога Георга, предъявившим ему свидетельствовавшие против него показания аннабергского бергмейстера и одного из аннабергских старейшин. Согласно этим показаниям, Зейдель, действуя от имени яхимовского кнаппства, добивался в Аннаберге посылки вооружения для яхимовского лагеря. У Борны он призывал крестьян не отступать от своих требований. Встретив на дороге между Аннабергом и Яхимовом осведомителя Косписта Вольфа Клюге, Зейдель строго потребовал объяснений по поводу цели его путешествия в Яхимов, назвал его предателем и пригрозил заколоть копьем. Аннабергский бергмейстер показал также, что Зейдель выражал возмущение по поводу репрессий, применяемых князьями и господами к крестьянам, и назвал карателя Эриста фон Шонбурга, действовавшего по приказанию герцога Георга, тираном. Кроме того, Зейдель беседовал о восстании с забойщиками на некоторых аннабергских промыслах[95].

В своих объяснениях по поводу изобличающих его показаний аннабержцев Томас Зейдель признал, что он был «завлечен» (bestrigkt) яхимовскими повстанцами и пошел на это с целью спасти свое имущество в Яхимове, не будучи к тому же связанным присягой ни герцогу Георгу, ни аннабергскому магистрату[96]. Он согласился, что действительно агитировал за предо-

[93] Ibid., S. 573.— «Sagt, sei hinden und forne mit den worten gewest und hette es auch mit den werken wollen, wan es darzu komen...»

[94] Ibid., N 1766, S. 579.

[95] Ibid., N 1793, S. 598—599.

[96] Ibid., S. 600.

ставление оружия яхимовцам, но не указывал его количества. Зейдель признал также факт своей беседы с крестьянами у Борны, но при этом указал, что, насколько он помнит, не подстрекал их против знати. Зейдель отрицал, что хотел убить Клюге; по его словам, он только «доверительно» (getreulich) его предупреждал об опасности, грозящей ему со стороны яхимовцев в случае, если он нарушит данную им присягу и обнаружит свою связь с должностными лицами горной администрации. Впадая в противоречие с выдвинутой им версией о своей пассивной и вынужденной роли в качестве представителя яхимовцев, Зейдель далее заявил, что, поскольку он все же дал присягу яхимовцам, ему следовало бы совсем иначе разговаривать с Клюге, но он не сделал этого, потому что Клюге был его соседом[97].

Зибер, упоминающий в своей статье о Зейделе, пишет, что он наверняка не был горняком (offenbar kein Bergmann), но был завербован яхимовцами и действовал от их имени. Из приведенных объяснений Зейделя, однако, вытекает, что он был аннабержцем (соседом Вольфа Клюге), но имел имущество и в Яхимове. Вероятнее всего, это имущество было связано с горным делом — с рудниками или с плавильнями, а сам Зейдель был одним из обладателей куксов в Яхимове. Поэтому он объяснял свое пребывание у Борны деловой поездкой на Лейпцигскую ярмарку. Если это так, то перед нами бюргер саксонского горного города, имевший предпринимательские интересы в Яхимове и активно действовавший в интересах восставших там горняков, добиваясь поставок им оружия из саксонских городов и способствуя их связям с революционным крестьянским лагерем.

Другому допрошенному аннабержцу — Лоренцу Петеру — были предъявлены обвинения, основанные на показаниях трех других аннабержцев — руководителей организации аннабергского кнаппства Пауля Шумана, Грегера Хакера и Освальда Шопса. Хакер показал, что в беседах с ним и на собрании кнаппства в Яхимове Петер выражал свое возмущение действиями заправил, которые произвольно распоряжаются кассой кнаппской организации, ссужают деньги из этой кассы «крупным Гансам», а беднякам отказывают в ссуде даже одного шокка. По словам Хакера, Петер заявлял о необходимости заставить лицемеров, торгующих деньгами кнаппства, вернуть взятые из кассы деньги. К тому же их следует снять с постов и изгнать с горных промыслов или же просто всех изрубить на куски[98]. К этим показаниям Хакера Шуман добавил, что он присутствовал при разговорах с Петером и что ему, Шуману, стоило больших усилий удержать Петера от убийства Хакера. В свою оче-

[97] W. Fuchs. Akten, N 1793, S. 600
[98] Ibid., S. 599.

редь Шопс заявил, что он слышал от Петера «много острых и странных слов» по поводу кнаппской кассы, о чем он тут же сообщил бергмейстеру. Допрашивавшие Петера считали тяжким преступлением не сами по себе его разговоры о непорядках в деле распоряжения кассой, а то, что эти непорядки использовались Петером как обвинительный материал против княжеской администрации, в целях революционной пропаганды.

Сам Лоренц Петер признал факт своего выступления против злоупотреблений в управлении кнаппской кассой, но он отрицал приписываемый его речам характер революционной пропаганды против герцогских властей и настаивал на том, что выступал в защиту простых горожан, которые терпят обиды от обоих борющихся лагерей. Свое выступление Петер аргументировал тем, что «если правители не обратят внимания на существующее положение, то простые люди не будут задерживаться на промыслах, не имея перспектив для себя и своих детей», а их уход в свою очередь приведет к ухудшению самого горного дела [99].

Рассмотренные материалы допросов Гефтеля, Цинера, Зейделя и Петера не только свидетельствуют о тесной связи, которая существовала между восстанием горняков в Яхимове и движением в горных районах Саксонии, но помогают также уяснить важные черты в самом характере всего движения. Прежде всего эти материалы свидетельствуют о расколе в среде кнаппства как в Яхимове, так и в Саксонии между теми, кто стремился к продолжению и углублению борьбы, и теми, кто содействовал ее прекращению [100]. В самом яхимовском лагере оказались противники восстания, которые бежали к Шликкам. Наряду с бергмейстером Рюлинком обвинителями выступали старейшины аннабергского кнаппства Шуман, Хакер и Шопс. О Шумане известно, что он отказал Зейделю в помощи оружием для яхимовского лагеря [101]. Хакер был одним из шести представителей Аннаберга, которые выступили посредниками с целью быстрого прекращения восстания яхимовцев против Шликков [102]. Эти старейшины боролись против революционных яхимовских кнаппов и против тех саксонских горняков, которые стремились организовать помощь яхимовцам, удержать восстание там «в пылающем состоянии» [103] и распространить его на близлежащие районы Саксонии.

---

[99] Ibid., S. 601. «...dass es sehr boss ufm perge werde, und wo die obirkeiten letzlich nicht einsehung haben worden, so werde, sich der gemeine man die lenge ufm perge nicht erhalten konnen, dan sie und ire kinder zu keiner fordernuss kommen».

[100] См. S. Sieber. Die Teilnahme... S. 100, ссылка на кн.: H. Lorenz. Bilder aus Alt-Joachimsthal, 1925, S. 10.

[101] W. Fuchs. Akten, N 1793, S. 598.

[102] Ibid., N 1567, S. 373.

[103] I. K. Seidemann. Die Unruhen..., S. 179.

Переписка магистрата и старейшин кнаппства Аннаберга с герцогом Георгом, а также донесения фон Коспота по поводу яхимовского восстания и его значения для горных районов Саксонии бросают свет на вопрос об основных линиях расхождения в среде яхимовского и саксонского кнаппства. Уже в начале яхимовского восстания высшие должностные лица горной администрации в Аннаберге и старейшины кнаппства обратили внимание герцога Георга на то, что «многие местные и пришлые легкомысленные элементы», поощренные событиями в Яхимове, были готовы поднять восстание и в Аннаберге. Встревоженный этим обстоятельством, бергмейстер созвал 27 мая штейгеров и заявил им, что ввиду большого брожения и недовольства среди горнорабочих и необходимости предотвращения восстания в Аннабергском горном районе каждый штейгер должен спросить своих рабочих, в чем они испытывают нужду или в чем они усматривают злоупотребление. При этом подчеркивалось, что речь идет о таких непорядках, устранение которых зависит от хауптмана и бергмейстера. То же, что зависит от самого герцога, должно быть предоставлено непосредственно ему. Через два дня на всех промыслах были устроены совещания и составлены статьи, содержащие требования горнорабочих.

Тексты этих статей свидетельствуют о стремлении их инициаторов ограничить движение на горных промыслах Саксонии местными конкретными требованиями горнорабочих, не затрагивающими самих основ организации горного дела. Разными группами промыслов были выдвинуты требования об улучшении управления кнаппской кассой и отчетности по ней с тем, чтобы рабочие и бедные горняки могли получать из кассы помощь в случае увечья на работе, болезни или обнищания. В статьях, составленных на промыслах Штейнвальда, говорилось также о том, чтобы касса оказывала помощь состарившимся горнякам и чтобы на средства касс был куплен дом для призрения старых и больных кнаппов. Об этом же говорилось и в статьях с промыслов Клейнриккерсвальде. Для требований, составленных по инициативе герцогской администрации, характерна направленность против участников-предпринимателей. Кнаппство группы промыслов Клейнриккерсвальде требовало в одной из статей вменить в обязанность участникам-предпринимателям выплачивать заработную плату рабочему, получившему на разработках увечье, до восстановления его работоспособности[104].

Общим для статей всех промыслов, откликнувшихся на призыв аннабергской горной администрации, было требование соблюдать выборность старейшин. «Чтобы мы выбирали тех старейшин, которых мы желаем иметь»,— говорится в статьях

[104] W. Gess. Akten und Briefe, Bd. II, N 1019, S. 271—273; J. K. Seidemann. Die Unruhen..., S. 167—170.

промысла Вольфштейн. В статьях штейнвальдских разработок указано, что от всего кнаппства следует избирать восемь человек, четверо из которых ежегодно заменяются другими; при этом старая четверка информирует новую о состоянии дел. Ежегодное обновление половины состава старейшин должно сопровождаться отчетом о произведенных расходах.

В целях экономии коллективных средств кнаппства во всех представленных статьях содержится требование иметь только одного священника, а остальных уволить.

Характерно стремление авторов некоторых статей оградить интересы местных кнаппов-горожан от конкуренции пришлых штейгеров и горнорабочих: последние обязаны нести сторожевые и другие повинности в горных городах и не имеют права нанимать вместо себя молодых рабочих; кроме того, при оплате труда предлагалось учитывать, что штейгеры и горнорабочие, связанные с деревней, имеют некоторые доходы, которых лишены кнаппы-горожане [105].

Выдвигались также требования сократить продолжительность рабочей смены на разработках и упразднить неполную смену в субботу [106].

Как уже указывалось выше, целью организаторов этих статей — горной администрации Аннаберга — являлось успокоение начавшегося в Аннабергском районе движения недовольства и в первую очередь сведение его к определенным конкретным требованиям, которые не затрагивают основ организации горного дела, подлежащих рассмотрению самим герцогом Георгом. Горная администрация стремилась выиграть время в расчете на нормализацию положения в Аннаберге после прекращения яхимовского восстания. Характерно, что, посылая эти статьи герцогу, должностные лица горной администрации высказали ему свое отрицательное отношение к требованиям о сокращении рабочего дня и упразднении субботней смены. Однако скоро обнаружились обстоятельства, значительно усложнившие ход событий. В том же послании бергмейстера, присяжных и старейшин герцогу Георгу авторы сообщали, что горнорабочие, подавшие статьи, не желают ждать ответа герцога, выходят из шахт в одиннадцать часов вместо двенадцати, а при попытках штейгера задержать их на работе грозят сбросить его в шахту [107]. Таким образом, горнорабочие, даже те, которые предъявили ограниченные конкретные требования, были настроены весьма воинственно. Дальнейшая переписка авторов того же послания с герцогом Георгом показывает, что после начала яхимовского

[105] J. K. Seidemann. Die Unruhen..., S. 168—170.

[106] Ibid., S. 170.

[107] Ibid., S. 168.— «Sie haben E. F. Gn. Antwort nicht erwarten wollen sondern sind überall um eilf Uhr ausgefahren, und welcher Steiger über der Schicht hat wollen halten, dem haben sie zuentboten, ihn in die Schicht zu werfen».

восстания в саксонских горных городах и прежде всего в Аннаберге выявилась революционная группировка, которая призывала кнаппство не ограничиваться уже выработанными требованиями, а выступать против всего установленного на горных промыслах режима.

Программа этой группировки выражена была в показаниях Гефтеля и Цинера, о которых говорилось выше. Эти деятели кнаппского движения призывали к разрушению замков, к изгнанию княжеской администрации. С этой целью революционные руководители горняков стремились объединить движение в саксонских Рудных горах с близлежащими чешскими горными районами, организовать широкую кампанию помощи яхимовскому лагерю, держать его «в пылающем состоянии» и бороться против тех, кто содействует прекращению восстания.

О настроениях, царивших в первые дни яхимовского восстания среди высших должностных лиц герцогской администрации в Саксонии и среди той части магистратов горных городов, которая была на стороне герцогских властей, можно судить по посланию и приложенной к нему записке аннаберг ского магистрата герцогу Иоганну от 23 мая. Авторы послания сообщают герцогу об опасном характере вспыхнувшего в Яхимове восстания, которое, по их сведениям, с каждым днем «все больше одерживает верх». К восставшим присоединилось «много крестьян из окрестных деревень и еще многие другие» (auch viel andere). Если дело дойдет до кровопролитного столкновения между Шликками и восставшими, то это не останется без последствий для герцогства Саксонии, не говоря уже о тех, кто имеет в Яхимове горные разработки. Следует опасаться не только восстаний кнаппства в горных городах, «что стало уже обычным явлением и бывало раньше», но также и движения других группировок и в других коммунах[108]. Сообщая герцогу Иоганну подробности о положении дел в Яхимове и о принятом магистратом и старейшинами Аннаберга решении послать своих представителей в Яхимов для поисков путей к мирному улаживанию конфликта, а также сообщая о мерах, направленных против революционных элементов в самом Аннаберге и на его промыслах, авторы послания просят герцога, чтобы подобные меры были приняты в других саксонских горных городах, в частности, во Фрейберге и в Хемнице. Вместе с тем они выражают глубокую тревогу по поводу того обстоятельства, что община и кнаппство Аннаберга в общем глубоко сочувствуют восставшим яхимовцам и хотят присоединиться к ним, особенно «пришлые и неоседлые рабочие

---

[108] F. Gess. Akten und Briefe, Bd. II, N 998, S. 241—242.— «...emporunge nicht alleyn der knappschaft in diesen bergsteten, wie dan eine gewonheit unter inen und zuvor meher geschehen, sunder ouch der andern samlung und Commun zu beforchten».

парни, от которых следует ожидать восстания каждое мгновение [109].

Характерно также письмо фон Коспота от того же 23 мая, в котором герцогский амтман, сообщая полученные им сведения о положении в Яхимове и об отчаянных попытках графа Стефана Шликка собрать людей для борьбы с восставшими, выражает свое сомнение в возможностях графа получить помощь людьми из горных городов Саксонии. «Разве только,— писал фон Коспот иронически,— к нему пойдут эти вольные непокорные люди из кнаппства» [110]. Коспот советует разослать от имени герцога предостерегающие письма «во все горные города и местечки княжества», внушающие большую тревогу. В частности, он опасается, что горняки Бухгольца уже сейчас намерены присоединиться к восставшим яхимовцам. Таким образом, еще до начала переговоров в Яхимове о прекращении восстания авторы послания и герцогский амтман чувствовали, что они встретят в массах кнаппства и в общинах Саксонии, как и в самом Яхимове, враждебное отношение и что многие не пожелают считаться с результатами организованных администрацией и старейшинами переговоров. В начале июня (т. е. после того, как соглашение было заключено) бергмейстер Рюлинг, присяжные и старейшины кнаппства писали герцогу Георгу: «Нам (тем представителям Аннаберга, которые участвовали в яхимовских переговорах и содействовали заключению соглашения.— *М. С.*) открыто грозили расправой и убийством. Ни на горных промыслах, ни в городе мы не можем ходить спокойно и чувствовать себя в безопасности. А некий Иокуф Петтерлейн откровенно беседовал с глазу на глаз с двумя старейшинами — Грегором Хаккером и Паулем Шуманом, всех нас бранил, обзывая жуликами и прохвостами, и хотел с помощью своей банды изрубить нас. Бартель Колб, появившись у ворот Томаса Зауэра, также назвал нас жуликами и прохвостами и заявил, что намерен, действуя вместе с кнаппством, нас всех убить. Просим Вашу княжескую милость защитить нас и наказать их обоих» [111].

---

[109] Ibid., S. 242.— «...sitzen tag und nacht mit merglicher anzal der wechter in warnung und gereytschaft und mussen und alle augenpligk von denselbigen ledigen gesellen und ouch den ingesessenen einen aufruhr... beforen und merglichen fleiss furwenden, unsere where, spiesse, buchsen, pulver und anders von inen zu wharen...»

[110] W. Fuchs. Akten, N 1553, S. 362. «...es wer dan, das die lossen ungehorsamen der Knapschaft im zuliffen».

[111] F. Gess. Akten und Briefe, Bd. II, S. 272; J. K. Seidemann. Die Unruhen..., S. 170.— «Uns wird öffentlich gedroht, man will uns erschlagen und ermorden. Wir mögen weder auf das gebirge, noch in der Stadt sicher gehn. Sonderlich ist Einer, Jocuff Pitterlein, der hat öffentlich zweien Aeltesten dem Greger Hacker und dem Paul Schumänn, unter Augen geredet und uns alle Schälke und «Possbick»... gescholten und er wollte uns mit seinem Anhang zu Stücken hauen. Auch ist Bartel Kolb am Pfingsabend vor Thomas Sauers Thor gekommen und hat uns Alle Schälke und Possbick gennant und gesagt, er wol-

В горных районах Саксонии выявились, таким образом, две группировки, одна из которых была за поддержку яхимовских повстанцев, за продолжение и углубление их борьбы и распространение ее в немецких землях, а другая активно содействовала Шликкам и саксонским герцогам в их усилиях, направленных к прекращению восстания в Яхимове и предотвращению его распространения в Германии. Между этими группировками велась также борьба по вопросу о том, должно ли оппозиционное движение в горных районах поддерживать тесный контакт с Крестьянской войной или нет. Наиболее видные деятели радикальной группировки — мариенбергские кнаппы Гефтель из Бухгольца и Андреас Цинер — были в то же время руководителями крестьянских отрядов и составителями революционных крестьянских статей [112]. На первом и втором допросе Гефтель признал не все предъявленные ему обвинения, но согласился с тем, что он призывал крестьян к полному изгнанию господ; он назвал деревни, с которыми был связан, в том числе и те, крестьяне которых разрушали замки и монастыри. Он заявлял руководимым им крестьянам, что он останется у них и будет им помогать, но требовал от них помощи восставшим яхимовским горнякам. Призывая к восстанию горняков Гейера, он обещал, что придет им на помощь вместе с крестьянами. Так же действовал и Цинер, признавший свою связь с восставшими крестьянами в районе Болкенштейна и в других горных районах Саксонии, в том числе и с крестьянами, штурмовавшими и разрушившими монастырь Мильденау.

Весьма характерными являются обвинения, предъявленные Томасу Зейделю. Его обвинили, как мы видели, в том, что в крестьянском лагере, расположенном у Борны, он пропагандировал необходимость расправы с «прохвостами» — дворянами, и в том, что после поражения крестьян Волкенштейнского района он не только осуждал применявшиеся к ним репрессии, но и выступал против предписанной им сдачи оружия. Поскольку же все это Зейдель говорил забойщикам, разъезжая по аннабергским горным промыслам, то тем самым он якобы стремился оживить уже подавленное крестьянское восстание при поддержке горнорабо-

---

le mit der Knappschaft uns alle erschlagen. Bitten E. F. G. wolle uns schützen und die beiden strafen».

[112] W. Fuchs. Akten, N 1757, S. 571.— «...haben den edelleuten die sitze wollen störmen und m. g. h. in das land fallen... Sagt, zwei dörfer habe er zu sich gefordert als Falkenbach und Mildenaw» (S. 572). «...Sagt, von der voreidung der pauern ist ine vorgessen, mag wol geschehen sein. Hat ferner gesagt: lieben leute, wolt ir mir beistehen, wil ich bei euch pleiben, eher und gut erwerben...»; (S. 572—573).— «...Sagt er habe gehort, das die pauern von Mildenaw bei dem pfarstörmen gewest sein. Als im Elenpogener Lande unfride gewest, hat er zu zeiten mit angegriffen, hat neben Wolff Gölfteln die ordenunge der pauern helfen machen und über die edelleute beschlossen sie zu vertreiben... Die pauern haben gesagt, die burger zum Wolkenstein sein gut uf unser seiten...»

чих. Трудно, конечно, судить, насколько точно эти предъявленные Томасу Зейделю обвинения отражали его деятельность. Однако само предъявление Зейделю таких обвинений весьма характерно для действий революционной группировки. Интересно, что Зейдель отказывался от приписываемых ему высказываний, утверждая, что они принадлежали не ему, а Зигмунду Хольцбоку, который стремился убедить крестьян в том, что они имеют теперь возможность сделаться свободными [113].

С другой стороны, допросы показывают, что герцогские власти и их сторонники больше всего боялись соединения восстания горных кнаппов с Крестьянской войной в горных районах. Яснее всего это прослеживается при сопоставлении материалов допросов с приведенными выше требованиями, составленными на горных промыслах Аннабергского района по поручению герцогских властей. Некоторые уступки по конкретным пунктам организации горного дела, не затрагивающим его основ, власти считали не столь опасными. К тому же они полагали, что такие уступки не будут долговечными и потеряют силу после того, как движение в целом прекратится. Соединение же с Крестьянской войной придало бы всему оппозиционному движению на горных промыслах широкий характер и революционный размах. Хозяевами положения в движении сделались бы революционные группы, стремящиеся к коренному перевороту в горном деле. Именно с такой радикальной программой революционные руководители горных кнаппов связывали свою тактику установления контакта с восставшими крестьянами. С этой же целью они и стремились к углублению яхимовского восстания и распространению его на немецкие горные районы. С другой стороны, известно было, что революционные руководители восставших крестьян и прежде всего Томас Мюнцер придавали большое значение установлению тесного контакта с движением горного кнаппства, которое объективно и в самом существе своем было антикняжеским. Нам уже известно, что еще в 1521 г. Мюнцер, добивавшийся объединения назревавшей в Германии социальной борьбы с движением политической оппозиции в Чехии, обратил особое внимание на Яхимов, сделавшийся центром движения в Северо-Западной Чехии против тесно связанных с герцогским домом Саксонии графов Шликков. Мюнцер придавал особо важное значение яхимовскому движению, потому что оно представлялось ему заостренным против самих прерогатив регальной власти. Мюнцер считал уже тогда, что этот характер более широкой политической оппозиции окажет влияние на оппозицион-

[113] W. Fuchs. Akten, N 1793, S. 600.— «Ist auch nicht gestendig, das er am nechsten ostermarkte die pauern, so umb Porn ufgestanden gewest, solle angeret haben und sie uf die edelleut gehetzt... sonder saget, das einer Sigmundt Holzpock aus dem Tahell fast mit vil leichtfertigen worten gegen den pauern geret habe und gesaget: Ei flugks daran, ir macht euch izo wol frei».

ное движение в горных районах Саксонии и Тюрингии. И во время Крестьянской войны Мюнцер считал, что объединение сил восставшего немецкого крестьянства с борьбой горного кнаппства и со всей общественной оппозицией в горных районах, направленной в конечном итоге против регально-княжеской власти, имело бы весьма важное значение для централизации всей борьбы и придания ей того характера широкого целеустремленного движения, которое он считал необходимым для осуществления его программы большого социально-политического переворота.

К концу апреля 1525 г. относится один из наиболее ярких по своей революционной страстности документ Великой Крестьянской войны — обращение Мюнцера к альштедтцам [114]. Документ этот хорошо известен. Это полный революционного порыва горячий призыв к объединенным действиям всего народа в борьбе, которая должна рассматриваться как «борьба бога», осуществляемая массой народа не только Германии, но и других стран за всеобщий социально-политический переворот [115]. Борющийся народ не должен допустить, чтобы его увлекли на путь обманчивых соглашений. Его борьба должна быть беспощадной и бескомпромиссной, она должна вестись против всех господ — ведь «нельзя возвещать дело бога, пока они управляют Вами». Особую надежду Мюнцер возлагал на горняков, которых считал необходимым вовлечь в общую борьбу: «Возбуждайте же деревни и города, особенно горняков и других славных ребят, которые окажутся для этого пригодными» [116]. В обращении приводятся примеры революционных действий народных масс против знати и амтмана герцога Георга, указываются имена руководителей Народного союза и рекомендуется направить это послание горнякам.

Расчеты Мюнцера на то, что революционное движение горняков, антикняжеское острие которого определялось уже раньше, придаст всей Крестьянской войне централизующую целеустремленность и станет важной силой в борьбе за радикальный социально-политический переворот, по крайней мере в мае 1525 г. (после воззвания Мюнцера к альштедтцам), были хорошо

---

[114] Некоторые считали этот документ обращением к мансфельдским горнякам. Но в самом его тексте Мюнцер предлагает показать его горнякам, что побудило Отто Брандта заключить, что документ обращен не непосредственно к горнякам, а к альштедтцам («Thomas Müntzer. Sein Leben und seine Schriften», S. 228).

[115] Ibid., S. 74.— «Fanget an und streitet den Streit des Herrn! Es ist hohe Zeit. Haltet eure Brüder alle dazu, dass sie göttliches Zeugnis nicht verspotten, sonst müssen sie alle verderben. Das ganze deutsche, französische und welsche Land ist wach. Der Meister will ein Spiel machen, die Böswichter müssen dran».

[116] Ibid., S. 75 — «Reget an in Dörfern und Städten und sonderlich die Bergesellen mit andern guten Burcshen, welche gut dazu werden sein».

известны и господствующему классу. Когда в Яхимове и в горных районах Саксонии выявилась революционная группировка, стремящаяся к углублению и расширению повстанческого движения горняков и к установлению тесного контакта с восставшим крестьянством, естественно, что в правящих кругах увидели корни этого в деятельности мюнцеровской партии. Вполне понятными представляются в этом свете мотивы приведенного выше письма графа Стефана Шликка герцогу Георгу от 30 мая 1525 г. с просьбой добиться от Мюнцера показаний о его связях с революционными пропагандистами Яхимова. В своем письме Стефан Шликк подчеркивал, что эти мюнцеровские связи в Яхимове, существование которых у него было достаточно оснований предполагать, внушили ему значительную тревогу.

В борьбе с революционным направлением в движении горного кнаппства регально-княжеская власть и связанные с нею элементы стремились прежде всего ввести движение в рамки отдельных конкретных требований на почве существующего в горной промышленности регального режима. Соглашение от 25 мая 1525 г., которого добились Шликки при активном посредничестве бургграфа фон Лейсника, а также магистрата, бергмейстера и руководящих деятелей кнаппства города Аннаберга, отвечало этим целям. Из десяти пунктов этого соглашения восемь посвящены условиям ликвидации повстанческой организации в Яхимове и ее связей с крестьянством. Стефан Шликк сохраняет право наказать тех повстанцев, которые нападали на его замок и причиняли вред его владениям, но отказывается от репрессий по отношению к другим участникам. Зато кнаппство обязано защищать тех повстанцев, которые изменили и бежали к Шликкам, от враждебных по отношению к ним действий со стороны других участников повстанческого лагеря [117]. Все революционные объединения распускаются, а данные ими присяги и обязательства объявляются недействительными, в то время как обязательства и присяги верности графу Шликку со стороны жителей Яхимова и всех других лиц, «связанных с горным делом» (des bergwergs verwante), должны соблюдаться «с полной покорностью». Обе стороны обязуются освободить пленных и арестованных. На горных разработках восстанавливается прежний порядок; все обязаны покинуть лагерь и впредь рассчитывать только на свою работу и заработки. Рабочие должны возобновить работу в шахтах, и им должна выплачиваться полноценная недельная заработная плата [118]. Равным образом крестьяне, которые участвовали в яхимовском восстании или сочувствовали ему, должны вернуться в подданство графу Шликку. Посредники гарантируют, что никто из них не будет подвергнут ни телес-

[117] W. Fuchs. Akten, N 1567, S. 347, § 3.
[118] Ibid., § 7.

ному наказанию, ни штрафу за их участие в восстании[119] (за исключением нападавших на замок).

Из содержания этого соглашения видно, что в нем были учтены 17 статей, составленных руководителями яхимовского кнаппства и общины и представленных на рассмотрение посредников[120]. Историками разных направлений обращено было внимание на то, что эти статьи не направлены против самого строя горного дела и самого принципа регального управления, а только против злоупотреблений должностных лиц и нарушений существующего горного устава 1518 г.[121] Собственно говоря, это выражено в первой же статье. Затем следуют статьи, которые показывают конкретные нарушения горного устава, затрагивавшие в большинстве своем интересы участников-предпринимателей. Нарушались сроки и правила распределения доходов между своими и чужими участниками. Вопреки неоднократным обещаниям серебро местной добычи вывозилось, равно как и чеканящиеся на месте гульденгрошены, что наносило ущерб как участникам, так и рабочим, получавшим свою долю доходов и заработную плату в неполноценной монете. Должностные лица, злоупотребляя своим положением, извлекали выгоды при исчислении и распределении десятины. Владельцы плавилен присваивали продукцию, принадлежащую участникам-предпринимателям. Далее в статьях изложены жалобы на злоупотребления со стороны священников и проповедников, на затяжную судебную процедуру по горным делам и т. п., что наносило вред интересам участников-предпринимателей и кнаппства. Было выражено недовольство тем, что важные должности по руководству и управлению горным делом замещались не по принципу квалификации назначаемых лиц, а по соображениям личного характера и притом «преимущественно из чужих людей», что также наносило вред участникам-предпринимателям и вынуждало многих из них отказываться от дальнейшего участия в разработках[122].

---

[119] W. Fuchs. Akten, N 1567, S. 374, § 8.

[120] Ibid., N 1591, S. 388—391.

[121] О. Гю в указанном выше сочинении приходит к такому выводу на основании всех документов восстания (см. O. Hue. Die Bergarbeiter. Bd. I, S. 311—312). Такого же мнения придерживается и Вейцзеккер (W. Weizsäcker. Sächsisches Bergrecht in Böhmen, S. 221). Зибер (S. Sieber. Die Teilnahme..., S. 101) считает удивительным то, что в предъявленных 17 пунктах нет прямых упоминаний о заработной плате и других специфических вопросов в отношении рабочих.

[122] W. Fuchs. Akten, N 1591, S. 389, § 9.— «...das man die ämbter und dienst nach gonst bestelt, sonderlich mit frembden und ungesessenen, die auch der sachen keinen vorstand haben, und werden also gmeine knapschaft und gwerken zu grossen unkosten und die frembden gwerken zu unlust gedrungen, darumb auch viel gwerken zu pauen auflassen und wir einheimischen auch shier mit ledigen henden daryon gehen müssen, wiewol etliche aus E. G. ratgebern sagen: laufi Heinz hin, so kompt Cunz widder. Es ist aber am tag, das Heinz vorpauet, was et hatt, und Cuntz behelt auch nichts...»

В соглашении от 25 мая эти конкретные требования по существу не затрагивались, если не считать одной лаконичной фразы в седьмом пункте о том, что недельная заработная плата рабочим должна выплачиваться полностью. Правда, последний, десятый, пункт соглашения предусматривает созыв 4 июля смешанной комиссии, состоящей из восьми представителей, по четыре от каждой стороны, для разбора всех жалоб и пересмотра существующего горного устава.

Результатом деятельности этой комиссии и привлеченных ею лиц было создание исправленного горного устава для яхимовских разработок, объявленного 7 июля 1525 г. Ряд параграфов этого горного устава содержит предостережения должностным лицам против тех злоупотреблений с их стороны, на которые жаловались участники-предприниматели и все кнаппство. Предписывается правильное распределение прибыли между участниками, оплата труда рабочих наполовину монетой яхимовской чеканки и наполовину белыми чешскими пфеннигами. Должностные лица предостерегаются от злоупотреблений при обмене монет, при учете материалов, при исчислении расходов в рудниках и в плавильнях, а также от извлечения выгод из найма молодых неопытных рабочих. Во всех деталях производственного процесса должны строго соблюдаться пункты предыдущего горного устава. Особенно подчеркивается необходимость поддержания строгой дисциплины среди наемных рабочих и контроля над ними, соблюдения существующих ограничений для всякого рода сверхурочных работ и правил по удержанию низкого уровня заработной платы.

Идя навстречу требованиям участников и кнаппства в отношении формального запрещения злоупотреблений со стороны должностных лиц горной администрации, новый горный устав обходил молчанием поставленный в 17 статьях вопрос о гарантии против таких злоупотреблений путем предоставления кнаппству и участникам возможности оказывать влияние на выбор и назначение ответственных должностных лиц. Параграф 28 нового устава подчеркивает, что даже выборы старейшин самой организации кнаппства должны производиться в установленном раньше порядке и утверждаться горной администрацией.

Ряд пунктов нового горного устава продиктован стремлением подтвердить незыблемость существующего регального строя горного дела, ликвидировать вред, нанесенный регальной власти Шликков восстанием в мае 1525 г., и предотвратить возможность его повторения в будущем. Поскольку во время восстания были уничтожены все книги с записями повинностей и обязанностей, эти обязательства следовало надлежащим образом возобновить и подтвердить присягой. Знамена магистрата и кнаппства, которые были использованы восставшими, впредь должны храниться под двумя замками и под строгим контролем администрации.

Кассу кнаппства следует запирать на три-четыре замка, ключи от которых будут находиться у разных старейшин. Печать кнаппства может ставиться только под документами, проверенными бургомистром и его советниками.

Пятый пункт соглашения от 25 мая о том, что обе стороны обязуются освободить арестованных и пленных, показывает, что восстание в Яхимове не было подавлено военной силой. Нам уже известно, что Стефан Шликк, направившийся в Яхимов из Шлаккенверде во главе своих отрядов, уже в самом начале был вынужден повернуть обратно, убедившись в превосходстве сил восставших. В дальнейшем он изменил свои расчеты и делал ставку не на подавление восстания военным путем, а на раскол движения, на его разложение в результате изоляции группировки восставших, придерживавшейся революционной и бескомпромиссной тактики. Подобно Шликку действовали и другие чешские господа, герцог Саксонии, должностные лица саксонской горной администрации, а также магистраты и руководящие круги кнаппства горных районов Саксонии, в первую очередь Аннаберга, Фрейберга и Хемница [123]. Каспар Штернберг объясняет тревогу, охватившую все горные районы Рудных гор как Саксонии, так и Чехии, и заставившую власти этих районов энергично выступить «посредниками» в Яхимове, тем, что дело осложнялось «различием религиозных взглядов», другими словами, вмешательством разных реформационных направлений. События грозили принять тот оборот, который стремились им придать сторонники радикальной реформации: движение в горных районах могло объединиться со всем движением Крестьянской войны, что привело бы к еще большему заострению антикняжеского характера всей борьбы и в конечном счете к объединению народного движения в Чехии и в Германии.

Особый интерес в этой связи приобретает письмо герцога Иоганна младшего своему отцу герцогу Георгу из Мюльхаузена от 29 мая. Сообщая о капитуляции Мюльхаузена и окончательной победе над мюнцеровской партией, герцог Иоганн пишет и том, каким образом удалось одновременно пресечь в корне опасность, грозившую немецким землям от распространения в них начавшегося в Яхимове восстания. Уже сама связь, устанавливаемая в этом письме между победой над мюнцеровской партией и предотвращением распространения восстания саксонских горняков, весьма характерна. Но содержание этого письма дает возможность также судить о настроениях и разногласиях как в яхимовском лагере, так и в горных районах Саксонии, о характере 17 статей яхимовцев и о тактике регальной горной администрации в чешских и саксонских районах. Как только стало известно, что крестьяне горного района Волкенштейна и его

[123] G. K. Sternberg. Umrisse einer Geschichte, Bd. I, S. 325.

окрестностей пришли в движение, сообщает герцог Иоганн младший, Генрих фон Шлейниц, крупный сановник герцога Георга, предупредил власти Аннаберга и Хемница, а герцог Генрих Саксонский — город Фрейберг о необходимости мер предосторожности. Когда же в Яхимове вспыхнуло восстание против Шликков, то, несмотря на то, что требования восставших «считаются большинством знакомящихся с ними справедливыми» [124], аннабержцы сами взялись (и призвали к тому же Хемниц и Фрейберг) выступить посредниками по мирному разбору конфликта; свое посредничество они мотивировали тем, «чтобы этот огонь, прежде чем он дойдет к нам на эту сторону Леса, где кнаппство почти всех горных промыслов находится в движении, был притушен или по меньшей мере был ограничен рамками приложенных к этому письму и обозначенных буквой «А» статей, которые способны привести к растерянности и к расколу в народе...» [125].

Герцог Иоганн младший послал отцу также текст соглашения от 25 мая, которого аннабержцы добились своим посредничеством в Яхимове еще до прибытия представителей Хемница и Фрейберга. При этом герцог Иоганн пишет: «Вашей светлости легко себе представить, какой вред был бы нанесен всем Вашим землям и по крайней мере горным районам этим яхимовским восстанием, если бы не те шаги, которые предприняты были упомянутыми тремя городами» [126]. Он выразил уверенность в том, что спокойствие на их земле установлено прочно. Весь текст письма показывает, что уверенность его автора объясняется тем, что после подавления мюнцеровской партии была устранена также и опасность распространения огня восстания в горных районах.

Это письмо, как и предыдущий анализ обстоятельств появления на свет приведенных документов яхимовского восстания и их связи с событиями в горных районах Саксонии, показывает, насколько неверно делать выводы о характере движения в чешском Яхимове и в Саксонии только на основании того, что 17 яхимовских статей, как и соглашения, заключенные при посредни-

---

[124] W. Fuchs. Akten, N 1592. S. 391.— «...wiwol die Joachimsthaler biss in 18 artikel, die das meherteil von allen, so sie horen, gebillicht werden, zwuschen beiden teiln in gutlichen handel gelassen und eilends ire geschickten hinein gefertigt...»

[125] Ibidem.— «...damit diss feuer, ehe es sich weiter flechte und zu inen keme, wan die knapschaften fast aller bergwerke hie disseit des waldes in bewegung waren, gedempft wurde ader zum wenigsten uf die artickel hiepeiligend mit A. gezeichent ein anstant und trennung des volks gemacht werden mochte, wie wir dan alsbald daruf gedachtem unserm lieben vedtern, auch den von Kempnitz geschrieben, die sich darzu willig erbotten haben».

[126] Ibidem.— «Une ist kein zweifel wie E. L. leichtlich zu ermessen, wo die wege bei den drei steten nicht furgenhomen, sollicher Joachimthaelisch ufrur hatt alle disse E. L. lande und zum wenigsten die gepirge zu E. L. auch gemeiner land und leute merklichen beschwerd und nachtail beweget, das also durch gotliche vorsehung gnediclich abgeleihnet ist».

честве саксонских горных городов, не направлены против самого регального строя горного дела. Генрих фон Шлейниц, герцоги Иоганн младший и Генрих, так же как и магистраты саксонских горных городов, считали, что официальные статьи, предъявленные яхимовским кнаппством, не отражают целей, тенденций и общего характера движения на горных промыслах. Наоборот, они с самого начала мечтали о том, чтобы, используя эти статьи, ограничить движение, расколоть восставший народ и изолировать революционную группировку раньше, чем огонь восстания распространится по Саксонии и станет угрожать основам горного строя и политическому строю страны вообще. Основанием для тревоги и спешных действий явилось, как говорится в письме герцога Иоганна, то, что в мае 1525 г. крестьянство горных районов Саксонии стало вовлекаться в Крестьянскую войну. С началом яхимовского восстания (в котором также участвовали крестьяне, как это видно из § 8 соглашения от 25 мая) выявилась реальная двойная угроза — угроза слияния движения в горных районах с Крестьянской войной и объединения политически заостренных против княжеской власти движений в Германии и Чехии, т. е. то, что уже давно входило в планы революционной группировки, связанной с именем Мюнцера. Поэтому после подавления последнего оплота мюнцеровской партии герцог Иоганн писал герцогу Георгу, что только своевременно принятые меры с целью раскола яхимовского лагеря восстания и предотвращения распространения восстания по Германии обеспечили теперь в Саксонии «спокойствие и добрый мир».

Все рассмотренные выше материалы подтверждают, таким образом, что для опасений Шликков о наличии в их горных владениях революционной группировки, связанной с пропагандой мюнцеровской партии, были достаточные основания. Немало было оснований для таких опасений и у горной администрации Саксонии, где, по словам герцога Иоганна, кнаппство почти всех горных промыслов находилось в движении, а, по свидетельству Бастиана фон Котерича в донесении курфюрсту Иоанну, аннабергские кнаппы доставляли в яхимовский лагерь «некоторое количество пороха и вооружения тайно от своих властей», которые в это время энергично действовали в качестве посредников по немедленному прекращению восстания [127].

Характеризуя состав яхимовских повстанцев, фон Котерич разделяет их на две группировки, каждая из которых имела свой особый социальный облик, занимала в восстании особое место и отличалась от другой своими тактическими методами. Лагерь восставших был образован десятью тысячами кнаппов, хорошо вооруженных, расположившихся в строгом порядке и разделен-

[127] W. Fuchs. Akten, N 1659, S. 475. — «Von Annaberge haben die knabschaft etliche pulver und geschutze ane wissen der oberkeit ins lager geschickt».

ных на шесть отрядов. Вокруг этого лагеря собралось около 7 тыс. «черни», вооруженной только горными орудиями, и свыше 1200 «горных парней». Это расположившаяся вне лагеря восьмитысячная пестрая масса намеревалась, как говорится в приведенном выше донесении фон Котерича, «грабить богатых и имущих на непристойный крестьянский манер, особенно (собирались они грабить) монетный двор и кассу десятины». Однако отряды основного лагеря не хотели этого допустить [128]. Хотя они тоже участвовали в разрушении и разграблении ратуши и конфисковали запасы продовольствия, имущество и деньги из дома и замка Шликков, руководители основного лагеря разрешали производить эти акции лишь под своим контролем, грозя в противном случае репрессиями, а все взятое вооружение брали к себе в лагерь. Фон Котерич сообщает, что эти руководители в дальнейшем вступили в переговоры, которые и закончились соглашением.

Донесение фон Котерича показывает, что наемные рабочие, бедные кнаппы и плебейские элементы на горных промыслах вообще были наиболее активной частью восставших, которые ратовали за применение крестьянских методов борьбы и стремились к уничтожению учреждений, являвшихся основой регального строя горного дела, например, монетного двора и десятинной кассы. Понятно, почему руководители основного лагеря у Яхимова, поддерживавшие тесный контакт с посредниками и стремившиеся положить быстрый конец восстанию, не хотели допустить в лагерь окружавшую его активную пеструю массу повстанцев, цели и намерения которых в этом восстании шли значительно дальше. Однако было бы упрощением определять состав выявившихся среди яхимовских повстанцев и среди их сторонников на горных промыслах Саксонии двух группировок только на основании приведенного письма фон Котерича и считать, что в революционную группировку входили только наемные рабочие и близкие к ним плебейские элементы горных промыслов.

17 статей яхимовских повстанцев, соглашение от 25 мая и новый горный устав, изданный после восстания, показывают, какую значительную роль в этом восстании играли интересы участников-предпринимателей. В то же время рассмотренные материалы допросов показывают, что саксонские революционные деятели, стремившиеся углубить и расширить яхимовское восстание, распространить его на Германию и объединить с Великой Крестьянской войной, старались направить острие всего движения горняков против знати и князей, имея при этом в виду

[128] Ibidem.— «Der loze haufe und gepoffel sampt den bergjungen bei 8000 Stark wie obin auserhalb des heerlagers haben furgehabt, durchaus die vermogenden und habhaftigen zu plundern nach ungeschikter paucrigischer art und sunderlich die muntze und zehenden, aber die 10 000 im lager haben suichs nit zulassen wellen».

интересы не только наемных рабочих и плебейских элементов. Ни в вопросах, которые ставились обвиняемым, принадлежавшим к революционной группировке, ни в ответах допрашиваемых, ни в показаниях свидетелей обвинения не сказано ничего о борьбе за более высокую заработную плату или за лучшие условия труда наемных рабочих вообще. В судебных материалах революционной группировки саксонской горной оппозиции речь идет о вопросах значительно более общего характера: об изгнании всех знатных, о ликвидации тирании герцогских должностных лиц и самого герцога Георга, о справедливости борьбы крестьян и безжалостном характере репрессий против них и т. п.

Из этих судебных материалов видно, что деятели революционной группировки саксонских горняков обвинялись в том, что они стремились объединить с восставшим крестьянством не только движение горнорабочих, но и бюргерскую оппозицию горных городов. Андреас Цинер отказался назвать тех крестьян, которые заявляли, что бюргеры горного города Волкенштейна на их стороне, а «некий бюргер» из этого города, действовавший в крестьянском отряде, говорил о предстоящем взятии города крестьянами [129].

Житель Аннаберга Томас Зейдель, обвинявшийся в произнесении зажигательных речей против тирании герцога Георга и его должностного лица Эриста фон Шонбурга, сам был, очевидно, участником яхимовских горных предприятий. И среди предпринимательских элементов на горных промыслах были такие, которые считали регальное управление несовместимым с успешным развитием предпринимательства в горном деле. Допрошенный домовладелец из Аннаберга Лоренц Петер мотивировал свои резкие революционные речи против тех, которые распоряжаются кнаппской кассой, тем, что эта практика может привести в конце концов к массовому уходу простых бедных людей с горных промыслов, из чего, по его мнению, ничего хорошего не получится. Лоренц Петер говорил о простых людях как о слое населения, на котором держатся горные предприятия, интересами которых он был озабочен. Весь тон показаний Петера говорит о том, что сам он не принадлежал к тому слою «простых» и «бедных» горняков, борьбу которых он считал важной в интересах самого горного дела.

Характерно, что в обращении к альштедтцам, в котором Мюнцер выражает особую надежду на революционное движение горняков, мы не находим обычного для Мюнцера призыва к трудящемуся народу бороться против богатых «крупных Гансов» вообще. В этом обращении речь идет о грядущей борьбе народов

[129] W. Fuchs. Akten, N 1757, S. 573.— «Die pauern haben gesagt, die burger zum Wolkenstein sein gut uf unser seiten, aber er weiss die pauern nicht zu nennen. Es ist ein burger vom Wolkenstein in einem leberfarben rogke stet bei ine im haufen gewest und gesagt, sie wollen die stadt wol gewinnen».

против «безбожных князей и их полчищ». Пропаганда Мюнцера в горных районах, так же как и пропаганда революционных руководителей горнорабочих и горного плебейства, была направлена на объединение всех антикняжеских сил. Она была рассчитана на привлечение к движению наиболее решительных в борьбе против регального режима участников-предпринимателей.

Вопрос об эффективности революционной пропаганды среди предпринимательских элементов горной промышленности, которые, как мы видели на примере яхимовского восстания и его откликов в Саксонии, несомненно участвовали в движении, представляется весьма сложным. При его рассмотрении необходимо иметь в виду, что многие предприниматели, хотя и были оппозиционно настроены по отношению к чрезмерным доходам казны, не стремились к полному устранению регального режима, от которого они ждали монопольных привилегий и выгод. Только те деловые круги участников-предпринимателей, которые не были близки к горной администрации и могли рассчитывать на извлечение прибыли лишь при условии правильной организации наемного труда, только эти круги смотрели с надеждой на подъем антифеодальной и антикняжеской борьбы, желали расширения этой борьбы и относились весьма сочувственно к восставшему крестьянству и к пропаганде решительной революционной тактики. Поскольку революционное движение горнорабочих и горного плебейства было направлено в первую очередь против княжеской горной администрации, против «монетного двора и десятинной кассы», оно встречало сочувствие и поддержку со стороны известных радикальных кругов участников-предпринимателей. Очевидно, что картина, нарисованная фон Котеричем и отражающая разный социальный облик тех, кто подготовлял соглашение о прекращении яхимовского восстания, и тех, кто стремился к продолжению и расширению борьбы, в основном правильная.

■

Противоречия интересов капиталистических предпринимателей с интересами разных категорий непосредственных производителей и более общее — основное тогда — противоречие раннекапиталистических элементов с регально-феодальным режимом в горном деле получили уже отражение в законодательстве тирольского графа эрцгерцога Сигизмунда (1439—1490). С конца XV в. проникновение в горное дело Тироля Фуггеров — переход к ним основной части регальных доходов и в значительной степени также самих функций регальной власти — вело к дальнейшему углублению социальных конфликтов. Особенно обострились социальные отношения с 20-х годов XVI в., когда Фуггеры, становясь участниками самих горных предприя-

тий, стремились подчинить себе не только торговлю, но и само производство серебра и меди в Тироле.

С усложнившимся таким образом общим положением в горной промышленности Тироля современники связывали основные события социальной и политической жизни этой земли. Тирольский хронист Георг Кирхмайер — сторонник католицизма и апологет Габсбургов, враг реформации и гуманизма, считавший Крестьянскую войну «страшным бедствием» (ain grausame plag), — видел коренную причину всех неурядиц в том, что основные богатства тирольской земли отданы Фуггерам, а все, что приносит доход, заложено. «Фуггеры из Аугсбурга завладели в качестве залога крупным богатством, которое доставляется ежегодно из горных разработок Шваца, дающих им около двухсот тысяч гульденов в год». Так же, пишет он, обстоит дело и с халльскими солеварнями. В результате от всех богатств Инской долины императору достаются одни только подачки[130].

Кирхмайер рассматривает вопрос о судьбе горной промышленности Тироля как вопрос, стоящий в центре политической и социальной жизни этой земли и самой империи. В Тироле, как и в других землях Германской империи, среди активных участников социальной и политической борьбы имелись те грозные силы, которые были заинтересованы в устранении самой имперско-габсбургской государственности. При всем его консерватизме хронист Кирхмайер сокрушался по поводу того, что засилье Фуггеров, захвативших основное богатство тирольской земли, чинило бедствия разным слоям населения и вызывало недовольство, использованное, по его мнению, лютеровской пропагандой. В действительности же, как заключает историк Тироля Иозеф Эггер, реформация сделалась в Тироле, как и в других землях, притягательной силой для всех недовольных, для всех искавших опору в борьбе не только против иноземных купцов, но и против всех проявлений гнета и стеснений, в том числе и против фискальной политики самих Габсбургов[131]. Реформационные идеи распространялись в Тироле не только в лютеровской трактовке. Среди наиболее активных пропагандистов реформации в Тироле Эггер называет горных кнаппов, в частности, тех, которые прибывали в Тироль из Саксонии. В самом крупном центре серебряно-рудной промышленности Тироля — в Шваце — было, по словам Эггера, в 1523 г. 800 перекрещенцев, в устах которых пропаганда реформации связывалась с пропагандой перемен в

[130] «Georg Kirchmair's Denkwürdigkeiten seiner zeit (1519—1553). Fontes rerum Austriacarum. Scriptores». Bd. 1. Wien, 1855, S. 443.— «...Dan die fugger von augspurg haben das gross guet, daz auss dem perchwerch zu Schwatz jarlich gefallen ist, in versatzung weyss ine gehabt; daran sy jarlich ob zwaymalhundert tausent gulden erlanngt haben. Daz Pfannhauss ist fast gar alles vertaillt gewesen, also daz zu Hall im Intal nicht dan darstreckung dem Kaiser gepurt hat».

[131] J. E g g e r. Geschichte Tirols. Bd. 2. Innsbruck, 1873, S. 84—86.

социальной жизни. Характерен пример одного проповедника, ушедшего из города Халля в Швац в качестве кнаппа. Уход из города он мотивировал тем, что каждый должен зарабатывать свой хлеб трудом и потом. Известно, что в таком же духе вел пропаганду реформации в Саксонии и Карлштадт [132].

Хронист тирольского города Халля Франц Швайгер рассказывает о страстном характере борьбы вокруг пропаганды реформационных идей в этом городе, монетный двор которого был опорой габсбургской казны, являвшемся вместе с тем городом горняков и солеваров — хозяев и рабочих. Прибывший туда в 1521 г. проповедник Яков Штраус резко выступал против бриксенского епископа и против монашества. Он был принят оппозиционной частью духовенства Халля, которая оплачивала его из собственных средств. Скоро к нему примкнула основная масса городской общины, из которой 30—40 человек его всегда сопровождали, защищая от нападений и угроз сторонников епископа. Когда в марте 1522 г. Штраус отказался принять вызов на епископский суд, то в завязавшемся горячем споре его с посланцами епископа на стороне Штрауса выступили не только сопровождавшие его лица, но и находившиеся в то время на площади люди из общины (die mitgeendt und platzlait aus der gmain). Посланцам епископа едва удалось спастись бегством, но все больше увеличивавшаяся толпа простого люда (der hauffen des gmainen manns) намеревалась предпринять дальнейшие враждебные действия против сторонников епископа. С большим трудом удалось двум бургомистрам успокоить народ «добрыми словами» (mit gueten worttn).

Последовавший вскоре после этого приказ из Инсбрука об устранении и тайном выселении из города этого проповедника вызвал большое волнение среди населения. 4 мая 1522 г. Штраус произнес в Халле свою прощальную проповедь перед большим стечением народа не только города, но и деревень. Сообщение Штрауса о предстоящем его вынужденном отъезде, по словам хрониста, встревожило большинство собравшегося народа: одних ввергло в печаль и плач, у других же вызвало гнев и ненависть к попам [133]. С большим трудом удалось городским властям «по-доброму» уговорить Штрауса перебраться в Саксонию с подарками и почестями (mit ainer guetth zerung und vereerung). Но возобновивший свою проповедь старый католический проповедник вынужден был прекратить деятельность, будучи отвергнут

[132] Peter Albinus. Meisnische Bergk Chronica. Dresden, 1590, S. 73—74.

[133] Fr. Schwaygers. Chronik der Stadt Hall 1303—1572. Innsbruck, 1867, S. 80—82 — «Hat nachmals der obpemelt Jacob Strauss... sein leste predig gethan zue Hall... dapey ain grosse menig des volks, von der statt und auch von görffern gewesen ist. In derselbigen predig hat er meldung seiner hinfardt gethan, hat damit den maisten tail des volks pewegt, etliche zue traurigkeit und Waynnen, etliche zue zorn und unwillen gegen der priesterschaft».

позже, в движениях второй половины XVI в., в которых участвовали не только наемные рабочие и ленные забойщики (Lehenhäuer), но и известные круги предпринимателей, указывавших на вредные последствия установившейся феодальной и католической реакции для горного дела[138]. До объединения сил движения горных людей с силами восставшего крестьянства в Тироле во время Крестьянской войны не дошло. Эрцгерцог Фердинанд, наблюдавший события Крестьянской войны в германских землях, отдавал себе отчет в грозных последствиях, которые могут иметь для него и для всей политики Габсбургов объединенные действия горняков и восставших крестьян. Политикой оттяжек, обещаний и отдельных уступок ему удалось успокоить горнорабочих до того, как волна крестьянской войны достигла земли Тироля.

Но не только Фердинанд и другие германские князья отдавали себе отчет в той роли, которую может сыграть движение горнорабочих в общей революционной борьбе времени Великой Крестьянской войны. Известно, какое внимание уделял Томас Мюнцер центрам горной промышленности в Германии и Чехии. Тактика революционной партии в самом Тироле во время Крестьянской войны связана с именем Михаила Гайсмайера. Руководитель тирольских крестьян Михаил Гайсмайер — человек большого политического и военного дарования, обладавший незаурядными способностями к пониманию конкретной об-

[138] В 1575—1576 гг. Кессентальскому горному товариществу на Ререрсбюльском промысле Китцбюльского района (см. гл. III, стр. 211) австрийскими властями было предписано уволить всех его протестантских служащих и заместить все должности на разработках людьми католической веры, так как эрцгерцог никаких других не потерпит. В памятной записке (Promemoria), представленной Кессентальским товариществом в ответ на этот нажим, говорится, что опасные и необыкновенно глубокие шахты Ререрсбюльского промысла нельзя поручать людям с других разработок, поэтому те рабочие и служащие, которые работают на этом промысле в настоящее время, совершенно незаменимы. Указывается на большой ущерб, который наносится антипротестантскими репрессиями горному делу Тироля, его участникам и казне, тем, что рабочие и служащие протестанты уходят отсюда на другие горные промыслы — в Венгрию, Австрию, Штирию, Каринтию и т. д., где они могут жить и работать, не испытывая нажима в отношении их совести (vnnd on beschwärt ires gewissens hausen vnd wonen mögen). В записке подчеркивается, таким образом, что сами Габсбурги в отношении своих других земель исходят в своей политике из соображений о деловой нецелесообразности антипротестантских репрессий. Авторы записки писали, что и самим предпринимателям придется покинуть эти места. Не без иронии они предлагали пребывавшему в долгах и нуждавшемуся в деньгах эрцгерцогу Фердинанду II купить их рудники и плавильни. Подробно о волне антипротестантских репрессий середины 70-х годов XVI в. в важнейших горных районах Северного Тироля — Китцбюльском, Штерцингском, Раттенбергском, Куфштейском и других, а также о вредных последствиях этих репрессий для горного дела см.: J. Egger, Geschichte Tirols, Bd. II. Innsbruck, 1873, S. 238—240 ff. и M. Wolfstrigel-Wolfskron, Die Tiroler Erzbergbaue 1301—1665. Innsbruck, 1903, S. 188, 196, 200—201, 207—210, 214—215.

1). КТО ТАКОЙ М.Г.

становки, стремившийся к трезвой оценке ситуации и к использованию в интересах руководимой им борьбы всех реальных возможностей, — несомненно отдавал себе отчет в том, какое значение может иметь горное дело в борьбе за преобразование социального и политического строя и какова должна быть роль горнорабочих в проведении преобразования. Проблемы, связанные с борьбою горнорабочих, были близки и хорошо знакомы Гайсмайеру, который, по данным хрониста XVI в. Кирхмайера, был сыном кнаппа[138a]. По опубликованным же Вольфскроном материалам штерцингских разработок из Инсбрукского ландшафтического архива видно, что не только его родственники, но и он сам значился в списках виднейших участников-предпринимателей (Gewerken). В списке «выдающихся» участников штерцингских разработок периода 1481—1499 гг., в котором значатся такие известные тирольские богатые предприниматели из Шваца, как Ганс Фюгер, Иерг Штёкль, Кристиан Тэнцль и другие, имеются также имена «Heinrich und Jacob die Caismair», а в списке 1500—1512 гг. между Фирмианом и Паумгартнером из Шваца значится «presolwtyl Михаил Гайсмайер» (der berüchtigte Michel Gaissmaier)[139]. Хронист города Халль Франц Швайгер сообщает о боевой деятельности Гайсмайера, о его связях с вспецианцами, об опасности, которую представляла военная и дипломатическая деятельность Гайсмайера для эрцгерцога Фердинанда, против которого он в 1525 г., а затем и в 1526 г. объединял для борьбы «собравшиеся массы крестьян и прочей праздной черни» (ein verlofins volk von pauri und andern unnutzen gsindt). О происхождении и ранней деятельности Гайсмайера Швайгер не сообщает, ограничиваясь лишь некоторыми сведениями о том, что перед Крестьянской войной Гайсмайер был писарем тирольского хауптмана Липхардта фон Фельза а затем секретарем брикксенского епископа[140].

Как видим, Гайсмайер не был проповедником, а практическим деятелем, знавшим Тироль и нужды его народа и поэтому опасным для княжеских властей этой земли. Из враждебных характеристик, которые дают современные ему хронисты, можно заключить о его организаторских способностях и его умении разбираться в сложной обстановке[141]. Ф. Энгельс, характеризуя

[138a] Georg Kirchmairs. Denkwürdigkeiten (1519—1558). «Fontes rerum Austriacarum», Bd. 1. Wien, 1855, S. 472. «erwelten s; Ainen obristen, Ainen leichten doch listigen Man Michl Gaissmayr, genant, ainen Knappen sun von Sterzingen».

[139] M. Wolfstrigl-Wolfskron. Die Tiroler Erzbergbaue 1301—1665. Innsbruck, 1903, S. 283—284.

[140] Fr. Schweygers. Chronik der Stadt Hall, 1303—1572. Innsbruck, 1867, S. 87—88.

[141] Швайгер характеризует гибкую тактику Гайсмайера по отношению к духовенству и дворянству: «Hat auch anzaigt, er hab sich sölicher hauptmanschaft zue guet der geistlichen und adls leuthn unterstanden, damit die paurn nit zue grob handletn» (ibid., S. 87).

по мнению автора «Земского устройства», проведение полного равенства всех людей, равенства социального и политического. Все существующие привилегии, которыми предоставляются преимущества одним перед другими, должны быть упразднены как противоречащие слову божьему и фальсифицирующие право[149]. Воплощением неравенства людей, возвышения одних над другими является, по мнению Гайсмайера, также разделение людей на горожан и сельчан. Поэтому он требует срытия и разрушения всех каменных стен вокруг городов, так же как и всех замков и укреплений. Впредь, говорится в пятом пункте «Земского устройства», вовсе не должно быть городов. Вся страна должна состоять из деревень, чтобы тем самым устранить различия в положении людей, порождающие раздоры, высокомерие и разрушения[150].

Однако в других пунктах «Земского устройства» предусматривается сохранение в Тироле города Бриксена в качестве политического и культурного центра и Триента — в качестве центра экономической деятельности центрального правительства. Избрание Бриксена в качестве местопребывания центрального правительства мотивируется тем, что в этом городе много зданий духовенства и много других удобств для центральных учреждений[151]. Триент же расположен в центре путей, удобен для торговых связей и для размещения правительственных заказов на продукты ремесла[152]. Если превращение городов в деревни, упразднение всех особых вольностей и уничтожение городских стен, всех замков и укреплений требуется в интересах обеспечения полного равенства, то в интересах того же равенства и подчинения всех частных интересов общему началу и общим целям должно существовать общее правительство, располагающее необходимыми материальными средствами для руководства жизнью всей земли Тироля. Оно должно располагать прежде всего политическим центром в этой земле. Оно будет являться единственной апелляционной инстанцией, так как все судебные учреждения в стране должны обладать одинаковыми правами

---

[149] Ibid., S. 131.— «Zum Viertten, sollen alle Freyhaitten abgethann, dann sy wider das wortt Gottes sinnd vnnd das Recht völschen, darynn niemandt fur den andern geuortailt werden soll».

[150] Ibidem.— «Zum funften, sollen alle Rinckmauern an den Stetten, dergleichen alle geschlösser vnnd beuestigung Imm Lannd nidergeprochen werden, vnnd hinfur nimer stätt, sonnder Dörffer, sein, damit vnnderschaid der menschen, Also das Ainer höcher oder pösser weder der Andere sein wölle, werde, daraus dann im gannzen Lanndt zerrugkighait auch hoffart vnnd aufruer ennistеen mag, sondern ain ganntze gleichhaitt im Landt sei».

[151] Ibidem.— «Zum Aindlifften, soll ain Regimendt im Land besetzt werden, darzue Brichsen der gelegennlichist platz wer, aussedem vill pfaffen Hewser vnnd anndere notturft vnnd mitten im Lanndt were...»

[152] Ibid., S. 133.

и не представлять собою иерархию судебных учреждений [153]. В том месте, где будет находиться правительство, должна быть учреждена высшая школа, в которой единственным предметом изучения будет слово божие и священное писание, являющееся единственным источником для понимания сущности божественной справедливости и правопорядка. Трое ученых из этой высшей школы, обладающих глубокими знаниями слова божия и священного писания, должны заседать в правительстве в целях решения всех дел и направления всей деятельности согласно воле бога [154], т. е. в том его понимании, которое указано в первом пункте «Земского устройства».

Правительство Тироля должно составляться из правителей, избираемых во всех частях этой земли, и ряда лиц от горных разработок [155].

Судебные учреждения и округа должны быть равномерно распределены в целях упрощения и удешевления ведения дел. Судьи, присяжные, писари, судебные ораторы и все судебные должностные лица и служащие должны оплачиваться из средств земли Тироля и не принимать никакой платы от заинтересованных сторон [156].

Основная деятельность правительства Тироля, помимо организации пропаганды слова божьего в его истинном понимании, должна, согласно «Земскому устройству» Гайсмайера, охватить: 1) сферу хозяйственной жизни — сельскохозяйственное и ремесленное производство, широкую систему мер по дальнейшему развитию материальной основы производства, прежде всего в области сельского хозяйства; 2) все виды социального обеспечения и в этой связи также дело воспитания; 3) военную оборону Тироля, охрану и содержание дорог, проходов, мостов и водных путей; 4) обеспечение указанных выше сфер деятельности материальными средствами, необходимыми для их организации и руководства ими в духе, указанном в первом пункте «Устройства», и 5) горное дело, занимающее особое место во всей предусмотренной в «Земском устройстве» организации.

[153] Ibid., S. 131.— «Zum neunndten, soll ain yede ganntze gmain, ains yeden gericht, alle nicht vber das anndere Recht aufgezogen werden, sonndern zu Enndt bracht... zum zwölfften, soll die Appelation von stund an fur die Regierung, und himmer gen Meran, dann es ain vncosten vnnd khain nutz...»

[154] Ibidem.— «Zum dreizechennten, sol dem Ortt, da die Regierung des Lannds ist, ain hoche schuel aufgericht werden da man allein das wortt Gottes innen lernen soll, vnnd sollen allbeg drey gelertte Männer von der Hochenschuel, die des Wortts Gottes khundig, vnnd der Göttlichen geschrifft (aus welcher die Gerechtigkheit gottes allain erleutert werden mag) wol erfaren sein in der Regierung sitzen, vnad alle sachen nach dem beuelch gottes, als Cristenlich volkh zugehörntt richten vnnd vertaillen».

[155] Ibid., S. 131, § 11.— «...auch ettlich vom pergkwerch erkhuest werden».

[156] Ibid., S. 131, § 9.— «...sollen die Richter, geschworn, schreiber, Redner vnnd gerichtsleutt, potten, sollen in den Gerichtshänndlen von niemant nicht nemen, sonder vom Lanndt besold werden...»

Превращение городов в деревни, упразднение всех вольностей и всего того, что делает одних привилегированными по сравнению с другими, автор «Земского устройства» считает достаточным для обеспечения фактического равенства при равенстве всех других условий и наличии регулирующей роли правительства. Все работоспособные обрабатывают определенные участки земли и пользуются продуктами своих трудов. В ряде мест «Устройства» говорится о бедных и неработоспособных, которые получают регулярную помощь не только из правительственных доходов и из десятины, но и из организованных для этой цели сборов пожертвований от тех, кто работает [157]. Однако те, кто обрабатывают свои участки, не имеют права ими произвольно распоряжаться. Они подчинены неослабному наблюдению и регулированию со стороны правительства Тироля. «Дело общей пользы не может быть обойдено из-за желания некоторых лиц, преследующих свою частную пользу», говорится в пункте 19 документа. Поэтому на болотисто-мшистых лугах, в долинах и прочих неплодородных местах должны быть развернуты мелиоративные работы, независимо от желания или нежелания отдельных частных лиц. Осушению подлежат все болотистые луга в окрестностях Мерана и Триента. Эти места должны быть использованы для увеличения площадей посевов зерна и приспособлены для содержания крупного и мелкого скота, чтобы Тироль был обеспечен мясом [158]. Во многих местах следует развить культуры оливков и винограда, вводить специальные сорта и применять специальные удобрения. Тироль должен производить вино, как и романские страны (wie im Wälsch Lanndt). Там, где это возможно, следует сеять зерновые в междурядьях виноградников, так как Тироль испытывает недостаток в зерне.

Для производства мелиоративных работ и очищения полей и лугов должны каждый год в определенное время привлекаться все члены общин [159].

В отношении товарного ремесла, продаж и покупок изделий ремесленного производства как произведенных внутри Тироля, так и ввезенных из других земель цель автора «Земского устройства» заключалась в том, чтобы сделать приобретение необходи-

---

[157] Ibid., S. 132, § 17. При этом подчеркивается, что каждый должен в таких случаях пожертвовать «по своим возможностям» (nach seinen vermugen).

[158] Ibid., S. 132, § 19.— «Man soll auch möser und Auen, vnnd andre unfruchtpare ortt im Lanndt fruchtpar machen, vnnd den gemainen nutz, vnb ettlich aignen nutzigen personen willen nit vnndterwegen lassen. Man möcht die möser Meran vnntz gen Triendt, alle auftruckhnen, vnnd merklich vich vnnd khue vnnd schaff darauf haltten, auch vil mer Traid an vil ortten züglen, also das Lanndt mit Fleisch versechen wär...»

[159] Ibid., S. 132, § 20.— «...man soll in yedem Gericht, alle Jar zu gelegener zait, ain gannze gemin in den Velden, vnnd gemeinden robuden, dieselbigen raumen, vnnd guett waid machen; vnnd also das Lanndt fur vnnd fur Pässern».

мых предметов ремесла общедоступным и чтобы нужда населения в таких предметах не создавала основы для деятельности ростовщических дельцов и спекулянтов. Никто в этой земле не должен заниматься купеческим предпринимательством вообще[160]. В интересах обеспечения возможности правильных покупок следует установить одно место в Тироле, лучше всего Триент, удобно расположенный в центре путей, в котором должны быть сосредоточены все ремесла. Правительство земли должно обеспечить производство необходимых товаров: шелковых тканей, латунных изделий, бархата, обуви, беретов и др.[161] Специально поставленным для этой цели должностным лицом все предметы должны быть скалькулированы[162]. Те же предметы, которые не могут изготовляться внутри Тирсля (пряности и другие), следует заказывать за его пределами, а затем продавать по правильным ценам — без прибыли, а только с учетом расходов на их приобретение и доставку — в магазинах, которые (в зависимости от надобности) будут учреждены в разных местах Тироля[163]. Этими мерами будут предотвращены обман и фальсификация. Кроме того, в интересах простого люда деньги будут оставаться в самом Тироле[164]. Организация этого дела возлагается на то же должностное лицо; ему и штату его служащих следует назначить определенную оплату их труда[165].

Как видим, проблема снабжения земли, состоящей из одних деревень, предметами, которые не могут быть произведены в домашнем хозяйстве, составляла важную заботу автора «Земского устройства» наряду с заботой о подъеме сельского хозяйства и расширении сфер его ведения. Как там, так и здесь цель заключалась в гарантии полного равенства, в предотвращении какой-либо возможности к проявлению личного особого интереса, который отвлекал бы человека и мешал ему отдавать все свои силы общему делу в духе основного пункта того реформационного учения, к которому примыкал автор «Земского устройства».

Вполне понятно, почему социальное обеспечение, организованная забота о тех, кто неспособен работать и поддерживать

---

[160] Ibid., S. 132, § 21.— «Es sol im Lanndt niemant Khaufmanschafft treiben, auf das sich mit der Sundt des Wuchers niemant beflekh».

[161] Ibid., S. 133, § 21.— «So soll anfänncklichen ain Ortt im Lanndt furgenommen werden, darzue Triendt der Wolfail halben vnnd in miden weg gelegen, darin man alle Hanndtwerch anrichten vnnd vom Lanndt verlegen solle, Als seyden Tuech, pirett, mössig zeug, Samadt, Schuech, vnnd Anderes zu machen».

[162] Ibidem.— «...vnnd sol ongeär ain Ambtman, der alle Ding verrait, darüber gesetzt werden...»

[163] Ibidem.— «Darauff an ettlichen Ortten, der gelegenhait nach, im Lanndt Läden gehalten, darynn allerlay fail gehapt, vnnd sol auf nicht khain gwin darauff schlagen, sondern Allein der Costung so daruber geet darauf gerechnett...»

[164] Ibidem.— «...vnnd bleibt das geltt im Lanndt, vnnd khäm dem gemainen man zu gar grossen nutz».

[165] Ibidem.— «Diesem Ambtaman vber den Hanndl vnnd seinen Diennern, gäb man ein bestimpte Besoldung».

свое существование, представлялась Гайсмайеру как область, в которой полнее всего могла проявляться бескорыстная деятельность, направленная к общей пользе. Основной объект социального обеспечения — бедные люди. В их пользу должно отдаваться то, что остается от десятины при содержании в приходе одного священника. Но при этом должен соблюдаться строгий порядок, предотвращающий нарушение принципа общей пользы. Нищенство, собирание милостыни по домам не должно допускаться, потому что это поощряет всякий шатающийся беспутный народ, который по существу может работать, к безделью и паразитическому существованию [166]. Для содержания бедных должны быть использованы здания монастырей и Немецкого Ордена. В одних таких зданиях будут устроены госпитали для больных и организовано их лечение всеми возможными лекарствами, а в других — содержаться старики, которые по старости уже не могут работать, и беспризорные дети, которых надо учить и воспитывать. По решению судьи прихода могут быть признаны достойными общественной помощи и отдельные бедные люди, остающиеся жить в своих домах. В тех случаях, когда средства от десятины оказываются недостаточными для содержания священника и учреждений социального обеспечения, организуется сбор пожертвований, и каждый дает свою лепту по своим возможностям. Если же и этого недостаточно, необходимые суммы дополняются «из доходов», которыми распоряжается правительство [167].

К делам общей пользы, которые, по мнению автора «Земского устройства», должны составлять заботу правительства Тироля, относится обеспечение земли полноценной монетой [168] и военное дело. Предусматриваются меры для того, чтобы держать Тироль в состоянии постоянной готовности на случай войны. По всей территории этой земли ее водоемы, проходы, пути сообщения (дороги, мосты) и все другое, что необходимо на случай войны, должны быть в полной исправности и находиться под особым наблюдением четырех капитанов и одного полковника. Однако это военное командование должно сообщать правительству о всех намечаемых им мерах и действовать по его рекомендациям [169].

[166] Ibid., S. 132, § 16.— «...vnnd der übrig zechendt soll Armen Lewtten geben werden, Aber ain solche ordnung soll mit den Armen gehalten werden, es soll niemant von Haus zu haus pettlen gen, damit lotterey, vil unnutz vollkh, das wol arbaiten mag, abkhest werden».

[167] Ibid., S. 132, § 17.— «...vnnd wäre das mangel wer, so sol vom einkhomen völlige erstattung geben werden...»

[168] Ibid., S. 133, § 22.— «Man sol ain guette schwäre müntz... widerumb aufrichten, vnnd die yetzig müntz aus dem Lanndt thuen vnnd vertreiben vnnd verer khain auswendig müntz... sol probieret werden... vnnd wies gegen Lanndtmüntz werdt ist, also sols genumen werden».

[169] Ibid., S. 132, § 18.— «Doch sy sollen alle mängel nach der besichtung vnnd erkhundigung zuvor der Regierung anzaigen, vnnd nach Radt derselben allbeg hanndlen».

Это полностью соответствует общему духу «Земского устройства»: только правительство, стоящее на страже выраженного в первом пункте документа и лежащего в основе всего предусмотренного в нем устройства принципа, только правительство, в котором заседают знатоки «слова божьего» в его нужном понимании, компетентно правильно руководить военной подготовкой, придать ей нужное направление и устранить из этой деятельности все, что внушено какими-либо частными интересами и соображениями.

Среди конкретных мер подготовки к войне указывается на необходимость иметь солидный денежный запас на случай непредвиденного внезапного нападения врага [170].

Много внимания уделяет «Земское устройство» источникам материальных средств, необходимых для обеспечения намеченных им мер. Выше уже было указано, что здания монастырей, жилища духовенства и другие такого рода помещения предусматривается взять под госпитали, дома призрения и другие общественные учреждения. На поддержание судебных органов должны быть отданы имущества изгнанной знати и другое конфискованное имущество [171]. Среди регулярных доходов, поступающих в распоряжение правительства и общин, указывается на десятину, на налоги, на пошлины. Десятина, как указано в документе, идет на содержание в каждом приходе одного священника и на расходы по лечению больных и на другие статьи социального обеспечения. В отношении налогов само население должно на своих совещаниях решить, сразу ли их отменить или же — за исключением установленных божьим законом юбилейных лет — взимать их на общие нужды земли, учитывая, что населению время от времени придется нести расходы по ведению войны [172]. Пошлины «мне представляется полезным всюду внутри страны отменить». На границах же с другими странами следует их взимать не на ввоз, а на вывоз из страны [173]. Этот пункт несомненно, направлен против тех, которые могли бы воспользоваться недостатком в Тироле продуктов продовольствия, особенно в районах горных разработок, скупать их, взвинчивать на них цены и оказывать нажим на всех в интересах частной наживы. Беспошлинный ввоз продуктов в Тироль предотвратит такую возможность. Вывоз же богатств из страны должен ограничиваться при помощи пошлин.

---

[170] Ibid., S. 133, § 23.— «...ain dapfere suma gelts zum foradt machen, ob das Lanndt ein unnersechner Krieg anfiel...»

[171] Ibidem.— «...vnnd der vertriben Edelleitt, oder anndere pan guetter, sol man zu vnderhaltung gerichts Costung halten».

[172] Ibid., S. 131, § 14.

[173] Ibid., S. 131, § 15.— «Der Zöll halben, sech mich dem man nutz sein guett, man thett dieselben im Lanndt allenthalben ab, aber an confinen richtet man sy auf, vnnd hielts also, was im Lanndt gienng das zollet nicht, was aber aus dem Lanndt gieng, das zollet».

Совершенно особое значение в системе предусмотренного Гайсмайером устройства Тироля и в его обосновании занимает горное дело, которому в «Земском устройстве» посвящен особый раздел. Этот раздел начинается с того положения, что все плавильни и все горные разработки, серебряные и медные (со всем, что к ним относится в этой земле), принадлежащие знати, иноземным купеческим компаниям — Фуггерам, Гохштеттерам, Баумгартнерам, Пиммелям и им подобным, должны быть отняты в пользу всей земли [174]. Они, т. е. эти компании, вполне заслужили этого, так как своих прав они добивались незаконным ростовщичеством, выдавая деньги на пролитие человеческой крови и оплачивая труд людей обманным путем — плохими товарами и плохими деньгами, не имеющими настоящей цены. Пряности же и другие товары в результате спекулятивных скупок отпускались рабочим из расчета взвинченных цен [175]. И дальше о том, что порча монет теми, кто имел права чекана, вызывалась высокими ценами на серебро, что в конце концов приводило к ограблению бедных людей и к сокращению заработной платы рабочих. Указывается прямо и подчеркивается вред, который наносится всем монополистической деятельностью торгово-ростовщических компаний. Эти компании «при покупках руды не доплачивают участникам-предпринимателям, а затем, получив в свои руки все товары, взвинчивают на них цены и таким образом отягощают весь мир своим ростовщичеством и создают себе этим путем княжеские богатства, что должно быть по справедливости наказано и в дальнейшем приостановлено» [176].

Затем указывается, как должно быть устроено горное дело Тироля после изгнания господ и отнятия рудников и плавилен у ростовщических компаний. Должен быть назначен один управляющий всеми горными разработками, который ведет переговоры по всем делам и ежегодно производит расчеты. Никому не должно быть разрешено плавить руду. Плавку может производить только управляющий, ведущий это дело и действующий, как представитель всей земли. Он же должен закупать руду по справедливой оценке, а все расчеты с рабочими производить налич-

[174] Ibid., S. 133, § 24.— «Erstlich söllen alle schmölz hütten, tail perkwerch, Arzt, Silber, Kupfer, und was darzue gehört... so dem Adel vnnd Ausländischen khaufflewtten vnnd geselschafften, Als Fuckherisch, Hochsererisch, Paumgarterisch, Pumblisch, vnnd dergleichen zuegehörtt, zu gemain Landshannden einziechen».

[175] Ibidem.— «...denn sy solchs billich verwürckt haben, dann sy haben sollich ir gerechtegkhaitt mit verechtem Wuecher erlanngt, gelt zu vergiessen menschlichs pluets, desgleichen gemainen man vnnd arbeitter mit Betrug vnnd pöser war, an pösem gelt, zwier mer, weders werdt gewesen, seins Lidlons bezaltt, auch das gwurtz vnnd andere war, durch jeren Furkhauff verteuertt...»

[176] Ibidem.— «...so sy mit schmälzherren in Ihren Erzkhauff nicht erstatt. Aber alle khauffmanns, aus dem sy's alle in ihre henndt bracht in einen hocheren khauf gestaigert, vnnd also die gannss Wellt mit jerem vneristenlichen wuecher beschwärtt, vnnd sich dadurch Ir Fürstliche vermügen gericht...»

ными деньгами, а не какими-либо товарами для того, чтобы впредь между населением земли и горняками существовал добрый мир [177].

Таким образом, управляющий, руководящий делом плавки, сдает рудники непосредственным производителям, которых автор «Земского устройства» называет рабочими, производя с ними каждый год расчеты и, очевидно, возобновляя условия сдачи, скупая у них по устанавливаемой справедливой оценке добытую руду. Такой порядок гарантирует, по мнению автора, добрые отношения между населением Тироля, которое будет состоять в подавляющем своем большинстве из крестьян, и горняками, доставляющими стране ее основные ресурсы. Общее централизованное управление всеми делами будет осуществляться на основе служения всех индивидов общей пользе. Таким же образом, говорится дальше, должны быть организованы и солеварни. Хороший порядок обеспечит стране хороший доход от горного дела, благодаря которому правительство этой земли будет обеспечиваться всеми необходимыми средствами. В случае недостатка в средствах правительство должно осуществить общее и равномерное обложение налогом [178]. Поэтому следует приложить все старания и напрячь все силы земли для того, чтобы во многих местах были изысканы и увеличены горные разработки, *чтобы таким образом горное дело могло доставлять этой земле бо́льшую часть дохода, необходимого на ее разнообразные нужды»* (подчеркнуто мною.— *М. С.*) [179].

Этими словами заканчивается «Земское устройство» Гайсмайера. Правильная организация горного дела, т. е. полное устранение торгово-ростовщических компаний вслед за изгнанием всей иерархии феодальных господ, концентрация в руках демократически избранного крестьянами и горняками правительства тирольской земли, распределения рудников между непосредственными производителями, закупки у них руды за полноценные деньги по справедливой оценке и непосредственное ведение плавильно-зейгерного дела правительственным управляющим — все это должно явиться гарантией общественного переустройства, основанного на принципе подчинения всех индивидуальных и частных интересов общей пользе.

---

[177] Ibid., S. 134, § 24.— «...damit hinfuran die Lanndtleut vnnd perkhleutt in guettem Friden bey einander bleiben mugen».

[178] Ibidem.— «...vnnd sol dem Landt ein zimblich einkhumen vom perkhwerch machen... wo aber in solchen dem Lanndt Mangel erschin, vnnd genugsam einkhumen zu versechung des Lannds darynn (nicht) erlangt werden mocht, so muess man Ain stewr, oder Ain zins pfenning auflögen, damit ain gleiche purdt im Lanndt getragen wurdt».

[179] Ibidem.— «...Man sol auch allen Fleiss darzue thuen, vnnd die Costung vom Lanndt daran lögen, damit im Lanndt an mer Ortten perkhwerch erweckht vnnd erbaut werden mügen, dadurch die perkhwerch mag das Lanndt an menigklich beschwairung das maist einkhumen erlangen».

Несомненно прав Иозеф Мацек, когда он характеризует Гайсмайера как деятеля, обладавшего не только военными знаниями и организаторским талантом, но также политическим умом и пониманием роли народной политической организации в осуществлении общественного переустройства на основе нового принципа. Спорным, однако, является определение И. Мацеком того реформационного направления, идеи которого вдохновляли Гайсмайера. «Самым важным идейным импульсом для «Земского устройства» Гайсмайера,— пишет И. Мацек,— явилось реформационное учение Цвингли»[180]. Там же И. Мацек пишет: «Понимание Цвингли значения Евангелия определяет «Земское устройство» и выявляется во взглядах на церковь»[181]. В подтверждение этих своих положений академик Мацек указывает на содержащиеся как в учении Цвингли, так и в «Земском устройстве» Гайсмайера требования упразднения мессы и устранения икон, т. е. то, что было тогда общим для многих радикальных и радикально-бюргерских деятелей и группировок, в том числе и для виттенбергских радикалов, связанных с Карлштадтом и Цвиллингом в 1521—1522 гг. В «Земском устройстве» Гайсмайера эти требования сами по себе не являются главными и не определяют еще реформационного направления его автора, ярко выраженного во вступлении к этому документу, которому И. Мацек, к сожалению, не придает должного значения[182].

И. Мацек видит также влияние Цвингли в республиканизме политического строя, предусмотренного в «Земском устройстве», в общих для Цвингли и Гайсмайера идеях тираноборчества, в требованиях привлечения ученых к управлению, в идеях использования десятины и «во всей концепции социального обеспечения». Однако без анализа лежащих в основе разных проявлений республиканизма и тираноборства разных реформационных принципов эти аналогии, которые могут быть расширены привлечением идей ряда других деятелей, остаются лишь моментами внешнего сходства.

В других местах своей капитальной работы о Крестьянской войне в Тироле и Михаиле Гайсмайере академик Мацек много пишет о связях Гайсмайера с Цвингли, о планах общей борьбы с Габсбургами, о влиянии, оказанном на Гайсмайера практической деятельностью Цвингли[183]. Эти страницы книги И. Мацека содержат много интересных фактов. Нет ничего удивительного в том, что такой реалистический деятель, каким, несомненно, был

---

[180] Josef Macek. Tirolska selská válka a Michal Gaismair, Praha, 1960, str. 433. — «Nejvýznamnější myšlenkový podnet pro Zemské zřízení dalo Gaismairovi Zwingliho reformační dílo».

[181] Ibid., str. 434.— «Zwingliho projetí výsnamu evangelia rámuje Zemské zřízený i poskytuje zásadní přístup k názorum na cirkev».

[182] Ibid., str. 428—429, 437.

[183] Ibid., str. 418, 420.

Гайсмайер, старавшийся объединить все антигабсбургские силы и вступивший для этой цели в тесные связи с Венецианской республикой и Швейцарией, обратил серьезное внимание на столь важный в антигабсбургской борьбе политический и идеологический фактор, как цвинглианство, имевшее тогда весьма широкое распространение в городах Южной и Западной Германии. Несомненно также, что в ряде практических вопросов Гайсмайер испытывал на себе влияние Цвингли и связанного с ним движения. В исследовании академика И. Мацека тщательно изучены все факты, необходимые для понимания революционной деятельности Гайсмайера. Однако вопрос о реформационных принципах, на которых основана социально-политическая программа Гайсмайера, его «Земское устройство», как мне представляется, нельзя решать только на основании данных из области его деловой дипломатической и военной деятельности, протекавшей в своеобразной конкретной и весьма сложной обстановке.

И. Мацек сам пишет, что «важнейшие идеи Земского устройства не только не имеют аналогии в учении Цвингли, но даже находятся в прямом противоречии с ним»[184]. Нельзя согласовать с Цвингли содержащиеся в программе Гайсмайера требования изгнания знати, запрещение торговли и ряд мероприятий, направленных к установлению социального равенства. Однако Мацек не допускает, что корни этих важнейших пунктов программы Гайсмайера следует искать в другом течении реформации кроме цвинглианского. Ни таборитский хилиазм, ни учение Мюнцера, ни движение анабаптистов не оказывали, по мнению И. Мацека, существенного влияния на формирование взглядов Гайсмайера[185]. Вторым источником мировоззрения и программы Гайсмайера были, по его мнению, революционные традиции тирольского народа, требовавшего уже в 1509 г. издания «Земского устройства», а впоследствии стремившегося в меранских статьях 1525 г. дать конкретное воплощение этого требования в виде предложений по осуществлению ряда демократических реформ, имеющих важное значение для антифеодальной борьбы. Мацек признает, что меранские статьи в том виде, как они были опубликованы, представляли собою компромисс между крестьянами и бюргерством, рассчитанный к тому же на принятие их архиепископом и дворянством. Гайсмайер, разделявший вначале иллюзии составителей меранских статей, но убедившийся в ходе событий в их ошибочности, вернулся впоследствии к старому варианту статей, предшествовавшему опубликованному компромиссному тексту. При этом, пишет Мацек, Гайсмайер придал этим статьям более радикальную трактовку и поднял их на революционный уровень, сделав исходным пунктом своей программы по «созданию

[184] Ibid., str. 434 — «Nejduležitější myšlenky Zemského zřízeni nemaji v Zwingliho dile obdoby, ba jsou i v přimem rozporu s nim».
[185] Ibid., str. 435.

бесклассового общества»[186]. Отличаясь ясностью и логичностью формулировок, программа Гайсмайера составлялась не как утопический проект абстрактного характера, а как боевая программа, практически предназначенная для воинов и народа Тироля. Так, Гайсмайер, по мнению И. Мацека, «создал учение необыкновенной силы; он счастливо соединил гениальное предвидение бесклассового общества с умением практически оживить и осуществить эти жизненные идеалы». Мацек заключает, что «Земское устройство» Гайсмайера, являющееся «самым выдающимся революционным программным документом крестьянской войны в Германии», должно быть отнесено «к самым замечательным планам строительства бесклассового общества в период, предшествовавший возникновению научного социализма»[187]. Несколько выше И. Мацек, заключая рассматриваемый им вопрос о корнях этого столь высоко оцененного им учения, пишет: «Наряду с влиянием Ульриха Цвингли здесь выражалась революционная традиция тирольского народа...»[188].

Начнем с этого вопроса о корнях программы Гайсмайера. Нам уже известно мнение самого И. Мацека о том, что важнейшие пункты этой программы находятся в прямом противоречии с учением Цвингли и что в доказательство связи программы Гайсмайера с реформационным учением Цвингли Мацек приводит лишь некоторые общие для всех радикальных течений реформации положения и вместе с тем он пишет о деловых связях, продиктованных обстоятельствами борьбы с общим врагом. В отношении мерапских статей известно, что даже самые радикальные варианты их требований, имевшие несомненно значение в антифеодальной борьбе, не выходят сами по себе из рамок реформ системы поборов и повинностей феодального строя. Таким образом, «учение о бесклассовом обществе» и о «практических путях его осуществления» не может быть сведено к одному из этих двух источников. Оно не может быть сведено по существу, если быть последовательным, ни к одному из существовавших тогда реформационных направлений, поскольку, как пишет И. Мацек, Гайсмайер «был свободен от темных мистических видений», язык его «не связан с библейскими оборотами», а его разум «сбрасывает покров божественных представлений»[189]. Программа Гайсмайера могла, таким образом, исходить только из чисто светского, логически законченного мировоззрения, сложившегося у Гайсмайера

[186] Ibid., str. 436.— «...i plán výstavby beztřídní společnosti...»

[187] Ibid., str. 437.— «Gaismairovo Zemské zřízení je beze sporu nejvýznamnějším revolučním programem německé selské války. Je možno řadit je k nejslavnějším plánům výstavby beztřídní společnosti v období před vznikem vědeckého socialismu».

[188] Ibid., str. 436.

[189] Ibid., str. 437.— «Zvlášť ve srovnání s T. Müntzerem vysvitá, jak byl Gaismair oproštěn od temných mystických vidin jak jeho jazyk není zapleten do biblických obratu, jak se jeho projetí dere z náboženského hávu...»

в ходе событий в Тироле. Понятно в этой связи, почему Н. Мацек уделяет так мало внимания вступительным принципиальным пунктам «Земского устройства», в которых автор высказывается о религиозно-философской основе программы.

Как уже сказано было выше при разборе «Земского устройства», в первых пунктах документа указывается та религиозно-философская концепция, которая является принципиальным обоснованием всего предусмотренного в нем общественного устройства. Провозглашенный принцип о безусловном примате «общей пользы» рассматривается как постулат полного подчинения всего частного и индивидуального принципу всеобщего. Вместе с тем подчеркивается, что этот принцип есть воплощение воли бога, его «вечного слова», тот «христианский закон» (christliche Satzung), который, согласно «священному божьему слову», образует основу всего. Самое главное в этой концепции заключается в том, что идея общего, воплощающего слово божье и божью волю, не навязывается индивидам извне или свыше. Она выявляется в объединении самих индивидов, в полном слиянии их интересов и имуществ, в проникновении всех их действий общей целью, намечаемой на совместных совещаниях и в полном подчинении властям, которые ими самими поставлены и должны отстаивать только общую пользу. Суть этой религиозно-философской концепции заключается в том, что в идее общего и целого, в котором индивиды находят себя и которое образуется самими подчиняющимися ему индивидами, воплощено само понятие божества. Проявление же частных интересов вне целого и общего квалифицируется автором «Земского устройства» как «безбожие». Эта религиозная философия служит, как мы уже видели, обоснованием тех пунктов анализируемого документа, в которых намечено проведение конкретных мероприятий.

Очевидно, что говорить в данном случае, что Гайсмайер «сбрасывает покров божественных представлений», что его ясные и логические формулировки свободны от мистической оболочки, как утверждает академик Мацек, не приходится. Религиозная философия, которой Гайсмайер обосновывает свою программу общественного устройства, примыкает к религиозно-философским взглядам Мюнцера, охарактеризованным Ф. Энгельсом как *пантеизм* в христианской форме, «обнаруживающий замечательное сходство с современными спекулятивными воззрениями и местами соприкасающийся даже с атеизмом»[190]. Мюнцеровской в основном является интерпретация идеи общей пользы, рассматриваемой как закон христианской жизни, отступление от которого квалифицируется как «безбожие»[191]. Считая, что только те, которые действуют в духе общей пользы, выполняют

[190] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 370.

[191] См. М. М. Смирин. Народная Реформация Томаса Мюнцера и Великая Крестьянская война, гл. V.

бесклассового общества»[186]. Отличаясь ясностью и логичностью формулировок, программа Гайсмайера составлялась не как утопический проект абстрактного характера, а как боевая программа, практически предназначенная для воинов и народа Тироля. Так, Гайсмайер, по мнению И. Мацека, «создал учение необыкновенной силы; он счастливо соединял гениальное предвидение бесклассового общества с умением практически оживить и осуществить эти жизненные идеалы». Мацек заключает, что «Земское устройство» Гайсмайера, являющееся «самым выдающимся революционным программным документом крестьянской войны в Германии», должно быть отнесено «к самым замечательным планам строительства бесклассового общества в период, предшествовавший возникновению научного социализма»[187]. Несколько выше И. Мацек, заключая рассматриваемый им вопрос о корнях этого столь высоко оцененного им учения, пишет: «Наряду с влиянием Ульриха Цвингли здесь выражалась революционная традиция тирольского народа...»[188].

Начнем с этого вопроса о корнях программы Гайсмайера. Нам уже известно мнение самого И. Мацека о том, что важнейшие пункты этой программы находятся в прямом противоречии с учением Цвингли и что в доказательство связи программы Гайсмайера с реформационным учением Цвингли Мацек приводит лишь некоторые общие для всех радикальных течений реформации положения и вместе с тем он пишет о деловых связях, продиктованных обстоятельствами борьбы с общим врагом. В отношении меранских статей известно, что даже самые радикальные варианты их требований, имевшие несомненно значение в антифеодальной борьбе, не выходят сами по себе из рамок реформ системы поборов и повинностей феодального строя. Таким образом, «учение о бесклассовом обществе» и о «практических путях его осуществления» не может быть сведено к одному из этих двух источников. Оно не может быть сведено по существу, если быть последовательным, ни к одному из существовавших тогда реформационных направлений, поскольку, как пишет И. Мацек, Гайсмайер «был свободен от темных мистических видений», язык его «не связан с библейскими оборотами», а его разум «сбрасывает покров божественных представлений»[189]. Программа Гайсмайера могла, таким образом, исходить только из чисто светского, логически законченного мировоззрения, сложившегося у Гайсмайера

[186] Ibid., str. 436.— «...i plán výstavby beztřídní společnosti...»

[187] Ibid., str. 437.— «Gaismairovo Zemské zřízeni je beze sporu nejvýznamnějším revolučním programem německé selské války. Je možno řadit je k nejslavnějším plánum výstavby beztřídní společnosti v období před vznikem vědeckého socialismu».

[188] Ibid., str. 436.

[189] Ibid., str. 437.— «Zvlášt ve srovnání s T. Müntzerem vysvitá, jak byl Gaismair oproštěn od temných mystických vidin jak jeho jazyk není zapleten do biblických obratu, jak se jeho projetí dere z náboženského hávu...»

в ходе событий в Тироле. Понятно в этой связи, почему И. Мацек уделяет так мало внимания вступительным принципиальным пунктам «Земского устройства», в которых автор высказывается о религиозно-философской основе программы.

Как уже сказано было выше при разборе «Земского устройства», в первых пунктах документа указывается та религиозно-философская концепция, которая является принципиальным обоснованием всего предусмотренного в нем общественного устройства. Провозглашенный принцип о безусловном примате «общей пользы» рассматривается как постулат полного подчинения всего частного и индивидуального принципу всеобщего. Вместе с тем подчеркивается, что этот принцип есть воплощение воли бога, его «вечного слова», тот «христианский закон» (christliche Satzung), который, согласно «священному божьему слову», образует основу всего. Самое главное в этой концепции заключается в том, что идея общего, воплощающего слово божье и божью волю, не навязывается индивидам извне или свыше. Она выявляется в объединении самих индивидов, в полном слиянии их интересов и имуществ, в проникновении всех их действий общей целью, намечаемой на совместных совещаниях и в полном подчинении властям, которые ими самими поставлены и должны отстаивать только общую пользу. Суть этой религиозно-философской концепции заключается в том, что в идее общего и целого, в котором индивиды находят себя и которое образуется самими подчиняющимися ему индивидами, воплощено само понятие божества. Проявление же частных интересов вне целого и общего квалифицируется автором «Земского устройства» как «безбожие». Эта религиозная философия служит, как мы уже видели, обоснованием тех пунктов анализируемого документа, в которых намечено проведение конкретных мероприятий.

Очевидно, что говорить в данном случае, что Гайсмайер «сбрасывает покров божественных представлений», что его ясные и логические формулировки свободны от мистической оболочки, как утверждает академик Мацек, не приходится. Религиозная философия, которой Гайсмайер обосновывает свою программу общественного устройства, примыкает к религиозно-философским взглядам Мюнцера, охарактеризованным Ф. Энгельсом как *пантеизм* в христианской форме, «обнаруживающий замечательное сходство с современными спекулятивными воззрениями и местами соприкасающийся даже с атеизмом» [190]. Мюнцеровской в основном является интерпретация идеи общей пользы, рассматриваемой как закон христианской жизни, отступление от которого квалифицируется как «безбожие» [191]. Считая, что только те, которые действуют в духе общей пользы, выполняют

[190] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 370.

[191] См. М. М. Смирин. Народная Реформация Томаса Мюнцера и Великая Крестьянская война, гл. V.

бесклассового общества»[186]. Отличаясь ясностью и логичностью формулировок, программа Гайсмайера составлялась не как утопический проект абстрактного характера, а как боевая программа, практически предназначенная для воинов и народа Тироля. Так, Гайсмайер, по мнению И. Мацека, «создал учение необыкновенной силы; он счастливо соединил гениальное предвидение бесклассового общества с умением практически оживить и осуществить эти жизненные идеалы». Мацек заключает, что «Земское устройство» Гайсмайера, являющееся «самым выдающимся революционным программным документом крестьянской войны в Германии», должно быть отнесено «к самым замечательным планам строительства бесклассового общества в период, предшествовавший возникновению научного социализма»[187]. Несколько выше И. Мацек, заключая рассматриваемый им вопрос о корнях этого столь высоко оцененного им учения, пишет: «Наряду с влиянием Ульриха Цвингли здесь выражалась революционная традиция тирольского народа...»[188].

Начнем с этого вопроса о корнях программы Гайсмайера. Нам уже известно мнение самого И. Мацека о том, что важнейшие пункты этой программы находятся в прямом противоречии с учением Цвингли и что в доказательство связи программы Гайсмайера с реформационным учением Цвингли Мацек приводит лишь некоторые общие для всех радикальных течений реформации положения и вместе с тем он пишет о деловых связях, продиктованных обстоятельствами борьбы с общим врагом. В отношении мерапских статей известно, что даже самые радикальные варианты их требований, имевшие несомненно значение в антифеодальной борьбе, не выходят сами по себе из рамок реформ системы поборов и повинностей феодального строя. Таким образом, «учение о бесклассовом обществе» и о «практических путях его осуществления» не может быть сведено к одному из этих двух источников. Оно не может быть сведено по существу, если быть последовательным, ни к одному из существовавших тогда реформационных направлений, поскольку, как пишет И. Мацек, Гайсмайер «был свободен от темных мистических видений», язык его «не связан с библейскими оборотами», а его разум «сбрасывает покров божественных представлений»[189]. Программа Гайсмайера могла, таким образом, исходить только из чисто светского, логически законченного мировоззрения, сложившегося у Гайсмайера

[186] Ibid., str. 436.— «...i plán výstavby beztřídní společnosti...»

[187] Ibid., str. 437.— «Gaismairovo Zemské zřízeni je beze sporu nejvýznamnějším revolučním programem německé selské války. Je možno řadit je k nejslavnějším plánum vystavby beztřídní společnosti v období před vznikem vědeckého socialismu».

[188] Ibid., str. 436.

[189] Ibid., str. 437.— «Zvlášť ve srovnání s T. Müntzerem vysvitá, jak byl Gaismair oproštěn od temných mystických vidin jak jeho jazyk není zapleten do biblických obratu, jak se jeho projetí dere z náboženského hávu...»

в ходе событий в Тироле. Понятно в этой связи, почему И. Мацек уделяет так мало внимания вступительным принципиальным пунктам «Земского устройства», в которых автор высказывается о религиозно-философской основе программы.

Как уже сказано было выше при разборе «Земского устройства», в первых пунктах документа указывается та религиозно-философская концепция, которая является принципиальным обоснованием всего предусмотренного в нем общественного устройства. Провозглашенный принцип о безусловном примате «общей пользы» рассматривается как постулат полного подчинения всего частного и индивидуального принципу всеобщего. Вместе с тем подчеркивается, что этот принцип есть воплощение воли бога, его «вечного слова», тот «христианский закон» (christliche Satzung), который, согласно «священному божьему слову», образует основу всего. Самое главное в этой концепции заключается в том, что идея общего, воплощающего слово божье и божью волю, не навязывается индивидам извне или свыше. Она выявляется в объединении самих индивидов, в полном слиянии их интересов и имуществ, в проникновении всех их действий общей целью, намечаемой на совместных совещаниях и в полном подчинении властям, которые ими самими поставлены и должны отстаивать только общую пользу. Суть этой религиозно-философской концепции заключается в том, что в идее общего и целого, в котором индивиды находят себя и которое образуется самими подчиняющимися ему индивидами, воплощено само понятие божества. Проявление же частных интересов вне целого и общего квалифицируется автором «Земского устройства» как «безбожие». Эта религиозная философия служит, как мы уже видели, обоснованием тех пунктов анализируемого документа, в которых намечено проведение конкретных мероприятий.

Очевидно, что говорить в данном случае, что Гайсмайер «сбрасывает покров божественных представлений», что его ясные и логические формулировки свободны от мистической оболочки, как утверждает академик Мацек, не приходится. Религиозная философия, которой Гайсмайер обосновывает свою программу общественного устройства, примыкает к религиозно-философским взглядам Мюнцера, охарактеризованным Ф. Энгельсом как *пантеизм* в христианской форме, «обнаруживающий замечательное сходство с современными спекулятивными воззрениями и местами соприкасающийся даже с атеизмом» [190]. Мюнцеровской в основном является интерпретация идеи общей пользы, рассматриваемой как закон христианской жизни, отступление от которого квалифицируется как «безбожие» [191]. Считая, что только те, которые действуют в духе общей пользы, выполняют

[190] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 370.

[191] См. М. М. Смирин. Народная Реформация Томаса Мюнцера и Великая Крестьянская война, гл. V.

волю бога, Мюнцер утверждал, что носителями идеи общей пользы являются только трудящиеся пахари и ремесленники; князья же и господа, так же как и «крупные Гансы», эксплуатирующие трудовой народ и сдирающие с него шкуру, должны быть изгнаны из христианского общества, т. е. из общества, живущего по принципу «общей пользы» в указанном им понимании. Законной должна быть признана только та власть, которая исходит от самого народа. Мюнцер ясно выразил эту мысль в известной его проповеди перед князьями и в ряде своих произведений. Его взгляд на формирование политической власти четко выражен в неоднократно повторявшемся его положении, выдвигавшемся им как основной лозунг грядущей реформации. «*Власть должна быть дана простому народу*» (Dye gewalt sol gegeben werden dem gemeinem volck) [192]. Борьба за изгнание тиранов-князей и всех «сдирающих шкуру и мясо с бедного пахаря, ремесленника и всего живого» [193] составляла суть того направления реформации, которое связано с именем Мюнцера. Ссылки на библейские формулы, которые Мюнцер толковал совершенно произвольно, ничего не меняют в сути дела, в том, что формулируя задачи реформации, Мюнцер имел в виду реальные общественные отношения. При этом, как уже показано было автором этих строк в другом месте, Мюнцер оставался чужд всякому догматизму и требовал считаться с реальными интересами трудящегося народа в данный момент. Конечный идеал будущего общества Мюнцер стремился сочетать с текущей борьбой.

Сравнение «Земского устройства» Гайсмайера с основными идеями Мюнцера не оставляет никаких сомнений в общности вдохновлявшего их направления реформации, чуждого по самой сути своей тому направлению, которое связано с именем Цвингли.

В своих 67 основных положениях, подготовленных для первого Цюрихского диспута в 1523 г., Цвингли утверждает, что церковь, образуемая общиной верующих, имеет своим главой только Христа, который в Евангелии сообщает ей волю бога. Отсюда следует ряд положений против внешней пышности церкви, против «человеческих» привнесений и толкований Евангелия, против претензий папы на роль первосвященника, против мессы в ее католическом понимании [194], против духовных орденов, против безбрачия духовенства и ряда других католических догм.

Вопросу о власти Цвингли посвящает особый раздел, состоящий из 10 статей. «Так называемая духовная власть (der geistlich genempt gewalt), не имеет оснований в учении Христа. Светская же власть имеет такое основание. Ей обязаны повиновением все христиане без исключения, «если только она не приказы-

[192] Там же, стр. 263—264 и сл.; там же ссылки на произведения Мюнцера.
[193] Там же, стр. 271—272.
[194] «Huldreich Zwinglis sämtliche Werke». Bd. I. Corpus Reformatorum, vol. 88, Berlin, 1905, S. 458—465, § 1—18.

вает противное богу»[195]. Власти обязаны защищать отягощенных, даже если те сами не заявляют жалоб. Власти имеют право наказывать смертью по закону. Обязанность всех подчиняться носителям власти аргументируется тем, что те, за которых власти отвечают перед богом, сами обязаны им послушанием. Когда же власти действуют неверно, отступая от линии Христа, тогда они могут быть смещены — «mit got»[196]. Эта оговорка может означать «через бога» или буквально: «вместе с богом», т. е. действиями бога и общины. Если сопоставить этот тезис с тем, что известно о деятельности Цвингли или из других его произведений, то вряд ли можно будет допустить, что он представлял самой общине, самим людям смещение властей. Совершенно неясным остается, что́ Цвингли понимал под распоряжениями властей, направленными «против бога» и под их действиями, представляющими собою «отступление от линии Христа». Конечно, эта неясность не исключала для некоторых радикальных цвинглианцев возможности свободного толкования и вложения в формулы учителя также социального смысла. Однако в данном случае главное заключается в том, что гайсмайеровское понимание принципа «общей пользы» как полное подчинение частных интересов общему делу и толкование в этом духе воли бога восходит к совершенно иному реформационному направлению, к совершенно иному пониманию самого божества. Как бы радикально ни толковали цвинглианские реформационные формулы, в основе их лежит понимание бога, Христа и Евангелия как внешней по отношению к людям потусторонней силы. В области светских дел от имени потустороннего божества действует политическая светская власть общины. В отличие от Лютера, видевшего функции светской власти только в установлении и охране внешнего порядка, руководствуясь принципами не божественного, а естественного права[197], Цвингли утверждает, что власти должны править, сообразуясь с волей божества[198]. Однако они отвечают за свои действия по отношению к христианским общинам прямо перед богом, а не перед общинами, которые в принципе остаются пассивным элементом.

Идея об ответственности властей перед народом, который ставит эти власти и в любое время их смещает, потому что народ

---

[195] Ibid., § 36. — «Alles so der geistlich genempt stat im zugehören rechtes, und rechtes schirm halb fürgibt, gehört den weltlichen zu ob sy Christen sin wöllend. 37. Inen sind ouch schuldig alle Christen ghorsam ze sin, niemand außgenummen. 38. so ferr sy nüt gebietend, das wider got ist».

[196] Ibid., § 42. — «So sy aber untrüwlich und usser der schnur Christi faren wurdend, mögend sy mit got entsetzt werden».

[197] «Dr. Martin Luthers Werke». Kritische Gesamtausgabe, Bd. XI. Weimar, 1900, S. 251—253; Bd. XVIII, Weimar, 1908, S. 299 ff.

[198] Corpus Reformatorum, Bd. 88, S. 463, § 39. — «Darumb söllend all ire gesatzt dem göttlichen willen glychförmig sin, also, das sy den beschwärten beschirmend, ob er schon nüt klagte».

является источником самой власти, а интересы народа являются воплощением воли бога, эта идея, восходящая в конечном итоге к пантеистическому пониманию мира как целого, в котором содержатся и находят себя все частности, как всеобъемлющее божество, содержащее в себе все творения[199], эта идея не имеет ничего общего с цвинглианской теологией и ни в какой степени не соприкасается с его реформацией[200]. Эта идея есть то обобщение представлений революционного народа Германии (не только одной из ее земель) о реформации, которое впервые выражено было Мюнцером и которое охарактеризовано было Ф. Энгельсом как гениальное предвосхищение далекого для того времени будущего. Эта идея и это направление реформации лежат и в основе «Земского устройства» Гайсмайера. Во вступительной части документа и во многих его пунктах подчеркивается связь предусматриваемого мероприятия или учреждения со сформулированной во вступительных пунктах основой общественного устройства.

Значение упомянутого исследования академика И. Мацека заключается в том, что в нем — наряду с обстоятельной характеристикой положения в Тироле и анализа своеобразного хода и этапов Крестьянской войны в этой земле — показана многосторонняя деятельность Михаила Гайсмайера, его живой практический интерес ко всем политическим и реформационно-идеологическим факторам его времени, которые он стремился учитывать и использовать в своей военной и дипломатической деятельности. Среди этих факторов немало места принадлежало Венеции, Швейцарии и Цюрихской реформации. В этом сказались практический склад ума Гайсмайера, его организаторский талант, его интерес не только к пропаганде принципов реформации, но и к конкретным формам и условиям их реализации. Вместе с тем необходимо признать, что книга И. Мацека не дает оснований к пересмотру ни общей энгельсовской концепции Великой Крестьянской войны и роли Томаса Мюнцера, ни взгляда Ф. Энгельса на вопрос о том реформационном направлении, которое вдох-

[199] См. М. М. Смирин. Указ. соч., стр. 84—86, см. там же прим. 58—59.

[200] И. Мацек утверждает, что на понимание государственного устройства Гайсмайером оказал влияние цвинглианский республиканизм и рекомендации Цвингли привлекать «мудрых» (ученых) людей к участию в управлении (J. Macek. Op. cit., S. 434.— «Podobne lze hledat stopy vlivu zwingliho v Gaismairově pojetí státu jako republiky a v požadavku účasti mudrců ve vládě»). Но цвинглианскому республиканизму чужда была идея ответственности властей перед народом, так же как и взгляд на народ как на источник власти. Наоборот, Цвингли аргументировал необходимость покорности властям тем, что власти отвечают за народ перед богом (Corpus Reformatirum, 88, S. 463, § 41). Что касается рекомендации Гайсмайером привлекать трех ученых из высшей школы к участию в совещаниях с правительством, то в этом пункте «Земского устройства» речь идет не о «правлении ученых», а о привлечении лиц, знающих «Священное писание» и умеющих интерпретировать его тексты в духе высказанного во вступительном пункте принципа.

новляло Гайсмайера в его деятельности и в его социально-политической программе.

Ф. Энгельс, конечно, знал «Земское устройство» Гайсмайера, основные пункты которого изложены В. Циммерманом[201]. Однако он не видел принципиального различия между страстно сформулированными общими принципами народного понимания реформации, выраженными Мюнцером, и составленным Гайсмайером для конкретной обстановки Тироля программным документом, основанным на народно-реформационных принципах. Ф. Энгельс прямо называет Гайсмайера «одним из последователей Мюнцера»[202], усматривая в его четко сформулированных программных пунктах указания на возможность конкретного применения в условиях Тироля мюнцеровских принципов передачи власти простому народу, изгнания его врагов и угнетателей и переустройства жизни общества на основе «общей пользы» в интерпретации, вытекающей из сформулированного Мюнцером народно-реформационного направления. Не касаясь вопроса о возможности доказать наличие каких-либо личных связей между Мюнцером и Гайсмайером, Ф. Энгельс начинает свое изложение событий в Тироле с того, что в этой земле «реформационные учения также нашли себе большое число сторонников: здесь эмиссары Мюнцера развили даже еще более успешную деятельность, чем в остальных альпийских землях Австрии».

Отличие Гайсмайера от Мюнцера выражалось не в основных программных пунктах, не в принципиальных основах реформационного направления, которое являлось для каждого из них исходным пунктом, а в представлениях об условиях и обстоятельствах достижения общей цели. В годы подъема общественного движения и нарастания революционной борьбы народных масс Мюнцер проповедывал установление «царства божьего» на земле для всех народов в результате социально-политического переворота. Решающей силой грядущего переворота Мюнцер считал революционную энергию трудящихся — «пахарей и ремесленников», их волю и веру в то, что, переустраивая мир, они творят дело бога. Острие своей пропаганды Мюнцер направлял на то, чтобы убедить широкие массы народа в справедливости их борьбы, являющейся борьбой за возвещенное «царство божие» на земле. Мюнцер, увлеченный представлявшейся ему картиной общего революционного восстания народных масс, видел главную задачу не в разработке конкретных форм будущего строя, не в составлении того или иного утопического проекта, а в разъяснении народным низам целей их борьбы, в поднятии уровня их сознания и понимания тождественности их интересов с грядущим переворотом. В этом отношении Мюнцер мыслил

[201] W. Zimmermann. Der grosse Deutsche Bauernkrieg. Berlin, 1953, S. 761—762.

[202] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 429.

реалистически, указывая, что после изгнания князей и господ все отнятые у них земли и богатства должны быть отданы народным массам и на первых порах распределены между ними, не предрешая вопроса о формах их использования в дальнейшем и управления ими в различных конкретных условиях [203]. Действовавший в период бурного подъема и нарастания революционной борьбы, Мюнцер не ставил перед собою вопросов об объективных препятствиях и конкретных обстоятельствах, с которыми необходимо будет считаться в будущем. Все должно было решаться волей и сознанием революционных народных масс.

Гайсмайер отличался от Мюнцера не только своими незаурядными военными знаниями, своим организаторским талантом и практическим складом ума, т. е. не только своими личными качествами, но главным образом тем, что он действовал уже на другом этапе событий и при иных обстоятельствах. Вторая половина 1525 и 1526 г., время боевых действий тирольских крестьян под руководством Гайсмайера и составления «Земского устройства», было временем, когда в основных районах Великой Крестьянской войны XVI в. восстание уже было подавлено. Территория, на которой происходил последний акт Крестьянской войны, была ограниченной и изолированной от других районов, в которых уже свирепствовали кровавые репрессии торжествовавшей свою победу реакции. Совершенно очевидно, что в таких условиях для дальнейшего развития волюнтаристического подхода Мюнцера не могло быть места. Вопросы об объективных препятствиях и о мерах к их преодолению и предотвращению не могли не выступить на первый план. Вопрос мог быть поставлен тогда только в плане концентрации всех усилий и использования всех возможностей — военных, дипломатических и организационных — для того, чтобы одержать победу над Габсбургами, феодалами и Фуггерами в Тироле и осуществить там общественное переустройство в условиях враждебного окружения, в условиях постоянной настороженности и ожидания нападения врагов, о чем немало говорят сами пункты «Земского устройства».

Указанными обстоятельствами — различиями в ситуации и в местных условиях — объясняется то, что Мюнцер и Гайсмайер, в одинаковой степени придававшие первостепенное значение объединенным действиям восставших крестьян и горнорабочих, несколько по-иному, точнее, с разных сторон, подходили к этому вопросу. Начиная с 1521 г., Мюнцер внимательно следил за подъемом оппозиционного и революционного движения в рудногорных районах Саксонии и Чехии, а затем в Тюрингии, придавая особое значение политическому характеру этого движения, направленного против князей и затрагивающего важнейшую основу их могущества. Усилия Мюнцера, а затем и его сторонников

[203] См. М. М. Смирин. Указ. соч., стр. 266—269 и примечания на этих страницах.

в Саксонии по консолидации революционных действий горняков разных земель и установления их контакта с восставшим крестьянством уже показаны выше. Гайсмайер же выступил на политическую арену в качестве предводителя тирольских крестьян тогда, когда уже не только подавлено было Великое Крестьянское восстание во всех других землях, но и успокоено движение горнорабочих в самом Тироле. Это обстоятельство, а также уроки выступлений горнорабочих в революционные 1524—1525 гг. в Саксонии, Чехии, Тюрингии и особенно в землях Фуггеровской монополии — в Венгрии и Тироле — должны были убедить в том, что если рудники и плавильни во многих землях имеют решающее значение для судьбы княжеских тронов и социально-политического строя, то князья и все действующие от их имени и опирающиеся на регальные права и привилегии, готовые применять в крайнем случае кровавые репрессии, стремятся вместе с тем использовать все возможности для успокоения горнорабочих путем удовлетворения их некоторых конкретных требований и их отрыва от масс революционного крестьянства. Поэтому Гайсмайер, обладавший несомненно политическим кругозором и способностью ориентироваться в обстановке, считал на данном этапе недостаточным просто призывать горняков к совместным действиям с крестьянами и изгнанию князей и видел очередную задачу в том, чтобы показать, что оставление горных и плавильных предприятий в руках тех, которые передают их монополистическим компаниям, подрывает основы существования всех трудовых слоев населения. Мы уже видели, с какой подробностью излагаются в «Земском устройстве» все виды вымогательства, ростовщичества и спекуляции, которые составляют систему деятельности компаний, ведущую к накоплению ими «княжеских состояний». Кроме того, Гайсмайер указал новую систему централизованного народного управления горными предприятиями и горным делом вообще, необходимую для обеспечения возможности нормального функционирования предприятий и полноценную оплату каждому горняку добытой им руды наличными деньгами. Наконец, указывается, что большие доходы от увеличенного и расширенного горного дела дадут возможность правительству Тироля освободить население от основной тяжести налогов, которые в результате этого будут сводиться к минимуму.

Гайсмайер, как и Мюнцер, добивался объединенных действий крестьян и горняков в деле переустройства общества на основе принципа «общей пользы» в его народно-реформационном понимании. В конкретной программе Гайсмайер стремился показать, что в Тироле горное дело, освобожденное от феодально-княжеских регалий и от основанного на этих регалиях засилья монополистических компаний, станет основой благополучия не только для горняков, но и для всего общества: оно сделается источником средств для расширения и общего подъема сельского хозяйства,

для широких мероприятий по социальному обеспечению и для обороны от сил окружающего феодального мира. То решающее значение, которое в аргументации Гайсмайера придается горному делу, представляется дальнейшим раскрытием тактики Мюнцера и его сторонников в Саксонско-Чешском Эрцгебирге и в Тюрингии. Новый практический подход Гайсмайера, его программная разработка вопроса объясняется не только указанной выше обстановкой последнего акта Крестьянской войны, но и особенностью Тироля, где значение горных богатств для политики Габсбургов уже выявилось, где горные предприятия стали уже концентрироваться в руках Фуггеров, что вызывало широкое движение недовольства в разных связанных с горным делом слоях общества.

К тому времени в другом районе Фуггеровской монополии — в венгерской Словакии—решающее значение горного дела и борьбы горняков для самой судьбы государства уже получило на деле яркое выражение. Там результатами борьбы могли воспользоваться лишь те или иные верхушечные группировки господствующего класса, которые действовали на арене событий [204]. В Тироле же предводитель восставшего крестьянства стремился показать, что в руках революционного народа сконцентрированное горное дело может сделаться важнейшим орудием свержения феодального строя и основой установления нового общественного порядка.

В тирольской программе Гайсмайера получили конкретное выражение сформулированные мюнцеровской партией общие положения о роли движения горняков в грядущем социально-политическом перевороте, но при этом учтены были изменившиеся условия и весь опыт движений горняков в разных горнорудных районах Центральной Европы. Изучение этого опыта и связанных с ним программных требований наиболее выдающихся предводителей народных масс показывает, что выдвигавшиеся этими народными вождями планы объединенных действий горняков и восставших крестьян представляли собою самый последовательный путь революционного устранения феодальных препятствий в интересах установления новых, более прогрессивных производственных отношений.

[204] См. «Средние века», вып. 29. М., 1966, стр. 114—117.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассматриваемый в данной работе материал, относящийся к положению важнейшей отрасли промышленности, в которой складывались формы капиталистического производства, показывает разные аспекты проблемы характера и судьбы раннекапиталистических элементов в специфических условиях Германии. Период экономического подъема с 70-х годов XV в. был в то же время в Германии периодом наступления феодальной реакции, периодом усиления территориальных княжеств и общего укрепления княжеского феодализма. В этих условиях все моменты экономического подъема: начинавшие тогда складываться экономические связи между разными частями страны, завоевание горной промышленностью Германии господствующего положения на международных ярмарках, устраивавшихся на ее территории, и на мировых рынках Италии и Нидерландов, складывание в ряде отраслей промышленности форм капиталистического производства — все эти и некоторые другие моменты неизбежно становились предметом острой борьбы между князьями и выступавшими на арену носителями новых экономических тенденций. Обстановка княжеского суверенитета и отсутствия центрального государственного авторитета благоприятствовала стремлениям и попыткам князей подчинить все элементы экономического подъема своим интересам, в том числе и само капиталистическое предпринимательство. Выражением этих стремлений и попыток были разные формы княжеской экономической политики. Сюда относятся формы контролируемого капиталовложения и «дирекционный принцип» саксонских герцогов, габсбургская политика получения займов, обеспеченных продукцией капиталистических товариществ, установление связи с Фуггерами и другими торгово-ростовщическими фирмами и наделение их регальными привилегиями. Наиболее же яркое выражение приняла эта политика в Мансфельдском графстве, где сами графы, прежде всего граф Альбрехт, устранив капиталистических хюттенмейстеров и экспроприировав их предприятия, сами выступали основателями крупных горнопромышленных медеплавильных компаний и диктовали свои условия основателям других предприятий.

Во второй половине XVI в. линия, отстаивавшаяся князьями и связанными с ними группировками, одержала верх. Вслед за этим в германских землях горная промышленность еще до массового ввоза в страну благородных металлов из Нового Света вступила в полосу упадка, характерную в то время не только для данной отрасли экономики Германии. Вопрос о роли наступившей тогда политической и общественной реакции в экономических судьбах страны требует специального рассмотрения. Но важно выяснить характер отношений в период экономического подъема последних десятилетий XV и первой половины XVI в. Материал, рассматриваемый в данной работе, показывает, что княжеская экономическая политика, лишенная национально-государственных перспектив и препятствовавшая успешному свободному развитию зарождавшегося капиталистического производства, встречала сопротивление и вызывала многообразную борьбу со стороны разных категорий раннекапиталистических элементов в стране. Из данного материала следует также, что эта борьба была направлена прежде всего против специфически германских условий, на которых политика князей основывалась, т. е. против княжеского суверенитета. Даже те капиталистические элементы, которые стремились к сближению с княжеским предпринимательством, добивались от князей той политики государственного покровительства, в которой ранний капитализм нуждался. Ярким примером в этом отношении является Кристоф Фюрер и его проекты меркантилистических мероприятий.

Автор стремился выяснить, какое важное место в княжеской политике горнопромышленного предпринимательства занимал рабочий вопрос. Непременным пунктом этой политики была усиленная эксплуатация рабочей силы в значительно большей степени, чем это допускалось рационально-капиталистическими интересами дела. Борьба горнорабочих должна была занять в этих условиях важное место в происходившем в стране антикняжеском движении. Но судьба всего антикняжеского движения зависела тогда от судьбы его главной движущей силы, от гигантской борьбы крестьян. Наиболее выдающиеся предводители революционной борьбы народных масс — Томас Мюнцер и Михаил Гайсмайер — каждый по-своему, особыми методами, диктовавшимися характером и масштабом деятельности каждого, а также особенностями этапа борьбы, на котором каждый из них действовал, стремился к объединению революционных усилий горнорабочих и крестьян, считая, что такое объединение необходимо в интересах решительного и полного социального и политического переворота. Рассматриваемая в последней главе данной работы борьба горнорабочих и связанные с нею планы Мюнцера и Гайсмайера знаменовали собою выступление тех сил немецкого народа, которые в критический момент его истории увидели наиболее прогрессивный путь его национального развития.

Айхгорн, член мейтингской компании 141, 142
Агрикола Георгий 61—63, 78, 92, 344
Аккерман Вольфганг 329
Альбертины 329—331, 336
Альберт Каспар 30
Альбин Петер 60
Альбрехт, герцог саксонский 52, 72
Альбрехт, граф мансфельдский 13, 177, 216, 229, 242—251, 253, 254, 256—268, 271, 272, 277, 281—284, 286, 287, 290, 293, 294, 298, 299, 303—305, 401
Альбрехт, триентский епископ 122
Амандус Георг 330—337
Андорфер Себастьян 143, 179
Андорферы 190

Баумгартнер (Паумгартнер) Ганс 132, 134, 143, 370
Баумгартнер (Паумгартнер) Мартин 190
Баумгартнеры (Паумгартнеры) 10, 136, 163, 168, 173, 174, 178, 179, 182, 183, 211, 388
Безенштедт 231
Бёме Никель 68
Бёмер 345
Бербисдорф, Георг, фон 343
Бергеры 211
Бланкенберги 268
Боги Вальтер 68
Бето, граф штольбергский 243, 249
Бром 302
Брюкнер Ганс 268
Буде Кунц, фон 114, 115
Бурглехнер Матиас 195, 197, 198
Бухнер Мориц 301

Вейденбах Балтазар, фон 342
Вейсенфельз 300
Вельзер Яков, старший 12, 13, 220, 244, 246—255, 259, 271, 272, 278, 280—285, 295, 296
Вельзеры 12, 15
Вернер Теодор Густав 8, 15, 16, 67, 68, 119
Вертер 231
Вильгельм II, германский император 220
Вильгельм, герцог саксонский 20, 33, 34, 46, 48, 51, 240
Волькенштейн Шольт 242, 299
Вольфскрон Макс 123, 130, 132, 135, 137, 138, 141, 192—194, 196, 198, 203, 210
Ворме Стефан 125, 126, 137, 138, 154

Габсбурги 6, 138, 143, 163, 169, 171, 172, 188, 189, 199, 213, 374, 377, 378, 390, 398
Гайсмайер Михаил 378—383, 386, 388—394, 396—400, 402
Ганс-Альбрехт, граф мансфельдский 299
Ганс-Георг, граф мансфельдский 266—268, 292, 293, 296—299
Гартнер Ганс 242
Гартнер Генрих 242
Гауденгентурм Макс Иссер, фон 137, 141, 143, 144, 194, 195, 206
Гебхард, граф мансфельдский 217, 229, 243, 262, 265, 267, 296, 301
Гейдельберг Яков 268
Георг, герцог баварский 169
Георг, герцог саксонский 117, 262, 329—343, 349, 350, 355, 358, 359, 364, 365, 369, 370, 372
Гервартны 10, 163, 178, 197
Герман (мюнцмейстер) 140
Гертрих Ганс 25—28, 30
Гесс Филипман 330, 332
Гефтель 353, 354, 357, 360, 362
Гешеф Освальд 176
Гольдшмит 141
Госсемброты 163, 178
Гохштеттер 388
Гохштеттеры 187, 188
Градты 204
Гус Вацлав 345, 347

Гшоф Осбольт, член мейтингской компании 141
Гю Отто 314—316, 351, 366
Гюнтер, граф мансфельдский 229, 241, 243

Дитрих Рихард 8—10, 15—17, 119, 221—224, 302, 303
Дракслорф Вейдт, фон 244, 245
Драхштедт Филипп 219, 230, 231, 233, 242, 243, 296
Дрейлинги 136, 197, 199, 204, 205, 207, 210

Жофнер 149, 163, 164

Зейдель Томас 355—357, 362, 363, 372
Земмлер 231, 233
Зибер Зигфрид 16, 316—318, 351
Зигвейн Ганс 143, 145, 155, 156, 162, 164
Зигвейны 145, 179
Зихлинг Иерг 133
Зомбарт В. 9

Иенисий 328
Иерг из Штоккаха 156
Изерегер 170
Ильзинги 211
Иоганн, герцог саксонский 108, 113, 116, 117, 329—331, 335, 340, 342
Иоганн младший, сын Георга, герцога саксонского 340, 343, 349, 368—370
Иоганн Фридрих, курфюрст саксонский 252, 261, 264—286, 309
Иохели 132
Ипхофен Кунц, фон 113, 114

Камерарий Иоахим 348
Канплер 343
Карл V Габсбург, германский император 189, 191, 192, 273, 276, 348
Карл IV, германский император 217
Катцбеки 204
Кауфман Ганс 141, 142, 179
Кёлер (Köhler) Иоганн 16, 17, 39, 44, 318
Кёнериц 344
Кениг Готхард 245
Кирн 345
Кирхмайер Георг 374, 377, 379
Клюге Вольф 352, 353, 355, 356
Клюге Никель 29, 30
Кнаус Эвальд 244, 245
Колар 196
Колб Бартель 361
Колер Ганс 178
Команн Гессен 241
Корснер Иорг 53
Коспот Антоний, фон 338—343, 349, 352, 355, 358, 361
Котерич Бастиан, фон 370, 371
Крамер 309
Крауз, священник 332, 337
Краувеллы 8, 23—26, 29, 32, 34, 36, 38, 74
Краувелл Валентин 22—24
Краувелл Яков 22—24, 29
Куфнер Бенедикт 140
Кухенмейстер 149

Лангенау 204
Лангены 197
Лассер Вольфганг из Зальцбурга 197, 198
Лев, член мейтингской компании 141, 142
Лейсник, фон 365
Ленин В. И. 255
Лесников М. П. 4
Летчер Иоганн 242, 299
Лёшер Герман 311—313, 328
Линденау 309
Лихтенштейн Пауль 143, 181
Лоттер Иероним 288, 301
Лютер Ганс, отец реформатора 219, 230, 232, 305, 307
Лютер Мартин 199, 231, 244, 266, 267, 329, 333, 334, 345, 346, 348
Лютер Яков, брат реформатора 307

Магдебургский архиепископ 261
Макенродт Андрес 231, 270
Максимилиан I Габсбург, германский император (он же граф тирольский) 10, 130, 131, 166, 171—175, 177—180, 182—185, 188, 189, 192
Манлихи 136, 197, 210, 211, 309
Маркс Карл 225, 275, 276
Матезиус, проповедник 343, 348
Мацек Иозеф 380, 390—393, 396, 397
Мейнер Николай 327
Мейнер Томас 336
Мейнхардт Клаус 232
Мейнхардт Кристоф 232, 245, 246
Мейтинг Людвиг 141
Мейтинги 140, 141
Меланхтон 347, 348
Мелленберг Вальтер 214, 216, 218—220, 229, 247, 253, 289, 302
Мельхиор 181
Мельцер Христиан 60, 326, 327, 328, 337
Метцгер Вольфганг 346
Микониус 333
Миллоу Иерг, фон 141
Могг Ганс 143
Молтль 143

Моитл Кристиан 140
Мориц, граф саксонский 298
Моттек Ганс 278
Мюкк Вальтер 214, 216—218, 220, 229, 230, 268, 269
Мюллауэр Иерг 144
Мюллауэр Яков 144
Мюллер Каспар 284
Мюнцер Ганс 34—36, 53, 54, 57
Мюнцер Томас 222, 317, 333—335, 337, 345—348, 350, 351, 363, 364, 372, 373, 378, 391, 394, 396—399, 402

Нейсессер Георг 67
Ниавис (Шнефогель) Пауль 63, 64
Никели 301

Оберлехнер Вольфганг 134
Орлемунде Георг 232

Патерна Эрих 224, 226—229, 235
Пальтрам Никлас 130
Пельниц 11, 176, 178
Перенштек Линхарт 156
Перль 141, 142, 164
Петер Лоренц 356, 357, 372
Петтерлейн Иокуф 361
Пиммели 388
Пехах Вольфганг, фон 141
Планитц Рудольф, фон 326
Полнер 231
Покк, член мейтингской компании 141, 142
Пухнеры 265
Пфалер Георг 244, 245, 249, 286
Пфаркирхнер Линхард 133, 134
Пфинцигены 289, 292, 298, 299, 301
Пфлуг Ганс 318
Пфлуги 320, 322—324

Рамплмайер Иеремия 208
Распе Иоганн 72, 73
Раушер Ульрих 286, 302, 309
Региус Урбан 376, 377
Рейльфы 204
Рейнике 288, 289, 298
Рейслендер Эразм 204, 205, 207
Рейфенштейн 249, 288, 289, 299
Рейш 210
Реллинги 16
Ремер Мертен 8, 53, 73, 74, 77
Ринтгемауль Герман 141, 142, 156
Розенберги 211
Росс Антони, фон 141, 164
Рюлниг 361

Сигизмунд, герцог (граф тирольский) 121, 124, 130—132, 139, 140, 141, 147, 149, 151, 153, 154, 158, 160, 162, 164—166, 169, 171, 177, 373
Спертес Иозеф 120—123, 376

Тацит 61
Темпельфельд 130
Техвиц Никель 249
Тешнер Никель 30
Тиксон 352
Тиль Ринк 232
Тракель 141
Турцо 11, 176, 183
Турцо Ганс 176
Тухер, Андреас 246
Тэнтцли (Ганс, Кристиан, Штоф, Яков) 132, 140—144, 156, 162, 164, 168, 179, 379
Тюн Фридрих, фон 244, 245

Ульц 141
Унгехант, член мейтингской компании 141, 142

Фельз Линхардт, фон 379
Фердинанд, эрцгерцог 189, 376, 378, 379
Фердинанд II, эрцгерцог 204, 378
Фехлин 171
Филипп, граф мансфельдский 252, 262, 266, 268, 287, 291—293, 297, 298
Фирмани (Иерг, Никлас) 143, 207, 379
Фольрад, граф мансфельдский 241
Франк, член мейтингской компании 141
Фрей, член мейтингской компании 141, 141
Фрейберг 16, 17, 35
Фридрих, герцог тирольский 108, 112, 123—125, 129—131, 145, 147, 155
Фридрих, курфюрст саксонский 33, 34, 322, 329—331, 335
Фридрих I, германский император 122
Фридрих III, германский император 141
Фридрих, триентский епископ 122
Фуггер Антон 67
Фуггер Ганс 144
Фуггер Кристоф 144
Фуггер Яков 142, 144, 163, 164, 168, 177, 178, 184—187, 190, 191
Фуггеры 9—12, 15, 121, 134, 136—138, 141, 143, 163—167, 169—176, 178—193, 197, 199, 200, 203, 205—207, 209—213, 221, 223
Фюгеры (Ганс, Сигизмунд) 132, 143, 144, 156, 162, 164, 179, 204
Фюрер (Кристоф, Сигизмунд) 13, 220, 242, 243, 252, 268, 270, 271—279, 281—286, 299, 301, 402

Хагк Герхарт 241
Хагк Штина 241
Хакер Грегер 356, 357, 361
Хальбах Сигизмунд, фон 109
Хальбиг 289
Хартман 179
Хаугены 197
Хаугги 204
Хаузман 329
Хельбиг Герберт 216
Хельцл 287
Хенсель Георг 231
Херольт Ганс 230
Херольт Курт 232
Хильдебрандт 230
Хогебиль Петер 54
Хойер, граф мансфельдский 229, 230, 243, 252, 257—260, 262, 291, 296
Хольцбок из Яхимова 355
Хоппе Освальд 60, 67—69, 77, 313, 314, 317
Хори Андрэ 132
Хофер Виргилий 143, 179
Хугелькен Генрих 241, 252
Хундесхаут 343

Цвингли Ульрих 335, 336, 390—392, 394, 395
Циммерман В. 317, 397
Цинер Андрес 354, 357, 360, 362, 372
Циха Адольф 9

Шайбел Иоганн 69
Швайгер Франц 144, 375—377, 379
Шварц Клаус 16
Шейерман Людвиг 11
Шенберг Генрих, фон 327
Шенбергер Иероним 208
Шенбург Вольф, фон 249
Шерер Вольфганг 133, 134
Шерль 251
Шерли (Гейнц, Генрих, Иерг, Кристоф) 12, 67, 220, 244, 245, 249, 282, 287—289, 292, 295, 296, 299—301, 307, 308
Шетцы 294
Шифердеккер 141
Шлахенхауф 230
Шлейниц Генрих, фон 369, 370
Шликк 67
Шликк Стефан 344, 350—352, 365, 368
Шликки 318, 320, 322—324, 344, 353, 357, 360—362, 367, 369—371
Шлиссельфельдер Вильгельм 242
Шлоссер 141
Шлоссер (Ганс Герман, Клаус) 141, 179
Шлюссельфельдер 299
Шмоллер Густав 58, 63, 84, 310, 311, 313, 317
Шмидт Пауль 113
Шнитцер Абрахам 206
Шонбург Эрнст, фон 355, 372
Шопс Освальд 356, 357
Шпаур Якоб, фон 132
Шротер Ганс 156
Шротер Франк 141, 142
Шталь Ганс 249
Штаршедель Генрих 73, 77
Штегеникель 45
Штейппергер Бернгардт 132
Штекли (Ганс, Иерг) 132, 141, 142, 162, 179, 190, 191, 194, 195, 204, 379
Штериберг Каспар 368
Шторх 348
Штрауб 296
Штраубы 265, 299, 301
Штраус Яков, проповедник 375
Штридер Я. 8, 9, 15, 68, 221, 318—323, 325, 339
Штунц Мельхиор из Аусбурга 133, 184
Штюбнер Марк 347, 348
Шуман Пауль 356, 357, 361

Эггер Иозеф 374
Эгран (Вильденауэр Иоганн) 345—348
Эклцайн Леонард 123, 124
Эпгельс Фридрих 379, 393, 396, 397
Эренберг 141
Эпенфельдер Ганс 110
Эразм Роттердамский 346
Эрмпш 84, 86
Эрнст, граф мансфельдский 72—74, 229, 243, 257—260
Эрнестины 329, 332, 336
Эттенгардт 198

Янзен 11, 169, 170, 172

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3

Глава первая. Проблема капиталовложений в серебрянорудные разработки Фрейбергского района в 40—80-х годах XV в. 15

Глава вторая. Развитие социальных противоречий в серебрянорудной промышленности Саксонии в конце XV и в начале XVI в. . . . 59

Глава третья. Организация горного дела и характер социальных отношений на основных горных промыслах австрийского Тироля в XV—XVI вв. 120

Глава четвертая. Элементы раннего капитализма в мансфельдской меднорудной промышленности в XV—XVI вв. 214

Глава пятая. Социальная борьба в важнейших горнорудных районах в XV—XVI вв. 310

Заключение 401

Указатель имен . 403

Моисей Менделевич Смирин

К истории раннего капитализма в германских землях (XV—XVI вв.)

Утверждено к печати
Институтом истории
Академии наук СССР

Редактор *А. Г. Крапенкова*
Художник *Г. Е. Левченко*
Технический редактор *Н. Ф. Егорова*

Сдано в набор 30/VIII 1968 г.
Подписано к печати 31/XII 1968 г.
Формат 60×90¹/₁₆. Бумага № 2. Усл. печ. л. 25,5.
Уч.-изд. л. 27,6. Тираж 1 200 экз. Т-18735. Тип. зак. 5334.
Цена 1 р. 84 коп.

Издательство «Наука».
Москва, К-62. Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука».
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10